

**АБДУЛЛА
ОДЖАЛАН**

**Манифест демократического
общества**

**КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА
И РЕШЕНИЕ МОДЕЛИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
НАЦИИ**

Том

5

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Абдулла Оджалан

МАНИФЕСТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Книга пятая

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА
И РЕШЕНИЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
НАЦИИ

*Защита курдов, находящихся в тисках
культурного геноцида*

Москва
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

О-40

Подписано в печать 26.11.2015.

Гарнитура «Ньютон». Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Печ. л. 26.

Тираж 3000 экз.

Оджалан, Абдулла.

О-40 Манифест демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации: Защита курдов, находящихся в тисках культурного геноцида / Абдулла Оджалан. — М.: Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ, 2016. — 832 с.

ISBN 978-5-9907675-0-8

Вашему вниманию предлагается пятый том пятитомного издания, освещающий (анализирующий) процессы зарождения мировой цивилизации и предлагающий свой путь развития демократического общества.

ISBN 978-5-9907675-0-8

© Оджалан А., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Вступление	13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ	23
--	----

А. Концептуальные рамки	27
--------------------------------------	----

1. <i>Культура</i>	27
2. <i>Язык</i>	28
3. <i>Цивилизация</i>	29
4. <i>Власть</i>	32
5. <i>Управление</i>	33
6. <i>Политика</i>	35
7. <i>Нравственность</i>	37
8. <i>Право</i>	38
9. <i>Демократия</i>	39
10. <i>Экономика</i>	41
11. <i>Ассимиляция</i>	43
12. <i>Геноцид</i>	45

Б. Теоретические рамки	48
-------------------------------------	----

1. <i>Центральная гегемонистская власть</i>	48
2. <i>Власть и демократическое управление</i>	52
3. <i>Демократическая нация</i>	59
4. <i>Социализм и капитализм</i>	67
5. <i>Свободная супружеская жизнь</i>	76

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

КУРДСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ	95
---------------------------------	----

А. Краткая история формирования курдской действительности	102
--	-----

1. <i>Курдская действительность и ее формирование</i>	103
2. <i>Курдская действительность и традиция</i>	123

3. Курдская действительность и исламизм	125
4. Исламская культура и взаимоотношения между арабами, курдами и турками . . .	138
5. Влияние армян, ассирийцев и евреев на курдскую действительность	143
6. Культура Ближнего и Среднего Востока и гегемония современного капитализма .	147
7. Дифференциация власти и общества в культуре Ближнего и Среднего Востока . .	178
Б. Курдская действительность в эпоху капитализма	191
1. Родина в курдской действительности	197
2. Национальный аспект курдской действительности	202
3. Социальный аспект курдской действительности	247
4. Экономический аспект курдской действительности	268
5. Культурный аспект курдской действительности	274

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА И КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА.	291
А. Историческое развитие и современное состояние курдской проблемы	297
Б. История курдского движения	317
В. Современные курдские движения	330

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

ДВИЖЕНИЕ РПК И РЕВОЛЮЦИОННАЯ НАРОДНАЯ БОРЬБА . . . . .

А. РПК и идеология национальной государственности	371
1. Анализ международной политической ситуации в 70-е годы XX века.	374
2. Кризис системы социализма и революционное выступление	379
3. РПК и национально-государственная идеология	381
4. Объективно отразить борьбу духа и сознания в конкретном периоде	390
Б. Опыт и результаты революционной народной борьбы РПК	410
1. Революционная народная война, ликвидаторство и предательство	414
2. Революционная народная война и союзы	427
3. Опыт революционной народной войны и демократическая нация	437
4. Война натовского «Гладио» против революционной народной борьбы	444
В. Революционная война курдов и формирование борца	464

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

КРИЗИС НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА, МАСШТАБНЫЙ ЗАГОВОР

И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РПК.	491
А. Кризис научного социализма	493

Б. Масштабный заговор «Гладио»	505
1. <i>Исход из Сирии</i>	505
2. <i>Период нахождения в Имрالي</i>	519
В. Радикальные преобразования в РПК	528
1. <i>Опыт КОДК, Народного Конгресса и преобразования РПК</i>	531
2. <i>Смысл и значение ликвидаторств 2002–2004 гг.</i>	536

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ:

РПК, АОК И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ	545
А. РПК и жизнь в рамках демократической нации	551
1. <i>Идентичность и значение РПК в новом периоде</i>	556
2. <i>Место РПК в жизни демократической нации</i>	563
Б. АОК и урегулирование в рамках демократической нации	571
1. <i>Деградация гегемонистской власти в Турецкой Республике</i>	575
2. <i>Еврейство, турецко-израильские отношения и курдская проблема</i>	582
3. <i>Проблема власти и государства в турецко-курдских отношениях</i>	595
4. <i>Мир, демократическое решение и строительство демократической нации</i>	601
В. АОК и аспекты становления демократической нации	610
1. <i>Свободная личность-гражданин и жизнь демократической коммуны в рамках демократической нации</i>	621
2. <i>Политическая жизнедеятельность и демократическое самоуправление в рамках демократической нации</i>	625
3. <i>Демократическая нация и социальная жизнедеятельность</i>	629
4. <i>Свободная супружеская жизнь в рамках демократической нации</i>	634
5. <i>Демократическая нация и экономическое самоуправление</i>	643
6. <i>Правовая структура демократической нации</i>	649
7. <i>Культура демократической нации</i>	652
8. <i>Система самообороны демократической нации</i>	658
9. <i>Дипломатия демократической нации</i>	662
10. <i>В поиске урегулирования модели демократической нации</i>	666

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ:

КРИЗИС НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ	683
А. Создание турецкой республики	692
Б. Арабские национальные государства и создание Израиля	704

В. Иранское шиитское национальное государство и его роль на Ближнем и Среднем Востоке	711
Г. Распад национального государства в Ираке, Афганистане, Пакистане и структурный кризис современного капитализма.	716
Д. Национально-государственный баланс и курдская проблема на Ближнем и Среднем Востоке	721
Б. Современные войны на Ближнем и Среднем Востоке и вероятные последствия	728
1. <i>Судьба капиталистической современности на Ближнем и Среднем Востоке</i>	730
2. <i>Урегулирование кризиса на Ближнем и Среднем Востоке в рамках демократической современности</i>	737
Ё. Революция в мировоззрении Ближнего и Среднего Востока	763
Итог	770
Заключение	787
О жизни в тюрьме на острове Имрали	814
Руководству европейского суда по правам человека Страсбург/Франция	829

ПРЕДИСЛОВИЕ

Усилия капиталистической гегемонии, набравшей силы в Западной Европе, направленные на подчинение системы центральной цивилизации, зародившейся на Ближнем и Среднем Востоке, и построение заново собственной системы на базе этой культуры, были реализованы ценою огромных бедствий. Осуществив гегемонию над материальной культурой и мировоззрением, капитализм довел тысячелетние социумы до уровня полной ликвидации. Этому способствовали частые погромы, колониализм, ассимиляция, геноцид и насильственная интеграция в обстановке непрекращающихся войн под гегемонией национальных государств, являющихся важнейшими из агентурных институтов капитализма. Как жаль, что власти даже не задумываются о каком-либо уровне сознания этих самых агентурных институтов гегемонии, созданных с использованием структурных противоречий истории Ближнего и Среднего Востока на протяжении последних двух столетий! То, что современный капитализм был превращен в господствующую власть не только над восточным образом мышления, но и над всей жизнью, можно объяснить лишь путем проведения всестороннего анализа и метафорой о пребывании в «железной клетке».

Например, даже не подвергнута критике роль современного капитализма в том, что ассирийское, армянское, ионийское и грузинское наследия, стоящие в рядах первых, насчитывающих тысячелетние истории, аутентичных культур, доведены сегодня едва ли не до музейного уровня. Пережитые этими народами массовые погромы и геноцид так и не раскрыты в свете диалектического мышления. Более того, совершенно не освещена следующая ситуация: господствующие арабские, иранские и турецкие власти, позиционировавшие себя в качестве национальных государств, фактически превратились в механизмы геноцида собственных социальных культур. Вместе с разложением национального государства и сры-

ванием маски с его облика стало достаточно очевидным, что этот институт, действующий не только на упомянутом пространстве колониализма, но и на географическом пространстве основной гегемонистской силы от имени «гомогенных наций-обществ», по своей сущности является — в угоду потребностям «закона максимальной прибыли» — образованием тоталитарно-фашистского характера.

В вопросах, касающихся курдов, этот обновленный Левиафан современного капитализма постоянно натягивает на себя невидимые одеяния, строит всякого рода дилеммы и постоянно насаждает культурный геноцид под маркой «прогрессивизма». Несомненно, у культурного геноцида курдов есть серьезные причины, кроющиеся в центральной системе цивилизации Ближнего и Среднего Востока; это нельзя связывать только с современным капитализмом. Но до тех пор, пока не будет раскрыта роль гегемонии западноевропейской капиталистической современности в регионе на протяжении последних двух столетий, невозможно будет концептуально осознать и теоретически обосновать ни курдскую действительность, ни курдскую проблему, принявшую вид гангрены. В том, что элита фашистских «белых турок», созданная не столько из самих турок, сколько из масс, не имевших собственной национальной идентичности, но страдавших болезнью власти, и способная только в узкой авторитарной связке выстроить отношения с турецкой действительностью, воплотившейся на руинах традиций Османской империи, использовалась как машина массового уничтожения всех культур Ближнего и Среднего Востока, включая и турецкий народ, ответственны все гегемонистские силы, в первую очередь, Германия, Франция и другие передовые страны Европы. Если учесть совершенную очевидность того факта, что фашизм «белых турок» в осуществлении геноцида армян, о котором часто говорят, был всего лишь инструментом, то попытки гегемонистских сил скрыть свою ответственность и взваливать всю вину на турок можно объяснить только как осознанное искажение действительности.

Эти реалии можно наблюдать более явно, раскрывая их на примере культурного геноцида курдов. В этой последней части моей Защитной речи, предназначенной для ЕСПЧ, я постараюсь разъяснить эти реалии. Мое заточение на острове Имрالي было, в сущности, осуществлено европейской национально-государственной

системой для самой Турецкой Республики — то есть не являлось актом, совершенным силами Турецкого государства. Роль турецкой властной элиты в этом вопросе была не более чем посреднической. Несомненно, это очень грязная роль, попросту давящая на сознание. Очень важно правильно отразить действительное положение вещей. Категорически не хотят видеть и признать давление властей и игру закона, направленные против моей личности. Даже такое обстоятельство моего ареста, как операция в высшей степени конспирированной организации «Гладио» («теневое» НАТО), ставшее откровенным нарушением международного права и юридических норм ЕС, враги пытаются использовать против меня же самого в ЕСПЧ, который находится в сфере ответственности Совета Европы и должен быть независимым. Фактически только решение по моему делу, являющееся одним из более чем двух сотен решений по делам, имеющим аналогичный статус и касающимся «вторичного расследования», в результате скандального соглашения Совета Европы с Турецким государством было абсолютно без какого-либо стыда и угрызений совести возвращено в ЕСПЧ с формулировкой о так называемом достижении результатов «по материалам дела»; таким образом они посчитали завершенной наиболее важную часть судебного расследования. Все откровенно противоправные меры и решения турецкого суда, и по сей день попирающего все принципы международного права и создающего новые статьи для оправдания применяемых против меня правовых норм, ждут решения ЕСПЧ. Пребывание под натиском исполнительного статуса, в течение двенадцати лет не применявшегося больше ни к кому, а также несправедливые подходы, противоречащие как турецкому судопроизводству, так и правовым нормам самого ЕСПЧ, являются доказательством того, что международный заговор вокруг моего дела осуществляется теперь в правовой сфере, и «Гладио» все еще руководит этим.

Так теперь стараются придать в правовые одежды заговор, который продолжается с целью не допустить в ходе расследования моего дела раскрытие факта культурного геноцида курдов. Они хотят, чтобы без изменений длилось отрицание реалий культурного геноцида курдов и по-прежнему существовали интересы гегемонии капиталистического Запада, как это происходит на протяжении последних двух столетий. Причина столь тщательной подготовки последней

части моей Защитной речи заключается в стремлении хоть как-то сорвать маску и показать подлинное лицо серьезной неолиберальной игры, в которую всемирная капиталистическая гегемония старается играть со всеми народами мира, в первую очередь с народами Ближнего и Среднего Востока. Несомненно, при этом наибольшую поддержку я ощущаю в позициях европейских интеллигентов, вносящих большой вклад в концепцию истины. Более того, борьба за свободу, социализм и демократию, с большой самоотверженностью проводимая народами Европы, ценна, по меньшей мере, в той же степени, что и интеллектуальное движение Европы. Что касается универсального миропонимания, кроющегося в сути моей Защитной речи, то оно открыто свидетельствует о неразрывном единстве борьбы интеллигенции и всех народов за свободу, социализм и демократию. Мой основной метод зиждется на платформе целостности взаимоотношений сингулярности-универсальности.

Я не жду каких-либо юридических дивидендов от своей Защитной речи. Мой труд просто раскрывает позиции тех, кто, считаясь очень цивилизованными, ведут себя по отношению ко мне так, будто бы воспитывают примитивного варвара, дикаря. Но гораздо более отвратительным является то, что они верят, будто бы в моем лице могут воспитать целый народ, курдский народ, что свидетельствует о степени их низости и жестокости. Вместе с тем, моя Защитная речь, не останавливаясь на этом, раскрывает истинные лица системы и ее владельцев, чьи действия и низость не умещаются ни в какие нравственные нормы человечности. Это проливает свет на действия тех, кто не просто двуличен, а тысячник, и, более того, раскрывает отсутствие личности безликих людей. Ясно, что моя Защитная речь серьезно способствовала тому, что оседлые культуры на всем географическом пространстве Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь — Анатолии и Месопотамии, выражают свою истину и ощущают стремление к политической свободе. Я верю в то, что мой труд помог человечеству, являющемуся одной из наиболее мыслящих субстанций Вселенной, пройти один из километровых знаков на своем пути, что олицетворяет свободу, демократию и социализм. Путь к настоящей человеческой жизни открыт полностью.

ВСТУПЛЕНИЕ

Определение курдской проблемы — очень трудная задача, поскольку, несмотря на устоявшееся мнение, она имеет предельно универсальный статус в силу единства своей сути с местным фактором, что усложняет ее состояние. Для меня лично курдская проблема началась в те времена, когда я ежедневно пешком ходил в начальную школу, соседнего села Джибин, находящегося в пяти километрах от нашего. Проблема носила скорее культурный характер, нежели физический: турецкий язык был для меня иностранным. Первый раз я всерьез почувствовал презрение к себе после безмолвного отхода от родного курдского языка и полного перехода на привилегированный турецкий язык. Думаю, что, проецируя личные ощущения презрения других и самого себя на плоскость своей семьи, я старался вынудить их дать ответ. Даже то, что я изображал матери кудахтанье, при помощи которого наша курица общалась со своими цыплятами, видимо, было порождено языковым противоречием. На примере моей семьи я ощущал, что курдская идентичность была причиной презрительного отношения к нам. Народ, не умеющий писать на своем языке, не использующий свой язык, заслуживает презрения! Этот факт неизбежно должен был оставить в моей детской душе рану, которая постепенно углублялась. Опять же, до сих пор вспоминаю, как принадлежность к курдам становилась чем-то вроде «хвоста» и уже больше не оставляла меня в покое. В своем окружении я начал слышать обращение «хвостатый курд». Это стало для меня вторым ударом.

Хотел бы напомнить, что механизмы моей защиты формировались в двух направлениях. То, что я, представляя традиционную культуру, пошел в сторону религии и был «имамом» для десятка мальчишек, которых я водил за собой, вполне очевидно может быть воспринято только как серьезная реакция. Эта моя позиция сохранялась до выпускного класса в лицее. То, что на фоне официальной светской традиции я занимал сугубо религиозную позицию, было

специфично и интересно, это была моя реакция и моя самозащита. Около тридцати трех сур Корана, заученных мною, стали своего рода оружием самообороны. Это первое латентное состояние моей курдской идентичности заслуживает более внимательного анализа. Вторым эффективным оружием против комплекса неполноценности стало мое постоянное первенство на курсе. Я не шел на компромиссы и не уступал своего первенства, будучи самым любимым студентом всех преподавателей до самого последнего курса университета. Это было своего рода показательным зазубриванием, механизмом реакции и защиты. Я как будто хотел показать следующее: я хотел и компенсировать то, что курдов все презирают, и доказать, что я сам легко не сдамся. Это всегда было именно так, и в этом мне сопутствовал успех.

На последнем курсе лица я стал отходить от исламского аскетизма, в котором преобладала демонстративная сторона, и, вооружившись книгой «Азбука социализма», приобщился к социализму как светской религии, продолжив таким образом свое обучение на новом этапе. Моя преданность продолжалась: изменения касались лишь формы. 70-е годы XX века действительно стали эпохой больших шагов на пути преобразований во всем мире и в Турции, в частности. В святой вере в современный капитализм стали появляться первые трещины. Внешнее столкновение капитализма и социализма в эти годы, в сущности, не выражало никакого серьезного разделения, и у меня не возникало впечатления, что имеет место какая-то глубокая дифференциация. Перемены носили в большей степени риторический характер. Возможно, единственная сторона этой ситуации в том виде, в каком она сформировалась в Турции, способная поменять мою судьбу, заключалась в том, что она помогла мне, являющемуся по своим ощущениям курдом, выглядящим в глазах окружающих презренным, все же сделать свой социалистический выбор, сочетая его с мятежным имиджем. Приобщаясь к социализму, курды не должны были ни стесняться, ни бояться раскрыть свою идентичность. Такая была атмосфера. Я так и поступил. В этой обстановке мои симпатии к какой-либо левой группе, моя встреча с курдским национализмом, тяготеющим к социализму, стали крайне робким, но очень значимым процессом. Я, будучи неудовлетворенным деятельностью существовавших тогда групп, постепенно создал свою,

независимую группу. Если перейти к истории нашей партии, то дальнейшая моя деятельность была связан с созданием РПК, Армией освобождения народов Курдистана (АОНК) и Фронтом освобождения народов Курдистана (ФОНК). Этот процесс активизировался в работе Ассоциации обществ Курдистана (АОК), став итогом того же состояния духа. Мои усилия, направленные на раскрытие курдской проблемы, длились около сорока лет, а если еще прибавить нераскрытые периоды начальной и средней школ, то получается марафон длиной в полвека. Родители и, должен с болью сказать, наши так называемые «старшие», обязаны в первую очередь внимательно относиться к состоянию духа своих детей и обязательно наполнять их духовный мир правильными идеалами социума, чтобы дети не были обречены на условия столь горького и яростного марафона.

Государство и общество ждут решения столь откровенно проявляющейся курдской проблемы, причем решения столь же актуального. Беда заявила о себе уже давно и теперь требует реальных действий. В своем сегодняшнем состоянии курдская проблема, некогда раскрывавшаяся как следствие душевного состояния ребенка со сломленным чувством достоинства, увидевшего крайне негативные условия, едва раскрыв глаза, — это полный универсализм. Когда проблема приобретает всеохватность, то и решение следует неизбежно искать в особых условиях, оно требует соответствующего мышления. Непревзойденный великий немецкий философ Ф. Гегель отнюдь не случайно в начале XIX века стал изучать универсальность — необходимость этого была обусловлена тем временем. Немецкая проблема, появлению которой способствовали немецкие княжества, оказавшиеся в тупике в связи с экспансией Наполеона, могла быть решена сначала в рамках разума, и именно эта действительность нашла свое отражение в философии Гегеля. Я был удивлен, когда услышал, что моя первая большая Защитная речь («От шумерского государства жрецов до демократической цивилизации»), написанная примерно через двести лет после 1800-х годов, имеет в этом отношении общие черты с первым крупным выступлением Гегеля, его «Феноменологией». Пусть и не во всем, но я впервые стал понимать и принимать Гегеля. Я тоже был вынужден бороться с универсализмом. Впрочем, поразительным было то, что международный заговор, организованный против меня, аналогич-

ный всем столкновениям по вопросу Курдистана, что очень похоже на ситуацию в Германии того периода, открыл путь к подобным решениям. Курдистан и курдский народ, которые, вероятно, являются древнейшими страной и народом в мире, были просто лишены собственной идентичности. Курдов заставили забыть себя. Тем временем современные почитаемые божества, гегемонистские силы, чуть ли не забавляясь, сорвав маски, распоряжались этой страной и народом, не соблюдая никаких правил. Фактически происходил завуалированный, усиленный культурный геноцид.

То, что в умме ислама, либерализме и космополитизме капитализма, а также интернационализме реальности время от времени пытаются в очень слабой форме напомнить о курдах и Курдистане, что гораздо хуже признания их безнадежными фактами, может быть объяснено только как самый настоящий завуалированный геноцид культуры. С этими реалиями связано и то, что моя Защитная речь представлена в виде трех постепенно углубляющихся звеньев. Когда в 1975 году мы с моим благородным, убежденным товарищем Мехметом Хайри Дурмушем, впервые выполнявшим секретарские функции, написали первый проект для определения проблемы, я еще не смог выйти за границы анализа классического империализма и колониализма. Точнее, то, что я сделал, было просто грубой компиляцией. Моя позднейшая апелляция к первым пропагандистским группам стала более углубленным состоянием того же уклада. Кризис социалистической системы, несомненно, требовал формирования существующего уклада. Но мне было очень трудно пробить брешь в установленной над миром мышления либеральной гегемонии, включая правые и левые ее формы. Я мог бы преодолеть эту ситуацию только своей борьбой во имя чести на острове Имрали против международного заговора (Натовской организации «Гладио»). В конце концов так и получилось.

Если рассматривать первые три звена моего труда как переходную стадию, то можно говорить о том, что в конечном состоянии моего пятитомного труда я уже смог полностью охватить понятие универсальности.

В первой части этого последнего тома я пытаюсь в более точной и конкретной форме представить, но уже применительно к сути вопроса о курдах и Курдистане, некоторые концептуальные и теорети-

ческие аспекты, которые я старался раскрыть в предыдущих частях. Пусть это и покажется повторением, но я стараюсь в более понятной форме и применительно к проблеме раскрыть, а местами и заново охарактеризовать такие понятия: «культура», «цивилизация», «гегемония», «власть», «политика», «класс», «нация», «колониализм», «ассимиляция» и «геноцид», а также показать роль государства, общества, демократии и социализма в условиях современного капитализма. Делая это, я постоянно руководствовался реалиями исторического прогресса. Так упрощаются задача актуализации курдской действительности и проблемы в рамках данных конкретных воззрений, а также поиск решений. Говоря о том, что задача упрощается, я имею в виду, в частности, восприятие завуалированных реалий культурного геноцида курдов и предлагаемое современным капитализмом раскрытие решения проблемы, которого, по сути, нет. Точнее, делается понятной роль современного капитализма в этом геноциде. Наибольшую трудность в восприятии курдской проблемы создают такие обстоятельства, как специфические взаимоотношения с гегемонистской системой. Запутанность проблемы требует эффективности и основополагающих концептуальных и теоретических рамок, которые мы должны применить в формировании решения. В частности, большое значение имеет достаточно глубокое определение таких понятий, как «власть», «государство» и «управление». Более того, ключевое значение имеет восприятие разделения и связей между государством и демократией. Без правильного определения дифференциации понятий власти и политики не могут быть восприняты ни демократия, ни демократическое решение. Определение таких понятий, как «класс», «народ» и «нация», играет важную роль инструментария в решении аналогичных проблем. Первостепенное значение имеет научное определение таких понятий, как «государство» и «общество», лежащих в основе всех вышеприведенных понятий. К таким категориальным понятиям следует добавить еще правильное определение права и нравственности. С точки зрения прояснения темы очень важно также верное раскрытие демократического и государственного мировоззрения социалистической системы, выступающей как альтернатива современному капитализму.

Целью **второй части** моего труда является развитие более конкретного подхода к курдской действительности и курдской пробле-

ме в комплексе их специфичности с привлечением раскрываемых концептуальных и теоретических моделей и тех аспектов, что рассматривались в предыдущих частях труда. До тех пор, пока не будет проведен конкретный анализ курдской действительности и рожденной в ее недрах проблемы в совокупности со всеми внутренними и внешними условиями, сложно добиться содержательного решения. Имеет смысл охарактеризовать курдов в свете понятий культуры и цивилизации. Этот метод необходим и в отношении других народов. В частности, наблюдение за их культурным существованием на протяжении всей истории цивилизации — это метод, вносящий серьезный вклад в правильное понимание курдов и курдской проблемы. Между геостратегическим и родо-племенным статусом, с одной стороны, и массовым уничтожением и стремлением защититься от ассимиляции — с другой, есть тесная связь. Ситуация гораздо больше прояснится, если вместо статического подхода применить динамический и подразумевающий более протяженные временные рамки, подход. В усугублении курдской проблемы определяющую роль играет капиталистическая гегемония, установившаяся на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении последних двух столетий. До тех пор, пока не будут раскрыты системные интересы современного капитализма, мы не сможем понять эту проблему, усугубляющую ситуацию вплоть до культурного геноцида. В данном случае, как и в случае с геноцидом армян, применима поговорка «толочь воду в ступе». В частности, пока не будет дано всестороннее определение концепции «белого» турецкого фашизма, невозможно будет осознать ни республиканскую концепцию в Турции, ни вообще понятие демократии. Глубокое восприятие понятий «военный переворот-диктатура», «антидемократический режим» и «милитаристическое общество», которые все еще продолжают существовать, возможно только при раскрытии понятия «белого» турецкого фашизма. В частности, ключевое значение имеет анализ лежащих в основе этого понятия структурных связей мнимого и радикально-шовинистского национализма с силами капиталистической гегемонии и роли агента, которую они играют. Объективное восприятие массового истребления, осуществленного в Анатолии и Месопотамии, связано с точным определением этой концепции. Более того, этот «белый» турецкий фашизм является основным препятствием для демократизации республики.

В третьей части я провожу анализ курдского национального движения и связей с национальным государством. Можно сказать, что ключевой фактор, играющий роль в усугублении курдской проблемы, — это ни точный анализ действительности курдской нации и ее отношений с национальным государством, что является явлением внутреннего характера, ни правильное восприятие курдской национальной действительности, противостоящей национальному государству как внешнему явлению. Основной причиной нерешенности проблемы является болезненная приверженность к решению сугубо в этатических и националистических рамках. Автономия, нашедшая в собственной истории массу подобных примеров и, в частности, практика демократической федерации, созданная европейскими странами, предлагают очень объемный пакет решений курдской проблемы, несмотря на реалии национальных государств, действующих крайне консервативно. Верное определение понятий «демократическая политика» и «демократическое самоопределение» является ключевым и имеет жизненно важное значение для решения данной проблемы. Предлагаемые извне и изнутри национально-государственные подходы к решению вопроса в эпоху поздней капиталистической современности фактически приведут к повторению той же нерешенности, что царит в палестино-израильской проблеме. Если рассмотреть более близкий пример, то это будет углубление кризиса — это происходит в национально-государственной федерации Ирака. Известна связь данных методов с силами капиталистической гегемонии и интересами традиционных соглашателей, а также роль в бедствиях, которым в итоге они способствовали. Если в XXI веке не произойдет отрыв от этатического мышления и не войдут в действие средства демократической политики, то одной только курдской проблемы будет достаточно для того, чтобы еще на сотню лет удерживать Ближний и Средний Восток в сфере интересов традиционных гегемонистских сил. Может иметь место и обратное. Ключевая роль в развитии демократизма на Ближнем и Среднем Востоке и, как следствие, в демократическом решении всех социальных проблем проходит через испытания моделей демократического решения в Курдистане.

Существующий статус Курдистана, точнее, историческое единство судеб курдов с основными соседними нациями региона, коими

являются турки, арабы и иранцы, а также с армянами, сирийцами и туркменами, составляющими более внутренний элемент региона, допускает распространение демократического решения на них всех по принципу «домино». Решение, касающееся Демократического Курдистана, порождает решение, касающееся Ближнего и Среднего Востока.

В четвертой, пятой и шестой частях моего труда рассматривается явление РПК. Необходимо проанализировать статус РПК, дошедшей до современного конструктивного уровня. При этом крайне важно обратить внимание не только на роль организации в возникновении проблемы, но и на то, что сама она находится в критической ситуации. Если восприятие курдской проблемы во всей ее глубине и выход за рамки национально-государственных подходов очень важны в истории РПК, то осознание такого факта, как превращение РПК в конструктивную структуру, требуется с позиций всех государственных и политических сил Ближнего и Среднего Востока. Ярлык «террорист» во многом способствует нерешенности проблемы и вредит тем, кто их навешивает. **Модель демократического самоуправления**, которую РПК старается развить в конкретике АОК, возымеет глубокое жизненное значение не только для курдов и решения курдской проблемы, но и для решения проблем всех арабских, тюркских, иранских, афганских, кавказских народов, сталкивающихся с аналогичными проблемами.

В седьмой части рассматривается статус курдской проблемы в целом на Ближнем и Среднем Востоке с целью восприятия этой проблемы в совокупности и целостности с процессами, происходящими в регионе. Пусть кратко, но дается оценка кризису, переживаемому регионом по настоящее время, и рассматриваются конструктивные возможности теории демократической современности в преодолении этого кризиса. Для этого я исследую роль элементов современного капитализма в углублении кризиса в регионе и стараюсь продемонстрировать конструктивную силу элементов демократической современности в противовес этому.

В итоговой, восьмой части оценивается вероятный универсальный вклад Курдистанской революции. Для этого в свете определений местного и универсального, сингулярного и общего еще раз дается, учитывая и социалистические, и капиталистические тенденции со-

временности, краткое изложение региональных и международных последствий революционного решения курдской проблемы. Таким образом, Защитная речь завершается этим последним томом.

Изложение моей Защитной речи в последний раз в упомянутом содержании тесно связано с практическими событиями. Эта действительность — встречаемое крайне редко состояние. Я не буду касаться тяжелых условий моего пребывания в Имрالي. Но ясно, что то, что я, исходя из действий государства и реалий освободительного движения, был вынужден взять на себя лидерскую роль, попросту умножило все трудности. Ряд представителей интеллигенции, полагая, что, находясь на острове, в жесточайшем государственном заточении, я пойду на любое соглашательское сотрудничество, сделали множество несправедливых и ошибочных комментариев. Даже в рядах РПК некоторые так легко поверили в то, что я буду совершенно нейтрализован, что не преминули своей беспрецедентной грубостью раздробить, разбросать и уничтожить наиболее весомые жизненные ценности. Моя жизнь и уровень моих отношений достаточно открыты. Я уверен, что заслужил разумную критику. Налицо тот факт, что простой логикой разрушения государства нам не решить проблем, которые переживает не только Турецкая Республика, но и многие схожие капиталистические образования Ближнего и Среднего Востока. Что касается опыта Советского Союза, то последствия свержения царизма и установления своего собственного режима имеют множество дидактических особенностей. Опыт Китая, имеющего аналогичную модель, сыграл едва ли не главную роль в том, что гегемония самого реакционного, фашистского мирового финансового капитализма оказалась столь живучей.

Хочу сказать следующее: достаточно четко доказано то, что опыт социалистической системы стал в XX в. более реакционным государственным вариантом капиталистического либерализма, и скрытые в его структуре фундаментальные ошибки, по меньшей мере, создают препятствия развитию стратегических и тактических программ, необходимых для отрыва от современного капитализма. Но эта действительность не должна означать, что борьба за свободу, демократию и социализм прошла впустую. Напротив, она доказывает, что любовь к свободе в совокупности с демократическим и социалистическим опытом, накопленным на протяжении всей

истории в противовес системе центральной цивилизации, послужившей почвой для гегемонии капитализма, постоянно существует. Эти попытки смогут достаточно актуально дифференцироваться в виде современной демократии и выступить как альтернатива существующей системе. Современные реалии свидетельствуют о том, что мировой финансовый капитализм, который, казалось бы, переживает эпоху пика своей мощи, на самом деле оказался в наиболее уязвимой ситуации и не может существовать так далее. Безграничная эксплуатация, асоциальность, деяния против жизни, оказавшиеся хуже варварства, — вот крайние точки, до которых дошла капиталистическая современность. Разрушения и разложение в недрах общества не остановили капиталистическую систему; она сумела, выйдя за рамки теории и превратившись в ежедневно переживаемое практическое явление, добиться оскудения природы. Моя Защитная речь, в сущности, создана и направлена против этого капитализма. Впрочем, физическая реализация существования в Имрале налицо вместе с уродством, безнравственностью и незаконными деяниями, осуществленными гегемонистскими силами эпохи (тайная натовская организация «Гладио»). Основной импульс, способствовавший тому, чтобы представить Защитную речь в ЕСПЧ в письменном виде, доказывает, что мой мятеж, начавшийся еще с нежелания детской души смириться с презрением и протеста против дутых авторитетов, и в более поздние времена, не потеряв ни на йоту своей актуальности, выразался в настойчивом стремлении остаться человеком и продолжать свою жизнь в соответствующей социальной сути и форме.

Часть первая:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
РАМКИ

Без определения основных концепций и теорий в социологии сложно развивать серьезные толкования. Сама по себе социология в плане определений далека от единства мнений. Пока имеет место научный кризис во всех сферах, поиск конкретности в сфере социологии стал бы бессмысленным шагом. Важнее всего правильное определение социального явления. Познание общества обладает гораздо более низким накоплением смысла, нежели это принято считать. Стараясь понять общество, мы постепенно сталкиваемся с таким парадоксом, как углубление невежества. Насколько определяющим характером обладает общество в развитии человеческой личности, настолько же оно является препятствием для прогресса. В этом и заключается социальный парадокс. Личность, сильно связанная с индивидуалистическим сообществом, углубленным усилиями либерализма, в равной степени выдворена из жизни как извращение и сингулярность. Невозможно дать определение общества, основываясь на столь нездоровой личности. Как жаль, что человек?ршить скачок, только обретя речь в обществе, но перед следующим шагом разума возникает преграда в виде социальной действительности. Таким образом, истина как явление остается в высшей степени относительной. Догматическое верование или мышление, ожесточающееся именно в этом пункте, может превратить разум человека в менее чувственный, нежели у самых отсталых одушевленных тел, и неверно воспринимающий окружающее. При размышлении о распространенности догматического общества предельно ощущается относительный характер науки.

Полное преодоление социального парадокса просто невозможно, но в ограниченной степени можно это побороть и достичь уровня познания. Максимальное познание в этом случае может быть только применительно к самой жизни. Жизнь, как природа, осознающая самую себя, может сделать смерть бессмысленной. На вопрос

«когда остановится, или завершится война одушевленных существ за половое размножение, питание и защиту своей жизни?» — наиболее информативным во всяком случае ответом может стать наше выражение в стиле «познающая себя природа». Это мы можем назвать и конечной универсальностью. Если даже кто-то подумает, что я впал в глубокий субъективизм, могу сказать: все видимое, известное и ощущаемое ограничено относительным восприятием человека. Таким образом, предельно спорным является то, насколько может представлять универсальность природа, познающая себя в такой форме. Однако в высшей степени спорным является также существование иной универсальности кроме «человека, являющегося познающей себя природой». Говоря о том, что насколько спорным является тезис о Вселенной вокруг человека как квинтэссенции всего одушевленного в мире, настолько же спорным является и то, что разум человека — представитель Вселенной, мы, можно сказать, вновь сталкиваемся с парадоксом. Но все, что окружает истину, облачено в этот парадокс. Основной вывод, который необходимо сделать, заключается в относительном характере знаний и их тесной связи с социальной природой. Итак, кризис в мире науки может быть преодолен, и то в относительной форме, только путем концентрации на социальной природе и правильного, этического и эстетического построения ее связей с «первой» и «третьей» природой.

А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ

Определение таких понятий, как «культура» и «цивилизация», которые с точки зрения связи с предметом нашего исследования являются основными в анализе социальной природы, может способствовать раскрытию многих истин. Другие понятия могут быть вслед за этим осмыслены еще точнее.

1. КУЛЬТУРА

Культуру можно охарактеризовать общим определением совокупности структуры и смысла на протяжении истории человечества. Если назвать структурность совокупностью структур, открытых для преобразований, то смыслом можно считать уровень обогащающегося и становящегося разнообразным координированного значения преобразующихся структур. Если усилить определение одним сравнением, то структура — это материальная, конкретная оболочка конструкции, а его смыслом можно считать содержание, закон, побуждающий к действию, чувственности и мышлению. Могу сказать, что здесь мы приближаемся к гегелевским понятиям «природа» и «дух». В частности, можно говорить, что смысл, которым двести лет назад Гегель наделял эти понятия, и содержание определений, данных им для этих понятий, совершенствовались последующим научным развитием.

Очень часто используется определение культуры в узком смысле. Здесь чаще стараются определить культуру как смысл, содержание, закон и живость структуры. Когда речь идет об обществе, мы даем определение культуры в узком смысле — как мир значения, закон, мышление, искусство и наука нравственности. Объединение политических, экономических и социальных институтов в данном узком смысле осуществляет переход к определению культуры уже в широком смысле. Следовательно, об обществе как о действительности

можно говорить тогда, когда в основе его лежат институциональный и семантический аспекты. Серьезным заблуждением было бы говорить только об институциональной или семантической ипоста- сях. Если сингулярное общество в достаточной мере несет в себе и институциональный, и семантический уровни, то оно может обрести собственную идентичность и имя. Разговоры только об институциональном или семантическом обществе, предположения о том, что можно по-человечески жить в такого рода обществах, осуждаются как ошибка, заблуждение, безнравственность и уродство, что в истории и было озвучено всеми общественными укладами.

Когда общество структурно разрушается, уже не приходится говорить о его смысле, узкой культуре. В такой ситуации структура похожа на сосуд с водой. Если разбивается сосуд, ясно, что говорить о воде в нем уже не приходится. Даже если и пытаются говорить, то это уже вода не для владельца сосуда, а это уже элемент жизне- недеятельности, утекший к владельцам другой земли или посуды. Последствия утраты социального смысла, мышления и эстетики гораздо более ужасающие. В данной ситуации можно говорить об обществе почти как о существе, агонизирующем после того, как ему снесло голову. Общество, утратившее мир собственного мышления и эстетики, напоминает тушу, обреченную на разложение, растер- зание и пожирание хищниками. Следовательно, для того, чтобы дать культурное определение общества, необходимо оценивать его в комплексе присущих ему структурных и семантических аспек- тов. Наиболее простой пример, который можно привести в этом смысле, — это курдская действительность, драму которой мы ви- дим очень явно. Поскольку курдское общество пережило глубокое раздробление и утрату мышления в структурном и семантическом отношениях, оно может быть названо только «обществом, пережи- вающим культурный геноцид».

2. ЯЗЫК

Понятие «язык», будучи тесно связанным с понятием «культура», в узком смысле является главенствующим понятием культурной сферы. В узком смысле язык можно охарактеризовать как культу- ру. Язык сам по себе является социальной сокровищницей мыш-

ления, нравственности и эстетических чувств и мыслей общества, это идентификационный и мгновенный фактор смысла и чувств, достигших уровня осознания и самовыражения. Общество, имеющее язык, обладает сильными мотивами жизни. Уровень развития языка свидетельствует об уровне развития жизни. Насколько обществу удалось добиться развития своего родного языка, настолько же ему удалось развить уровень жизни. С другой стороны, насколько оно утратило свой язык или попало под гегемонию других языков, настолько же это общество колонизировано, подвергнуто ассимиляции и геноциду. Ясно, что социум, переживающий данные эти реалии, не может жить в русле мышления, нравственности и эстетики, а, будучи больным, обречен на трагическое существование вплоть до полного исчезновения. Такая уязвимость требует эксплуатации структурных ценностей тех обществ, которые переживают утрату смысла, эстетики и нравственности, — как сырой материал для ценностей колонизаторов. В итоге, если язык используется в таком виде, как, например, у курдов, то очевидно, что общество, находящееся в соответствующем состоянии, в материальном плане придет к последней точке упадка и будет раздроблено, не избежав ошибок, предательства и грязи в своей жизнедеятельности, касающейся смысла, эстетики и нравственности.

3. ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Понятие «цивилизация» определяет, скорее, понятие культуры общества на стадии классов, города и государства. Образование классов, урбанизация и становление государства — это основные категории цивилизованного общества. Здесь общество полностью разделено на классы, воздвигло города и имеет государственность. Цивилизацию характеризуют такие явления, как классовое расслоение кланового и родоплеменного общества, которые в своем конкретном и историческом состояниях являлись сообществами равноправия, урбанизация на почве сельского общества и становление государственности в недрах иерархического общества. Цивилизованное общество возникло как результат того, что отношения господства в недрах социальной природы стали в одностороннем порядке развиваться и обрели форму постепенно ожесточающе-

гося противоречия в добавление к симбиотическим отношениям в дилемме «природа-общество». Цивилизация развивает в обществе различные институты, смысл, нравственность и эстетические чувства. В высшей степени спорным является вопрос о том, положительным ли шагом стала цивилизация для общества, или отрицательным. С точки зрения тех, кто строит историю с позиций господствующей, колонизаторской прослойки, цивилизация — это великий исторический прогресс, это даже сама история. Но с точки зрения прослоек, рассматривающих свое состояние как угнетение и эксплуатацию, цивилизация является огромным бедствием и утратой райской утопии. И это действительно так. Формирование процесса дифференциации мышления, нравственности и эстетических чувств в обществе, глубоко переживающем это противоречие, является потребностью социальной природы. Формирование мира раздробленных, противоречивых институтов и смыслов является требованием цивилизации. Выражением этих реалий более всего являются войны. Существование таких социальных акций, переполненных стремлением физически уничтожить противника, как войны, может быть выражением глубочайшего расслоения общества. Утрата смысла отражает идеологическую войну, являясь столь же ощутимой, как и физическая, гегемонистской войной, часто имеющей место в цивилизованном обществе. Противоречивые стороны цивилизованного общества, выявляя свои различия, с одной стороны, идеологически и физически, искусственными войнами, с другой стороны, обязательно выставляют себя в виде совокупности структур и семантики, стремящихся к господству и стабильности. Они утверждают, что реальное общество сформировано ими, что они в такой форме сделали жизнедеятельным само общество. Какими бы периодами, институтами и семантикой ни обрастала эпоха цивилизации изнутри, ее основополагающая реальность остается именно такой.

Основное явление, наблюдаемое в развитии цивилизованного общества, — это постепенное поглощение развивающегося в его недрах общества при помощи механизмов насилия и эксплуатации, это растворение общества в своей среде. Следствием стало разрушение «первой» природы и экологически-симбиотических связей, эксплуатация данного общества путем превращения лишь в источ-

ник удовлетворения своих интересов, что вызывает постепенное истощение общества. Произойдет ли в такой ситуации распад общества вследствие внутренних или экологических причин — это проблема, ставшая актуальной. Верным ответом является то, что если не будет коренных положительных перемен в самой цивилизации, то «первая» и «вторая» природы, находящиеся под властью обоих противоречий, не смогут избежать масштабных бедствий. Рассуждения о том, что общества, дескать, не смогут выжить без цивилизации, а богатыми и сильными являются те общества, что живут в русле цивилизации, — это чисто идеологические рассуждения, больше всего отражающие парадигму господствующих эксплуататорских правящих классов. Уровень, которого достигли классовое расслоение, урбанизация и этатизация, считается всеми эффективными научными кругами некоей социальной онкологией (онкология как болезнь тоже связана с этими реалиями). Показателей в этом плане более чем достаточно. Ядерное вооружение, ухудшение окружающей среды, искусственно создаваемая безработица, возникновение общества потребления, чрезмерный рост населения, биологическая онкология, венерические болезни, возрастающая волна массовых убийств — вот основные из этих показателей. Следовательно, демократическая цивилизация — современность, способная преобразовать авторитарный и эксплуататорский характер существующей цивилизации, последовательно формируется в качестве альтернативы, возникающей путем урегулирования проблемы. Правильно было бы не представлять распад прежней цивилизации как упадок всего человечества, а считать это развитием демократической цивилизации, ее становлением в виде главенствующего состояния. В такой ситуации очень важно знать, что социальные культуры имеют более прочный характер, они способны преобразовывать цивилизации, они не только дифференцируют и развивают цивилизации, но и стимулируют их коренное преобразование. Если упадок цивилизации в каком-то обществе способствовал как структурному, так и семантическому развитию культуры, то следует в любом случае расценивать этот упадок не как значительную утрату, а как чрезвычайно ощутимый прогресс. Если это способствовало преобразованию цивилизации, то можем считать такой шаг серьезным освобождением и приобщением к свободной жизни.

4. ВЛАСТЬ

Понятие «власть» стоит во главе тех понятий, которые создают наибольшие сложности в анализе социальной действительности. Противоречивое и часто приводящее к ошибкам, оно едва ли не сопротивляется раскрытию ее содержания и формы. Это отражается и при определении понятия — власть, заложенная в его недрах, не поддается и сопротивляется реалистическому определению. Как будто бы, это — нейтральное понятие, но, обобщаясь, оно абсолютизируется почти как нечто незаменимое и божественное. Правильнее всего было бы считать власть в обществе концентрированной экономической эксплуатацией и возможностью применения силы. Власть, становясь во всех структурных и семантических очагах общества потенциалом накопленной эксплуатации и силовых возможностей, обретающих почти генетический характер (как ДНК), и социальные силы, захватившие механизм власти, формируют конкретные исторические государства, эксплуататорские правящие круги и различные классы. Большое значение имеет осмысление власти как потенциальной резервной возможности образования всех классов и государств. Когда потенциал власти обретает конкретное воплощение, она образует социальный эксплуататорский класс (рабовладельческий, феодальный, буржуазный и т. п.), на который опирается государство или круги, правящие государством. Власть можно считать потенциалом и физической, и интеллектуальной мощи. Другим значительным фактором того, что власть навязывает себя обществу как нечто необходимое, абсолютное и постоянное, является то, что она отождествляет саму себя с природными социальными потребностями. Отождествляясь с управлением, власть делает себя незаменимой. Если отделить ее от руководства естественным обществом, станет видно, что власть — это раковая опухоль, проникающая в тело общества.

Важно видеть разницу между властью и управлением. Если власть гораздо шире распространена в обществе и проникла во все его щели, то государство представляет собой скорее идентичность власти и более узких и конкретных правовых норм. Государство — это такая форма власти, которая больше находится под контролем, связана правилами, постепенно обретает правовой характер и стре-

мится легализовать себя. Если считать власть общим состоянием господства, то безвластие можно осудить как глобальное рабское состояние. Различные формы власти и рабства, будучи связаны с общими особенностями государства, испытывают его влияние. Их можно осуждать и как противников свободы. Чем сильнее потенциал власти в обществе, тем сильнее ощущается недостаток свободы. Чем слабее становится власть, тем мощнее развивается свобода. Следует обратить особое внимание на то, какое стремление к власти существует в обществе. Чем больше распространена эта тоска по власти, тем больший деспотизм она порождает. Это приводит к полному вымиранию демократии. Как видим на примерах, в частности, Гитлера, когда такие деспоты, страдающие болезнью власти, лишаются контроля, трудно остановить их чудовищное развитие. Возможно, что деспотизм, на протяжении истории появляющийся на сцене в форме произвольного правления и переживающий опухоли социального фашизма, в периоды капиталистической власти ускоренным образом разрастается и проникает во все социальные ячейки. Формирование власти в стиле национального государства, будучи связанным с капиталистически-фашистским режимом, представляет собой его наиболее ярко выраженное состояние.

5. УПРАВЛЕНИЕ

Верное определение понятия «управление» очень важно с точки зрения устранения всех негативных факторов, исходящих из понятия «власть». Управление, как и культура, — это такое явление, которое постоянно существует в обществе. Если обобщить, то можно сказать, что оно соответствует концентрации нервов, развитию мозга на всемирном уровне, особенно в мире биологии. Управление означает систематику Вселенной, состояние выхода из хаоса. Развитое состояние семантической природы общества с ее гибким мышлением способствует развитию управленческой силы. Социальный мозг можно назвать управлением. В данном случае важен анализ таких понятий, как «самоуправление» и «управление чужеродное». Если самоуправление гарантирует систематизирование и контроль силы в собственной социальной природе, обеспечивая так постоянство общества, его рост и защиту, то чужеродное правление,

«натурализуясь» как власть, считает возможным введение общества в заблуждение (лишение его разумного мышления) и превращение таким образом в свою колонию. Следовательно, самоуправление имеет жизненно важное значение для социума. Общество, неспособное к самоуправлению, не сможет избежать колонизации, и естественным следствием этого является неизбежное исчезновение такого общества в процессе ассимиляции и геноцида.

Администрации, чуждые обществу, представляют собой наиболее насильственные и эксплуататорские формы власти. Следовательно, самой реальной, нравственной и эстетической задачей социума является постижение силы самоуправления. Общество, неспособное решить эту задачу, не только не может нравственно, научно и эстетически развиваться, но и не в силах создать социальные и экономические институты и добиться какого-либо развития. Важно, чтобы административная сила, с одной стороны, воздержалась от стремления к обретению власти, а с другой — до последнего сопротивлялась тенденциям неуправляемости. Очень важно не просто предотвратить превращение управления во власть, но и отнять у власти ее административные привилегии. Насколько антиобщественной является власть, настолько же социальной силой является управление. Без социальной силы не может быть нравственного, эстетического и научного развития. Итак, без становления такой культуры в узком смысле не может быть экономического и политического развития в широком смысле. В данной ситуации имели бы место колонизация, ассимиляция и массовое уничтожение общества.

Насколько антидемократическим является властное правление обществом, настолько же тесно самоуправление связано с демократическим управлением. Насколько сугубо властные формы правления являются противниками демократии и выражают отчуждение общества от администрации, настолько же самоуправление является выражением демократизации по мере приобщения общества к процессу управления. В таком случае демократия может считаться самоуправлением с участием общества. Поскольку самоуправление всегда связано с обществом и не мыслится без участия общества, демократия заложена в самой его природе. Поскольку демократия — это понятие, соизмеримое с такими макро-обществами, как народ и нация, самоуправление является выражением эффекта, ко-

торый распространяется и является постоянным везде — от самого маленького кланового сообщества до самого широкого национального общества. Во главе самых глубоких кризисов или проблем, переживаемых социологией, стоит неумение анализировать хаос и искажение между властью и управлением. Это приводит к тому, что все попытки структурного и семантического анализа, а также исторические подходы удерживаются в состоянии хаоса, что продлевает существование кризиса. В итоге власть поглощает все общество и окружающую среду, выхолащивает содержание демократии, превращая ее в пустую скорлупу, в бессмысленно повторяющуюся формацию. Пока социология не возьмется за анализ таких понятий, как «власть» и «демократическое управление», и в связи с этим не подвергнет анализу историю и другие науки, невозможно будет на новом структурном и семантическом уровне преодолеть кризис в научной сфере, следовательно, социальный кризис в целом.

6. ПОЛИТИКА

Понятие «политика», по меньшей мере, как и понятие «власть», определяет социальное явление, восприятие которого очень сложно. Политика, ассоциирующаяся и с управлением, и с властью, этимологически восходит к греческому языку, означая «городское управление». Но если говорить о политике как о социальном явлении, ее можно назвать свободным развитием и формированием индивидуальности общества с помощью свободного управления. Включая в себя такой факт, как управление, политика, тем не менее, не может быть спущена до его уровня. Нельзя ее отождествлять и с самоуправлением, и с властным правлением. Гораздо ближе к действительности толкование политики как таковой было бы следующим: сфера свободы общества, сфера созидания, производная смысла и воли развития. Политику можно даже отождествлять со свободой. Здесь речь идет о том, что общество благодаря мышлению и действиям приобщает себя, собственную идентичность к разуму, развивается и защищается. Когда политика доходит до состояния силы самоуправления и обретает собственную идентичность в качестве демократической, ее превращение в управление властных структур означает искажение собственных реалий и самоотрица-

ние. Сфера власти — это сфера, где осуществляется отрицание политики. Таким образом, государственное управление, несмотря на настойчивые утверждения либерализма, не является политикой и политическим управлением, напротив, является отрицанием политики. Это означает, что или на его место придет произвольное правление власти, или будет установлено нормативно-правовое правление государства. Государственное управление вообще нельзя считать политикой; это власть, каким-то образом приобшившаяся к правилам и нормам. Власть — это отрицание политики во всех проявлениях.

Сфера наибольшего смещения понятий в социологии — это сфера власти, управления и политических связей. Понятия используются в столь тесном переплетении и едва ли не как тождественные, что пояс всей социологии ошибочно плетется в виде цепочки. Социальная наука, вдохновляемая либеральной идеологией, служит в этом смысле безграничному одурачиванию людей. В частности, называя все деяния господствующих систем политикой, оставшиеся осколки политики социальная наука попросту игнорирует; она осуждает примитивное родо-племенное управление, называя это узким местным управлением, неумением видеть долгосрочные перспективы, неспособностью представлять основные внутренние и внешние национальные интересы. В этом смысле путаница и потрясения обретают огромные масштабы. В то время, как политика давно уже изгнана из общества, а вместо нее установлены коды власти, тождественные с предательством, пытаются говорить о серьезном политическом развитии, о достижении в политике современного цивилизованного уровня. Но ведь в социальной сфере, в которой существует политика, действуют жизненные интересы общества, его структурное и семантическое благополучие и развитие! Общества без политики или имеющие слабую политику, не смогут избежать уничтожения и колонизации извне или репрессий и эксплуатации изнутри, осуществленных силами правящих и эксплуататорских классов. Наибольшее благо, которое может быть создано для общества, — это возвышение его до уровня политического. Еще лучше приобщить социум к постоянной и структурной демократии, где двадцать четыре часа в сутки действует демократическая политика.

7. ПРАВСТВЕННОСТЬ

Нравственность можно считать формой политики, которая приобрела рамки исторической структурной традиции. Если политика больше играет ежедневную созидательную, оберегающую и воспитательную роль, то нравственность оказывает обществу ту же услугу своей структурной и нормативной силой. Нравственность можно считать также политической памятью общества. Общества, чей нравственный уровень снижен, оказались совершенно аморальными; их политическая память, а, следовательно, и традиционная структурная и нормативная сила, ослаблены и утрачены. Для общества это означает утрату способности к самообороне, открытость и уязвимость перед любой аннексией, эксплуатацией и ассимиляцией. Основная причина того, что властвующие системы и государственные образования постоянно уничтожают нравственность и вместо нее сверху навязывают обществу правовую волю (форму нравственности господствующих слоев), заключается в необходимости привести такое общество в подчинение власти и эксплуатации путем разрушения принципов самоуправления и политики. Общество, сильно ощущающее свою нравственность, не станет прогибаться перед властью и открытой эксплуатацией. Даже самое негативное, отсталое и примитивное состояние нравственности для общества гораздо ценнее самого передового права и правления власти и государства. Там, где существует нравственное и политическое общество, власть и государство не просто не нужны: они вообще становятся нагрузкой, тяжесть которой даже представить трудно. Чем больше возрастает в обществе значение нравственности и политики, тем больше оно становится обществом демократии, свободы и равенства, следовательно, оказывается закрытым для эксплуатации со стороны правящих кругов и финансовых монополий — оно сильнее сопротивляется. То, что социальные науки, вдохновленные либерализмом, принизив политику до уровня демагогии, в частности, определяют ее как основной демагогический материал партий, являющихся прототипом государства, — не просто огромное зло и предательство науки от имени самой науки, а принимая за основу свою миссию служения монополиям власти и эксплуатации, они осознанно играют признанную за ними роль.

8. ПРАВО

Несмотря на все связи с правами и справедливостью, основной функцией права является сужение социальной сферы посредством укрепления государственной власти. Очень сильно ведется пропаганда права, но его основная функция именно по этой причине особо не раскрывается. Правовая система, предлагаемая вместо жизни по правилам, обеспечивающим стабильность, рост и защиту общества, лишает его этой возможности; общество оставлено без самоуправления и политики, окружено законами и администрацией, в одностороннем порядке подготовленными и навязанными сверху властью и государством, общество подвержено классовому угнетению и эксплуатации. По этой причине представляющее собой сферу наибольшей путаницы понятие «право», по меньшей мере в той же степени, что и понятия «власть» и «политика», столь же смутно и предельно допускает искажения. Серьезное развитие законов в обществе не только свидетельствует об утрате нравственности, но и подчеркивает очень глубокое классовое столкновение, следовательно, наличие эксплуатации и гнета в этом обществе. Подробные правовые нормы не представляют, как это принято считать, силу права и справедливость, а напротив, отражают систематически кодируемые интересы монополий гнета и эксплуатации. В частности, устрашающее развитие права в систематике капиталистической эксплуатации исходит от безграничной склонности системы к максимальному извлечению прибыли. Исследуя понятия права с исторических позиций, сталкиваемся с монополией власти, объявляющей себя богом-царем. В данном случае понятие права является выражением и односторонней воли монарха, и его божественности. Отождествление понятий права, Бога, Аллаха и ориентирование на это является выражением данных реалий.

Право в его другой ипостаси можно считать нравственностью монополий власти и эксплуатации. Если традиционная нравственность, скорее, рассматривает все, что осталось от общества в этой сфере, то право превращается в сферу нормативных акций государственной власти, постепенно сужающей сферу деятельности общества. То, что в условиях современного капитализма, где нравственность днем с огнем не сыщешь, едва ли не все сферы жизни, даже

воздух и вода, превращены в предмет закона, само понятие права превращено в более конкретное состояние и доступно для понимания. Если сравнить с сильно критикуемыми, но, в сущности, весьма слабыми социальными аннексиями монархий древних цивилизаций показывает, что аннексии современного капитализма, легализованные при помощи права, вообще не знают границ.

То, что право в социальных науках вознесено на высшую ступень, исходит, по сути, от потребностей маскировки несправедливости от имени права, лжи от имени социальной действительности и связывания жизни цепями от имени законов жизни. Поэтому право становится основным средством узаконения капиталистической современности. Как видно в случае с властью, в правовой сфере также имеет большое значение разрешение этой путаницы, которая кажется облаченной в одежды права. Видя масштабы нравственности здесь, пусть и в ограниченной форме, следует суметь защитить общество при помощи нравственности, уместенной в рамки этого права. Точно так же, как возвращается сила управления обществом, отданная на растерзание власти, нравственность, отданная на растерзание праву, не утрачивает своей роли в защите общества и продолжении его жизнедеятельности.

9. ДЕМОКРАТИЯ

Частое использование на практике и толкование, совершенно противоположное сути, требуют точного определения понятия демократии. Можно дать узкое и широкое определения демократии, часто используемой вместе с концептуальной путаницей. Демократию можно назвать самоуправлением обществ, не познавших в широком смысле государство и власть. В эту категорию входит самоуправление кланов и родо-племенных сообществ. Самоуправление, остающееся за пределами власти и государственного управления в обществах, часто переживавших явления демократии власти и государства в узком смысле, можно рассматривать в этих рамках. В статических обществах в чистом виде не существуют ни демократия, ни деспотическое управление. Скорее, речь может идти о тесно сопряженных формах управления. Это же порождает режимы, уязвимые в отношении деградации и власти, и демократии. В силу

своей природы государственная власть во взаимоотношениях с обществом толкает демократию назад и ограничивает ее. Что касается сил демократии, то они, не признавая государства, постоянно стремятся расширить свои границы. Сама проблема родилась в недрах сумбура между государством, маскирующимся под демократию, и демократией, стремящейся стать государством. Этот хаос систематически развивается в европейской цивилизации. В восточных сообществах различия между социальной и государственной природами гораздо глубже. Ограничение государственной власти ею же самой установленными законами и ограничение общества представительской демократией, смягчая резкие противоречия между ними, делает возможным их сосуществование. Эта модель, развитая усилиями капиталистической современности, в сущности, ставит целью смягчение классовых противоречий и управления ими. Современный капитализм, продолжая, с одной стороны, развивать над всеми социальными силами, вне собственных границ, наиболее концентрированную и распространенную форму государственной власти, коей является национальное государство, с другой стороны, старается убедить всех тех, кто находится под гнетом и эксплуатацией системы, принять парламентарную демократию, являющуюся своеобразной платой за безропотность. Это и есть то, что называется «либеральной демократией».

Освобождение социальной демократии из этого плена возможно только с помощью развития системы демократического самоуправления. Моделью, наиболее близкой к правильному решению, является развитие системы демократического самоуправления вне ее отождествления с государственной властью, без искажения под лозунгом народнической или пролетарской диктатуры. Не превращаться в государство от имени народа, не становиться примитивным придатком государства — вот основа и привилегия демократического самоуправления. Любые методы, кроме этого пути, с трудом преодолевают правые и левые уклоны либеральной демократии. Как бы ни пытался самовыразиться либерализм, в форме классической либеральной или народной демократии социалистической системы, его основной управляющей силой являются государства-монополии и экономические монополии. Задача общества заключается в строительстве собственных сил демократической современности в

противовес силам исторических цивилизаций и силам современно-го капитализма нашей эпохи. Историческая роль демократической современности заключается в том, чтобы не только не стремиться к становлению в качестве государства на руинах разрушенного государства, но и уберечься от растворения в горнилах эффективной государственности и превращения в ее гражданское продолжение, и при этом создавать свои структуры во всех социальных сферах.

10. ЭКОНОМИКА

Большое значение имеет четкое определение экономики, в частности, из-за ее фетишизации. Либерализм, посредством постоянной экономизации все и вся лишаящий смысла само определение экономики, считает экономикой все факты, являющиеся антиподами экономики. Если экономику в общем смысле рассматривают как действия по удовлетворению основных потребностей общества, структурное и нормативное выражение этого процесса, то в более узком смысле экономикой можно считать все действия, развиваемые вокруг рынка и направленные на удовлетворение материальных потребностей. Если рыночная экономика, берущая за основу меновую стоимость вместо потребления, является известным определением, то капитализм точно так же, как приводит к деградации демократической сферы, является причиной деградации и экономической сферы, приводя ее под господство национального государства и финансовых монополий, выхолащивая ее суть. Это и есть действительность, требующая особо четкого понимания. Экономике считают едва ли не естественной деятельностью финансовых монополий, построенных над рынками, созданными под эгидой национального государства. В данном случае происходит отрицание экономики, вместо нее преподносятся монополистская торговля и система извлечения чрезмерной прибыли в промышленной и финансовой сферах. Эта система легализуется такими активными темпами, как если бы экономическая деятельность испокон веков состояла из этих монополий. Данная деятельность, которую можно назвать экономическим террором, то есть экономический упадок общества, окружение рынка и его превращение в сферу извлечения прибыли, при помощи финансовых инструментов полностью

ликвидирует связь капиталистических монополий, действующих в сфере промышленности и торговли, с экономикой, превратив в наиболее фундаментальную категорию принцип извлечения денег из денег, что становится самым большим социальным бедствием, не имеющим прецедентов в истории.

Эпоха финансового капитала является критической точкой упадка экономики и общества. Мы оказались лицом к лицу с яростным асоциальным, антигуманным и противоестественным чудовищем, которое толкает едва ли не половину общества в пропасть безработицы. Под видом экономики создание вооружения превращается в основной экономической сектор; производство оружия массового уничтожения преследует всего лишь цель извлечения прибыли, не имеет никакой связи с основными потребностями общества, разрушает окружающую среду, превращая в прибыль все источники общества и природы. В данном случае очень важно осознать, что в качестве главенствующей экономической деятельности обретает смысл именно это уму не постижимое противоречие. Оно возникает, когда женщин и молодежи, ставших жертвами системы, в первую очередь обрекают на бесправие, осуждая их на жизнь вне экономики. Вместо этого в качестве штабов экономики пытаются установить генеральных директоров, совершенно не имеющих отношения к экономике и представляющих собой неких «волков» властного правления. Жизненно важно не считать экономикой социальную онкологию, оставляющую далеко позади себя государственную власть олигархических монополий, отрывающих подавляющее большинство общества от реальной экономики, превращающих прибыль в единственный инстинкт и устанавливающих связь с обществом только лишь в виде создания монополий эксплуатации. Крайне важно рассматривать все это как отрицание экономики.

Необходимо в свете их деяний четко охарактеризовать современных жрецов, которые в нынешнюю эпоху (эпоху современного капитализма) под видом политической экономики мифологизируют интересы асоциальных сил в тысячу раз больше, нежели это происходило в эпоху мифотворчества жрецов Шумера. В эту категорию следует включить и генеральных директоров компаний. Мы не должны ни в коем случае игнорировать тот факт, что национальное государство в основном является силовым механизмом этой совре-

менной жреческой системы. В новом толковании нуждается «Капитал», написанный К. Марксом в целях научного обоснования капитализма, во имя науки против капитализма, так, будто бы имеются законные основания. Как ни старается он сорвать с капитализма маски во многих сферах, но сам факт попытки выдать капитализм за неизбежную историческую систему становится причиной растворения марксизма в горнилах современности. Как видно на примере Советского Союза и Китая, с этими реалиями тесно связано и то, что социализм обрел свое место в системе, оказывая наибольшую услугу либерализму. Снижение социологии до сугубо экономического уровня и предоставление экономики анализу капиталистической системы, являющейся отрицанием самой экономики, — вот суть кризиса в научной сфере. Без преодоления экономико-политического кризиса, толкающего в пропасть кризиса всю социальную науку, невозможно преодолеть упадок, переживаемый всеми общими науками, утратившими свои институциональные (университеты), нравственные и философские перспективы. Не преодолев кризиса в науке, не приобщив науку заново к осмысленному и структурному созиданию, невозможно будет преодолеть глобальный социальный кризис и натиск современного капитализма.

11. АССИМИЛЯЦИЯ

Ассимиляция выражает односторонние связи и действия, изменяющиеся в отношении социальных групп, в цивилизованных обществах находящихся в статусе рабов и полностью взятых под гегемонию монополиями власти и капитала. Данные связи и действия используются для того, чтобы превратить эти группы в приложение и продолжение монополии. Основным в процессе ассимиляции является формирование легиона рабов с низкой себестоимостью для собственной власти и эксплуатации. Идентичность и противодействие ассимилируемой группы полностью уничтожаются, и сама она превращается в рабов, наиболее подходящих для служения господствующей элите. В данном случае основной функцией ассимилируемого раба становится обязательное уподобление своему господину, утверждение и, тем самым, обретение своего места в системе в виде всевозможных усилий, прилагаемых для превращения

в приложение и продолжение своего господина. У раба нет никакого иного выхода. Единственный выбор — это оставить собственную идентичность и наилучшим образом адаптироваться к культуре господ для того, чтобы суметь выжить. Общество, подвергнутое ассимиляции, состоит из самых наивных, работающих людей, соревнующихся в услужливости и лишенных совести, нравственности и разума. У него нет ни одного свободного права принимать решения и осуществлять действия. Человек, предавший все свои социальные ценности, обреченный на существование только ради наполнения своего желудка, превращается в некое животное в одежде. Господствующая элита использует два основных оружия, чтобы навязать ассимилируемому обществу такое существование без собственной идентичности. Первое — это голое физическое насилие. При малейшем волнении и восстании над головой возникает карающий меч. Второе — обречение на голод и безработицу. Господа стараются ввести в действие следующий железный закон: если слуга будет настаивать на своей идентичности и перестанет вести себя так, как того желает господин, то будет обречен на голод или смерть!

Основной механизм, развиваемый для этого господствующей элитой — это закрытие всех путей структурного и нравственного развития, чтобы не дать возможности существования в официальном обществе всех тех, кто проявляет интерес к ассимилируемой культуре и имеет контакт с этой культурой, независимо от того, кто бы это ни был. Подобно тому, как двери государственных органов власти закрываются перед всеми людьми, группами и организациями, независимо от уровня их способностей, которые строят отношения с ассимилируемой культурой, стараются продлить жизнь этой культуры, так же предпринимаются все меры, явные или тайные, мягкие или жесткие, для того, чтобы выдворить их за пределы негосударственного общества. Личности и организации, которые вначале с любительским энтузиазмом работают с проблемами ассимилируемой культуры, по мере развития процесса понимают, что все двери не просто закрыты перед ними, что в случае проявления настойчивости под угрозой находится само их физическое существование. Они или присоединяются к обществу ассимилирующего национального государства, или же, поменяв методы, видят пути выхода в активном сопротивлении и организации действий.

Во всех национально-государственных образованиях современного капитализма есть бесчисленные примеры такого рода. Данный механизм применяется не только в отношении угнетенных этнических сообществ и народов. Свою долю последствий ассимиляции получают также различные этнические группы и угнетаемые классы, принадлежащие к господствующей нации: оказываясь перед угрозой утраты своих остающихся еще свободными этнических диалектов и культурных достижений.

Курдский народ, являющийся на Ближнем и Среднем Востоке значительной жертвой ассимиляции, представляет собой ярчайший пример в этом плане. Настойчивое проявление собственной курдской идентичности означает процесс, ведущий к геноциду; в первую очередь это потеря работы. Каким бы способным ни был курд, но пока он добровольно не освоит всевозможные культурные политики господствующего национального государства, перед ним будут по одной закрываться все двери, ведущие к личностному и структурному развитию. В результате он встанет перед выбором: или, избрав добровольную капитуляцию, сможет пройти через все двери, ведущие вплоть до поста президента республики, или же, не сдаваясь и избрав путь борьбы, испытает все бедствия и трагедии, которые могут произойти с ним на этом пути вплоть до геноцида.

12. ГЕНОЦИД

Геноцид как продолжение ассимиляции преследует цель полного физического и культурного уничтожения народов, меньшинств, различных религиозных, конфессиональных и этнических групп, с которыми не удастся справиться методом ассимиляции. В зависимости от ситуации возможен один из двух вариантов. Метод физического геноцида в целом применяется в отношении таких культурных групп, которые в сравнении с культурой господствующей элиты или культурой национального государства находятся в более высоком положении. Типичным примером этого является геноциды, примененные в отношении еврейского народа и культуры. Поскольку на протяжении истории евреи всегда составляли самую действенную прослойку в сфере материальной и духовной культуры, они подвергались физическим нападениям и уничтожению со

стороны противоборствующих господствующих культур, часто испытывая гонения в виде репрессий, называемых погромами.

Что касается практики культурного геноцида, являющегося вторым методом массового уничтожения, то он применяется, скорее всего, в отношении народов, этнических сообществ и религиозных групп, которые в сравнении с культурой господствующей элиты и национального государства более слабы и не развиты. Посредством культурного геноцида, являющегося основным механизмом, преследуется цель полной ликвидации этих народов, этнических сообществ и религиозных групп с помощью навязывания языка и культуры господствующей элиты и национального государства. Их пытаются уничтожить, взяв в тиски всевозможных социальных структур, в первую очередь, образовательных учреждений. Культурный геноцид в сравнении с физическим — это более болезненный и длительный метод геноцида. Последствия культурного геноцида более драматичны в сравнении с физическим геноцидом; это самое масштабное бедствие, с которым могут столкнуться в своей жизнедеятельности какое-либо сообщество или народ. Принуждение к отказу от своего бытия, идентичности, всех материальных и духовных ценностей социальной природы равносильно продленному во времени распятию общества. В данном случае можно говорить о стоне народа, а не о жизни во имя культурных ценностей, растоптанных культурным геноцидом. Истинная боль, которую современный капитализм причиняет всем народам, угнетенным и оставленным без работы классам, реализуя свою максимальную прибыль, это боль, которая ощущается не только физически, от самого факта эксплуатации, но и вследствие распятия всех прочих культурных ценностей. Реальное существование материальных и духовных ценностей, за исключением официальной культуры национального государства, — это смерть на эшафоте. Впрочем, иными способами невозможно уничтожить народ, если он станет источником развития человечества и экологически защищенной природы.

Положение курдов представляет собой наиболее страшный и трагический пример культурного геноцида. Пока курдский народ заставляют стонать на эшафоте, построенном господствующими национальными государствами на всех материальных и духовных ценностях, очевидно, что все социальные накопления, в первую

очередь, трудовые достижения, подземные и наземные полезные ископаемые подвергаются откровенному грабежу. Все, что остается, подвергается уничтожению, остается без работы, иссушается, доводится до такого грязного состояния, что просто невозможно смотреть. Казалось, курдам оставлен один лишь путь: раствориться в господствующем национальном государстве, отказаться полностью от своих фундаментальных ценностей. Нет у него иного жизненного пути. Культурный геноцид курдов, временами доходящий до физического геноцида, является, вероятно, одним из самых чудовищных и трагических примеров, во всей наготе раскрывающий реалии современного капитализма.

Б. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ

Несмотря на то, что социальные теории очень разнообразны и противоречивы, с точки зрения освещения нашей основной темы мы ограничимся акцентированием внимания на некоторых из них.

Теоретическое исследование социальных различий, представляющих собой очень широкую область, возможно, но не особо целесообразно; такого рода рассмотрение может отодвинуть на задний план и лишить смысла вопросы, требующие максимального освещения. Наиболее важное обстоятельство, имеющееся в социологии, — это не освещение всего и вся, а определение и освещение вопросов, имеющих жизненно важное значение. Самый важный вопрос таков: каковы наиболее определяющие факты в дебрях социальных явлений? В этом плане можно составить длинный список, в котором найдут место значительные события и личности, те, кто отводит первостепенное значение государству и экономике. Поскольку для меня имеют значение некоторые наиболее поясняющие факты, здесь я постараюсь поочередно схематически изложить их.

1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГЕГЕМОНИСТСКАЯ ВЛАСТЬ

С точки зрения нашей основной темы реальные теоретические определения будут касаться центральной гегемонистской власти. Важнейшей теорией, способной осветить то, как народ оказался доведенным до состояния грани геноцида, является теория центральной гегемонистской власти. Поскольку понятие власти достаточно определено, очень важно осознать, как в процессе исторического развития власть удерживает в своих тисках общество. В первую очередь следует очень хорошо усвоить гегемонистский характер власти. С момента возникновения очага власти вступают в яростное соперничество друг с другом, что постепенно выливается в кровавые войны. Институты власти изначально стремятся стать

монолитными, уничтожая друг друга. Через определенное время, когда становится ясно, что это бесполезно и просто невозможно, для всех центров власти является очевидным переход во власть наиболее сильного центра. Более того, движения против власти, постоянно развивающиеся в глубинах общества и извне, делают неизбежным жизнь в форме союза под властью гегемона (доминанты, главного предводителя), с которым власть предрержащие находятся в партнерстве. Чистая власть в истории — исключение; правилом является гегемонистский характер власти. Центральная власть дополняется экономическим центром. Концентрация центральной власти проходит в тесной связи с центром, где происходит главный вектор концентрации экономики. Центральная экономика, волнообразно распространяясь на все окружение, систематизирует себя, и это происходит в тесной взаимосвязи. Поскольку центральная власть является концентрированной структурой с наиболее сильной потенциальной экономикой, она распространяется от центра к периферии, активизируя экономику в своей актуальности. В плане максимального формирования прибыли, накопления капитала центр и периферии постоянно меняют свои места. Такое состояние делает неизбежным процессы, называемые депрессией.

В таком случае периферия и депрессия являются незаменимыми фундаментальными особенностями центральной цивилизации и экономики. Когда система работает плодотворно, нет никакой необходимости в смене центра. Но, как зачастую бывало в истории, по мере того, как центр стал паразитировать, намечается подъем плодотворной периферии, испытывающей воздействие кризисов; при помощи новых технологических способов периферия делает экономику успешнее. Новая технология это новая военная техника. Скольжение власти, имеющее место в такие исторические моменты, завершается формированием новых центров и периферий. Заново выстраивается гегемония власти. В истории часто встречаются случаи такого формирования гегемонистской власти, возвышающейся под предводительством нового народа или династии. В данном случае не особо уместно делать различия между определяющим характером экономики и власти. Подобно тому, как ни одна гегемонистская власть не может состояться без экономического центра, ни один экономический центр не может долговременно

существовать, не ориентируясь на строительство центральной гегемонии власти.

Другой очень важный факт, связанный с центральной гегемонистской властью, — это то, что данная система обладает особенностью цепи, не терпящей никаких пустот, и в ней нет разрывов ни в аспекте времени, ни в аспекте места, они являются как бы звеньями одной цепи. В природе гегемонистской власти нет никаких пустот во времени и пространстве. Имеет место максимальное заполнение. Звенья тесно сопряжены друг с другом. Если возникает пустота и разрыв, то возникает вероятность упадка центра. Если на протяжении длительного времени не будет ремонта и наполнения, то упадок центра и смена места станут неизбежными. Центральную гегемонистскую власть не стоит считать состоянием, свойственным только великим империям. Все общества стараются соединиться между собой связями гегемонистской власти. Для всех действуют схожие гегемонистские правила, от зависимости, испытываемой от центров самых больших империй, до зависимой от нее семейной ячейки. Каков император в Риме, таков в селе помещик, таков в семье муж. Если игнорировать тот факт, что историческое общество соткано из подобных гегемонистских нитей, то понять его будет невозможно. Вероятно, и будет масса каких-то знаний, но не будет диалектического осознания.

Центральная гегемонистская власть дополняется не только экономикой, но и идеологической гегемонией, значимой, по меньшей мере, как и сама власть. Без идеологической гегемонии не может быть гегемонии власти. В частности, фундаментальные мифологические и религиозные прорывы на стадии цивилизации имели или антигегемонистский характер, или же, в кратчайшие сроки под одним крылом объединяясь с властью, быстро обретали гегемонистский характер. В частности, достаточно поучительным является пример совместного развития монотеистических религий с центральной гегемонией. Их исход связан с абсолютным гегемоном. Понятия Бога, Аллаха являются или альтернативными понятиями главного гегемона, и в таком случае религия становится оппозиционной и мятежной, или же они означают непосредственное освящение и обожествление гегемона, и во втором случае религия является отражением центральной гегемонистской власти. Между ними

имеет место очень жесткая конфликтная ситуация с точки зрения взаимоотношений и противоречий. Историю монотеистических религий можно понять, только изучая ее вместе с центральной гегемонистской властью. Иным образом историю религий понять невозможно. История религий, оторванная от фундамента власти и экономики, представляет собой сплошную нелепость. Связь между религией, богом, гегемоном, властью и экономикой гораздо сложнее, чем предполагается. Реальная история окружена гегемонистской властью не только цепью времени и места, но и комплексом взаимоотношений религии, бога, гегемона, власти и экономики. Историческое общество и по сей день продолжает свою жизнедеятельность в виде таких колец и звеньев.

Если конкретизировать, то получается, что этот процесс, начатый первым известным гегемоном, коим был аккадский царь Саргон, и продолжаемый США, ставшими гегемоном, аналогичным империи Саргона, по цепочке продолжается как основной поток центральной системы цивилизации. Если гегемония Шумера, Аккада, Вавилона, Ассирии, хеттов, митанни, Урарту, Мидии, Персии, Александра Македонского, Рима, Сасанидов, Византии, арабского исламского халифата, татаро-монгольского ига, Османской империи, Британии и США сформировала основной поток, то Древний Египет, Элам, Хараппа, империи Китая, Индии, России, Франции и Германии стали ответвлениями от основного потока. Историческое общество будет воспринято гораздо реалистичнее, если на протяжении истории центральной цивилизации конкретно изображается основным потоком и его ответвлениями. Несомненно, у этих основных потоков и притоков есть внутренние течения, представляющие собой более короткие реки, каждая из которых составляет культуру и цивилизацию. Важно осознать, что историческое развитие непрерывно, за исключением промежутков центральной гегемонии, оно постоянно укрепляется, формируя современный мир. Это формирование, несомненно, не может иметь односторонний характер. С другой стороны, силы антигегемонии с момента своего исхода постоянно строя свое существование в противовес центральной системе цивилизации и ее гегемонистских сил, донесли таким образом до сегодняшнего дня противоположный полюс мира, то есть мир демократической цивилизации. Не может вызы-

вать никаких сомнений, что основная жемчужина этого мира носит демократический, нравственный и политический характер, усиливаясь и обновляясь бесчисленными нескончаемыми демократическими конфедерациями, построив свой идеологический мир в каждой конфессии монотеистических религий и всех религий в целом, а также становясь реальной производительной силой экономики.

История сингулярных национальных государств, которые современный капитализм пытается поставить во главу угла, не сможет изменить универсальную действительность, как бы она ни пыталась подавить исторический процесс центральных гегемонистских систем. Без универсальной истории не может быть сингулярной истории. Точнее, история развивается путем взаимного воздействия сингулярного и универсального. Истории сингулярных наций, классов и сословий или истории личностей не могут быть осознаны вне универсальной связи. Капиталистическая современность, объявляя свою либеральную историю «концом истории», пытается повторить хитрости, к которым обращается любая классическая гегемонистская эпоха. Каждая гегемонистская эпоха объявляет себя последней, однако история продолжается. Исчерпывает себя, вероятно, сам современный капитализм. Эта система, которая вместе с эпохой глобального финансового капитала не оставила никаких связей с конкретной историей и обществом, оказалась по сути своей бессмысленной. Ее распад, с точки зрения формы происходит ежедневно. Возможно, впервые в истории центральная гегемонистская система, полностью истощив все свои резервы, явно трещит по швам, приближается к своему концу, постоянно задыхаясь от кризиса. В сущности, она уже исчерпала себя во многих планах. Вызывает беспокойство то, насколько она сможет защититься бронированными шаблонами; и очень важно выяснить, способствует ли она бесконечности своего формального существования, игнорируя критерии времени и места, или переживает собственное истощение.

2. ВЛАСТЬ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Водораздел между авторитарными формами управления и демократическими формами самоуправления обществом имеет ключевое значение для решения фундаментальных социальных проблем.

Коренные различия между двумя управленческими парадигмами должны быть разделены и конкретизированы, иначе неизбежной станет недееспособность всех разрабатываемых решений. До тех пор, пока не будет свободно назначаться социальная администрация, все остальные проблемы так и останутся нерешенными, наткнувшись в конечном счете на нерешенность вопросов управления, даже повлекут за собой усугубление проблем. В качестве исторического примера отметим, что диктаторский подход к управлению сыграл определяющую роль в несостоятельности социалистического опыта в XX веке. Аналогичное явление скрыто и в природе неудавшихся революций. Такого рода революции, становясь итогом неумения оторваться от авторитарного мировоззрения, или деградируют, превращаясь во власть, или же, полностью выдворив из обихода понятие управления, впадая в личностный анархизм, неизбежно скатываются к поражению. Социальная проблема зародилась вследствие того, что управление было подвергнуто насилию со стороны иерархической и государственной власти. Поскольку невозможно создать институты репрессии и эксплуатации, не подвергнув насилию управление и не превратив его в искаженное, вводящее в заблуждение явление, само по себе явление управления или не реализуется, или не может избежать своего временного характера. По мере аннексии управления над общественными укладами создаются механизмы глубокого давления и эксплуатации. Тем самым, как в предании о открытии ящика Пандоры, все социальные явления задыхаются в клубках проблем.

Система естественно складывавшегося общества, разрушенная иерархическим правлением, помимо проблем, имеющих природное происхождение, столкнулась еще с внутренними социальными проблемами. В материальной и духовной культурах общества проблемы постепенно занимали преобладающее место. Ужесточающиеся столкновения между кланами и родами сигнализируют о проблематичной структуре. Спорные мифические мысли и религиозные концепции, возникающие в мире мышления, в сущности, становятся выражением возрастающей социальной проблемы. Все эти явления ярко выражены в шумерском обществе. Войны между богами, собственно говоря, являются выражением столкновения интересов между возвышающимися иерархическими сословиями

и управлением городов-государств. В период между 5000 и 3000 гг. до н. э. в Нижней Месопотамии формируется прототип борьбы за власть, свидетелями которой станут последующие цивилизованные общества. Это был прототип монополий эксплуатации, глубоких социальных проблем на почве противоречий между городом и селом («варвары») и классовых противоречий. Здесь возникали виды всех последующих форм социальных противоречий и согласия, государства, класса, внутригородских и внешних столкновений, а также первые образцы мира и согласия.

Несмотря на то, что авторитарное правление вышло победителем этого процесса, общество никогда не расставалось со своей мечтой о самоуправлении, постоянно выдвигая авторитарному правлению свои требования, касающиеся самоуправления. Родо-племенные формы управления, являющиеся наиболее распространенной в истории общественной формацией, пережили стадию самоуправления; люди предпочитали уходить в горы, становились кочевниками пустынь и степей, но не склоняли головы перед чужеземными авторитарными правителями. Люди познали горечь уничтожения до последнего человека, но не отказались от своего права на самоуправление, являющегося одним из основополагающих потребностей социальной природы. Родо-племенные общины жили с глубоким осознанием того, что утрата самоуправления завершается утратой идентичности и пленением. Явление, называемое восстанием варваров против городов, является, в сущности, борьбой родо-племенного сообщества, не желающего расставаться с самоуправлением, желающего сохранить собственную идентичность. Это явление можно широко наблюдать и сегодня. Наступление и восстания против Шумер арамеев (протоарабских племен) с запада и хурритов (протокурдов) с севера и востока в виде поразительных признаний в форме легенд упомянуты на шумерских клинописных дощечках.

Проблема самоуправления в процессе становления родо-племенных сообществ в качестве наций и народов конкретизируется в виде демократии («демократия» означает по-гречески «правление народа»). Демократию следует охарактеризовать двумя значительными качествами. Во-первых, она содержит антогонизм структуризации власти и формирования государства над народом. Во-вторых, демократия расширяет участие самоуправления, оставшегося от

традиционного общества, создавая культуру дискуссий и собраний, она формирует прототип парламента. Самоуправление, являясь демократической автономией, реализует и структурирует участие всех заинтересованных социальных единиц. В этом плане мы находим поразительный исторический пример в письменных источниках, касающихся демократии Афин. В силу того, что афинская демократия не сумела изжить рабовладения, мы не можем в полном смысле считать ее демократией. Но она не считается и государством, потому что не приняла становления государства по образцу Спарты. Этот яркий пример перехода от полной демократии к государству преподает множество уроков, которые и сегодня действительны в отношении реальной демократии. Прямая демократия, установление управления путем ежегодных выборов и отсутствие каких-либо привилегий у избранного управления, существование самого факта управления в подчинении демократии, культура собраний, обеспечивающая участие граждан в политических дискуссиях и, тем самым, их обучение, — все это есть наследие афинской демократии, дошедшее до нашей эпохи. Несомненно, все, что пережито другими бесчисленными обществами, но не отражено в письменных источниках, также является аналогичной культурой демократии.

Исторические опыты, примеры которых мы постарались вкратце привести, свидетельствуют о распространении в них таких понятий, как «самоуправление» и «демократия». Демократия позиционирует себя как форма управления, не сливающаяся с властью, не способствующая возникновению такого рода социальных проблем, не дающая повода для порождения гнета и эксплуатации. Очень важно постоянное поддержание конкретного состояния этих основных качеств демократии или демократической автономии на фоне деградации авторитарного управления и верность этим качествам. Самое большое зло, которое можно причинить демократии, — это ее превращение в камуфляж легальности власти или государства. Демократии ни в коем случае не должны отождествляться с властью и государством. Такого рода смешение может привести не только к нерешаемости социальных проблем, но и постепенному их накоплению. Демократии, которые способствуют сохранению постоянной активности политического сознания и нравственной чуткости общества, являются сферами реального решения проблем, порож-

денных властью и государством. Мы не знаем другого режима, который, как демократия, мог бы решать социальные проблемы, не обращаясь к военной силе. Демократии самоотверженно воюют только тогда, когда благоденствие общества оказывается под угрозой, исходящей от власти и государства, и в этом случае их нелегко победить.

В эпоху капиталистической современности наибольшую угрозу для демократий и автономных управлений представляют собой национально-государственные власти. Ряд национальных государств, использующих демократию в качестве своей маскировки, обеспечивая наиболее жесткие формы централизации, полностью аннулирует право общества на самоуправление. Либеральная идеологическая гегемония, пытаясь внушить, что эта антидемократическая черта национального государства является особенностью «демократической эпохи», считает игнорирование демократии данным государством победой демократического режима. Реальной проблемой демократий в эпоху современного капитализма является умение подчеркнуть собственное отличие, не уступать и не отходить от своей особенности, требующей активного участия и постоянства. Нет ни одной социальной проблемы, которую не могли бы решить демократии, если не будет навязана гегемония власти и государства.

То, что социалистическая система попыталась решить проблему власти и государства в виде формирования противостоящих власти и государства, стало основной причиной банкротства. Система социализма совершенно не учла того, что государство и власть — это накопленный капитал, и по мере обретения действительности они превращаются в капитал и капитализм, и в этом плане имела место серьезная теоретическая близорукость. Думая, что, путь к коммунизму будет найден с помощью многократного по сравнению с классическими либеральными примерами увеличения центрального национального государства, социалистическая система столкнулась с самым диким капиталистическим образованием. Наиболее важным итогом опытов социалистической системы оказалось следующее: социализм не может развиваться без демократии. Ставшие сегодня актуальными проблемы, связанные с гражданским обществом, правами человека, нацменьшинств, и местным самоуправлением, а также все классические национальные проблемы появились в результате подавления демократии и самоуправления центральным

национальным государством. Путь решения этих проблем связан с тем, насколько будет нейтрализована почва, допускающая узурпацию прав. То, что и федеральный характер США, и ЕС развиваются на основе возврата, пусть и мучительно медленными темпами, узурпированных демократических ценностей гражданскому обществу, личностям и органам местного самоуправления, свидетельствует о том, что они отмахиваются от теорий и тактических планов национальной государственности, насчитывающих три столетия. Данный трехсотлетний процесс способствовал невиданным в истории войнам, грабежам и колонизации, геноциду и ассимиляции. Пример ЕС — это исторический шаг, пусть и ограниченного, но возврата к демократии. Как было заметно на примере национального государства, очень серьезной является вероятность того, что упомянутая модель, открытая для демократии, постепенно найдет своих сторонников в лице государств и народов мира. Однако настоящая радикальная демократия, похоже, развивается на других континентах. Опыт Латинской Америки, подходы стран бывшего социалистического лагеря, реалии Индии и даже Африки с каждым днем все больше подчеркивают важность демократизации, поворачивают процесс развития именно в этом направлении.

Масштабы хаоса, переживаемого главным регионом центральной цивилизации, всесторонне и со всеми реалиями раскрывают несостоятельность национально-государственной модели и разделения власти. Этот хаос сорвал все маски с национальной государственности и моделей власти Палестины, Израиля, Ирака и Афганистана, уходящих корнями к самой развитой иерархии, этот хаос конкретизировал тот факт, что они стали основными источниками проблем, и именно данные источники породили самые грозные войны, террор и массовые убийства. Таким образом, в достаточной мере доказано, что национальная государственность и передел власти бумерангом возвращаются и бьют по своим же хозяевам.

В данных условиях раскрывается конструктивная сила радикальной демократии и демократической конфедерации. Географический регион, ставший колыбелью восхода цивилизации, в этот раз становится колыбелью демократического федерализма, радикальной и реальной демократии. В природе есть одно правило: все зарождается вновь на родной почве. Демократия тоже, похоже, пере-

живет свое полное и успешное возрождение на собственной почве, таящейся в недрах неолитической революции. Вполне возможно, что эта колыбель, которая по настоящее время терпит удары всех центральных цивилизаций, сможет вырастить дитя демократии. Эти земли и горы, давно уже утратившие силу самоуправления, способность быть политическим и нравственным обществом, могут стать свидетелями того, как «куртии» еще раз выйдут из своей колыбели, держа путь вперед. В культуре Ближнего и Среднего Востока все развивается по закону сообщающихся сосудов. Социальная истина, сумевшая закрепить свой успех, быстрыми темпами распространяется и в других сферах. Ислам в течение каких-то тридцати лет превратился в мировую систему. Мелкая палестинская проблема годами держит весь регион практически в плену. Истинная демократия, демократическая автономия и демократическая современность, как систематическое выражение всех этих явлений, выросшие в колыбели цивилизации, взошедшей в регионе Курдистана, и дошедшие до такого уровня, когда могли совершить скачок, стали играть роль сильной альтернативы капиталистической современности. Перед лицом этой системы, ежедневно подтверждающей свою несостоятельность поучительными уроками, демократическая современность становится восходящей звездой.

Основная проблема, которую необходимо решить во взаимоотношениях власти, государства и демократической автономии, касается того, как следует сохранить и систематизировать имеющиеся между ними различия. И как следует решить проблему общественного мира. Из исторических и современных примеров видим, что их методы, направленные на полное взаимное уничтожение, просто приводят к превращению государственной власти в некое социальное чудовище (Левиафана), а хаотический процесс, углубляясь, обретает постоянный характер. Все опыты решения проблемы в этих границах еще больше лишают общество возможности дышать и полностью истощают его. Гораздо хуже нерешенности та ситуация, когда в итоге остается человек, зажатый в рамки потребления и превращенный в муравья, находящегося в абсолютной власти государства. Такие реалии сформировались вследствие тотальной агрессии, которую осуществляют против современного капиталистического общества. Слабость революции, не сумевшей

преодолеть засилья утопии и стремления к власти, стали причиной **еще** большего усиления современного капитализма.

Решение в рамках модели демократической автономии может **быть** противопоставлено названным чудовищным образованиям **двумя** методами — революционным и реформаторским. Исторический опыт революционного метода, целью которого было **полное** уничтожение институтов капиталистической современности, в **частности**, национально-государственной власти, протекал, скорее, **в** форме гораздо большего усиления авторитарной национальной **государственности**; он не сумел создать демократических, свободлюбивых и равноправных образований в обществе. Реформаторская демократия тоже не избежала участи растворения в горнилах **господствующей** современности. Вывод, который напрашивается **сам** собой, таков: какой бы метод ни применялся, настоящим является тот, который постоянно ставит на повестку дня и применяет **структурные** и нравственные варианты, способные развить систему демократической современности. Если иметь в виду, что обе **системы** современности могут находиться в состоянии сосуществования, **возможно**, в течение столетий, станет ясно, что наиболее сильной **вероятностью** является преодоление существующих между ними **противоречий**, причем как в структуре сингулярного национального государства, так и путем развития конституционных моделей **решения** в рамках универсальной наднациональной системы. **Такого** рода прогресс может способствовать превращению негативного **прошлого** в позитивное будущее.

3. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ

Войны между нациями, стремящимися стать государством, и государствами, стремящимися создать нацию, являются основными **факторами** кровавых реалий эпохи. Стыковка власти и государства с **нацией** является основным источником проблем современной эпохи. Если сравнить проблемы, возникающие в наше время, с проблемами, возникшими в недрах диктатур и династических государств, увидим, что наибольшая разница между ними сводится к государствообразующей нации. Национальное государство, являющееся **одной** из самых запутанных тем социальной науки, преподносится

в виде волшебной палочки, являющейся орудием решения всех современных проблем, противостоящих современности. На самом же деле она превращает одну социальную проблему в тысячи проблем. Причина заключается в том, что распространяет механизм власти вплоть до капилляров всех обществ. Власть сама по себе — источник проблем; в связи с потенциальным характером капитала, организованного в виде силы, она, будучи олицетворением гнета и эксплуатации, порождает социальные проблемы. Мононациональное общество, являющееся целью национального государства, только при помощи власти создает неестественных и кипящих яростью граждан, чьи конечности как будто одинаково отрезаны пилой, чье равноправие носит бутафорский характер (якобы правовой). Такие граждане равноправны только в тексте закона, а в каждой сфере жизни на уровне личности и коллектива они максимально испытывают неравноправие.

Организация современного капитализма в качестве национального государства играет более репрессивную роль, нежели его организация в качестве экономической монополии. То, что марксизм, и в целом социология, не увидел связи национального государства с репрессией и эксплуатацией, или то, что он посчитал национальное государство обычной надстройкой, и есть его основной недостаток и заблуждение. Когда анализ класса и материального капитала проводится независимо от национального государства, это считается абстрактным обобщением, неспособным дать плодотворный социальный результат. В основе развала социалистической системы лежит именно эта абстракция, точнее, именно итоги, связанные с этой абстракцией, сыграли роль в его распаде.

Нация концептуально является формацией, появившейся позже народных и национальных форм, которые принимали кланы, племена и родовые общины, и нация больше всего характеризуется культурно-языковой общностью. Национальные сообщества в сравнении с родо-племенными общинами являются более объемными и широкими формациями, поэтому они представляют собой совокупность людей, связанных друг с другом слабыми нитями. Национальное общество, скорее всего, факт именно нашей эпохи. Если дать общее определение национальному обществу, то можно сказать, что это сообщество людей с общим типом мышления, то

Сила это мыслящее явление, следовательно, абстрактное и воображаемое. Можно назвать его нацией с определяющим фактором культуры. В социологическом смысле правильным является именно это определение. Несмотря на классовые, половые, расовые, этнические различия, даже разное национальное происхождение, для того чтобы стать нацией, достаточно формирования общего мира мышления и культуры. Для того чтобы сделать это общее определение нации более софистическим, создаются различные категории нации, как то: государственная нация, правовая нация, экономическая нация, воинствующая нация (народ — воин) и мелкие национальные категории, усиливающие общую нацию. Их можно назвать и нациями силы. Становление в качестве нации силы является основным идеалом современного капитализма, потому что сильная нация создает привилегию капитала, широкий рынок, возможность эксплуатации и империализм. Следовательно, такого рода усиленные нации следует воспринимать не как единую модель нации, а как нации силы, нации, стоящие на службе у капитала. Впрочем, именно вследствие этого характера они и формируют причины проблем. Национальная модель, которая может стать производной от нации культуры, но может обуздать и искоренить эксплуатацию и гнет, — это демократическая нация. Именно демократическая нация ближе всего к свободе и равенству. Поиски свободы и равенства являются идеальным пониманием нации, которое рождается в обществе.

То, что современный капитализм и вдохновленная им социология не разработали категорию демократической нации, полностью продиктовано их структурой и идеологической гегемонией. Демократическая нация — это нация, которая не довольствуется только лишь общностью мышления и культуры, но управляет всеми членами общества, объединив их в рамках демократических автономных институтов. Именно эта ее сторона является определяющей. Стиль демократического автономного управления является важнейшим условием становления демократической нации. В этом аспекте она является альтернативой национальному государству. Демократическое управление вместо государственного дает возможности больших свобод и равенства. Либеральная социология в основном отождествляет нацию или с созданным государством, или с движением, преследующим цель создания государства. И то,

что даже социалистическая система постоянно находилась в такого рода поиске, свидетельствует о силе либеральной идеологии. Современной альтернативой демократической нации является демократическая современность. Экономика, освободившаяся от монополизма, экология, выражающая свою гармонию с окружающей средой, технология, являющаяся другом природы и человека, являются структурной основой демократической современности, следовательно, демократической нации.

Общая родина и общий рынок, выдвигаемые в качестве условия для национальных обществ как материальный элемент, нельзя считать определяющими качествами нации. Например, евреи, которые долгое время оставались без Родины, будучи сильнейшей в истории нацией, проживали в самых богатых уголках земного шара и, даже не имея национального рынка, смогли стать единственной мощнейшей нацией мира. Несомненно, Родина и рынок — очень действенные инструменты усиления национального государства. Во имя Родины и рынка происходили самые кровавые в истории войны. Родина очень важна как имущество, а рынок — как сфера реализации прибыли. У демократической нации иное понимание Родины и рынка. Демократическая нация считает Родину очень ценной, потому что это очень большие возможности для национального мышления и культуры. Невозможно представить ни одной культуры и мышления, которая не была бы в его памяти. Однако не стоит забывать, что, ставя фетишизированное капиталистической современностью понятие страны-родины выше общества, преследуют цель извлечения прибыли. Очень важно не преувеличивать понятие Родины. Выражение «Все для Родины!» зиждется на фашистском понимании нации. Гораздо правильнее было бы ориентировать на свободное общество и демократическую нацию, но это нельзя доводить до уровня идолопоклонничества. На самом деле надо сделать жизнь ценной. Родина — это инструмент жизнедеятельности нации и личности, но не идеал. В то время, как государствообразующая нация стремится к однородному обществу, демократическая нация формируется из различных коллективов. Она видит в различиях богатство. Впрочем, жизнь как таковая возможна только благодаря различиям. Национальное государство, требующее однотипных граждан, будто бы вышедших из-под токарного

отанка, в этом плане само по себе противоречит жизни. Конечной целью является создание человека, подобного роботу. В этом плане она, в сущности, движется к своему краху. Гражданин совершенно иного типа, принадлежащий к демократической нации, черпает отличия в недрах различных обществ. Ценности родо-племенных обществ представляют собой богатство демократической нации.

Язык, несомненно, столь же важен для нации, как и культура, но, вместе с тем, он не является обязательным условием. Многоязычие отнюдь не является препятствием принадлежности к одной нации. Нации не нужно единое государство, ей не нужен и единый язык или диалект. Национальный язык нужен, но не является неперемennым условием. Разнообразные языки и их диалекты тоже можно считать богатством демократической нации. Но национальное государство в жесткой форме насаждает единый государственный язык, не давая шанса применить множество языков, особенно в официальной сфере, и в этом смысле старается воспользоваться привилегиями господствующего характера нации.

В условиях, когда демократическая нация не может развиваться в модель национального государства не в состоянии решать проблемы, в качестве основы консенсуса можно рассматривать юридическое понимание нации. То, что подразумевается под конституционным гражданством, по сути, этим и является. По конституции правовой статус гражданства не признает расовых, этнических и национальных различий. Такого типа особенности не порождают никаких прав. Юридическое понимание нации — это категория, развивающаяся в этом смысле. В частности, европейские нации постепенно эволюционируют от национальных критериев в упомянутом направлении. Если для демократической нации важнее всего самоуправление, то для правовых наций важнее всего права. В национальном государстве определяющую роль играют администрации: власти и авторитарное управление. Наиболее опасным типом нации является структуризация мировоззренческой модели «армия-нация». Если даже на первый взгляд она представляет сильную нацию, то, по сути, включает в себя недопустимое мировоззрение, постоянно насаждающее собственные требования и ведущее к фашизму. Экономическая нация — это категория, близкая к национальному государству. Такое национальное мышление, которое признает

главенствующую роль экономики США, Японии и даже Германии, некогда было в Европе еще сильнее. Что касается категории «социалистическая нация», то при всем желании утверждать это, называя ее успешной не представляется возможным. Это пример нации, который мы частично встречаем на Кубе. Но и этот пример нации является социалистической формой национального государства; вместо национального государства с преимущественной ролью частного капитализма в ней представлено национальное государство с преимущественной ролью государственного капитализма.

Когда речь идет о теории нации, то обстоятельством, которое должно быть особо подвергнуто критике, становится освящение нации, ее обожествление. Капиталистическая современность вместо традиционных религий и восприятия богов обожествила непосредственно национальное государство. Данное обстоятельство имеет очень большую важность. Если идеологию национализма рассматривать как религию национального государства, то само национальное государство можно считать божеством этой религии. В современную эпоху само государство было построено так, что включает в себя все религиозные концепции Средневековья, даже Древнего мира. Явление, называемое «светским государством», — это создание и конкретизация верований Древнего мира и Средневековья в полном объеме, или же только его сути. В этом плане не следует допускать ошибок. Если стереть лак светского или современного национального государства, то под ним окажется религиозное государство Средневековья или древности. Между государством и обожествлением есть очень тесная связь. Существует очень тесная связь между возвышающимся монархом Древнего мира и Средневековья, и понятием Бога. Монарх как личность, утратив свое влияние в конце Средних веков, превратился в некий институт и национальное государство, а бог-монарх уступил свое место богу национального государства. Тем самым в основу превозношения до священных высот института национального государства вместе с понятиями Родины и рынка положена идеологическая гегемония, делающая возможным закон максимальной прибыли капиталистической современности. Идеологическая гегемония, придавая религиозный характер этим понятиям, связанным с нацией, легализует правило максимальной прибыли, тем самым вводя его в действие.

То, что в наше время символы национального государства и его основные лозунги в форме «единого флага», «единого языка», «единой родины», «единого государства», «унитарного государства» провозглашаются настолько громко, что просто разрывают барабанные перепонки, а глаза сужаются от аллергии, испытываемой по отношению к многоцветью множества флагов, в то время как мир мышления становится ущербным, будучи доведенным до монолитного состояния, национальный шовинизм в любом своем проявлении, особенно в спорте и искусстве, лелеется и превращается в состояние ритуала, можно считать формами верований в религии национализма. По сути, верования предыдущих эпох выполняли те же функции. В данном случае основной целью является утверждение интересов монополий власти и эксплуатации путем их утаивания, или узаконения путем придачи им священного характера. Все маскирующие и преувеличивающие подходы современности в отношении национального государства могут быть истолкованы в рамках этой основной парадигмы, и тогда мы лучше поймем истину социальной действительности.

Демократическая нация — это такая модель нации, которая меньше всех переживает эти болезни. Она не превозносит до священных высот свою администрацию. Ведь администрация — это всего лишь орган, стоящий на службе ежедневной жизнедеятельности. Любой может стать управляющим чиновником, если соответствует требованиям. Управление — ценное явление, но отнюдь не священное. Понятие национальной идентичности открыто; это отнюдь не принадлежность к абсолютно замкнутой религиозной общине, не отшельничество верующего мумина. Принадлежность к той или иной нации не является ни привилегией, ни недостатком. Можно ощущать свою связь не только с одной нацией, точнее, можно ощущать различные тесно сопряженные национальные идентичности. Если демократическая нация достигнет согласия с правовой, то они могут сосуществовать совершенно спокойно. «Родина», «флаг», «язык» — очень важные, но далеко не священные понятия. Воспринимать тесно связанные между собой земли, являющиеся общей для всех Родиной, языки и флаги не просто возможно, но вместе с тем является потребностью исторического общества. Явление демократической нации в комплексе всех этих особенностей вновь занимает свое место в истории в качестве сильной альтер-

нативы национальной государственности, ставшей инструментом войн капиталистической современности.

Модель демократической нации, как конструктивная модель, вновь демократизирует социальные отношения, растерзанные национально-государственной моделью, она делает их более податливыми в отношении согласия, миролюбивыми и позитивными. Эволюция национальной государственности в направлении демократической нации принесет с собой величайшие достижения. Модель демократической нации, в первую очередь смягчив полное насилия социальное восприятие, в сочетании с правильным социальным сознанием делает его человечным, разумным, чувственным и симпатичным. Несомненно, если даже она полностью не устранил эксплуататорские, основанные на насилии отношения, но заметно смягчит их, это позволит создать общество большей свободы и равноправия. Модель демократической нации не останавливается только на развитии мира и толерантности, но, вместе с тем, реализует эту миссию путем превращения репрессивных и эксплуататорских подходов к другим нациям в общие интересы и взаимодействие. Когда нации и международные структуры будут заново построены в соответствии с фундаментальными критериями мышления и структуризации демократической нации, результаты новой, то есть демократической современности, будут восприниматься не просто теоретически, но и практически на уровне Ренессанса. Альтернативой капиталистической современности являются демократическая современность и демократическая нация, положенная в ее основу; экономика, которая будет соткана демократической нацией внутри и вне общества, и само общество — экологическое и миролюбивое.

Наиболее верным, нравственным и политическим путем к выходу из кризиса мирового финансового капитала является ускоренное строительство демократических наций вместо пустых или полностью выхолощенных национальных государств и их региональных и мировых союзов. В частности — созидание вместо ООН новых демократических наций с высшим конструктивным потенциалом. В данном случае очень важно осознавать, что демократическая нация не сменила сингулярное национальное государство и не превратилась в него, а в тесном переплетении развивает региональные модели (частично по этому пути идет ЕС) и мировые модели.

4. СОЦИАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ

Основным идеалом классической социалистической утопии всегда было стремление к защите социальности от индивидуализма, навязываемого обществу капиталистической современностью, стремление связать это с требованиями свободы и равенства. Традиционная ностальгия, испытываемая по отношению к обществу, свободе и равенству, усилилась после обретения капитализмом своих гегемонистских особенностей. По мере развития либеральной идеологической гегемонии социальные утопии, испытав влияние развивающейся науки, объявили себя социалистическими. Дрейф центральной системы цивилизации новой эпохи в сторону гегемонии стал итогом длительной борьбы в процессе урбанизации Западной Европы. Серьезный упадок гегемонии цивилизации исламских стран, Китая и Индии получил ускорение в XVI веке. Основную роль в этом сыграло успешное освоение городами Западной Европы культурных центров древней цивилизации.

Западноевропейская цивилизация связана не с силой и конструктивным потенциалом христианства, как это принято считать, а с новыми культурными поисками, вызванными неумением удовлетворить потребности новой городской жизни. Только реформирование позволило христианству продолжать существование в условиях прогресса XVI столетия. Весьма ограниченное по форме реформаторство религии смогло удовлетворить потребности новой городской цивилизации. Национальная ориентация церкви стала не сущностной, а чисто формальной реформой. Настоящими источниками культурных потребностей были ислам Ближнего и Среднего Востока, Китай и Индия. Переносы цивилизации, осуществляемые из этих центров, увенчались переворотом в английской экономике, французской политической и социальной революциях в конце XVIII века. Несомненно, в этом сыграли определенную роль и многие другие факторы. Но какими бы новшествами ни изобиловали изыскания и изобретения, в конечном счете не представлялось возможным перемещение гегемонии в сторону Европы без переноса культуры из этих древних центров цивилизации. Несомненно, движения Ренессанса, Реформации и Просвещения продемонстрировали способность Европы к величественным новациям и

синтезу. На более ранних этапах истории крупные движения такого типа имели место в регионе Плодородного Полумесяца, в Нижней Месопотамии, Восточном Средиземноморье и на Эгейском побережье. В сущности, последним крупным звеном центральной системы цивилизации, созданной в исторических центрах, стали берега Западной Европы. Определяющую роль в этом сыграли итальянские городские цивилизации.

Значение этой новой цивилизации, то есть капиталистического модерна, с точки зрения нашей темы заключается в том, что она вовлекла новую научную парадигму в собственную гегемонию. Новая прагматическая наука, предложенная вместо мировоззрения, имеющего религиозные, даже философские истоки, стала набирающей обороты ценностью. Научная революция, развивавшаяся в университетских стенах в конце XVIII века, являлась дополнением прочих политических, экономических и социальных революций. Был проведен кардинальный водораздел между экспериментально подтверждаемыми естественными науками и теми науками, которые имеют отношение к социальной природе. Внутри самих наук сформировались многочисленные специализации и профессиональные направления. Либеральная идеологическая гегемония не преминула наложить свой отпечаток на социальные науки. Приспособив позитивные достижения революции к деятельности своих монополий, она привела их в соответствие с собственными интересами. Именно под воздействием либеральной научности социалистическая утопия под предводительством К. Маркса и Ф. Энгельса к середине XIX века объявила себя научным социализмом. Впрочем, К. Маркс и Ф. Энгельс сами заявляли о том, что созданный ими научный социализм является синтезом немецкой философии, английской политэкономии и французского утопического социализма.

Несмотря на все идеи научности и критические подходы, научный социализм, в первую очередь социалистические системы СССР и Китая, проделав многочисленные опыты, тем не менее, не смогли продемонстрировать умения разорвать рамки институтов материальной культуры современного капитализма (экономические, социальные и политические структуры), ее мировоззрения и научного мира. Нельзя утверждать, что все социалистические революции потерпели полное поражение. Эти революции остави-

ли глубокий след, и нельзя отрицать, что и сегодня они являются незаменимым элементом современной жизни и наиболее надежной силой мира разума. Но они не смогли увидеть различия между альтернативной цивилизацией и современностью. Им не удалось избежать значительной ассимиляции в границах современного капитализма. Данные реалии не были роком, но были связаны с проблемами, которые не смог решить социализм эпохи капитализма, что в достаточной мере очевидно и сегодня.

Очень важны дискуссии, которые с наступлением индустриализации капитализма стали проводиться в отношении общества. Упомянутый период постоянно стремились подвести под социальные утопии научный фундамент и внести практическую линию. Но в корне всех этих усилий было мировоззрение эпохи Просвещения, существенно отошедшее от прошлого. То, что мировоззрение Просвещения стало не диалектическим выходом из прошлого, а кардинальным отходом от него, имело серьезное влияние на процессы в течение последующих двух столетий. Все факты воспринимались как вновь возникшие и не имеющие никакого отношения к прошлому и традициям. Более того, все, что было связано с прошлым, воспринималось негативно. Если у таких позиций и были понятные причины, обусловленные необходимостью новой парадигмы мышления, все же очевидно то, что они искаженно отражали социальные реалии. Несомненно, потенциал истины в мышлении, свойственном Просвещению, во многих аспектах (не во всех) превосходит предыдущие эпохи. Если бы это было не так, оно бы не создало новую эпоху. Но и это не может считаться охватом всей истины. Таковыми были идеи всех предшественников. Именно эти идеи и породили проблемы. Гегеля можно считать великим философом, мыслившим в духе Просвещения, но подвергшим его ревизии. Он признавал, что эта эпоха заняла свое заслуженное место в истории общества, но вместе с тем продемонстрировала недостаточно совершенное в этом плане состояние философии как науки.

К. Маркс, черпавший силы в учении Гегеля, считал, что сможет при помощи материализма преодолеть сильные и чрезмерно идеалистические стороны философии Гегеля, и в этом он действовал очень принципиально. Проблема в данном случае заключается не в том, что водораздел между материализмом и идеализмом столь важен, а в

том, что К. Маркс не понял следующего: по своей сути оба учения обладают идеалистическими метафизическими особенностями. Маркс считал, что существуют две противоречивые философии. В данном случае Маркс гораздо более Гегеля находился под воздействием мировоззрения эпохи Просвещения. Маркс считал прошлое более бесильным, нежели побежденное, или то, что прошлое состоит из теневого явления, изображения. Он не смог понять, что вся сущность прошлого и есть «сегодня». В этом плане он оказался уязвимее Гегеля. Можно сказать, что в последние годы своей жизни (1880—1883 гг.) Маркс осознал эти ошибки и недостатки, осознал значение и государства, которое он называл надстройкой, и коммунального общества. Он стал интересоваться обществом Востока и несколько изменил свои взгляды. Однако на протяжении всей истории социалистической системы линия, свойственная Просвещению, господствовала над марксизмом. Вот основная ошибка этой истории: основоположники марксизма верили, что новое общество, или коммунизм, будет полностью построено на базе капитализма, как преодоление влияния капиталистического общества, и даже выразили это на научном уровне в виде «научного социализма».

Этот подход сам по себе включает две основные ошибки: первая заключается в том, что не было полностью осознано, что ни в физике, ни в биологии не может быть полной научной точности (важно видеть связь с доверием, которое испытывалось к наукам того периода), следовательно, не было понято то, что социальная природа не может быть подвержена конкретной научной формулировке. Социальная природа сама по себе — это культура. Она постоянно испытывает огромное влияние мировоззрения. Таким образом, отождествление социальной природы с законами физики или дарвинистскими биологическими законами приводит к ошибкам, в основе которых неверный научный подход. Вторая ошибка связана с философией истории. Не смогли понять того, что само общество является историческим явлением, но его следует считать иной, вторичной социальной природой. Даже не хотели понять, что сегодняшний день общества в большей степени — это его история. Мировоззрение в духе Просвещения не допускало такой возможности. Поэтому и появились оценки капитализма, сделанные на почве грубого позитивистского мировоззрения, выхолащенного либерализмом. капита-

низм, считавшийся наиболее передовым для своего времени обществом, не только не рассматривался как форма эксплуатации, но и отождествлялся с новым обществом. Метод эксплуатации, который грабит мировую систему, формировавшуюся на протяжении миллионов, возможно, миллиардов лет, такими нечеловеческими беспрецедентными методами, как капитализм, считали победными реалиями общества! Основная слабость марксистской парадигмы заключается именно в этом. Стало быть, эта слабость и есть основной фактор распада системы социализма. Движение, направленное на исправление, основанное на марксизме или социализме, должно отталкиваться именно от данной истины.

То, что социализм на уровне концепции позиционирует себя как социальное явление, — это совершенно правильно. Неверным является понятие «капиталистическое общество» и то, что, преодолев эту общественную формацию, человечество дойдет до коммунизма. Прежде всего, не проводя очень четкой линии вокруг этого понятия, следует воздерживаться от оценки понятия «капиталистическое общество» (сюда же следует добавить рабовладельческое, феодальное и пр. модели) едва ли не как социальной истины. Наиболее правильным было бы считать капитализм социальной болезнью, дошедшей до смертельной опасности, некоей канцерогенной опухолью на теле общества. Все общества докапиталистического периода, включая те, что называют рабовладельческим и феодальным, считали величайшей безнравственностью формы эксплуатации, относящиеся к капиталистическому типу, и обрекали их на маргинальное существование в различных социальных ячейках. Гегемонистскую победу этого чудовища над обществом мы постарались проанализировать в предыдущих томах, посему довольствуемся только привлечением к ним вашего внимания. То, что болезнетворный паразит общества с такими реалиями называют «самым передовым, победившим обществом», стало причиной ущербности всех социальных наук. Я говорю это к тому, что размышления, касающиеся капитализма, имеющего гораздо более сильную эксплуататорскую сущность, нежели обожествленный жрецами режим Шумера, имеют идеологический характер, а капитализм — это режим богов без масок, искусственным образом обретших тысячекратно большую святость. Как истина, все это не имеет никакого отношения к

социальной науке. Речь идет только о том, что научные концепции мастерски выстраиваются в ряды искаженных понятий (экономическая, политическая науки) как будто это наука.

Общество является итогом эволюции протяженностью в миллионы лет, это продолжение предыдущей сферы одушевленных существ, представляющей собой особый мир как продукт потрясающего царства разума и чувств. Общество обладает такой цельностью. Это познавший себя космос длиной в пятнадцать миллиардов лет (история Вселенной). Создание общества методом капиталистической эксплуатации — не что иное, как идея создания богов фараонами и немродами. В этом смысле «капиталистическое общество» — вымысел, некая фараоновская идея. Точнее всего считать капитализм (более ужесточившийся в форме финансового капитала) некоей социальной болезнью. Более понятным и нравственным подходом должно стать развитие социалистической науки, которая едва ли не с позиций медицины хочет избавить человечество от болезни под названием капитализм. В противном случае мы не сможем объяснить ни войны, имевшие место на протяжении последних пяти столетий, ни создание атомной бомбы, ни рост населения и упадок окружающей среды. Следует высоко оценивать такие сообщества, как клан, род, народность, община и даже те национальные ценности, которые не характерны для национального государства, хотя и либеральная капиталистическая современность, и социалистическая система считают эти сообщества социальным атавизмом. Все эти дифференцированные общественные формации имеют собственную ценность. Даже в самом совершенном обществе, развивавшемся по законам диалектики, необходимо усматривать развитие и объединение кланов, родов, племен и народных масс. Подобно тому, как элемент, включающий в себя сотню атомов, отнюдь не означает исчезновение самих атомов, а напротив, будет восприниматься как развитое и объединенное состояние самих атомов, так и все процессы дифференциации общества на постклановой стадии следует оценивать в аналогичном русле, что приведет к социальной истине.

В таком случае социализм в соответствии с его же сущностью следует считать панацеей от капитализма, и состоящим не только из этого, а являющимся обществом, представляющим собой развитое, сплоченное общество, стремящееся к формированию на

нове свободы и равенства. Оставим пока в стороне вопрос возникновения социализма на развалинах современного капитализма. Но если социалистическое общество сможет отдалить от исторического общества нездоровое состояние, навязанное социуму капитализмом в виде сегодняшних «железной клетки» и «Левиафана», то такое общество сможет развиваться в соответствии со своим определением. Путем отхода от атавизмов рабского гнета и монополий эксплуатации, навязанных социальной действительностью, социализм, пусть и не в той форме, в какой на протяжении всей истории цивилизации существовал капитализм, но сможет основательно укрепить свой исторический фундамент и позиции ежедневными достижениями (благодаря ценностям, завоеванным на стадии борьбы с капитализмом) и возродиться.

Обратите внимание на то, что в данном случае мы не используем методов забегания вперед и однозначного именования в стиле «старое и новое общество» или «рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и социалистическое общества». Мы берем за основу такие концепции, как «общественное развитие», «целостность», «равенство на почве обретения свободы и различий». Но важнее всего то, что мы не рассматриваем социализм как общественный строй, который наступит в будущем в результате революционного переворота или эволюционного развития. Впрочем, такого рода методы противоречат реалиям жизни, свойственным природе общества. Человечество — абсолютно социальное явление и не может существовать на базе разделения «прошлое-настоящее-будущее». Все три состояния человечества сосуществуют в тесном переплетении. Сегодняшний миг настолько же прошлое, насколько и будущее. В данном случае есть необходимость правильного философского осмысления. Считая философию времени бесконечным прошлым или бесконечным будущим, мы не добьемся никакой осмысленности. Мы можем считать время только появлением субстанции, то есть появлением какой-либо субстанции — это ее время. Нет никакого иного понятия времени. Если это так, то фактором времени общества можно считать его формирование. Поскольку общество постоянно находится в процессе формирования, то «прошлое-настоящее-будущее» в таком случае воспринимается, не раскрываясь. Представление о развитии общества как о прямой линии с длитель-

ными интервалами ошибочно и может привести к таким социальным суждениям, от которых весьма сложно будет избавиться.

Наиболее близкие к истине жизненные реалии — это наиболее полная социальная жизнедеятельность, ощущение и восприятие общества как волнение в миг созидания и надежда на будущее. Очень большое значение имеет реализация такого образа жизни и восприятие этой необходимости как фундаментального вопроса социалистической теории и практики. Упомянутая реализация обретает смысл как выражение и правильное ощущение социальной истины. Вместо того чтобы считать социализм просто проектом или программой, имеющими отношение к будущему, следует искать истину в том, что это — образ нравственной и политической жизни, дающий свободу, установивший равенство и справедливость, имеющий эстетическое значение. Социализм — это осмысленный образ жизни, выражающий истину. Надо быть мудрецом и мумином своего времени, подобно тому, как жили мудрецы и мумины, известные нам из многочисленных исторических примеров. Индивидуализм, являющийся выражением нравственного упадка либерализма, это отнюдь не свобода, а низжайшая форма рабства, продолжающаяся на основе лживого мышления. Социализм, как антилиберализм, — это идеология реализации свободы в коллективных действиях и по канонам нравственности.

В своих социальных позициях мы не должны преувеличивать роль капитализма. В частности, утверждая, что наша эпоха является эпохой господства империализма и капитализма, а капитализм — это форма ежедневной жизнедеятельности, признает за ним незаслуженные права. Это неправда, и такая ошибка во многом формируется под воздействием пропаганды. Это — идеологическая война, разжигаемая пропагандой страха. Реальным является то, что капитализм — система, обреченная оставаться на маргинальном уровне, антиобщественная грабительская система, стремящаяся сохранить господство методами фашистского насилия, система сорока разбойников. Подобно тому, как в древнюю эпоху освящение и обожествление деспотов превращало людей в бессловесных рабов, так и в наше время у капитализма есть идеологическая гегемония, порождающая аналогичные последствия. Имеет место бессловесное рабство и ничтожество, которое эта гегемония подпитывает «холодной войной» и горячими точками.

Ошибочно считать социализм обществом, которого можно достичь вследствие революционных событий и победных войн. Несомненно, если формируются соответствующие условия, то возможны и войны с целью революционных преобразований. Но социализм — не просто революция, это демократическое участие в обществе, осознанная жизнь и выступления против капитализма. Те, кто считает, что «социализм наступает вследствие революции», просто обманывают себя и погружаются в напрасные ожидания. Насколько разумно и сильно проживается прошлое, превращаясь в настоящее, настолько же разумно и сильно человечество встречает и проживает свое будущее. Несомненно, во всех этих процессах необходимо стратегическое и тактическое предводительство. Но восприятие социализма как практических действий, которые можно осуществить при помощи таких военных терминов, приведет к серьезным ошибкам. Социалистическая система развивалась в определенной степени именно в таком русле, и когда наступила усталость, данная система просто распалась. Под общей демократической парадигмой кроется гораздо большая, нежели когда-либо ранее, потребность в социалистическом движении, партиях и блоках, берущих за основу принцип исторического общества. Обществу потребителей, окруженному капитализмом при помощи таких орудий, как индустриализм и национальное государство, и разрушению окружающей среды противопоставляется собственное оснащение при помощи экологического, экономического и демократического конфедеративного управления. Развитие социалистической теории по такому плану и перенос в сферу практических действий сегодня нисколько не утратили своей значимости и актуальности. Собственно говоря, это не просто передовое мышление и организованное движение, развивающееся против капиталистической гегемонии, а реальное движение социализации, на протяжении всей истории осуществлявшееся с тем же смыслом, но в различных идеологически-практических формах. Истинное общество является природой этого движения, сущностью процесса социализации. Данный процесс переживается систематически, параллельно всем системам цивилизаций, но в форме их антипода. То, что это движение до сих пор не обрело особого понимания, связано с пропагандистской деятельностью противной стороны. Общественные

истины — это сам социализм, и они будут развиваться как реальный образ жизни по мере существования общества. В этом смысле — это история не только история классовой борьбы, это борьба за самосохранение общества, свободу и равенство в противовес гегемонистской власти и государству. Социализм — история этой социальной борьбы, последовательно обретающая научный характер.

5. СВОБОДНАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Не поняв сути отношений между женщиной и мужчиной, нельзя достаточно осознать и решить ни одной социальной проблемы, в основе которых лежит проблематичность взаимоотношений между женщиной и мужчиной. Институт брака, одностороннее навязываемый женщине в иерархическом и цивилизованном обществе, во многих своих аспектах создает систему мужского господства, тем самым закладывая фундамент такой зависимости и рабства, что не свойственны ни одному одушевленному существу, кроме человека. Первый социальный, классовый и национальный статус угнетателей и угнетенных возникает и укрепляется именно на этом фундаменте. Именно данная действительность лежит в основе всевозможных конфликтов и войн. Больше всего современный капитализм, являющийся последней стадией истории цивилизации, маскирует и в совершенно перевернутом виде, негативно отражает именно реалии, связанные с рабским статусом женщины. Женщина, отождествляемая с нечистой силой в обществе, называемом «цивилизованным», рассматривается современной социологией как наиболее покладистая личность в мире конформизма, бесплатная домработница и машина для рождения детей.

Первым шагом в социологии реалий должно стать глубокое восприятие содержания и всех форм той системы рабства, которую мужчина-насилник и эксплуататор на протяжении тысячелетий собственными руками и мировоззрением навязывает женщине, поскольку все формы рабства и эксплуатации, существующие в этой сфере, являются прототипами рабства и эксплуатации во всем обществе. Правильно и противоположное. Борьба за свободу и равенство, развернутая против рабства и эксплуатации, насаждаемой в жизни женщины, и уровень достижений в этой борьбе являются фундаментом борьбы за свобо-

у и равенство, против рабства и эксплуатации во всех сферах общества. Основной причиной того, что борьба за свободу и равенство, проходящая на протяжении истории цивилизации и в эпоху современного капитализма, развивается на базе ошибок и не может привести к победе, заключается в том, что институты, а также рабское и эксплуататорское мировоззрение, насаждаемые в жизни женщины приобретающие определенные формы, оказались недостаточно понятыми и осознанными, причем борьба в отношении этих институтов не была поставлена во главу угла. Говорят, что «рыба гниет с головы». Если фундамент ошибочный и непрочный, то возводимое здание не может устоять даже при незначительной тряске. Реалии нашей современной жизни тоже полны бесчисленных примеров такого рода.

Таким образом, концентрация усилий на проблемах женщин при решении социальных вопросов, умение связать усилия, направленные на достижение свободы и равенства, с жизнью женщины являются и основным методом исследования, и фундаментом последовательных научных, нравственных и эстетических усилий. Метод исследований, не видящий реалий женской жизни, борьба за свободу и равенство, не вовлекшая женскую проблему в свой эпицентр, никогда не постигнет истины, не достигнет свободы и равенства.

Основанием для достойной жизни является в первую очередь точная характеристика женщины и определение ее роли в жизни. Это суждение мы высказываем не в связи с биологическими особенностями и социальным статусом женщины. Здесь важна сама концепция ее жизнедеятельности. По мере характеристики женщины в пределах возможного будет дана и характеристика мужчины. Если брать за основу образ мужчины, то мы не сможем дать точное определение ни женщине, ни самой жизни. Естественное существование женщины имеет более центральное положение — это подтверждается и биологической точкой зрения. Предельно сниженный и размытый статус женщины в обществе, где господствует мужчина, не должен мешать нам осознать реалии женщины. Природа жизни больше связана с женщиной. То, что женщина максимально выдворена за границы общественной жизнедеятельности, не опровергает, а, напротив, подтверждает эту истину. Насилие и уничтожающая мощь мужчины, по существу, осуществляют в лице женщины агрессию против самой жизни. Враждебность господ-

ствующего в обществе мужчины по отношению к самой жизни и его уничтожающее воздействие на жизнь тесно связаны с теми социальными реалиями, которые он переживает.

Придавая универсальный характер этому суждению, можем взять за основу дилемму «энергия—материя». Энергия первичнее материи. Материя сама по себе — это структурированная энергия. Материя становится формальным состоянием сохранения, существования энергии. Эта особенность материи фактически запирает энергию в клетке, замораживает ее поток. У каждой формы материи есть своя доля энергии. Впрочем, это разнообразие энергии определяет формы материи, разнообразие ее структур. Энергия, содержащаяся в материи, присущей женщине, отличается от энергии в материи мужчины. Кроме того, женщине присуще большее количество энергии, также отличающейся качественно. Эти различия порождены самым обликом женщины. Когда в социальной природе энергия мужчины превращается в механизмы власти, она обретает материальные формы, состояния. Формы во всей вселенной имеют консервативный характер как охлажденная энергия. Для мужчины господство в обществе означает обретение формы власти. Энергия, которую в этом состоянии носит в себе мужчина, как правило, обрела свои формы. Энергии, которая не обрела формы, очень мало, и она встречается в людях очень редко. Что касается энергии женщины, то она не обретает преимущественный формальный характер. Энергия сохраняет свое состояние потока. Если она не будет заточена в мужской форме, в клетке, то продолжит свое существование в виде потока жизненной энергии. Красота, поэтичность, потенциал смысла в женщине, чья энергия не заморожена, тесно связаны именно с этим преимущественным состоянием энергии. Для того чтобы осознать эти реалии, необходимо глубже понять существование живого мира.

Эволюция жизни, дошедшая до уровня жизнедеятельности человека, может или должна быть частично охарактеризована. В первую очередь необходимо спросить самих себя о смысле жизни. Для чего мы живем? Почему жизнь продолжается, почему она питает и оберегает себя? Того, что для продолжения жизни необходимы питание, защита и воспроизводство, во всяком случае недостаточно для ответа. После этого следует задаться вопросом о том, зачем мы размножаемся, питаемся и защищаем свою жизнь. Ответ, что это все «для того,

«Чтобы жить» опять приведет нас в тупик. Но тупик — это не ответ на вопрос. Уровни мышления, эволюционировавшие и развившиеся в виде формы энергии до состояния человека, показывают некоторые пути к ответу, касающемуся явления осознания. Эволюция Вселенной до состояния человека свидетельствует о постоянно развивающейся силе смысла. Заключение во Вселенной или потенциальная действительность как бы постоянно стремится выйти из тени, попытаться и быть понятой, что и является основным инстинктом Вселенной. Вопрос, который следует задать после этого, должен касаться этих процессов осознания. Что это за вещь, которая хочет понять и быть осознанной? Заповедь, написанная в Священном писании: «Бог говорит, я был тайной, и для того, чтобы быть понятым, я создал Вселенную», — может стать ответом на наш вопрос, но этого недостаточно. Потребность быть осознанным не может полностью охарактеризовать смысл. Но она может частично раскрыть тайну жизни.

Суждение Гегеля об абсолютном разуме обладает схожим с этим смыслом. По Гегелю, Вселенная при помощи абсолютного духа осознанно превратилась в саму себя. Космос, который хотим познать, пройдя через физический, биологический и социальный этапы, при помощи наиболее сильного состояния разума, коим является философия, то есть при помощи абсолютного разума, познал себя и тем был удовлетворен. Тем самым он завершил приключения, сделав самого себя самопознающим космосом. Эти суждения, несущие в себе значительные доли истины, отождествляют цель жизни со смыслом. Понятие «theogia» в древнегреческой философии содержит схожий смысл. В итоге «смысл» — это обожествление социального человека. В данном случае важно следующее: может ли обожествление социального человека, или обретенная им сила «смысла», представлять смысл во всей Вселенной или стать его выражением? Может ли максимальный смысл, кроющийся в социальности (абсолютный разум по Гегелю), отождествляться с универсальным смыслом? Не является ли само общество недостаточной экзистенцией? Не будет ли недостаточным в таком случае его смысл?

Но, будучи людьми, мы не можем дать ответы на все эти вопросы, потому что мы ограничены рамками общества. Мы не можем существовать над обществом. Можем только задавать вопросы. Наша судьба такова, что задаваемые нами вопросы — это половина пони-

мания. Таким образом они могут показать пути к пониманию (абсолютный смысл). Мы можем удовлетвориться, поняв, что очень важно осмысленное состояние сегодняшнего мига, и мы приблизились к осознанию основной цели жизни. Мы можем приказывать себе, обрести способность решать большую часть основных проблем, имеющих отношение к осмысленной жизни, найти ответы на вопросы, касающиеся справедливой, красивой и правильной социальной жизни, о которой мы, по меньшей мере, мечтаем.

Обратившись к реалиям женщины с такой философской перспективой, мы можем достичь такого результата, как необходимость развития связи той осмысленной жизни с женщиной в комплексе всех хороших, правильных и красивых сторон. Исходя из этого суждения, можно сказать, что истинной целью жизни с женщиной не может быть лишь воспроизводство и размножение. Так что, можно сказать, что воспроизводство известно и среди простейших одноклеточных живых существ, возможно, на этой почве и закодирована их жизнь, имеющая одну цель — размножение. Но развивающаяся Вселенная свидетельствует о том, что деление одноклеточного на две клетки не является концом жизни, и миллиарды раз происходящее деление одноклеточных приводит не к смерти, а к быстрому развитию различных видов. Это свидетельствует о том, что следующим осмысленным ответом может быть не размножение, а изменение и преобразование. Размножение — это необходимый для жизни инструмент, но этого вовсе не достаточно для восприятия жизни. Размножение — это средство, но не цель и смысл. Точнее, жизнь, чей смысл заключается только в размножении, это ошибочная жизнь с массой недостатков. Если удел одноклеточных таков, то сведение человеческой жизни с женщиной только к половому воспроизводству и размножению является выражением не просто недостатка смысла в этой жизни, но и ее полнейшей слепоты. Впрочем, учитывая, что у женщины не может быть такого размножения, как у амёб, нельзя ставить проблему размножения с женщиной в центр всех жизненных проблем и делать это целью жизни, что означало бы неумение извлечь необходимый смысл из всей эволюции живых существ. Собственно говоря, проблема населения в обществе полностью преодолена при помощи современных технологий. Постепенно серьезной проблемой становится не малочисленность населения, а, напротив, демографический

от, который такими темпами может привести к тому, что человечество не уместится на Земле. Как было отмечено в случае с одноклеточными, скорость размножения связана с отсталым и примитивным уровнем жизни, и каждый факт размножения означает смерть. Физическое размножение во всех эволюционных видах содержит в себе такой смысл. Смертное существо считает, что может обессмертить себя путем размножения; здесь и кроется заблуждение. Продолжение себя собственной копией может удовлетворить потребности в безопасности и стать мечтой о приобщении к бесконечности, но никогда не является реалистичным и истинным.

По сути, у философии жизни, основанной на принципе размножения в паре с женщиной, нет никакого серьезного смысла. Такие явления классового общества, как наследство и стремление быть сильным, загрузили смыслом женщину, постоянно рожаящую детей, что связано с гнетом и эксплуатацией и крайне негативно для самой женщины. Известно, женщина, рожаящая много, умирает рано. Жизнь, полная высокого смысла, возможна или с женщиной, рожаящей мало, или с не рожаящей вообще, если есть проблема перенаселенности для человечества. Рождение множества детей может считаться равносильным инстинкту самообороны отсталых колониальных народов, неспособных защитить себя при помощи интеллектуальной и политической силы. Ответ на уничтожение путем увеличения своего рода — это один из методов сопротивления и продолжения собственного существования. Но это самозащита обществ, не имеющих особых шансов на свободную жизнедеятельность. Поэтому в обществах со столь низким уровнем мышления невозможна совместная жизнь с женщиной на базе эстетики и правдивости. Сегодняшние реалии всех обществ в мире подтверждают это. Супружеская жизнь с женщиной не имеет каких-либо специфических сторон, связанных с питанием и защитой. Заботы о пропитании и защите свойственны всем одушевленным существам. Нет особого смысла обсуждать жизнь без супружеской пары. Во всех моделях жизни существует разделение на самок и самцов. Стало быть, проблема связана не с жизнью в паре, а со смыслом супружеской жизни в обществе людей.

Человеческое общество не является формой жизни ни одного из живых существ. Оно обладает способностями, позволяющими развивать господство и авторитарные отношения и между собой, и над

природой. Как это видно на примере национального государства, максимальное стремление к нации с точки зрения количества и качества может превратить планету жизни в кладбище. Искажение, имеющее место в данном случае, исходит из общества, в котором господствует мужчина. Гегемония, которую установил в отношении женщины господствующий мужчина, приводит нашу планету в состояние, непригодное для жизни. Этот итог тоже достигается не посредством биологической эволюции, а гегемонистской властью, находящейся в руках господствующего мужчины. Следовательно, необходимо освободить супружескую жизнь с женщиной от такого факта, как гегемонистская власть, находящаяся в руках господствующего мужчины. Женщина, чья жизнь проходит под ярмом господина, своей плодовитостью продлевает жизнь человечества на миллионы лет, хотя с наступлением капиталистической современности эта способность к деторождению в иронической форме приводит к концу жизни. Супружеская жизнь с женщиной в существующем статусе является предвестником конца жизни. У этой действительности есть бесчисленные проявления. Перечислим их:

А. Человечество дошло до такой степени, что население уже не умещается в рамках планеты и постоянно угрожает прочим живым видам. Такая супружеская жизнь с женщиной, пребывающей в существующем статусе, с каждым днем все больше и больше угрожает естественному характеру и экологии.

Б. Опять же, такая жизнь способствует безграничной эскалации власти; как в самом обществе, так и вне общества. Уровень, которого достиг милитаризм, в достаточной степени подтверждает эту истину.

В. Сексуальность женщины превращена в чудовищное средство эксплуатации, над женщиной установлено устрашающее господство и давление. Жизнь полностью искажена, едва ли не отождествлена с бессмысленно повторяющимся половым распутством.

Г. Женщина, которую постепенно выдавливают из общества, превращается в инструмент обязательного продолжения рода, сексуальный товар и самую дешевую рабочую силу. Казалось, нет у нее больше никакого смысла жизни.

Д. В отношении женщины совершается едва ли не культурный геноцид. Ее ценность заключается только в ее половом аспекте и использовании в качестве средства для продолжения рода; из женщин

формируется армия безработных, готовых работать за низкую плату и вообще бесплатно. Женщина лишена сил, способных защитить физически, помочь отстоять свою нравственность и смысл.

Е. Общество, замучившее женщину в тисках жизни под этими факторами, можно считать нездоровым обществом. Общество бесмысленной женщины тоже становится бессмысленным.

Признаки, которые можно было бы перечислять все больше и больше, очень четко сигнализируют о том, что супружеская жизнь женщиной нуждается в коренном преобразовании. С женщиной, которая беззащитна и является собственностью, совершенно невозможна свободная супружеская жизнь. Это невозможно и с нравственной точки зрения, потому что рабство возникает там, где уничтожается нравственность. Естественно, мы не можем назвать нравственностью нравственность гегемонистских сил. Ведь гегемон, в данном случае мужчина-гегемон, реализуется только на руинах уничтоженной общественной нравственности. Поскольку без женщины жизнь невозможна (в данном случае действительно и противоположное, ведь и без мужчины жизнь, даже будучи возможной, становится лишь рабским существованием), то спасение жизни требует спасения женщины. Это выражение, скорее всего, связано с женщиной, пребывающей в тисках социальной структуризации. Проблема женщины, находящаяся в связи с миром мышления, обретает еще большее значение. До тех пор, пока не будет развито мышление, способное успешно противостоять негативным сигналам о женщине, она не сможет стать женой, в частности, супругой, спутницей в свободной жизни. Итак, можно следующим образом вкратце, в виде противостоящих тезисов, охарактеризовать те меры, которые необходимо принять для жизни с женщиной на уровне свободного супружества:

А. В первую очередь есть необходимость в концепции экологического супружества, которое не базируется на принципах продолжения рода путем размножения, соответствует универсальным идеалам человечности, наблюдает за существованием других живых существ на планете. Универсальный уровень, которого достигло общество, делает необходимой свободную жизнь с женщиной. Истинный социализм может быть только на почве свободной жизни с женщиной. Предисловием социализма является обязательное овладение уровнем свободной жизни с женщиной.

Б. Для этого необходимо бороться с гегемонистской властью мужчины на уровне мышления и структур и утвердиться в интеллектуальном и структурном итоге победы в этой борьбе на уровне свободного супружества. Свободная супружеская жизнь не может быть реализована без этой победы и без этого успеха.

В. Жизнь с женщиной ни в коем случае не должна рассматриваться с точки зрения постоянного и длительного сексуального инстинкта. Жизнь в условиях социального сексизма, доведенная как цивилизацией, так и капиталистической современностью до устрашающего уровня, должна быть ликвидирована на всех интеллектуальных и структурных уровнях, иначе не может быть и речи о свободной супружеской жизни. В рамках парадигмы и структур, где женщина воспринимается как собственность и сексуальный объект, жизнь с женщиной становится не просто наибольшей безнравственностью, но и самой грязной и ошибочной формой жизни. Нет никакого иного общественного явления, которое бы так унижало и разрушало в этих условиях женщину, и, стало быть, мужчину тоже.

Г. Свободная супружеская жизнь с женщиной возможна только в условиях, когда собственническая мораль будет отвергнута, социальный сексизм полностью преодолен, на всех уровнях будет царить социальное равенство (равенство на почве многообразия).

Д. Свободная супружеская жизнь возможна только с такой женщиной, которая перестала быть инструментом продолжения рода, дешевой или бесплатной рабочей силой, перестала быть объектом и на всех уровнях реализуется как субъект.

Е. Общество только в таких положительных условиях может соответствовать требованиям свободной супружеской жизни, следовательно, может эволюционировать в общество свободы и равноправия.

Ё. Свободная супружеская жизнь возможна между женщинами и мужчинами, которые в положительных социальных условиях развили свои структурные и нравственные ценности.

Следует очень хорошо знать о том, что гегемонистская цивилизация и современность обрели свое развитие ценою отрицания свободного супружества. Следовательно, если структурный и нравственный баланс сил, являющийся обязательным условием общественной любви, оказался невозможным между женщиной и мужчиной, любви как таковой быть не может. Любовь не может реализо-

тятся в условиях брака, совершенно утратившего свою смысловую энергию, мгновенно возникшего из рабских отношений рабского общества. Смертоносное влияние гегемонистской и современной власти наблюдается в невозможности организации свободной супружеской жизни именно по этой причине. Именно поэтому жизнь, воспринимаемая людьми как чарующее волшебство, в этих условиях утратила свой волшебный характер, превратилась в трагедию и конец света, что особенно актуально для женщины. Надо хорошо помнить, что супружеская жизнь — это социальное созидание. Такая жизнь не может осуществляться просто между людьми женского и мужского пола, она может осуществляться между социально организованными женщинами и мужчинами. Надо хорошо понимать то, что гегемонистское строительство делает инвалидами представителей обоих полов, а взаимоотношения между ними испытывают влияние этого и находят свое отражение в гегемонистских отношениях. В условиях гегемонистских отношений любовь не может развиваться. Основным условием любви человека является свободное волеизъявление людей по отношению друг к другу.

Когда цивилизация и современность вступают в действие на фоне гегемонистской жизни как институционально, так и идеологически, на протяжении всей истории постоянно переживаются парадоксы и имени любви. Много говорят о любви, но ее невозможно реализовать. Мировая литература в определенном смысле состоит из трагических повествований о нереализованной любви. Даже эпические повествования о том, что войны постоянно развязывались из-за женщин, подтверждает эти реалии. Все формы искусства — это своего рода признание несостоявшейся любви. Даже религии — это своего рода древнейшие произведения искусства, испытавшие сильное влияние односторонних желаний, не нашедших своей реализации во взаимоотношениях между богами и богинями. То, что супружеская жизнь в условиях систем цивилизации восхваляется как «частная жизнь», является абсолютно перевернутым отражением социальной истины. В сущности, то, что общественное воспринимается как частное, а частное как общественное, больше соответствует природе общества. Взаимоотношения в рамках супружеской жизни обладают такими особенностями, которые в корне влияют на универсальность и все социальные отношения. Самым крупным фактом двуличности

цивилизации является то, что эту универсальную связь цивилизация считает всего лишь очень интимной двойственной сингулярностью. Это является одной из основных причин того, что социология не имеет никакой ценности и пользы. Именно с этой действительной публичностью связано и приписываемое Сократу высказывание «женщина сделает человека или философом, или сумасшедшим», и народная поговорка: «Женщина сделает мужчину и визирем, и ничтожеством». Впрочем, одним из извращений цивилизации является разделение общества на «частную» и «публичную» сферы. В настоящем обществе нет необходимости в таком разделении. Истинными являются основные и определяющие формы взаимоотношений.

Первый шаг, который мы сделали в сторону человеческого общества во имя жизни, должен касаться супружеской жизни. Ни одна из жизненных сфер не является столь фундаментальной и определяющей, как сфера супружеской жизни. Современная социология одержима идеей считать экономику и государство основной формой взаимоотношений. В результате и экономика, и государство являются средствами супружеской жизни. Супружеская жизнь не может служить экономике, государству, религии. Наоборот, государство, религия и экономика должны служить супружеству. Именно поэтому это несоответствие и охватило всю современную социологию.

В ходе всех этих объяснений первой сферой, требующей научного обоснования, является именно сфера супружеской жизни. Отнюдь неспроста мифология и религии древности, кажущиеся очень примитивными, начинали свой путь именно в этой сфере, что связано с общественной истиной. Супружеская жизнь станет первым шагом к науке, которая будет развиваться, в частности, вокруг женщины, и верной социологии. Не только в социологии как науке, но и во всех сферах искусства и философии первый шаг должен быть сделан именно на почве этих взаимоотношений. Нет даже необходимости подчеркивать, что превосходство нравственности и религии, являющихся одними из областей философии, должно реализоваться именно в этой сфере. Нравственность и вера достаточно сильно связали себя с данной сферой.

В итоге банкротство современных сил гегемонистской власти и эксплуатации больше всего наблюдается на примере упадка супружеской жизни. История взаимоотношений между женщиной

мужчиной наткнулась на такое истощение, что налицо вся деградированность, утрата смысла. Ситуация такова, что и без этого мизантропия, и такое невозможно. Те, кто не связывает революцию напрямую с анализом этой хаотической ситуации, обречены на продолжение хаоса, и никаких более шансов. Те, кто совершает личные и коллективные выступления, могут сделать шаг в сторону свободной супружеской жизни, если будут основываться на этой сфере в научном, эстетическом и философском смысле. Эти первые шаги никуда не являются сингулярными, частными шагами, которые совершаются между двумя людьми, а являются первыми универсальными шагами на пути к демократическому социалистическому обществу, которое будет построено.

Быть социалистом означает в первую очередь быть заинтересованным в уровне свободы в супружеской жизни. Необходимо взять за основу стиль жизни, похожий на жизнь, полную значительных принципов и сложной практики, что встречалось в начале прежней мифологической и религиозной жизни. Созидание супружеской жизни социалистического типа возможно только путем преодоления сути и форм механизма одомашнивания современного капитализма и систем цивилизации. Оно не имеет никакой связи с сексизмом, превращенным системой в некую банальность, играми в домашний уют, стремлением к продолжению рода (в смысле размножения), «старостью на одной подушке». В частности, нет никакой связи и с ежедневным половым совокуплением, столь часто практикуемым в современную эпоху. У других живых существ нет ежедневного совокупления, это происходит с определенной периодичностью, что подтверждает следующий факт: половая особенность человечества основана на социальных реалиях. Сексуальный голод и излишества связаны с социальным созиданием и гегемонистской властью. Мужской сексизм, навязываемый женщине, проявляется как реализация власти во всех формах. Такого рода половые отношения не только не приносят счастья, но становятся источником болезни и несчастья, истощением и ранней смертью. Ни одна женщина и ни один мужчина не обладают такой телесной структурой, которая позволила бы им способствовать такого рода половым отношениям. В частности, сексизм, подстрекаемый капитализмом при помощи рекламы женского тела, нерасторжимо связан с идеологической

гегемонией, направлен на реализацию закона максимальной прибыли. Можно сказать, никакие отношения не в состоянии тянуть за собой систему так, как это делает социальный сексизм. Таким образом, стать противником капитализма можно только посредством отвержения и преодоления такого рода сексистского стиля жизни.

Чем более научным, эстетическим и философским будет уровень развития взаимоотношений в супружеской жизни, тем больше это способствует формированию социалистического общества. У социализма есть непреходящая принципиальная и практическая ценность, заключающаяся в том, что в первую очередь он реализуется в условиях супружеской жизни. Нет никакого иного пути, кроме этих отношений, способных привести к социализму. Если и был бы такой путь, то данные отношения оказались бы косвенными и уязвимыми перед ошибками. Было бы недостаточно воспринимать социалистическое супружество просто как взаимоотношения между двумя людьми. Супружеские пары, безусловно, могут переживать двойную конкретизацию, но не могут быть снижены только до такого уровня. Супружеская жизнь — это субъективная жизнь и более всего абстрактно переживается в комплексе с эстетическими и этическими факторами.

Если мужчины и женщины, будучи вовлечены в социалистическую жизнь, реализуют свою свободную жизнь на универсальном и коллективном уровне, они могут обрести шанс на достойную и красивую жизнь даже на сингулярном уровне. Эти реалии можно видеть во всех крупных общественных движениях истории. Очень важно не смешивать сингулярность с актуальными играми в семье, а также с различными формами внебрачных связей, которые постепенно становятся все более негативными. Если в сингулярной жизни весь потенциал универсальности и коллектива находится в скрытом состоянии, то в домашней и несемейной сингулярности цивилизации и современности осуществляется игнорирование универсальности и коллективизма. Без этого разделения не может осуществляться социалистическая сингулярная свободная жизнь. Мужчина, а в особенности женщина, сумевшие в рамках социалистических взаимоотношений воспитать в себе научность, эстетичность, нравственность и философское мировоззрение, обладают огромной притягательностью. Такого типа личности мужского и женского пола не только не терпят поражения перед социальной

онью, но и самим своим существованием создают свободную социальную жизнь. Поскольку в их сингулярных союзах господствует уважение и доверие, здесь нет места таким болезням системы, как эгоизм, каприз, ненасытность и пресыщение друг другом. Так как они не превращают друг друга в собственность, между ними не может быть идей о взаимном требовании прав (это действительно для супружеского права). Силы разума на стабильном уровне могут отражать целое в одном человеке и одного конкретного человека в целом. Исторически-общественные движения могут достичь успеха только тогда, когда ими руководят личности, сумевшие возвыситься до данного уровня. Такие личности известны, вспоминаются и передаются как социалисты в самом истинном смысле слова.

При рассмотрении вопроса применения теории свободной супружеской жизни в ракурсе развития социалистического общества очень важно всегда иметь в виду определенный значительный исторический опыт. Христианство в этом смысле поставило перед своими учителями условие жизни монахов и монахинь. Этот метод сыграл ключевую роль в развитии цивилизации Запада. Христианство своими духовными операциями предельно ограничило негативное влияние сексистского общества. То, что духовная сторона христианства нейтрализовала давление сексизма на мышление, сыграло значительную роль в развитии социальности. Но она не смогла открыть дорогу перед диалектическим мышлением, делающим возможной свободную супружескую жизнь; и в противовес этому стало развиваться иное — просто произошел взрыв социального сексизма в рамках современного капитализма. Современный собственнический моногамный образ жизни, став образцом жизни в противовес монашескому уставу, фактически породил второй важный полюс, священный фактор. В основе кризиса современного моногамного образа жизни лежат традиции христианства и монашества. В процессе выхода за рамки сексистского общества обе культуры оказались в тупике. Эти реалии очень видны в кризисе сексистской культуры западного общества. Исламское решение вопроса также не оказалось удачным. Ислам, который в противовес монашеской жизни признает половое удовлетворение, считал, что сможет решить все проблемы, благодаря многочисленным женам и наложницам. Использование гаремов в исламе стало своего рода приватизированным публичным

домом. Отличие гарема от публичного дома заключается в том, что гарем отдан во власть одного мужчины. По сути же между ними нет никаких отличий. В том, что восточное общество оказалось позади западного, определяющую роль сыграла именно такая сексистская социальная практика. Если христианское подавление сексизма способствовало развитию современности, то чрезмерное поощрение сексизма исламом привело к тому, что социум оказался далеко позади старого общества и потерпел поражение от Запада. В том, что женщины и мужчины Востока оказались в роли побежденных женщинами и мужчинами Запада, достаточно большую роль сыграл социальный сексизм. Сексизм оказывает на социальное развитие гораздо большее влияние, нежели принято считать. Необходимо особо остановиться на значении сексизма в раскрытии различий между обществами Востока и Запада. Сексистское мировоззрение ислама, как в ракурсе порабощения женщины, так и в ракурсе авторитарного становления мужчины, породило гораздо больше негативных результатов по сравнению с западной цивилизацией.

Развивая достойную супружескую жизнь, следует обратить внимание на вопросы, существующие как у женщин, так и у мужчин. Вот что в первую очередь должна сделать женщина, имеющая шансы на свободную жизнь или желающая получить такой шанс:

А. Женщина должна изначально знать о том, что ее половая связь с мужчиной является не чисто биологическим удовлетворением, а означает, что она окажется в таких тисках власти, которые будут равнозначны пребыванию с тигром один на один в его клетке. В частности, состояние голодного плененного в клетке тигра делает тиски мужчины более страшными и смертоносными. После того, как женщина с помощью классических супружеских отношений оказывается в клетке, она должна очень хорошо понять, что из этой клетки не так легко выйти живой, и она ответит за это или своей жизнью, или же превратится в тигрицу, полностью сдавшуюся на милость своего самца. Тигрица является образом женщины, обретающей мужские черты, она противна и уродлива. Половые отношения, существующие между мужчиной-гегемоном и мужеподобной женщиной, полностью сдавшей ему на милость, играют главную роль в том, что появляется подобная противная и некрасивая картина. Когда мужчина с гордостью проживает день «взятия» девичьей невин-

сти, под этим кроется не удовлетворение своего инстинкта (как биологического явления), а то, что эти взаимоотношения становятся частью формирующихся отношений между властью и рабом. Флорация — это начало пути, в котором женщина обрекается на окончательное рабство. Власть способствует возникновению чувств подданства, что означает подтверждение его мужского самосознания. Позднее этот метод применяется уже в отношении молодых женщин. Институт рабства применялся в отношении обоих полов. То, что женщина не так, как мужчина, стремится к половым отношениям, связано с институтом рабства. Половые отношения, безгранично раздутые современным капитализмом, являются инструментом глубочайшего порабощения, навязанным человечеству; это способствует безграничной власти и эксплуатации. То, что многие религии с сомнением относятся к таким отношениям, имеет определенный смысл и связано с тем, что данные отношения приводят к падению, безнравственности и совершенно выходят за рамки истины.

Б. Если женщина не состоит в браке, она знает, что в каждой сфере общества, в которой господствует мужчина, тот будет действовать в соответствии с психологией леопарда, готового в любую минуту броситься на свою жертву во время охоты, и в соответствии с этим женщина вынуждена определять свою линию поведения. Мужчина-леопард при первой же возможности, то есть при первом социальном препятствии, которое он может преодолеть, обязательно поставит капканы вокруг женщины. Мужчина, обладающий властью, в этот момент, не признавая никаких мотивов нравственности и совести, будет жаждать охоты на женщину. Для этого желания не могут быть препятствием ни религиозные заповеди, ни законы. Женщина, зная об этой ситуации, должна выйти на социальную арену, точнее, она не должна выходить на те участки социальной сферы, где у нее нет гарантированной самозащиты.

В. Женщина должна хорошо знать о том, что основная цель капиталистической современности заключается в превращении женщины в современную рабыню как жесткими методами, выражающими силу денег и власти, так и мягкими, отражающими силу искусства, в первую очередь, литературы. По отношению к женщине современный мир оказался той самой агрессивной силой, которая во много раз мощнее агрессии мужчины старого времени, и делается это как

с помощью денег и власти, так и неумными обещаниями любви. Перед господствующей мужской силой денег и обещаний любви поиски достойной жизни женщины оказываются не более, чем пустой мечтой. Как бы ни стремилась женщина своей честностью и прекрасными действиями к свободной супружеской жизни, избежать покорения мужчине, олицетворяющего собой современность, не удастся. И так любая дорога приведет к современному женскому рабству.

Г. Если женщина настойчива в своем стремлении оставаться свободной, несмотря на общество, в котором господствует мужчина, она должна выбрать или полнейшее одиночество, или жизнь подвижницы, когда каждый миг проходит в социалистической борьбе. Одиночество соответствует маргинальным состояниям. Что касается социалистической жизни, то она требует образа жизни богини, равной древним богиням. Необходимо иметь в виду, что особенностью богинь было недопущение брака с мужчинами человеческого рода. То, что когда мужчина стал богом практически не осталось ничего от женщины-богини, мы знаем из истории. Остается только быть женщиной-ангелом. Но ведь женщина-ангел представляет собой слабую, утратившую свою половую силу женщину. Роль такой женщины в обществе ограничится лишь ее функциями посланницы. Мифологическая Инанна-Афродита—это совершенно иная женщина. Она является символом женщины, которая еще не потеряла свою красоту, сексуальную привлекательность и физическую силу. Неотъемлемой частью жизненных поисков Инанны-Афродиты, являющейся богиней любви, является свободное супружество. Совершенно ясно, что соответствовать этому может лишь полубог и получеловек мужчина Прометей. И в древности, и в наше время этот элемент, или в большинстве своем мужчины, могут быть спроектированы лишь в образе фигуры. Конкретизация их возможна только путем чрезвычайной воинственности. До тех пор, пока мужчина не победит божеств без масок, вооруженных устрашающей силой современного капитализма, он не сможет реализоваться. Это такая конкретизация, которая не является невозможной, но очень сложная. Быть социалистом в какой-то степени возможно путем конкретизации символов Инанны-Афродиты и Прометея.

Мужчине, стремящемуся к свободной супружеской жизни, в первую очередь необходимо:

А. Этот мужчина должен знать, что женщина, которую поставили перед ним, несет в себе влияние различных условий рабства на протяжении пяти тысяч лет цивилизации и последних пяти столетий эпохи капиталистической современности. Единственной участью этой женщины остается быть самкой тигра, которому уподобился мужчина. Все ее стратегии и тактики мгновенно возводятся на тот же фундамент. Если прочитать наоборот, то выходит, что и у нее есть своя клетка, в которую она мечтала бы посадить своего супруга. Если мужчина стремится к свободной супружеской жизни, то освобождение от такого рода женских стратегий и тактик столь же желано, как и освобождение женщины от рабства. Освобождение от стратегий и тактики, выработанной этой женщиной в противовес собственному рабству, является первостепенной борьбой мужчины-социалиста, и не одержав здесь победы, он не сможет сделать ни шага в борьбе за социалистическое общество.

Б. Мужчина, состоящий в браке, должен знать о том, что поддается влиянию института рабства по меньшей мере в той же степени, как и женщина. Для того чтобы преодолеть негативное влияние института, необходимо, чтобы мужчина в домашних бытовых условиях постоянно стремился к социалистическому образу жизни. Ведь с женщиной-рабыней можно жить только по-рабски, и это невозможно. Чтобы избежать этого, необходимо выйти за грань традиции приватизированного публичного дома, продемонстрировать умение постичь культуру свободной супружеской жизни.

В. Необходимо постоянно, самостоятельно и успешно вести борьбу против затуманивающей сексистской культуры современного капитализма. Стратегия и тактика, разрабатываемые для того, чтобы добиться капитуляции мужчины, столь же разрушительны, как и рабство женщины. Не стоит забывать о том, что если мужчина в условиях современного капитализма, превращен, во-первых, в самца с явным преувеличением его биологических возможностей, во-вторых, в комплексе всей социальной культуры он попросту превращен в женщину. Если чрезмерно сексистски настроенный биологический самец с одной стороны превращается в тигра, то с другой стороны он превращается в кота с наклонностями самки (порабощенной женщины). До тех пор, пока не будет сломлена традиция такой «мужественности», навязанной современностью, муж-

чина не сможет стать социалистом, не сможет развернуть борьбу за социалистическое общество.

Г. Против всех этих негативных для свободной супружеской жизни факторов мужчина должен развернуть борьбу за свободу, по меньшей мере такую же, как и освободительная борьба женщины. Свободный мужчина может состояться тогда, когда он разорвет цепи рабского положения, в котором оказался в условиях мужского авторитарного общества. Надо достичь уровня мудрости, необходимой в нашей социальной действительности. Верно высказывание: мужчинами не рождаются, мужчинами становятся. Но столь же верно и то, что рождается мужчина как плод цивилизации, но свободным мужчиной он становится. Символ мужчины, подобного Прометею, в наше время может конкретизироваться только при помощи науки, философии и искусства демократической современности. Надо с особой значимостью осознать, нравственно и эстетически подчеркнуть то, что мифология, религия, философия, наука и искусство существуют для жизни и их основная роль заключается в реализации, строительстве свободного брака. Существующий современный институт брака как продолжение иерархических династических традиций, существующих примерно семь тысяч лет, являясь сферой производства основных ценностей этатического общества, полон понятий, считающих насилие нормой в отношениях между мужчиной и женщиной. То, что любовь не реализуется, имеет место множество разводов, а семья приходит в упадок, должно восприниматься как результат практики насилия, внедряемого в сознание людей и имеющего целью власть и эксплуатацию. Свободное социалистическое общество может существовать только благодаря личностям, ежедневно и ежечасно борющимся против насилия оружием философии, науки, этики и эстетики. Ясно, что свободное супружество, состоявшееся на такой почве, постоянно будет приносить людям и обществу красоту, истину и добро.

Магию жизни, разрушенной капиталистической современностью, можно возродить и разделить с людьми только при помощи свободы, социалистической личности и общественной борьбы. Для этого надо воспитывать детей, особенно девочек, в духе мировоззрения и институтов современной демократии, привлекая к демократической общественной борьбе, что позволит лучше понять, освоить и реализовать должный образ жизни.

Часть вторая:
КУРДСКАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Бытие и сознание — фундаментальные проблемы философии. Само по себе понятие «бытие» стоит в числе главных понятий философии, и по сей день волнующей умы и чувства людей. Понятием-двойником, идущим рука об руку с этим, является «время», их нельзя отделить друг от друга. Подобно тому, как бытие невозможно представить без времени, так и время не может существовать без бытия. Время нерасторжимо связано с бытием. Отношения между двумя понятиями полностью определяются концепцией возникновения. Бытие и время всегда реализуются путем возникновения. Время в рамках бытия приводит к возникновению, точнее, продолжение бытия возможно как возникновение. Когда речь идет о бытии в состоянии возникновения, то время означает рождение. Если есть возникновение, если в одном месте существуют два различных цветочка, это означает, что там есть и бытие, и время. Отсутствие процесса возникновения означает отсутствие и бытия, и времени. Возникновение — состояние формирования, дифференциации бытия. Бытие, не находящееся в состоянии возникновения, — несуществующее бытие, несуществующее время.

Состояние возникновения, дифференциации — это сознание, находящееся в потенциальном состоянии. Дифференциация, возможно, является первым шагом, ведущим по пути восхождения к сознанию. Как только бытие возникает во времени и дифференцируется, это означает, что оно делает первый шаг к сознанию. Сколько существует возникновений, форм и состояний столько же существует и сознаний. В универсальном смысле сознание является состоянием дифференциации, а в категориальном смысле — общее универсальное состояние всех видов сознаний в процессе дифференциации. Но бесконечность формы означает бесконечность форм сознания. Чем более разнообразны формы, тем более разнообразно сознание. У Гегеля понятие сознания (разума) идет

раньше формы, точнее, речь идет о сознании без формы. Гегель возводит начало формы до физической природы и возвышает ее до государства. Сознание стремится с помощью форм перейти из состояния первобытности (бесформенности) в состояние разума. При помощи физических, биологических и социальных форм сознание и утверждает, и познает себя. Сознание человека — это сознание, начинающее процесс самопознания. Философское сознание, являясь наиболее развитым состоянием сознания, возвращается в первичное состояние в качестве познавшего себя разума (сознания); но это уже познавший себя, то есть абсолютный, разум. Мы могли бы также назвать это приключением бытия и времени. Западное общество с помощью науки и философии постигло этот тип мышления, который Восток постигал, скорее, при помощи религии и мистики.

Очень важно, с точки зрения предмета нашего изучения, внести ясность во взаимосвязь между возникновением-бытием-сознанием и обогатить это смыслом. Когда речь идет о курдах, то такие понятия, как «бытие», «возникновение» и «сознание» прольют свет на многие явления. Стараясь охарактеризовать курдов в аспекте бытия, возникновения и сознания, мы сделаем шаг к полному осознанию вопроса. До новейшего периода существование курдов было, возможно, оспариваемой темой с точки зрения многих обществ и государственных прослоек. Одним из доказательств существования курдов является проведение в течение последних двух столетий, чему, возможно, способствовал современный капитализм, таких чудовищных репрессий, отрицания и уничтожения, которые не часто встречались в истории. Использовалась тактика культурного и физического уничтожения. На родине курдов, в Курдистане, применялись различные силовые и идеологические методы, при помощи которых достигалась цель как физического, так и культурного (интеллектуального) раздробления курдов. Можно сказать, что у современного капитализма не осталось ни одного механизма репрессии и ограбления, который не был бы использован — вплоть до геноцида. С этой точки зрения курдская идентичность представляет собой беспрецедентное явление. Евреи, в силу пережитого ими геноцида, особо тщательно оберегают концепцию своей «избранности, сингулярности». В отношении курдов было бы уместно применение названия «сингулярный народ или общественная действи-

тельность» не просто потому, что народ подвергся геноциду, но и в силу многих других причин, вынуждающих курдов утратить свою идентичность.

Борьба, происходящая на протяжении последних тридцати лет под руководством РПК, была развернута во имя решения проблемы существования курдов. Эта борьба в какой-то степени стала борьбой, конкретизирующей проблему существования курдов. Если одна из сторон самоубийственно утверждала, что такая нация есть, то противная сторона полностью отрицала ее существование. Но гораздо худшее и достойное стыда заключается в том, что в течение шестидесяти лет, предшествовавших этим тридцати годам, со стороны курдских интеллектуалов не было заметно стремления заняться вопросом утверждения факта существования курдов. Несомненно, обсуждение вопроса собственного существования является для личности и общества очень опасным и унижительным фактом, указывающим на очень тонкую грань между жизнью и смертью. История знает не так-то много наций, доведенных до подобного состояния. Курды стыдились собственной национальной идентичности; очень немногим народам пришлось пережить такого рода унижения. Быть курдом означает быть чем-то вроде отбросов общества, существовать без Родины, не зарабатывать денег, владеть нищим существованием, часто сталкиваться с безработицей, рботать за любую плату, постоянно бороться за существование, забыть о своих культурных потребностях, совершать поразительные усилия во имя обеспечения своих материальных потребностей. Это означает оставаться без хлеба на родине ХЛЕБА — прародине неолитической земледельческой революции.

Я рассказал о трагедии, пережитой мной во время обучения в начальной ассимиляционной школе. Я как будто чувствовал угрозу, которая кроется в том, что вместо моего родного языка меня обучают на другом языке. То, что меня в том детском возрасте вынудили отказаться от родного языка, означало то же, что заставить отказаться от собственного существования. Я ли отказался от своего существования (от курдской идентичности), или меня вынуждали отказываться? Именно так началась для меня проблема курдского фактора или курдского общества. Существование или вопрос, на который в течение долгих лет не было никакого ответа, постоянно

внушал мне чувство глубокого беспокойства... В основе пережитой мною утраты родного языка лежит и чувство глубокой утраты собственного бытия. Что же я утратил? Это был вопрос, на который очень трудно найти ответ. Курдская идентичность стала таким проблематичным бытием, которое крайне трудно защитить. То, что пережил я, являлось отнюдь не существованием, а агонией исчезновения, не решением вопроса, а клубком постепенно растущих и сумасводящих проблем.

В середине 70-х я обращался с Хейри Дурмушем так, как будто бы я нашел ответ на клубок проблем, давивший на меня тяжким грузом на протяжении долгого времени. Ответы на проблемы были написаны в виде проекта, открывавшего путь к их решению. Ясно, что мой ответ был устной идеей, касающейся бытия, которое давало о себе знать в мыслях, в виде тени. Я считал ответом взгляд на мир с точки зрения классовой и национально-освободительной борьбы. В большинстве случаев я разрабатывал идеалистические ответы. Ведь шаблоном новой истины была система социализма. Знание его азбуки потянуло бы за собой все остальное. Несомненно, этот подход был панацеей против уничтожающего и отрицающего воздействия либерализма, фашизма турецкого типа. Даже не приводя к истине, это могло предотвратить отравление, будучи вкладом в борьбу за существование против всех видов культурного геноцида.

В целом это имело отношение к поискам истины в социальной борьбе. Борьба, которая стремится решить какую-либо социальную проблему, не может иметь успеха до тех пор, пока не будет выражать социальную истину. У социальной истины есть категориальные особенности, перспектива которых в высшей степени высока. Сильна их связь с такими понятиями, как «место» и «время». Если расценивать с точки зрения истины, то РПК не просто ограничилась утверждением факта существования бытия курдов, находившихся на грани полного исчезновения, но в значительной мере усилила само бытие. Данное движение в принципе не могло быть национально-освободительной борьбой в ее классическом смысле. Этому не способствовали ни бытие, на котором борьба основывалась, ни знания, которые она в себе несла. РПК, просто как практика, привела к возрождению курдов. Курды XX века — это курды, которых надо было возродить, прежде чем освобождать. Было достигнуто возрождение.

Если что-либо переживает проблему существования, то прежде всего надо его не освобождать, а возродить. Положение курдов требовало, чтобы преимущественная роль была отведена возрождению существования. Такие понятия, как «освобождение», «свобода» и «равенство», могут иметь смысл только для тех субстанций, которые уже решили проблемы своего существования. Качества РПК, способные возродить существование общества, гораздо важнее освободительных качеств борьбы. Несмотря на недостатки, свойственные ее структуре и знаниям, можно однозначно говорить о жизненной роли, сыгранной РПК в жизни курдов. Крайне важен следующий вопрос: существовали бы курды в сегодняшнем виде, если бы не было РПК? Весьма сложно дать положительный ответ на этот вопрос.

Очень важным условием, предваряющим обсуждение курдской проблемы и пути ее решения, является внесение ясности в вопрос существования курдов. Внесение ясности означает ознакомление с истиной, касающейся определенного бытия. Истина — та цель, которой нельзя достичь без активной за нее борьбы. Истина — не реальность, а состояние реальности, постигшей разум. Реальность без истины — спящая реальность. У спящей истины нет никаких проблем. Истина — разбуженное состояние спящей реальности. Сон курдов настолько глубок и близок к смерти, что совершенно ясно, насколько сложной и тяжелой будет война за истину. После того моего состояния, что было тридцать пять лет назад, апеллирование к истине курдского народа (подобно тому, как я не утратил ничего из своих страстей и волнений, несмотря на все тяжелые условия тюрьмы в Имрали) равносильно взгляду на весну, более яркую, нежели просветительская роль курдов во времена расцвета цивилизации. Я понимаю, что это романтический взгляд. В любом случае это приглашение, призыв к росткам истины, более свежим, нежели зола истины иронического взгляда, неспособная подавать никаких надежд. Истина, касающаяся курдской действительности и проблемы, свидетельствует о том, как впервые воплотилась в жизнь надежда на свободу.

А. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУРДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Исторический экскурс в курдскую действительность уже был выполнен в предыдущих томах моей Защитной речи. Считаю, что рассуждения о возникновении на конкретных этапах было бы полезнее, нежели повторение. Курдская идентичность не является такой действительностью, которая на всех этапах истории имела бы стабильный характер. Как любое социальное явление, она развивает свое бытие, испытывая преобразования. Преобразование в сегодняшнем состоянии более содержательное и быстрое. Курдский фактор в современном мире переживает процесс многостороннего раскрытия. Стиль выражения в искусстве традиционно является наиболее популярным. Курды в этом плане стараются раскрыться с помощью музыки, поскольку последняя является наиболее важным способом выражения курдской истины. Значительное развитие имеет место также в доказательном научном стиле. При помощи исторических и социальных концепций курдский народ стремится решить проблемы самопознания и самоутверждения. Стремление академиков больше всего имеет такую направленность. Подходы, основанные на идеологическом фундаменте, наряду с содержащимися в них освободительными идеями вносят значительную лепту в стремление выразиться как истина.

Несомненно, классовый характер каждой идеологии несет свойственную ей долю истины. Даже если каждая модель пытается самостоятельно раскрыть истину, это может стать только частью реальности. Само по себе социальное явление вынуждает к этому — как будто недостаточно изобразить изнутри одним цветом трехцветную картину. В процессе изображения исторического общества подходы, базирующиеся на одной модели, приведут к недостаткам и ошибкам в отображении. Если к этому добавить также сложный смысл и формы, то станет ясно, что важно целостное применение всех методов, несущих в себе доли истины.

То, что в наше время научный метод обрел преимущественное значение, вывело на передний план суждение о том, что прочие методы не в состоянии отобразить истину. Но переживаемый в науке кризис полностью выявил недостаточность методов, на которых он опирается.

Сам по себе исключительно научный метод представляет собой серьезное препятствие на пути формирования истины. Постепенно раскрывается его связь с гегемонистской властью и идеологией, присутствующими в системе цивилизации Запада. Целостное использование сингулярных и универсальных методов, имеющих отношение к истине, является потребностью реализации бытия.

1. КУРДСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ФОРМИРОВАНИЕ

При помощи действующих исторических методов очень трудно подтвердить существование курдов. География и история курдов самым серьезным образом повлияли на их существование, превратив их в маргиналов. Последние исследования говорят о том, что человек типа *homo sapiens*, считающийся прародителем современного человека, начал активно развиваться и превратился в господствующий вид на протяжении последних трехсот тысячелетий именно в регионе Плодородного Полумесяца (это географическое пространство, расположенное в центре Курдистана, в котором и сегодня в большинстве своем живут курды). Этап *homo sapiens* в истории человечества протяженностью более трех миллионов лет совпадает с зарождением языка символов. Революция *homo sapiens*, развившаяся вместе с языком символов, требует более глубокого подхода к истории, развивавшейся в регионе Плодородного Полумесяца. Эта ситуация подтверждается также генетическими исследованиями. Когда в течение последних двенадцати тысяч лет последнего ледникового периода льдины начали таять, стала возможной неолитическая земледельческая революция. Когда богатство растительного и животного мира этого географического региона объединилось с силой мышления *homo sapiens*, переход к сельской земледельческой общине, представлявшей наиболее кардинальную в истории человечества революцию, способствовал колоссальному прогрессу в регионе Плодородного Полумесяца.

Прогресс, имевший место в языке и мышлении в период сельской земледельческой революции, способствовал возникновению невиданной до того времени общественной формации. Сформировались индоевропейские сообщества, ставшие ведущей культурно-языковой группой (это название присвоено ошибочно: скорее следовало бы говорить об арийской культурно-языковой группе). Генетический код современных курдов можно назвать «фундаментальным ядром индоевропейских сообществ». Исследования, касающиеся курдского языка и культуры, и ареал проживания, и история курдов еще больше подтверждают упомянутые реалии. Раскопки в Урфе-Гёбеклитепе, произведенные во время этих исследований, доказали, что здесь существовали древнейшие центры родо-племенных союзов и религий, достигающих 12 тысячелетнего периода, и подтверждают высокий уровень данной культуры. Подобного примера в мире нет.

Оценивая сохраняющиеся и по сей день влияние и силу религиозных верований и племен, мы увидим, что история и география, стоящие за их спиной, играют определяющую роль. Чем более длительное и мощное влияние оказывали на то или иное общество исторический и географический фактор, тем сильнее и глубже были автохтонный и региональный характеры этого общества. Мощное и стабильное влияние способствует консерватизму дальнейшей истории социума. Если и в сегодняшнюю эпоху мы можем отметить аутентичность и региональные особенности курдов, то следует говорить о сильном и постоянном влиянии, лежащем в основе этих реалий. Несомненно, в неолитический период еще не было такого явления, как формирование народов. Мы видим в этот период лишь зарождение родо-племенного строя. В сравнении с кланом, род был огромным, революционным шагом вперед. Неолитическую революцию можно также назвать родо-племенной революцией. В родо-племенном обществе стали развиваться такие явления, как культурно-языковая дифференциация, отношения между кочевыми и оседлыми племенами. Религиозный центр в Гёбеклитепе стал своего рода святыней (Каабой) для кочевых и оседлых племен, тесная связь между которыми поддерживалась на протяжении тысячелетий. Нельзя умалить роль этих реалий в том, что в частности, в Урфе, а в целом у всех курдов и по сей день сильны религиозные чувства. Мы знакомимся здесь с

культурой, сформировавшейся за тысячи лет до шумерской городской цивилизации, и просуществовавшей тысячелетия. Мы видим надписи на камнях, сделанные раньше, чем появились первые буквы и иероглифы. То, что двенадцать тысяч лет назад люди смогли обтесать эти камни и изобразить на них свой язык символов при помощи палочек, подобных иероглифическим, свидетельствует о стадии развития, имеющей серьезное историческое значение.

Городские общины Шумера и Египта зародились не на пустом месте. Данные примеры однозначно подтверждают возникновение указанных явлений в недрах культуры Верхней Месопотамии. Исход пророка Авраама в Египет, совершенный им предположительно три тысячи семьсот лет назад, является еще одним важным показателем того, как развивалась историческая диалектика в регионе Плодородного Полумесяца. Культура, породившая цивилизации Египта и Шумера, зародилась в горной дуге Тавра и Загроса. Важен сам факт существования очень большого культурного этапа, влияние которого по сей день ощущается в социальной истории. Следы этого культурного центра и сегодня очень четко ощущаются в курдской среде, и если курдский народ сейчас продолжает свое существование в качестве древнейшего оседлого народа данного географического региона, то неизбежна связь формирования курдской действительности с этой культурой. Примерно восемь тысяч лет назад родо-племенное сообщество стало зарождаться в географическом регионе Тавра и Загроса. Это автохтонная культура, как бы заявляющая о себе, с одной стороны, в качестве первой крупной Каабы, а с другой — при помощи своей музыкальной культуры, барабана, зурны и свирели. Зурна и свирель — эстетическое выражение данной культуры. Религиозный центр — ее интеллектуальное выражение.

Курдская действительность, являясь продуктом этого значительного исторического этапа, несет в себе симптомы заикленности, связанные с этой культурой. Упорство курдов в желании оставаться народом культурных племен нельзя объяснить только состоянием борьбы с силами цивилизации. Если сама по себе культура не обладает очень глубокими корнями, то она или внешне уподобится данным силам цивилизации, или растворится в горнилах цивилизаций, колыбелью зарождения которых сама и служила. Мы знаем тысячи родо-племенных сообществ, растворившихся именно таким обра-

зом. Курды являются в этом плане обществом уникального народа, подобие которого не существует. Если общество во всей глубине пережило историческую революцию как социологическую истину, то этому обществу крайне сложно руководить второй и совершенно иной революцией в своих недрах. В данном случае играет роль то, что пережитая обществом самобытная революция полностью подчинила себе мир его мышления и структур. Иная революция требует иного мышления и институализации. Такая революция возможна только для второстепенных культур, составляющих периферию в сравнении с сильным культурным центром. Все исторические данные свидетельствуют о том, что не только революционный переход к *homo sapiens*, имевший место триста тысяч лет назад, но и земледельческая революция, произошедшая около четырнадцати тысяч лет назад, оказали сильнейшее и глубочайшее влияние на культуру курдов. Генетические карты подтверждают то, что и вид *homo sapiens*, и земледельческая революция распространились от этого культурного центра по всему миру.

При переходе на стадию цивилизации этот географический регион сыграл определяющую роль не только с точки зрения формирования культурного фундамента, но и с точки зрения развития содержания и формы цивилизации. Географический регион Нижней Месопотамии и Нижнего Нила (долина Нила), где возвышались цивилизации Шумера и Египта, не имеет древнего культурного фундамента. Условия этого региона не способствовали даже организации кланового общества. Данные цивилизации, развивавшиеся пять тысячелетий назад, всей своей интеллектуальной и структурной базой обязаны этой культуре, демонстрировавшей свое величие на протяжении тысячелетий, как и Европа обязана своим существованием исламской и китайской цивилизациям, а Америка основывается на европейской цивилизации. По сегодняшний день наиболее слабой стороной исторической и социологической наук является недостаточное изучение теоретических и практических аспектов связи между культурой и цивилизацией. В данном случае значительную роль играет то, что совершенно не изучены культурные и цивилизационные отношения между Верхней и Нижней Месопотамией и долиной Нила. История и социология не могут стать наукой только при помощи аналитических методов. Если история

Как наука противоречит тому, что происходило в реальности, а социология — тому, что происходит в обществе, то о научном характере говорить не приходится.

То, что курды по сей день сохраняют свое существование своим характером культуры, объясняется мощней исторической культурой, на котором они базируются. То, что курды предпочитают цивилизации собственную культуру, нельзя объяснить обычной отсталостью или примитивностью. Культура курдов не является городской, классовой и государственной, она не допускает становления власти, классового расслоения собственной структуры и упорно тяготеет к своей родо-племенной демократии. Именно с этой культурной демократией связано то, что курдов не так и легко завоевать.

Я очень поздно понял, что жизнь общества, принявшая форму городов, классов и государств, — это не благодеяние, а упадок. Несомненно, понимание нации по Ранке (историк Леопольд фон Ранке, 1795—1886 гг.) сыграло главную роль в воздействии на наше понимание национальной проблемы. Задумываясь о каком-либо уникальном обществе, мы считаем, что государственный, классовый и национальный характер является его истинной особенностью. Зачастую мы впадаем в идеалистические позиции, не считая обществами те объединения, которые не обладают этими особенностями. Какой-либо основной особенности западного национально-государственного мышления мы присваиваем универсальный характер. До тех пор, пока мы не освободим свою символизацию истории и общества от этих этатических и национальных шаблонов европоцентристской идеологической гегемонии, крайне сложно будет развить научное мировоззрение. Мы очень сильно напрягаем свое историческое и социальное мышление, ставя перед собой цель — быть этатической нацией. В каждом обществе попытка создания истории в большей степени обусловлена стремлением быть нацией и государством. Если на протяжении истории мы не обрели единства «уважаемой» (как бы это ни понималось) нации и государства, то почему-то мы соглашаемся с тем, что потеряли шанс считаться обществом. Такое национальное и этатическое мышление, которое однозначно развивается в качестве основного элемента эксплуататорского и господствующего мышления современного капитализма, является основным фактором узости, искаженности

и слепоты исторической и социальной наук. Пессимизм в истории и социологии обусловлен эксплуататорскими и идеологическими механизмами капиталистической гегемонии.

Таким образом, пытаясь определить самый крупный этап истории человечества и социальной культуры, мы не подходим к решению вопроса с точки зрения национального и этатического мировоззрения. Мы не создаем шаблонов относительно курдской идентичности. Мы следуем потоку универсальной истории и общества. Надо очень хорошо понимать, что, не сохранив связи с универсальным историческим и социальным мировоззрением, мы не сможем объяснить развитие сингулярного общества в рамках истории и общества. Поскольку все, что происходит в истории и обществе, воспринимается в отрыве от понятий универсальной истории и общества, оно не может уйти дальше субъективных суждений. Почему мышление, базирующееся на европейской цивилизации, избегает универсального исторического и социального развития, а максимум того, что оно делает, это ограничение себя мировоззрением греко-римской истории и общества? Ясно, что идеологические и материальные гегемонистские интересы сыграли в этом определяющую роль.

Но возможна и такая фундаментальная ошибка, когда не понимают, что общество, переживающее свой сегодняшний день, несмотря на отсутствие государственности, несмотря на слабо развитые национальные качества, однозначно не сможет избежать становления частью универсальной истории и общества. Ошибка связана с предположением, что можно исследовать многие общества в отрыве от универсальной истории и общества. Такое мышление, подверженное различного рода антинаучным предрассудкам, не позволяет понять историю и общество. Целостность является основной особенностью не только социальной, но и физической, химической и биологической природы.

Особо стоит отметить, что все маргинальные размышления о курдах основываются на такого рода субъективных суждениях. Как бы ни были выведены сейчас за пределы истории и общества курды, именно они являются представителями родоплеменного общества, играющего главенствующую роль на всех стадиях развития всеобщей истории и общества, в момент отхода от кланового сообщества и продолжавшихся до перехода к цивилизованному обществу (го-

вадскому, классовому и этатическому). Курды являются базовым элементом создания и бытования родоплеменной культуры. Ошибочно считать племя социальным явлением, не выходящим за границы эпохи, явлением прошедшего периода. Основной формой существования человечества является родоплеменная структура, и это никогда не исчезнет. Могут измениться форма, содержание, но абсолютно невозможно избавиться от них полностью. Клановые и национальные формы в обществе не могут иметь столь универсального и исторического характера, как родоплеменная форма. Несомненно, клановые и национальные формы тоже обладают универсальными особенностями, но не столь эффективными, как в случае с родоплеменной структурой. Основной формой социального созидания является родоплеменная структура. В условиях капитализма не только ломаются рамки родоплеменной структуры, но и все передовые капиталистические монополии и холдинги в конечном счете становятся родоплеменными организациями. Они не являются и не могут быть родоплеменными структурами оседлого земледелия и скотоводства, формировавшими историю. Но они являются городскими племенами общества, в котором царит кризис и упадок. Это иерархические, этатические, эксплуататорские племена.

С момента зарождения письменности мы часто встречаем прототип курдов в их взаимоотношениях с цивилизованным обществом Шумера. Шумерами, судя по основным источникам, называли народ, заселявший северные и восточные горные регионы, КУРТИ, что и по сей день обнаруживает свой смысл, а родоплеменные сообщества на западе они обобщенно называли АМОРИТАМИ. КУРТИ дословно означает «горный народ». Горы как регионы постоянного проживания и сегодня ассоциируются с курдами. По сути, между Куртиями шумерского периода и современными курдами разница очень незначительна. Родоплеменные традиции курдов исчисляются тысячелетиями, и это народ, преобладающим укладом жизни которого до сих пор остается родоплеменное сообщество. Существует множество и горожан, и жителей долин, есть те, кто пережил классовое расслоение, есть те, кто сотрудничает с государственными властями, есть и те, кто против государства. Но основная масса курдов, те, кто, трудясь, живет вместе со своим родом, те для которых преимущественную роль играют родоплеменные традиции, —

выходцы из родоплеменных структур. Курд, живущий в городе, принадлежащий к господствующему классу и государству, является представителем той курдской идентичности, которая в большинстве своем оторвалась от курдского характера и традиций, подверглась ассимиляции. В эпосе о Гильгамеше рассказывается о горожанине-соглашателе Энкиду, Курти по происхождению, возможно, даже являющимся прародителем всех городских курдов, подвергшихся классовому расслоению и ставших приспешниками властей. Эпический Хумбаба — это Курти, живущий в горах. Энкиду почти умоляет Гильгамеша убить Хумбабу, которого сам же и предал. Как страшно напоминает это современного соглашателя Куртия! Стало быть, мы не ошиблись сказав, что разница очень незначительна.

Размышляя о социальных преобразованиях, другими словами, об историческом обществе, очень важно не совершать некоторых серьезных ошибок. Самая значительная из них заключается в оценке социального развития или истории как «прямого поступательного» прагматического взгляда. Это философское мировоззрение, ставшее гегемонистской идеологической линией в эпоху Просвещения, воспринимает любого рода развитие в форме прямой линии от начала до самого конца. Вчера — это вчера, а сегодня — это сегодня! Понимается это так, будто между данными двумя понятиями нет никакой связи или сходства, что представляет собой ошибочное толкование диалектического развития. Антиподом этой парадигмы является понимание, не признающее перемен, «возвратное», постоянно повторяющееся. Оно подразумевает, что явление, называемое переменами, состоит из постоянных повторений. Эти философские теории, кажущиеся в высшей степени противоречащими друг другу, по своей сути идеалистические. Обе они являются двумя различными версиями либеральной идеологии. Постоянное движение вперед, характерное для первой парадигмы, и бесконечные повторения, характерные для второй, в сущности, имеют точку соприкосновения в виде отрицания перемен.

Этот древнейший вопрос философии и религий, даже мифологии, завершается кризисом. Ирония заключается в том, что не осознаются взаимоотношения между местом и временем, отсутствует понимание того, что формирующей стороной связей между бытием и временем является изменение. Непонимание неизбежно при-

Испит эти мировоззрения к поступательной и возвратной линиям движения. Важнейшая новация, привнесенная в эту точку диалектической философией, связана с универсальным развитием. Место и время возможны только при посредстве бытия. Изменения — это итог существования бытия (места) и времени. Изменения являются условием существования бытия и времени. Изменения — это подтверждение бытия и времени. Более важно раскрыть содержание понятия «изменения». Для того чтобы были изменения, необходимо наличие неизменного явления, ибо изменения существуют относительно неизменного. Неизменное — это то, что всегда остается в прежнем состоянии. Неизменное — это истинное бытие; собственно говоря, это сущность, в которой черпает свои силы бытие и которое остается неизменным. Возможно, могут сказать, что здесь мы приближаемся к мистической религиозной концепции. Но такого рода философское умозаключение обязательно и не противоречит науке. Метафизичным является мнение о том, что разум человека способен полностью осознать бытие, место и время. Сомнительной является даже способность человека осознать абсолютное.

Таким образом, в истории и социологии очень важно ни отрицать, ни преувеличивать значение перемен. Культурное общество имеет более постоянный характер, нежели цивилизованное, и формирует суть и бытие социума. Существование общества, мощно сформировавшегося как культурное общество, имеет шансы на постоянство. В то время, как цивилизации и государства подвержены очень быстрым и множественным переменам, традиции и культура очень консервативны. Было бы неверно говорить о полном отсутствии перемен. Но говорить о постоянно и быстро меняющихся культурах и культурных ценностях было бы так же ошибочно, как и утверждать о постоянном и неизменном. Поразительные темпы перемен современности, считающей, что способствовала этому, сжав все в одно мгновение, выражают, в сущности, отсутствие перемен. Мгновенные повторяющиеся перемены и последние изменения, в сущности, не представляются возможными. Была создана идеология обмана. Эти идеологические отражения, несущие на себе ярлык либерализма, ставят цель исказить понимание и разум истории и общества.

Задумываясь о явлении и истории курдов, необходимо постоянно иметь в виду эти основные методические подходы. Попытка осоз-

нать курдскую действительность в рамках национальной и государственной истории чрезмерно трудна. Такого рода попытки становятся притянутыми за уши историей, не имея особой связи с развитием фактов, и не могут отразить действительность даже на уровне мифов и эпоса. Метод, основанный на изучении культуры, ближе к фактической реальности. История культуры охватывает также процессы цивилизации и современности, но культура цивилизации и современности не охватывает всеобщую историю культуры. Государство и нация, являющиеся основными категориями цивилизации и современного периода, могут составлять только часть истории культуры, поскольку не способны охватить ее универсальность. То, что курды не занимают особого места в истории цивилизации и наций, отнюдь не означает, что этот народ не имел своей истории. Если подойти с точки зрения истории культуры, становится ясно, что курдский народ обладает богатой историей протяженностью в тысячелетия. Основное качество этой национальной культуры заключается в том, что в ней активно присутствуют родоплеменные формы; еще одно важнейшее качество — основная ее роль в аграрной революции. Культура Плодородного Полумесяца сыграла огромную роль в истории человечества, но и роль курдов во всеобщей истории культуры равнозначна. История рассматривает это как основной культурный пласт периодов мезолита и неолита (15000—3000 гг. до н. э.), оказывавший влияние на все культурные слои неолитического общества от Китая и Индии до Европы. При помощи генетических и этимологических методов на этих территориях можно установить следы культурного влияния. В ходе выдвижения гипотез предположительно можно говорить о существовании культурного лидерства протяженностью в двенадцать тысячелетий с центром в регионе Плодородного Полумесяца. В истории человечества мы не знаем другой культуры, чья роль была бы столь же длительна и содержательна, освещала бы, как солнце, согревала и питала. Если и были такие примеры, то они имели ограниченный и поверхностный характер.

Невозможно представить цивилизацию Шумера, начало которой исчисляется 3000-ми гг. до н. э. Египта, Индии и Китая вне их корней, уходящих в регион Плодородного Полумесяца. Бесспорной является роль Плодородного Полумесяца не только в формировании основных цивилизаций, но и в том, что эти цивилизации

могли существовать тысячелетиями. Как известно, цивилизации могли развиваться только в эффективной среде культуры неолита. Они не могут возникать самостоятельно, с нуля. Неолит Месопотамии, развивавшийся в регионе Плодородного Полумесяца, едва ли не сам по себе стал колыбелью цивилизации Древнего мира (3000-е гг. до н. э. — 500-е гг. н. э.). Цивилизация Месопотамии была центром известных мировых цивилизаций на протяжении длительного периода с 3000-е гг. до н. э. по 300-е гг. н. э. Если сравнить ее с гегемонией США, не насчитывающей даже столетия, то гораздо лучше поймем огромную разницу между ними.

Нижнюю роль в истории сыграл курдский неолит. Осознание того, что корни системы центральной цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий, уходят в Месопотамию, позволяет лучше понять и то, что это происходило в период централизованной власти протяженностью в три тысячелетия, и оценить значение культуры неолита. Связывая культуры и цивилизации с названиями народов, делают большую ошибку, следовательно, это неправильный метод. Однако стоит говорить об их роли, по меньшей мере, на стадии прогипа. Мы познаем историю лишь при помощи нескольких известных империй и династий, чего явно не хватает для отражения действительности. Даже их определение при помощи нескольких известных народностей оказывается недостаточным, а позиционирование известных наций современности как движущей силы истории является самым большим несправедливым возвеличиванием в истории. Когда будут преодолены рамки этой исторической почвы, не сумевшей определить связь между сингулярным и универсальным, доставшейся в наследство, скорее всего, от идеологической гегемонии, мы обретем более человеческую историческую линию. Только так мы можем создать историю народов и трудящихся масс, оставленных без истории.

Связь между культурной историей и демократией не особо разработана. Настоящий демократический критерий заключается не в цивилизованности, а в антиподе цивилизации. Борьба общества с силами цивилизации является самым значительным демократическим критерием, а либерализм выражает его обратную сторону. Либерализм считает цивилизацию условием реализации демократии. Суть культур, не попавших в структуру цивилизации, зиждется

на сильной демократической традиции. Управление, являющееся антитезой государственной формы, само по себе демократично и, в сущности, формирует сильную демократическую традицию. Родо-племенные сообщества, религиозные общины и конфессии, сохранившиеся и по сей день, не поддающиеся классовому расслоению, находясь за городскими стенами, — это и есть силы демократии народов и нации без государства. В систематическом плане, демократией является противостояние цивилизации. То, что марксизм и либеральная идеология осознавали и институтизировали демократию в связи с городом, классом и государством, стало большим искажением. Демократическая система, включенная в границы города, класса и государства, опустошена и выхолощена, будучи под господством внутренне полой власти города и классов. В основном цивилизация — это система, развивающаяся в качестве антипода демократической культуры.

Оценивая положение курдской культуры в сравнении с цивилизациями, необходимо постоянно иметь в виду диалектическую связь, о которой говорилось. Мы видим, как курды постоянно находились в состоянии мятежа и борьбы с культурой цивилизации Шумера. Это, в частности, можно проследить на примере мифических сказаний о богине гор (Нинурсаг). Эпос о Гильгамеше, в сущности, отражает борьбу куртиев за свое существование и свою свободу, развернутую против приобщения к цивилизации Шумера. То, что цивилизация включила *куртиев* в свои границы, наталкивалось не только на противостояние; это заложило основы собственных мировоззрения и институализации. Культура цивилизации в целом оказывает влияние на культуру неолита посредством формирования городов вокруг рынков. Конкретно говоря, можем утверждать, что начиная с 4300-х гг. до н. э. культура Эль Убейд в Нижней Месопотамии оказывала влияние на культуру Верхней Месопотамии. Вместе с формированием иерархических структур вокруг сильных династий, культура Эль Убейд отделяется от родоплеменной культуры.

Связи и противоречия между родоплеменной культурой, которая основывалась больше на равноправии, и иерархической культурой, ставшей на путь классового расслоения, сыграли значительную роль в формировании хурритов. Хурриты имели такое же происхождение, что и куртии (в шумерском языке слова 'Kur' и 'Ur' могли

финищать 'гора' и 'холм'). Общины, концентрировавшиеся в горах и на холмах системы Тавра—Загроса, включали оба сообщества, чьи названия стали производными от этих двух слов. Династическая культура, развивавшаяся в тесном сплетении с родоплеменной, становится значительной частью традиционной культуры курдов.

Можно утверждать, что, начиная с 2000-х гг. до н. э. хурриты (*кур-тии*) сделали значительные шаги на пути к цивилизации и во время династии Гудеа установили господство над шумерскими городами (2150–2050 гг. до н. э.). Известно, что с 1600-х гг. до н. э. возникают две соседние и родственные империи: хетты во Внутренней Ассирии и митанни в Верхней Месопотамии. Культуры хеттов и митанни — наиболее яркие примеры приобщения к цивилизации хурритов, вошедших в историю, под воздействием шумерской культуры. Ясно, что обе эти силы объединились против Вавилона и Ассирии, которые имели семитическое происхождение и основывались на шумерской культуре. В 1596 г. до н. э. хетты и митанни совместно захватили город Вавилон. С 1500–1200 гг. до н. э., они как наиболее мощные силы Ближнего и Среднего Востока оказывали воздействие и на египетскую цивилизацию. Личность знаменитой Нефертити, принадлежавшей к семье правителей митанни и выданной замуж в Египет, подтверждает, насколько сильным было это влияние. Ясно, что перед угрозой усиления ассирийцев в 1200-е гг. до н. э. хурриты как сила цивилизации рассредоточились и надолго пронесли свою родоплеменную культуру, к которой они вернулись. Можно утверждать, что продолжали существовать под названием «конфедерация Наири» (1200–850 гг. до н. э.; «Наири» по-ассирийски означает «река», то есть «народ, живущий у воды»), имелся в виду достаточно гибкий союз племен. Очевидно, что в тот период часто до и после централизации имперских сил создавались внутренне слабые конфедерации племен.

Знаменитое царство Урарту (850–600 гг. до н. э.) стало другим значительным примером, возникшим в силу традиционных противоречий между Нижней и Верхней Месопотамией. На волну цивилизации это царство вышло прежде всего благодаря кузнечному ремеслу. Культура Урарту, сформировавшаяся на основе синтеза культурных элементов, имевших, предположительно, хурритское происхождение и представлявших армян того периода, стала заметным звеном

в цепи центральной системы цивилизации. Это была единственная сила, которая могла противостоять гегемону эпохи — Ассирийской империи, сумела устоять и время от времени воздействовала на ассирийцев. Урарту оказала сильное влияние на культуру и институционализацию всего региона, в первую очередь — на культуру курдов и армян. После борьбы, на протяжении почти трех столетий не затихавшей на территории от Загроса до Ассирии, конфедерация мидийских племен (вероятно, это одно из имен, которым ассирийцы называли хурритов), предавшая огню в 612 г. до н. э. столицу Ассирии Ниневию, превращается в империю. После кратковременного имперского периода в результате династических интриг та же мидийская культура сформировала наиболее влиятельную культуру империи, которая в 550-е гг. до н. э. перешла к династии персидских царей Ахеменидов. Так было, в частности, в военном искусстве. Под названием «Персидская империя» они превратились в мощнейшую в мире силу, чья власть простиралась от побережий до внутренних областей Китая, от Египта до современного Туркменистана. Они стали самым сильным звеном в цепи центральной системы цивилизации. На протяжении двухсот пятидесяти лет, вплоть до того, как попасть под господство Александра Македонского в 330 г. до н. э., Персия была единственным в мире гегемоном и оставила колоссальный след в культуре цивилизации. Римскую цивилизацию, в сущности, породила мидийско-персидская цивилизация. Царства, созданные в виде промежуточных звеньев после завоевания Александром Македонским, со временем превратились в подсобную силу для столкновений между Сасанидами (продолжение Персидской империи; 216—250 гг. до н. э.) и Римом (500 г. до н. э. — 500 г. н. э.). То, что Сасаниды и Рим, ставшие двумя последними важными силами Античной эпохи, не могли полностью победить и фактически сильно истощили друг друга, способствовало началу исламских завоеваний. Пророк Мухаммед сумел объединить очень сильные родоплеменные культуры Аравийского полуострова под эгидой единой исламской культуры, что стало началом новой культурной эпохи в истории.

Все значительные явления цивилизации Древнего мира, длившейся примерно четыре тысячи лет, протекали в Верхней Месопотамии и ближайшем окружении. Протокурдская культура в течение

Второго длительного периода пережила множество событий, как позитивных, так и негативных. Можно с уверенностью констатировать, что хурриты способствовали развитию всемирного влияния митанни и хеттов в течение первых двух тысячелетий. Основным определяющим звеном в цепи формирования греческой и римской культур и появления западной культуры стала хуррито-митанни-хеттская культура. Посредством переноса как собственных изобретений, так и культурного наследия Шумера в сферу греко-римской культуры они сыграли роль золотого звена в цепи непрерывного продолжения центральной системы цивилизации. Не определив роль этого золотого звена, невозможно будет объяснить ход истории. Если бы она не подпитывалась культурой неолита, чей возраст насчитывал двенадцать тысяч лет и длившейся два тысячелетия культурой цивилизации, нельзя было бы говорить о культуре человечества, оставившей свой отпечаток, во всяком случае — на современности.

В течение первых двух тысячелетий цивилизованного общества отношения протокурдов с цивилизацией носили очень активный характер. Двусторонние отношения наложили отпечаток на все процессы. Обе стороны постоянно переживали столкновения с такими репрессивными и эксплуататорскими элементами, какими были город, класс и государство, относившиеся к культуре цивилизации. Осуществляя нашествия, доходившие порой до уничтожения центров эксплуатации и угнетения (завоевание Вавилона, падение Минсвии), они зачастую, когда не хватало сил, уходили на горные вершины, недоступные для завоевания (культура заза, распространяемая от южных предгорий Загроса до Дерсима, тесно связана с этими процессами), стремясь сохранить свое существование, свою независимость и свободу. Следы этой культуры достаточно значительны и сегодня. Прослойка, называемая «горными курдами», — это племена хурритского происхождения, проживающие в основном по этой линии на протяжении около пяти тысяч лет. То, что некоторые слова в хурритском языке совпадают со многими словами курдского диалекта Заза, объясняет данные реалии достаточно четко. Взаимоотношения, вторая сторона которых развивается в сфере культуры цивилизации, после положительной оценки формируются на почве усвоения и освоения. Это отражение цивилизации

на курдской культуре существовало в форме возникновения городских, классовых и государственных структур и мышления. Правило «если не можешь победить, то надо уподобиться и таким образом победить» в очередной раз демонстрирует свою актуальность. Так, например, столкнувшись с агрессией завоевателей, гуттии, митанни, хетты, урартийцы, мидийцы, персы и Сасанидская империя, сформировавшаяся в качестве цивилизационной силы, уподоблялись агрессорам и побеждали их.

Вторая стадия развития цивилизации протяженностью в два тысячелетия, дошедшая до эпохи ислама, для протокурдов стала тем самым периодом, когда они возводили свои города и формировали классы. Важнейшей является общая особенность культуры, сформировавшейся у подножиях гор и в долинах рек: это правящая знать, вращающаяся в культурно-языковой среде цивилизации, которой она стремится уподобиться, а также прослойки, формирующие низший класс и живущие в собственной культурно-языковой среде. Двойственный характер этой культуры, сформировавшейся под сильным влиянием природных условий курдской территории, продолжается и по сей день, претерпев очень незначительные изменения. И «двойственное разделение» на горную и равнинную культуры, и классовое двойственное расслоение, имевшее место в равнинно-городской культуре являются фундаментальными характеристиками особенностями. Высший слой, постоянно демонстрировавший величайшее умение приспособиться к чужеземным агрессорам и завоевателям, считал свою родоплеменную народную культуру недостойной, отодвигая на второй план, и довольствовался лишь тем, что в ограниченной форме использовал ее во внутренних отношениях. Знать или не проявляла никаких усилий, или делала очень слабые шаги для утверждения своего культурно-языкового суверенитета в среде тех цивилизаций, в которых он играл определенную роль или которые сама создала. Так это было всегда, от гуттиев до Айюбидов. Этот доминирующий клан, имеющий классово-государственные свойства, сыграл такую негативную роль в отношении традиционной курдской культуры, которую не одно общество не сыграло. Высокие классовые и семейные интересы, породившие растворение в чужеземной культурно-языковой среде, несомненно, сыграли определяющую роль в данной негативной си-

функции. Во многом неизменная родоплеменная и семейная культура выжила в себе горных курдов и низшей прослойки, смогла выжить до наших дней благодаря тому, что, тысячелетиями замыкаясь в себе, она смогла избежать растворения в чуждой среде. Формирование колоссальной пропасти между этими двумя культурными течениями способствовало кардинальному расслоению на истинных и фальшивых курдов. Именно данные исторические реалии являются причиной того, что в период современного капитализма не смогла сформироваться мощная курдская национальная буржуазия.

Следует говорить о протокурдском культурном явлении, очень ярко проявившем себя в эпоху неолита и в древности. Общества, представлявшие собой историческое явление, в те времена не могли бы позиционироваться как полностью дифференцированные народы или народности со своей идентичностью — такой этап еще не наступил. Для неолитического периода и древности характерны роды, племена и династии, но не народы и народности. Религиозные и конфессиональные союзы в полном смысле слова еще не сформировались. Наиболее развитые формы общественного сознания того времени были связаны с родом, племенем и династией. Неолитическая эпоха представляла собой эпоху величия родоплеменных структур. Каждый род был представлен тотемом, идентифицировавшимся с данным родом. Храм в Гёбеклитепе (область Урфа), вероятно, был религиозным центром наиболее мощного рода, единым храмовым центром самых сильных родов этой местности. Аналогичные иероглифические символы, высеченные на камнях, представляют собой родословную каждого рода и племени. Это был первый пример, прототип пирамид и зиккуратов — религиозных центров двух начальных, основных цивилизаций древности — Египта и Шумера — и Каабы — религиозного центра ислама. Именно поэтому историческое значение храма огромно. Исход из Урфы святого пророка Авраама, ставшего родоначальником трех монотеистических религий, отнюдь не случаен. Насколько можно утверждать, это явилось итогом существования в Урфе религиозного центра, насчитывающего не менее двенадцати тысячелетий. Даже сам по себе, отдельно взятый храмовый комплекс в Гёбеклитепе сыграл роль религиозной Каабы того времени, насчитывавшей три тысячелетия. Можно говорить и об аналогичной роли Харрана.

Возможно, есть еще немало неизведанных мест. Храмовый комплекс, обнаруженный в Сивереке в Невала Чори, тоже насчитывает одиннадцать тысячелетий.

Известно, что каждое из племен неолитического периода избирало себе в качестве покровителя то или иное животное — тотем. Говоря о том, что тотем был своего рода единым предком или покровителем племени, мы фактически познаем первые формы родоплеменного сознания. Сегодня национальные государства представляются и позиционируют свою идентичность посредством флагов; так и тотемы родоплеменных союзов имели в то время аналогичный смысл. В ООН представлено столько государств, сколько флагов. В религиозно-храмовых центрах посредством тотемов были представлены наиболее сильные и именитые родоплеменные структуры того периода. Разница между ними была не в сущности, а в масштабах. Мы знаем, что тотем подразумевал табуирование, поклонение, выражавшее мечту и стремление придать роду богоизбранность, возвысить его, приобщить тем самым к долгой и благополучной жизни. Вера в жизнь после смерти — это результат глубокой привязанности к своим предкам. Жизнь отождествляется с ушедшими в мир иной и привязанность к ним приводит к вере в вечную жизнь после смерти. Монотеистические религии более позднего периода стали развитой формой этого родоплеменного мировоззрения, понимания религии и Бога.

Изучение родоплеменной культуры неолитического периода и эпохи цивилизации в окрестностях Урфы позволит выяснить, отчего эта культура, насчитывающая примерно пятнадцать тысячелетий истории, столь мятежна и столь вечна. В сущности религиозных чувств, сохраняющих силу и сегодня, а также в сущности понятий о семье и чести эта древняя родоплеменная культура оставила неизгладимые следы. Даже тот факт, что борьба за честь и кровная месть сегодня еще очень сильны, является следствием этой социально-культурной действительности. Законы, глубоко вросшие корнями в почву социальной идентичности, не так легко стереть, и они не утратят своего влияния никогда.

Поистине нельзя недооценивать мир чувств и мышления, созданный культурной жизнью рода и племени. Сознание, которое и сегодня еще позволяет человечеству удержаться на плаву, несет на

глубокие следы этого бытия. В источнике всех форм сознания, озвучиваемых, осознаваемых при помощи искусства, знаний, философии, религии и мифологии, лежит родоплеменная культура. Нет ни одной мифологии, религии, школы философии и искусства, не выражающей словами и чувствами родоплеменную культуру. Если глубоко изучить мифологические, религиозные, философские и эстетические различия между ними, то увидим, что в основе любого отличия лежит родоплеменной уклад жизни. Более позднее национальное самосознание стало производной родоплеменного сознания, основанного на союзах множества племен. Например, основой авраамистических религий, чаще всего упоминаемых в истории, сект, конфессий и ответвлений этих религий является имя пророка Авраама. До появления этих религий, конфессий и наций потенциальная сила реалий основывалась на миграции племени Авраамова между Плодородным Полумесяцем и Египтом. В основе новаций Авраама лежит следующее: сокрушив идолов-божков, находившихся в храмовом комплексе в Урфе, он утвердил вместо родовых тотемов концептуальную родоплеменную религию. Христианская религия видоизменила это верование во имя масс, объединявших обнищавшие племена и рабов. Что касается ислама, произозглашённого пророком Мухаммедом, то аналогичные действия были совершены во имя мира других племен, теснившихся на всем пространстве между Византией и Сасанидами. Речь идет в первую очередь о совокупности арабских племен и других племенах. Как нельзя представить возникновение христианства вне угнетённых племен и масс рабов, искавших совесть, которая могла бы их приютить, так и невозможно представить себе возникновение ислама без неимущих арабских племен.

Христианская община и исламская умма стали обществами нового сознания, сформировавшимися на базе общей веры племен и отшельников, отошедших от своего племени, безработных рабов и беглых солдат. В данном случае речь идет о новом обществе с развитым классовым фундаментом, выходящем за границы рода, и о его новых верованиях. Но и в этих новых общественных условиях род продолжит свое существование, подвергнувшись крайне незначительным изменениям. Речь идет о преобразовании родового общества, вступившего в полосу кризиса, на почве новой идеологической и

общественной институализации; решение, которое невозможно было найти в единице, свойственной роду, стараются найти в развитии классового и государственного сознания, воплотившегося на основе отрицания родовой демократии.

Известно, что в эпоху родоплеменных структур роды, количество и численность которых увеличивались, вступили в полосу кризиса, в период которого выявляются два типа мировоззрения. Первое: если умножается неимущая часть рода и стремится жить, отстаивая свою свободу, то родовая иерархия в виде властвующей династии, оторвавшись от неимущих слоев рода, организуется как новое государственное общество, используя идеологию, что в целом можно назвать религией цивилизации. Прежняя родовая культура отвержена культурой цивилизации. Процессы, происходившие в тесном переплетении с этими преобразованиями, — урбанизация, классовое расслоение и образование государства. Это и есть основное решение, найденное цивилизацией в связи с кризисом родоплеменной культуры. На протяжении истории часто обсуждался и во многом разделялся марксистами тезис о том, что данные преобразования стали огромным шагом вперед. Приобщение к цивилизации всегда считалось прогрессом и высшей формой жизни. Маркс и Энгельс рассматривали упомянутое преобразование как законную необходимость с перспективой исторического материализма и как огромный исторический шаг.

Я критически отношусь к подобному мировоззрению. То, что существовало в родовом обществе, нельзя считать обязательной стадией кризиса. Имеет место классовый выбор иерархических элементов. Поскольку это преобразование (не могу назвать развитием) обеспечивается ценой застоя родоплеменной демократии, свободы и равенства, это и визуально воспринимается как чудовищное отставание, упадок в развитии всего человечества. В связи с тем, что история постоянно переписывается с идеологической позиции господствующих сил, мы и называем это преобразование обязательным, прогрессивным, даже революционным развитием! Но правильнее было бы назвать это шагом совершенно необязательным, совсем ненужным отставанием, упадком и антиреволюционным шагом. Другое, не раскрываемое лицо истории заключается в том, что культура, постоянно борющаяся с предательством собственных

Иерархических и династических правящих кругов, настаивающая демократической, свободной и равноправной структуре и со-зидании родоплеменного сообщества, — это истинная сила, пред-вещающая прогресс и развитие. Отсутствие систематического письменного выражения истории в виде этой культуры может стать не-достатком. Но такая реальность не может свидетельствовать об от-сутствии подобной истории, напротив, это свидетельствует о том, что история не была написана, а если и писалась, то замалчивалась в силу господства отсутствия значимой пропаганды. Цивилизация, раз-витии господствующим классом, идеологической монополией и монополизаторскими монополиями, стала не решением проблемы кризиса, а превратилась в его источник путем урбанизации, классового расслоения и укрепления власти, разрастающихся подобно ра-ковой опухоли, на горбу общества. Если человечеству суждено жить в дальнейшем, то это произойдет благодаря тому, что традиции демокра-тии, свободы и равенства, существовавшие в эпоху родового строя и противовес историческому обществу кризиса, будут возрождаться на почве интеллектуального и структурного развития, достигнутого на протяжении всей цивилизации.

Если культурная жизнь протокурдов, ставшая ценнейшим насле-дием неолитической и античной культур, объединится с сознанием демократической современности, то продемонстрирует в плане вы-хода из нынешнего кризиса Ближневосточного региона развитие, достойное своей истории и идентичности.

2. КУРДСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

Традиции Зороастра играют огромную роль в осуществлении курдской жизнедеятельности. Эти традиции являются историче-ским переходным звеном между монотеистическими религиями Авраама и язычеством (тотемизмом). Зороастризм, впервые вывед-ший тотемистические образования, являющиеся господствующим религиозным мировоззрением в родоплеменной культуре, за грани-цы табуирования и преобразовавший их на нравственно-концепту-альной основе, стал первой масштабной религиозно-нравственной революцией. Зороастризм опередил исламский исход, основанный

на арабских племенах. Целью было формирование более развитого объединения протокурдских мидийских племен на почве верований и нравственности. В ответ на кризис родоплеменного общества зороастризм выдвигает решение с преобладающей демократической составляющей. Система верований, образовавшаяся к 1000-м гг. до н. э., благодаря Зороастру (VI столетие до н. э.), развивает эффективную общественную систему. Важность революции Зороастра заключается в том, что она, впервые разрушив узкие родоплеменные рамки, выдвинула высшее начало, объединяющее все мидийские племена. Весьма влиятельными силами нового общества становятся жрецы, называемые магами («мудрые люди»). Зороастризм открыл путь к колоссальной социальной энергии. То, что ему удалось объединить на общей религиозно-нравственной почве крайне разрозненные племена, стало революцией, не получившей достаточного освещения в истории. Зороастризм был не менее влиятельным, чем ислам и христианство, сыграв роль основного источника даже в возникновении еврейской родоплеменной традиции. Он стал основным цементирующим материалом, сделавшим возможным возникновение мидийской конфедерации. С этой социальной традицией тесно связано и установление персидской династией Ахеменидов с помощью интриг власти над являвшейся по своей сути более демократичной мидийской конфедерацией и создание самой крупной империи. Искажение и опустошение демократической сущности этой традиции завершилось формированием цивилизации с центром в Иране.

Арийская имперская традиция обладает профессионализмом использования исторически демократичной родоплеменной культуры в своих интересах. Она гордится тем, что, растворяя демократическую составляющую в системе цивилизации, смогла создать сильнейшие в истории монархии. В отличие от афинской демократии на Западе, это вылилось в деспотическую традицию Востока, сохранившуюся и в наши дни. Философское сознание, развивавшееся в недрах афинской демократии, сыграло роль основного источника формирования западной цивилизации. Традиция зороастризма, выхолощенная деспотизмом персидских дворцов, не только была побеждена армиями Македонского, но и не смогла спасти культурные достижения восточных обществ от бессмысленного растрачивания,

и османский деспотизм не смог спасти оставшиеся исламские культурные ценности от натиска капиталистической цивилизации Запада. Эта историческая демократическая традиция, зарождавшаяся у курдов-езидов, которая достойна исследования. Пристальное наблюдение над курдами-езидами и курдами-алавитами позволит лучше обнаружить особенности демократии, свободы и равенства, родственные зороастризму и представленные, в частности, в женской среде. Несмотря на всеугнетение, правдивые и смелые стороны этой традиции, слившиеся с природой, достойны внимания.

Исследования, проведенные в отношении курдской культурной действительности, во многом сохранившей свою аутентичность вплоть до ислама, не останутся только на освещении истории курдов, но и прольют свет на тысячелетние периоды всеобщей истории. Какими бы блеклыми ни стали они в наши дни, изучение истории курдов подтвердит, что они являются одним из фундаментальных измерительных знаков истории демократической цивилизации.

3. КУРДСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ИСЛАМИЗМ

Исламский ренессанс оказал преобразующее влияние на всю традиционную родоплеменную культуру и систему цивилизации Ближнего и Среднего Востока. С помощью преобразований ислам пытался изнутри преодолеть внутренний кризис родоплеменного общества при помощи развития исламской уммы, а на внешнем фронте — справиться с кризисом Византийской и Сасанидской империй посредством создания более универсального исламского султаната. Таким образом, два коренных противоречия пытались устранить кризис, используя исламский синтез на сингулярном и универсальном уровнях, исправить при помощи новых идеологических и институциональных образований. В основе явления, называемого «системой средневековой цивилизации», лежит исламский мифос. То, что традиция исламской уммы и султаната в истории всегда была эффективной, связано именно с этой особенностью новой эпохи. Речь идет о своего рода ранней капиталистической современности, оказавшейся в роли едва ли не предвестника западноевропейской капиталистической современности, мертворож-

денного ребенка. Без исламской цивилизации было бы невозможно ожидать и намека на европейскую цивилизацию.

Влияние ислама на традиционную родоплеменную культуру и цивилизационную систему имело революционное значение, став, возможно, самым эффективным революционным ответом на кризис, столетиями переживаемый родоплеменной культурой. Арабские племена Аравийского полуострова жили в обстановке ожесточенных столкновений и междоусобиц, длившихся столетиями, даже тысячелетиями. Происходила глубокая деградация. Женщины были угнетены, дочери настолько бесправны и лишены какой-либо ценности, что их хоронили заживо. Эта традиционная культура была лишена условий, поддерживающих существование классического общества. Короче говоря, кризис невозможно было преодолеть ни при помощи традиционных союзов племен, ни при помощи традиционных структур рабовладельческой власти. В высшей степени практические, идеологически обоснованные политические предложения пророка Мухаммеда имели в этой ситуации эффект лекарства.

Основная особенность революции Мухаммеда заключается в том, что он проявил смелость, создав новую политическую систему, не прибегая к модели нового общества, эволюционировавшего над родоплеменной структурой, не попадая под власть соседних империй Византии и Сасанидов, а также его личные способности к созданию упомянутого общества. В основе такого возвеличивания концепции Аллаха лежит зарождение двух революционных явлений, социума исламской уммы и политической культуры. Социологический и исторический анализ концепции Аллаха, проведенный в научной форме, более конкретно показывает связь данного понятия со значением этих двух явлений. Девяносто девять смыслов слова «Аллах», в сущности, озвучивают политический, социальный, даже экономический манифест. Впрочем, то, что он самого себя назвал «посланником», «провозгласителем воли», очень точно и ярко раскрывает новый смысл того синтеза, на который он опирается. Универсальность, всемирность, осведомленность, мудрость, прощение, свойственные понятию Аллах, предупреждение о том, что человек получит в аду и раю, — все это представляется как идентичность новой системы.

Коран Аллаха, который, судя по преданию, был ниспослан пророку Мухаммеду — это то же, что **Манифест Коммунистической**

партии, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом. Манифест был написан в научном европейском стиле, а Коран был декларирован религиозными кодами, свойственными Востоку. В исламе эквивалентами таких явлений, как «социалистическое общество» и «диктатура пролетариата», являются община — умма единоверцев и исламский султанат. Темы интернационализма, свободы и равенства в общине уммы звучали не слабее, а гораздо сильнее и более систематически, чем такие же темы интернационализма, свободы и равенства в социалистическом обществе. Опять же, понятие «исламский султанат» не менее систематично, чем понятие социалистической диктатуры. Как и в социалистической системе, оба явления систематически развивались столетиями.

Дилемма, встающая перед любой революцией в истории цивилизации, отчетливо и мощно вставала и в случае с исламской революцией. Через некоторое время после этой революции основной проблемой стало следующее: в демократическом или в авторитарно-государственном направлении будет развиваться революция? С момента зарождения ислама обе тенденции очень ярко давали о себе знать. Элита рода и жаждущие власти старались как можно скорее довести революцию до состояния исламского султаната, а беднейшие слои рода и рабы прилагали большие усилия к развитию в демократическом направлении. Элита курейшитов, являющихся господствующим родом, пыталась под предводительством Муавии, предотвратить демократический исход имама Али, скорее всего, характер среднего пути. Абу Бакр, Омар и Осман, ставшие тремя последними халифами после смерти пророка Мухаммеда, на стадии перехода, имевшего место в силу существовавших у них с имамом Али (632—656 гг. н. э.) противоречиям, стали поочередно брать на себя функции халифов (помощников Мухаммеда, его последователей). В этот период происходило жесткое столкновение между демократической традицией (шабийе) и авторитарной традицией (султанат).

Такое противостояние представляло собой своего рода первый пример внутренней борьбы в исламе. Линия имама Али (зять пророка Мухаммеда, один из первых мусульман) не была радикально левой, или демократической, как это обычно считают, а была умеренно-центристской линией. Реальный радикализм и демократизм представляли хариджиты, формировавшиеся из беднейших слоев

племени. Согласие Али при его стабильном положении на роль судьи (во время битвы при Сиффине) способствовало отходу от него и поддерживавшей его радикальной части (хариджитов), и сформировавшейся новой конфессии (первого конфессионального образования), а также тому, что Муавия сумел более точно построить свои расчеты, касающиеся власти. В итоге сторонники власти победили в революции. Эти три основных течения под разными названиями и концептуальным содержанием распространялись с времен победы ислама до наших дней, и на протяжении всей истории отражали в обществах Ближнего и Среднего Востока слишком часто повторявшийся порочный круг. Именно они способствовали возникновению масштабных войн за власть, кровавых династических столкновений, межконфессиональных конфликтов и разделений по убеждениям. Итогом стал переход от общественного кризиса родоплеменной структуры к более глубокому кризису исламской общины (уммы) на почве бесчисленных авторитарных мелких государств, империй, конфессий и сект. До сих пор эта историческая реальность является причиной тяжких поражений, нанесенных западной капиталистической гегемонией, и современного всеобщего социального кризиса Ближнего и Среднего Востока.

Культурное бытие курдов испытало сильное влияние происшедшего рядом исламского исхода. Гораздо сильнее столкнулись курды с разрушительной силой султанского ислама. Династический и султанский режим Омейядов очень похожим на нашествие и завоевания Македонского образом захватнических кровавых войн очень быстро завоевал курдские земли. В частности, такие полководцы, как жестокий Аль-Хадждад ибн Юсуф, уничтоживший всех курдов, способных держать в руках меч, захватили и поработили женщин и детей. Первым историческим примером такого нашествия на курдов, о котором мы можем знать, стал описанный в эпосе о Гильгамеше кровавый поход (убитое чудовище Хамбаба в сущности, должно восприниматься как племенной вождь), совершенный вместе с предателем Энкиду на северные и восточные лесистые и горные районы Ирака (название Ирак, вероятно, происходит от первого города-государства Урук). Поведение курдов по отношению к султанскому исламу определялось зарождением и глубиной дилеммы. Традиционная родоплеменная иерархия вместе

в приращении и распадом иранской Сасанидской империи, с которой она была связана, не преминула продемонстрировать свою лояльность новым хозяевам. Курдская соглашательская знать, при упоминании о власти стремившаяся доказать свое усердие перед ангелам-хозяевам, в процессе развития событий сначала слилась с династией Омейядов, затем постепенно добровольно ассимилировалась и арабизировалась.

Очень интересна история арабизации курдской элиты, сотрудничавшей с властью. Эта прослойка, сумевшая сохранить свою культурно-языковую самобытность в родственной иранской культурной среде, где на протяжении тысячелетий имело место соглашательство с властью, вдруг ускоренно встала на путь арабизации, что тесно связано с образованием классов. До начала процесса арабизации курдские иерархические предводители еще были тесно связаны с родоплеменной культурой, представляя собой одно родоплеменное общество. Процесс классового расслоения был слаб. Интересы знати диктовались необходимостью и пользой пребывания в роли высшего слоя в структуре рода и племени, а не классовым расслоением. Утрата духовной и культурной связи с племенем и растворение в господствующей культурной среде в качестве отдельной личности или семьи не входило в их интересы — в такой ситуации они могли потерять все. Перед ними были многочисленные исторические примеры, подтверждающие это. Курдская родоплеменная действительность, будучи очень жестко привязанной к собственной культуре, считала невозможными или исключала слияние и ассимиляцию с внешними силами. В данном случае значительную роль сыграло недостаточное развитие материальных условий параллельного этно-классового расслоения (курдская знать не имела особого контакта с городской и государственной культурой), и, что особенно важно, постоянное пребывание в состоянии борьбы против внешних нашествий, завоеваний и эксплуатации.

В период нашествия арабской династии Омейядов происходила дифференциация как с исторической, так и с социальной точки зрения. Вместе с усилением исламской султы верхушка арабской родоплеменной структуры, оторвавшись от собственных низших слоев, быстрыми темпами превращалась в новый господствующий класс. Имело место глубокое классовое расслоение. В период правления

Омейядов образовалась мощная арабо-исламская аристократия. В культуре Ближнего и Среднего Востока впервые сформировались взаимоотношения типа богач-прислужник, вышедшие за рамки традиционных отношений между рабом и господином, но похожие на отношения между крепостным и помещиком, позднее развившиеся в Европе. Формирование классовых отношений, которые в сравнении с классическим рабством можно было бы просто восхитлять, стало самым значительным результатом исламского халифата. Возникла новая система классов исламской власти. Возглавляла эти процессы династия Омейядов. Для того чтобы пополнить ряды своих прислужников, представители династии Омейядов в краткие сроки заполнили свои дворцы бюрократами и классовыми соглашениями, ставшими лишними в императорских домах Византии и Сасанидов. Высшие слои всех завоеванных ими обществ, считая, что это новое расслоение исторического общества в высшей степени соответствует их интересам, быстрыми темпами превращались в знать, пусть и на почве соглашения. Они заключали браки с представителями господствующей династической аристократии, воспитывали своих детей в принадлежности к официальному арабскому языку и культуре. На сей раз они быстро отделились от своего языка и культуры. Это состояние, которое издревле противоречило их интересам, в новых условиях образования исламской аристократии уже в высшей степени соответствовало этим интересам. История знает немало таких примеров.

Официальный аккадский, арамейский и ассирийские языки были общими языками и олицетворяли единую культуру классических рабовладельческих империй за тысячи лет до возникновения арабского. Он давно играл ту роль, которую греческий и латинский языки играли на Западе. На волне ислама арабский язык впервые стал распространенным общим языком культуры Ближнего и Среднего Востока. Образ жизни и культура династии, выразившиеся также с помощью арабского языка, были общими для всей исламской аристократии Ближневосточного региона. Не было практически ни одной возвышающейся аристократической семьи Ближнего и Среднего Востока, которая не вела бы свой род от арабских династий. Каждая соглашательская знатная семья прилагала массу усилий для того, чтобы связать свое происхождение с арабской ди-

и, особенно с Ахль аль-Байтом — родом пророка. К этому «привнесению» следует добавить еще новый класс улемов и воинов. Все перешло в привычку отрицание своих старых корней и возвеличение новых сословных титулов. Даже персидская культура, насчитывающая тысячелетия, не убереглась от глубокой ассимиляции под влиянием арабского языка и культуры. Более слабые языки и культуры с легкостью были поглощены. Если древний аккадский язык полностью потерял свое значение, то арамейский и сирийский языки значительно утратили свою силу.

Курдская родоплеменная верхушка тоже получила свою долю в этом ускоренном слиянии и ассимиляции. Следование старым традициям Зороастра приносило им больше вреда, чем пользы. Упорной приверженность к этой культуре означала утрату их существования. Ради продолжения своего существования они вскоре предпочли раствориться в чужой культурно-языковой среде, основанной на интересах и близкой господствующим классам истории. В период между VII и X веками н. э. сформировалась очень сильная курдская аристократическая верхушка, полностью растворившаяся в арабской аристократической культурно-языковой среде. Если формально эти прослойки и считаются курдскими, то с точки зрения языка и культуры они являются элементами официального арабского языка. Жизнь в условиях этого нового языка и культуры они считали символом избранности и испытывали гордость. Именно эти прослойки раньше всего отказались от родных языка и культуры. И по сей день в Курдистане ощущаются серьезные последствия этого явления.

Соглашательская курдская аристократия, играющая во власть, профессионально принадлежит к суннитской традиции. В смысловом плане суннизм выражает поверхностную исламизацию традиции высшего слоя родоплеменной иерархии. Суннитский ислам — это господствующий и суверенный ислам, обладающий мощной классовой базой. То, что средневековые курдские княжества в большинстве своем приняли суннизм, было продиктовано их интересами, но с точки зрения связей ислама с истиной он не выражает никакого смысла. Можно сказать, что суннизм — это форма замаскированных порывов той части знати, которую интересовали только власть и выгоды ислама. Под этой личиной они испытали очень много того, что в действительности не может соответствовать социальной сове-

сти и нравственности, даже противоречит им. Суннитскому исламу уготована роль маски, скрывающей интриги, жестокость и эксплуатацию во дворцах султанов. Примеры, имевшие место во дворцах Омейядов, Аббасидов и османских султанов, крайне поучительны в этом плане. Отрицание курдской культуры, неуважение и нежелание развивать ее, свойственное подавляющему большинству курдских ренегатов, от средневековых княжеств до личностных и семейных атавизмов современности, связаны с классовым характером, идеологическими и авторитарными образованиями. Стиль идеологического и структурного формирования класса оказывает глубокое воздействие на культурную картину общества в целом. Влияние ислама в формировании арабских, персидских и турецких господствующих классов определило также тип взаимоотношений этих прослоек с обществами. Наличие соглашателей также оказало и положительное, и отрицательное воздействие на социальную культуру в зависимости от числа, активности и степени вхождения их во власть. Несмотря на менее ассимиляционный характер, по отношению к низшим слоям они применяли более серьезное давление и эксплуатацию. Курдские сюзерены, имевшие явно ренегатский характер, были больше склонны к ассимиляции, оказали менее заметное воздействие на курдскую социальную действительность. Слабость суверенитета и склонность к ассимиляции способствовали тому, что, отрицая язык и культуру общества, они полностью утратили свое значение. Эти тенденции, дошедшие до современности, совершили, не говоря уже об ассимиляции, скачок до такого уровня соглашательства, который приводит к культурному геноциду, и превратились в паразитов, убивающих собственное общество, питаясь его кровью.

Вторая тенденция, противостоящая исламской революции, представлена в виде демократического подхода. Восприятие курдами ислама не носило целостного характера. Различались воззрения горных и равнинных курдов, а также низших и высших слоев. Родо-племенные структуры, не капитулировавшие перед первыми аннексионистскими ударами ислама, а также религиозные деятели зороастризма, как это всегда было в истории, длительное время продолжали свою борьбу, уйдя высоко в горы. Те круги, чье сопротивление носило радикальный и постоянный характер, а именно алевиты и зороастрийцы, предпочитали или принять ислам, проти-

переходящий суннитскому исламу, или не поддавались исламизации. На их убежищ в горах видим что алевизм — это религия радикальных слоев, которые сохраняют традиционную протестную культуру. Они считают ассимиляцию оскорблением и принимают ислам в той мере, в которой он соответствует их культурному бытию. Алевизм нельзя назвать в полном смысле исламской культурой. Это культура, которая более всего основана на преданности собственным родо-племенным традициям, ассимилирует и делает более пронзительными некоторые исламские ценности, причем в той мере, в какой они соответствуют их собственной культуре. Благодаря данным фактам, алавиты сохранили схожесть с языковыми особенностями культуры хурритов 5000-летней давности. Этот результат породил их постоянное сопротивление внешней агрессии, родоплеменные традиции и образ жизни в горах.

Положение сторонников зороастризма имело иной характер. Они сопротивлялись, скорее, не на родо-племенной почве, а на религиозной. Религиозная сущность возобладала у них над родо-племенной. В современной жизни это отразилось в виде существования нескольких разнообразных конфессий. В сравнении с курдами-суннитами они представляли более оригинальные черты курдской идентичности, и хотя за свою историю многократно подвергались массовому уничтожению, они не отрекались от своей веры. Несмотря на богатейшие источники традиционной курдской культуры, сожигание книг и постоянное угнетение привели к оскудению и почти к иссушению этих источников.

В случае с равнинными слоями курдского этноса наблюдается развитие мистических сект, в которых сконцентрировалось противостояние процессам ассимиляции. Масштабы мистики, выходящие за пределы государственно-султанатского ислама, и такие понятия, как общественная совесть и нравственность, являются выражением более глубоко воспринимаемого ислама (мистический Илим). В общем смысле это стало выражением социального ислама, не сливающегося с государством, не испытывающего симпатий к власти, но стремящегося жить в соответствии с религиозной и личностной совестью, чувствами и сознанием. Деление ислама на две основные категории — авторитарный этатический и социальный, соответствует реалиям исторического общества. Социальный

ислам может жить только как мистика, и его организация в виде распространенных в народе сект подтверждает это. Социальный ислам связан с демократией. Мистическая секта, являющаяся организацией социального ислама в противовес исламу, находящемуся в процессе ускоренной этатизации (который можно назвать антиисламом), оказалась одной из форм и выразительниц народной солидарности. Исламское общество может жить не в форме официального ислама, а в форме мистических сект. Существует также категория личностного ислама. Личностный ислам — это мистический ислам, выражающий концепцию божественного характера личности. В этом есть определенный смысл. Но ислам, постоянно заигрывающий с властью, воспринимается как ислам, оторванный от своей глубокой социальной сути, перешедший в противоречасое ему состояние.

Глубокое и активное существование в курдском обществе мистических течений связано с тем, что, в сущности, у него весьма проблематичные отношения с властью. То, что основатели большинства мистических сект были курдами по своему происхождению связано с их социальными реалиями. Секты — это своего рода организации самообороны народа. Роль, сыгранную синдикатами рабочего класса по отношению к капиталистической власти, в аналогичной форме играли в Средние века мистические секты в общинах Ближнего и Среднего Востока, став центрами и веры, и мышления, и экономики, и обороны. Зачастую они превращались в политические организации, а порой эти преобразования, подвергшись искажениям, играли роль в созидании новой власти и государства. Социальный ислам имел влияние, по меньшей мере, в той же степени, что и государственный ислам. Сюда же можно добавить и личностный ислам. Личностный ислам, в отличие от государственного и социального, существует в виде совести и личной религии. Государственный ислам трудно считать религией. Он позволяет узаконить позиции государства в идеологической, правовой и экономических сферах. В данном случае важно определиться с одной проблемой: что чем используется — религия государством или государство религией? Если государство использует религию, то такая религия считается утратившей свою сущность. Значение и смысл религии всегда были связаны с социумом. Но если государство используется

религией, это, хоть и отличается от упомянутого варианта, все равно приводит к тому же порочному кругу. То, что такое содержательное ядро управления, как государство, попадает под власть религии, представляет собой гораздо большую опасность — можно говорить о многом рода средневековом фашизме. То, что религия ограничивается социальной сферой и оставляется на свободный выбор личности, гораздо больше соответствует особенностям исхода.

Следует указать на то, что в курдском обществе религия сыграла свою роль в этих трех сферах влияния. Ислам государства или государство ислама являются повелевающим и антидемократическим. Упование религии государством, государства — религией является основной причиной консервативности религии и того, что она лишена действительности. По этой же основной причине ислам обладает влиянием в курдском обществе: таким способом общество защищается от него. С этим связано и то, что Курдистан стал колыбелью многочисленных сект. Что касается личностного ислама, то он оказывает определенное моральное воздействие в условиях глубокой неуверенности, присутствующей у курдов. В процессе, предшествующем возникновению идеологического влияния капиталистической современности в Курдистане, ислам был формой социальной культуры, сыгравшей по меньшей мере ту же роль, как этническая культура рода. Это — основной фактор при возникновении социальных отношений, стоящих над родо-племенными связями.

Для средневекового периода истории Ближнего и Среднего Востока характерно значительное влияние всех трех монотеистических религий на процесс формирования социальных связей, стоящих над родоплеменной структурой. Развитие социальных отношений, выходящих за границы рода и племени, имеет огромный революционный смысл. Этот прогресс означает рождение нового общества. Исламская, христианская и иудейская общины единоверцев по своей сути означают создание социальных организаций, выходящих за пределы родоплеменной организации, и в конкретном смысле перед нами встает явление, характеризующее реалии народа и нации. В процессе формирования категорий народностей и народов религии играют роль катализаторов. По-другому невозможно объединить родоплеменные структуры и племена под этой вышестоящей идентичностью крайне сложно. Нельзя умалить роль, сыгранную

религией в успешном осуществлении данного процесса. Формирование народностей и народов стало одной из определяющих особенностей Средних веков. Подобно тому, как Новое время является эпохой обретения нациями определенности, так и Средневековье стало эпохой обретения определенности процессами формирования народностей и народов. В сравнении с понятием «народности» понятие «нация» гораздо ближе к религии и способствовало тому, что понятия рода и племени отошли в лоне религии на второй план, а право слова и решения закрепилось за религиозной общиной. Что касается нации, то она является выражением разноязыких обществ, входящих в одну религиозную общину единоверцев, носящую на себе отпечаток религии и формировавшейся над категориями рода и племени. Одна исламская умма может быть представлена многочисленными народами. Говорить о единой исламской нации очень трудно. Данное обстоятельство более характерно для христианства. Процесс формирования народов начался в христианстве еще раньше. Хотя в иудаизме основным народом являются евреи, можно встретить и некоторые другие народы, исповедующие ту же веру.

Основной нацией, возвысившейся благодаря исламу, стали арабы. После арабов в качестве нации, приняв шиитский ислам, определились персы. Тюрки, стоящие на третьем месте, добились определенности в качестве народности и нации уже в X веке. Несмотря на то, что курды стали четвертым по счету крупным народом Ближневосточного региона, который обрел определенность, они в этом вопросе так и остались позади трех других народов. Данное обстоятельство связано с тем, есть государственность или ее нет. Подобно тому, как европейские нации усиливались вокруг капиталистического государства и стали национальными государствами, так и гораздо большая степень этатизации арабских, персидских и тюркских племен способствовала их превращению в более развитые нации. Курды, проявившие слабость в плане становления государственности, по причине глубокой ассимиляции высшего слоя так и остались бессильной нацией. Существование государственной нации важно только с позиций высшего слоя. Для низших слоев гораздо более важным является формирование народа вокруг мистических сект. Государство более влиятельно в формировании нации, а община мистических сект — в формировании народа. Не-

сметри на то, что курды оказались слабой государственной нацией, однако факт формирования народа на почве демократии, свободы и равенства вокруг мистических сект. Следует отметить, что и в период принятия ислама курды совершенно не отставали в плане формирования народа и нации, концентрируясь как вокруг сильных княжеств, так и вокруг мистических сект. Между процессами становления высших кругов общества как нации и низших слоев как народа есть определенная разница, которую, однако, не стоит преувеличивать.

Народ, сформировавшийся на основе выхода из курдской родо-племенной культурной среды, называется «курманджи», что означает «курд». Туркмены у турок, бедуины у арабов, аджемы у персов называют то же самое. Если даже курманджи не полностью преодолели родо-племенные отношения, то стали категорией, которая постепенно развивается на почве урбанизации, набирающей обороты по сегодняшний день. То, что семьи, по различным причинам отделившиеся от всех родов и племен, усиливались посредством обретенной независимости в многочисленных селах и городах, стало главной силой в процессе становления курдского народа. Если курды развивались в этом отношении как народ и вступили на путь становления демократической нации, то и переход правящих кругов от слабой нации к сильной происходил с той же активностью и скоростью. Несостоятельность процесса перехода этого слоя к численности государствообразующей нации способствовала тому, что процесс становления демократической нации стал шансом для курдов. Между процессами становления демократической и государственной нации есть коренные различия. В предстоящих главах я подробно остановлюсь на этой теме.

Стараясь таким образом определить положительные и отрицательные стороны борьбы между исламизацией курдов и их культурным становлением в Средние века, необходимо подчеркнуть динамический характер этого явления. Процесс формирования народностей и народов является более объемной и развитой социальной формой. Формирование новой национальной культуры на основе экономического развития вокруг рынка, мистические секты, обретенные знатью национальных черт, как и в случае с другими народами, в целом привели курдов к началу формирования нации.

4. ИСЛАМСКАЯ КУЛЬТУРА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АРАБАМИ, КУРДАМИ И ТУРКАМИ

Курдско-арабо-тюркские взаимоотношения, формировавшиеся на почве исламской культуры Средневековья, сыграли очень важную роль в развитии курдской действительности. В частности, в период между VII и XI столетиями во взаимоотношениях между арабами и курдами под влиянием арабо-исламской культуры, с одной стороны, происходило формирование власти и государства в виде княжеств, с другой стороны, образовывалось гражданское общество в виде мистических сект, что способствовало значительному прогрессу в процессе становления курдского народа, народности и национальности (между тремя понятиями очень незначительная разница). В предыдущих столетиях аналогичные процессы происходили и в ходе развития отношений между персами и курдами. Это мы уже схематически рассматривали. Отношения между курдами и тюрками, развивавшиеся как продолжение этих процессов, превратились в стратегические связи, ставшие гораздо более важными в плане сохранения жизнедеятельности обоих народов.

Тюркские племена, переселение которых в сторону Ближневосточного региона усилилось в X веке вследствие отрицательных климатических и социальных условий Средней Азии, постоянно искали новые места для размещения и постоянного проживания. Они отвоевали места для расселения на территории, традиционно относящейся к Персидской империи, однако это не имело стабильного характера. Постоянно происходили конфликты в борьбе за власть, как внутрплеменные, так и с участием соседних народностей. Такие столкновения, безусловно, не способствовали устойчивому и спокойному расселению племен. Следовательно, это вынуждало тюркские племена двигаться на запад, осваивая территории Арабской и Византийской империй. Здесь на пути тюркских племен находились такие народности, как арабы, курды и армяне. Наиболее известные воины арабских султанов-Аббасидов были тюрками по происхождению. Таким образом, только избранная часть воинственных тюрков могла перейти к оседлости. Лишь они могли в краткий срок с легкостью арабизироваться, утратив связи со

Своими родоплеменными традициями. Основной проблемой было стремление срочно найти новые места расселения крупных племенных союзов. На арабском участке, в частности на территории от современного Ирака до Египта, они благодаря своим воинским способностям образовали множество наследственных княжеств и княжеств. Но эти княжества не могли удовлетворить все потребности тюрков из-за масштабов миграционного потока. В данном случае также был рекрут, а оставшиеся тюркские племена продолжали кочевать в поисках мест постоянного расселения. Исторические контакты тюрков с курдами получили развитие во время этих скитаний.

В указанный период (XI и XII столетия) основной проблемой как курдских княжеств, так и гражданского общества, были, с одной стороны, напряженные взаимоотношения с арабскими султанами и прессорами, то есть характерные столкновения и примирения, с другой стороны, постоянное притеснение, обусловленное присутствием Византийской империи на традиционной линии распространения и агрессии, оставшейся от Римской империи. Нашествия племен семитского происхождения, уходящих своими корнями до культуры Эль-Убейда (5000—4000-е гг. до н. э.), происходили на пустынных территориях, от самого Йемена, и не было этим нашествиям конца и края. Эти походы на север (на территории и географические пространства, открывающие дорогу к концепции рая), продолжавшиеся при содействии империй в период существования хититов, вавилонян и ассирийцев, обрело с V века н. э. ускорение благодаря арабскому нашествию.

Когда на волне ислама арабские нашествия, нарастающие как снежный ком, стали захватывать, подобно неудержимому селевому потоку Европу, Кавказ и Среднюю Азию, больше всего от этого пострадали жившие севернее арабов традиционные арийские общины, наиболее передовыми из которых были протокурды и курды. Курды приняли ислам после определенного периода борьбы, курдская родо-племенная знать согласилась с арабо-исламской ассимиляцией, низшие слои формировали мистические гражданские общества и по традиции уходили в горы, где пытались выжить. Как было уже сказано, им удалось при помощи этих методов сохранить и развить свою жизнедеятельность со всеми положительными и отрицательными сторонами. Соглашательская высшая прослойка

курдов сделала аргументом своего существования национальное становление в лоне суннизма, причем в этом преобладала негативная сторона (они причисляли себя в основном к арабской нации, но могли использовать курдскую идентичность, когда этого требовали их интересы). Низшие слои общества пошли по пути формирования нации на основе мистических сект (в частности, в стенах медресе) в форме гражданских обществ, где превалировали позитивные стороны, чем внесли значительный вклад в развитие курдской деятельности эпохи Средневековья.

Нашествия с севера и с запада, начатые еще Александром Македонским, позднее продолженные Римом и его последовательницей Византийской империей, направленные на империи Ирана, Персии, Парфию и Сасанидов, осуществлялись на основных территориях проживания сообществ преимущественно курдского происхождения. Эти исторические набеги, вместе с нашествием тюркских племен и последовавших за ним империй, многократно усилились на востоке после разрушения Иранской империи. Таким образом, земли, названные раем, превратились в проклятые земли. Следует особо отметить, что именно такая история, полная кровавых войн, стала причиной страшных несчастий и проклятием курдов. Независимо от того, образовывали ли курды родо-племенные союзы или нацию, они всегда знали, что существуют негативно воздействующие на них внешние силы, причем всегда имеющие внутренних последователей. С тюркскими княжествами, султанатами и родо-племенными образованиями курды столкнулись именно в таком состоянии и при таких условиях. Обе стороны имели опыт и были воинственно настроены. Несмотря на конфликты при первых контактах, всегда преобладали дружба и согласие. Обе стороны остро нуждались в этом. Противоборство было способно уничтожить в стратегическом смысле обе стороны — обе они могли просто исчезнуть. Было ясно, что понимание этого есть у обеих сторон.

Султан Алп-Арслан из династии огузов-сельджукидов, получивший титул султана от халифата Аббасидов, искал в Курдистане союзников, чтобы получить доступ в Анатолию. Во время подготовки к Малазгиртской (Манцикертской) битве 1071 года он активизировал связи с наиболее сильными курдскими княжествами и родами того времени. В итоге он обрел искомых союзников в султанстве

Маникидов с центром в Меяфаргине (Сильване). Из множества племен этого региона он выбрал для своего племени наиболее сильную силу. Несмотря на устоявшееся мнение, в Манцикертской битве с Византией участвовали не только избранные силы тюркских племен: это была битва, в которой бок о бок с тюрками сражались отряды, равнозначные им по силе, собранные в многочисленных иранских племенах и княжествах. Если объективно изучить Манцикертскую битву, то станет ясной фундаментальная стратегическая логика курдо-тюркских взаимоотношений. Ситуация, в сущности, была таковой: защищаясь от римских и византийских нашествий с запада и с севера, курды испытывали необходимость в сильных союзниках, найдя их в арабо-исламских силах. Одной из причин быстрой исламизации на основе взаимоотношений, установленных с арабами до прихода тюркских племен в регион, была именно безысходность. Потребность тюркских племен в новых местах обитания толкнула их или на агрессию по отношению к курдам, или, если это было невозможно, диктовала необходимость союза с курдами в войне против Византии, чтобы оттеснить Византийскую империю на запад и обрести новые места расселения.

Обе стороны вступили в Манцикертскую битву, руководствуясь упомянутой логикой. Данная война однозначно была совместной войной курдов и тюрков с Византийской империей. Итоги этой битвы были велики. Тюркским племенам был открыт путь в Анатолию — начался новый период. Курды освободились от силы, которая столетиями на протяжении истории постоянно угнетала, препятствовала им и толкала вспять. Ислам стал цементирующим материалом этих взаимоотношений. Совместная битва, в которую вступили под знаменем меликма, ставила, собственно говоря, цель сохранить существование и развитие двух народов, у которых преобладали родоплеменные традиции. Уже тогда поражение было бы равносильно утрате бытия и отставанию обоих народов. Официальная историография однозначно связывает победу в Манцикертской битве с величием тюркского султана, скрывая основу. Но Манцикертская битва — в той же степени победа курдов, что и тюрков. Отсутствие упоминания в официальной историографии отнюдь не меняет действительности.

Даже несмотря на то, что время от времени логику курдско-тюркских взаимоотношений искажали конфликты, она сохраняет реаль-

ность вплоть до наших дней. Расселение тюрок в Анатолии постоянно поддерживало эту новую стратегическую действительность. Обе силы помнили, что могут достичь успеха только в том случае, если в критические мгновения истории будут действовать сообща. Данная логика работала во все времена, во время правления курдской династии Айюбидов, ряда анатолийских княжеств и в эпоху Османской империи. Углубившись в историю, увидим, что со времен хеттско-митаннийских взаимоотношений (1600-е гг. до н. э.) между силами в Анатолии и Месопотамии действовала похожая стратегия. Эта тесная связь будет существовать между народами, гражданскими силами и силами власти. Совместная стратегия обороны окажется актуальной в связи с любыми угрозами, и не только с теми, что с запада, но и с теми, что с востока и с юга. Османский султан Селим I остановил расширение империи иранской династии Сефевидов при помощи аналогичного союза. Мамелюкский султанат, пришедший с юга в эти же годы (1514—1517), действиями союза, созданного под предводительством Идриса Битлиси, сначала был остановлен, затем разгромлен. Во время освободительной войны 1920 г. действовала та же стратегия.

В 1514 году, во время Чалдыранской битвы против иранской империи Сефевидов, в войсках Султана Явуз Селима было больше воинов из курдских княжеств и племен, нежели янычар. Победа в войне была обусловлена с точки зрения места столкновения и военного положения османско-курдским союзом (протокол, подписанный в Амасии между двадцатью восемью курдскими князьями и Явуз Селимом). Рассматривая власть мамелюков в Урфе-Мардине, увидим, что война в Мерджидабыке (местечко неподалеку от Алеппо на севере Сирии) имела аналогичный характер. В высшей степени реалистично и необходимо подчеркнуть, что в стратегическом плане обе войны сыграли значительную роль в жизни и независимости курдов. Шовинистическая история всегда искажала истину. Вернее всего было бы рассматривать войны, проводимые на территории Курдистана в период правления сельджуков, династии Айюбидов и Османской империи, в основном как войны курдского народа против агрессоров. Сюда же надо включить национально-освободительную войну 1920—1922 гг. Выигрышем турок в этих войнах стало их постоянное расселение в Анатолии, чего не было бы без курдов.

Из-за полного осознания значения взаимоотношений, построенных курдами с тюркскими народностями, княжествами, султанатами и племенами, невозможно объективно написать историю обоих обществ. Следует очень хорошо понять и то, что эта стратегия возникла в связи с пониманием того, что вместе гораздо легче сосуществовать и развить свою жизнь и деятельность, а не для того, чтобы вступать во взаимоотношения с тюрками подверглись ассимиляции или военной угрозе.

Та же стратегическая логика действует и в обладающем исторической глубиной государственном мышлении тюрков. Но в основе возникновения «белого» турецкого фашизма, объективно являющегося эманацией Запада и на протяжении последнего столетия отрицающей эту стратегическую логику и практику, лежат логика заговора и предательство, направленная против обоих обществ. Еще со времен возникновения навязывание подобного рода отношениям таких действий, как отрицание, убийство, ассимиляция и геноцид, становится самым страшным предательством обеих культур и завершается их гибелью.

Религия — это явление, наложившее отпечаток на взаимоотношения между обществами в Средние века, и имевшая тогда такое же влияние, какое получил сегодня национализм. Но в социальной действительности религия была идеологическим покровом, а истинное существование общества определяли его язык и традиционная культура. У курдов изменения, произошедшие в языке и культуре под исламским покровом, тоже продолжали существовать в многокупности всех положительных и отрицательных сторон. Такие процессы, как становление нации и народа, проходившие у курдов в эту эпоху, превратились в один из основных аспектов курдской действительности. Вместе с родо-племенным и религиозным мироощущением развилось национальное самосознание.

5. ВЛИЯНИЕ АРМЯН, АССИРИЦЕВ И ЕВРЕЕВ НА КУРДСКУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Влияние христиан, в частности, армян и ассирийцев, а также евреев на курдскую действительность сыграло в Средние века значительную роль. Христианство, возникшее за шесть веков до ислама, давно уже обнаружило свое влияние как религиозное чувство и

мышление. Изначально христианство стало движением обедневших и испытывающих угнетение слоев населения. В период зарождения христианства господство Римской империи над регионом достигло своего апогея. Больше всего страдали от этого эллины, ассирийцы и армяне, но частично и те, кто имел курдское и арабское происхождение. У евреев тоже сформировались прослойки неимущих — уже стала заметна узость еврейского родоплеменного строя. Когда же верхушка пошла на соглашения с Римом, распад приобрел необратимый характер. Фигура Иисуса Христа, сформировавшегося и качестве религиозного лидера неимущих слоев населения, возникло как результат этого глубокого раздробления. Вера в Иисуса Христа оказалась, в сущности, второй мировой религией, причем производной от иудаизма. Евреи не испытали серьезного раздробления благодаря священной книге своего племени — Ветхому Завету. Отделившиеся остались в меньшинстве. Новая религия сильнее всего повлияла на эллинов, армян и ассирийцев. В III веке нашей эры распространение христианства усилилось. IV век стал столетием масштабных преобразований. Все три народа в большинстве своем приняли христианство. Поскольку христианизация означала отрыв от римского рабства, религия сыграла роль своего рода раннего национализма. Этот национализм, отличаясь от капиталистического национализма, вместе с тем стал предшественником национализма, неся в себе ядро раннего капитализма. Отнюдь не случайно то, что капитализм стал гегемонизироваться в лоне христианства. В IV веке христианство сыграло огромную роль в разделении Римской империи на две части и в образовании Восточной Римской империи, то есть Византии. Некоторое время спустя христианство стало официальной религией Западной Римской империи. Идеологическим выражением этого разделения стали католицизм и православие. Латинский стал языком выражения католической культуры, а греческий — языком православия. Армяне и ассирийцы, принявшие христианство, также создали собственные церкви. Это разделение привело к резкой дифференциации культуры Ближневосточного региона. Ускорился процесс разделения эллинов, армян и ассирийцев, которые стали едва ли не прототипами наций.

Как материальный, так и моральный, интеллектуальный уровень развития этих народов был гораздо выше, чем у соседних, в частно-

имевших курдское и арабское происхождение. Различия между ними были неизбежными. Все три являлись древнейшими народами Ближнего и Среднего Востока, имевшими городское происхождение, что обеспечивало культурное превосходство. Вполне естественно оказалось, что горные курдские племена на севере и арабы пустынь на юге осознали противоречие данного превосходства. То, что Византия господствовала над православными эллинами, различными конфессиями Сасанидов, армянами и ассирийцами, усугубляло существовавшие противоречия. Зарождение ислама в VII веке и быстрое приобретение им преимущества перед двумя империями и указанными конфессиями усугубили и усилили конфликтность. Традиционные противоречия иудаизма также всегда ускоряли хаос.

С возникновением ислама курдское географическое пространство (это географическое пространство с XI века вошло в литературу под названием Курдистан) оказалось в эпицентре всех новых противоречий, превратившись в сферу демонстрации сил арабами, персами, курдами, ассирийцами, армянами, а через некоторое время и турками. Курдистан является основной сферой столкновения интересов, стоящих намного выше Византии и исламской империи (интерес были Сасаниды). Курды на севере более тесно контактировали с армянами, на юге — с ассирийцами, на западе — с понтийскими греками — румами и на востоке — с персами. Несмотря на явное численное превосходство курдов, они находились в состоянии постоянного контакта с этими соседними народами, в особенности из курдскими представителями. Если курды были пастухами и земледельцами, то армяне и ассирийцы — городскими ремесленниками таким образом, между ними исторически сформировалось разделение труда. Взаимоотношения были не столько противоречивыми, сколько симбиотическими (такие отношения, когда стороны взаимно подпитывают друг друга). В систему этих взаимоотношений следует также включить евреев: на заре своего рождения они поддерживали тесную связь с территорией расселения курдов.

Подавляющее большинство курдов в тот период разделяли зороастристское верование, но было и курдское меньшинство, частично перешедшее в иудаизм и христианство. Но когда в регион вступила волна ислама, этот баланс коренным образом нарушился. Арабы утратили власть над ассирийцами, евреями и кипрскими греками

(христианами и евреями под исламским покровом) на территории современного Ирака и Сирии. Аналогичная ситуация была с христианами-коптами в Египте. Турки в Анатолии имели преимущество и большинство по отношению к кипрским грекам и частично к армянам. В Курдистане курды представляли собой аналогичное большинство по сравнению с армянами и ассирийцами. Под названием «народ» в данном случае должна восприниматься гегемония высших слоев в структуре народа. Несмотря на все конфликты и завоевания, отношения между низшими слоями народов носили преимущественно дружеский характер. Курды жили в тесном контакте с армянами и ассирийцами и совместно обрели множество достижений в развитии цивилизации и культуры. Существование таких отношений, уходящих корнями к третьему тысячелетию до н. э., можно установить и исторически. Несмотря на междоусобицу из-за политических и экономических причин, происходившую между княжествами вплоть до начала XIX века, между армянским, курдским, туркменским и ассирийским народами поддерживались тесные культурные связи. Эти отношения носили преимущественно симбиотический характер и развивались как в материальной, так и духовно-культурной сферах. Негативные проявления, способные резко изменить судьбы этих народов, практически отсутствовали. Имевшие место противоречия возникали преимущественно в сфере интересов высших слоев и переходили в спорадические конфликты. Религиозные и конфессиональные различия низших слоев воспринимались с уважением, не считаясь препятствиями для дружбы и братских отношений. Историография, испытавшая пропагандистское воздействие идеологизированных гегемонистских сил, не в состоянии ни скрыть, ни устранить эти реалии.

К концу Средневековья на Ближнем и Среднем Востоке взаимоотношения, установившиеся в регионе между курдской действительностью и исламской культурой, стали причиной значительных последствий. Эти взаимоотношения, продолжавшиеся примерно тысячу лет, имели свои положительные и отрицательные стороны. Негативная сторона заключалась в ассимиляционном влиянии арабского языка и культуры. Арабизация и влияние арабского языка длились столетиями. Курдская высшая прослойка, сформировавшись как класс, отделилась от курдской народной культуры, встав

культуры традиционного ренегатства, и развивала это соглашательство с XVI века, при власти османской династии тюрок. Курдская элита периодически вступала в столкновения с армянским и ассирийским народами. Будучи суверенным соглашательским классом, курдская знать установила власть и усиливала эксплуатацию слоев, зависимыми курманджами, а также неимущих кругов родо-племенных структур. Положительные стороны заключались в том, что в этот период впервые и юридически, и фактически курды стали признаны курдами, а территория их проживания уже официально называлась Курдистаном. В сущности, в этот период уже конкретизировалось название страны и народа. На курдском языке были написаны литературные произведения. История Курдистана Шереф-ханом Битлиси, Мам и Зин Ахмеде Ханием, стихи Факийе Тейрана, а также множество научных и литературных произведений рождено в это время. Вместе с частичным разрушением курдских родов и племен сформировалась категория «курмандж», составившая основную часть населения ряда сел и городов. Ось формирования нации переместилась от членов родов и племен к курманджам, постепенно превратившимся в новые не закрепощенные слои. В противовес негативной монополистской гегемонии султанатов и княжеств в сферах власти, экономики и идеологии формировалось множество новых категориальных групп, подобных гражданскому обществу; в первую очередь это мистические секты, а также алевиты и езиды. Все упомянутое в совокупности является категориальным развитием с преобладающими демократическими сторонами. Собственно говоря, к началу XIX столетия курдская действительность ни в чем не отставала, и в целом была значительно выше многих наций и культур мира.

6. КУЛЬТУРА БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И ГЕГЕМОНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Влияние капиталистической гегемонии на культуру Ближнего и Среднего Востока привело к огромным бедствиям социальной действительности. Противостояние культуре Ближнего и Среднего Востока занимает значительное место в логике установления капиталистической гегемонии. В предыдущих главах мы исследовали

вопрос о том, что экспансия ислама в Европу, как с Запада, через Испанию и Сицилию, так и с Востока через Анатолию, ставшая последним ярким явлением Ближнего и Среднего Востока, оказалась серьезной угрозой для Европы (с VIII до XVII вв.). Капиталистическая гегемония возникла именно как противовес данной угрозе. Если к этому добавить традиционное противостояние Востока и Запада, то смысл западной гегемонии будет восприниматься точнее. Западная капиталистическая гегемония не могла ни развиваться, ни обрести постоянного характера, если бы она не нейтрализовала влияние культуры Ближнего и Среднего Востока. Походы Наполеона в Египет и на Москву в начале XIX века стали первой серьезной проверкой гегемонистского нашествия. Английская империя, перехитившая гегемонистское лидерство после поражения Наполеона, не только установила гегемонию над культурой Ближнего и Среднего Востока, но и постепенно укрепляла свои позиции. Эта волна стала самым крупным нашествием системы западной цивилизации (с времен Александра Македонского, в том числе Рима и Византии) на Восток, в частности на Ближневосточный регион. Сам капитализм был гегемонизирован именно с целью осуществления возможности этого завоевания. Без объективного прочтения истории мы не сможем проанализировать события происходившие в Ближневосточном регионе за последние два столетия. Это не было результатом завоеваний ни османов, ни иранцев, ни Чингисхана, одним словом ни одной из цивилизаций. За этим стояла система центральной цивилизации, заново создававшая свои идеологические, экономические, политические и военные институты. Построенная в капиталистическом духе, система центральной цивилизации, которая в результате тысячелетних усилий (от первого крестового похода 1096 г. до последнего иракского похода в 2003 г.) утвердилась в Западной Европе, и установила свою гегемонию (начиная с XVI века).

Мы все еще далеки от понимания того, как за последние два столетия была уничтожена культура Ближнего и Среднего Востока. Мы можем открыто говорить об этом на примере трагедии Саддама Хусейна. Так называемые «войны за независимость», разворачивавшиеся на протяжении последних двух столетий, как вновь от имени ислама, так и от имени светского национализма, были, собственно говоря, войнами за развитие капиталистической гегемонии. Эти

Идеологии (исламу, национализму) развивались как версия ориентализма и использовались на основе завоевания самих себя во имя капитализма. В сущности, гегемонистская система, за исключением нескольких передовых войн, осуществила и развила гегемонистское распространение системы при помощи этих идеологических и политических механизмов власти и с помощью элитарных слоев культуры Ближнего и Среднего Востока. Данное обстоятельство имеет большую важность. До тех пор пока это не будет рассмотрено объективно, не удастся проанализировать и решить проблемы современного состояния региона. Точнее, будут прилагаться усилия к тому, чтобы, удерживая регион в состоянии хаоса при помощи проектов гегемонистской системы (проект «Большого Ближнего Востока»), реструктурировать регион на основе собственных интересов системы.

Процессы, происходящие в курдской действительности на протяжении последних двух столетий, мы можем рассматривать только в контексте этих глобальных и региональных преобразований. В начале XIX века Курдистан старалась притеснить с юга, через Ирак, Британская империя, а с севера — царская Россия. Османская империя, находясь и сама находилась под прессом этих двух сил, боролась за свое существование, и это была война не на жизнь, а на смерть. Реформистские меры, предпринятые Третьим Селимом и Вторым Махмудом, были направлены на то, чтобы отложить распад империи. Усилия в плане ротации людей, предпринятые египетским генерал-губернатором династии М. Али Пашой, были остановлены только ценою уступок, выплаченной Англии и Российской империи. Если войны наций разрушали империю, то усилия, предпринятые для предотвращения этого, стали единением с западной системой посредством исправительных реформ. Утверждение доктрины «Sened-i Ittifak» являющиеся первой основой конституции, ликвидация института янычарства, создание новой армии, указ «О реформах и исправлениях», объявления о I и II Мешрутиете, все преследовало эту цель. Итогом реформаторства стало полное слияние с капиталистической гегемонистской системой. Это, в свою очередь, привело к тому, что культура Ближнего и Среднего Востока была и в материальном, и в духовном смысле беззащитна в отношении агрессии и ассимиляции. Течение османизма и бюрократическое обновление, сформированные в этих целях, были по

сути своей направлены на прекращение процесса разложения традиционных механизмов власти, установленных над народом, и развитие капиталистической гегемонии. Этим процессом управляли в основном Англия. Но постоянно росло также влияние Франции, Германии и России.

Анализируя восстания и движения за независимость, развернувшиеся в XIX веке, следует хорошо представлять себе нездоровое состояние империи и то, что действующими правителями были силы капиталистической гегемонии. Внешне империей управляли османские падишахи и бюрократия, но они были не более чем марионетки. На протяжении последних двух столетий настоящим игроками не только в Османской империи, но и в Персидской империи были гегемонистские силы системы, а остальные были просто фигурантами. Открытая агрессия, завоевание и колониализм были и очень дорогими процессами, и не являлись необходимыми с точки зрения интересов. Гегемонистские цели реализовывались руками фигурантов, с малыми расходами и большим постоянством. Все народы (в том числе правящий этнос, а именно турки), перешли к борьбе с этой новой гегемонистской системой. Имели место общая реакция и сопротивление. Для того чтобы подавить это и предотвратить разрыв, система предпринимала различные меры. Главными мерами были ориентализм, миссионерство и реформаторство, а к ним добавлялись конституционализм и национализм. Государственный национализм, будучи итогом всех этих мер, стал создавать в регионе небольшие национальные государства и присоединять их к системе. Движение против системы, развившееся на почве Октябрьской революции в России, имело значительные успехи, но, вместе с тем, из-за того, что революция не смогла преодолеть засилье современного капитализма и развить новую современность, это повлекло ее к глубокому кризису. Если один слой присоединился к системе, то остальные оказались в роли бессильной оппозиции.

Курдская действительность испытала сильное влияние этих процессов, которые мы постарались схематически изложить. Османская империя, разрушив традиционный союз с курдами, двигалась к полному суверенитету, русские с севера пытались усилить влияние, ориентируясь на высшие слои армянского общества, а англичане с юга, используя сирийских христиан, стремились развить свое влия-

клек в Ираке, который был создан, так и в регионе Курдистана. Важнейшую роль при этом сыграла поддержка, оказанная армянской и сирийско-христианской буржуазией, рано приобщившейся к капитализму. Три значительные силы пытались вновь разделить между собой Курдистан. Внутренняя жизнь курдского народа оказалась далеко не безучастной ко всем этим событиям. Высшие слои общества, увидев, как традиционная власть уплывает от них, активно способствовали волне мятежей. Курдистан превратился в ареал конфликтов, длившегося в течение всего XIX века. На юге, в регионе Сур, череда восстаний, начатых в 1806 году под предводительством Мамани бабан, достигла пика во время восстания 1842 года в Ботан под предводительством Бедирхан-бея. Поражение Бедирхан-бея положило конец периоду классических княжеств.

Институт шейхов, пришедший на смену княжествам, стал новой господствующей социальной силой. Восстание, против Османской и Персидской империей, поднятое в 1878 году шейхом Обейдуллой, могло быть подавлено только при поддержке, которую Англия оказала своим империям. Восстания, поднятые шейхом Саидом в 1925 году в Эрзурумской области в 1930 году в Агры и в 1937–1938 гг. в Дерсиме под предводительством шейха Рыза, закончились поражением. Волнения, развернувшиеся в 20-е годы прошлого века в Южном Курдистане под предводительством Махмута Барзанджи и в Восточном Курдистане под предводительством Исмаила Симко, имели аналогичный характер и не смогли избежать поражения. В этих поражениях определяющую роль сыграла опять же Англия. Попытка провозглашения Мехабадской Республики в Иране, имевшая место в 1946 году в Иранском Курдистане, и движение за автономию, развернувшееся в 1960–1975 гг. под предводительством Мустафы Барзани, завершились поражением. С 1975 года по настоящее время развернулся новый период. В этом новом процессе, начавшемся после череды поражений восстаний, главной силой которых были классические феодальные княжества, помещики и шейхи, возросло влияние демократических национальных движений, преимущественной силой которых были интеллигенция и народные массы.

Было бы поучительно рассмотреть ближе особенности, отделяющие курдскую действительность последних двух столетий от предыдущих периодов, и в то же время так схожие с ними. В величествен-

ную эпоху неолита предки курдов были движущей силой всеобщей истории. В эпоху Древнего мира они играли роль и колыбели, и матери при зарождении и развитии системы цивилизации. В Средние века древние курды стали одним из наиболее сильных и передовых народов центральной системы цивилизации и ислама. В Новую эпоху, в эпоху гегемонии современного капитализма эта великая, смелая и трудолюбивая действительность почему-то стала стираться из анналов истории. Над курдской действительностью нависли реальная волна кошмаров. Наступила черед «больших бедствий», которыми называют массовое уничтожение. Как бы ни сохраняли курды свое существование, это — не свободная жизнь, она проходит по острию лезвия моста Сират (мост в преисподней).

Причиной того, что в первых четырех томах своего труда я сконцентрировался в целом на цивилизации, в частности на капиталистической современности, заключается в стремлении провести социологический анализ этих колоссальных бедствий, следующих одно за другим, отвести черные тучи и убрать кошмары, нависающие над курдской действительностью на протяжении последних двух столетий. В эпоху этих масштабных бедствий два древних народа и культуры, жившие бок о бок с курдами на протяжении всей цивилизации и причастные к созданию самых развитых культур, стали жертвами геноцида и подверглись уничтожению. Эллинская культура Анатолии с ее корнями, уходящими в прошлое трех тысячелетий, была полностью уничтожена. Сами курды оказались лицом к лицу с уничтожением в особой войне, развернутой на замаскированной культурной почве геноцида. Силы, которые держат в позиции господствующих нации-государств, едва ли не растворили арабский, иранский и турецкий народы в горнилах «белого», «черного» и «зеленого» фашизма. В частности, в моей Защитной речи под названием «Социология свободы» я попытался показать, что настоящая ответственность за все это лежит на современном капитализме. К этим исследованиям можно добавить многое, но в то же время мало чего. Попытаюсь дополнить их с некоторых сторон, с точки зрения позиций и взглядов.

а. Определяющей гегемонистской силой последних двух столетий является английское национальное государство и империя. Эта империя, на протяжении последних трех столетий сталкивая друг с другом

и лишая влияния крупные европейские силы материковой Европы, уничтожая их влияние на внешней арене, установила свое господство над их колониями и торговыми путями. Остальных англичане взяли под свой контроль. Америка теми же методами привязала к себе Восточную и Юго-Восточную Азию. Британия стала империей, над которой никогда не заходит солнце. На протяжении последних двух столетий она аналогичными методами растерзала культуру Ближнего и Среднего Востока, разделив регион на мелкие национальные государства, подчинив их своей экономической и идеологической монополии. В течение последних двух веков Персидская и Османская империи продолжали влачить свое существование. Арабы, иранцы и турки сохранили независимость, разделившись позднее на несколько так называемых «независимых» национальных государств. Глубокий анализ поможет легко заметить, что часть систематического суверенитета, распространенного по всему миру единой гегемонистской системой, действует в Ближневосточном регионе. Разрабатывая теорию центральной цивилизации, я преследовал цель раскрытия этих реалий. Только убогие людишки с убитыми мозгами могут считать, что история — это застывшие и не связанные друг с другом фрагменты. Истина — это полная противоположность такого подхода. Всеобщая история реально существует, и по сей день она представляет собой или цепь нерасторжимых звеньев, или непрерывный главный поток. Являясь гегемонистской силой системы центральной цивилизации, Англия, хоть и не столь эффективно, как раньше, но продолжает оставаться созидательной силой и двигателем системы.

Считая национальные государства Ближнего и Среднего Востока провинциями этой системы, мы гораздо ближе подойдем к социальным истинам. И то, что провинции эти являются независимыми республиками или царствами, не изменит их сути. «Слабая зависимость», «большая независимость» — это все бравада и хвастовство. Тот, кто не понимает эти реалии, не сможет осознать ни распад Советского Союза после семидесяти лет, ни «белое» фашистское правление Турецкой Республики, «черный» фашизм в арабских национальных государствах, «зеленый» фашизм в Иране, Пакистане и Афганистане. Это не прояснит ситуацию, когда происходит мгновенный распад так называемых «полностью независимых» государств, изменение их цветов, а столь величественная сила, как Ки-

тай, становится фундаментальным источником жизнеспособности капитализма.

Национальные государства Ближнего и Среднего Востока были созданы не революционным путем; они создавались по указанию гегемонистской системы. Основная цель этих государств заключается в том, чтобы от имени системы эксплуатировать свои народы в самой жесткой форме, и это им удалось. В мировом масштабе разрабатывался такой же процесс. Основой хаотического состояния, углубляющегося на Ближнем и Среднем Востоке, способного сохраняться только с помощью насилия, являются эти колониальные режимы. Все, что происходило в последнюю, неолиберальную эпоху финансового капитала, обрекает народы региона на массовую безработицу, истощает ресурсы и уничтожает окружающую среду; на фоне всего этого мы лучше осознаем действительность. В конечном счете, суверенитет, установленный над всей социальной, экономической и культурной жизнью прослойкой, составляющей одну десятую часть системы и делающей «деньги из денег», постоянное разрастание националистического и религиозного фанатизма, чтобы скрыть эту власть, не являются свидетельством ни прогресса стран, ни независимости наций. Когда народы переживают самые трагические периоды своей истории, последние останки социальной культуры растворяются в угоду интересам национальных государств. В эпоху так называемых «прав и свобод личности» мы прощаемся с последними осколками гордости человека. Мы можем справиться с этим, анализируя понятие геноцида, улавливая более общую и систематическую суть. Применительно к геноциду евреев тщательно оберегается выражение «уникальный». Реальность является полной противоположностью. В системе современного капитализма нет «уникальных» геноцидов. Каждое общество, народ или национальное государство в той или иной степени сталкивались с геноцидом. В некоторых случаях осуществлялось физическое уничтожение, в большинстве же случаев имело место завуалированное уничтожение культуры. Когда народ лишен истории, экономики, правления и мировоззрения, это воздействует и беспощадно почти в той же мере, как физический и культурный геноцид.

Для того чтобы форма капиталистической эксплуатации, закон максимальной прибыли могли работать, необходима индустриа-

иниция и монополизации финансового капитала. Что касается монополизации, то она требует господства национального государства, имеющего цель создания однородного общества под властью гегемонии националистической идеологии, вплоть до капилляров. Индустриальный монополизм, установленный над экономикой, и монополизм финансового капитала вместе с монополизмом национального государства создаются в тесном переплетении друг с другом, оказывая друг другу взаимную поддержку. В идеологической сфере процесс завершился созданием монополии национализма. В итоге реализуется преследуемая цель создания однородного общества. По своему смыслу это является победой фашизма. Одним из значительных искажений либеральной идеологии является рассмотрение фашизма на уровне Гитлера и Муссолини, которых считают уникальными фактами фашизма.

Однородное общество — это общество, испытывавшее геноцид. Идинообразие отрывает общество от реальной истории, путем фиктивных идеологических инсинуаций (не имеющей содержания религии) уничтожая все остальные культуры. Возвышая, таким образом, закон максимальной прибыли над экономикой, в сфере власти угнетается монополизм национального государства. Победа во Второй мировой войне привела к тому, что в противовес германской, японской и итальянской гегемонии установилась гегемония крупнейших мировых держав — победителей; один из двух монополистских гегемонистских блоков одержал победу над другим. Это не победа демократии над фашизмом, как утверждает либерализм. Германский блок был побежден, но фашизм, как форма власти, наступил в эпоху своего господства в мировом масштабе. Эпоха возвышения и гегемонии современного капитализма, поздняя эпоха финансового капитала (гегемония над экономикой, начиная с 70-х гг. прошлого века), и как завершение — эпоха национальных государств, установленная в испытывавшем геноцид однородном обществе. Несомненно, данный процесс продвигался отнюдь не по прямой дороге. Выдвижение ЕС в лидеры (с 60-х гг. прошлого века), распад Советского Союза (в 90-е гг. прошлого века) можно считать в целом связанными с капиталистической современностью и, в частности, с распадом фашистской национальной государственности. Эпоха, называемая постмодерном, в сущности, означает распад и

хаотическую ситуацию поздней капиталистической современности, вступившей в полосу фашизма. Демократическая современность, возможно, выйдет из хаоса, обретя большую силу, по меньшей мере, как и обновленная капиталистическая современность. Определяющим фактором процесса в данном случае окажется сила смысла и действия сторон в сфере идеологии, политики, нравственности и искусства. В итоге две истины будут, столкнувшись, бороться друг с другом, и в зависимости от ситуации хаос или станет углубляться, или одна из сторон одержит победу, но борьба в этой форме будет продолжаться долгие годы и, может быть, даже столетия.

б. В этой связи и, исходя из предмета нашего исследования, большое значение имеет ответ на вопрос о том, что происходило на географическом пространстве Анатолии и Месопотамии. В силу того что здесь тысячелетиями формировалась и продолжала свое существование система центральной цивилизации, указанная территория имеет стратегическое значение с точки зрения Британской империи, являющейся гегемонистской силой современного капитализма (также с точки зрения Германии и России, являющихся его конкурентами). С точки зрения контроля над Ближним и Средним Востоком, Кавказом, Средней Азией и Индией необходимо было срочно взять этот регион под свое влияние. Также как и историческое, современное значение этой территории исходит из этой действительности.

Формирования, называемые «младотурками» и организацией «Единение и прогресс» (современные националистические идеологии и властные формирования, действующие с 1840 года по наше время) могут правильно оцениваться только при учете их связей с гегемонистскими расчетами современного капитализма. Как было сказано, постепенно умирающие Османская и Персидская империи оказались в ситуации, когда перестали жить по своим расчетам гегемонистского баланса, а превратились в некие ископаемые образования, которым пока еще разрешено жить. Единственным путем имперской бюрократии, стремящейся остаться у власти, оказалось продолжение своего существования под властью одной или нескольких гегемонистских сил. Так в указанных регионах началась дифференциация новых правящих кругов, связанных с Англией, Германией, Россией и частично Францией. Подражание капитали-

Исторической современности, характерное для элит, было неизбежным. В них не было шансов выжить в русле старой имперской традиции (они были уже давно завоеваны современным капитализмом), но не могло быть и речи о народном демократическом выборе. От бюрократии, чья жизнь и деятельность основаны на принципе аннексии национальной культуры, и от верхушки, поддерживающей этих бюрократов (кроме отдельных исключений) не следует ждать демократических действий. У этих прослоек нет иного шанса, кроме присоединения к новой гегемонистской силе. Оставался только перенос бюрократического просвещения и подражания модерну. Османская бюрократия тоже пошла по данному пути, как это и было во всем мире (ранее такое произошло в Европе после Великой французской революции). Юные османы, пришедшие на арену событий после окончания эпохи Танзимата, и движение младотурок, преобразовавшееся в общество «Единение и прогресс» с 1890 года, ознаменовали собой критические явления на этом пути. Преобразование, в идеологическом смысле начатое с османизации, продолжилось панисламом, в итоге же все обернулось тюркизмом. Если при помощи османизации из останков империи хотели создать национальное государство, то из-за склонности христианских подданных империи к отделению пытались продлить существование империи на почве панисламизма, при помощи мусульманских образований (в частности, включающих в себя арабов). Вместе с усилением сепаратистских тенденций у арабов стала выдвигаться тюркистская тенденция. Если опыт первой Конституции был мечтой молодых османов, то во время второй Конституции идеология исламизма и тюркизма имела более подавляющее преимущество.

С 1913 года по наше время пантюркизм превратился в официальную идеологию государства и прогосударственных партий. Гегемонистские силы обладали более или менее серьезным влиянием во всех этих тенденциях. Но особенно важно то, что имело место проникновение масонства. Начиная с Великой французской революции, масоны поддерживали все молодые национальные движения; это было выражением сведения счетов буржуазного гражданского общества со сторонниками теократической власти. В процессе, начатом Танзиматом, все три течения обладали максимальным влиянием, и стали истиной правящей элитой создания и руководства организации

«Единение и прогресс». Определенное воздействие на эти течения оказал и сионизм. Сионисты, официально провозгласившие себя в 1896 году представителями еврейского буржуазного национализма, стремились возродить древнее иудейско-израильское государство с центром в Иерусалиме. Этот путь пролегал через влияние, которое они могли бы иметь в Османской империи, и наиболее благоприятным механизмом для этого была организация «Единение и прогресс». Хотя на волне переворота 1913 года «Единение и прогресс» и приняло идеологическое решение по поводу официального тюркизма, в плане содержания оно было очень смешанным идеологическим и политическим образованием. Вместо того чтобы принять во внимание социологический фактор, здешний тюркизм оказался выражением сложного национального состава населения, в котором больше, чем турок, было множество остаточных элементов разнообразных народов. В это время, когда расчеты бюрократических институтов, в первую очередь армии, связанные с поисками будущего, имели преобладающий характер, упомянутое образование не имело никакого классового или этнического фундамента. Тюркизм изначально был в этом смысле искусственным и остаточным явлением. Вместе с захватом власти турки хотели подготовить для себя определенную социальную почву. Из бюрократии они попытались сформировать класс буржуазии. Власти республики, еще больше развив эту программу, постарались довести ее до нашего времени. Несмотря на то, что в процессе они разделились на центристов и децентрализованных центристов, их идеологические принципы остались без изменений.

Буржуазия, чьи интересы развивала бы эта властная и идеологическая «элита», не имеющая под собой никакого социального и классового фундамента, могла бы сформироваться только в условиях государственного капитализма. Государственный капитализм — наиболее отсталая форма капитализма, лишенная творческого импульса, развиваясь или путем подпитки извне, или обретя устойчивость с помощью присвоения прибавочной стоимости посредством внутреннего безжалостного террора в отношении общества. Необходимость внешней поддержки сформировала обстановку, благоприятную для проникания еврейского капитала. Начиная со времен Сельджукидов, в частности со второй половины XVI века, в эпоху возвышения капиталистической гегемонии евреи об-

Они имели большим влиянием. После изгнания из Испании (1492 г.) еврейская ветвь обосновалась в столице Голландии Амстердаме, другая же значительная ветвь централизовалась в треугольнике Вена—Будапешт—Стамбул. В Анатолии всегда традиционно присутствовал еврейский капитал. Евреи являются наиболее организованной внешне и внутренне финансовой прослойкой. Расчеты на то, что данный капитал даст евреям свое государство, сначала были связаны с Россией, Польшей, Германией, Голландией и островом Великобритания. Германия стала тем государством, с которым были связаны наибольшие расчеты. Значительной была идеологическая, политическая и экономическая роль евреев в формировании буржуазии. Они предвосхитили наиболее идеальное германство. Своим буржуазно-капиталистическим подходом, больше чем немцы, евреи сыграли решающую роль в развитии германского национализма и капитализма с помощью государства. Они выдвинули гегемонию Германии в противовес гегемонии России, Франции и Англии. Сионизм стал тенденцией, более всего свойственной еврейской буржуазии Германии и Австрии. Активными были также евреи Англии и России. Однако к 1918 году, когда пала кайзеровская Германия, еврейская буржуазия Германии всегда была впереди.

Политический расчет ситуации, сформировавшийся в Османской империи с приходом к власти Абдулгамид II, вывела на первый план союз с государственным капиталом Германии. Организации «Единение и прогресс» стала следствием германского влияния в Турции, в сущности, влиянием еврейского капитала. Если к этому прибавить влияние масонов и местного еврейского капитала, то получится, что еврейский национализм еще до израильского сионизма очень сильно укрепил анатолийско-турецкий сионизм. Они сыграли истинную роль в объявлении Мешрутиета, перевороте 1 января 1913 года, национально-освободительном процессе 1919—1922 года и строительстве Республики. Так вот, именно по этой причине была использована идеология тюркизма, сыгравшая роль идеального, завуалировавшего их покровца. Абстрактный анализ, в основном практиковавшийся в формировании капитализма в Турции, не только ничего не разъясняет, но и предельно отдаляет конкретное развитие от пояснения, искажает смысл. Влияние еврейского капитала на развитие турецкого капитализма, в частности, во внешней полити-

ке страны, структуре армии, идеологических и культурных структурах, оказалось более сильным и императивным, чем в механизмах идеологии, культуры и власти эпохи германского капитализма. Нет турецкой буржуазии как таковой. Если можно говорить о реальном тюркизме, то только применительно к бедным туркменам и сельским массам. Роль турецкой буржуазии играет еврейский капитал, который даст фору отпетой киноиндустрии «Ешильчам». История Вехби Коча (еврейский бизнесмен), являющегося первым номером турецкой буржуазии, и его холдинга является историей всей турецкой буржуазии. Я говорю не о том, что не было турецкой буржуазии и она вообще не сформировалась, речь идет о том, что необходимо конкретно взглянуть на то, как именно она сформировалась.

Никто не сомневается в силе еврейского капитала, ставшего основной созидательной силой в период современного капитализма. Нет никаких сомнений и в его интеллектуальной и культурной силе. Вместе с тем не может быть никаких сомнений в передовой роли еврейской интеллигенции и трудящихся в идеологическом и практическом движении угнетенных слоев населения. Здесь мы не преследуем цель развивать какие-либо антисемитские чувства, а всего лишь хотим точно определить историко-социальные позиции капитализма и противостоящих ему движений.

С падением Германской империи в 1918 году на арену вышел еврейский капитал, сконцентрировавшийся в Англии и Голландии. Точнее, в борьбе гегемонистских сил обеих сторон, находившихся в состоянии национального соперничества друг с другом, начиная с XVI века (прежде испанская монархия, затем французская, наконец, германская, российская монархии и Османская империя) победительницей всегда оказывалась Англия. Очень важной в этой победе была роль еврейского капитала — как это произошло и с образованием США, ранее бывших колонией Англии, и их превращением в гегемонистскую силу. Причины появления Гитлера и нацистов следует искать именно в этих реалиях. Еврейский капитал, сыгравший стратегическую роль в создании шовинистского монополистского государственного капитализма, облаченного в германские одежды, был признан ответственным за поражение Германии в 1918 году. Партия Гитлера состояла из мелкой буржуазии с их узостью взглядов и отсутствием каких-либо перспектив.

Шовинистская идеология, на волне которой они выросли, сформировала у них огромную ненависть к евреям, влившимся в немецкое общество. Эта ненависть привела к Холокосту, поскольку они считали евреев ответственными за гегемонистское возвышение Англии и создание Советской России. Более того, определенное значение имело еврейское происхождение многих социалистов, например, Розы Люксембург, сыгравших значительную роль в гражданской войне, а также Карла Маркса. Если все эти признаки собрать во одно, то гораздо яснее станут реалии капитализма и геноцида.

Еще один важный факт, который следует добавить, — это разница между еврейским национализмом (сионизмом) и еврейским универсализмом. Каким бы значимым ни был Израиль и, следовательно, еврейский национализм, все равно евреи-универсалисты обладают влиянием и в сфере международного капитала, и среди гонимых. Если центром внимания евреев-националистов является Израиль, то внимание евреев на международном уровне (с помощью глобальных компаний) сконцентрировано на монополиях экономики и власти региональных национальных государств, на активном позиционировании в них, на серьезной роли в деятельности международных компаний, средствах массовой информации и культурной среды.

Каждая национально-государственная шовинистическая идеология и культура в большей или меньшей степени зависят не только от колорита, но и от сущности этого капитала. В монополизме любого национального государства присутствует влияние еврейского капитала, точно так же, как в экономическом монополизме — почти как универсальная роль, сыгранная евреями-социалистами в борьбе угнетенных масс за свободу и равенство.

В силу исторических причин (Израиль, который будет создан в Палестине), как вход, так и выход, земли Анатолии имели историческое значение для евреев. Эта стратегическая роль осознавалась всегда, еще со времен вавилонян, ассирийцев, арабов, Рима и Византии. Пути миграции также проходят по землям Анатолии, как и пути исхода из Иерусалима (частично Месопотамии). Таким образом, с позиции сионистов, Анатолия является наиболее значительным для Израиля опорным камнем и стратегической стоянкой. Кроме того, линия Измир—Маниса и Салоники—Эдирне на протяжении

длительного периода воспринималась группой евреев как родина. Именно поэтому они развивали эти места, способствовали подъему.

В этой связи следует рассматривать и переворот, совершенный 1 января 1913 года Энвер Пашой, руководившимся немецкой моделью (подобное выступление имело место и прежде, при объявлении Мешрутиета). В тот период евреи занимали наиболее сильные позиции в Германии. Это были такие фигуры, как Лиман вон Сандерс, Голтз Паша, обучившие Энвер Пашу и его группу. Падение Германской и Османской империи способствовало тому, что лидерство перешло к проанглийски настроенным евреям. Серьезное противостояние в плане лидерства во время освободительной войны Турции связано именно с этим переходом. Если с разрешения англичан М. Кемаль Паша и вышел к Самсуну — это факт, то все же его роль в анатолийском восстании определяется независимостью и патриотизмом. Осознавая эту ситуацию, Англия продемонстрировала две тенденции: это желание подавить восстание с помощью греческого вторжения извне и, если таковое окажется невозможным, установление внутреннего контроля над Мустафой Кемалем при помощи Исмета Иненю и Февзи Чакмака. Вместе с поражением греков (соглашательская греческая буржуазия традиционно была на стороне Англии и США), все действия были направлены на то, чтобы усилить влияние генералов Исмет Паши и Февзи Паши. У Исмет Паши и Февзи Паши не было никакой роли в организации и решении о восстании, каждый из них находился в армии на посту, назначенном Стамбулом, где армия находилась под контролем Англии и союзников. Не предприняв никаких мер, они включились в боевые действия позднее, точнее, были туда направлены. Из-за этого четверо из пяти генералов (Паша), руководивших восстанием (Казым Карабекир, Али Фуат Джебесой, Рауф Орбай и Рефет Беле), были ликвидированы под различными предлогами. Оставшийся в строю генерал Мустафа Кемаль смог удержаться на своем посту или в силу стратегического положения, или благодаря сыгранной им балансирующей роли. Режим, реализованный как политическая программа посредством заговора 1925 года и который можно назвать «белым» турецким фашизмом, позиционирует себя в качестве жесткой светской тюркистской системы, но это новая религия, метафизическая по своей сути, более догматичная и террористическая.

В этом смысле она является новой религией, которую подготовила для современной Турецкой Республики умудренная историческим опытом еврейская идеология. Обожествление Мустафы Кемаля, превращение Иненю в пророка, возведение Февзи Чакмака до уровня командующего (пример Иисуса Навина и Давида) — все это необходимость, продиктованная еврейской мифологией. Несмотря на численное преобладание турецкого общества, тюркизм, являющийся идеологией объявленной и превращенной в политическую программу новой религии, формирует генетический код террора, геноцида и эксплуатации, продолжающиеся и по сей день.

Покушение в Измире ставило целью ликвидацию Мустафы Кемалья. При помощи курдских восстаний была создана провокация. По этой причине его близкий товарищ Фетхи Окйяр, не являвшийся сторонником кровавых мер при подавлении курдского восстания, был смещен с поста премьер-министра, и на его место был назначен генерал Исмет Паша. Армия была полностью отдана под контроль генерала Февзи Паша. Положение Мустафы Кемалья уже было равнозначно аресту в Чанкале под символической должностью президента республики. Говорят о том, что Англия проиграла в освободительной войне, но это самая настоящая ложь. С 1922 года роль Великобритании в возможном освобождении была как будто предreshена. Лондон уже давно перестал поддерживать греков (султана Вихдедина вынудила отречься тоже Великобритания), и ее политические деятели приступили к созданию национального государства. Своей цели она достигла при помощи создания республики Турция, которая, являясь огромной империей, была «зажата» в Анатолии. Другим доказательством этого является то, что республика постоянно была бастионом перед Советской Россией. Именно поэтому массовое уничтожение социалистов, начавшееся с Мустафы Субхи, продолжается и по сей день. Геноцид армян был всего лишь началом. Культурный геноцид курдов продолжается и по сей день. Прочие меньшинства, этносы, ассирийцы, туркмены были отторгнуты от своей идентичности, оказавшись под натиском «дикого» тюркизма и существенного Стамбулом геноцида в его различных формах.

Отнюдь не бессмысленным является вопрос о том, какое отношение имеет все это к евреям — универсалистам и националистам и еврейскому капиталу. Это основной критический вопрос позна-

ния истории тюркизма последнего столетия. История тюркизма вне самих тюрков — это идеологическое созидание; и теоретически, и практически это половина подготовки Израиля допалестинского периода. Если бы не стабилизирующая политика Мустафы Кемала (баланс между Советским Союзом и Англией во внешней и между различными классами и слоями во внутренней политике), ни одна сила не могла бы вывести новообразования Анатолии из-под контроля организации «Единение и прогресс» и генерала Энвер Паши, не спасла бы тюркизм от восхождения к апогею шовинистского фашизма, который дал бы фору германскому фашизму. Это оказалось бы распадом республики (а была ли создана Республика? Это отдельный вопрос) еще задолго до Второй мировой войны. Смерть Мустафы Кемала перед началом Второй мировой войны, соперничество Англии и Германии за Турцию-Анатолию в период 1938—45 гг., конкретизация гегемонии США после 1945 г., официальный выбор Турцией НАТО в качестве системы — все это стало продолжением событий 1922 года. Республиканская народная партия, ставшая партией республики, уже превратилась в страховку системы. Иное название системы, поддерживающей свое существование посредством переворотов и заговоров вплоть до начала 2000-х гг., — это «белый» турецкий фашизм. И так, налицо искусственный тюркизм и гомогенизация общества, тюркизация с использованием методов террора: никто иной, никакая иная культура не имеют права на существование.

Часть турецкого капитализма, считавшая себя анатолийской, обремененная в одеяния ислама и сползавшая от «белого» к «зеленому» в соответствии с гегемонистской теорией США о «Зеленом поясе» изначально стремилась найти свой выход. Эту возможность ей предоставили турецкие левые и освободительное движение Курдистана. И то, что «белый» турецкий фашизм был истощен и изолирован в ходе борьбы против турецкого левого движения и освободительного движения Курдистана, фактически способствовало усилению анатолийского крыла. Исламское националистическое движение, инициированное США с целью противодействия народам региона и распространения Советского Союза, прежде установило свой статус в турецком обществе с помощью коалиций, а с 2000-х годов — самостоятельно пришло к власти. Еврейский сионистский нацио-

Илизм в сфере «белого» турецкого фашизма был столь же влиятельным, как и всемирный еврейский капитал в развитии «зеленого» турецкого фашизма. Последней страховочной партией, которую они решились поставить у власти, стала ПСР. Насколько сильным было влияние сионистского еврейского национализма при зарождении турецкой бюрократической буржуазии, настолько же сильным было влияние всемирного еврейского капитала (караимы) в развитии азиатской буржуазии, называемой также либеральной буржуазией и частным капиталом. Фашизм гитлеровского типа пытались представить генерал Энвер Паша, Нихал Атсыз, Алпарслан Торкеш и ПНД (Партия националистического движения, связывающая свое рождение с Национальной партией Февзи Чакмака). Поражение Германии снизило шансы завоевания власти этим крылом, которое можно было бы назвать «черным» турецким фашизмом. Все три ветви фашизма являются продолжением внешних гегемонистских сил и размещаются в структуре внутренней власти в качестве продолжения той силы которая управляет системой.

История Турции последних двух столетий отнюдь не независима от внешних гегемонистских сил. По статусу это «особая провинция», сформированная с особой тщательностью. Географическое положение Турции в критической точке пересечения международных интересов диктует необходимость специфического отражения гегемонистского баланса сил. Несмотря на конкретные идеалы независимости, Турция является наиболее зависимым государством, нацией и национальным государством гегемонистской системы, к которой больше всего апеллируют и не желают сотрясения ее устоев. Без скрупулезного исследования капиталистической гегемонистской системы невозможно правильно анализировать Турцию. Действительно также и противное утверждение. Универсальный анализ системы — это анализ Турции, что позволяет объективно рассмотреть и трагедию геноцида.

в. Террор против христианских народов, ассимиляция армян, сирийских христиан, понтийских греков и различных культур мусульманства, как и опыт массового уничтожения, можно рассматривать, только имея в виду действия, совершенные современным капитализмом на территории Анатолии и Месопотамии. Было бы узостью связывать геноцид армян лишь с действиями «белого» турецкого фа-

шизма (организация «Единение и прогресс», а также официальная идеология и политическая программа НРП). В корне этого геноцида лежит уходящая вглубь история и более сложные социальные факторы. Высшие слои армянского общества, пусть и не в той степени, как еврейский капитал, но сыграли значительную роль в формировании капитала на Ближнем и Среднем Востоке. То, что армяне издавна поселялись в городах и сделали их своими центрами, мастерство ремесленников и превосходные торговые навыки еще во времена Хеттского царства создали их капитал. В частности, армяне играли роль основных фигурантов урбанизации в Анатолии и Месопотамии. С принятием христианства (300-е гг. н. э.) эта роль армян стала несколько иной, а жизнь — более заметной. Армяне осуществили своего рода раннее зарождение капитализма на Ближнем и Среднем Востоке. Говоря о раннем зарождении, мы имеем в виду систематическое рождение. Ведь еще со времен шумера накопление капитала производилось маргинальными элементами каждой нации. С принятием христианства армянская буржуазия впервые привела это накопление в эффективное и систематическое состояние, благодаря их влиянию в ремеслах и торговле. Накопление капитала всегда способствует проявлению напряженности и противостоянию родоплеменных структур общинного типа, потому что этот процесс оказывает постоянное разрушительное влияние на традиции равенства. Развивая городские, классовые и государственные образования, оно способствует структурным противоречиям. Всегда следует иметь в виду, что в основе геноцида армян лежит именно это противоречие.

XVI век, являвшийся началом восхождения капиталистического модерна, стал столетием возвышения армянской буржуазии. И в Иране, и в Османской империи армяне играли главную роль в мануфактурном деле (ручные станки) и торговле. Они владели значительными долями в торговых монополиях, осуществлявших свою деятельность на широком пространстве, доходящем через иранские города Бендер Аббас и Исфаган, а также через Стамбул и Измир до Юго-Восточной Азии. Практически во всех развитых городах были большие армянские кварталы. Вплоть до XIX века крупная и мелкая армянская буржуазия пользовалась влиянием, прежде всего в экономической сфере. Но и в архитектуре армяне играли передовую роль. Их имена упоминаются в связи с созданием ряда шедевров

архитектуры Ближнего и Среднего Востока. Когда западные христианские миссионеры в XIX веке перешли к активной деятельности в Османской империи, первой целью было привлечение на свою сторону армян. Асирийские и греческие церкви не нуждались в помощи. В сложной ситуации пребывали армянские церкви, расположенные между мусульманскими населенными пунктами. Географических районов с преобладающим армянским населением было очень мало. В частности, основной особенностью демографической структуры стало смешанное расселение, наблюдаемое в разделении труда между городом и деревней в Анатолии и Месопотамии.

С помощью школ, открытых миссионерами, и осуществленной европейским национализмом XIX века пропагандистской деятельности неизбежным было возникновение сильного провокационного влияния на армянское общество. Но более важно то, что армянская буржуазия, вступившая в сотрудничество с европейским капиталом на волне первой глобализации, оказалась под мощным воздействием процветавшего в Европе, как и во всем мире, национализма, преследовавшего цель создания национального государства. Армянская буржуазия стала вынашивать планы создания национального рынка, который позволил бы ей уверенно использовать собственный капитал. Подобно тому, как еврейский капитал находился в поисках своей земли, на повестку дня был серьезно поставлен вопрос Родины армян. Армяне — это древний оседлый народ, но с точки зрения численности и однородности он уязвим. Стало быть, поиск национального государства — это цель, несущая в себе опасные процессы.

Первые националистические организации, развивающиеся во второй половине XIX века, преследовали цель политического участия в делах империи пропорционально численности населения и имеющегося капитала. Это была более реальная программа, которая могла быть реализована. Армянам сопутствовал успех в периоды Первой и Второй Конституций. Но в период достижения национализмом своего апогея в конце XIX — начале XX веков армяне стали последовательно выдвигать требования, касающиеся независимого национального государства. На землях, которые они требовали, проживали носители множества разнообразных культур, в первую очередь, курды и турки. Если бы была такая организация, как Российская социал-демократическая рабочая партия, то впол-

не возможно, что на волне революционных событий, аналогичных русским революциям 1905 и 1917 годов, наиболее реалистичным методом решения проблем была бы цель создания федеративной системы в рамках Османской империи, но левая партия «Гнчак» и правая партия «Дашнакцутюн» не могли выйти за рамки узконационалистических организаций.

Другой значительный исторический фактор, кроющийся под трагедией, — это армянский национализм, испытывавший влияние христианства и в ряде случаев вызывающий противодействие. Нечто похожее на антисемитизм, проявившийся в европейских странах в ответ на еврейский национализм, возникало в мусульманских общинах в отношении армянского национализма. Но гораздо страшнее была конкуренция армянского капитала с еврейским в плане влияния внутри Османской империи. Противоречие, существовавшее в целом между христианским и еврейским капиталом, проявилось и разгоралось еще со времен зарождения Османской империи, завоевания Константинополя и, в частности, расселения евреев, изгнанных из Испании, преимущественно в Стамбуле и Салониках. Это происходило потому, что воздействие культуры и капитала понтийских греков и армян на империю не только уходит корнями в далекое прошлое, но и имеет постоянный и активный характер. Что касается финансовых, промышленных и торговых сфер деятельности империи, то они были поделены между этими тремя этническими группами и двумя религиями, народами (в системе Османской империи их называли народами). Соперничество между ними было неизбежным. Гегемонизация европейского капитализма и его распространение по всей империи еще больше разожгло это соперничество. В XIX веке во всех этих трех этнических группах возникали не просто требования сильной власти, но и углублялся поиск мест расселения. Поиски тоже проходили в состоянии взаимного противостояния и разжигали соперничество. Кроме того, распятие Иисуса Христа иудеями-коллаборационистами Рима, имевшее место на заре возникновения христианства, способствовало неприязни и ненависти между христианами и иудеями. Объединение всех этих факторов привело к тому, что превосходящее положение занимали владельцы еврейского капитала, установившие тесные связи с османским дворцом и бюрократическим аппаратом.

Общество «Единение и прогресс» было создано и развито благодаря мощной поддержке евреев, использовало их участие как в идеологическом плане (деятельность евреев по формированию идеологии тюркизма), так и в материальном плане (они были основными материальными источниками тюркизма). Еврейское происхождение имело большинство генералов и офицеров, которые, являясь представителями германского милитаризма, обучали реорганизуемую современную турецкую армию. Как при объявлении II Конституции, так и при подавлении восстания, вспыхнувшего после переворота 31 марта, так и во время национально-освободительной войны, развернувшейся вслед за Первой мировой войной, выходцы из еврейской среды играли стратегическую роль, причем сыграли ее с успехом. Все фундаментальные произведения, касающиеся тюркизма, впервые были опубликованы представителями еврейской интеллигенции (Вамбери, Коген). Они были настоящими создателями идеологии тюркизма. Несмотря на то, что подавляющее большинство турецкого общества жило в условиях, совершенно противоположных данной идеологии и не имело вообще никакого влияния в силу отсутствия образования и организованности, евреи вновь сыграли роль фундаментального ядра в реорганизации государства (имеется в виду использование организации «Единение и прогресс» и НРП). Шансы исповедовавших христианство армян и понтийских греков в отношении формирования нового государства были очень малы перед лицом столь очевидного преимущества иудеев. Сильные экономические позиции этих христианских народов способствовали тому, что они чаще становились целью стоявших у власти соперников (еврейские капиталисты и сформированный ими тюркистский этатический коллективный капиталистический класс). Провозглашение республики вообще уменьшило их шансы.

Геноцид армян стал наиболее трагической частью всей этой картины. Когда армяне выдвинули требование создать собственное национальное государство (до 1914 года и в первый год войны), то решением руководства организации «Единение и прогресс» от 24 апреля 1915 года было совершено контрнаступление, и они были изгнаны из родных земель, где жили тысячелетиями. В дороге армян уничтожали, а те, кто остался в живых, были обречены на многолетнее проживание в диаспоре. Армянская диаспора — это реаль-

ность, но очень несчастная, подавленная и угнетенная реальность. Утешением, возможно, стало создание маленького армянского национального государства. Говорят, что в геноциде армян участвовала не только турецкая буржуазия, но и курдские феодалы. Последние стали истинными виновниками не только геноцида армян, но и геноцида курдов, который имел место в тот же период в нескольких иных формах (в частности, полки Хамидийе). В процессе геноцида курдского народа, который продолжается и по сей день, курдские соглашатели в роли «сельских охранников» продолжают увеличивать свое богатство и капиталы, отрицая курдскую идентичность, и при необходимости выдвигая свой фальшивый тезис курдизма. Они продолжают играть эту проклятую роль и в наши дни.

Ни один пример не может столь наглядно показать, что национальное государство является режимом геноцида (имеется в виду забвение истории, уничтожение местной национальной культуры и демократической власти), как это продемонстрировало столкновение армян с тюркистским национальным государством. Трагедия армянского народа заключается в появлении в ее недрах буржуазии, рано познавшей вкус капитала, в культурном превосходстве над соседями, а также в том, что армяне стали жертвой безжалостных игр капиталистического гегемонизма, в угоду мелким повседневным интересам попросту игнорирующего культуру, насчитывающую тысячелетия.

Геноцид ассирийцев-халдеев был организован тем же способом, но на этот раз в южной части Курдистана. В высшей степени трагична история этих трех христианских культур, оставшихся от Ассирии, Вавилона и Аккада (если учитывать то, что махалмиты Мардина свое происхождение возводят к Аккаду), и прочих версий. Эти народы в свое время принявшие участие в создании культуры трех величественных империй (Аккада, Вавилона, Ассирийцев), вероятно, были первыми торговцами и ремесленниками истории. Они рождались и росли вместе с городской культурой, пережив глубочайшее волшебное воздействие мифов, религии и искусства, принеся в мир культуру Шумера и распространив цивилизацию на планете. От этой величественной истории, насчитывающей пять тысячелетий, остались лишь музейные экспонаты. Это руины нескольких церквей, отдельные ремесла, некоторое количество произведений архитектуры и искусство моды. Их история похожа на

историю армян. Характерной чертой этих этносов было овладение капиталом с 2000-х гг. до н. э.. Они открыли первые производственные цеха и снаряжали первые караваны. Они первыми создали торговые колонии, торговали красивыми тканями, были первыми в ремеслах дорогих металлов, лучше всех обрабатывали серебро и золото. Они составляли торговую бухгалтерию, оставили надписи на тысячах дощечек. Трагические страницы их истории постоянно перемежались с событиями, вызывающими гордость.

Фразу «приняв христианство, утратили воинскую доблесть», относящуюся к Риму, можно применить к христианским народам Востока. Если бы эти античные культуры не ушли бы в лоно христианства, разве не были бы более жизнеспособны? Вопрос очень важный и имеет отношение к повседневной действительности. Это народы, первыми принявшие христианство. Именно они познакомили с цивилизацией арабов, имевших общее с ними происхождение. На самом деле именно они по-настоящему подготовили рождение арабского ислама. Они были в той же мере носителями культурного наследия, как и торговых интересов. Они не только везли товар из Китая и Индии в Европу и внутренние области Африки, но также создавали и переносили богатейшие культурные ценности, способствуя знакомству одних культур и языков с другими. Истощение наследников всего этого исторического достояния должно быть подвергнуто глубокому анализу как главный из первостепенных вопросов.

Возможно, бедой этих народов стало то, что они несли в себе элементы раннего, относящегося к дохристианской, античной эпохи капитала. Проклятье капитала дорого обошлось и евреям. И то, что они подверглись геноциду, в конечном счете связано с их победой в сфере капитализма. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в иных культурах, обладающих капиталом. Что касается капитала, то это — возрождение походов императоров Аккада, Вавилона и Ассирии с характерными для них безжалостными грабежами и массовым уничтожением. В некотором смысле действуют правила «что посеешь, то и пожнешь». Эти античные культуры Месопотамии, начиная с VII века до н. э. передавшие гегемонию сначала Мидии и Персии, позднее Александру Македонскому, эллинам, Риму и Византии, стали созидателями христианства и развивали своего рода контрнаступление. Эти народы, известные как ассирийцы и халдеи, выработали

свой ответ Риму, Византии, Персии и Сасанидам — христианство. Это важное доказательство. Из-за нехватки физических сил они могли продолжить свое существование только при помощи «мягкой силы», новой религии. Они вынуждены были создать христианство иначе оказались бы растоптаны и зажаты между двумя гегемонистскими силами. Стало быть, «мягкий язык», смирение христианства («Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую») являлся не добровольным выбором, а необходимостью. На этой базе и был совершен поворот от старой имперской культуры и язычества к новой религии мира и культуры неимущих слоев. Это был исторический поворот и переход от мира жестоких к миру угнетенных. В этом смысле христианство впервые стало коллективной совестью и нравственностью человечества, развивавшейся в течение первых трех столетий вне рабовладельческой системы. Это — одна из первых форм осознания свободы. Наиболее развитыми в то время являлись вавилонская, ассирийская, греческая и армянская культуры.

Иерусалим был важным центром традиций пророков иудаизма. Точнее, он был вторым после Урфы крупным храмовым центром. В римский период, когда высшие религиозные слои вступали в соглашения, фактически начался путь Иисуса Христа, ставшего представителем интересов низших слоев, богатая иудейская знать вступила в союз с Римом, и сторонники Иисуса оказались в меньшинстве. В данной ситуации общества с наиболее развитой культурой, коими были греки, ассирийцы, вавилоняне и армяне, первыми восприняли христианство, рассматривая его как движение коллективного сознания и организации. Христианство можно считать также движением солидарности первых угнетенных и неимущих родов и племен. Это своего рода первобытная форма Коммунистического Интернационала.

Эллины, армяне, ассирийцы и халдеи начиная с IV века н. э. начали возводить церкви под опекой своих пастырей, создавая тем самым институт религии. Они стали христианскими народами. Для того времени это было значительное преобразование. Удача сопутствовала им до зарождения ислама, и определенные ступени исторического развития были пройдены ими значительно раньше Западной Европы. К началу VI века все византийские земли на Западе были христианизированы, и давно уже начали исторические прообразы

крестовых походов, усиленно распространявшиеся во внутренние области Европы. К X веку ум и совесть христианства уже наложили свой отпечаток на всю Европу. Христианство усилилось настолько, что едва ли не способствовало распаду Сасанидской империи на Востоке в религиозном смысле, сузив позиции зороастризма, и распространяясь до внутренних областей Индии и Китая. Передовую роль здесь играли патриархи, многие из которых были ассирийскими религиозными деятелями. Христианство уже находилось на пороге превращения в мировую религию, когда возник ислам.

Ядро первых воинов ислама (моджахедов) составляли адепты анимизма и тотемизма — бывшие язычники — идолопоклонники. В высказываниях пророка Мухаммеда просторы цивилизации изображались в виде «рая». В сущности, это было отображение прекрасных земель, просторов цивилизации. Концепция рая означает иной мир, то, что завоюют те, кто сражался и боролся до конца. Позднее глупцы исказили высказывание пророка Мухаммеда, объясняя их как «жизнь после смерти». Имелось в виду завоевание просторов цивилизации, которые в сравнении с Аравийской пустыней были прекрасны, как рай. Но это требовало бесстрашной борьбы, которая толковалась в этой жизни как райская жизнь после смерти. Если мы хотим правильно понять ислам, то следует хорошо знать, что такого рода толкование является искажением высказывания.

Это обещание стало очень привлекательным для примитивного пустынного человека. Как известно, не более чем за столетие, эти люди овладели всей территорией от Атлантического океана до Тихого океана (от Марокко до Китая). Являясь авраамистической религией, ислам произошел от тех же корней, будучи третьей после иудаизма и христианства версией. Именно поэтому ислам провозгласил себя последней завершенной религией, а Мухаммеда — последним пророком. Ислам заявил, что первые две версии уже не нужны, а третья версия есть завершенная религия, и пророк Мухаммед является последним пророком. Поэтому ислам и последний пророк должны восприниматься как правомерная религия и пророк. Это — веление Аллаха и условие религии. В данной ситуации противоречия и столкновение с иудаизмом и христианством были неизбежны. Общность корней не препятствовала тому, что возникшая позднее дифференциация, объединившись с противоречиями высших сло-

ев родов и племен (и сегодня это правящие круги и капитал современных национальных государств), переросла в столкновения.

В этой связи для асирийцев, эллинов и армян, проживавших, в частности, в сфере первичного усиленного распространения ислама, начался негативный период. Эти общины утратили свои первичные политические свойства. Пали поддерживавшие их власти и государства. Исламская гегемония оставила их в живых при условии, что они не будут устраивать мятеж. В итоге эти народы, которые становились еще более бедными и беззащитными, были связаны очень тяжелым подушным налогом. Однако их опыта в экономике и культуре было достаточно для того, чтобы вновь разбогатеть в период власти ислама. Власти нуждались в их экономических и культурных навыках. То же самое было более чем характерно и для евреев. На этой почве им удалось просуществовать до начала XIX столетия, когда капиталистическая гегемония начала распространяться на Ближнем и Среднем Востоке.

Англия, являвшаяся одной из гегемонистских сил Европы, стремясь взять под свой контроль земли от Египта до Индии и непрерывно искала элементы, которые она могла бы привязать к себе. Англия стремилась обеспечить это, с одной стороны, руками османских султанов (политикой давления и шантажа), с другой стороны, пыталась укрепить их местными элементами. Одним из первых элементов, подходящих для этой политики, были асирийские христиане. Они могли бы сыграть передовую роль в Персидском заливе и при контроле Ирака. На севере российская монархия играла в те же игры с армянами. Такие внутренние факторы, как раннее приобщение к христианству, а также усиленный ранним же приобщением к капитализму и миссионерской деятельности национализм, привели к трагедии не только армян. Это стало также причиной трагедии — геноцида асирийцев и халдеев. Механизм, действовавший во время геноцида армян, сыграл свою роль в той же форме и в случае с асирийцами и халдеями. Подобно тому, как полки хамидийе использовались во время трагедии армян, в Южном Курдистане, в Ботане и Бехдинане еще раньше, в 40-е гг. XIX века, вооруженные отряды курдских княжеств использовались против асирийцев. Происходили массовые убийства асирийцев. В итоге не смогли избежать разгрома ни курдское движение под предводительством Бедирхан-

бея, которого провоцировали, ни асирийское христианское движение под предводительством патриарха. Активное использование провокаций способствовало развитию и укоренению османского султаната и бюрократии в Курдистане, а английской гегемонии — в Ираке. После этой резни асирийцы уже не смогли прийти в себя. Они оказались разбросанными по всему миру, и возникла диаспора.

Суннитский исламизм еще со времен Омейядов был режимом грабежа христианских народов. Не оставлял им шанса на жизнь как народ чести. Для Ближнего и Среднего Востока уничтожение христианства означало бы с точки зрения культуры и богатства переход к кошмарному периоду. Утрата этих культур связана с колоссальной потерей в области мировоззрения и материального богатства, оставанием в сфере искусства. Основная ответственность за этот геноцид и ликвидацию лежит на современном капитализме. Мусульманские соглашатели играли второстепенную роль. Все, кто борется за жизнь и свободу своих народов, должны хорошо знать, что они смогут защитить свое культурное наследие и стать свободными только при помощи правильного прочтения истории и общества с точки зрения демократического современности.

История уничтожения эллинов Анатолии несет в себе аналогичные черты. Ионическая колонизация, начавшаяся в первом тысячелетии до н. э., к VI веку до н. э. уже проникла в прибрежные и внутренние области, в первую очередь на Эгейское побережье, заложив там основы новой цивилизации. Успешное освоение западной культуры и создание нового синтеза позволили выйти на историческую сцену. Ионическое влияние оставило свой отпечаток на величественном периоде в сферах науки, философии и искусства, что стало второй крупной ступенью цивилизации после Шумера. Эта цивилизация не зиждилась на Афинах и других городах полуострова, как это принято считать; напротив, цивилизация, зародившаяся на Эгейском побережье, колонизировала Северное Средиземноморье и Черноморское побережье, от Афин до Марселя. Завоевания Александра Македонского расширили эту цивилизацию от берегов Эгейского моря до Индии. Начался период, называемый эллинистической эпохой (300-е гг. до н. э. — 250-е гг. н. э.). Рим и Византия развивались на базе этой культуры, также оказавшей сильное влияние на Сасанидов. Будучи перенесена асирийскими христианами

на культурную почву Ближнего и Среднего Востока по каналу, она сформировала философию — одну из артерий развития ислама с момента зарождения и зрелости. Сама Византия была своего рода христианской греческой империей. С нашествием ислама она оказалась в полосе отставания, но эллины продолжали оставаться политической силой вплоть до завоевания Константинополя, когда их политический суверенитет был утрачен. Но, как и армяне, эллины развивали свои экономические и культурные возможности. Занимая важное место в процессе формирования Османской империи, мореходства, торговли и ремесел, они удерживали эти позиции вплоть до создания греческого национального государства (1829 г.).

С того времени история стала для них горькой. В начале XX века эллины (греки) последовательно терпели кровавые поражения. После Балканской и Первой мировой войн их положение стало еще тяжелее. Союз, установленный между организацией «Единение и прогресс» и еврейскими капиталистами, сработал не только против них, но отразился на всех христианских народах. Греки дорого заплатили за то, что во время войны были на стороне англичан и были вынуждены покинуть ряд городов и сел, в первую очередь Стамбул. К ним применялась политика, сходная с той, что применялась в отношении армян и ассирийцев-христиан. После национально-освободительной войны они были вынуждены путем обмена покинуть свои земли, на которых жили три тысячи лет. Обычный кратковременный интерес англичан способствовал тому, что была уничтожена одна из важнейших в истории культур и цивилизаций. Оставшиеся эллины были изгнаны почти из всей Анатолии в результате террора «белого» турецкого фашизма. Они гибли в тяжелейшей ситуации, которая была сродни трагедии армян и сирийцев. Судьба народов Черноморского побережья была такой же, они пережили ту же трагедию. Но ведь и понтийские греки представляли насчитывающую тысячелетия цивилизацию.

Грузины, христианский народ, известный со времен хеттов, с очень давних времен развивали свою культуру в Северной Анатолии, на восточном побережье Черного моря. В христианский период грузинская культура получила еще большее развитие. Их участь оказалась очень похожей на участь армян. Большая часть их земель оказалась в руках исламских экспансионистов, а сами они сконцен-

Приоритетом были на небольшой территории. В этом есть немалая роль имперской России. Этот народ, борющийся с огромными трудностями, до сих пор не излечился от пережитых травм.

Иудеи Анатолии еще со времен Сельджуков-бея, о котором мы говорили ранее (Хазарский иудейский каганат, 900-е гг. н. э.), всегда были в союзе с высшими слоями тюркского общества. В различной форме это единство продолжалась на Кавказе, в Крыму, Восточной Европе и Анатолии. После изгнания из Испании надежным убежищем для евреев стала Анатолия. Значительную роль при этом сыграли незаполняемые лакуны в финансах империи. Связь евреев с османским султаном и бюрократией постоянно укреплялась в ущерб христианским народам. В 1550—1600 гг. они в значительной степени контролировали Османский двор. В конце XIX — первой четверти XX в. евреи были невидимой истинной силой империи. Они успешно, незаметно, под маской тюркизма сыграли стратегически важную роль во время II Конституции, переворота 1 января 1913 г., в Первой мировой и национально-освободительной войнах. Они были истинными предвестниками и создателями «белого» турецкого национализма (фашизма). Они всегда, как интеллектуально, так и структурно, играли ведущую роль во всех серьезных институциональных действиях, в широких сферах экономики, культуры, армии и внешней политики. Эта роль евреев продолжается и по сей день (даже если она порождает противоречия с турецкой мусульманской буржуазией Анатолии). В конце концов, Республика родилась как плод союза бюрократической турецкой буржуазии с еврейским капиталом, и союз этот, как направленность против христианских народов, и в наше время продолжает сохранять данное качество, невзирая даже на то, что еврейский капитал частично был оттянут в связи с созданием Израиля. Не приняв во внимание роль иудейской культуры во власти, экономике и идеологических монополиях Анатолии, что имело место со времен Сельджуков, мы не сможем разобраться ни в процессе уничтожения христианских народов, ни в развитии властных, экономических и идеологических элит Турции. Впрочем, не разобравшись в этом союзе, мы не сможем понять всех процессов ассимиляции и массового истребления курдов начатого с 1925 года.

Данные тезисы, вынесенные в виде проекта, призваны раскрыть на страницах Защитной речи истинное лицо истории последнего

тысячелетия Анатолии. В этом плане историография содержит много грязи и слепоты. Не раскрыв и не расчистив их, в частности, мы не сможем правильно осознать ценность культурного наследия народов, находящихся в трагической ситуации, не сможем пронести его в будущее и жить по-братски, сделав это наследие свободным.

7. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В КУЛЬТУРЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Разделение общества и власти в культуре Ближнего и Среднего Востока и углубление колониализма в отношении мусульманских народов — это проблема, стоящая во главе основных социологических проблем. Официальная историография и социология эту проблему умалчивает настолько, как если бы ее вообще не существовало. История цивилизации в каком-то смысле начинается с разделения общества и власти. Власть и совместно сформированные монополии капитала по мере дифференциации общества аннексируют прибавочную стоимость у общества, представляя себя привилегированной силой. Как считает марксизм, классовые противоречия и эксплуатация в этом вопросе несут в себе ограниченную долю реальности, но вместе с тем настоящее противоречие, следовательно, угнетение и эксплуатация имеют место на уровне взаимоотношений между обществом и монополиями капитала. Такого рода фактическое развитие в культуре Ближнего и Среднего Востока имеет поразительный характер. История кровавых войн за истинное общество и власть, происходивших по причине гегемонии центральной цивилизации, насчитывающей более пяти тысячелетий, прослеживается в социальной культуре Ближнего и Среднего Востока. В этой связи государство может быть охарактеризовано как состояние временного прекращения огня или перемирия, узаконенное нахождение между обществом и властью, включающее в себя все противоречия и стычки между ними. Государство как состояние временного прекращения огня, — это реальная состояние государства, нормы которого еще не сложились, а легальность не обеспечена. Что касается государства как состояния мира, то это реалии государства, статус которого легален (достигнуто соглашение

между обществом и властью). Также можно назвать государством соглашение между религией и властью. Монотеистические религии, в сущности, представляют собой поиски соглашения на почве государства сообществами, у которых наблюдается разделение интересов с восходящими силами цивилизации. Если соглашение не достигается, религии поднимают восстания. Когда соглашение достигается, это означает рождение законного государства. История христианства и ислама полна примеров такого рода. Конфессиональное расслоение возникает на почве противоречия, рождающегося в сфере единой религии между прослойками, достигшими согласия, и теми, кто не достиг согласия. Если конфессия, достигшая согласия с властью, приобщается к государству, то не достигшая согласия прослойка в виде оппозиции продолжает свою борьбу в открытой или скрытой форме, стремясь прожить свою социальную реальность без власти и государства.

Имперские силы христианских народов и их противоречия с исламской властью, а также пережитые ими большие трагедии мы постарались раскрыть в предыдущих главах. Взаимоотношения между другими обществами Ближнего и Среднего Востока, относящимися к иной религии, и властями подчеркивают необходимость в более глубоком раскрытии.

а. Арабский ислам (включая его африканские ветви) на протяжении всей истории постоянно переживал очень значительные противоречия и стычки между силами власти и государства, с одной стороны, и народными массами, с другой. Эти конфликты начались еще при жизни пророка Мухаммеда. Исламская религия (своего рода идеологическая и политическая программа) родилась как результат борьбы между неимущим родом (хашимитов), к которому принадлежал и сам пророк Мухаммед, и предводителями других родов, этнически принадлежавшими к тому же племени, высшая прослойка которого заметно укрепилась. После смерти пророка Мухаммеда противоречие обрело более воинствующий характер. Именно по причине этих противоречий были убиты трое из первых четырех халифов (Омар, Осман, Али). Представителю высшего слоя, Муавии, удалось воплотить свои стремления в династическом государстве (государство Омейядов). Остаются такие социальные силы, как сторонники Эхлибейта (семьи пророка Мухаммеда) и

радикальные социальные силы более бедных родов, коими были хариджиты. Это первое серьезное расслоение на общество, класс и государство. В дальнейшем упомянутое расслоение получит развитие, дойдя до современности.

Если авторитарный ислам укреплял свои позиции в виде бесчисленных мелких государств и империй, возводя это в рамки норм и легальности (это осуществлялось с помощью исламского шариата и суннитской конфессии), то исламские конфессии, противостоявшие власти, старались выживать в виде хариджитов и эхлибейтов. Хариджиты, будучи самой неимущей социальной прослойкой, постепенно превращались в бедуинов. Процесс превращения и бедуинов по своему смыслу означает, скорее всего, превращение в сельских батраков или городских пролетариев. Пролетаризация у арабов конкретизируется именно как бедуинизация. И по сегодняшний день процесс продолжается в том же состоянии. Бедуины времен средневекового феодализма превратились в феллахов и наемных работников (батраков) современного капитализма, что стало их общей историей. Эхлибейты представляли арабов среднего слоя. Если бедная часть позиционировала свой антигосударственный настрой в виде радикальных толков, шиизма и алевизма, то верхние слои продолжали свою жизнедеятельность в лоне государственных органов и сейчас продолжают существовать на всем пространстве от Марокко до Индии, в частности, до территорий современного Ливана, Сирии, Ирака и Ирана, на всем мусульманском пространстве в целом как социальная и авторитарная сила. Что касается традиционного авторитарного ислама, то он изначально погрузился в нормы государства (шариат) и законность (суннитские конфессии), и по сей день старается продлить свое существование. В основе раздробленного и противоречивого характера арабского социального и государственного фактора, как в прошлом, так и сегодня, лежат глубокие реалии разделения общества и власти, что не удастся скрыть даже под общим исламским покрывалом.

б. В исламском мире Ирана, Афганистана, Пакистана и Юго-Восточной Азии разделение между обществом и властью развивается по аналогичной тройственной схеме. Для правильного понимания особо подчеркиваю, что, говоря о схематическом развитии, мы имеем в виду не прямую линию, а развитие прямой линии в виде спирали.

Одним из главных регионов формирования ислама является Иран. Это следует воспринимать, учитывая все ответвления в широком смысле слова. Ислам, сформировавшийся в Иране, — это меняющийся ислам. Если даже в общих чертах он и называется шиитским, то обладает более широкой перспективой и толкованием. По своей сути это ислам Эхлибейта, сплотивший вокруг себя средний класс. Самое основное для этого ислама — выведение родословной лидерства от семьи Эхлибейт, и это должно восприниматься как должное. В процессе завоевания Ирана исламом суннитская традиция и жестокие меры, к которым прибегали Омейяды, более всего усиливали эти тенденции. Те же Омейяды упоминаются в связи с жестоким убийством в Кербеле наиболее видного представителя Эхлибейта, имама Хусейна, вместе с семидесятью двумя последователями. Иранский ислам в силу своего имперского развития и великой культуры формировался иначе, нежели традиция арабского общества и власти. В данном случае очень важно, что низшие и высшие слои среднего класса проявляли противоречивый и конфликтный подход к вопросам власти и общества. Высшая знать в силу своих авторитарных привычек, унаследованных от империи, стремилась продолжить свою жизнь при помощи доведения ислама до уровня государственности. Что касается низших слоев, то глубоко осознавая, какие испытания им пришлось претерпеть от власти на протяжении всей истории, они старались воспринимать ислам как форму гражданского общества в ракурсе антипода власти. В истории исламского Ирана можно постоянно видеть эту реальность. На историческом втором плане в рамках традиции зороастризма постоянно существовало такого рода противоречие между обществом и властью вплоть до мидийско-персидского столкновения. В корне этого явления лежит иерархическое деление родоплеменной общины.

В Иране существовала не только персидская этническая традиция. На этом географическом пространстве существовало множество этнических традиций. В социальном разделении тесно переплетались общественные и религиозные особенности. В определении Ирана как высшего общества и власти нет преобладающих особенностей ни религиозного, ни этнического плана. Гораздо лучше было бы охарактеризовать его как самобытную форму, в которой тесно переплелись и переплавились этнические и религиоз-

ные особенности. Хотя время от времени преобладает та или иная сторона, на протяжении всей истории постоянно прослеживается радикальное разделение. К примеру, иранцы не являются родоплеменным обществом в классическом смысле, как арабы, и не стали религиозным обществом, как иудеи. Иран постоянно ощущал потребность в развитии едва ли не как третья модель. Существование многочисленных этнических групп и религиозных верований сыграло здесь очень важную роль. Влияние капиталистической современности последних двух столетий Иран встретил на фоне этой реальности. Он не имел такого опыта национализма и национального государства, как страны Европы, ни такой формы национальной государственности, как это имеет место в арабских странах. Сохраняя свои исторические особенности, Иран настойчиво стремился продвинуть в противовес обеим моделям свою собственную модель. Именно этими реалиями объясняется то, что здесь так и не прижилась шахская власть. Но Иран не сможет долго продолжить подобный стиль жизнедеятельности, противостоя капиталистической современности мирового капитализма. Должны иметь место или кардинальные перемены (что с точки зрения власти и государства очень сложно, ибо либеральное национальное государство означает упадок модели); или, разделившись на части, на основе гражданских демократических ценностей исламской традиции низших слоев и на почве усвоения ценностей демократической современности, став одной из передовых созидательных сил современной демократии на пути выхода из хаоса Ближнего и Среднего Востока, Иран вновь займет в истории свое, достойное его прошлого, место.

в. Тюрки относятся к урало-алтайской языковой группе, являются одной из передовых групп цивилизации, которая впервые сформировалась около семи тысяч лет назад в подножиях Южной Сибири. Далее тюрки прошли к югу, где превратились в родовые сообщества. Как это было в каждой культуре, прототюрки только с развитием цивилизации стали появляться на сцене цивилизации. В частности, раннее приобщение к цивилизации (1500-е гг. до н. э.) китайцев, относящихся к той же культурной группе, способствовало влиянию на тюркские племена, и они заняли свое место в истории. Известно, что в III веке до н. э. тюрки уже создали свои княжества. По мере приобщения к власти растворяются в китай-

ской среде. Свое этническое существование им удалось сохранить только благодаря становлению в виде родовой общины. Не поладив с Китаем, они мигрируют на запад. В данном случае важную роль сыграли трудные условия среднеазиатской пустыни, засуха и рост населения. Связи с иранской цивилизацией у тюрков были еще до нашей эры. Имели место аналогичные отношения и с Индией. Миграция тюрков на запад, ставшая активнее с III века н. э., привела к тому, что они разделились на два крупных маршрута, идя с юга и с севера Каспийского моря. К середине V века н. э. с севера тюрки уже вплотную подошли к границам западной Римской империи и были настолько сильны, что могли захватить ее. Находясь в центре современной Венгрии, они совершали набеги до внутренних областей Италии и Франции. Но им не удавалось создать постоянный институт власти и государства. В то же самое время они создавали проблемы на границе Ирана. Кроме того, в середине VI века н. э. им удается создать свое этническое государство Гектюрк. Их последователями становятся уйгурские тюрки, принявшие манихейство в качестве официальной религии (740-е гг. н. э.). В VIII и IX веках наемные воины-тюрки сыграли значительную роль в армиях Аббасидов и Византийской империи. В X веке Караханли стали первым мусульманским тюркским княжеством, массово приняв ислам.

В IX и X вв. на севере и востоке Каспия существовало тюркское иудейское государство — Хазарский каганат. Первые тюркские племена, а именно огузские тюрки, принявшие ислам и проникшие во внутренние области Ирана, известны как династия Сельджукидов. Сельджук-бей был военачальником (на уровне сотника) в армии иудейского Хазарского каганата и вместе со своим родом попытался создать княжество в долине рек Сейхун и Джейхун, то есть на территории современного Туркменистана. Происходили жестокие стычки. Будучи высшей прослойкой рода, Сельджукиды получили первый опыт власти, осуществляли набеги и захватывали трофеи. Осознавали, что для достижения успехов и захвата богатых трофеев необходимо принять ислам. Во дворцах Аббасидов уже в IX веке они образовали крупную группу наемных воинов и возвели свой город Самару. Союзы сельджукских племен доходят до внутренних областей Византии, захватывая добычу по пути. Им противостоят тюрки-христиане. К началу XI века все сельджукские племена уже

исповедуют мусульманство. В 1008 году умирает Сельджук-бей. Имена его сыновей, Микаил, Муса, Юнус и Арслан, свидетельствуют о том, что он испытал сильное влияние иудаизма. В этот период усиливаются расслоение и противоречия между нижними неимущими слоями племени и высшей богатой прослойкой. Родовые сообщества, отколовшиеся от первой знати, с 1018 года просачиваются в Иран. Они просят у правителей Ирана защиты от своих родоплеменных вождей. Впервые в истории туркмены (как бедуины у арабов, курманджи у курдов), народ и племя, хотят жить независимо, выступая против своей знати.

Это первое глубокое расслоение, наблюдаемое в тюркских родоплеменных сообществах, оставило заметный след в истории. Возникновение расслоения на почве противостояния власти и общества способствовало началу очень жесткой борьбы. С той поры история тюрков (тюрко-исламская история) протекает в виде двух ветвей, взаимоотношения между которыми были предельно противоречивыми и антагонистическими. Высшая прослойка родов, организующихся вокруг механизма власти, возвела такой стиль жизни в ранг проблемы жизни или смерти. Такой образ жизни, основанный на власти, последовательно усиливаясь еще со времен Хазарского тюркского иудейского каганата, продлится до наших дней. Жизнь вне власти и государства для этих элитных групп всегда приравнивалась к смерти. Привилегированность власти возвысили на религиозный уровень (священное государство, государство — мать и отец). Между Аллахом и государством (Зилуллах = «Тень Господа») были выстроены отношения в стиле «тело—его тень». Такие эпитеты, как «Бог», «Аллах», имеющие эфемерный, небесный характер, обрели конкретику в понимании государственности. В этих условиях сельджукские князья стали великими воинами власти и государства, воюя как на своей, так и на чужих территориях. Ничем, кроме этого занятия, они не интересовались. Они были основной военной силой в таких династических государствах, как Аббасиды, Газнели, Самангуллары, Атабеки, Толоногуллары или лично создавали государство. В 1055 году они основали империю Сельджуков. В 1071 году, после Манцикертской битвы, они основали княжества по всей Анатолии. В 1086 году создали Сельджукский султанат в Анатолии. Феодалная междоусобица продолжалась вплоть до создания Османской импе-

нии. Сама Османская империя стала для них периодом максимальной концентрации власти. В процессе активизации взаимоотношений между властью и государством были сформированы важнейшие нормы исламского шариата (правовые нормы), а суннитская исламская конфессия сформировала основной инструмент легализации.

В тюркской властной элите религия в целом и исламская религия в частности обрели свой смысл только как инструмент власти. Религия не несет в себе особых ценностей, кроме власти. Без хороших знаний тюркской метафизики власти нельзя точно разобраться в государстве и обществе. Все рассуждения изобилуют крупными недостатками и ошибками. Тюркская элита власти еще на стадии первичных княжеств, даже в высшей иерархии власти фетишизировала шаманистские понятия и фигуры. Символические предметы поклонения, аналогичные современному флагопоклонению, исходят именно отсюда. Тотемный фетишизм рода тоже обретал предельное влияние. С этим связано поклонение лошади. Для феодальной власти триада «конь, жена и оружие» была самой жизнью, олицетворяя униженнейшие понятия о чести. Говоря о жизни власти, подразумевают коня, жену и оружие. Этот приоритетный ген был внедрен в основное ядро власти, и все было приведено в состояние генетических особенностей. Между Аллахом ислама и властью была установлена максимальная связь, сформировано скрытое тождество «бог—власть». Тем самым власти и государству была приписана самая высокая святость. Естественно, что под этой святостью кроется корысть в присвоении трофеев (цель завоевания, право на все, что можно экспроприировать).

Тюркская элита власти возглавляла тех, кто довел уровень власти на Ближнем и Среднем Востоке до максимума, но были не только они. Силы, возглавлявшие все элиты власти Ближнего и Среднего Востока со Средневековья и по настоящее время, как бы растворились друг в друге. Это именно те тюрки, которые, называясь тюрками, угнетали низшие общественные слои тюрков, в первую очередь, туркмен, эксплуатировали их и довели до состояния “Etrak-ı bî idrak” («невежественные тюрки»). Именно этот «тюркизм» демонстрировал жестокое эксплуататорское отношение к социальным слоям тюркского общества. Упомянутым образом авторитарный тюркизм применял по отношению к туркменам такое угнетение,

эксплуатацию, колониализм и массовое уничтожение, чего не делили ни с одним обществом и народом. В этом плане было применено множество методов. Вот некоторые из них: рекрут, обреченный на пожизненную солдатскую службу, усиленное налогообложение, сознательное культивирование невежества, осуществление массовых убийств в ответ на малейшие признаки неповиновения, частые грабежи, ссылка, подавление малейших демократических пожеланий и, в случае нехватки резервов внутренней эксплуатации, отправление в чужие страны как рабов — принцип «мясо тебе, а кости мне» реализовался до конца. В угоду монополистским интересам более половины населения оставалось без работы. В итоге национально-государственная модель возводилась до максимума, а социальная культура просто уничтожалась. Другая категория тюрок, или по-другому туркменство, сформировавшаяся на этой почве, — это уже совершенно иное социальное явление.

Туркмены (тюрки-мусульмане, оставшиеся за пределами власти) продемонстрировали кардинальное расхождение с властью еще со времен Сельджук — бея. Первые неимущие туркменские сообщества в 1005 году скрылись в Газнели, убегая от феодального гнета. Позднее они пытались защититься, скрываясь в различных районах Ирана, в частности на северо-западе, на территории современного Азербайджана. В поисках убежища они проникали широкими волнами на территорию современных Ирака и Сирии. Эта тенденция постоянно развивалась в первые столетия. Аналогичные волны миграции имели место и на северном каспийском направлении. Сельджукские феодалы и султаны, желая избежать натиска туркмен, постоянно ссылали их на Кавказ, в Аравийскую пустыню, Курдистан и Анатолию. Наедине с судьбой оставляли всех, за исключением тех, кто годился как рекруты в армию. Горная гряда Черноморского и Средиземноморского побережий и степи Средней Анатолии заполнились туркменскими переселенцами. Тяжелые жизненные условия, угнетение и эксплуатация постоянно подталкивали туркмен на восстания. В качестве значимых примеров этого плана можно привести следующее: султана Санджара они посадили в клетку и возили с собой, они становились алевитами и отходили от суннизма, создавали многочисленные секты и развивали гражданское общество (восстания Ахмеда Ясави, Мевлана, Баба Исхака, Шейха Бедреддин, Пир

Султан Абдала, Шаха Исмаила, Джалали и восстания ремесленников). Эти мятежные устремления они воплощали в легендах и эпосах о Султане Абдале, Караджаоглане, Кероглы, Дадаоглу. Именно туркмены пронесли чистоту тюркского языка в противовес уродливому персо-арабскому языку «койне» власти. Они добровольно и патристически сосуществовали с народами Ближнего и Среднего Востока.

Туркмены, как представители социальной культуры, требуют глубокого изучения в комплексе их материальных и моральных традиций. Необходимо написать их истинную историю. В период социального капитализма жизнь туркмен определялась еще более неблагоприятными условиями. Уменьшались возможности кочевой жизни и оседлой жизни. Они стремились продолжить существование на фоне безработицы и внешней миграции, как будто не хватало им, что они жили как воины-мученики на самых опасных участках. Историческая идентичность туркмен оказалась лицом к лицу перед угрозой под колесами капиталистических монополий, угнетением и эксплуатацией национального государства, в тисках фашистских и клерикальных государственных партий. Большую роль в данном случае сыграло то, что туркмены не смогли развернуть свое демократическое движение. Заполнившее эту нишу религиозное и фашистское движение, преследовавшее цель создания национального государства, преобразовав до противоположности положительные особенности туркменского национального характера, совершило, в частности, ужасающее предательство, нанеся смертельный удар по туркменской культуре. Необходимо очень хорошо осознавать, что, в частности, исторически сложившееся в Анатолии тюрко-туркменский социум — это несколько иное образование и иное явление, нежели устремленные к власти, сексистски настроенные клерикальные и националистические тюрки, сформировавшиеся в структуре привящей государственной машины. Но более важно то, что необходимо отделить туркмен от национально-государственных образований фашистско-заговорщического типа, облаченных в бело-черно-красные цвета, искусственно созданных элементами, которые сами не принадлежали к тюркам. Следует превратить туркмен в часть современной демократии на базе демократической республики, демократической родины и демократической нации. Для этого надо взять за основу демократическую политику, принципы гражданско-

го общества, а также организации и практику самоуправления, развить современную культуру на почве синтеза с традиционной тюрко-туркменской культурой. Основная проблема демократического движения Турции заключается в правильном определении, исследовании и усвоении этой культуры в комплексе всех ее исторических и социальных аспектов, образовании и организации туркмен с целью объединения их с системой современной демократии.

Кроме туркмен в Анатолии и Месопотамии есть и другие народы и общины, принадлежавшие к исламской культуре. Арабское меньшинство, проживающее южнее Таврских гор, остались со времени исламских завоеваний. Это культурная среда, которая постепенно становится неимущей в силу того, что утратила свою привилегированность в отношении власти. Высшие слои этого арабского меньшинства растворились в господствующей турецкой элите, а что касается традиционной арабской культуры неимущих слоев, то под воздействием ассимиляционной политики она оказалась отринута и постепенно выходит из употребления. Арабы смогли сохранить свое существование благодаря тесному сосуществованию с курдами. С каждым днем существование в условиях капитализма становится все тяжелее.

Албанская и боснийская культурные группы балканского происхождения представляют культуру, связанную с властью. Особого расслоения в их среде не наблюдалось. Они пытаются продолжить существование в среде бюрократии и крайне преданы официальной идеологии. Отстаивают турецкий национализм в угоду своим интересам. Их неимущие слои, составляющие в количественном отношении меньшинство, слились с классом пролетариев, и заметна их роль в трудовом движении. Будучи связанными официальной идеологией власти, они уже не задумываются о своей этнической принадлежности.

Этнические группы кавказского происхождения составляют большинство. В их культурной среде очень важным стало установление тесных связей с властью, участие в жизни правящих кругов. В этой среде ощущается ностальгия по своей исторической родине, но, вместе с тем, возвращение было до недавних времен всего лишь мечтой. После распада СССР они вновь установили связи со своей исторической родиной. Аналогичная ситуация характерна и для на-

национальных меньшинств балканского происхождения. Для их жизни характерен конформизм в угоду сближения с сильной стороной. Революционная борьба возвысила их до лидерства, но аналогичная ситуация наблюдается и в правых движениях.

Как жаль, что культурная мозаика Анатолии и Месопотамии, будучи совершенным понятием, тем не менее, износилась так же, как и мозаичные лица, выходящие из-под земли в результате раскопок. Планы национального государства по созданию однородного общества превращают эту культурную мозаику почти в мелкую гальку, уничтожая его как явление. Какое бы меньшинство ни составляли эти культуры, они представляют собой историческое наследие, которое необходимо сохранить. Суть национального государства, производящего геноцид, более всего находит отражение в той политике, которую оно проводит в отношении этих культур. Это наиболее вопиющие убийства, осуществляемые современным капитализмом во всех частях света. Помимо тяжких мер, применяемых в отношении этих наций, они обесцениваются в экономическом отношении, что делает жизнь невозможной. На практике применяется следующее правило: если будешь отстаивать свои национальные традиции и не примешь культуру официального большинства, то останешься голодным и безработным! Перспектива обретения собственного места в жизни и дальнейшего прогресса в обществе без участия в официальной культуре национального государства, без забвения своей национальной культуры и капитуляции не представляется возможной из-за тысячи созданных препятствий. Таким образом, переход в однородное общество становится неизбежным.

Опыт фашизма, пережитый в Европе во время Второй мировой войны, вынудил пересмотреть идею однородного общества. При помощи проекта Евросоюза был совершен поворот в сторону культурного большинства как альтернативы. Новейшая эпоха считает культурное большинство основной ценностью, но в то же время далеки от альтернативы капиталистической современности. Все нации, существующие вне рамок официальной культурной идентичности, становясь в конечном счете маргинальными, оказывались на грани исчезновения. Это происходило или само по себе, или посредством массового уничтожения, путем косвенного угнетения и применения методов капиталистической эксплуатации, или

вследствие политики национального государства по созданию официального однородного общества. Наиболее верный путь борьбы с этим процессом заключается в воспитании национального самосознания, способного защитить свою культуру, сделать ее свободной и, в сочетании с другими культурами, развивать общие жизненные проекты на более высоком уровне. Основными компонентами этого проекта являются такие понятия, как «демократическая нация», «конституционное гражданство», «демократическая республика», «плюралистическое понимание Родины и культуры». Основными методами реализации этих проектов являются демократическая политика, организации гражданского общества и методы демократического самоуправления. Для защиты традиционных культур и их освобождения, а также для обретения ими состояния синтеза с современными культурами огромное жизненно важное значение имеет решение в духе демократической современности.

Б. КУРДСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

Когда в детские годы я впервые столкнулся с турецкой системой начальной школы, курдская действительность, способная стать мечтой, породила в моем разуме и духовном мире ряд вопросов. Я не мог естественно воспринимать турецкую идентичность. Унизительное влияние я начал ощущать всеми глубинами своей души. Первое, что пришло мне в голову, это поиск семейных связей, имеющих отношение к турецкой идентичности. Дальние родственные связи с турками со стороны моей матери не могли решить проблему. Как бы то ни было, патриархальная курдская идентичность открыто давала о себе знать. Я не мог убежать от этих реалий, но именно в связи с ними я получил в начальной школе свои первые душевные раны. Именно так сформировалось осознание моего первого контакта с курдской идентичностью, ставшего для меня первой проблемной реальностью. У моих сверстников не слишком развивались аналогичные ощущения. Не могло пройти мимо учительского внимания мое отличие от других детей, осваивавших идентичность турецкой республиканской идентичности в начальной школе, расположенной в старинном армянском селе. Получалось так, что мое стремление к лидерству еще с первых школьных лет стало своего рода методом борьбы против всего негативного, что могло быть связано с реалиями курдской жизни. И именно так хотел доказать свою самобытность. Я добился успеха в этом. Я постоянно, вплоть до последнего курса университета, продолжал одерживать победу в этом вопросе. Таким методом я доказывал «друзьям и врагам» свою непоколебимость и то, что я смогу стать человеком. Я уже мог браться за важные дела.

В сущности, свое более традиционное сознание, коим является религия, я обрел путем заучивания молитв. Я выучил наизусть тридцать три суры. Расположившись под кафедрой сельского проповедника-имама, я выказывал свое стремление вместе с ним приступить к намазу. Ответ имама был таков: «Абдулла, если ты и дальше пой-

дешь с такой скоростью, то можешь взлететь!» Это стало для меня методом поиска иного пути, достижения влияния. Так я достиг той ситуации, что оказался на виду у всего традиционного общества. Я счел достаточным эти два метода. В иных вопросах у меня не было особого рвения. Я был примером и тогда, когда время от времени занимался трудом чернорабочего. В остальных вопросах всегда оставался позади. Естественно, походы в горы, охота за змеями, охота на птиц, — здесь я был предводителем.

В 1969 г. я осмелился сделать первый шаг в сторону социализма, а в 1970 г. — в сторону курдской темы. Важнее всего было сделать оба дела вместе. Мое восприятие этих реалий, представлявших собой серьезные внутренние проблемы, носило в себе особенности, которые в самом начале были полны веры и догм. Этот период был периодом революционных лозунгов. Я пытался выйти в путь с несколькими основными лозунгами. Естественно, я постоянно обращал внимание на профессионалов, считал священными следующие лозунги: «Есть курдский народ», «Курдская проблема существует», «У народов есть право на определение собственной судьбы», «У народа есть также право на создание своего государства», «Социализм — лучшее решение национальных проблем», «Можно осмелиться на национально-освободительную войну», «Если не обща партия, то допустима партия национальная».

С самого детства я всегда стремился обрести друзей. Моей основной задачей было формирование мелких детских союзов. Для этого я использовал все. Уже в начальной школе я создал свою маленькую общину для совместного намаза и начал проповедническую деятельность. Постоянный характер носили такие занятия, как охота на змей, ловля дичи, сбор шафрана. Я всегда искал повод, чтобы быть вместе со своими друзьями детства. Их родные в этом отношении как будто вставляли в штыки. Они прилагали всяческие усилия для того, чтобы уберечь своих детей от дружбы со мной. Как бы то ни было, я был «безумцем с гор». Меня не удовлетворяли традиционные и современные ипостаси такого рода поисков. В моем духовном мире и сознании появились глубокие лакуны. Мои потребности нельзя было удовлетворить так легко. Один мудрый сельский старец, как бы предупреждая, сказал мне следующее: «Да ты как ртуть, ерзаешь без устали!» Действительно, я был таким. Такие

Вспоминания, как «стой», «остановка», не существовали для меня. Когда я с такой же скоростью дошел до последнего курса университета, то уже на зрелость был уже позади, я достиг такого уровня, что мог сделать серьезные шаги для совершения священных дел.

Когда я в начале 70-х годов прикоснулся к национальным и социальным проблемам курдов, я был полон противоречий. Я чувствовал себя и очень молодым, и очень старым. Я оторвался от традиций, но не воспринял современность. Оба состояния висели на мне, как только что сшитые одежды, и я носил их только для того, чтобы другие видели их на мне. В сущности, я был далек от умения совершить революцию в этом отношении. Точнее, я оказался меж двух огней, в каком селевом потоке, который мог в любую минуту поглотить меня. Я все время бегал не столько потому, что хотел удержаться на скалах, а потому, что не хотел тонуть. Передо мной было два механизма, которые пытались выставить себя как орудие освобождения: курдский национализм и турецкое левое движение. Я приближался к каждому из них. У обоих были притягательные стороны. Курдская идентичность типа Барзани-Талабани давала о себе знать. Я общался с их последователями, но они были далеки от удовлетворения моих интересов и стремлений. Мне было гораздо ближе левое движение — такие борцы, как Махир, Дениз и Ибрагим, но я сам был далек от возможностей достичь их высот. Я довольствовался позитивной ролью человека, симпатизирующего действиям Махира.

Зимой 1975 года я, будучи в таком духовном расположении, приступил к официальной пропаганде. Я развивал одновременно теорию и практику. Как бы то ни было, но после организации бойкота в связи с убийством Махира Чаяна и его товарищей 30 марта 1972 года в Кызылдере я в течение последующих семи месяцев находился в тюрьме Мамак (апрель—октябрь 1972 г.). В дальнейшем на собрании, проведенном во время Науруза 1973 года у подножий водохранилища Чубук, я проявил наибольшую смелость и ответственность за начало самой серьезной практики путем создания группы. Курдская действительность уже была связана для меня с последствиями, выходящими за деятельность группы. Позднее я часто задумывался о том, существовало ли иное средство, способное привести к более позитивным изменениям в курдской действительности, нежели деятельность группы? До сих пор я считаю, что

этот метод был наилучшим в плане достижения истины. Помимо веры, мой статус творческого и революционного человека (также консерватора и контрреволюционера) ковался в составе коллективной группы, являющейся его неотъемлемым инструментом. Я до сих пор не верю в то, что вне группы и организации человек может быть социально востребованной личностью. Безусловно, содержание и форма инструмента являются определяющими в получении результата. Я развивал группу, а группа развивала меня. До объявления о создании РПК в ноябре 1978 года нельзя было сказать, что группа вышла за границы поиска и распространения истины. Нельзя было считать нас и неопытными новичками в политике. На нас также испытывали влияние общей обстановки, в которой существовала политика и сила.

До военного переворота 12 сентября 1980 года мы не намного опережали какую-либо иную группу из этой обстановки. Выход на Ближний и Средний Восток имел стратегические тенденции. Действительность должна была еще больше раскрыть наши горизонты. Систематический возврат к вооруженной борьбе побудил нас стремиться к более развитому осознанию нашей действительности. Мы старались изучить взаимоотношения между невозможностью и Курдистаном. Выступление 15 августа дало начало периоду, который, казавшись военным, по сути своей имел преобладающе политический характер. Постепенно раскрывалась связь между политикой и силовыми методами. Такие понятия, как «социальная личность», «созидательность индивидуума», «сила организации», «национальное общество», «свобода женщины» давали о себе знать с еще большей силой.

Второй большой исход (первый исход — это тот, который был совершен на Ближнем и Среднем Востоке по следам пророка Авраама; сюда можно прибавить даже исход в город, связанный с сельскими восстаниями) внес свой вклад в близкое познание международных реалий. Мое заточение в Имрали с начала 1999 года стало причиной более глубокого и целостного познания действительности. Доля познания истины в Имрали оказалась больше, чем в предыдущий период. Были совершены шаги на пути от абстрактного к конкретному, от догматизма к реализму, от бесчувствия к чувствам, от национально-государственного мышления к демократизму, от

идеализма к капиталистической современности (финансы, индустриализм и национально-государственное мышление), от капиталистической современности к демократической, от идеалистического историзма к научно-философскому. Личность, стремящаяся к истине, была предельно обработана и разложена по полочкам в границах исламского мистицизма. Слова и дела о судьбе наций, обществ тесно связаны с этапами обретения истины и определяются силой истины, связанной с практическими результатами.

В начале контакта с капиталистической современностью курды и Курдистан не опережали своих соседей и не отставали от них. Даже при сравнении с аналогичными примерами всемирного масштаба видим, что никакой глубокой пропасти между ними нет. Возможно, у курдов было не хуже, а даже лучше, чем у других. Отрыв от всемирной действительности по-настоящему начался в начале XIX века. С точки зрения всемирной истории XIX век стал периодом активизации исторической науки. Разделение обществ на почве религии перешло в разделение на исторической почве. От католической христианской общины Европы откололось множество светских общин, национальных общественных категорий. Национальные общины с развитием капитализма приобрели национально-государственные и индустриальные формы. Речь идет о том, что традиционное общество поглощалось триадой в облике капитализма, индустриализма и государственного национализма, оно было заключено в «железную клетку». В антагонистическом смысле развивались понятия и «социалистического» и «демократического» общества, а также ограниченный опыт социалистического мировоззрения. Этот опыт, пережитый Европой в XIX веке, уже в XX веке распространился на весь мир. Глобализация капитализма привела к глобализации индустриализма, и весь мир превратился в более чем двести национальных государств. В мировом масштабе общество постепенно отождествлялось с однородным национально-государственным обществом с жесткими четкими границами. Крайне искаженная и иллюзорная с точки зрения социальной истины, картина усугубилась с развитием капиталистической современности. Метафизические миры, развернутые системой цивилизации, превратившись в позитивистские формы капитализма, оставили отпечаток на социальной действительности, восприятии, концепции и теориях.

Какие бы кризисы ни сопровождало это сообщество концепций и теорий, распределяемое под маркой общественного и человеческого вплоть до наших дней (до начала 80-х гг.), они, тем не менее формируют шаблоны фундаментальных социальных знаний. Концепция общества, поделенная на тысячи направлений, уже превращена в средство маскировки политики капитализма, индустриализма и национально-государственного мышления, являющихся врагами истины. Несмотря на это, этот тройной фундамент современности обладает внутренней целостностью, стало быть, реальностью. Современность реализуется ценой отрицания исторического общества. Реальность в тех цивилизованных обществах, которые являются капиталистическими, раздвоена, изранена и раздроблена еще больше и глубже. Интересы обществ, построенных вокруг максимальной прибыли, реализуются ценой ассимиляции и геноцида той общественной действительности, которые страдают от этого. Например, капиталистическое общество реализуется только путем превращения традиционного общества и общества трудящихся в рабское продолжение самого себя. Общественные элементы, становящиеся дополнением и продолжением, могут существовать только в виде неких объектов. У них нет какой-либо самостоятельной истины, в связи с чем они представляют очень слабые реалии. Индустриальное общество может существовать только посредством колонизации сельской и ремесленной общин и их превращения в оплачиваемых рабов. Национально-государственное общество реализуется только путем растворения социума, находящегося за границами государства, демократического гражданского общества, его превращения в муравейник. На этих примерах показано, как историческое общество теряет свое истинное лицо, а насаждаемое вместо него общество функционирует не столько как социум, сколько превращено в механическое орудие, реализующее явление максимальной прибыли. Упадок социальной действительности связан с этим явлением. В данном случае в роли механических орудий выступают гигантские индустриальные монополии, финансовые структуры и институты национального государства. У них нет самостоятельных общественных реалий. Они стали индустриальными и финансовыми чудовищами, милитаристскими и ассимиляционными орудиями смерти, которые пожирают и уничтожают общество.

и его природу. Рассуждения о курдской действительности в свете личного определения современности будет ближе к природе и очень instructively.

1. РОДИНА В КУРДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Механизм с тремя опорами, реализуемый капиталистической цивилизацией в Анатолии и Верхней Месопотамии, в Турции и Курдистане, полностью колонизовал и растворил в своих горнилах традиционное тюрко-туркменское общество и поставил перед собой цель разделить на различные аспекты курдскую действительность, полностью лишив собственного лица. Я схематически представил историю других обществ и не буду повторяться, но, поскольку у них есть тесные связи с курдской действительностью, я пытаюсь рассуждать о них в комплексе. С точки зрения легкости изложения и поучительности было бы лучше рассуждать о курдской действительности в ее различных аспектах. Оценивая все аспекты в комплексе, надо иметь в виду, что даже в раздробленном состоянии, будучи превращенными в объекты, растворенные и лишенные собственной идентичности (по причине геноцида), они обнаруживают единство во всех своих частях.

Исторически еще во времена протокурдов и до современных курдов всегда существовали реалии, связанные с родиной. Шумерское Кургие, лувийское Курдивана (родина курдов), эллинское Кардония произошли от одного корня, но со временем подверглись изменениям. А со времен правления сельджукских султанов в Иране (XI век н. э.), название официально обрело свой окончательный вариант «Курдистан». В период господства Османской империи в множественных фирманов (указов султана) очень часто использовалось понятие «Курдистан». В период провозглашения республики сам М. Кемаль неоднократно письменно и устно использовал понятие «Курдистан», а депутаты, избранные в ВНСТ из регионов, называли себя «депутатами Курдистана». Начиная с «белого» турецкого договора 1925 года всяческое упоминание о курдах, Курдистане и курдской идентичности сразу же были запрещены под угрозой ужасных кар, а само явление стремились предать забвению.

Этот удар по концепции Курдистан преследует множество целей. Первая цель, преследуемая «белыми» турками (их можно назвать также молодой турецкой бюрократической буржуазией, но при условии включения сюда еврейского капитала, являющегося управляющим ядром), — это повторное разделение Курдистана на четыре части, английскими и французскими колониальными методами, после чего самую большую часть они возьмут под свой контроль, считая ее полностью турецкой, и начнут период геноцида. Это заговор, удар, направленный на географическую территорию Курдистана. План реформирования Востока, созданный в 1925 году, был направлен на то, чтобы полностью стереть из истории курдскую действительность. Усиленно насаждалось утверждение, что у курдов нет родины.

Понятия «Родина», «Отчизна» обрели особую значимость в период становления наций. Родина, как социологическое понятие, характеризует географическое пространство, на котором столетиями создавалась культура, формировался рынок, накапливались знания истории и происходило демографическое размещение. С точки зрения капиталистов, привязанных к рынку, но и что гораздо важнее, народа и нации, являющихся истинными творцами общественной культуры, Родина является неотъемлемой частью жизни. Родина — это не только материальное производство социальной жизнедеятельности и территория, на которой развивается культура. Родина — это история общества, уголок и дом, в котором сформировался его духовный мир. Остаться без него (в смысле понятия и духа) гораздо хуже, чем остаться без дома и без духовного мира. Кто лишает общество дома и души, тот лишает его материальной и духовной культуры. Наконец, такого рода процессы пытались в варварской форме применить в виде «плана реформирования Востока». Мятежи, возникающие в результате провокаций и подстрекательств в ходе развития логики заговора, становились поводом для того, чтобы разрушить все, не оставляя камня на камне, и пытались сделать так, чтобы не употреблялось ни одно слово, имеющее отношение к курдам и Курдистану. Народ, ставший истинным созидательным элементом республики, народ, который, возможно, первым в истории имел Родину со своим именем, оказался лицом к лицу перед угрозой превращения в людей, лишенных своей Родины.

Ни в одну из исторических эпох ни одна идеология и религия не игнорировали в такой форме ничью Родину. Такого подхода нет ни в мышлении, ни в решениях подавляющего большинства турецкого общества. Аналог практики «белого» турецкого движения в те годы можно было бы видеть на примере многих наций, поздно вступивших в полосу капиталистической современности, в первую очередь в Германии, Италии и Японии (это государственные нации, нации, созданные руками государства, государство, сформированное национализмом). Но бюрократические кадры организации «Единение и прогресс», стремившиеся создать государство на базе тюркского национализма, брали за основу опыт немцев, с которыми вместе воевали (Первая мировая война), и германского национализма, из чьих ростков они выросли, поэтому они не могут считаться просто аналогом или двойником нацистского национализма; они являются одним из созидательных элементов нацизма. Гитлер сам признавался в том, что, приступая к реализации плана уничтожения евреев, испытывал влияние геноцида армян, устроенного правительством «Единения и прогресса».

То, что курды были лишены Родины, тесно связано с этими двумя историческими опытами. Сюда же можно добавить влияние того периода, когда позитивистская идеология достигла своего пика. Позитивистская наука оценивала социальные явления едва ли не по законам, действующим в физике и биологии. Сторонники «белого» тюркизма, испытывавшие догматическое лаицистское влияние этой идеологии, отвергая какой-либо факт с помощью закона, верили в то, что данный факт уже не имеет никакого действия и не соответствует действительности. В этом плане они оказались гораздо догматичнее средневековых догматиков. Термин Турция сформировался именно в эти годы. В силу большинства и исторического формирования тюркского населения это понятие не было ошибочным. Но то, что силовыми методами и при помощи положений закона это понятие было территориально расширено настолько, что охватило и включило в себя Курдистан, уже противоречило историческим реалиям. Турецкая националистическая современность как будто создавала новую религию и внушила себе же веру в то, что сразу же исчезнет любое понятие и явление, которое он не примет, сказав: «Да не будет этого!» Все условно, смертоносный милитаризм играл здесь главную роль.

Курдские восстания безжалостно подавлялись, чтобы Курдистан не оставался Родиной курдов. Не должен был остаться народ, участвовавший в создании республики, а вместо него остались некоторые дикари, утратившие Отчизну, не имеющие ни языка, ни Родины, ставшие мишенью угнетения и уничтожения, дикари, чьи имена оказались под запретом, а сами они при ходьбе в горах в глубоком снегу, разрывали снежный покров при котором издается звук «карт курт». Наиболее близким партнером в этой политике стала Англия представляющая собой серьезную гегемонистскую силу капитализма. Она совершенно не проявила внимания, а поддерживала эту политику «снизу». Впрочем, именно по этой причине Британия получила нефтяные месторождения в районе Мосул-Киркук. Близости к Франции, усвоения светского и правового мировоззрения было достаточно, чтобы забыть эти меры, несовместимые с гуманизмом. Германия, впрочем, была созидающим элементом «белого» тюркизма. С точки зрения социалистического лагеря во главе с СССР практика «белого» тюркизма в Курдистане стала победой прогресса над отсталостью. Курдская Республика Мехабад в Восточном Курдистане стала жертвой той же политики. Доказано, что в угоду рутинных интересов современных капиталистических сил в мгновение ока было принесена в жертву Родина народа, насчитывавшая тысячелетия.

Обстановка в Южном Курдистане накалилась в результате расчетов на «холодную войну». В качестве резерва постоянно рассматривалась модель Курдистана, уменьшенного в целях использования в качестве форпоста системы для того, чтобы предотвратить стремление курдского народа, сохранившего свое существование, управлять своей судьбой. Тогда этого требовали их интересы. Явление, называемое «Иракским Курдистаном», появилось на сцене в форме, похожей на следующее: точно так же как и в ответ на утрату эллинами и армянами своей исторической родины им были представлены своеобразная диетическая доля в виде маленького куса родины. К концу XX века была почти уничтожена, вероятно, самая первая и древнейшая Родина. Общество, оставленное современным капитализмом без Родины, утрачивает половину своей жизнедеятельности и действительности. После того, как Родина, Отчизна, Страна были признаны несуществующими, осталось прибегнуть к любому чуду во имя сохранения общества, продолжения развития

собственной материальной и духовной культуры. Эта ситуация аналогична тому, что когда человек плывет или ходит в пустоте нужно или стать рыбой и поплыть, или стать птицей и полететь...

Одним из самых больших преступлений современного капитализма в отношении Родины является искусственное выдвигание своего понимания жестокой, неизменной, мононациональной границы в виде самого священного понятия. Понимание границы, ответственное национальному государству, используется как культ, ритуал, свидетельствующий о том, как охранять так называемую «Родину». По сути же, это наиболее расширенная и обобщенная граница собственности. Это наиболее развитая форма собственности; это последняя стадия, которой достигла история собственности, начавшаяся с возведения ограды вокруг надела в поле. Границы вводятся настолько жестко, что разворачиваются войны за каждую пядь. Войны идут, но они идут не во имя интересов народа, нации, а в силу потенциала максимальной прибыли. Чем жестче границы национального государства, тем больше максимум прибыли.

Несомненно, у народов и наций есть границы Родины. Однако формирование и защита этих границ полностью отличается от национально-государственного мышления. Не концентрация собственности, а линия солидарности, дружбы и высших социальных обращений, которые реализуются путем самого живого сотрудничества с соседями, взаимодействия, торговли, культурного синтеза. Эти сферы, в которых больше всего действуют многонациональность, многообразие культур, становятся созидательными звеньями, где зарождаются более высокая культура и цивилизация; это сферы мира и братства, а не войны и конфликтов. Границы, ставшие в истории колыбелью такого рода дел, в условиях капиталистической современности чаще всего превращены в линии войн, минные поля, проводочные ограждения, стены и непреодолимые препятствия. Они стали стенами тюрем, где заключены народы и нации. Этносы, живущие в пределах этих границ, отнюдь не охраняются, они содержатся в железной клетке, лишаются свободы, их насильно превращают в солдат, безработных и низкооплачиваемых людей. Этносы, народы и нации, официально не являющиеся титульными, подвергаются ассимиляции и уничтожению. В сущности национально-государственных границ кроются безграничные интересы монополий капитала и власти.

Оторванная от Родины курдская действительность — это раненая, находящаяся при смерти действительность. Неумение стать хозяином своей Родины означает отказ от собственной истории и культуры. В результате это становится отказом от социальной формы жизнедеятельности и национального становления. Курдская социальная действительность не может быть охарактеризована без Родины, не может продолжить свою жизнедеятельность, не может избежать разложения и уничтожения.

Если даже и существует реальность такой Родины, которая переживает колониализм и геноцид, все равно нельзя отрицать существование Курдистана. Он будет существовать до тех пор, пока живет последний индивидуум из числа тех, кто связан с социальной действительностью и хочет жить в свободном и светском обществе. Будет только общая Родина, не только для курдов, но и для армян, сирийцев, туркмен, арабов и всех индивидуальностей и культур, желающих жить свободно. То, что эта Родина не будет национально-государственной, это не несчастье, а счастье. В этот раз будет Родина, которая будет характеризоваться не новыми классами, урбанизацией, враждебной для экологии, цивилизацией национального государства, а Родина, родившаяся и выросшая на заре демократической современности в колыбели Ближнего и Среднего Востока.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КУРДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Была сделана попытка концептуально обозначить курдскую действительность в связи с курдской проблемой. Возвращаясь к проблеме: не развивались фундаментальные знания о том, с какими реалиями приходится сталкиваться. В связи с данной проблемой курдскую действительность преимущественно пытались доказать в ракурсе культурно-языкового многообразия. Однако ввиду того, что курдская действительность силами официальной идеологии окружена кампаниями непризнания и уничтожения, вопрос подтверждения факта существования курдов был поставлен на повестку дня как главная проблема. Это очень отсталый и неверный взгляд на действительность. Впрочем, подтверждение факта существования действительности похоже на дискуссии о том, есть ли солнце, или

нет. Это — не что иное, как пустые разговоры и времяпровождение, льющее воду на мельницу режима колониализма и геноцида. Такие дискуссии развивали коллаборационисты из так называемых «модных курдов», в основном прошедшие через горнило ассимиляции. Под прикрытием дискуссии о курдской проблеме они, по сути, спорили о своей жизни и своих позициях.

Приступая к подобным делам, я не позволял себе стать орудием такого рода спорах. Если мне и не удавалось глубоко разобраться в том, что является правильным, то я хотя бы вступал в процесс, осознавая, что проблема должна быть озвучена не в ракурсе споров о том, существует ли проблема, или нет, а в свете понятий об освобождении и свободе. Самой серьезной причиной того, что нам удалось быстро опередить прочие раздробленные группы, искавшие истину, заключается в том, что мы основывались на этом методическом выступлении. Если метод выбран верно, то рано или поздно он приведет нас к самой реальности. Однако недостаток, которому способствовал этот метод, выразился в догматическом толковании курдской действительности. Существовали серьезные предположения по поводу того, что курдская действительность не может быть воспринята как реалии какого-либо народа или нации. Насколько верным методом является нежелание вступать в споры о действительности, настолько же недостаточным является неумение предвидеть, что вопрос «как?» может быть разнообразным, и неумение воспринимать это с подозрением.

Тезис, который я изложил на первом собрании группы во время празднования Науроза 1973 года, но который в те дни я должен был, по-моему, хранить в тайне, был выражением «Курдистан — это колония». Даже если представители двух передовых групп, отличавшихся коллаборационизмом и ассимиляторством, Кемаль Буркай и Мюмтаз Котан, утверждали, что в тот период использовали данное понятие, но я уверен, что это неправда. Если бы это было так, я не испытывал бы желания сохранить его в тайне. Позднее споры в отношении курдов начались вокруг понятия «Колония Курдистан». Большинство турецких левых только и мечтало усложнить проблему, говоря о том, что «вся Турция — это колония или полуколония». С моей точки зрения, революционность курдов доказана тем, что Махир Чаян, Дениз Гезмиш и Ибрагим Кайпакая вместе с това-

рищами произнесли это понятие ценою своих жизней. Дело было в проблеме освобождения от существующего статуса и в свободе. В этом плане была верным началом теория Курдистана — колонии.

Рационализм и эмперизм также подчеркнули свою действенность, как два основных метода исследования курдской действительности. Рационалисты внушили себе, что придут своей цели путем подтверждения факта существования курдов. Осторожная буржуазная интеллигенция была уверена в том, что достигнет своих целей, создавая кружки, издавая журналы и партийное движение, которое и палец о палец не ударит. Они ожидали, что логика современного капитализма однажды сыграет в их пользу. Те, кто оставался в рамках узкого экспериментаторства, гораздо больше надеялись на взрыв мятежных чувств. Революционная молодежь именно в этом вопросе ощутила требования конъюнктуры. Несомненно, военный переворот 12 сентября без особых трудов выявил силу истины и решимость обоих слоев, перекрыв им воздух, толкая к капитуляции и осуществляя их убийство. По сути, те, кто не оторвался от системы, двигались по пути капитуляции, а те, кто не оставляет поиски вне системы, устремились в более глубокие поиски истины и сильной воли.

Мои поиски истины в отношении переворота 12 сентября и мои стремления, направленные на усиление собственной воли, резко отличались от двух указанных тенденций. У меня был определенный рационализм. Нельзя преуменьшить и мои волевые усилия. Я осознал свое отличие позднее, когда окинул себя более пристальным взглядом. Мое отличие заключается в том, что взаимосвязь между теорией и практикой существует не на словах, а на деле. То, что я начал свой путь, поставив слово и дело на прочные рельсы теоретических и практических реалий, дало возможность осуществить и акцию 15 августа 1984 года, и слова о мире в 1993 г. Мое следование по тому же пути привело к формированию практики демократических решений во время проведения процессов в Имрали и осознанию демократической современности.

Курды, как народ и нация, впервые в истории взошли на наиболее развитую ступень сознания. Речь в данном случае идет о той ступени, когда мировоззрение превосходит границы взглядов элитной группы или партии, причем независимо от того, достаточно этого или нет. Основная масса народа достигла осознания своей действительности

в качестве народа и нации. Я говорю о нации или народе, у которого есть национальное самосознание. Нация как понятие выражает определенное состояние мировоззрения, реализовавшееся у курдов. Но то же обстоятельство мы не можем применить в отношении воплощения мышления. Поскольку нельзя прожить одним лишь чистым мышлением, воплощение — это очень важный момент реализации, следовательно, выражает или будет выражать состояние истины.

Я уже назвал неолитическую культуру величавой эпохой протокурдов. В условиях центральной системы цивилизации до капиталистического модерна выступила сильная курдская действительность протокурдов. Сообщества, видевшие правителей от древних союзов племен до различных имперских опытов, овладели формой обновления народности, в частности при помощи системы верований Зороастра. Первобытные курдские формации были не отсталыми, а весьма передовыми для своего времени. Хотя средневековый ислам исказил эти формы, курды улучшили свои родоплеменные структуры, причем как с точки зрения мировоззрения, так и с точки зрения воплощения. Каждый род и каждое племя, приняв ислам, по-прежнему оставалось курдским. Более того, все конфессии соответствовали определенным классовым реалиям. Народ или народность — это первый шаг превращения этнического сообщества в классовое общество путем внутренней дифференциации. Родоплеменные институты по-прежнему существовали, но уже стали открытыми для зарождения в их недрах классовых образований.

Этнические реалии тесно сосуществовали с классовыми реалиями. Монотеистические религии в какой-то степени представляли собой идеологические формы, покровы этой сопряженной действительности. Независимо от формы их существования и удельные княжества, и сюзерены имперской системы, высшие слои родоплеменных сообществ становились классами, образующими очаги власти. Они называли самих себя династией правящих кругов.

В Средние века проблемой всего родоплеменного института как власти было формирование своего централизованного царства. Эта тоска проходит красной нитью во всем наследии Ахмеде Хани. Курды с некоторой завистью смотрели на зарождение централизованных царств (султанатов) у арабов, персов и тюрок. Считалось, что если бы у курдов тоже сформировалось такое царство, то никто бы

не смог препятствовать и это позволило бы решить все проблемы. Такого рода проблема возникала в средневековой курдской родоплеменной действительности. Она была выражением динамизма и нарастающим потенциалом. Мы уже подчеркивали, что неимущие народные массы, отделявшиеся от родов и племен, стали называться «курманджи», так, как у арабов — бедуины, у тюрок — туркмены, в Иране — аджеми. Категория «курманджи» — это народная прослойка, которая поддерживала свое существование сначала в сельской местности, затем в процессе урбанизации их число стало увеличиваться, они жили, продавая или сдавая в аренду свой труд. Они сформировали оплачиваемую, нанимаемую нижнюю прослойку классового расслоения, своего рода пролетарскую массу. В частности, оказавшись в состоянии наемных работников, они назывались также трудящимися или рабочими. В условиях современного капитализма этот процесс будет ускоряться. Параллельно формированию нации происходил поворот от родоплеменной к национальной культуре. Ближе к этапу формирования нации уже существовала такая атмосфера материальной и духовной культуры.

Говорят, что нацию рождает рынок. Но это взгляд, выражающий способ формирования буржуазной нации; это одна из ошибочных социалистических концепций по поводу нации. В условиях современного капитализма действуют два основных различных метода формирования нации. Первый метод заключается в действиях на основе господства над рынком; для этого полностью полагаются на лозунг о национальном рынке, ликвидировав все феодальные пережитки (систему княжеств), преследуя цель увеличения доли прибыли. Поскольку национализм, защищаемый буржуазией, на первых порах частично выражал общие интересы всех слоев, этот метод национального становления считался элементом развития общества. Организация власти и капитала в масштабе нации поддерживалась всеми силами национального государства, усиливая обе прослойки. Такого рода национализм постепенно передает свои функции изначально существовавшему становлению нации. Национализм становится идеологическим инструментом угнетения и эксплуатации рынка, а также наемных работников, мелких производителей, торговцев и ремесленников. Второй метод становления нации — это демократический национализм трудящихся слоев, направлен-

вой против внешних и внутренних сил власти и капитала. Такого рода национализм старался оказывать влияние как идеологическое течение и практическое воздействие. Это влияние лежит в основе таких явлений, как европейские демократии. Понятие буржуазной демократии ошибочно, более того, не может быть буржуазной демократии, и вообще не может быть демократии как формы государства. Ситуация, сложившаяся в Европе, выражает соглашение, выработанное в результате правовой борьбы трудящихся слоев с монополиями власти и капитала. Национальные процессы в курдской действительности, как и во всем Ближнем и Среднем Востоке, уже перестали обуславливаться внутренней динамикой, становясь следствием проникания в регион сил западной капиталистической гегемонии. Этот процесс, набравший обороты в начале XIX века, искажил все процессы становления наций. Процессы становления наций в границах Османской империи старались сформировать при помощи поддержки гегемонистских сил. Определяющим критерием были интересы системы. В угоду этим интересам осуществлялось формирование или подавление наций, более того, проводилось их полное уничтожение. Османская империя долгое время сопротивлялась процессу становления наций, пытаясь продлить свое существование искусственными методами их формирования. Османизм, панисламизм и пантюркизм стали поочередно испытываемыми методами. Наряду с безрезультативностью этих методов и рождением множества национальных государств, соответствующих интересам гегемонистских сил, оставалась почва, благоприятная для формирования анатолийской нации. Процесс, называемый национально-освободительной борьбой и торжеством республиканской нации, стал выражением этой действительности. Мы уже говорили о тенденции, которую пытаются рекламировать как кемализм. Вместо повторения было бы гораздо лучше оценить это в связи с процессами формирования курдской, турецкой, еврейской и арабской наций.

Национальное становление Анатолии воплотилось в освободительном движении под предводительством Мустафы Кемаля. В этом есть доля истины. Сначала оно базировалось на восстании против гегемонистских сил. Курдский и еврейский элементы сыграли определяющую роль в этом движении. Курдская знать и землевладельцы вместе с еврейскими капиталистами и элитными

кругами заключили союз с турецкими бюрократическими националистическими элементами. Христиане остались вне данного союза, и в большинстве своем они были в роли мишеней. Данный союз зиждется на этапах создания организации «Единение и прогресс» и относится к годам Первой мировой войны. Во время национально-освободительной войны (1919–1922 гг.) упомянутый процесс продолжался в суженном варианте. Несмотря на некоторые сомнения, курдская интеллигенция и знать в большинстве своем поддерживали названный союз. Открытым отражением этого союза стали протокол в Амасии, съезды в Эрзеруме и Сивасе, первая сессия ВНСТ. Союз укрепился с выходом закона о курдских реформах, опубликованного 10 марта 1922 года. Подписание Лозаннского соглашения и провозглашение республики привели к новому этапу. Противоречия Мосул — Киркук, продолжившиеся при англичанах, старались завершить имевшим крайне трагические последствия соглашением, определенно направленным против курдов. Соглашение, подписанное в Анкаре с французами, хотя и имело частично антикурдскую направленность (помимо этого, ущемляло также интересы сирийских туркмен), что было обусловлено Мисак-и Милли, но масштаб трагедии не обрело. Незначительная часть Курдистана была оставлена Франции. Но, с точки зрения отрицательного влияния на курдскую действительность, заслуживает особого внимания.

Разделение Курдистана с целью образования Ирака — открытое нарушение Национального пакта. Это событие привело к серьезным последствиям как в ВНСТ, так и среди самих курдов. Договор, заключенный с англичанами 5 июня 1926 года, несет в себе множество элементов, которые и по сей день остаются тайной. Необходимо рассматривать его как начало геноцида курдов. Известно, что Мустафа Кемаль испытывал в этом плане серьезные трудности, и ему было крайне тяжело отчитаться. Известно также, что этот договор просто подложил мину под исторически сложившееся согласие между курдами и турками. Восстание под предводительством Шейха Саида в 1925 году было, по сути, и спровоцировано с целью скрыть это историческое предательство, и было подавлено с совершенно бессмысленной крайней жестокостью. В этом смысле 1925 год можно назвать началом не только восстания, но, в сущности, началом заговора, предательства и геноцида. Определяющую роль здесь сы-

ли английская дипломатия и еврейский элемент. Известно, что Фетхи Окийяр в этот период заявил, что «руки не приложит к геноциду курдов», за что был смещен с поста премьер-министра. На этот пост был назначен Исмет Иненю. Фетхи Окийяр — самый надежный друг Мустафы Кемалья, они были знакомы с самого детства. Когда стало ясно, что опыт Окийяра в плане создания либеральной партии оказался удачным, он опять же был смещен Исметом Иненю. Ясно, что в эти годы ликвидированы не только левое течение и исламский элемент, но и курды подверглись самому настоящему уничтожению. Более того, были полностью лишены влияния М. Кемаль и его команда. Так образовалась не демократическая республика, какой она должна была быть, а диктаторская система уничтожения.

Для того чтобы правильно понять современные курдские и турецкие реалии и существующие между ними связи, необходимо глубоко проанализировать процесс заговора 1925 года. Образ «Ата-турка — отца турок», с которым официальная позиция связывала себя, гегемонистскими средствами насаждался всеми каналами интеллектуального восприятия в Турции. Этот имидж был гораздо более доминирующим по отношению к очень сильному исламскому мышлению. Данное мышление, выражающееся как светская турецкая нация, однозначно стало новой религией. Лаицизм и турецкая национальная идея создавались как позитивистская религия. Ближайший пример относится к Франции эпохи Третьей Французской революции (1880 г.), и турецкая национальная идея использовала его пример как модель для своего развития. Гораздо важнее, что в процессе создания этой светской нации влияние оказывали не только турецкий национализм, но и еврейский национализм — сионизм. Более того, еврейский национализм-«сионизм» играл передовую роль во внешней политике, в армии и экономике. Значение данной роли стало самой закрытой темой современной турецкой историографии. Задолго до создания Израиля сионистский национализм под маской турецкого национализма «белых» турок утвердил свои позиции и начал действовать в Анатолии. Это и есть прото-Израиль.

«Белый» турецкий национализм — продолжение обеих разновидностей национализма под жестким диктаторским режимом. Речь идет здесь о том, что на базе заговоров было ликвидировано левое движение, исламский и курдский элементы, которые во вре-

мя Первой мировой войны являлись союзниками в сфере экономики, внешней и внутренней политики и культуры. Заговор осуществлялся жесточайшими методами. Целью заговора являлись курды, восстание было спровоцировано (убийство двух аскеров во время стычки, имевшей место после отправления небольшой группы жандармерии против Шейха Саида в уезде Диджле являлось полнейшей провокацией), и в результате применения методов дошедших в итоге до геноцида, курды были выдворены за пределы системы и признаны «несуществующими». Четыре генерала и группы М. Кемаля (имеется в виду группа из пяти мятежных генералов) посредством различных игр были исключены из элиты власти, оставленный в одиночестве М. Кемаль — поставлен лицом к лицу с курдами (как уже упоминалось ближайший товарищ М. Кемаля, Фатхи Окйяр, отправлен в отставку с поста премьер-министра после высказывания о том, что «не собирается участвовать в истреблении курдов»). Затем одним из актов этого спектакля стало Измирское покушение, и таким образом, статус М. Кемаля был низложен до уровня символической личности. Те же игры были разыграны и при ликвидации левого движения и исламских сил. Казалось бы, двумя определяющими силами в данном случае были премьер-министр Исмет Инёню и начальник генерального штаба Февзи Чакмак. Однако и за их спинами стояла английская гегемония периода, по-настоящему производившего, формировавшего и продолжавшего новый режим, а также капиталистические группы, существовавшие в его структуре. Еврейский капитал (не весь), являющийся одной из этих групп, находился в поисках земли для евреев. Для того чтобы создать на земле Палестины еврейское государство вначале пытались использовать Абдулгамид, но поскольку его действия не в полной мере соответствовали ожиданиям, 9 марта под предлогом контрпереворота (провокации) Абдулгамид был низложен, и страна вступила в Первую мировую войну. С использованием всех возможностей, обусловленных условиями войны, был осуществлен геноцид армян, началась национально-освободительная война, было обеспечено практическое преимущество, уничтожались оставшиеся понтийские греки. Далее восторжествовал заговор 1925 года, ознаменовавшийся происходившим параллельно ликвидации левого движения и исламских

союзников уничтожением курдов, которые в годы войны и после нее были стратегическими союзниками турок.

В 1925 г. М. Кемаль не находился на пике своего могущества, как это принято считать. Напротив, он был доведен до уровня символической силы, вознесен до уровня новой священной религии и сослан в Чанкаля, чтобы там ему поклонялись, как иконе. Самым заметным впечатлением заговора стало следующее: посчитав, в частности, курдское восстание поводом, власти противопоставили революционной пути освободительной войны (демократическая республика, Конституция 1921 г.) самого М. Кемалья, до конца жизни являвшегося лидером восстания или войны. Так был победно завершён первый этап. Проблема в этом смысле заключается не в том, чтобы преувеличить или принизить заслуги М. Кемалья Ататюрка, а в определении его реального места в истории, чтобы тем самым подчеркнуть роль личности, дистанцировав его от мифологического образа.

Оценивая процесс 1925—40 гг., следует хорошо понимать, что Великобритания была мировым гегемоном, который не проиграл в национально-освободительной войне, а всего лишь открыл другую страницу, сделав это в угоду интересам системы. Республика создавалась не в противовес Англии, напротив, она была создана при определяющей поддержке Лондона. При этом преследовались две цели: первая заключалась в том, чтобы держать Турцию в качестве стратегического баланса на южных границах Советского Союза, который в те времена мечтал и стремился к мировой революции. Вторая цель заключалась в том, чтобы удержать новое турецкое национальное государство в узких границах, которые не могли бы стать помехой для самой Англии. Лозаннское соглашение стало итогом такого подхода. Все остальное — пропаганда легкой победы. Англия неустанно контролировала турецкий республиканский строй, реализуя этот контроль при помощи прото-Израиля. Только глупая мелкобуржуазная интеллигенция может говорить об «абсолютно независимой республике» в таком гегемонистском мире. В то время нельзя было думать о полной независимости, причем не только в Анатолии, но и в любой другой точке мира. Гегемонистский характер центральной системы цивилизации, насчитывавший более пяти тысячелетий, только в условиях капиталистической современности дошел до максимума. Независимость в специфических условиях

может реализоваться только относительно. М. Кемаль Ататюрк, оценив эти условия (баланс сил между Англией и Россией), стараясь в меру своих сил продолжить политику независимости.

Без идеи прото-Израиля невозможно понять ни создание, ни существование Турецкой Республики. Но для того чтобы эти два мелких национальных государства были созданы и могли продолжить свое существование, ощущалась потребность в «других». Это были курды. В восприятии курдов как цели усматриваются и интересы Англии. Турецко-курдская республика, охватившая также регион Мосул—Киркук (в соответствии с Национальным пактом), была бы очень опасна в том смысле, что иракская нефть могла бы принадлежать ей. М. Кемаль Ататюрк должен был остановить свой выбор на одной из двух составных частей дилеммы — или республика, или Мосул—Киркук. Получить обе сразу было не возможно. Преследование обеих целей означало войну с мировым гегемоном. М. Кемаль был настолько реалистом, чтобы не допустить такой войны. Именно в этой точке история делает шаг в сторону процесса, который в наше время дойдет до великой курдской трагедии, заговора и геноцида. У организаторов курдской трагедии была следующая цель: чтобы выжила республика, нужно было оставить Мосул—Киркук Англии. Но оставление Мосул—Киркука — это было выстрел в сердце курдов. Прото-Израиль в образе Турецкой Республики и английская гегемония искали жертву для реализации своих священных целей, и этой жертвой стали курды. Но страшнее всего то, что эта современная курдская трагедия, которая была начата в 1925 г., усугубившись, без каких-либо остановок дошла до наших дней.

При президентстве Исмета Иненю курдскую действительность как будто залили толстым слоем бетона. Со второй половины XX века данные реалии самым безответственным образом внедрялись в сознание людей. Это охранялось как одно из табу руководства Турецкой Республики, став «красной нитью» его политики. Национальный аспект курдской действительности был перепахан, еще не зазеленев. Им было недостаточно деления курдов на четыре региона: в каждой из частей применялись политические методы один хуже другого, способные полностью лишить народ идентичности. Было бы наиболее верным считать, что курдская национальная действительность испытала волну геноцида после 1925 года. Тезис о колониализме в

нином случае является недостаточным. Конечно же, применялись не только все аспекты колониализма, но и практика, преследовавшая цель полного уничтожения курдской идентичности, что вышло за рамки обычного колониализма. Это и называется геноцидом.

Если о курдской действительности после 70-х годов можно говорить, с одной стороны, в связи с проблемой свободы, то, с другой стороны, она несет в себе существенный недостаток. Это онтологическая проблема существования курдов. Первостепенным вопросом любой действительности, находящейся на грани жизни и смерти, является не свобода, а, прежде всего, проблема сохранения жизни и, по мере возможности, обретение свободы. Не может быть свободы у того, у кого нет жизни. О свободе можно говорить только при наличии жизни. Именно в этом заключается специфика современной курдской действительности. В отличие от геноцида армян и относительно недавнего Холокоста евреев (на первом плане в обоих случаях было физическое уничтожение) во время осуществления курдского геноцида на первом плане стоит культурный аспект — отчуждение от собственной идентичности). Национально-культурная группа, утратившая свое самосознание прошла через геноцид, независимо от того, было ли это физическое истребление или уничтожение мышления. В силу того, что курдский народ разделен на четыре части и в отношении каждой из частей применяются различные методы ликвидации, сам процесс геноцида осуществлялся в различных формах, причем каждая часть курдского народа пережила свою долю геноцида. Из-за характера геноцида, применяемого в отношении к курдам, этот процесс все еще продолжается по сей день. В этом смысле курдская действительность, оказавшаяся лицом к лицу с агрессией, колониализмом, ассимиляцией и истреблением, должна рассматриваться в сфере именно данного процесса: это действительность, которую пытаются оторвать от своей национальной идентичности!

В наше время курдскую действительность стараются представить как курдскую идентичность. Выражение «идентичность» идентично понятию «существование». В этом смысле основной вопрос, который следовало бы рассмотреть, имеет отношение к характеру курдской идентичности. Формирование курдской действительности и, говоря реально, курдской идентичности, станет ясным только после

всесторонней оценки того, что специфическими методами хоти сделать «настоящее» время так же, как и долгое историческое прошлое, или хотят лишить самобытности. Истина обретет ценность только тогда. Насколько значительными были исторические поиски, связанные с курдами или протокурдами, настолько же значимо осознание того, перед лицом каких практических действий стоит современная курдская деятельность. Не буду повторяться, поскольку уже старался осветить вопрос связи между историей и сегодняшним днем. Но следует хорошо помнить, что до тех пор, пока действительность не будет изучена в ракурсе истории, ни одно социальное явление не сможет быть осознано только лишь современным аналитическими методами. Более того, изучение вне исторического аспекта приведет к крайне недостаточному и ошибочному отражению социальной действительности. Именно поэтому мы изучаем социальные реалии, только имея в виду историзм.

Я считаю, что мы провели очень содержательный исторический поиск, пусть и в виде схемы. Постараемся с помощью аналитического метода изучить курдскую действительность или, иными словами, идентичность по состоянию на сегодняшний день, то есть современность.

А. Современная курдская идентичность под гегемонией турецких властей, финансовых монополий и их союзников

В данном историческом экскурсе мы также увидели, что после падения традиционной османской монополии власти и капитала организация «Единение и прогресс», сформировавшаяся в рамках бюрократической традиции, став элитным звеном, сыграв роль субъекта, посредством различных переворотов и заговоров в период II Конституции, в марте 1909 г. и 1 января 1913 г., во время Первой мировой войны в 1914–1918 гг. и, наконец, во время национально-освободительной войны 1919–1922 гг. и в качестве наиболее организованной бюрократической буржуазии просто аннексировали монополию власти. Иттихадисты накладывают свой как идеологический, так и экономический отпечаток на монополистическую гегемонию. С 1923 года они аннексируют управление республикой. На базе «белого» тюркизма, возникшего вокруг механизма власти при помощи искусственно созданной тюркской национальной иде-

ологии, иттихадисты, уничтожали присущими им заговорщически-ми методами социалистов, представителей исламской уммы и курдские национальные силы, бывшие основными союзниками турок во время национально-освободительной войны. В итоге была создана «олигархическая диктатура», продолжающаяся по настоящее время. Эта внутренняя гегемонистская диктатура играет свою роль как контролем и перспективными планами Англии, возглавлявшей в то время внешние мировые гегемоны. В частности, возведя в ранг символа фигуру М. Кемалю Ататюрка (независимую национальную личность), при помощи очень жестких мер лишив его реальной власти, под именем ататюркизма или, время от времени, кемализма, при помощи фашистской идеологической идентичности (этнически-искусственного тюркизма), что во много раз тяжелее средневекового фанатизма, осуществляла ассимиляцию и истребление всех национальных и социальных культур в пределах своих границ. В плане экономики режим, используя методы государственного монополизма, до осуществления эксплуатировал общество. Несмотря на очень жесткую внутреннюю конкуренцию и войны, монополии, находящиеся в гегемонистских отношениях (подобно идеологии, экономики и власти), выступали единым фронтом при эксплуатации и ликвидации национальных культур как в материальном, так и духовном аспектах. В основном «белая» турецкая клика до начала 2000-х годов продолжает диктатуру, построенную посредством заговоров, переворотов и террористическими методами, используемыми турецкой структурой тайной натовской организации «Гладио».

Гегемонистская структура, созданная в Анатолии после Первой мировой войны, не похожа ни на какую структуру. На первый взгляд это очень жесткий тюркистский суверенитет, по сути же, имеет место система, реализуемая манипуляциями очень узкой заговорщической группы. Этот режим не имеет особого отношения к монархиям, республикам и демократиям, которые являются государственными системами. Это — специфическая деспотия. У нее есть тайный механизм, реализуемый при помощи фальсификаций. Несомненно, в данном случае присутствует определяющая роль буржуализации турецкой бюрократии, прото-Израиля, которые истребляли армян, ассирийцев, понтийских греков и другие эллинистические христианские народы, а также продолжают деятельность

по истреблению курдов. Этот режим, прибегающий ко всем мерам вплоть до геноцида, не может продолжаться открыто и законными методами. Тайны, которой окутан современный интеллектуальный геноцид курдов, достаточно, чтобы раскрыть истинное лицо режима. Но никто не осмеливается раскрыть это. Но критика и протесты приводят к бесчисленным жертвам, которые считаются «без вести пропавшими». Возможно, более всего в мире этому образованию нужна именно прозрачность.

У этой системы, которую можно назвать «белым» турецким фашизмом, есть особенность, проявляющаяся в том, что она основывает другие системы. Хуже всего то, что подавляющее большинство тех, кто играет роли в системе или является ее инструментом, не знает, чему служит. Редко кто может осознать смысл своей роли это те, кто интересуется системой извне. Тщательно прочитав воспоминания пяти известных мятежных генералов во главе с генералом М. Кемалем, мы заметим, что, увидев организованное противостояние, они ощутили гнев и беспокойство, совершенно не соответствующие тому произведению, которое они хотели создать. Не страшнее всего то, что «белый» турецкий фашизм не имеет ничего общего с тюркизмом, этноним которого он присвоил себе, хотя подавляющее большинство турецкого общества не знает об этом, пребывая в состоянии глубокого невежества. Эти реалии, должно быть, хорошо отражает выражение «тупые турки» (выражение использованное во время Османской империи). Схожие аргументы были всех властей на протяжении всей истории, но ни один из них не может сравниться с аргументами, фигурирующими в образовании власти в Анатолии, и непоходит на них.

США, перенявшие в системе гегемонистское лидерство после Второй мировой войны, еще больше влияя на «белый» турецкий фашизм, продолжили контролировать Турецкую Республику. Известно, что группа офицеров, которая позднее, 27 мая, совершила переворот, проходила обучение на базе организации «Гладио» в 1948 г. и 1950 г., и была использована в определении курса системы. Известно также и то, что ранее, в 40-е гг. Англия с той же целью использовала в военных действиях группу турецких летчиков. В частности, Альпарслан Тюркеш и его группа, вышедшие из числа тех офицеров, после 60-х гг. осуществляли террор левых движений

судящихся масс. Следует знать, что если в данном отношении у нас и были связи с «белым» турецким фашизмом, то различные вероисповедные группы постоянно находятся в действии. Это — расистски настроенные турецкие фашисты, антисемиты по убеждениям, действующие в одном направлении с гитлеризмом. Данные слои, которые можно было бы назвать «черным» турецким фашизмом, пытались оживить протоизраильские ценности в Анатолии, хотели создать там чисто тюркскую турецкую гегемонистскую систему. Указанные слои не смогли еще раз полностью использовать систему, выработанную во время Первой мировой войны и впервые примененную против армян. Частично, и то в соответствии с потребностями «белого» турецкого фашизма, они присоединились к действующей структуре. В частности, пренебрегая всеми законами, их использовали в крайне жестких заговорах против демократических и социалистических движений Турции. Но стоит обратить внимание на следующую странность: во время уничтожения курдской идентичности левые движения национально-государственного толка и демократические структуры, за некоторым исключением, не преминули влиться в ряды головных формирований «белого» турецкого фашизма. Даже не зная о том, как они были использованы империалистами, против которых они выступали!

Те, кто грезит идеей создания «чистой расы», свято верят, что при необходимости они могут, вновь завоевав Анатолию (включая и Курдистан), создать тюркское национальное государство, основанное на более узкой этнической базе. Противоречия существуют в них с многочисленными национальными меньшинствами или сторонниками Израиля. Но прекрасно зная, что, не будь Израиля (как внутренних, так и внешних сил), не удалось бы этого сделать, они открыто не выражают своих убеждений. Причина существования такой партии заключается в том, что они представляют собой наиболее расистский тюркский национализм и национально-государственное мировоззрение. Политика и «белого», и «черного» турецкого фашизма в отношении курдской идентичности — это полное уничтожение, или физическое, или культурное, это лишение курдов собственной идентичности. Если «белые» турки считают допустимым признавать турками всех, кто считает себя таковыми, то «черные» (можно назвать их также турками из движения «Серые

волки») не слишком согласны с таким мнением. Вместо этого они стремятся к чистоте расы. Основная их цель заключается в том, чтобы рано или поздно устранить курдов путем физического истребления. «Черные» турки, которых гегемонистские силы использовали для ликвидации демократических и социалистических движений, сегодня уже не так популярны, как раньше.

То, что переворот 12 сентября освоил тюрко-исламский синтез, способствовало появлению на арене третьего поколения фашистского фашизма, которое можно было бы назвать «зеленым» турецким фашизмом, стал развиваться с 70-х гг., когда США сочли их более приемлемыми в сравнении с расистским национализмом и оказали поддержку в целях предотвращения процесса распространения Советского Союза на Ближний и Средний Восток, изгнания Советской России из Афганистана, вовлечения его в круг проблем Ближнего и Среднего Востока и предотвращения процесса примыкания исламских государств к странам демократии и социализма. Исламистское движение преимущественно возникло на почве услуг силам английской гегемонии. Это движение не является независимым от капиталистической современности. Не такое уж национальное и свободолюбивое, как это принято считать. Это движение получило свое развитие как одна из версий капиталистического национализма. Основная цель — это противодействие процессам демократизации и социализации обществ, в которых широко распространена исламская культура, это интеграция исламской культуры в капитализм. Это движение состоит в числе тех средств, которые в этих целях используют все гегемонистские силы.

Для того чтобы сконцентрировать в границах государства исламские элементы Османской империи и использовать их против английской гегемонии, прежде всего стали развивать панисламизм при германской поддержке. Англия ответила на это развитием ваххабизма в арабском мире. Исламизм стал использоваться для увеличения доли всех соглашателей и гегемонистских сил, на заре зарождения ислама эксплуатировавших его культуру. Ислам присоединяется к капиталистической гегемонии в виде религиозного национализма. Необходимо отделить мусульман-патриотов от политических исламистов. Наконец, появились такого рода антигегемонистски настроенные лидеры. Ясно, что неоднородный характер исламской

структуры способствует различным стратегиям в классовых и социальных ситуациях. Во время национально-освободительной войны курдисты продемонстрировали антигегемонистский характер. Патристические исламские движения уничтожались силами «белого» турецкого фашизма — как социалисты и курдские патриоты. Патристическим исламским силам не было бы места в одном государстве вместе с «белыми» турецкими заговорщиками. Они не смогли сосуществовать с жестким лаицизмом (светская религиозность). Именно поэтому их заставили замолчать. Политический исламизм под гегемонистским предводительством США стал вновь оживать, как и другие антикоммунистические движения. Это течение, как и радикальный турецкий фашизм, сформировалось в партийную структуру после 60-х гг., когда демократическое и социалистическое движение значительно окрепло. Несмотря на противоречия с другими фашистскими ответвлениями, всех их объединяла главная цель. Они тоже стали укреплять свою близость к власти с 1970-х гг.

В данном случае имеет место открытое влияние подъема революционного движения. Ввод советских войск в Афганистан и шиитская революция в Иране способствовали тому, что политический ислам обрел значение, позволившее заключить союз после военного переворота 12 сентября 1980 года. И разрушение гегемонии Советского Союза, и установление барьера перед иранской революцией срочно требовали создания исламского движения. Ясно, что для такой модели в Турции подбирались группа из тех элементов, которые считались более умеренными, нежели движение Неджметтина Эрбакана (национальный взгляд, цель создания национальной турецкой буржуазии), пользовавшееся репутацией очень радикального. Подбирались также отдельные граждане из различных общин единоверцев, и так была подготовлена группа, поддерживающая правящие круги. Именно это пытались сделать руками Кургута Озала. Вслед за физическим и политическим устранением Кургута Озала, причины чего, кстати, по сей день остаются тайной, и лишением Неджметтина Эрбакана поста премьер-министра 28 февраля 1997 года, проводились активные работы по созданию модели, впоследствии позиционирующей себя как Партия справедливости и развития. Выход ПСР на политическую арену состоялся уже в 2001 году, как это принято считать; ее корни уходят в глубь, как

минимум к перевороту 12 сентября. Появление проекта «Большой Ближний Восток» при администрации президента США Дж. Буша вторжения в Афганистан и Ирак способствовали тому, что проект умеренного исламизма в Турции обрел характер альтернативы. «Белый» турецкий фашизм в силу своего лаицизма и устарелости изолировался от масс. Более того, он оказался изоляционистским, не будучи особо открыт для мирового капитализма. Поскольку администрации США не противостояло серьезное социалистическое демократическое движение, у них не было большой необходимости в расистском фашизме. Но важнее всего продолжение деятельности курдского демократического национально-освободительного движения, причем как на всей территории Курдистана, так и в той части Курдистана, которая находится под властью Турции. И так окинув взглядом изолированное положение фашистской идеологии «белого» и расистского тонов, мы сразу же видим, что они нуждались в «зеленой» фашистской турецкой элите.

В данном случае большое влияние оказала роль исламской культуры в курдской национальной идентичности. На протяжении столетий сектантские тенденции в курдском обществе обладали большим влиянием. Это превратило выбор, сделанный в пользу «зеленого» турецкого фашизма, в применимый аргумент. Представители двух других фашистских течений в армии и политических партиях (в первую очередь, в НРП и ПНД) активно выступили против упомянутого внутреннего перемещения центра власти. С 2001 года по 2007 год ими сделаны четыре попытки переворотов. Но отсутствие поддержки со стороны США и ЕС не дало возможности достичь успеха. Более того, позиция ПСР как активного сторонника мирового финансового капитала, способствовала тому, что она стала единственным выбором, даже превратилась во власть одной партии. Приход ПСР к власти является выражением нового гегемонистского периода в государстве. Восьмидесятилетняя «белая» турецкая гегемония потихоньку и в нездоровой форме уступала свое место в республике «зеленому» турецкому фашизму, именующему себя «умеренным исламизмом». Несомненно, данная ситуация не может означать, что ими завоевано все государство, но они уже встали на этот путь. Вместо «белого» турецкого фашизма с центром в Анкаре «зеленый» турецкий фашизм с центром в Конья и Кайсери

уверенными, но уверенными шагами стремится стать новым гегемоном республики. Уже сегодня откровенно планируется встретить в 2023 году столетие республики под этой гегемонией.

В этот период новой гегемонии турецкая идентичность не только сохранила, но и значительно укрепила свой национально-государственный характер идеологическими механизмами суннитского ислама. Настоящую национальную проблему пережили курды. Конфликт, заключенный между одним из направлений армии и новой гегемонистской силой, возник на почве веры в то, что исламские идеологические механизмы сыграют важную роль в подавлении и ликвидации курдской идентичности. Обнуление двух прочих фашистских идеологических механизмов стало влиятельным тогда, когда новый командный состав армии убедился в этом. Во время переворота 12 сентября командование тоже обладало аналогичной тенденцией, и органическая связь между ними раскрылась. Еще одно важное обстоятельство заключается в связи, существующей между новой гегемонистской силой и еврейским капиталом с его идеологическими версиями. Умеренная исламистская структура новой гегемонистской силы, а также взаимоотношения с аналогичными исламскими силами и властями неизбежно должны были вступить в противоречие с израильским сионизмом (жесткий национализм). Однако эта ситуация отнюдь не говорит об отсутствии у ПСР связи с еврейским капиталом и прочими идеологическими механизмами. Напротив, у ПСР самые тесные связи с несионистским единым, всемирным финансовым крылом еврейского капитала и универсалистской караимской иудейской идеологией; точнее, вместо сионистского крыла предлагается в более сильной форме это крыло. ПСР гораздо более, нежели «белая» фашистская и расистская партия Турции, является представителем, агентом универсалистского еврейского капитала и идеологического механизма в Анатолии, во всей Турецкой Республике.

Не стоит забывать о том, что такого рода еврейский капитал и идеологический механизм стоят во главе основных сил, которые на протяжении последних четырех столетий развивают гегемонию современного капитализма. Они сыграли определяющую роль в формировании сотен государственных властей и финансовых монополий, стало быть, в возникновении столкновений и войн. Не-

рационально было бы предполагать, что сила, обладающая столь серьезным идеологическим и экономическим влиянием в мировой гегемонии современного капитализма, вдруг может утратить свое влияние на процесс формирования власти и современности в Анатолии и Месопотамии, на том географическом пространстве, которое считает наиболее стратегически важным. Подобно тому, как в период создания республики он построил светски-националистическое национальное государство и посчитал, что эта современная модель наиболее соответствует его интересам (прото-Израиль, закрытое государственное образование, созданное как противоположность советской гегемонии и изолированное от региона), так и в 2000-е гг. с теми же целями, но совершенно противоположными средствами он приступил к регулированию гегемонистской силы (имеется в виду реорганизованное тюркистски-суннитское национальное государство Турецкая Республика, границы которого открываются для внешнего мира, но само государство все больше вмешивается в дела региона и сливается воедино с мировым капиталом). Надо очень хорошо знать следующее: при учреждении этой новой гегемонии мировая гегемонистская сила сыграла определяющую роль.

Для ликвидации курдской идентичности в период этой новой гегемонии испытывались и должны были испытываться методы нового заговора. Первые репетиции откровенно проведены под именем турецкого «Хизбуллаха» в 1990-е гг. (формирование, которое народ Курдистана называет «Хизбул-контра»). Как откровенно высказался основатель ИТЕМ (организация по сбору информации и борьбе с терроризмом, созданная вне закона) полковник Ариф Доган, «Хизбул-контра» — это созданное ими формирование. Всем известно, что данное формирование сыграло значительную роль в убийстве более чем десяти тысяч человек при обстоятельствах, до сих пор считающихся неизвестными. После этого уже в период правления ПСР начался второй этап. Если основная ликвидаторская модель, которую ПСР вместе с союзниками предусмотрела для Курдистана, и средством применения этой модели является умеренный суннитский ислаимзм (союзниками стали сектантско-холдинговые силы, в частности, «зеленая контра», которую под именем Ф. Гюлена США продвигают вместо «черной контры»), то формированием, которое предусматривается вместо «Хизбул-контра» в качестве

провокационной силы, стало формирование, известное как своего рода «курдский «Хамас». Новый план ликвидации не лишил актуальности старые планы «белого» и «черного» турецкого фашизма, и носит, скорее всего, дополняющий характер, заново организует сферы, где утрачено влияние. Разделив данные области в экономическом, социальном, культурно-психологическом, военном, политическом и дипломатическом планах на пять-шесть частей по принципу «противостояния РПК и ее городскому продолжению ИК», предусматривает функционирование организации в более систематической и жесткой форме. ПСР старалась и старается усиленно реализовать протоколы, подписанные, в частности, 5 ноября 2007 года в Вашингтоне с администрацией и официальной группой командования армии США, а также протокол от 4 мая 2007 года, подписанный в Долмабахче (протокол, подписанный премьер-министром Эрдоганом и начальником генштаба армии Яшаром Буюрджанлытом, должен был вечно оставаться под грифом «секретно»). Беспрецедентные воздушные атаки которых до этого не было, стремительный обмен разведанными с США, операции против АОК, запрет деятельности ПДО, инициативы искусственной курдской буржуазии по созданию гражданского общества, нападки на Рождество, распространенные операции и аресты, имевшие место в странах ЕС, создание холдингов в каждой из провинций Курдистана, концентрация детей в губернских школах-интернатах (ГШИ) — вот серьезные примеры, ставшие признаками новой политики. Курдская действительность, курдская идентичность оказались окружены в ходе запланированной особой войны буквально во всех сферах (экономической, культурной, социальной, политической, военной, дипломатической, спортивной и пр.). Некоторые примеры так называемого «демократического прорыва» (курсы курдского языка, свобода вещания, ТРТ-6 (вещание государственного канала на курдском), раздача оргтехники и угля) реализовались с широкой пропагандистской помпезностью, дабы скрыть и замаскировать эти репрессии. Сюда же надо добавить и финансовые инвестиции, дипломатические связи и тройственные союзы в Южном Курдистане (союз Ирак—США—Турция, Сирия—Иран—Турция, дополнение внутреннего окружения внешним). Так реализовывалась скрытая и открытая война, специально развернутая, направленная на массо-

вое истребление, война наиболее глубокая в истории, охватившая все сферы жизни общества.

Монополистические образования в идеологической, социальной и экономической сферах периода новой гегемонистской внутренней власти обнаруживают серьезные отличия от образования периода зарождения. Официальная идеология периода строительства национального государства — это светский позитивизм. Тогда господствовали жестко очерченные дарвинистские взгляды. Когда было принято решение о формировании однородной культуры, считалось законным уничтожение прочих культур, в первую очередь, курдской культурной действительности, и проводилось это в соответствии с дарвинистским законом выживания сильнейшего с именем прогресса на устах. Тот же закон применялся в формировании национальных государств в Европе. Итогом стало уничтожение культур, оставшихся за пределами официальной идеологии, вплоть до массового истребления. Бюрократический характер буржуализации поставил этот биологический взгляд на грань более жестоких мер. Организаторы всех массовых истреблений в Анатолии черпали свои идеологические убеждения в этой грубой позитивистско-биологической теории. Гегемонистской силой упомянутого нового социального формирования стала бюрократическая буржуазия, воспитываемая силами государства (в процессе такого воспитания определяющую роль сыграли имущество и финансовые накопления, конфискованные у немусульман). Иначе сформировать турецкую буржуазию не представлялось возможным. Первенство было признано за созданием промышленности при помощи государственных институтов вокруг узкого в экономическом смысле закрытого внутреннего рынка. По сути, торговые, финансовые и промышленные монополии в очень тесном переплетении становились главенствующими для своего времени секторами. Германская модель капитализации, в которой преобладающая роль отведена государству, была избрана изначально и вынужденно. Монополия власти сама по себе была однопартийным олигархическим диктатом. Ясно, что в силу капиталистической эксплуатации эта структура власти неразрывно связана с фашизмом.

Главная цель национальной государственности, возведенной в сферах этих основных образований, заключалась в создании одно-

важного общества, поэтому участь, которая ожидала курдскую действительность в этой ситуации, — истребление с использованием физического и культурного геноцида. Процесс уничтожения курдов неизбежно привел к восстаниям, причем целью этого истребления стало провоцирование общества. В угоду позитивизму в это поверили. Уничтожение курдской действительности считалось процессом. Национально-государственные силы были уверены в том, что в краткие сроки справятся с ликвидацией. Конституционным выражением стала следующая статья: «Всякий, кто считает себя связанным с государством гражданскими узами, является турком». Позитивистская идеология на первый взгляд преподносит себя как явление мирское (секуляристское), действительное и научное. После религиозного и метафизического мышления, позитивистское мышление считает себя третьей и окончательной парадигмой человечества. В сущности, позитивизм, став шаблоном мышления, представлял собой более узкое, грубое и догматическое мировоззрение. Данную действительность в самой откровенной форме мы видим в определении турецкой идентичности, сформированной турецкой национально-государственной моделью, основанной на светской и национальной идеологии. Как будто удастся заставить самих себя поверить в то, что можно стать турком, сказав: «Будь турком!» — считая, что все было сформировано божьим велением. Социологическая научность, как видно на этом примере, продемонстрировала пустоту, наглядно подтвердив свой позитивистский метафизический характер. Именно это и привело к жесточайшим мерам. Даже Михал Атсыз, главный идеолог расистского национализма называл эту меру «белых» турок не иначе, как «ужасом тюркизма».

Период 1950—1980 гг. стал периодом зрелости «белого» турецкого фашизма. Но он мог продолжать свое существование только путем переговоров и переворотов. Несмотря на то, что изменения во внешней гегемонистской силе (США заняли место Англии) диктовали различные меры (многопартийный парламентский демократизм, открытость для либерального капитализма, частичные уступки лавизма), олигархическая фашистская диктатура продолжала свое существование, сохраняя свою структуру. Жесткие социальные и классовые столкновения не дали никаких результатов. Итогом стал военный переворот 12 сентября. Переворот, внедренный в рамках

внутренней и внешней конъюнктуры (иранская революция в Ближнем и Среднем Востоке, нарушение внешнего баланса вследствие введения войск Советского Союза в Афганистан, внутренний баланс, осложненный неумением остановить подъем внутренней революционной борьбы), в историческом плане совпал с процессом распада системы «белого» турецкого фашизма, и переворот преследовал цель предотвращения этого распада. Для этого вместо светской политики построения нации в идеологическом плане был взят за основу тюрко-исламский национализм, а в экономическом — сделан шаг от замкнутости к слиянию с мировыми монополиями, совершен переход от буржуазии с преобладающим весом бюрократии к первенству частного капитала, а что касается сферы политики и власти, то здесь утверждён принцип военной диктатуры. Конституция 12 сентября 1980 года, обеспечивающая такого рода организацию, была принята под давлением силы. «Опекунический» режим периода распада продолжался преимущественно до периода деятельности последнего кабинета министров Бюлент Эджевита (1999–2002 гг.) и поддерживался при помощи системы гражданской войны. Если в отношении турецкого общества активно применялась политика пацифизма, то в Курдистане испытывались все виды специальной войны. Был учреждён режим специальной войны (военное положение), аналоги которой, возможно, крайне редко встречаются во всей истории (при этом попирались и собственная Конституция) — имела место конституционная буртафория. Проводился ужасающий террор, развернутый и внутри государства (крайне масштабный процесс ликвидации, начатый убийством в 1993 г. Тургута Озала и Эшрефа Битлиса), и от государства к обществу (опустошение тысяч курдских сел, пытки и насилие в тюрьмах, десятки тысяч нераскрытых преступлений, массовые убийства в отеле «Мадымак» в Сивасе, антиповстанческие акции, не вписывающиеся ни в какие законы войны, аресты сотен тысяч людей, убийство сорока с лишним тысяч человек). На этой почве, возможно, было предотвращено падение национального государства, но и само оно перестало быть государством в классическом смысле. В просветительском плане так и не была создана республика, и после 1980 года государство было сдано на милость военному правлению.

Национально-освободительная борьба, изначально возглавляемая РПК, не только остановила, в частности, благодаря акции 15 августа, процесс ликвидации курдской действительности, но и способствовала важным шагам на пути к свободе. При помощи специальной войны, война с собственным народом, проводимая при активной поддержке внешних гегемонистских сил (в первую очередь США, Великобритании и Германии), привела к тому, что курды, возмущенные за свое существование и свободу, за исключением горстки предателей и коллаборационистов, остались без поддержки и были монополизированы (ответом на помощь внешних гегемонов извне должна была стать капитуляция перед мировым финансовым капиталом, отказ от поддержки их региональной политики, согласие на расширение и использование в военной сфере турецкого подразделения ударной армии НАТО «Гладио» в этой войне). Каждое национальное государство, четко и жестко выполнив все, что требуется, становилось, в угоду своим интересам, или сторонником этой дикости, или оставалось зрителем. В частности, национальное государство Израиля, расширив в 1996 году все тайные военные договоры, заключенные с 1958 года, поднял на более высокий уровень поддержку Турецкого государства в этой специальной войне. Без поддержки, которую (в рамках своих интересов) оказывали гегемонистские силы современного капитализма (сюда же входит и Советский Союз), в Анатолии и Месопотамии ни одна нация не была бы подвергнута геноциду. В данном случае определяющую роль сыграла тенденция капитала к поискам максимальной прибыли. Эта действительность во всей откровенности подтверждается культурным геноцидом курдов, который на протяжении более ста лет набирает обороты, ведется вне норм права и морали. В угоду сиюминутным целям капитала или закрывали глаза на уничтожение тысячелетних обществ и культур, или открыто поддерживали эту политику. Связь между геноцидом, с одной, и национальным государством и монополиями капитала, с другой стороны, ни в одной стране не ощущается так четко, как в Курдистане. Даже Организация освобождения Палестины продемонстрировала странное поведение, пойдя на соглашение с властями Турции, и не оказала нам необходимой поддержки.

Чрезвычайное раздробление режима в гражданское войну и иракские операции США (даже если формальным поводом стала атака

террористической организации «Аль-Каида» на башни-близнецы обусловили формирование новой гегемонии власти в Турции. Впрочем, внутренние инструменты новой гегемонии испытывались с 1970-х гг. Подпитка тюрко-исламского синтеза, экономическое решение от 24 января 1980 г. (стремление к мировому финансовому капиталу), военный переворот 12 сентября 1980 г., расформирование «белых» турецких национально-государственных партий, значение в Генштабе, выходящие за рамки всех правил, операция и создание правительства Тансу Чиллер в партии «Верный путь» — процесс 28 февраля, падение правительства Эрбакана и, наконец, ликвидация Бюлента Эджевита как личности и политика — все это можно считать определенными этапами данного процесса. Очень важно дать оценку ПСР как цепи внутренних и внешних элементов подобных этапов. Это столь же значительное событие в современной истории Турции, как и провозглашение республики, это название преобразования, происходящего в том же ракурсе. Если РНП была центральной государственной партией во времена Танзимата I и II Конституций и национально-освободительного движения, пошла на соглашение с режимом Абдулгамиды, взяла за основу гегемонию Англии в противовес Германии, то ПСР, оставаясь во многом оппозиционной в ходе таких же процессов происходящих в наше время, развила исламский национализм в противовес светскому национализму, заключила союз с караимским иудейским универсализмом в противовес сионистскому национализму, пользовалась содействием тюрко-исламской идеологии, которую поддерживала армия во время переворота 12 сентября. ПСР стала центральной государственной партией длительного процесса, начатого после 28 февраля как результат раскола партии радикального националиста Неджметтина Эрбакана. В противоположность тому, что РНП во главе с Денизом Байкалом была главной оппозиционной партией, стратегическая гегемонистская партия, созданная и руководимая Р. Тайипом Эрдоганом, став созидательной и движущей силой «зеленого» турецкого фашизма нового периода, фактически является той партией, которая стоит у власти, опираясь на далекое историческое прошлое и пользуясь поддержкой внутренних и внешних сил.

Если назвать режим, который пытаются конкретизировать под руководством ПСР, «Второй республикой» или «умеренной ислам-

республикой», это будет очень преждевременным толкованием. Несмотря на то, что режим утверждает свой основной характер и выражает это в Конституции, он никогда не мог стать демократическим, светским и социальным правовым государством и с момента возникновения постоянно сохраняет свой олигархический фашистский характер. Республиканский режим в классическом смысле остался только как название, не сумев, в частности, стать демократической республикой. На повестке дня будут демократическая республика и конституционная борьба как против гегемонии РНП, так и против гегемонии ПСР. Итак, гораздо правильнее будет называть переживаемый процесс борьбой демократической республики, развернутой против олигархической диктатуры. Какими бы настойчивыми и очень умными искажениями в СМИ ни пытаясь называть это альтернативой восьмидесятилетнему «белому» турецкому фашизму, цвет, который по своей сути приспособил себе этот режим, никоим образом не меняется. Расколовшийся «белый» турецкий фашизм, утратил значительную часть своей внутренней и внешней поддержки, фактически способствовал развитию «зеленого» фашизма ПСР, являющегося и тайной, и естественным следствием внутренней и внешней поддержки.

Первые восемь лет правления ПСР очень похожи на первые восемь лет нахождения у власти РНП (1923—1931 гг.). В обоих случаях господствовал однопартийный режим. Как фашизм Исмета Иненю и Реджепа Пекера, усугубившийся с 1931 года (несмотря на то, что М. Кемаль пробовал создать Либеральную партию), так и ПСР с выборами 2011 года (очень похоже на ситуацию Гитлера во время выборов 1933 года), скорее всего начнет укреплять сферу своего диктата, причем высока вероятность усиления позиций при помощи новой конституции. Опять же, как это имело место в рядах РНП того времени, нездоровое течение процесса и возрастание внутренних противоречий (как это было между Мустафой Кемалем и Исметом Иненю) может спровоцировать заблуждение ПСР в различных направлениях. Противостояние между Р. Т. Эрдоганом и Абдуллой Гюлем способно усилиться. Может отделиться прослойка, которая выйдет на демократическом соглашении. На повестке дня в качестве серьезного выбора может оказаться вероятность демократической Турции и демократической конституции. Подобно тому, как

еще не конкретизировалась гегемонистская власть ПСР, не конкретизировалась и судьба демократического конституционного режима. Именно борьба между гегемонистскими силами, с одной стороны, и демократическими, социалистическими силами Турции, также демократической борьбы Курдистана — с другой, определила какой из двух вариантов обретет конкретику.

В период новой гегемонистской власти режим специальной войны, преследующий цель уничтожения курдов и их свободы, будет осуществляться в более усиленной форме. Впрочем, в основе соглашения, достигнутого ПСР с бывшими хозяевами власти в лице армии, лежит идея продолжения процесса ликвидации курдской жизнедеятельности (онтологические реалии) и свободы (сознательность и организованность), а также продолжение культурного геноцида курдов. Иначе власть не могла быть сдана ПСР. В основе соглашения от 1925 года между сионистским национализмом и сторонниками создания тюркской нации, лежит отрицание курдского народа и насильственное уничтожение мятежных сил. Это соглашение в период правления ПСР было не просто принято, продолжено и усилено исламскими аргументами. По сути, общеголовной болью всех трех течений национализма (сионистский, тюркский национализм, расистский турецкий национализм и тюрко-исламский синтез) было культурное истребление курдов. Если даже в иных вопросах все три вида национализма наносили друг другу ощутимые удары в кровавой борьбе, то по отношению к курдской действительности у них общая линия поведения. В этом и заключается явление, называемое «бронзовым законом» фашистского режима. Ни одной из сил, не признающих этот закон, не может быть места в системе и не дано права заниматься политикой.

Более разнообразные тактические меры, предпринимаемые гегемонией ПСР, не только не противоречат общей стратегии (ликвидация курдской действительности и освободительного движения), но и представляют собой тактические маневры, к которым прибегли для более успешной и созидательной реализации данной стратегии. Например, в 2005 году Р. Т. Эрдоган в Диярбакыре сначала заявил, что «курдская проблема — это наша общая проблема», что помогло ему обрести значительную поддержку курдского народа, но в 2007 году он не преминул хитрыми методами издать Закон «О борьбе с

«Горизмом», самый чудовишный антикурдский закон всех периодов республики, подразумевающий преследование детей и женщин. Первые примененная практика массовых арестов детей, операции против АОК, воздушные атаки — все это было продиктовано упомянутой стратегией. Все виды психологической войны, стремление сформировать в важных городах Южного и Северного Курдистана отвлекающие центры, принадлежащие коллаборационистскому курдскому капиталу, а также создание фальшивых курдских организаций гражданского общества — все это тесно связано с новой стратегией. Сюда же надо добавить коллаборационистские курдские СМИ. Многие области спорта и искусства тоже открыты для использования в аналогичных стратегических целях. Возможно, наиболее ужасающей мерой стало формирование курдского «Хамаса» вместо «Хизбул-контра». Основной целью религиозного движения и организации, на последнем этапе, является создание и последующее использование своего курдского движения «Хамас» против АОК. Например, организация «Хамас», не имеющая никакого отношения к борьбе в Палестине и создана «Моссадом» для борьбы с ООП, сегодня довела саму ООП и, в частности, Эл-Фетих, являющуюся ее основной силой, до грани полного уничтожения. Ту же модель хотят применить в Курдистане против АОК. Новые религиозные лица и курсы изучения Корана, как я уже отмечал, были срочно созданы в этих же целях. Управление по делам религии ставило все мечети на службу идее культурного геноцида. Религия полностью политизирована, принижена до уровня инструмента, используемого для отрицания факта существования курдов и прекращения освободительной борьбы.

Сотни аналогичных мер открыто демонстрируют не только намерения и политику новых гегемонистских сил, но и раскрывают ликвидаторские меры. Подобно тому, как в период 1925–1940 гг. ООП выступала как национально-государственная партия кровавого подавления курдского сопротивления и ликвидации курдской действительности, так и ПСР, начиная с 2000-х гг., выступает в качестве национально-государственной партии, стремящейся на пороге усугубившихся условий истребить курдскую действительность и освободительное движение. Несомненно, некоторые голоса протеста, раздающиеся внутри самой партии, и различные периодиче-

ски принимаемые меры не меняют стратегической цели партии, только лишь подтверждают их. Ликвидаторское движение, развитие ПСР в недрах РПК с конца 2002 года (ликвидаторские попытки предпринятые США, властями Южного Курдистана и ликвидаторами — коллаборационистами из рядов РПК), переговоры, с 2003 года под названием «диалог» проводимые с представителями ПД и с европейскими представителями АОК, причем отголоски которых доходят до Абдуллы Оджалана, обречены, несмотря на благие намерения представителей некоторых государств, на неудачу, натолкнувшись на стратегические «стены». Ясно, что пока не будет отвергнута эта ликвидаторская стратегия, враждебная миру, специальная война усилится под новой гегемонией ПСР. До тех пор, пока ПСР, а также внутренние и внешние силы, на которые она опирается, не объявят открыто общественному мнению свои стратегические подходы к вопросам мира и не примут ключевые решения по поводу демократической конституции, любая продемонстрированная ими позиция в отношении курдской действительности и освободительного движения, любые дела и слова не могут расцениваться иначе, как ликвидаторство.

В итоге можно сказать, что опыт последних двух столетий войны, развернутой против курдской действительности и освободительного движения, превращен в постепенно усугубляющийся культурный геноцид. Курдская действительность и стремление к свободной жизни пытаются продолжить свое существование под натиском безжалостного уничтожения. Движения, направленные на истребление князей, вождей и шейхов курдских племен в масштабе всего Курдистана, начатые в период Османской империи, стремившейся стать современной (модернизовавшейся), постепенно начали нацеливаться на уничтожение курдской культурной действительности. В первый период существования турецкого республиканского строя «белый» турецкий фашизм усугубил эту политику и распространил ее на все общество, он растворил курдов в недрах национального государства и довел народ до края пропасти полного уничтожения. Борьба с этими тенденциями, возникшая в силу социального фундамента, на котором они развиваются, и их руководства, на деле попросту усугубляет процесс ликвидации и иного результата дать не может. Соглашательские элементы, ко-

им дали право на существование только на почве отрицания курдской действительности в период зрелости, получили еще большее развитие, углубляя тем самым культурный геноцид. В период упадка, начавшийся с 1980-х гг., при поддержке США, оказанной Вашингтоном ради защиты собственных интересов, прибегнув к беспрецедентным методам специальной войны, курдскую нацию вывели до грани полного истребления не только в ракурсе освободительного движения: это видно на примере запрета курдского языка — возникла опасность онтологического исчезновения. Освободительное движение, развернутое под руководством РПК против этого беспрецедентного истребления, несмотря на многие недостатки и ошибки, не остановилось только на конкретизации культурного бытия курдов, но и привело курдов к более высокому уровню стремления к свободе. Такого рода процессы оказали влияние и на другие части Курдистана; если в Иракском Курдистане это способствовало появлению политического образования с преобладанием национально-государственной модели, то в Иранском и Сирийском Курдистане завершилось великим пробуждением народа, его присоединением к освободительному движению развитием демократического самоуправления.

Ясно, что специальная ликвидаторская война, развернутая гегемонскими силами против АОК, в предстоящий период способствует развитию процессов, которые могут иметь стратегическое, политическое и общественное значение. Если не будет принято решение о стратегическом мире, то самая большая вероятность, которая может получить развитие в конкретике Курдистана и далее в соседних географических регионах, — это развитие на самом высоком уровне революционной народной борьбы с перспективами демократической современности; это развитие освободительной войны и тесно связанного с ней демократического самоуправления в экономическом, социальном, культурном, правовом и дипломатическом аспектах.

В. Современная курдская идентичность в Южном Курдистане

При анализе современной курдской идентичности очень поучительные уроки преподает нам положение курдов, которые оказались в пределах государств Ирак и Сирия, созданных после Первой мировой войны. В процессе раздробления Османской империи, в соот-

ветствии с соглашением Сайкса—Пико 1916 года, в Ираке и Сирии под гегемонией Англии и Франции были установлены мандатные системы. Мандатная система по своему смыслу соответствует переходному колониальному управлению. Железная дорога считалась новой границей между Турецкой Республикой и Сирией. Границы между Ираком и Турцией были очерчены Мосульским соглашением, и в определении границ за основу были приняты нефтяные интересы. Подписание обоих демаркационных соглашений попирает объявленный священным Национальный пакт. Соблюдая интересы Франции, являвшейся одним из государств, входивших в тройственный союз во время Первой мировой войны, уже в начале национально-освободительной войны, в январе 1921 года, было подписано соглашение в Анкаре. Существование курдов и даже туркмен, оставленных в пределах территории государства, позднее объявленной Сирийской Арабской Республикой, совсем не принималось во внимание. Их всего лишь, с учетом военного и политического баланса, поставили перед свершившимся фактом. Впрочем, не было закрыто никакими законами положение самих арабов, только соблюдались интересы государства — держателя мандата (Франции).

Из статус-кво, установленного в самом начале, видно, к каким серьезным проблемам приведет эта ситуация сама по себе. В конце концов, с 1920-х гг. по настоящее время Сирийское государство так и не смогло добиться нормализации. И сейчас оно официально управляется на основе военного положения. У него нет конституционной системы, базирующейся на общественном соглашении. Значительная часть курдов даже не являются гражданами, то есть с юридической точки зрения не представляла собой ничего. У остальных не было никаких законных, культурных, экономических, административных и политических прав. Положение курдов, прежде всего в силу мандатных интересов Франции, а позднее — арабских национальных интересов, оказалось гораздо хуже колонии, в отношении их существования была развернута волна отрицания, убийств и культурного геноцида (точно так же, как это было в тюркистской национально-государственной системе). По расчетам гегемонистской власти, направленным на сохранение баланса сил, этот статус-кво дошел до наших дней с частичными изменениями, но в итоге еще более сгустившись. При установлении границы между Ираном и Турцией

определяющей оказалась роль заговора, направленного на курдскую действительность. Разворачивая заговор в отношении курдского единства, просчитав на столетия вперед. Этот заговор стал началом политики геноцида курдов. Очень много написано о том, как Курдистан в этот период был поделен на четыре части, но как жаль, что суть этого факта никак не раскрывается и не комментируется! Ведь до тех пор, пока данные реалии не будут рассмотрены во всей наготе, невозможно объективно охарактеризовать как единое целое ни явления, имевшие место в Курдистане, ни социальное бытие курдов.

Раздробление Курдистана и курдов, а также привязка к иракской границе стали одним из наиболее трагических фактов XX века. Тем самым под фундамент истории не только курдов, но арабов, иранцев и турок была заложена бомба, которая во много раз опаснее атомной бомбы. В этот период в недрах ВНСТ сформировался протест против действующего развития процессов. Курдская интеллигенция и армейские офицеры курдского происхождения были буквально потрясены и возмущены. В основе восстания 1925 года лежат эти реалии. Несмотря на то, что навязывается официальной историографией, с английской гегемонией договорились не сами курды, а «белый» турецкий режим. Я упорно утверждаю о заговорщическом характере «белого» турецкого режима. Следовало бы очень хорошо помнить о том, что данный режим при помощи заговора лишил влияния самого М. Кемалю. Известно, что М. Кемаль назвал этот договор самым вынужденным и нездоровым фактом в жизни, подчеркнув, что в случае его неутверждения вся республика окажется под серьезной угрозой. То, что было достигнуто ранее на востоке Карским соглашением (1921 г.), а затем на западе Лозаннским соглашением, подверглось стратегической утрате при заключении Мосульско-Киркукского договора 5 июня 1926 года. Стратегический характер этой утраты очевиден: примером является последняя иракская агрессия. Опять же, несмотря на утвердившееся мнение, установление этих границ привело не только к утрате нефтяных богатств в районе Мосула—Киркука; вместе с этим были утрачены курды, была утрачена историческая курдско-турецкая дружба, было утрачено культурное единство всех народов Ближнего и Среднего Востока.

По сей день считают, что, прибегая к ежедневным переменам мест дислокации в географическом пространстве, возводя стены

и пропуская электрический ток через проволочные ограждения, оснащая посты стальными креплениями, вооружая и содержа специальные армии, можно укрепить эту границу и охранять ее. Использование таких методов равносильно безрассудству, неумению делать выводы из уроков истории, примыканию к заговору или превращению в инструмент данного заговора. Это можно исправить только устранив основные ошибки и установив на их месте главные истины. Англичане же, играя в эти игры в Европе, Азии, Африке, Америке, даже в Австралии, сохранили свою гегемонию, постоянно развивая ее. Сотни, тысячи социальных культур управлялись, будучи разделенными на границы, расчерченные с помощью линейки. Национально-государственная модель — самая опасная форма этой игры, развиваемая в плоскости стремления к власти. Если мир не повернулся в сторону современной национально-государственной модели, на данный момент насчитывающий больше двухсот стран, невозможно было бы установление и продолжение капиталистической гегемонии. Настоящая история может выйти наружу только после осознания и раскрытия того, кто победит, кто проиграет, какая идеология и культура победит, какие проиграют, если будут применены упомянутые методы.

Современная курдская история и жизнь курдов могут обрести ясность только при этом единстве и в связи с раздроблением на почве установления ирако-сирийской границы. В упомянутом разделении собраны все потенциальные варианты убийства, включая геноцид. В связи с этим имеют место определенные расчеты. Первое: иракские курды рассматриваются как вспомогательный фактор для контроля иракских арабов. Характер иракского курдского движения вполне достаточно подтвердил необходимость в этом. В конце концов, режим Саддама был низвергнут в основном при помощи курдов. Второе: разделение курдов наилучшим образом используется в ирано-иракских противоречиях. История и это доказывает достаточно убедительно. Третье: данный фактор был заготовлен как запасной для контроля Турецкой Республики. Все значительные исторические процессы, имевшие место до восстания 1925 года, даже ранее самого первого современного курдского восстания 1800 года под предводительством Бабанзаде Абдуррахман-паши, были важными способами, вызывавшими беспокойство Османской империи.

нии и республиканского режима, а также позволявшими держать их под контролем. Четвертое: этот раздел стал одним из самых благоприятных средств удержания Ближнего и Среднего Востока под контролем таких гегемонов, как Англия и США (гегемонистской страной с 1800-х гг. до 1945 года были англичане, с 1950-х гг. по настоящее время это США). Пятое и самое важное заключается в том, что этот раздел используется в качестве основной базы для удержания под контролем и введения в заблуждение всего Курдистана как политического и революционного потенциала курдского народа (с 1920 г. по настоящее время иракское курдское управление пытаются привязать к так называемому «статус-кво»; был превращен в центр столкновения племенных, религиозных идеологий, зависимых от современности). Посредством привязки к этой маленькой частичке и управлению весь Курдистан и курдский народ оказываются сконцентрированными под стратегическим контролем. Шестое: это легчайший способ эксплуатации подземных недр, воды и прекрасных территориальных возможностей.

При более подробном раскрытии упомянутых основных пунктов становится ясно, что курдская национально-государственная идея постоянно рассматривалась как потенциал, и вечные разговоры о том, что она создана или будет создана, с одной стороны, контролировали, и воспитывали национальные государства региона. С другой стороны, это парализовало движение курдов за сохранение собственной жизни и свободы, замыкавшееся на надежде, посвященной возможному образованию, порожденному внешними гегемонистскими силами — вместо того чтобы опираться на собственные силы. На этой почве народ лишается уверенности в себе, постоянно удерживается в зависимости от внешних сил, и, таким образом, утверждается статус, который в любое время может привести к массовому истреблению; народ становится преданным слугой и рабом своих господ. Та же игра разыгрывается со всеми курдами. Истинно патриотические, национальные, демократические и революционные движения, старающиеся раскрыть и прояснить эти игры, с легкостью подвергаются изоляции, курды оказываются перед лицом опасности (в сущности, хорошо известно, что очень хорошо разыграли эту карту), не имеют дипломатии (привязаны к своим господам); курдов делят на части (границы,

разделяющие Курдистан и курдов, узаконены как самая главная задача), и обвиняют в том, что они не приняли во внимание мировой баланс (защита статус-кво, созданного гегемонистскими силами). Постоянно развивая теоретические и практические рассуждения о неспособности курдского народа сделать что-либо самостоятельно (народ якобы должен довольствоваться только тем, что ему снисходительно дают гегемонистские силы), постоянно стремились показать, что создание демократического, свободного и равноправного общества абсолютно невозможно. Курды, являющиеся, возможно, одним из революционных народов эпохи, посредством данного гегемонистского мышления превращены в нацию рабов, остающиеся на дне, на самом краю пропасти массового истребления. Называя курдов «народом без адвокатов», они постоянно побуждают к поискам мнимых адвокатов. Впрочем, лучше всего, когда народ становится адвокатом самому себе.

Другой важной игрой, которую разыгрывают с курдами, оставшимися в пределах границ Ирака, стал суннитский буржуазный характер, навязываемый курдской национальной идентичности, являющийся, по сути, искаженным и фальшивым. Курдский народ, создавший одну из богатейших в истории культур, его богатые родоплеменные и религиозные традиции считаются несуществующими. Мы видим стремление искусственно создать курдскую нацию, которая будет питаться примитивным национализмом и суннитско-исламской отсталостью. В сознание стараются внедрить мнение, что национальная культура, занявшая место демократического национального общества, считающая национально-государственную модель священной утопией, не являющаяся демократической, не признающая свободу и равенство, враждебно настроенная по отношению к женщине, является единственной социальной действительностью, и именно они, представляют ее, пытаются тем самым создать мнимую истину.

Еще один очень глубокий расчет, производимый в отношении курдов, проживающих в пределах иракской границы, — это формирование у них веры в то, что единственный путь решения курдской проблемы пролегает через капиталистическую современность. В долгосрочном планировании гегемонистских отношений иракские курды постоянно использовались в качестве лабораторной

термина. Воплощение курдской национальной действительности было запланировано как явление и созидание, возможное только на основе капиталистических отношений. На повестке дня постоянно стоит и тот же вопрос, и это вопрос о том, что национальная действительность революционной, демократической и социалистической направленности представляется едва ли возможной. В этом смысле самым важным орудием в руках гегемонистских сил является турецкий суннитский национализм с центром в Багдаде или шиитский национализм. Постоянно держа курдов под угрозой арабского национализма как под дамочловым мечом, они обрекают их на поиск убежища. Точно так же курдов представляют как угрозу для арабов. В той же форме постоянно озвучивается угроза в адрес государственных режимов Турции, Сирии и Ирана, когда манипулируют тем, что курдское государство создано или, дескать, вот-вот будет создано. С другой стороны, эти тройственные или четверные факторы, используя в качестве источников опасности, обеспечивают безопасность курдов своим господам. Видно, что лабораторные политические игры крайне производительны. Системы создаются и разрушаются, но ясно, что, выводя в курдской лаборатории Ирака своего рода постоянный материал (политику), нельзя сделать его прочным. Служение господам является постоянно действующим производством. Несмотря на то, что курдская проблема — одна из самых старых на Ближнем и Среднем Востоке, данная логика играет основную роль в том, что курдский вопрос до сих пор не решен. Подобно тому, как с позиций израильского сионизма «белый» турецкий национализм Анатолии стал одной из причин возникновения прото-Израиля, так и курдский национализм в Иракском Курдистане, в частности, племя барзани, сыграл аналогичную роль. Это своего рода «белый» курдский национализм, идеологически и практически созданный теми же силами. Между «белым» турецким национализмом и «белым» курдским национализмом существуют не только теоретические, но и практические связи. ДПК (Демократическая партия Курдистана), будучи запланированной как НРП для курдов, стала частью деятельности заговорщических сил, осуществляющих свою деятельность с 1925 года. Если заговорщические силы в период 1925—1940 гг. пытались, с одной стороны, привести курдов через полосу массовых убийств, с другой — они

не довольствовались просто насильственным раздроблением курдов в 1926 году. В иракской части страны в этот раз закладывается фундамент «белого» курдского национализма, причем в позиции «освободителя».

По сути, все провокации — это верстовые столбы, ведущие в Иерусалим. То же самое можно сказать и про шиитский национализм и национализм арабской БААС. Какими бы антиссионистскими и антиизраильскими ни казались на первый взгляд националистические течения на Ближнем и Среднем Востоке (сюда же включает религиозный национализм), онтологически они представляют собой варианты израильского национализма (мышление, направленное на созидание). Подобно тому, как монотеистические религии являются производными, вариантами первой иудейской религии (Тора), так и все виды национализма в мире не просто в масштабе региона, но и в масштабе всей капиталистической современности являются вариантами израильского национализма. В командном центре мирового национализма стоит израильский национализм, поэтому все прочие националистические партии и национальные государства, какие бы антагонистические позиции ни занимали, онтологически они вынуждены будут служить главному командному центру, потому что система (национализм и национально-государственная модель) построены на этой почве. Трагический конфликт Саддама Хусейна, порожденный непризнанием им этой системы ошибочным контрнаступлением, оказался поразительным и убийственным примером. Даже семидесятилетний опыт социалистического строительства Советского Союза в конечном счете не избежал развала в итоге преобладающего положения созидательных сил национального государства и гегемонистской системы. Насколько необходимо правильно оценивать системы, настолько важно, чтобы в связи с этим контрнаступление носило системный характер. В противном случае трагедию невозможно будет предотвратить. Даже несмотря на 70-летний опыт, конец неправильных систем неизбежно наступает. В этом плане большое значение для Ирака и иракских курдов имеет демократическая современность как противовес капиталистической современности. Мы не обречены на религиозные, националистические национальные государства. Истинное общество может быть осознано, демократизировано

только после того, как освободится от усугубляющей парадигмы национализма и национального государства.

Разделение курдов на почве иракского и сирийского национально-государственных образований, как было показано в этих кратких определениях, оказалось с точки зрения развития курдского национального общества поражающим и способствовало утрате существенной идентичности. Это стало большим ударом по развитию и объединению национального общества, своего рода ампутации какой-либо конечности. Стало быть, то, что курды не могут считаться национальным обществом, оказались в ущемленном и раненом состоянии, требует того, чтобы уделить серьезное внимание установлению границ Ирака и Сирии и развивать демократическую современность в противовес капиталистической современности, возлагающей ответственность за эту демаркацию. Говоря о курдском национальном единстве, не следует понимать под этим национальное государство, напротив, следует представлять себе демократическое национальное общество. Для этого нет никакой необходимости в установлении границ новых национальных государств. Существует жизненно важная потребность в решениях, основанных на демократических автономных образованиях всех общественных культур, проживающих в тесном единстве, в частности, соседних народов. Очень четко выяснилось, что небольшие национальные государства Ближнего и Среднего Востока, созданные капиталистической современностью, не существуют вместе во имя мира и не в состоянии обеспечить счастливую жизнь гражданам. Система демократической современности, которая в противовес этому берет за основу свободу, самостоятельность и равенство тысячелетних культурных традиций, это более правильный, хороший и красивый путь к общепланетному миру и счастливой жизни.

В. Курдская национальная идентичность в Восточном Курдистане

Иран как страна сыграл важную роль в формировании курдской идентичности. Значительное место в этом становлении сыграла культурно-языковая близость. Этноним Иран происходит от термина «арий», и эти корни уходят в глубины неолитического общества. Арийские сообщества — родоплеменные сообщества кланов земледельцев и пастухов, осуществивших неолитическую революцию

цию. Протокурды стали первыми из групп, чья культура вышла на историческую арену. Термин «арии» используется в основном для именования этих групп. По одной из гипотез, «ard» — это земля, по другой «ag» — огонь. Оба значения выражают одну и ту же реальность. Священный смысл понятий «земля» и «огонь» лежит в основе названия Иран. В предгорьях Загроса основными элементами жизни зимой является огонь, а летом — земледелие. Цивилизации Шумера и Ирана являются продуктами общественной культуры в подножии Загроса, где преобладающими элементами были огонь, земледелие и животноводство. Эти реалии можно наблюдать на примере всех образований, имевших место на протяжении всей истории, от шумеров-гуттиев до мидийцев-персов, от Сасанидов до современного Ирана. Первая народная идентичность сделала значительный шаг под предводительством зороастрийских жрецов в период Мидийской конфедерации, причем и был зафиксирован определенный этап в этой идентичности. С позиций курдской идентичности мидийцы стали известными в истории праотцами курдского народа. Персидская идентичность также обязана своим существованием в основном мидийцам. В «Истории» Геродота мидийцы считаются самым развитым народом своего времени, персы и греки оказываются в позиции учеников, которые учились культуре у мидийцев. В становлении нового этапа центральной системы цивилизации они сыграли, по меньшей мере, такую же роль, как шумеры. Именно мидийская культура заложила основы персидской, эгейской, эллинской и римской цивилизаций.

То же самое историческое наследие имело также большое значение и в возникновении средневековой исламской культуры. Большая часть Корана скопирована из учения Зороастра. Истоки значительной части и религиозных, и нравственных категорий следует искать в этой традиции. Езидизм сегодня является малой частицей этой традиции. Доля этого наследия есть и в традициях курдов — алевитов, сорани и луров.

Шиитский Иран в категориальном смысле был создан на основе союза туркменских, персидских и курдских родоплеменных сообществ, направленного против авторитарного суннитского ислама. Конфессиональная основа Сефевидов, ставших первой шиитской иранской династией, была заложена культом курда по имени шей

Мюджидин. Династии, состоявшие преимущественно из туркмен-
тов, противостоявших суннитской тюркской династии в этом
процессе, не убереглись от характерной «болезни власти». Из по-
литической конфедерации с опорой на демократические традиции
превратились в государственную систему, важнейшей стороной
которой был бюрократизм центра. Шиизм вошел в официальную
идеологию власти. Несмотря на то, что в большинстве своем анти-
авторитарные традиции живы и по сей день, шиитский ислам, как
и суннитский ислам, все же несет в себе признаки власти и государ-
ственности. Большая часть иранских курдов, вооружившись традициями
радикального суннитского ислама, представляет собой своеобраз-
ную демократическую оппозицию шиитским властям, стало быть,
представляют истину. Современные иранские курды начиная с XIX
века старались сконцентрировать свои силы в противовес шиитским
властям. Восстание Симко в 1920 г., попытка создания Мехабадской
республики в 1946 г. подтверждают эти реалии. Эта традиция сопро-
тивления и его реальность в очередной раз подтвердились в противоре-
чии Исламской Республике Иран, находящейся под предводи-
тельством Хомейни (деспотическая власть Ирана). И суннитский, и
шиитский ислам, и все авторитарные исламские культуры в целом
в отношении к курдам выглядят подобно грязной одежде, совер-
шенно не подходящей и силой натянутой на плечи народа. При ма-
лешей надежде на освобождение курды сбрасывают эти грязные
одежды и облачаются в свою настоящую культурную одежду.

Договор Касри Ширин 1639 г. сыграл серьезную роль в отрыве
иранских курдов от Курдистана и от всего курдского мира. Данное
решение по своему смыслу аналогично отрыву загросских кур-
дов от курдского общества. Иранские курды были основным ядром
курдской идентичности, самобытными представителями зороа-
стрийской традиции. Их исламские позиции в отношении шиит-
ских властей также носили демократический характер. Аналогом
демократической освободительной борьбы, развернутой курда-
малевидами в Западном Курдистане против суннитских властей,
является борьба курдов-суннитов против шиитских властей в Вос-
точном Курдистане. Эта ситуация связана с культурно-идеологи-
ческими источниками власти. В жизни иранских курдов господ-
ствующая культура не столько религиозная и конфессиональная,

сколько этническая и народная. Если шиитская культура ослабила родоплеменные особенности персов и иранских азербайджанцев, то большинство курдов сохранило родоплеменные традиции в силу противостояния официальной шиитской культуре. Но заметно ослабились родоплеменные особенности курдов шиитской конфессии и луров (одно из древнейших культурных ответвлений курдов). Речь идет о ранней ассимиляции в шиитской культуре. Значительное влияние на формирование курдской идентичности в Восточном Курдистане оказали восстания: начавшееся с 1845 года и возглавлявшееся Сораном Бабанзаде и продолжающееся и в настоящее время. Влияние восстаний, начавшихся в начале XIX века, носит общий характер. Движения, направленные на усиление центральной власти, стремившейся ликвидировать власть курдских княжеств и родовых объединений, устранив традиционные соглашения с властями, не смогли оказать сильного воздействия на общественную культуру. Сложилась своего рода картина уничтожения курдов, находившихся у власти, и выхода курдского общества на новый этап эволюции. Восстания чаще всего преследуют цель вернуть утраченную власть, не ставя цель защитить национальное бытие всех курдов и их развитие. Следовало бы очень хорошо осознавать эту особенность знатных кругов и видеть отличие от движений, направленных на защиту национального бытия и развития свободных народов.

Войны и столкновения за автономии, не являющиеся демократическими, в силу классового характера предводителей во многом обрекали на неудачу. Это оказало глубокое разрушительное воздействие на курдское национальное бытие и свободу, в целом. Каждое поражение приводило к массовому уничтожению и развило еще на один шаг культурный геноцид. Движения, имевшие место в Восточном Курдистане в 1878 году под предводительством шейха Убейдуллаха Нехри, в 1920 году — под предводительством Симко и в 1930 году — под предводительством Казы Мухаммеда, привели к аналогичным последствиям. Поражение и особенно подавление еще больше ослабили национальное существование и свободу курдов, усилили чувство безнадежности. Попытка создания Мехабадской Республики под предводительством Казы Мухаммеда, несмотря на современный народнический характер, не избежала той же участи, что и другие восстания. Соглашение, достигнутое между «белым» турецким

цизмом и фашистским режимом династии Реза Пехлеви в 1937 году и известное под названием Садабадский пакт, по своей сути ставшее временной формой соглашения Касри Ширин и преследовало целью углубления раскола курдов и совместной ликвидации освободительного движения. И сегодня между «зеленой» фашистской властью в Турции и исламским фашистским режимом Ирана существует множество тайных соглашений, направленных против борьбы за сохранение национального существования и свободу Курдистана.

В Европе, в бывшем Советском Союзе и во многих странах Ближнего и Среднего Востока развивается национальная чуткость социума. Эти черты мы можем назвать действительностью курдской диаспоры, и они присущи значительной части национальной идентичности. Данные прослойки гораздо ближе, в частности, к интеллектуальному фактору культуры, играющему роль катализатора процессов в обеспечении целостности национальной идентичности.

Известно, что курды как нация претерпели множество смертельных ударов в период капиталистической современности. Наиболее важный вывод, который следует из этого сделать, заключается в том, что при помощи фундаментального средства капиталистической современности (монополистский капитал, который мы соавторительно проанализировали в «Социологии свободы», национальное государство и индустриализм) курдское национальное существование не может быть обеспечено и защищено. И главные действующие лица гегемонистской системы (Англия, США, Германия и пр.), и ее соглашательские элементы (региональные режимы «благого» фашистского толка, компрадорский капитализм и отрасли промышленности, уничтожающие окружающую среду своими выбросами) строят свои расчеты на раздроблении Курдистана, его пребывании в таком нарочито разъятом состоянии, осуществлении политики полной ассимиляции и геноцида курдской национальной жизни в каждой из частей или их удержании под властью посредством создания искусственных курдских образований, что стало бы мерой окончательного подавления. Если эти расчеты будут выработаны по их усмотрению без всякого противодействия, то не останется ни Курдистана, ни курдской национальной действительности. Искусственный, фальшивый и искаженный «курдизм», который выдвигается гегемонистской системой в каждой части стра-

ны под именем курдской идентичности, а также роль, которую, в маску, надевают соглашательские элементы, легализуя культурный геноцид курдов, который растянут, в основном ассимиляционными способами, на длительный срок. Одно из основных обстоятельств, которые ни на минуту не должны забывать те, кто ведет интеллектуальную, политическую, нравственную и эстетическую работу и курдской национальной действительностью, и которые необходимо держать в мире своих чувств, — это то, что такие замаскированные мнимые курдские образования являются не чем иным, как ловушкой. Какими бы ни были намерения, роль заключается в легализации геноцида. На словах вам утверждают, что являются элементами курдской национальной действительности и стремятся реализовать, но, по сути, это древесные черви, которые уничтожают потенциальные элементы курдской национальной действительности, поедают корень дерева. Как жаль, что многие играют роль этих древесных червей неосознанно, в угоду повседневным интересам самое ужасное, делают это с самыми лучшими намерениями!

В таком случае современная курдская национальная действительность стремится продлить свое существование и добиться свободы, находясь между двумя противоположными тенденциями. Во-первых, статус, который хуже колонии, порождает тенденции к таким действиям, как ликвидация, лишение национальных качеств, препятствование становлению в качестве самостоятельных национальных обществ и в итоге уничтожение; все это формируется из методов, доводящих до нашествий, агрессии, убийств, ассимиляции геноцида. Основное обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, имея в виду эти тенденции, заключается в том, что помимо физического истребления, имевшего место при Холокосте евреев, истреблении индейцев и геноциде армян, в случае с курдами использовались методы культурного геноцида, который легализовался действиями предательски настроенных групп, известных своим мнимым патриотизмом, и тогда на первый взгляд казалось, что курды живут и никто их вообще не трогает. Вторая тенденция заключается в том, что жизнь курдской нации, продолжение существования, объединение и самостоятельность, как осознанное, организованное и действенное явление в противовес первой тенденции, само по себе, или вместе с ней, — это тенденция к созданию свободной

кого национального общества. В современной курдской идентичности обе эти тенденции находятся в состоянии противоречия. Только борьба между ними покажет, какая тенденция выживет и превратится, смертоносная, ежедневно опустошающая жизнь и делая ее бессмысленной, или тенденция, утверждающая жизнь, наполняющая ее, наполняющая смыслом и свободой. Этот современный процесс, продолжающийся последние два столетия, который можно было бы назвать борьбой за сохранение и освобождение национального бытия, будет определен содержательной стратегической и тактической борьбой, которую развернули, разворачивают и развернут силы свободы и демократии во всех сферах курдской деятельности — идеологической, военной, политической, социальной, экономической и дипломатической.

3. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КУРДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Когда речь заходит о курдской или какой-либо иной идентичности, в первую очередь необходимо осознать, что идентичность — это материальная действительность. Общество — самое широкое явление, охватывающее человеческий вид. При использовании понятия «общество», может оказаться излишним обращение к отдельному понятию о принадлежности. Вероятно, правильнее было бы определить категорию «общество» в аспекте внутренних идентичностей. Именно, поскольку общества представляют собой большое разнообразие, неизбежным становится их именование. В данном случае важно, что общество является универсальной ипостасью истинного бытия. В универсальности могут быть представлены все идентичности. Разделение универсального на разнообразное не повлияет на его суть. Американское и европейское общество не отличаются по своей сути. Разница между ними имеет формальный характер. Когда речь заходит о курдской действительности, мы на самом деле подчеркиваем категориальный характер курдского общества. В данном случае повторение того, что это общество общества, может оказаться излишним. Говоря о курдской действительности, мы говорим о курдском обществе в материальном и идеологическом смысле. Таким образом, разговор о социальном аспекте курдского общества

может оказаться лишенным смысла. Однако тонкий штрих, который в данном случае мы хотим подчеркнуть, — это связь между универсальным и сингулярным. Если общество, как курдская действительность, — это неизменная, константная сущность, то курдский социальный аспект становится состоянием этой сути в различных формальных выражениях. И клановый, и национальный аспект входят в пределах курдских реалий. Если реальность одна, то и кланы, и нация являются выражением изменяющегося, обретающего новые формы общества. Было бы поучительно, имея в виду подобие исправления, остановиться на социальном аспекте.

Значительные различия между курдской идентичностью античной эпохи или неолита и современной курдской идентичностью, зажатой в тисках современности, могут быть установлены сразу. Как и у любого, у курдского общества тоже есть определенная политическая или античная действительность, но есть и современная действительность. Не может быть общества, которое не имело клановой, родоплеменной идентичности, какой бы современной действительностью она ни была. Идентичность стала носить дифференцированный характер, когда родоплеменная стадия была специфицирована на современность. Если эта идентичность не исчезла, она начала свое знакомство с особенностями национальной идентичности. Национальный аспект это высшая форма, обретенная родоплеменным сообществом. Гораздо больше соответствует действительности такой подход, когда общество познается в аспекте национальных качеств. Называть это курдским означало бы осознанное или неосознанное искажение. В наше время очень часто прибегают к подобным искажениям. Курдское национальное общество, которое давно уже достигло высшей формы при помощи доведения наших дней этнического фактора, реализовавшегося в 5000-е гг. н. э., приводит к таким искажениям, как отрицание самого факта существования и прохождения данной стадии. Таким образом, в этой главе будет рассматриваться курдская действительность общества, дошедшее до состояния национальной идентичности. Поскольку известно, что социология — это опыт сложной и запутанной науки, такого рода примечания частенько необходимы.

В более узком смысле социальный аспект применяется к обществам, которые обрели классовые особенности. Наприм

говорить о действительности, обретшей характер племени, клана или рода, упоминая название племени, клана и рода, было бы более правильным. Нет необходимости делать действительным понятие общности в узком смысле. Более разумным было бы называть общность курдским или каким-либо иным только в том случае, когда оно имеет классовый характер.

Можно спокойно говорить о серьезном знакомстве с классовыми процессами внутреннего и внешнего характера, существовавшими у курдов на протяжении всей истории. Курдские автохтоны, появившиеся в неолитическую эпоху во всей глубине и в революционном процессе, столкнулись с классовым расслоением еще со времен шумерского классового общества. Классовое расслоение, имевшее внешнюю форму, постепенно обрело внутренние масштабы. Например, династия гутиев (2250—2150 гг. до н. э.) основывалась на союзе племен курдского происхождения, переживших классовое расслоение в шумерском обществе. Имело место бесчисленное множество социальных процессов. В древнюю эпоху в государственных образованиях Вавилона, хеттов, Ассирии и Урарту ощущалось сильное влияние курдских союзов племен или их конкретной формы — племен. Совершенно очевидно, что несколько династий сами по себе сыграли роль в строительстве этих государств, или эти государства создали многочисленные зависимые династии в недрах шумерского общества. Несмотря на это, курдские автохтонные племена проявляли большую активность в плане сохранения своих племенных особенностей. Во всех этих случаях родоплеменная структура прекрасно осознавали, что смогут обеспечить свое существование и жить свободно, только объединившись в союзы. Ассирийская конфедерация превратилась в самую большую империю в конце 600-х гг., когда происходило разрушение Ассирийской империи. В эпоху этой империи, которая затем стала известна как империя, классовое расслоение в курдской автохтонной среде стало углубляться и разрастаться. Можно сказать, что именно в это время система курдских княжеств стала социальным явлением. В эллинистический период, в период Сасанидов и Рима курдские автохтонные племена всячески стремились обеспечить свое существование (имевшие место в тот период, разворачивались преимущественно на географическом пространстве проживания курдов) и

защитить свою свободу при помощи княжеств и родоплеменных систем (федераций).

Влияние ислама на курдские автохтонные племена, ставшие основным социумом, происходило на почве развития и усиления религиозных общин и княжеств. Если религиозные общины, скорее всего, формировали гражданское общество на почве сект, то традиционные княжества обновлялись и укрепляли свои позиции в виде более развитых классовых и военных систем. Каждая секта, представлявшая собой гражданское общество, возможно, оказалась следующей после зороастрийских жрецов, оказавших столь серьезное влияние на социальную структуру. По сути, секты в чистом виде представляли собой институты борьбы с процессом классового расслоения, который базировался на власти; это были более радикальные и активные организации гражданского общества, нежели современные общества. Но то, что власти стали чаще обращаться к ним и склоняли высшие слои сект к сотрудничеству, привело к их деградации и они стали противоречить собственным целям. Средневековое общество может быть охарактеризовано появлением феодальной по своей сути княжеств и сектантских общин. В курдском обществе оба явления представлены очень ярко. Ряд княжеств превратился в более мощные государства. До XVI века курдские княжества обладали статусом, очень близким к независимости. Имела лишь символическая зависимость от халифов. По мере постепенного сближения с Османской империей ради противостояния Сефевидам эти особенности начали постепенно утрачиваться. Конец эпохе курдских княжеств наступил в XIX веке, когда в 1847 году было ликвидировано последнее Ботанское княжество под правлением Бедирхан-бея. Секты, в частности, кадири и накшбанди, будучи параллельно созданными организациями, частенько использовали против княжеств как альтернатива. Султаны в угоду своим интересам пользовались и тем, и другим. Секты, создававшиеся в XIX веке по мере ликвидации княжеств, сумели достичь заметного прогресса в плане позиционирования в курдском обществе. Безусловно, их роль негативна, поскольку имелось в виду использование против восстаний. Именно поэтому приходится говорить о глубоком разрушительном действии в отношении общества. Полки хамидов способствовали еще большим разрушениям в курдском обществе.

привели не только к междоусобице внутри курдской знати, но и к конфликтам их с армянами, ассирийцами и арабами. Наступил наиболее негативный этап курдского коллаборационизма.

Изменения, имевшие место в XIX веке в курдском обществе, не были следствием внутренней динамики и накладывали отпечаток на формирование реакционного, соглашательского стиля, постепенно приобретавшего характер отрицания. Высшие слои возвели до состояния основной политики, а точнее, полного ее отсутствия, то, что означало отношения с властью и получение определенных выгод. Они отрекались от всего курдского. Самое большое в истории предательство курдское общество испытало в течение последних двух столетий в связи с капиталистической современностью. Определяющим в данном случае оказался фактор материальных интересов высших слоев. Преданность курдской нации требовала стремления к национальному обществу и борьбе. И когда восстания, разворачивавшиеся на этой почве, не достигали успеха, неизбежными становились такие явления, как капитуляция перед властью, отказ от своего курдского происхождения, предательство курдских национальных интересов, даже определенная роль в ликвидации этой идентичности. В противном случае знать не смогла бы продолжить свое феодальное существование. Оставались массы необразованных людей без лидера. Они возвращались к прежним формам, древним кланам и родовому обществу, существовавшим тысячелетия назад. Те, которые попадали в тиски сект, полностью отрывались от социальной действительности, потому что в течение столетий секты превратились в наиболее действенный институт служения, навязываемого сверху. Важнейший процесс, наблюдавшийся в социальном аспекте этого периода, — формирование широких социальных слоев, выходящих за пределы родов и племен, не сумевших найти свое место в структурах княжеств и сектантских организаций, точнее, изгнанных из них. Пусть и косвенно, но имел место процесс лишения собственности, сформировавшийся в итоге капиталистического процесса, имела место пролетаризация, оказавшаяся в такой ситуации, когда труд на рынке оценивался за определенную плату. Это были полукрестьяне, люди, перебивавшиеся сезонными заработками, но не чисто лишенные какой-либо идентичности. Их число постепенно росло. Данная прослойка, формировавшаяся на дне общества,

категориально именовалась «курмандж», «курды». В дальнейшем понятия «курманджи» и «курды» практически совпали. В XIX и XX веках, говоря о курдах, в целом подразумевали курманджей.

Самое интересное в данном случае заключается в том, что аналогия процессов, происходивших в тюркских племенах, пусть и с опозданием, но происходила и в курдских племенах. Это стало ответом на процессы, ранее происходившие у арабов, а именно расслоение на мадани—бедуины (городские арабы — сельские арабы). По мере того, как тюркская родоплеменная знать, стремясь к власти, отделялась от низших слоев, развивались туркменские общества. Туркмены всегда презирались своей же знатью, их оскорбительно называли «безмозглыми тюрками». Но ведь традиционная тюркская идентичность жила в туркменской среде. Та же ситуация, пусть и с опозданием, возникла и в ходе расслоения курдского общества. Основное различие в данном случае заключается в том, что если высшие слои арабов и тюрков более всего выступали в качестве господствующего элемента государства, то курдская знать создавала соглашательскую прослойку. Если арабская и тюркская знать не пользовалась присущей им арабскую или тюркскую идентичность (у тюркской знати это культура султаната, очень глубоко переживаемая и олицетворявшая космополитическую смесь арабско-персидского культурно-языкового фактора), то курдская знать в угоду своему стремлению обрести место во власти в большей степени расплачивалась отказом от своих корней, в частности, отрывом от национальной и политической курдской идентичности, что во многом означало предательство курдской нации. Для услужения власти другого пути нет. Тем самым, прослойка, которая постепенно нарастает, это курманджи (как в случае с бедуинами и туркменами). Курдское явление в основном стало соответствовать качествам этой прослойки. Эта примитивная, первобытная форма превращения родоплеменного общества в национальное общество олицетворяла основную прослойку, которая отныне формировала современное курдское общество. Курманджи, ставшие рабочей силой, обретающей свободное состояние, в большинстве своем были безработными, поскольку сформировались в отрыве от промышленной революции. Коллективный труд в аграрной сфере стал наиболее развивающейся полупролетарской формой. Следом за ним шел сезонный

буржуазных битраков. Это была ситуация, аналогичная той, что имеет место в колониальных и полуколониальных обществах. Курманджи, прежде жившие в селах, впоследствии стали постепенно уходить в города, становясь преобладающей массой городских окраин. Они представляли основную часть миграции за рубеж. Отнюдь не случайно, что эта прослойка, существовавшая в политическом и культурном вакууме, составляет основную массу РПК, возникшую с идеей представления современного социального аспекта этой прослойки.

Современные преобразования, имеющие место в высших и низших слоях курдского общества, отмечены специфическими особенностями. Крайне трудно было бы назвать буржуализацией ситуацию, имеющую место в рядах курдской элиты. Буржуазия как созидательный класс является исходящей силой Западной Европы. Буржуазия создала оригинальную культуру и технику, донесла до уровня власти политическую культуру. Выдвинула на передний план рентабельные экономические секторы. На этой базе она построила свою гегемонию во всем мире. Буржуазия, развивавшаяся в зависимых от нее географических регионах, копировала европейскую. У всех гегемонистских систем есть аналогичная особенность. То, что происходило в пространстве Ближнего и Среднего Востока, было одной из форм этого мирового процесса. Но Ближний и Средний Восток, который тысячелетиями лидировал в системе центральной цивилизации, оказывал наибольшее сопротивление капиталистической современности. Именно такая действительность имела место в Османской империи и в монархическом Иране, превратившихся в марионетки гегемонистской системы. Происходило длительное противодействие процессу становления буржуазии. Даже после принятия решения о буржуализации была взята за основу ее бюрократическая система, но не курс на полную ликвидацию. Бюрократическая буржуазия — это формирование буржуазии с помощью государства. В более широком смысле происходило буржуазное становление властей в реакционном стиле. Именно по этой причине созидательность, национальный характер такого рода буржуазии ограничен; носит скорее империалистский характер (переносчиков, агентов).

У курдской высшей прослойки ничтожно мала возможность даже такого рода буржуазного становления. Поскольку курдская буржуазия не имела какого-либо независимого или полунезависимого го-

сударства, а в историческом плане погрязла в коренном соглашательстве и отрицании собственной идентичности, ее становление в качестве буржуазии так и осталось на словах. У нее не было ни сил для борьбы за национальный рынок, ни какой-либо политической культуры, ориентированной на это. Напротив, курдская буржуазия обретала хоть какую-то возможность существования только путем отхода от борьбы за свой рынок и его национальную культуру. Таким образом, на протяжении XIX и XX веков не наблюдается никакой курдской буржуазной риторики, за исключением отдельных голосов. Более того, поведением, едва ли не превосходящим по заносчивости даже королей (в истории много тому примеров), курдская буржуазия увеличивала свою прибыль, получая определенные роли в ликвидации курдской идентичности. В соответствии с этой тенденцией, ставшей почти правилом, друг с другом соревновались не в патриотизме, а в отрицании всего национального. Исторические корни курдской буржуазии предельно соответствуют этой тенденции. Говорить о курдской высшей прослойке как о созидательной или бюрократической буржуазии, за исключением некоторых индивидуальных элементов, совершенно не представляется возможным. Еще сложнее говорить о буржуазной классовой культуре.

Мы частично раскрыли характер «белой» турецкой буржуазии, которая в XX веке организовалась как общество «Единение и прогресс» и как Турецкая Республика. Действительно, под этими шаблонами кроется процесс становления буржуазии с преимущественной бюрократической стороной. Ясно, что это буржуализация, основанная на власти. Более того, ее становление не могло бы происходить без опоры на внешнюю гегемонию. А внутреннее развитие могло происходить только путем ликвидации христианской, армянской и греческой буржуазии, которая гораздо раньше стала на путь буржуазного становления. Наиболее показательным был бы анализ ликвидации (геноцида) армян и понтийских греков на этой классовой почве в ракурсе гегемонистских реалий. Гегемонистской силой белой турецкой буржуазии в основном были еврейские капиталистические и культурные элементы. Точнее, они были в позиции гегемонов, причем как с материальной, так и с идеологической точек зрения. Кроме того, армянская и греческая буржуазия столетиями представляла собой для них препятствие на пути развития. По закону максимальной

ибыли следовало от них избавиться. Эту возможность предоставили Первая мировая война и национально-освободительная борьба. Они мастерски использовали под своим руководством турок, которых вырастили в своих парниках, и мусульманские меньшинства, элементы немусульманских меньшинств. Из обеих войн они вышли господствующей силой. Более того, сильные позиции, которыми они обладали в английской гегемонии в мировом масштабе, предоставляли серьезные шансы. Провозглашение республики на почве соглашения с англичанами предоставило этим слоям невиданные возможности. Новая республика с точки зрения географического положения и демографических особенностей несла в себе большой потенциал для капиталистической максимальной прибыли. Армяне и понтийские греки были ликвидированы, прямолинейные черкесы выдворены за пределы системы, и из мусульман балканского и кавказского происхождения можно было выбрать идеальные бюрократические кадры республики. Арабы тоже были выдворены. Единственным источником наибольшей опасности оставались курды.

Несмотря на то, что высшая прослойка курдов давно уже встала на путь соглашательства, но ее стремление получить долю от власти и вернуть свой прежний статус могло сформировать определенную угрозу. Кроме того, сформировались народные массы, несущие в себе потенциал, способный в любой момент восстать. Ясно, что в массовом истреблении курдов по сценарию англичан в 1925 году определяющую роль сыграли эти фундаментальные реалии. Гарантированное обретение максимальной прибыли в Анатолии наряду с истреблением армян, понтийских греков и ассирийцев требовало также кардинального решения проблемы курдов. Англичане, являвшиеся гегемонами того времени, еврейские капиталисты и сионистские кадры вступили по данному вопросу в тайный заговорщический союз с турецкими бюрократическими буржуазными элементами. Это соглашение имеет ключевое значение с точки зрения осознания «белого турецкого явления». Первым плодом этого союза стало безжалостное подавление спровоцированного ими же восстания под предводительством шейха Саида, вслед за этим — мяча Мосула и Киркука английской гегемонии. Социалисты и исламские общины единоверцев безжалостно уничтожались в угоду этому альянсу. Султанат и халифат были ликвидированы. Появился

странный идеологический и политический симбиоз, который начинается историю с 1920 года, никак не связан с собственно турецкой и исламской культурами, не имея также отношения к тщетно копируемой культуре европейского Просвещения. Это можно было назвать новой религией. Новая идеология и культура стремились создать сугубо однородное общество, пыталась создать общество абсолютного послушания. Активные элементы и осколки демократии, как уже говорилось, были уничтожены. Таким образом, особенности курдской идентичности в целом и высшая курдская интеллигентная слойка в частности должны были добровольно или насильственно раствориться в рамках этого жесткого и однородного общества, а все погибнуть. Ответом на отказ становится физическое истребление под лозунгом подавления мятежа. С позиций позитивной философии в это поверили и стали применять с тем же усердием — это время не было грамотной, организованной курдской политической силой, которая могла бы представлять собой опасность для властей. Тем не менее формировался мощный потенциал сопротивления. Речь идет о стремлении уничтожить эти силы при подавлении восстания или посредством заговоров, что и было осуществлено.

Турецкие бюрократическо-буржуазные элементы, сыгравшие важную роль в этой ликвидации, стремясь увеличить свои доходы и прибыли, обложив во время Второй мировой войны состоятельных евреев и капиталистов налогом на имущество, фактически перенесли к ним аналогичные германским (если не точно такие же) меры. Подобно тому, как в гитлеровской Германии немецкая буржуазия ликвидировала своих родоначальников — еврейских капиталистов, экспроприировав их капитал, так и в молодая турецкая бюрократическая буржуазия именно в те годы, когда была еще под гитлеровской властью, применила те же самые методы в отношении еврейских капиталистов, которые пусть и в ограниченной степени, но все же служили примером турецкой буржуазии. Евреи, чей капитал был значительно урезан, или довольствовались оставшимися очень малой долей, или в большинстве своем покинули Анатлию на волне постепенно растущей миграции. Турецкая бюрократическая буржуазия применила эти меры, эти ликвидаторские действия также в отношении всей турецкой знати, не имевшей к ней отношения. В частности, не давали никакой возможности роста земледелия.

и прослойке торговцев и ремесленников. Курды постоянно находились под прицелом. Перевороты, имевшие место во второй половине прошлого века, гражданская война и заговоры стали периферийным выражением этой тенденции. Заговоры, расстрелы, пытки, опустошение сел, запрет на использование родного языка, имевшие место с 1980-х гг., стали масштабным проявлением той же гегемонистской силы, но в союзе с НАТО — с Западом. Иными словами, все это — лишь использование вековых тенденций, расширенное с точки зрения скорости и содержания.

Самое интересное о том, что в республиканской Турции курдская действительность переживала трудный период ликвидации. Курды находились в противоречивой позиции. Если настойчивое желание избавиться от курдов было аргументом борьбы, то план ликвидации нации ради создания однородного общества стал мотивацией для уничтожения курдов. Курдское общество отнюдь не было нормальной социальной структурой. В то время, как высшая прослойка была полностью интегрирована в состояние соглашательства и предательства, низшая прослойка находилась в состоянии культурного и социального отрыва от курдской социальной действительности, основная масса, оставшаяся без идеологии и лидерства, была подвержена ассимиляции. Если этого оказывалось недостаточно, то под любым поводом вступало в силу правило погромов. Оно заключалась в том, чтобы добиться коллективного отказа от своей идентичности, оставив таких курдов, которые не имели бы никаких претензий, стыдились бы своего курдского происхождения, считали бы самой большой опасностью соприкосновение с чем-либо курдским, не имели бы работы и были унижены до такой степени, что не стоили бы и ломаного гроша (если и осталось бы что-то от курдского). Может быть, в современном мире не найдется второго подобного примера социальных реалий. Но гораздо хуже, что такая действительность или осознана очень слабо, или совсем не осознана. Нет ни буржуазии со своим мировоззрением и культурой (впрочем, и смысла такого не было), ни современного пролетариата или буржуазного класса. В такой ситуации следовало бы говорить о виртуальных или виртуальных классах. Основываясь на данных рассуждений, гораздо лучше можно понять, насколько сложно выстраивать турецкий патриотизм, национальность и социальность против невиденной до виртуального состояния действительности.

Почва, на которой возникало движение, в частности, движение РПК, — это почва, на которой не предпринималось никаких попыток осознания собственной ситуации, хотя бы даже в мыслях, а кому-то тысячу раз жалел о том, что начал борьбу. Понятия «Родина», «национальность» и идея собственного общества или просто не существовали, или давно уже перестали существовать. Становится ясно, насколько сложно в таких условиях быть движением сопротивления и освобождения, вооружившись идеологией жизни и свободы.

Начиная с 2000 года в «белой» турецкой гегемонистской системе наметился поворот. Несмотря на то, что прошлое уходило в 70-е годы, в те годы происходило сползание в сторону гегемонистской власти. Этот процесс, связанный с гегемонистской властью во всем мире, свидетельствует об отражении американской теории «зеленого пояса» на всей Турецкой Республике. Изменения происходили не по сути, а по форме. Как известно, теория «зеленого пояса» связана с гегемонистской системой Ближнего и Среднего Востока. Система капиталистической гегемонии занята проблемами гегемонистской системы, построенной, в частности, на протяжении последних двух столетий под руководством Англии и США, она защищает и развивает ее, удерживает от распада в случае перемен и не дает исчезнуть, старается найти решение этих проблем. С Первой мировой войны, вплоть до начала Второй мировой войны, с приходом к власти гитлеровского режима у немцев была гегемонистская идея, ориентированная на Ближний и Средний Восток. Подъем Советской России после Первой мировой войны и соперничество в Ближневосточном регионе, начавшееся после Второй мировой войны, способствовало возникновению «холодной войны». «Зеленый пояс», по сути, был ориентирован на противостояние гегемонии Советского Союза в регионе. Был достигнут успех наряду с неудачей СССР в Афганистане. Переворот в Иране только способствовал осложнениям в теории «зеленого пояса», но не изменил его сути. В основном продолжалась тенденция к слому демократических преобразований в жизни народов региона.

Тюрко-исламский синтез, доведенный в результате переворота в сентябре до уровня официальной идеологии Турецкой Республики, был, по существу, выступлением по лицензии Англии и США. Переворот в Иране и ввод советских войск в Афганистан (1979—1980 г.

вынудили гегемонистскую систему, в которой преобладали роль Англии и США, принять определенные меры с помощью Турецкой Республики. В итоге Анкара стала надежным жандармом Ближнего и Среднего Востока, безжалостно подавив революционную борьбу в Турции наряду с углублением геноцида в Курдистане. Турецкий жандарменский режим в ходе реализации этих целей полностью проникся духом «Гладио». Произошло просто содержательное использование секретной натовской армии «Гладио». Война, которая сегодня проходит в Ираке и Афганистане, по существу, развернута и подмолгается теми самыми элементами «Гладио», которые впервые использовались в Турции. Последний саммит НАТО (Лиссабонский саммит после 2010 года) готовили для объявления этой концепции главной официальной стратегией НАТО.

«Белый» турецкий фашизм, пользуясь возможностями, предоставленными «Гладио» НАТО, с 1985 года пытается стереть курдов с лица земли. Здесь между ними возникло противоречие. «Белый» турецкий фашизм, стремящийся установить контроль над Иракским Курдистаном точно так же, как во время конфликта Мусул–Киркук в 1923 году, как и на заре своего рождения, столкнулся с противостоянием в лице Англии и ее стратегического союзника США. Опять ожили старые противоречия. Казалось бы, целью фашизма была ликвидация РПК. Однако объективно в роли мишени оказывались все курды. Так усилились противоречия с заинтересованными силами. В этот процесс были вовлечены иранский, иракский и сирийский режимы. Более того, стало ясно, что не удастся так же легко ликвидировать РПК, как и повстанческие движения в период 1935–1940 гг. Эта ситуация означала серьезное потрясение и упадок почти что восьмидесятилетнего «белого» турецкого фашизма (1925–2002 гг.). «Белая» турецкая бюрократическая буржуазия, освободившаяся от всех внутренних соперников с социальной точки зрения (впервые она нанесла серьезный удар по своим сионистским партнерам и изгнала из страны значительную их часть), установила полную гегемонию (установление своего контроля над всеми каналами системы во время войны турецкого «Гладио» с РПК), но неожиданно столкнулась с гегемонией Великобритании и США.

По существу, при безграничном оснащении турецкого режима «Гладио» (в частности, в период Догана Гюреша, Тансу Чиллера и

С. Демиреля, Э. Иненю, М. Агара) было получено полнейшее согласие США, Англии и других западных союзников. Противоречие происходило из-за нахождения РПК в Иракском Курдистане. С этой целью вплоть до конца периода 1984—1999 гг. (от выступления 15 августа до ареста Оджалана 15 февраля 1999 года в результате заговора) проводились различные совместные операции против повстанцев. Соглашательские курдские силы Юга также оказали в этом полную поддержку. Но «белый» турецкий фашизм стремился к большему, планировал тотальную ликвидацию курдов. Западная система застыла на этой точке. «Белый» турецкий фашистский режим с центром в Анкаре, оказавшись в одиночестве, был в ужасе. Если бы они пошли дальше, то речь могла идти об осуждении «так, как это произошло с гитлеризмом. Когда данное противоречие углубилось, начались операции в Афганистане и Ираке, развернутые США и союзниками. В этот период стало известно о стратегическом союзе, установленном турецким «Гладио» с режимом Саддама Хусейна и военной разведкой Пакистана. Неожиданно турецкая «Гладио» оказалась лицом к лицу с натовским «Гладио» (в этот период на волне «Эргенекона» она приняла полностью национальный облик). Символическим выражением этой войны стал «скандал с мешками», имевший место в Сулеймание. В результате действий о которых знали США и Англия, один за другим стали осуществляться операции, направленные на прекращение поддержки «белой» турецкой буржуазии и, соответствуя теории «зеленого пояса» на выдвижение ранее вскормленной «зеленой» турецко-курдской буржуазии и становление ее в качестве гегемонистской силы. Наиболее значительные признаки этого процесса заключаются в том, что наряду со «скандалом с мешками» в Стамбуле были взорваны одна синагога и отделение HSBC (всемирно известный английский банк), а также вновь начала действовать организация «Талибан» усилилась иракская оппозиция. Даже если на первый взгляд война была развернута между США и «Аль-Каидой», в реальности все переросло в противодействия между турецким «Гладио» и США.

В итоге стало известно о союзе ПСР, США, Великобритании и прочих партнеров с Западом, на вид кажущихся партикулярными. Турецкая «Гладио», полностью закрепившаяся на национальной почве или оставленная наедине с собой, четырежды пыталась со-

провести военный переворот в армии, но все было тщетно. Митинги по всей республике, союз «Красное яблоко», заключенный между РИ и ПНД, стали отражением этой реакции в сфере гражданско-общества и политики. Данный союз не получил той поддержки, которую ждал от России, Китая и Германии. Отношения, установленные с Сирией и Ираном, были не особенно надежными, что еще больше загнало в угол. В это время курдское политическое образование в Ираке сделало значительный шаг вперед. Так называемые «важные шаги» ПСР были сделаны именно в такой обстановке. Представление всех этих событий как победы ПСР на выборах и других достижений Р. Эрдогана является большой пропагандистской игрой. Истинные стороны войны действовали завуалированно и очень масштабно. Как в 1920-е годы, была развернута массивная гегемонистская война за Анатолию и Месопотамию.

Более типичным было положение еврейского капитала в этой гегемонистской войне. Основным союзником восьмидесятилетней «белой» турецкой буржуазии в этой гегемонистской войне был сионистско-националистический еврейский капитал. Процесс создания Израиля требовал заключения этого стратегического союза. Мощь современного Израиля хорошо известна. Он уже не зависит от «белой» турецкой буржуазии, как это было ранее — даже наоборот, все поменялось местами. Можно было ожидать, что их взаимоотношения дадут трещину, но такая ситуация не означала бы полного бездействия еврейского капитала в деятельности институтов и создания новой гегемонистской силы в Турецкой Республике. Активно вступили в действие те слои этого капитала, которые особо не изменили отношения к сионистскому национализму, действовали более глобально и имели особое влияние на финансовую сферу. Именно эти слои и переполнили Турцию «горячими деньгами». Данная прослойка, которую можно было бы назвать всемирным еврейским капиталом и идеологией (евангелизм), в основном финансировала ПСР и с легкостью заняла место сионистского капитала и идеологии. В принципе между двумя прослойками, представляющими эти капиталы и идеологии, нет непреодолимой китайской стены. Коротко говоря, начинался период умеренно-исламской Турецкой Республики с центром в Конья-Кайсери (во-первых — преимущественно идеологический, во-вторых — преимущественно финан-

совый центр), созданной «зеленой» турецкой буржуазией вместе с внутренними и внешними гегемонистскими силами.

Называя «белыми турками» социальную прослойку, которая с первых лет провозглашения Республики до начала 2000-х гг. отвечала за капитал и идеологию, росла и укреплялась вместе с этим, мы не имеем в виду чисто тюркский оригинал. В этой прослойке есть определяющая руководящая роль внешней идеологической гегемонии и капитала. В сущности, не учитывая силу гегемонистского капитала и идеологии Англии и ее умение достигать дипломатического согласия, сложно понять Турецкую Республику как таковую. Думать, что понять ее легко, утверждая, например, что республика была построена на почве абсолютно независимого собственно национального капитала и собственно национальной идеологии, означает обманывать самих себя, обрекая на ошибки. Такое же обобщение можно с лихвой допустить и в отношении гегемонии «зеленой турецкой буржуазии», которую стремятся поставить на место «белой турецкой буржуазии», потому что в первые годы Республики очень ощущались воодушевление и независимость, которыми прониклись в годы войны за освобождение; внутри страны существовало гораздо больше возможностей свободного движения. Более того, капиталистические гегемонистские силы завершили Первую мировую войну с большими потерями. Англия устояла с трудом, в силу внутренних проблем. Революция была близкой опасностью для всех европейских государств. Но гораздо важнее то, что «белая турецкая буржуазия» и реально, и объективно получала поддержку Советской России. Что касается «зеленого» капитала и идеологии, то у них не было такого конъюнктурного положения. Существующее накопление находится под контролем монополистического бюрократического капитала с центрами в Стамбуле и Анкаре. Несмотря на то, что он основывается на традиционной исламской идеологии (правящий ислам) и международных структурах капитала, действующих под маркой ислама, эти возможности были ограниченными в отношении установления собственной гегемонии. Таким образом, неизбежной была их явная зависимость от капиталистической гегемонистской системы. Это зависимое состояние открыто читается по положению ПСР. Развивая на международной арене теплые взаимоотношения с мировым капиталом, ПСР постоянно держит на повестке дня страны проблемы

демократизации, в частности, курдскую проблему. Используя позицию видимого стремления решить вопрос вместо действительного его решения, продолжила восхождение, пропагандируя тупиковое состояние, в котором в силу данных проблем оказались противостоящие ей гегемонистские силы (частично армия, судебная власть, ИРП, ПНД и связанные с ними левые организации). Как во время становления гегемонии в ранние годы республиканского строя, так и в учреждении новой гегемонистской власти движущей силой являлись внешние силы в лице Великобритании и США.

В этой связке роль всемирного финансового капитала оказалась определяющей. В идеологической сфере вместо «белой» турецкой производной влиятельными оказались религиозно-иудаистские подходы — евангелизм, каббализм и караимы. Это новое идеологическое восхождение, которое можно было бы концептуально охарактеризовать как движение «зеленых» турок, продолжается и по настоящее время. Они обрели еще больший профессионализм в использовании стратегии и тактики, на которой основываются. Их целью является завершение становления гегемонии к 100-летию Республики.

С позиций курдов имеет смысл обратить особое внимание на эту новую гегемонию. Упомянутая гегемония в данном смысле (в ракурсе курдской проблемы), с одной стороны, основывается на «белой» турецкой бюрократической и монополистской власти, сыгравшейبرزрезную роль и зашедшей довольно глубоко в планы истребления курдов, с другой же стороны, она, укрепившись с помощью самыхبرزрезных методов, осуществляется такими темпами, которые никак не сравнить с предыдущими, включая методы, применяемые на стадии создания. Основные силы для этого черпаются во внешнем капитале и идеологических механизмах (организации по созданию мышления, фабрики мысли (think-tank), а для того, чтобы заручиться поддержкой армии, используется умение применить ислам. Вместо аргументации «белого» турецкого фашизма, утратившего свою законность, в качестве легализующей идеологии используется (не по сути, а в демагогическом стиле) «братство единоверцев» и «историческая общность». Пользуясь банкротством национализма фашистского толка и национальной идеологии, отрицающей наличие других наций, пытаются убедить армию и некоторые бюрократы

тические структуры в том, что с помощью применения ислама можно установить контроль если не над всеми, то над большей частью курдов. Собственно говоря, традиционное влияние религии на курдов занимает значительное место в гегемонистских расчетах «зеленого» капитала. В этом смысле наряду с традиционными сектами задействуются вновь открываемые курсы изучения Корана, линии по подготовке имамов-проповедников и прочие аналогичные механизмы. В качестве важных козырей используются секты, верхушки которых, как и было на протяжении истории, постоянно подкармливаются властью, а сами секты в последнее время превращаются в некие холдинги. В первую очередь речь может идти о накшбанди и кадири. Некоторые из этих сект играют роль ударной силы (ответвления «Хезболлах»). Гегемония «зеленого» капитала преследует серьезные цели в использовании религии как орудия эксплуатации.

Вторым значительным фактором эксплуатации является формирование искусственно создаваемой курдской буржуазии. Вместо традиционного феодального соглашательства насаждается современный буржуазный коллаборационизм. В этом смысле активно используется политическое формирование в Иракском Курдистане. В масштабе всего Курдистана за любыми капиталистическими группами признается преимущественное право в плане инвестиций в экономику. Курдистанский Эрбиль хотят наделить той же ролью, которую играет арабский Дубай. Сулеймание и Диярбакыр рассматриваются в качестве базовых городов второго пояса. На этой почве образуются политические партии и организации гражданского общества. Мнимый «курдизм» используется в данном случае в качестве экрана, причем создавая иллюзию того, что в борьбе за права курдов не щадили своих сил, имущества и мыслительных способностей. Всемирный капитал, стоящий за данным формированием, сыграл в этом деле определяющую роль, точь-в-точь как в Турции.

И всемирный, и турецкий капитал испытывают большой интерес к вопросу формирования курдской буржуазии, как будто речь идет о созидании социальной силы, которая станет едва ли не продолжением и подобием их самих. Основной целью является разделение революционного демократического движения национальных и социальных сил и лишение их какого бы то ни было влияния в Курдистане, где патриоты своей жизнью, имуществом и мощью и

интеллигент заплатили высокую цену. По мере решения этой задачи они собирались в меру своих традиционных интересов защитить и развивать собственные возможности аннексии вновь возникающего курдского государства и его роста. Если ранее они обеспечивали и защищали свои интересы, отрицая факт существования курдов, то в этот раз пытаются и продолжить, и усилиться на почве мнимого «курдизма» (теряющий рассудок «курдизм», ради которого не совершено ни одного самоотверженного поступка, а если и были, то люди, отдавшие свою жизнь и кровь, объявлялись сторонниками войны). Курдские соглашатели в этом плане имеют исторический опыт и мастерски играют роль флюгера. Государственный федерализм, представленный на обсуждение как актуальный вопрос, и мелкая курдская национальная государственность с центром в Эрбиле тесно связаны с мировым капиталом. Это своего рода курдская версия турецкой и арабской национальной государственности. На этой почве ими выдвигается альтернатива проекта Демократического автономного Курдистана, имеющего перспективы развивающейся демократической современности.

Усилия, направленные на то, чтобы внедрить пласт национальной буржуазии в курдское общество, не имели внутренней динамики, они были искусственными и навязывались извне. Силы, осуществлявшие геноцид, испытывая серьезные затруднения, не сумели создать искусственный сектор курдской интеллигенции и буржуазии. Полкам «хамидийе» и институту сельских охранников хотят, как будто это возможно, продлить жизнь вместе с мнимой интеллигенцией и буржуазией. Речь идет об отражении и дополнении в интеллектуальной, политической и социальной сферах института сельской охраны и тех слоев, что признали власть. То, что внутренняя динамика курдского общества в значительной степени сломлена, придает силы и храбрости этим фальшивым и искусственным элементам. Данная ситуация требует мастерски и осторожно сорвать с них маски и раскрыть их истинные лица.

Расчеты новой гегемонии не ограничивались только лишь традиционным исламским движением и использованием новых искусственных элементов. Эта гегемония включает все прочие методы, используемые «белым» турецким фашизмом. Экономическая, национальная, политическая и культурная гегемония продолжается

при помощи методов, доходящих до ассимиляции и геноцида по средством лакировки оттенками прав человека и индивидуальными правами курдов (хорошо известно, что без коллективных прав не может быть индивидуальных, а если и предположить такое, то они не будут иметь никакого смысла). Не признаются Родина, нация и социальная идентичность курдов. Выражение «один язык, одна Родина, одна нация, одно общество, один флаг» существует без каких-либо перемен. У курдов не только отсутствует какой бы то ни было конституционный и юридический статус, но даже простое требование этого статуса считается преступлением. Экономические права, право на образование и медицинскую помощь становятся предметом обвинения даже на уровне выражения прав, которые должны быть признаны за народом на основе той национальной и социальной идентичности, которую он выбирает. О политических правах, впрочем, и вообще нет речи. Новая гегемония не ограничивается одним лишь продолжением жесткой узурпации всех этих прав; под маркой «борьбы с террором» она пускает в ход свой многомиллионный механизм армейской, политической, социальной, экономической, культурной, психологической и дипломатической борьбы, замыкая таким образом на семь замков и ограничивая стенами дома жизнь и свободное волеизъявление курдов. Мобилизуя все возможности своего государства и союзников, она считает своей важнейшей задачей ликвидацию курдского народа. Геноцид и ассимиляция, которые на протяжении XX века использовались против демократии, социализма и культурной жизнедеятельности апологетами традиции НРП, истоки которой коренятся в «Единении и прогрессе» (традиция бюрократической буржуазии), уже в XXI веке стараются завершить при помощи ПСР, маскируя реальность всевозможной лакировкой.

В наши дни социальные образования в курдском обществе, соответствуя историческим корням высшего слоя, порождающие негативные, жесткие и отчужденные от своей идентичности элементы, отрицательно сказываются на современных процессах, происходящих на уровне низших слоев общества. То, что (за исключением отдельных случаев) не сформировались современные слои, которые должны хотя бы на минимальном уровне представлять национальную и социальную культуру, а те, что сформировались, существуюн в отчужденной форме, в виде продолжения господствующих национа-

мальных реалий — согласно пословице «рыба гниет с головы», приводит к крайне глубоким разрушениям в среде курманджей и неминуемой бедноты. Израненная и прогнившая социальная действительность. Чем более нова и современна эта действительность, тем глубже раны и загнивание. Оставим в стороне то, что они не могут создать для себя классовые и социальные пространства — но ведь и сами они не в состоянии стать классовым и социальным явлением! Они лишены тех сил и усилий, которые необходимы для самостоятельности. Не говоря уже о создании новой классовой и социальной культуры, они лишены даже традиционной культуры. Курдская социальная действительность в нижних слоях существует только в маргинальных масштабах. Поскольку они не способны даже раствориться в среде господствующих наций и обществ, то продолжают существовать почти в состоянии социальных мертвецов и скелетов, потому что растворение в среде господствующих культур тоже требует способностей и сил. Без всего этого наблюдается просто маргинальное курдское сообщество. Родоплеменное курдское общество курманджей не в силах преодолеть барьер маргинального сообщества, не в состоянии дойти до уровня современных классовых и социальных слоев.

Подобные явления не могут считаться просто следствием угнетения и эксплуатации наций и обществ, существующих вообще при реализации устремлений современного капитализма, на чем мы многократно останавливались. Это угнетение и эксплуатация связаны с политикой культурного геноцида, преследующего цель отчуждения курдов от национальных, патриотических, общественных и культурных понятий. Курдская социальная действительность оказалась лицом к лицу с практически невиданными мерами, направленными на ее истощение. Не проанализировав природу всех этих мер, нельзя будет осознать курдский народ как явление, или же это осознание будет нести в себе глубокие ошибки. В итоге мы видим курдов, которые боятся самих же себя, бегут от самих себя, отрицают собственное существование, считая, что обретут идентичность современного человека, отрекаясь от собственной идентичности. Это дживые, невежественные люди, не осознающие самих себя, не признающие прав и не понимающие законов, выдворенные за пределы политики, ненормальные, полностью себя исчерпавшие.

Их можно назвать маргинальными курдами. Возможно, речь идет о явлении, которое невозможно охарактеризовать, поскольку не осталось формы, соответствующей определенным нормам. У евреев есть признанная в мировом масштабе литература, посвященная Холокосту. Если все, что пережито евреями, изложено ими в бесчисленных фильмах, романах, научных трудах, музыкальных произведениях и в живописи, то в части, касающейся того, что пережито курдами или грозит им, имеет место совершенно противоположная ситуация. Нет никакой литературы, фильмов, научных исследований относительно пережитого. Остается только эпический жанр и фольклоре, и тот уже на грани истощения.

Проявив смелость и решив остановиться на вопросах курдских реалий, я постоянно ощущал подавляющее влияние этих истин. Я хотел выразить это при помощи науки, которую считал самым подходящим методом изложения. Этого оказалось недостаточно, и я попытался подвести под нее политическую черту. И этого оказалось недостаточно, я встал на путь вооруженной борьбы. Но и этого оказалось недостаточно — я сделал шаг к мирному решению. Но и это не удастся никак. Все приведенное подтверждало, насколько ужасающим является современное состояние курдской социальной действительности. Я знаю, что ни в коем случае не стоит приуменьшать того, что и этими строками очень тяжело выразить все реалии. Задумываясь об этом, я сожалею о друзьях и товарищах, оказавшихся за пределами, и ощущаю гнев, направленный на двуличную действительность, вообще лишенную лица.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУРДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Стремление осознать общественную природу, разделив ее на различные сферы и аспекты, является одним из результатов современного научного мировоззрения. Этот метод связан с подъемом капитализма как гегемонистской системы. В том, что политическая экономия превратилась в одну из видных сфер социальной науки, есть значительная доля влияния, оказываемого на экономику капитализмом. Капиталистическая эффективность, отражающаяся себе едва ли не как сфера, независимая от политики и власти, по сути,

является наиболее сконцентрированным выражением политики и власти, следовательно, и силы; это выражение силы, насилия, называемое самой эффективной прибылью, более всего воплощаемое в деньгах и правящее обществом. Отчуждающее воздействие капитализма на общество тесно связано с взаимоотношениями между деньгами и силой. Деньги — это наиболее рафинированная форма силы, ее воплощенная сущность. Как бы ни пытались представить деньги идеологическим антиподом власти и государства, они являются элементом, находящимся в основе власти и государства. Капитализм — это система, которая не просто зиждется на узурпации прибавочного продукта; это суть, лежащая в основе всех индексов, грабительских систем, стало быть, образований власти. Характеристика этого только как индустриализма, стремления к максимальной прибыли, современного производства, рынка может способствовать появлению серьезных ошибок. Капитализм — это название системы, использующей все наиболее развитые формы угнетательских и эксплуататорских методов, маскирующей свои намерения и легализующей при помощи идеологической гегемонии, организующейся в форме власти (национальное государство), максимально распространяющей свою силу на все общество, совершающей агрессию против природы при помощи индустриализма (технологическая агрессия). Это система, заточившая общество в «железную клетку», взяв его в плен. Это идеология и практика, которая повела силу до наиболее жестких форм массового истребления.

Все, что пережито курдским обществом в условиях современного капитализма, представляет наиболее содержательные доказательства этой характеристики. Для тех, кто хочет осознать гегемонистскую систему современности, коей является капитализм, Курдистан и курдская действительность превратились в некую лабораторию. Мы можем познать истинное лицо капитализма не в Лондоне или Нью-Йорке, а на линии Диярбакыр—Эрбиль, Мехабад—Камышло. Желая во всей полноте понять, куда повел капитализм страну и народ вместе со всей социальной природой, стремясь охарактеризовать эти линии вместе с перифериями, мы должны познать обнаженное состояние реальности, которая не способна спрятать свою шаготу и обрести законный характер. Когда это реализуется, мы столкнемся со всеми последствиями того, как при помощи ассими-

ляции и массовых истреблений, грабежей и безработицы, всех форм насилия, не признающих границ истребительских мер национального государства, во имя сиюминутных интересов бюрократического и частного капитала разрушалось курдское общество, курды лишили понятий «нация» и «Родина», лишили человеческого лица.

Итак, современный экономический аспект в курдской действительности не может быть истолкован только в ракурсе обычной экономической жизнедеятельности. Это было бы очень узким толкованием, способным ввести в заблуждение. Безработица, в экономическом смысле на первый взгляд превышающая 80%, уничтоженные земледелие и животноводство, разграбленные недра и другие природные богатства — все это можно представить в виде основных показателей. Это верные показатели, но они несут в себе массу недостатков, недостаточно четко отображая истину явления, называемого экономикой. В данном случае гораздо легче оказывается выявить то, что буржуазная политическая экономия уничтожает смысл и искажает суть. Она разрывает в клочья действительность, то есть представляет жизнь в безумном виде. Это метод «Убей, разорви в клочья и исследуй!» Это метод столь же дикий, как сама жизнь, метод, заставляющий отрицать саму жизнь! Когда речь идет об обществе, то его представляют не как целостную, живую систему с присущей ей волей и нравственностью, а в виде раздробленного, утратившего свою жизненную силу, превращенного в объект, лишённого воли и нравственности (в реальном смысле лишённого политики) общества, развивающего в себе не смысл, а бессмысленность, бесчестие и слепоту.

Казалось бы, считается, что в курдской действительности не особо развито влияние элементов современного капитализма, нет никакой связи с происходящими событиями, или эта связь носит крайне ограниченный характер. Такой подход таит в себе серьезные ошибки. Если бы не было элементов современного капитализма (закон максимальной прибыли, национальное государство и индустриализм), то курдская действительность во всех своих аспектах не оказалась бы в ситуации отрицания и уничтожения. Суть системы диктует здесь полное уничтожение. Элементы, которые порождены и существуют под названием «курдской действительности», с одной стороны, подвержены почти невиданному предательству, используемому при отрицании курдов. С другой стороны, эти же

элементы не преминули создать облик мнимой курдской идентичности, а также замаскированные организации и системы, которые фактически являются капканами. Считая это инвестициями, выдавая за современное строительство такие действия, как возведение мостов, дорог, плотин (уничтожение природы и земледельческого уклада жизни), школ (организация культурного геноцида) и мечетей (использование религии как идеологического оружия, прикрывающего массовое истребление), а также военную службу во имя защиты страны (искусство самоуничтожения, по меньшей мере, с точки зрения принципа «принятие—непринятие» курдской действительности), они, с другой стороны, не пренебрегают такими действиями, как атаки со всех социальных фронтов на борьбу за жизнь и свободу, вступают в соглашательство, являющееся частью убийства, и поощряют древесного червя, который грызет генеалогическое древо. С этой точки зрения экономика с лихвой выполняет свою роль оружия уничтожения.

Протокурды являются хозяевами культуры, заложившей основы исторической экономики земледелия и животноводства. Вместе с другими соседними народами курды впервые в истории создали видимую рыночную экономику на основе добычи ископаемых, торговли и посредничества. К началу XIX века, то есть до утверждения современного капитализма на курдских территориях, курды были одним из заметных элементов мировой экономики. Они научили человечество воспринимать экономику как материальную структурную культуру, духовность, нравственность и мировоззрение. Эти важнейшие исторические культуры в течение последних двух столетий были доведены до края пропасти полного банкротства. Современность мстила истинным творцам экономики. В первую очередь были колонизированы, разграблены и иссушены земледелие, животноводство, подземные и наземные ресурсы. Подавляющая масса населения, трудящиеся слои стали гигантской армией безработных. Они поставлены в такое положение, когда за самую низкую плату готовы взяться за самую грязную работу. Курды превращены в массы, которые готовы во всем мире продать свою рабочую силу за самую дешевую плату. Все общество, за исключением торсткы колонизаторов и носителей грубой силы, а также компралорских агентов (так называемая «местная буржуазия»), обречено

на голод, безработицу и болезни, оставлено без образования и без средств к существованию. Точнее, при помощи таких авторитарных мероприятий, умышленно навязываемых извне, курдов вынудили полностью капитулировать.

В современном Курдистане экономика используется в качестве орудия жестокости и порабощения. Оставляя общество без работы и хлеба насущного, вынуждают его отказываться от всех социальных качеств, и на почве отказа от курдской идентичности сулят людям работу и еду. Основным условием того, чтобы стать хорошим государственным чиновником или сотрудником фирмы, считается усвоение всех ценностей господствующей нации. Курдское происхождение, упорное сохранение собственной курдской идентичности приводят к тому, что человек моментально попадет в «черный список» и потеряет возможность трудоустроиться, что стремятся превратить в мотивировку голода и нищеты. Повсеместно создаваемые холдинги и университеты превращаются в центры уничтожения курдской идентичности. Плотины играют роль чудовищ, которые буквально заглатывают исторические поселения, территории земледелия, села и всю природу. Любые материальные и духовные структуры, которые оказывают услуги курдскому фактору, нивелируются, затем их превращают в колонии и средства уничтожения курдских национальных особенностей. Для этого любые силовые и экономические средства (деньги, работа, рынок, профессия) используются как оружие. Экономические сферы, которые на первый взгляд не должны быть в тесной связи с политикой и властью, на самом деле превращаются в те, где больше всех эксплуатируют и истощают курдскую действительность. При этом в качестве козыря используется работа даже самого простого магазина. Путь к владению банками, кооперативным или заводским оборудованием пролегает через полный отказ от курдского национального самосознания. Налагается запрет на развитие индивидуальных и коллективных средств, необходимых для того, чтобы воспринимать жизнь курдского общества, и такого рода усилия ставятся под серьезный контроль. Совершенно не дают возможности для развития и защиты собственного местного рынка. Наиболее эффективные орудия власти капитализма над рынком возводятся в ранг абсолюта господства. Впрочем, не дается никакой возможности для проявле-

нии конкуренции между почти несуществующими и реализованными товарами, а защита от монополистских цен фактически невозможна. В вопросах кредитования, экономики и налогообложения также применяются методы отчуждения от курдской идентичности и растворения в среде господствующей нации.

По мере осознания невозможности задушить борьбу за сохранение жизни и свободы, а также по мере организации сопротивления и развития сфер свободной жизнедеятельности на этой почве экономическая сфера проектируется заново. В регионах с большим экономическим потенциалом, в первую очередь, в крупных городских центрах Курдистана, совершенно осознанно и вместе с так называемой курдской буржуазией, связанной с метрополиями, создаются крупные холдинги. Пользуются даже услугами курдских бизнесменов-управленцев и женщин. Разворачиваются подходы, направленные на развитие курдов, даже курдского национального самосознания и общественных организации, причем это готовы представить в форме, гораздо худшей, нежели условия публичного дома. Создаются палаты и союзы. Несомненно, во всех этих сферах и попытках присутствуют и честные элементы, преданные своей национальной и социальной идентичности. Но, как и во всех сферах, исключения не нарушают общее правило, а, напротив, подтверждают их. В данном случае очень важно отличать друг от друга методы и элементы, преследующие цель нанести удар по курдской действительности и уничтожить ее, от подходов и элементов, направленных на защиту курдской действительности. Поскольку экономическая сфера может существовать до тех пор, пока существует общество, необходимо добиться, чтобы экономика перестала атаковать и уничтожать свою социальную действительность; вместо этого надо превратить ее в средство развития и освобождения общества.

В отношении Курдистана и курдского общества, стратегическое значение которого возросло в глазах современного капитализма с момента последнего вторжения в Ирак (2003 г.), применяются преобразованные фундаментальные меры, в том числе экономические. В частности, предпринимаются попытки развития «экономики благоденствия» с центром в Южном Курдистане. Все экономические образования вместе с действующим здесь политическим образованием развиваются под полным контролем гегемонистских глобаль-

ных, региональных и местных сил, и представляют их в виде модели. Такого рода поворот, пережитый современным капитализмом во многих регионах мира, нуждается в анализе в свете парадигмы демократической современности и поиска средств альтернативного решения. Очень важно не дать этому последнему империалистическому колониалистическому оружию нейтрализовать демократические преобразования — в частности, экономическими методами. Для этого необходимо основываться на принципе развития трех фундаментальных средств демократической современности: демократической нации, экологической индустриализации и социалистической рыночной экономики, создаваемой в потребительских целях. И экологическая индустриализация, и общественная рыночная экономика, основанная на основных потребностях человека, не преследующая цель непрямого извлечения прибыли, служащая консолидации общества, должны восприниматься как наиболее значительные средства.

5. КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ КУРДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Следует говорить о культурном аспекте в узком смысле слова. Культурный аспект более всего связан с состоянием мысли. Огромное значение имеет язык как основное орудие выражения мысли. Язык является одним из древних средств социализации; в сфере социализации он сыграл столь же важную роль, как и первые каменные орудия труда. Точнее, развитие речи было тесно связано с развитием орудий труда: они оказывали сильное влияние друг на друга. Символическая система языка стала самой главной причиной появления Homo Sapiens (Homo sapiens). При помощи языковой системы человечество развило силу своего мышления, что в дальнейшем способствовало череде революционных событий. Крупнейшим центром этих революций, ознаменовавших важный социальный скачок в истории человечества, стала в силу своего географического положения горная система Тавра и Загроса. Причины этого явления мы уже обсуждали. Основными группами этой системы были предки курдов. Арийский язык и культура — это древнейшая сформированная ими культурно-языковая группа, сыгравшая основную роль

в развитии неолитической революции, а также в развитии города и цивилизации. Данные процессы происходили примерно двадцать тысяч лет назад. Следовательно, в мировоззрении курдов можно видеть следы неолита и истории всей цивилизации. Сложившаяся позднее индоевропейская культурно-языковая группа своими корнями уходит именно в упомянутое прошлое. Представители данной культурно-языковой группы постоянно сталкивались с двумя различными культурно-языковыми группами. В сравнении с семитскими группами (условия жизни в пустыне и жаркой местности), тесно связанными с африканскими корнями, находившимися южнее, и урало-алтайскими группами (тундра и область холодов), происходившими из Сибири, находившимися севернее, наиболее выгодное положение было у тех, кто располагался в центре. Географическое преимущество сыграло определяющую роль в развитии — по той причине группы, располагавшиеся в центре, оставили следы исторически наблюдаемых крупных выступлений. Именно это дает возможность понять их важную роль в материальном и культурном развитии.

На протяжении истории курдская культура играет передовую роль в развитии основного потока и его влияния. Но постоянное, в течение всей истории цивилизации, проживание в ареале активных конфликтов привело к тому, что курды могли сохранить свое дальнейшее существование, только уйдя высоко в горы. Статус древнейшего народа курды сохранили благодаря проживанию в горной местности. Но негативным последствием этого стало то, что в своей структуре курды не уделяли особого места городской культуре. Они жили в состоянии постоянного противостояния с городской цивилизацией, считая город варваром, жаждущим их поглотить. Так сохранилась и дошла до нашего времени традиционная родоплеменная культура. Родоплеменная форма является постоянной формой, ядром курдской культуры. Гораздо правильнее было бы воспринять родоплеменную культуру не в ракурсе кровных связей, как это принято считать в социологии, а как способ существования, определенный в русле сопротивления устоям цивилизации и традиций повседневной жизни. Свою роль в стабильно сильной позиции родоплеменной культуры у курдов сыграло то, что народ на протяжении истории цивилизации постоянно находился в условиях борьбы и

свободного волеизъявления. В данном случае определяющим является не кровная связь или степень родства. Традиция зороастризма, отличаясь в данном случае от семитической традиции, проявляла свое влияние не на почве порабощения, а на пути к свободной жизни. Между ними существует такого рода кардинальное различие. Удар, нанесенный по традиции зороастризма в период исламской власти, повлек за собой практику порабощения. В основе того, что авторитарный ислам стал врагом традиции зороастризма, лежат жесткое классовое расслоение и порабощение, характерное для того ислама. Очень важно отметить, насколько курды оказались порабощенными по мере своего приобщения к авторитарному исламу. Свободное волеизъявление в курдской культуре испытало разлом с установлением авторитарного ислама. Сопrotивление, возникшее против этого на почве алевизма и езидизма, будучи связанным с древней традицией зороастризма, сыграло основную роль в защите свободы и традиции, обеспечивающей возможность свободы. Секты и конфессии, избегавшие авторитарного ислама, вносили свой вклад в жизнедеятельность более свободного и нравственного общества до тех пор, пока их не коснулась болезнь власти. Это были своего рода средневековые организации самообороны. Как правило, именно упомянутые два канала обеспечивали сохранение в Средние века курдской культуры, неуглубление порабощения и нежелание отречься от своей свободы.

В сфере духовной культуры, как и в сфере материальной, современный капитализм продемонстрировал тактику крайней ассимиляции и геноцида, что было реализовано при помощи национально-государственных механизмов уничтожения. Арабское, турецкое, иранские национальные государства, являющиеся агентурными структурами и агентствами современного капитализма, используя традиционные институты власти, буквально блокировали курдскую культуру, лишили курдов каких-либо возможностей получить образование на родном языке, и даже, разрушив традиционную систему медресе, обрекли курдский язык на вымирание в господствующих институтах культуры и языка национального государства. Слабые попытки курдского национализма защитить курдскую культуру (труды в сфере языка и литературы) не только не дали позитивных результатов, но имели совершенно обратный эффект во взаимо-

отношениях с сильными противниками. Когда противостоящая культура слаба, неизбежным становится постепенное растворение и исчезновение, как это и имело место во всех аналогичных случаях. Более того, буржуазные националистические формы, в целом обладая возможностями, позволяющими сохранить и развить родные культуры, выполняют противоположные функции искажения и опустошения этих культур. В современных условиях, где обладающие письменностью культуры достигли, за некоторым исключением, своего апогея, в силу запрета и ассимиляции курдская культура дала очень мало произведений. Но и в этих произведениях свободная жизнь не нашла своего правильного выражения, героями чаще всего становились представители родоплеменной аристократии, князья и религиозные лидеры.

В курдской действительности роль современного капитализма в развитии национальной культуры имеет негативный характер. Они приблизились к реальности даже с точки зрения формирования буржуазной национальной культуры. Существующая культура представляет собой культуру воспевания убийства, ассимиляции и геноцида, что свойственно господствующему национальному государству. Ежедневно повторяемый фашистский лозунг «одна Родина, одна нация, одно государство, один язык, один флаг» выражает именно эту действительность. Элементы современного капитализма, являющегося системой гораздо худшей, нежели системы культурного гнета ассимиляции Древнего мира и Средних веков, подобно стрелам всадникам апокалипсиса, так и стремятся реализовать этот самый апокалипсис. Принцип извлечения максимальной прибыли, индустриализм и национальное государство не брезгают никакими ликвидаторскими мерами, направленными на нейтрализацию традиционной культуры курдов, чтобы не дать ей достичь национализации.

История возникновения «белой» турецкой буржуазии, созданной турецким бюрократическим капитализмом, сплошь состоит из заговоров. Изначально используя традиционную имперскую культуру в качестве ступени и маски для себя, заговорщики буквально взяли заложники все общество, все его внутренние и внешние институты. Общество становится пленником этой культуры. Ясно, что классовая элита, использующая в качестве заложницы социальную

культуру, которую считает своей собственной (тюркский этнос, суннитский ислам), сыграла гораздо более разрушительную роль в отношении курдской культуры. Вся история XX века полна такого рода впечатляющих примеров. Организация «Единение и прогресс», одержимая идеей выступления на светской почве, а также ее формы, ставшие властью, в частности НРП, после завершения процессов ликвидации армянской, греческой и ассирийской культуры, используя все свои силы, приступили к ликвидации курдской культуры. И в процессе восстаний, спровоцированных в период 1925–1940 гг., и во время последующего «белого» мертвого безмолвия, на всей полноте применялись методы убийства. Наряду с локальными фактами физического геноцида, в основном применялась модель культурного геноцида.

В этот период курдская культура со всеми материальными и духовными элементами была подвержена абсолютному отрицанию и запрету, при помощи безграничных ассимиляторских мер власти стремились довести до конца культурный геноцид. Не разрешалось открыть ни одну школу с курдским языком обучения, чтобы поддержать культурную жизнедеятельность народа. Речь идет о мерах, не имеющих прецедентов во всем мире. Ни в одной статье закона не уделено места выражению культурной идентичности. Курдская культура со всеми ее элементами (литература, история, музыка, изобразительное искусство, наука и пр.) была выведена за пределы законодательства. И в этом случае нет на планете второго подобного примера. Элементы, которые в связи с причастностью к курдской культуре следовало разрушить и уничтожить, подвергались разрушению или уничтожению, а те, что можно было использовать, оказались интегрированы в буржуазную национально-государственную культуру, испытав воздействие которой, уже считались турецкой культурой. Наряду с запретом на использование родного языка были запрещены все исторические названия сел, городов, регионов и родных мест, а вместо них насаждались «белые» турецкие названия на том же языке. Так был с легкостью отдан приказ разрушить все реалии. Литература, музыка, изобразительное искусство, история и наука, являющиеся видами выражения курдской национальной культуры, также были внесены в список запрещенных. Потом власти пошли еще дальше, объявив вне закона всех, кто от-

принадлежал к этим сферам — люди были обречены на безработицу и нищету, а их деятельность парализована. Условием жизни стал отказ от самобытной культуры. В частности, после периода восстаний такие сферы, как экономика, право и политика, использовались в качестве наиболее эффективного оружия. Оставался только отказ от собственной идентичности. Результатом стал труп курдской культуры, даже самое незначительное приближение к которому чувствовалось серьезными проблемами. Труп, который постепенно разлагался. Естественно, что после пожирания стервятниками и воронами останки обречены на полное загнивание. В курдской культуре как таковой имело место глубокое загнивание, навязывался этот процесс загнивания.

Исламская авторитарная традиция, вставшая на буржуазные рельсы, не смогла продемонстрировать способности, позволяющие преодолеть влияние «белого» тюркизма — более того, оказалась еще хуже этой традиции. В дополнение к современным секулярным методам, противопоставленным курдской культурной действительности, использовались исламские традиции: под маркой тюрко-исламского синтеза усугублялся и применялся национализм. В частности, когда секулярного тюркизма оказалось недостаточно для ликвидации курдов, были задействованы тюрко-исламские мотивы. Все религиозные течения, в первую очередь такие секты, как накшбанди и кадири, использовались как средства культурного уничтожения. Официальное министерство по делам религии, созданное, впрочем, с момента провозглашения Республики, использовалось на службе у лаицистов. В частности, эксплуатируя привязанность курдов к религиозной традиции, власти уделили преимущественную роль использованию религии заговорщическим способом. Традиционные повстанческие особенности сект были выхолащены и использовались в противоположных целях. Вместо «белого» турецкого национализма (в актуальном конкретном плане НРП, ПНД и др.), оставшегося не у дел в этой борьбе, или вместе с ними, в угоду национально-государственной политике (несмотря на то, что противоречило ататюркистским революционным принципам), власти, борясь против повстанческой и свободолобивой политики РПК, не преминули воспользоваться формированиями, представлявшими тюркский исламизм (националистические

взгляды и аналогичные течения и партии, в первую очередь, ПСР). Когда речь заходила о существовании курдской культуры, многие исламистские течения и партии считали вопросом «национального единства и целостности» совершение действий, в определенной степени близких к крестовым походам.

В последнее время, по мере того, как становилось ясно, что невозможно полностью завершить культурное уничтожение курдов, в результате давления мировой гегемонии, была несколько смягчена традиционная политика уничтожения, что способствовало возникновению различных образований, нити которых ведут к бутафорской курдской национально-государственной культуре. Определяющим фактором здесь был повстанческий и свободолюбивый характер курдской культуры. Преследуется цель: нанести удар по революционной курдской национальной социальной культуре с помощью мнимого, выхолащенного «курдизма», создаваемого в заговорщическом стиле. Прилагая усилия, направленные на узаконение якобы существующего такого буржуазно-либерального «курдизма», стараются его утвердить вместо курдской национальной повстанческой и свободолюбивой культуры.

Этот метод со дня своего возникновения использовался идеологической гегемонией современного капитализма против всех революционных и социалистических идеологий и всех течений, реализующих национально-освободительную борьбу, и здесь властным структурам удалось добиться определенных успехов. Либеральная идеологическая гегемония в течение последних трех столетий, в частности в период революций, обрела серьезный опыт в плане успешного осуществления этих действий, причем как «деликатными», так и грубыми методами. Достигшие успеха социалистические, демократические и национальные движения не смогли освободиться от либеральной идеологической гегемонии современного капитализма, не сумев провести между собой и им четкие границы, не смогли избежать растворения внутри либеральной идеологической гегемонии. Безусловно, такая ситуация не означает полного уничтожения повстанческой и свободолюбивой культуры, она лишь подтверждает успешное применение более развитой аналогии гегемонистского гнета, столь часто испытываемого на протяжении всей истории цивилизации.

Гегемонистские идеологии и чуждые культуры, на протяжении всей истории насаждавшиеся в курдской повстанческой и свободомысливой жизненной культуре, продемонстрировали свои наиболее разрушительные и ассимиляторские меры в период современного капитализма. Эта ситуация связана с фашистской сутью современного капитализма. Воцарилась рабовладельческая система, при которой максимальная прибыль обуславливает зарождение индустриализма, а индустриализм, в свою очередь, делает необходимой национальную государственность. Культурный геноцид, переживаемый в мировом масштабе, стал мерой, к которой часто обращаются для обретения этой системой дееспособности. Культурный геноцид курдов является главным примером, раскрывающим текущую жизнедеятельность системы. Геноцид социологически не может быть конкретно турецким, арабским, еврейским национальным явлением, как это принято утверждать. Геноцид — явление, связанное со способом эксплуатации, характерным для современного капитализма. Однако внешне геноцид зачастую отражается как явление, происходящее между современными нациями. Если национальные культуры не сталкивать друг с другом вплоть до массового уничтожения, то тенденция к максимальной прибыли так и останется нереализованной.

Процесс массового истребления, осуществляемый турецким национальным государством в отношении курдской культуры, в аналогичной форме и в тесной связи осуществляется и другими национальными государствами, в частности, арабскими государствами и Ираном, стремящимися раздробить курдов. Следуя логике системы, они считают необходимым для победы раздробление и уничтожение, реализованное совместно. Опыт антикурдской коалиции, созданной в последнее время Ираном, Сирией и Турцией, имеет под собой историческую почву. Но когда интересы мировой гегемонии сталкиваются с интересами местных национальных государств, будь то в вопросах нефти или в вопросах безопасности Израиля, эти меры не могут реализовываться так же спокойно, как раньше. Противоречия способствуют появлению локальных трещин на теле системы. В таком случае у курдской культуры, пронизанной духом свободолюбия и борьбы, появляется шанс еще раз сыграть историческую роль; появляется повод для того, чтобы современному

капитализму, являющемуся последней централизованной силой цивилизации, противопоставить мощную альтернативу — демократическую современность. В силу ряда конкретных причин современная курдская культура может достичь успеха только в условиях современной демократии. Говоря об успехе, мы имеем в виду стабильный, непобедимый характер культуры. Важнейшие формы этой жизни основываются на общности экономики, уделяющей место таким составляющим, как демократическая нация, экологическая индустрия и социальный рынок. Курдистан и современная курдская действительность исторически были колыбелью, в которой родилась цивилизация, и сейчас есть шанс стать колыбелью, в которой родится демократическая современность. И если демократическая культура, как шанс населения региона и всего человечества, а не только современной жизненной культуры курдов, сыграет на данной почве свою роль, это будет иметь большое историческое значение.

В итоге можно сказать, что трудности в характеристике курдской действительности исходят из самой действительности как таковой. Курды — это не просто социальная действительность с крайне тяжелыми проблемами: даже в определении факта их существования возникают определенные трудности. Основным фактором того, что в истории и больше всего в процессе современного капитализма вопрос существования курдов обрел спорный характер, является то, что применяемая в отношении курдов система гнета и эксплуатации обладает особенностями, способными довести до геноцида. Курдская идентичность сама по себе не ограничивается отсутствием свободы; вместе с тем, ее хотят полностью уничтожить посредством раздробления и превращения в нечто худшее, чем рабы в колониях, фактически сделав курдов социальными мертвецами. Но опять же — полностью осуществить не удастся. Основная роль в данном случае принадлежит и благоприятному географическому фактору, и тому, что курды на протяжении истории постоянно сохраняли свои родоплеменные традиции и тяготение к сектам. Когда курды хотят возвыситься до уровня общества, имеющего свою политику, власть и государство, они сталкиваются с жестким окружением и кровопролитными войнами, причем возможность пережить столь кардинальные изменения совершенно не предоставляется. Оказав

роль в данной ситуации, курды бывают вынуждены разделиться на мелкие социальные группы и искать убежища в горах. Эти мелкие общины не могут превзойти уровень родоплеменных структур, зафиксировавшихся еще с неолитической эпохи. Разделение на мелкие единицы совершенно не связано с социальной отсталостью, оно связано с внешними и внутренними силами цивилизации (государство, класс, государство). Реальность, свойственная курдскому родоплеменному строю, стойкость в сохранении этой реальности отчасти не обусловлены внутренней динамикой. Определяющую роль играют возникновении и сохранении центральной системы цивилизации играет стратегический характер территории расселения курдов. Географическое положение и противоречивые отношения с цивилизацией диктуют курдскому обществу необходимость продолжения своего существования в горных условиях в виде родоплеменных обществ. Те же обстоятельства характерны также для арабских и тюркских социальных реалий. Аравийские и среднеазиатские пустыни, а также цивилизации, сложившиеся вокруг них, на протяжении всей истории вынуждали арабов и тюрков сохранять мощные родоплеменные традиции.

Процесс образования классов и городов в курдской действительности способствовал серьезным социальным преобразованиям. В процессе этих преобразований, отражавшихся в виде религиозной идеологии и соответствующих институтов, курды столкнулись с общественными формациями, выходящими за грань родоплеменного общества. Религиозная идеология способствовала двустороннему эффекту, вынуждая высшие слои рода и племени приобщиться к государству, зато низшие слои превращая в сектантские сообщества. Секты как таковые могут считаться своего рода сообществами самообороны, противостоящими религиозной идеологии, объединяющейся с властью и государством. Эту двойственность можно часто наблюдать в древних традициях зороастризма у сообществ, имеющих курдское происхождение, а также в исламской традиции Средневековья. Зороастризм имеет огромное значение для курдов, являясь уникальным примером нравственного и политического общества, нашедшего свое выражение в истории. Существование данной дилеммы четко прослеживается в Мидийской конфедерации и ставшей ее преемницей Персидской империи. Известно, что при

переходе власти между мидянами и персами очень влиятельными были маги, которые вели активную борьбу. Такого рода двойственность и борьба обрели в средневековом исламе более видимый и открытый характер. Еще со времен возникновения ислама отмечалась двойственность: существование как государственного, так и родоплеменного ислама. Ответом на приобщение высших слоев родоплеменной государственности становился всплеск социальной активности и волнений низших слоев, образующих бесчисленные конфессии и секты.

Известно, что эта борьба, наблюдаемая во всех исламских обществах, постоянно и активно выражалась в курдской социальной действительности. Если в Древнем мире курдское автохтонное родоплеменное общество было главенствующим, то во время средневековой исламской цивилизации курды как этнос и как явление смогли проявить себя гораздо ярче. Однако этот процесс повлек за собой глубокое разделение. Если курды в значительной мере сохранили свои родоплеменные особенности, то курдская прослойка, вовлеченная в урбанизацию и классовое расслоение, испытывала глубокое расслоение — это те, кто оказался в лоне государства, и противостоящие им секты и конфессии. Социальная история Средневековья зиждется в основном на этом тройственном расслоении и фактах. В какие бы формы выражения ни облачалась любая история, материальными фактами, лежащими в ее основе, продолжали оставаться племена, секты и конфессии. Структурные единицы, порождающие все межродовые и межклассовые конфликты, принадлежат к той же триаде. Такого рода дробление действует в отношении всего Ближнего и Среднего Востока и даже несет в себе общемировые особенности. С точки зрения курдской действительности это не представляет собой какую-то иную ситуацию. Поражения и победы переплетаются друг с другом, и, несмотря на то, что выбор власти обладает уничтожающими и ассимилирующими свойствами, угнетенные и эксплуатируемые слои племен, конфессий и сект активно сплываются вокруг общества и защищают свою свободную жизнь.

Перенесение системы центральной цивилизации в Западную Европу повлекло за собой коренные преобразования в обществе Ближнего и Среднего Востока. Впрочем, система цивилизации,

Продолжающая свое существование, несмотря на циклические кризисы, на этой новой стадии современного капитализма вступила в глубокий процесс распада. Гегемония Запада, развивающаяся над регионом с начала XIX столетия, ускорила распад путем преобразования, которое она подготовила вместе с зависимыми агентурными и агентскими структурами. Тенденция капитализма к извлечению максимальной прибыли смогла продолжить свое существование только в границах мелких национальных государств, ставших наиболее концентрированным выражением деспотизма. Этот новый статус-кво, совершенно не связанный с промышленной и очень далекий от политической революции, неизбежно привел к возникновению дилеммы жизни и смерти в масштабе всего курдского общества. Суметь удержаться — этот вопрос стал крайне дискуссионным, как для государства, так и для общества. Эти дискуссии можно проследить на примере Османской империи и Персии. Если арабские, персидские и тюркские сюзерены, оказавшиеся в главенствующем положении в период исламской цивилизации, считали основной задачей защиту своих государств, то угнетенные общества и национальные группы оказывались лицом к лицу с проблемой сохранения собственной социальной идентичности. В силу геостратегического положения и разбросанного характера общества курды в этот период больше всех пострадали от традиционного гнета и эксплуатации этого статус-кво. Методы агентурных и агентских режимов, созданных гегемонами современного капитализма, в первую очередь Британской империей, именно в регионе, в частности в Анатолии и Месопотамии, гораздо более, чем в масштабе всего мира, довели положение до полной трагедии для всех сообществ и народностей, выведенных за пределы власти. Христианские народы, статус которых был сформирован путем аннексии на почве традиционных идеологий уммы, пережили самую большую трагедию, то есть геноцид, были ликвидированы вместе со своими многотысячелетними культурами. Мусульманские сообщества, испытывавшие традиционный гнет и эксплуатацию, тоже пережили эти трагедии. Пусть и в иных формах, но так же, как армяне, греки и ассирийцы, эту великую трагедию, спровоцированную региональными агентами стоящей за ними системы современ-

ного капитализма, вместе пережили арабы-бедуины и феллахи, туркмены, персы, берберы и курды.

Курдская действительность в этот период в значительной степени утратила свой народный быт и культуру, развивавшуюся на протяжении всего Средневековья. Развитие происходило не нисходящей, точнее, имело место отставание. Что уж говорить о создании свойственной курдам капиталистической системы индустрии или национального государства, если нынешний образ жизни обрекал курдов на сгорание в пламени, разожженном самими гегемонами или агентурными структурами этих трех столпов современности. К середине XX столетия основные споры, позиции курдов, помимо современной свободы, демократии и равенства, разворачивались вокруг вопроса: «Существуем ли мы или нас вообще нет?»

Гегемонистские силы современного капитализма придают особое значение следующему: они тщательно стараются возложить ответственность за меры, принимаемые в отношении народов и наций региона, и доходящие до геноцида, на региональные агенты национальной государственности. Но в реальности происходит нечто совершенно иное. Именно гегемонистский капитализм и идеологические монополии сами создают национально-государственные элиты, обеспечивают их военное и идеологическое оснащение. Например, секулярные «белые» турецкие фашисты, ответственные за геноцид в Анатолии и Месопотамии, и в идеологическом смысле, и с точки зрения материального оснащения были созданы только при поддержке гегемонистских сил (Англия, Франция, Германия, США). Без содействия этих сил невозможно было бы их существование. Впрочем, ни ислам, ни христианство, ни иудаизм как культурные традиции не обладают той силой, которая может породить геноцид. Такую силу несут в себе элементы капиталистической современности, именно они ее содержат. Не на деле ответственными за геноцид как таковой считают арабов, турок, евреев и курдов. В наше время силами националистической идеологии, называемой исламизмом, пытаются продолжить аналогичные меры, хотя определяющими основу этих идеологических и организационных выступлений являются традиционное участие Великобритании и актуальные интересы США. Без пол-

держки гегемонистских сил организации, называемые исламистскими силами, не смогли бы даже дышать. И «зеленый» турецкий фашизм, который надо призвать к ответственности за возрожденный геноцид, осуществляемый сегодня в отношении курдской действительности, от начала и до конца является организацией и центрами в Лондоне, Вашингтоне и Берлине. «Зеленый» турецкий фашизм и шагу не ступил бы без поддержки этих центров, и в данном случае ответственность навешивают на традиционную исламскую религию. Если «белый» турецкий фашизм имеет очень слабое отношение к социологическому тюркизму, то «зеленый» турецкий фашизм имеет очень слабое отношение к традиционному и социологическому исламу. Их существование и формы однозначно сформировались в тесной связи с современным капитализмом и его гегемонистскими силами, и продолжение этих движений возможно только при их активной поддержке, как это происходило во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Например, формирование происламски настроенной власти в Турции и продолжение соответствующей жизнедеятельности более, чем в случае со светскими моделями, создается и поддерживается в центрах гегемонистской силы.

Курдская действительность, в отличие от других исламских традиционных обществ, не смогла достичь успеха в плане превращения в национальное общество, не смогла использовать национально-государственные возможности. Напротив, дабы воспрепятствовать превращению курдской действительности в национальное общество, со стороны господствующих национальных государств она подвергалась систематическому и постоянному давлению грабительских режимов, доходя до геноцида. Без поддержки гегемонистских сил эти режимы геноцида и грабежа не могли бы и существовать. Неумение подняться до уровня национального общества привело к тому, что под воздействием интересов и иерархического строя родоплеменной культуры, сохранившейся со времен неолита, а также религиозно-конфессиональной и сектантской традиций, сохранившихся с Древнего мира и Средневековья, курдская действительность оказалась лишена внутренней динамики. Она удерживается почти в состоянии социального трупa. По отношению к ней осуществляются убийства и беспредельные ограбления со сто-

роны гегемонистских сил и национальных государств, под властью которых она находится. В основе споров о существовании или отсутствии лежат именно эти реалии. В конечном счете эта действительность строится, делается возможной силами элементов современного капитализма и соглашательских агентурных и агентских структур.

Несомненно, как и во всех общественных явлениях мирового масштаба, в курдской действительности с самого рождения по настоящее время существуют полюса борьбы. Даже в ранних родо-племенных образованиях определяющим был рефлекс защиты от угрозы, исходившей со стороны противостоящих сообществ и природных условий; важно было примитивное сознание и организации самосохранения. Дарвинистские толкования в этом смысле не отражают действительность, а искажают ее. Определяющей стороной родоплеменных образований является не кровнородственная связь, а защита от угроз, более обильная пища и размножение. Структура борьбы, производства и воспроизводства, характерная для родоплеменной культуры в курдской действительности, однозначно подтверждает данное предположение. Это же обстоятельство как таковое действительно для всех возникших позднее, противодействующих конфессий и сект, для их производства и естественного воспроизводства. В противостоянии внутренним и внешним очагам власти в процессе возникновения конфессий и сект, противодействию разрушительному воздействию и классовым расслоениям города очень важна роль общества в плане защиты, продолжения своего существования и сохранения своей свободы. Именно поэтому курдскую действительность постоянно хотели или уничтожить, или же, посредством внедрения в ее ряды коллаборационистских элементов, пытались оттолкнуть и абстрагировать от повстанческих и освободительных ролей.

Современные демократические движения за свободу и равенство, развиваемые против современного капитализма, стремились продолжить исторические традиции. Самобытные условия курдской действительности не дают возможности сформировать современное национальное общество с помощью элементов современного капитализма. Слабые усилия мелкобуржуазных и феодалных элементов, предпринимаемые в этом направлении, не

или результатов. Если искусственная курдская национальная государственность, к которой в последнее время прибегли, не будет окружена содержательными демократическими национальными общественными образованиями, то она не даст никакого иного серьезного результата, кроме продолжения процесса его ликвидации путем геноцида и подверженности значительным бедствиям. Строительство демократического социалистического общества, вышедшее свое выражение в структуре РПК, возводит курдскую действительность на совершенно иной уровень понимания современности, открыто говоря и практически реализуя то, что при помощи теории и практики демократической современности можно будет защитить свое существование и объединиться, обрести истинную свободу.

Альтернатива в виде демократической современности — это отнюдь не утопия будущего или социальная мифология о прошлом; но выбор, развивающийся параллельно природе социальной действительности. Демократическая современность не просто меняет свои формы соответственно периодам, она сама является постоянно существующей действительностью, обладающей собственной историей, отраженной во всей истории цивилизации. Демократическая современность представляет человечеству всю мировую историю, оставшуюся за пределами насилия и эксплуатации; точнее, отображает ее систему. Если протокурдская действительность играла роль своеобразной колыбели цивилизации, то она как мать, которая подвергается нападению со стороны своего ребенка, отражает культуру, которая более других атакуется силами цивилизации и уничтожается этими силами. Следовательно, она может реализоваться только в рамках цивилизации, демократической социальной цивилизации, стоящей вне традиционной классовой цивилизации. Если и будет написана истинная история курдов, то только так. Ее современным выражением является демократическая современность. Следы своего бывшего существования (онтологические фрагменты) курды могут видеть только в свете истории демократической цивилизации; и, начиная с этого свой путь, могут возродиться на основе демократической нации, экологической индустрии и социальной рыночной экономики демократической современности.

Территория Тавра и Загроса стала не только колыбелью *homo sapiens*, человека разумного, неолитической земледельческой и городской революций в истории человечества между Африкой (материк, на котором появился человек) и Евразией (географическое пространство, на котором реализовалось человеческое общество), она пронесла все эти достижения до новой истории, вплоть до промышленного переворота в Западной Европе. Сейчас, в условиях глубочайшего за всю историю человечества кризиса, уходящего корнями в капиталистическую современность, эта горная система представляет собой кладбище, существование которого находится на грани полного уничтожения. История в очередной раз на той же территории от имени всего человечества призывает курдов к революции, к созиданию демократической современности, чтобы сохранить свое социальное существование и стать свободными людьми.

Часть третья:
КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА
И КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЭПОХУ
КАПИТАЛИЗМА

В универсальном смысле понятие «проблема» можно охарактеризовать как трудности дилеммы «быть или не быть», пребывания в подвешенном состоянии. Это категория, имеющая место во всех процессах существования. Когда речь идет об обществе, проблема может быть определена в широком и узком смысле. В широком смысле общественная проблема означает трудности, с которыми сталкивается социальная природа во взаимоотношениях с «первой» природой, являющейся окружающей средой. Например, когда окружающая среда в силу чрезмерной засушливости, жары или холода оказывается не в состоянии продолжить свое биологическое существование, это приводит к серьезным социальным проблемам. В том же направлении можно оценить действия, к которым обращается сильная особь во взаимоотношениях со слабой особью в обществах, находящихся в аналогичном статусе. В узком смысле социальная проблема может быть определена как процесс, меры, основанные на гнете и эксплуатации, что имеет место в связи с возникновением таких факторов, как иерархическое общество, город, класс, власть-государство. Основные с социологической точки зрения социальные проблемы — это те, что возникают на почве гнета и эксплуатации. Другие проблемы могут быть оценены в иных рамках.

Несмотря на то, что иерархия и государство формировались с целью решения изначально возникающих социальных проблем, они со временем сами превратились в наиболее важные социальные проблемы. Чем больше места занимают в обществе институты иерархии и государственности, тем скорее можно допускать существование в данном обществе такого рода проблем. Поскольку первые иерархические структуры строились на принципе господства мужчины над женщиной, начальную социальную проблему можно назвать женской проблемой. После этого начался этап

социальных классов, рожденных порабощением женщины, вместе с классом рабов был совершен переход к этапу общественных проблем где не наблюдалось разделения по половому принципу. Так иерархия и классовое расслоение стали тесно переплетаться в обществе, и постепенно начался период проблемных обществ, действие которых ощущалось во всех социальных сферах. На все сферы общества наложили свой отпечаток такие явления, как половая и классовая дискриминация. Проблемы, переживаемые социальными группами, единицами, были перенесены также и в сферу внешних сообществ. От одного общества к другому переходили гнет и эксплуатация, точнее, формировались проблемы, которые тянулись от клана к клану, от рода и племени к роду и племени, от народности и нации к народности и нации. Цивилизации, возникающие вместе с развитием города, класса и государства, придали проблемам глобальный характер, превратив их в систему. Все системы цивилизации, существовавшие в Древнем мире и Средние века, могут быть в основном охарактеризованы на почве гнета и эксплуатации. Современный капитализм, являющийся самой последней системой цивилизации, можно охарактеризовать как максимизацию гнета и эксплуатации. На всех стадиях цивилизации, в частности, на стадии современного капитализма, социальные проблемы как таковые способствовали трагическим кризисам и длительным хаотическим проявлениям. Сегодня процесс финансового капитализма, в частности, наложивший свой отпечаток на капиталистическую современность с 1970-х гг. может считаться эпохой наиболее глубокого и постоянного проявления социальных кризисов.

Общества Ближнего и Среднего Востока, в центре которого находится Курдистан, пребывают в условиях глубокого кризиса, который с XIX века возникает на основе современного капитализма. Государства Ближнего и Среднего Востока, в пределах центральной системы цивилизации, превышающей пять тысячелетий, передающие свои гегемонистские позиции западноевропейской цивилизации, в начале XX века оказались в положении колониального общества. То, что происходило, не было только лишь проблемой социального характера, это был кризис, имеющий целостный, системный характер, охватывающий все сферы власти, экономики и

идеологии. Сегодня этот кризис продолжается во всей своей силе. Важной особенностью переживаемого кризиса является то, что он длится долгое время и обрел хаотический характер. Распространив свое влияние на все географическое пространство и близких соседей, хаотическая обстановка оказала воздействие также на все общества, проживавшие на огромном пространстве от Азии до Кавказа и Балкан, от Гималаев до Северной и Центральной Африки. Территория Курдистана, играющая наиболее длительную созидательную роль в истории человечества, развивавшейся в предгорьях Тигра и Загроса, попала в такую парадоксальную ситуацию, когда ей пришлось пережить столь глубокий хаос, впервые обусловленный капиталистической современностью. Парадокс выражается в том, что река цивилизации, вслед за крупными историческими переворотами, постепенно становившаяся все более бурной, в эпоху капиталистической современности оказалась перед опасностью высыхания. Курды, как древнейший автохтонный народ, стали самой пострадавшей жертвой этой хаотической обстановки. Быть народом, с древнейших времен проживающим на этом географическом пространстве, являвшемся колыбелью практически всех исторических образований от революции *homo sapiens* до неолитической, энеолита, бронзового века, возникновения городов и появления железа, проводших человечество до наших дней, и вдруг оказаться перед лицом исчезновения из истории — это, несомненно, является выражением глубочайшей трагедии. Происходящее — это не просто клубок простых социальных проблем. В любом человеческом обществе имеют место аналогичные современные проблемы. Хотя корни курдов уходят в глубины истории, проблемы, которые они переживают, обусловлены тем, что курдский народ обречен на мучения в тисках и переваривание в желудках наиболее жестоких эксплуататорских элементов капиталистической современности.

Существующие проблемы, кризисы и хаотическая ситуация, в которой оказалось общество, не просто обусловлены законом максимальной прибыли капитализма; они включают в себя такие факторы, как совершенное отчуждение общества от собственной идентичности, обнищание всех базисных и надстроечных институтов, исчезновение, безработица, отсутствие образования, здравоохране-

ния и утрата интеллекта, что наряду с интеллектуальным геноцидом национального государства обусловлено также индустриализмом. Существующая обстановка — не только проблема, но, более того, имеет масштабы крупной общественной трагедии. Помимо того, что общество перестает быть самим собой, происходит его превращение в раздробленные бесчувственные фрагменты, лишившиеся нервных центров. Говоря о курдской проблеме, надо иметь в виду отнюдь не историческую или современную общественную проблему, а, как мы стремились во всех своих рассуждениях, надо учитывать, что это сопряженные друг с другом трагедии, обусловленные своеобразием ситуации в курдской действительности, растянувшейся как длительный исторический процесс и охватывающей все социальные сферы.

А. ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Источником современной курдской проблемы являются разившиеся в неолитическом обществе Плодородного Полумесяца, иерархия, город, класс и государство, что пережито не только курдами, но, возможно, большей частью всего человечества. Цивилизация Шумера в Нижней Месопотамии (3000–2000 гг. до н. э.), в определенном смысле была создана как средство решения социальных проблем, возникновению которых способствовало неолитическое общество, сложившееся в Верхней Месопотамии. Источниками проблем становились чрезмерный рост населения, недостаток земель и растущие конфликты. Шумерские жрецы в Нижней Месопотамии, основываясь на своих развитых знаниях, используя все материальные и духовные составляющие возвращенной ими неолитической культуры, способствовали возникновению городов, классов и государств, ставших храмовыми центрами, искали исторические ответы на эти проблемы. Было ясно, что изначально они не ошиблись. Новая эпоха, основанная на триединной связи города, класса и государства, как будто нашла магические ответы на проблемы эпохи. Мифология того периода не зря выражала новую божественную систему, возможно, означающую первичный смысл всех процессов в истории человечества. Магия неолитической революции была превращена в магию цивилизации. Созданная система, опять же, возможно, была наиболее длительной и стабильной в истории системой. Однако, по мере превращения противоречий, таящихся в ее чреве, она не преминула сыграть роль первой повитухи при рождении социальных проблем. То, что социальная проблема впервые в истории появилась в чистом виде в шумерском обществе, ясно из первых письменных источников. Противоречия, проявляющиеся во взаимоотношениях между богами, между богами и рабами, по сути, отражали социальные проблемы, стычки и противостояние, переживаемые

между властью предрержащими, а также между ними и теми людьми, которых они использовали как рабов. Шумерское общество наложившее свой отпечаток на многие первичные проявления истории и само является невиданной первичностью с точки зрения проблем, которые оно породило.

Первые серьезные проблемы сообществ курдского происхождения можно связывать с цивилизацией Шумера. Эпос о Гильгамеше, впрочем, порожден этими проблемами. И иерархическая культура Эль-Убейд (4500—3500 гг. до н. э.), и городская культура Урука (3500—3000 гг. до н. э.) постоянно расширяли свои владения в направлении Востока и Севера. Для того чтобы продолжить свое существование в виде первых образований городского, классового и государственного типа, им надо было пользоваться плодами неолитической революции, действуя в обоих направлениях. Необходимость влечет за собой столкновения. Борьба Гильгамеша и Энкиду выражает и отражает проблематичность, проявившуюся во взаимоотношениях между империей и колониями, что появилось впервые в истории. Сообщества курдского происхождения в лице Хумбабы олицетворяют противостояние имперско-колониальным взаимоотношениям. В основе проблемы лежит стремление сохранить неолитический жизненный уклад свободы и равноправия перед угрозой городского, классового и государственного жизненного уклада. Энкиду пленили и привезли в городище Урук, где он был одомашнен и в условиях городского общества использовался в качестве соглашателя, коллаборациониста, используемого в борьбе против обществ из недр которых он вышел.

Хурритские племена находились в состоянии постоянной вражды с усиливающейся городской цивилизацией. Эта борьба, проходившая в горной гряде Загроса, свидетельствует о том, насколько распространенными и постоянными были социальные проблемы Гуттии являются представителями конфедеративного образования первых племен, происходивших из Загроса и вписавших свои имена в историю, добившись успеха в борьбе с шумерскими правителями. В этом процессе мы видим также первые примеры того, что в дальнейшем, на протяжении всей истории цивилизации, будет возникать часто, — растворения победивших в господствующей культуре побежденных. Гегемоны, возникшие благодаря искусству

войны, постоянно усиливали господствующую систему. Стараясь решить проблемы, парадоксально расширяли их. Власть все больше способствовала власти, государство все больше способствовало государству; таким образом разрастались и углублялись проблемы.

Вавилонские и ассирийские гегемоны (1950–600 гг. до н. э.), получившие от шумеров традиции власти, распространяя систему вширь и глубь, переживали аналогичную ситуацию. Если эти проблемы, источниками которых служили город, класс и государство, росли путем углубления и расширения, то решение искали в еще большем расширении и углублении в том же тупике. Расширение больше способствует развитию империализма и колониализма, а углубление больше соответствует классовому расслоению и развитию эксплуатации. Неизменным останется механизм этой системы, которая позднее будет повторяться путем увеличения вплоть до наших дней: развивать внешнюю империалистическую колониальную структуру и создавать классовое господство внутри. И победители, и побежденные становятся жертвами одной и той же системы. Антицивилизационный мятежный поворот сообществ курдского происхождения, проживавших в предгорьях Тавра–Загроса, в противовес этому постоянно будет развивать свой свободный механизм развития путем постоянного повторения. Изначально присущее родоплеменному сообществу врожденное чувство причастности к борьбе развивалось еще сильнее в сочетании с освободительными тенденциями, развивая организованность и тем самым вовлекая в борьбу за свободу еще больше родов и племен. В обоих случаях действует диалектика бытия, и обе диалектики постоянно растут.

Ответ, данный предками курдов на проблемы цивилизации, которые разрослись с усилением вавилонской и ассирийской гегемонии, обусловленной культурной экспансией Шумера, выражен в традиции Мазда–Митра и Зороастра. Суть этих традиций заключается не в освоении шумерской культуры в неизменном виде, а в ее преобразовании и демонстрации собственного творчества. Преобразование имеет историческое значение. Именно это историческое преобразование сделало возможным существование греко-римской культурной традиции. Если в истории человечества даже это не смогло разрушить догматизм рабовладельческого общества, то

сильно потрясло его, сломало, иногда предоставляя возможность иного выбора. Оно вознесло человека, нравственность и, тем самым, волю, на высочайший уровень. Установило связь между свободой человека и нравственностью и волей. Человечество, которое в глазах прежних богов и богов-царей был совершенным ничтожеством, толпой примитивных слуг, уже обрело свободолюбивый характер, подвигающий его на мятеж, умение прислушаться к собственному волеизъявлению, переосмысление своей нравственности. Культура предгорий Загроса и, в частности, ответ в стиле Зороастра, имеют ключевое значение для осознания основных проблем того периода.

Исламский ответ, данный на проблемы, исходящие от цивилизации, допускает несколько более близкое рассмотрение. Ислам можно считать революционным ответом на постепенное усиление социальных проблем, возникшее вследствие влияния на родоплеменной образ жизни Аравийского полуострова со стороны цивилизации Византии, Сасанидов и Абиссинии, представлявших собой два, даже три очага сил того времени. Эти цивилизации, ставшие последними представителями древней культуры, не столько давали ответы на проблемы, которые постепенно усугублялись на протяжении всей древней истории, сколько распространяли их в новые сферы и еще больше усугубляли. Авраамистическая традиция религиозного ответа может быть рассмотрена как своеобразный способ решения проблем, исходящих, в большинстве своем, из древней практики богов-царей. Этап от Авраама до Моисея может быть охарактеризован как поиски и ответы в духе пророков на проблемы, исходящие от общества, зажатого между вавилонскими и ассирийскими немродами шумерского происхождения (боги-цари того времени) и египетскими фараонами (цари, претендующие на то, чтобы являться богами). Несмотря на все свое своеобразие, ответ Моисея не смог пойти дальше создания маленького Израильского царства в качестве решения проблем иудейского племени. Царство, выработанное, в частности, в образах Давида и пророка Соломона, стало грубым синтезом вавилонской и египетской культур, отражая представления высшего слоя о царстве.

Христианская традиция явилась ответом на проблемы рабовладельческого общества, доведенного до грандиозных масштабов

в период Римской империи, и это был ответ с позиции неимущих, рабов и безработных масс. Противостояние христианства с иудаизмом в самом начале носило классовый характер. Спровоцированное Римом разделение в иудейском племени и в других соседних родоплеменных культурах отразилось в новом религиозном разломе. Формирование христианской традиции в той сфере, где больше всего концентрировались социальные проблемы и мятежные традиции ранней эпохи, обладало потенциалом обновления эпохи в истории человечества, пусть даже это не имело таких масштабов, как в традиции зороастризма. Христианство продемонстрировало себя в качестве ответа на проблемы, переживаемые всеми родоплеменными культурами. Сформировались общины единоверцев, впервые имевшие столь содержательный характер и способные выйти за грань родового сообщества. Представители всех родов и племен считались принявшими посвящение адептами новой веры. С точки зрения социализации это было значительным этапом. Народные массы стали более ярко и открыто выступать на исторической сцене. Армяне, ассирийцы, греки и римляне смогли найти собственное выражение именно в эпоху христианства.

Магометанство стало историческим ответом арабских племен, с четырех сторон оказавшихся зажатыми представителями древнего деспотического крыла той же традиции, которое не смогло решить проблем и внутренне уже прогнило. Отражением этой истины является то, что пророк Мухаммед, с одной стороны, озвучил выступление против Абиссинии, Сасанидов и Византийской империи, с другой стороны, объявил о том, что иудаизм и христианство, которые он считал религиями от Господа, уже исчерпали себя. Ни иудаизм, ни христианство не смогли найти ответа на проблемы арабских родоплеменных сообществ, дошедших до предела как внутри сообщества, так и за его рамками. Иудаизм и христианство того времени уже давно утратили свою революционную суть, превратившись в консервативный родоплеменный национализм. Проблемы и конфликты, имевшее место и между Абиссинией, Византией и Сасанидской империей как последними представителями традиционной деспотии богов-царей, и внутри этих государств, ослабляли их самих, делая никому не нужными. Тем самым

пророк Мухаммед смог при помощи новой религиозной традиции ответить как на живые устремления пустынных племен, так и на мечты о райских кушах, коими грезили высшие слои, охваченные желанием аннексии.

Особенность исламской традиции заключается в том, что при ее создании учитывались арабская родоплеменная действительность в период ее исхода и реалии цивилизации. Ислам продемонстрировал искусство синтеза двух культурных путей как в идеологическом, так и в политическом смысле, то есть культуру неимущих племен и возможности высших слоев, связанные с городом, классами и государством. Город Мекка, расположенный на перекрестке торговых путей той эпохи, обладал преимуществами в плане сравнения и синтеза обеих культур. Историческое значение пророка Мухаммеда заключается в том, что он смог успешно провести этот синтез и оставить свой след в этом вопросе. Самое важное социальное последствие исламской революции заключается в переходе от консервативного родоплеменного общества к совершенно иному сообществу уммы. Переход от общества с тысячелетними родоплеменными традициями к сообществу уммы в такой изолированной сфере, как Аравийский полуостров, стал масштабной социальной революцией. Новый социум изначально нес в себе дилемму. Переятая от родоплеменной знати тенденция к сплочению в форме государственного класса и тенденция неимущих слоев к равноправию и демократии находились в состоянии постоянного противоречия. Социальная проблема формировалась заново в более широком состоянии. Эта новая проблема и противоречия, начавшиеся еще при жизни пророка Мухаммеда, сохранили свое влияние по настоящее время.

Эта крупнейшая социальная революция Средневековья сразу же оказала влияние на курдское общество. И стремление арабской аристократии к завоеваниям, и авторитарно-элитарные поиски курдской знати в течение длительного периода, прошедшего в разнообразии взаимоотношений и противоречий, развили у курдов общину единоверцев — умму. Как это происходило в целом, проблематичным было и новое общество — умма. Тенденция к разнотию городов, классов, государственности и демократическая тенденция к равноправию отразились в виде расслоения конфессий

сект. Если представители исламской авторитарной гегемонии наложили свой отпечаток на умму, то мистические секты, курды-мавиты и курды-зороастрийцы настойчиво развивали самобытные мятежные общины единоверцев. Наряду с формированием такого явления общества, как курды, продолжалось его существование в крайне раздробленном состоянии, в виде классов, отчужденных друг от друга. Социальные проблемы более всего находили свое отражение в виде различных конфессий. Противоречия между городом и деревней развивались в тесном переплетении с классовым расслоением. В Средние века все было гораздо больше расчленено и проблематично, нежели в раннюю эпоху. Вдобавок к проблемам оседлости-кочевья, которые были характерны для родоплеменных структур, появились проблемы, основанные на противоречиях город—деревня и обусловленные классовым расслоением в городе. Если родоплеменная знать концентрировалась в форме государства, то количественно уменьшившиеся неимущие части племен превращались в новые неимущие племена. Традиции сельской жизни отставали в сравнении с городской культурой. В городском обществе росли социальные противоречия и столкновения. В итоге решение всех этих противоречий искали в усиленных государственных механизмах. Государство превратилось больше в символ паразитических династий и возрастающих проблем. Средневековое общество было обречено на клубок таких социальных проблем.

В Средние века курдское общество не смогло сформировать свою элиту сильной власти в отличие от арабской, персидской и тюркской властной элиты. Курды не смогли найти решение своих проблем в форме единого централизованного царства, но и не могли жить в форме традиционного, застойного и закрытого родоплеменного общества древности. Оно пыталось ответить на эти проблемы еще всего в виде сообществ единоверцев, сплотившихся вокруг различных сект и конфессий. Зороастризм постепенно дробился и ослабевал. Алевизм смог сохраниться лишь в горных, практически недоступных завоевателям районах. Авторитарный исламизм, господствовавший в городах и на равнине, обладал ярко выраженным эксплуататорским характером. Представители султаната и местные княжества втянули общество в такой омут проблем, выход из ко-

того был затруднительным. В такой ситуации речь могла идти не о решении проблем, а о бегстве от них. Таким образом уммы и секты, куда тянулись в поисках убежища люди, быстро перерастали в отчуждение и уход от собственных реалий. Можно сказать, что диалектика Средневековья схематически отражалась в данных действиях.

Настоящие проблемы курдского общества укоренились и усугубились в масштабах уже в связи с современным капитализмом. Современность как система старается заточить в клетку все сферы и стороны общества. Но помещение в клетку означает усугубление проблем общества. Для того чтобы задействовать закон максимальной прибыли, неизбежно применяются массированное давление и эксплуатация в отношении общества. Но эта система насилия и эксплуатации отличается от Древнего мира и Средневековья с точки зрения глубины и ширины применения. Между прибавочной стоимостью, необходимой для содержания царской династии в Древнем мире, и прибавочной стоимостью, необходимой для тысячи монополий промышленной эпохи, не просто большая разница, но огромная пропасть. Все меры идеологического, политического и экономического характера, применявшиеся на протяжении всей истории, чтобы воспрепятствовать становлению капитализма в качестве господствующей системы, связаны именно с испугом, ощущаемым от того, что такой стиль эксплуатации не может быть воспринят. Общество тогда не могло бы приветствовать капитализм как господствующую систему. Общество не сумело бы устоять перед натиском капитализма. Основным фактором при этом является то, что капитализм смог продолжить свой эксплуататорский стиль в социальной природе и окружающей среде. При этом ничто ему не противостоит. Для того чтобы капитализм реализовался как господствующая система, самым большим его оружием является превращение государственной власти во власть национального государства. Национальное государство само по себе возможно путем распространения власти во все структуры общества, вплоть до его капилляров. Но ведь общество, до капилляров пропитанное властью, не только будет по горло погружено в проблемы, но и подвергнется разделению и раздроблению. В рамках национально-

го государства общество наглухо замуровано в клетке. Границы государства, национальная армия, центральная партикулярная бюрократия, центральное и местное управление, национальный рынок, монополистская экономическая власть, национальная валюта, паспорта, гражданская идентификация, национальный религиозный ритуальный центр, начальная школа, единый язык, налог — все это в совокупности порождает такой результат, как внедрение в общество закона максимальной прибыли капитализма. Этот процесс, который современные социологи определяют как выход за рамки традиционного общества и формирование современного общества и представляют как основной показатель прогресса, но, по сути, все это характеризует общество, заключенное в железную клетку. Общество, заточенное в клетку, может быть освобождено только тогда, когда будет в полной мере одомашнено по законам капитализма. Эта свобода, называемая либерализмом, не может обозначать ничего, кроме современного рабства. Ответом на настойчивое стремление общества эпохи капитализма к свободе становится фашизм. Но ведь фашизм — это название самой кровавой системы максимальной эксплуатации. Наиболее реальным в таком случае было бы говорить не о существовании общества, а об его отсутствии.

Современная социология осознанно не анализирует капиталистическое рабство, в угоду либеральной идеологии она считает своей основной функцией узаконение классового рабства. Таким образом, современная социология обладает не научными, а отсталыми мифическими особенностями. Господство денег в эпоху финансового капитала, являющегося наиболее отсталым, угнетательским периодом капитализма, становится выражением силы, которой не могло бы достичь ни одно историческое божество, возможно, даже наиболее могущественное среди всех божеств. Без этого божества ни капитализм, ни национальное государство, ни индустриализм попросту невозможны. Сохранение общества перед натиском требует большого человеческого смысла и силы коллективной общественной жизни. Но от такого общества практически ничего не вышло. Опыты социалистического общества, проводимые с такой идеей, обнаружили ограниченные возможности конструктивизма, в большинстве своем не избежав краха.

Но на какие бы лишения ни обрекалось общество в условиях современного капитализма, нет никакого иного пути, кроме настойчивого стремления к социальности и защите общества. Как бы ни покрывалось общество смертельной опухолью, каких бы критически и хаотических масштабов оно ни достигло, защита общества и стремление его к свободе станут неминуемым условием для того, чтобы жить по-человечески. Альтернативная жизнь — это или уродливая жизнь, абстрагированная от человеческих ценностей, в которой действует максимальная прибыль, или жизнь, обреченная на загнивание в могиле.

Порабощающую систему, навязанную общественной действительности современным капитализмом, в обнаженном виде можно наблюдать на примере той ситуации, в которую оказалась погруженной курдская социальная действительность. Курдское общество обречено на истощение путем истребления в течение длительного периода, что гораздо хуже социальной проблематичности. Вино вато не какое-либо конкретное общество: просто все, что происходит, выходит за грань самой серьезной проблемы. Для того чтобы осознать, что ситуация, в которой оказался народ, кошмарна, достаточно обратить внимание на очень низкий уровень развития его языка. Самый аутентичный в истории язык связан цепями. На больших пространствах нет даже школ на родном языке. Но гораздо страшнее то, что выступая за курдский язык, совершая какие-либо действия в этом направлении, человек должен иметь в виду вариант своего безработного, голодного прозябания в рамках господствующей системы. Курдское национальное самосознание превращено в некий объект, не имеющий вообще никакой ценности. Кроме того, за всякого, кто больше других пинает ногами этот объект, система вмиг заступается и дает ему шанс на жизнь. Чем больше курд отрицает свою социально-политическую действительность, чем активнее попирает собственные ценности, тем больше у него шансов на уважение, работу и повышение в господствующей национальной системе. Эта ситуация носит системный характер, она действительна для всех поверхностей курдских социальных ипостасей. Если есть где-то заметный курд, имеющий деньги и уверенный в своем деле, значит, этот курд обязательно строит какие-то козни против своего общества, или осознанно отрицает свое происхождение

ние, находится на стадии отторжения собственных корней. Как бы ни стремились в последнее время преподнести некоторые курдские личности в национальной обертке, следует очень хорошо понять, что все это тесно связано с глобальными интересами капиталистической гегемонии.

Несмотря на завоевательные, эксплуататорские и ассимиляторские устремления всех господствующих сил, в первую очередь арабских, тюркских и иранских завоевателей, процесс социализации курдских оригинальных элементов в Средние века находился на стадии развития. И родоплеменное сообщество, и общины развивались в направлении генерации народности. Возникающие проблемы коренились в факторах иерархической власти и государства, будучи характерными для всех обществ. Можно сказать, что курдское общество в Средние века было впереди многих других обществ. Оно в аналогичных масштабах находило ответы на переживаемые проблемы, даже могло возглавлять многие общества в решении проблем. Несмотря на агрессии, насилие, нашествия и эксплуатацию завоевателей, непрерывно продолжалась самооборона социума и борьба за свободное существование. Таким образом, не было какой-либо значительной проблемы бытия и рабства, глубоко отличающейся от проблем схожих обществ.

В эпоху капитализма эта ситуация кардинальным образом изменилась. Не сумев организовать в рамках закона о максимальной прибыли, не состоявшись как национальное государство и не сумев мобилизовать возможности индустриализма, курдский народ оказался перед лицом разносторонних нашествий, агрессии, колонизации, ассимиляции и геноцида, осуществляемых господствующими национальными государствами со всеми развитыми элементами, а также стоящими на их вершине капиталистическими монополиями и гегемонами системы. Эта ситуация не сравнима ни с завоеванием американского континента, происходившего в XVI веке, когда капиталистическая система совершила гегемонистский скачок, ни с завоеванием Африки в XIX веке, ни с колонизацией Азии в XVIII веке. Господствующая реальность, оставившая свой отпечаток на общественной жизни курдов, была иной. Режим, властвовавший над курдами, был в первую очередь организован с целью непризнания такой нации, как курды, с целью уничтожения этого общества и его раство-

рения в собственной массе, тщательно формируя и создавая институт внутренних и внешних основ. Это убийственный и уничтожающий режим, постоянно управляемый при помощи заговорщической тактики и стратегии. С XIX века постоянно усугублялся клубок проблем, а вслед за этим происходили массовые убийства, новые завоевания и укрепление капиталистического фундамента, имевшее место в тяжелых тисках национального государства. Такая система не могла не завершиться геноцидом. Все происходившее, впрочем, имело именно такой характер.

С наступлением современного капитализма курдская проблема, как и все проблемы, стремилась позиционировать себя в «национальном» масштабе. Когда говорят о том, что под курдской проблемой подразумевается национальная проблема, подчеркивают то, что вместо содержательного исследования отдается дань конъюнктурной формулировке. Настоящее значение лежит далеко от исследования в плоскости историко-социальной целостности. Это едва ли не основывалось на мнении, что пусть, мол, друзья увидят, что мы чем-то занимаемся. Имели место подходы, очень далекие от реалистической характеристики и теоретических рамок. Но реальность оказалась такова, что проблемной была не только курдская действительность, а все, что было связано с курдской идентичностью. Все, кто был с этим связан, стали проблемными. Нет никого, кто бы не чувствовал себя проблемным, не задумывался об этом. По сути, проблема связана со смыслом переживаемых реалий. Это различные мнения по поводу того, что представляет собой курдская социальная природа и какова она. Естественно, когда все и вся считаются проблемными, теряется суть проблемы, а исследования и изучение утрачивают свою ценность.

Лично я в сфере своей ответственности всегда старался разубить этот узел, считая данную задачу основной. Суть проблемы заключалась в том, чтобы конкретизировать и раскрыть специфические стороны курдского общества, которое живет гораздо тяжелее, чем это считается, но в отношении которого существует очень много демагогии. Мои изначальные попытки развить национальную проблему, исходя из ее универсального характера, в короткие сроки завершились таким выводом, как «колониальный Курдистан», что опять же носило столь же универсальный характер. Итак, рецепт

спасения, который был задуман для колониального Курдистана, — это «национально-освободительная» теория, известная теория того периода, и «национально-освободительная война» — практика того периода. Безусловно, это понятие, теория и практические меры охватили большую часть проблем действительности. Но, как и в любом обобщении, все недостатки и ошибки данного обобщения постепенно стали раскрываться. В частности, вероятность диалога между сторонами проблемы требовала более конкретных подходов к действительности. В этом сыграло свою роль влияние постмодерна, развивавшегося начиная с 1990-х годов в целом — с разрушения рамок современности. Распад системы социализма стал, в сущности, еще и пониманием разрушения гегемонии либеральной идеологии. Проиграл и развалился не социализм, а его искаженная левая либеральная версия. Более конкретный подход к действительности был тесно связан с распадом этого либерального левого направления. В итоге по мере того, как давали о себе знать догматически-позитивистские стороны, лежащие в основе марксистского восприятия, возможным становилось восприятие социальной действительности в более исторической, философской, эстетической и научной перспективе. В частности, более целостное исследование, изучение и толкование капитализма в ракурсе грех краугольных камней современности, а именно тенденции к максимальной прибыли, национального государства и индустриализма, раскроет путь к правильному пониманию в социологии. На этой почве происходил переворот в социологии. Выяснилось, что марксизм, стремящийся более всего отождествлять себя с социологией, научным социализмом, и даже социалистическая система, ставшая его практическим воплощением, собственно говоря, не смогли дистанцироваться от догматического, позитивистского метафизического мышления.

Взгляд на курдскую действительность и проблемные образования в ее структуре сквозь перспективу (или парадигму) этой новой социологии позволял рассуждать обо всем более конкретно и целостно. Подобно тому, как распознавался догматический характер абсолютистских подходов, можно было также распознать опасность аналогичных догматических последствий чрезмерного релятивизма. В итоге становилось возможным развивать более

близкие к истине методы решения проблем курдской действительности, которая столь сложна, раздроблена и очень быстро истощается, поскольку проблемы ее столь же объемны, целостны и структурны, как исторические корни курдской действительности. Более конкретные рассуждения делали возможным появление более конкретных решений, имеющих высокую практическую ценность.

Современные социальные науки и социология, загруженные функциями нормализации и узаконения капиталистической современности, при изучении исторического общества, несмотря на устоявшиеся утверждения, не смогли уйти дальше средневековых сказочных дилемм в стиле «белое и черное», «хорошее и плохое». Одной лишь выкладки о национальном государстве достаточно было бы для того, чтобы в большей степени уничтожить историческое общество. Даже можно сказать, что натолкнулись на метафизику, которая не может стать потенциалом даже для самых ничтожных генеративных мыслей и чувств. Национальное государство на последнем этапе потенциально не смогло бы сделать ничего, кроме как породить фашизм. У формирований максимальной прибыли нет иной роли, кроме потребления общества и его окружения. Не может быть ни биологической, ни социальной жизни, основанных на индустриализме. Современность — это лишь упомянутые элементы, которые были нормированы и узаконены его науками.

Развивая глубокий подход к курдской проблеме, мы понимаем, что определения проблемы и его решение сами по себе являются проблемными. В основе курдской проблемы лежали элементы капиталистической современности. Следовательно, выносить рассуждения и развивать практическое решение, основываясь на данных элементах, — это все равно, что заниматься самообманом. Такого рода диалектика проблем и решений, переживаемая в масштабе всего мира, в итоге подтвердила кризис и тупиковое состояние постоянно углублявшегося мирового финансового капитала. Проблемы, рожденные национальными государствами, зародившимися на современной почве, имеющей ближневосточное происхождение, завершились созданием хаотических регионов и кризисных обществ, что продолжается и по сей день. Идеологии

национализма и государственности, а также усилия, связанные с институализацией общества, в ряде стран от Афганистана до Ливана, от Чечни до Йемена превратили общество в кровавые моря. Суннитское иракское национальное государство, находившееся прямо посередине этих двух дорог, отражало конкретную, очень кровавую и горькую реальность — как трагический документальный фильм, демонстрирующий почти банкротство традиционной цивилизации и капиталистической цивилизации.

Эти элементы, о которых я пытался рассуждать в рамках курдской действительности, в современных условиях ведут не к консолидации нации, а к выходу за грань национального. Следовательно, более актуальной является не столько курдская национальная проблема, сколько проблема неумения консолидироваться в нацию. Не могут превратить Родину в Отчизну всей нации; напротив, она представлялась как родина господствующих национальных государств. Иными словами, родная земля перестала быть ареалом формирования нации, она оценивалась в свете принадлежности других наций к своей родине. Стремилась растворить курдскую национальную действительность в недрах господствующей нации, не дожидаясь, чтобы сформировалась курдская нация. Она была превращена в некий объект, эксплуатировалась и растворялась посредством ассимиляции со стороны господствующих национально-государственных культур арабов, турок и персов. Для этого мобилизованы силы всех элементов современности. В данном вопросе проблема стала настолько сложной, что вышла за рамки нации. Социальные слои и классы, выступавшие в качестве силы, решающей национальные вопросы современности, по отношению к курдской проблеме оказывались в парадоксальной ситуации. По мере того как традиционная верхняя прослойка становилась буржуазией, получая долю в прибыли государства, она шла не только на сотрудничество, но превращалась в орудие не признания курдов и всякого рода уничтожения. Мелкобуржуазные элементы из-за своей слабости и зависимости от государства оставались на уровне демагогических элементов проблемы. Тем самым обе силы современности утратили способность быть конструктивными элементами в решении проблемы. Объективной силой, решающей курдскую проблему, становились безработные,

близкие к пролетариату и прочие трудящиеся слои. В этом смысле курдская проблема становилась проблемой не буржуазии, а трудящегося общества.

Политическая воля, необходимая для того, чтобы стать нацией, безжалостно подавлялась в самых простых проявлениях. Все это осуществляется под маркой искажения в рамках «единства и цельности государства». Ярлык «сепаратизма» и «отчужденности» сразу же навешивается на политическую культуру, которая является хотя бы условием существования общества; так прикрывали практику действий, доходивших до массовых убийств. Полностью взяв под свой контроль экономическую сферу, без которой общество не сможет удовлетворять свои материальные потребности, ее использовали как средство нейтрализации в качестве экономической нации. Экономика как таковая была превращена в наиболее значительное орудие отчуждения от национального. По отношению к курдской идентичности не было никакого юридического документа и статуса. Курдская идентичность считается вне закона, ее превращению в нацию препятствуют, и с этой точки зрения считают, что курдов как таковых нет вообще. Курдский народ обрекался на такую идентичность, которая не имеет никакого отношения к праву и осужден на полное отсутствие национального характера, самосознания и имени. Общество, превышающее по численности сорок миллионов, считалось несуществующим в плоскости национального и международного права. Образование является наиболее важным средством формирования нации в современных условиях, но что касается курдов, то их еще в начальной школе под действием системы образования, совершенно отрицающей курдов и стоящей на службе у господствующих наций, отрывали от собственной национальной идентичности. Средство социализации, называемое образованием, применительно к курдской идентичности превращалось в средство отказа от своей идентичности и социальной действительности. Запрещая во многих частях обучение на родном языке, вместо родного культивировали языки господствующих наций; и вместо того чтобы использование родного языка становилось одним из орудий социализации, оно превращалось в мотивировку ухода от социума. Курдская идентичность, как культурное мышление, вместо того чтобы ассоциироваться с достижением

собственной цели, превращалась в показатель капитуляции перед культурами господствующих наций.

Например, по сравнению с народами Африки курдский народ оставлен далеко позади африканцев в плане консолидации нации, и это очевидно. Здесь, несомненно, есть связь с теми различиями, которые имеются между национальными государствами в эпоху капиталистической современности. Курды не могут использовать современные элементы по своей собственной воле. Применяют их господствующие национальные государства. В такой ситуации эти государства, не признающие права курдского народа на консолидацию в качестве нации, учредив совершенно особый фашистский режим, постоянно используют механизмы отрицания и уничтожения. В итоге возникает проблема отчуждения курдов от национальной консолидации и неумения консолидироваться в нацию.

Курдская проблема отражается в самых разнообразных масштабах, аспектах места и времени. Наряду со всеми данными качествами, связывающими эти аспекты с условиями места и времени, курды переживают еще и другие специфические особенности. Постараемся конкретизировать их.

а. Способ существования и развития Курдистана и курдской действительности, пребывающих под властью Турецкого национального государства, с самого начала находится в состоянии противостояния с жестким режимом отрицания и уничтожения курдов. Это состояние способствует тому, что действительность с самого начала обречена на тяжкие проблемы и остается ущербной. В процессе она сталкивается с утратой элементов собственной идентичности. Турецкое национальное государство насаждает такую идеологию, которая предполагает не национальную консолидацию, а отказ от этого, точнее, отход курдов от стремления стать нацией; напротив, поощряется самоуничтожение и самоотрицание. Эта ситуация характеризует действительность, которая гораздо хуже просто проблематичной: с какой стороны ни посмотри, это геноцид, которому пока еще нет названия. Речь идет о практике геноцида, реализуемого различными методами, скрытно и под маскировкой. В отличие от армян и греков, которых уничтожали открыто, курдов уничтожают хитрыми методами, постоянно используя предательство, коллаборационизм, создавая массу трудностей, применяя безработицу,

голод и пытки, под завесой тайны. Проблема не столько в неумении консолидироваться в нацию, сколько в том, чтобы обезвредить и нейтрализовать пути и методы уничтожения. Прекращение этого процесса означает, естественно, обязательное существование и движение за свободу курдов. Какие-либо иные методы, в частности методы лживой либеральной буржуазии, националистов и мелкой буржуазии, пытающейся сойти за левых, не могут обладать такой силой, чтобы остановить процессы убийства и отрицания, развить соответствующее понимание и практические меры. Есть проблемы существования курдов против таких режимов. Решением этого вопроса является борьба за существование и сила свободной жизни, обусловленная его природой.

б. Состояние Курдистана и курдской действительности, находящихся во власти Иранского национального государства, не слишком отличается от турецкой национально-государственной модели. Различия между ними обусловлены отличиями в уровне современности. Пережитые ими исторические и общественные реалии способствовали проявлению формальных отличий в применяемых ими моделях. Наследие власти, на котором основываются оба государства, — это официальное разделение курдов и лишение их всяческой силы еще со Средних веков и по настоящее время с помощью Карсского мирного договора 1639 года, совместные действия против курдских мятежей, начавшихся в современную эпоху. Это способствует формированию единой позиции отрицания и уничтожения. Грань между ними проходит в основном по линии решения курдской проблемы в свою пользу, что подвигает их к совместным действиям в этом направлении. Антикурдский союз, сформированный сегодня между Турецким и Иранским национальными государствами, подтверждает данные исторические реалии.

в. Курдистан и курдская действительность под господством Иракского национального государства продемонстрировали несколько иной курс развития. Определяющей в данном случае оказалась роль английской гегемонии. Позднее и слабое рождение арабского национального государства дало курдам возможности для некоторого развития своих национальных ценностей. По мере того, как ужесточался режим, становились жестче и курдские выступления. По мере развития этого положения взаимного ужесточения для курдов

сложился процесс, где возможность выживания была больше, чем исчезновения. С установлением гегемонии США в последний период курды обрели шанс собственного национального государства, пусть и в виде федерации. Однако этот шанс постоянно воспринимается соседними национальными государствами, даже центральным Иракским государством как некая угроза, и они преследуют роль ликвидации этой автономии при первой же возможности. У иракских курдов, которые в обоих случаях оставляют возможности и для национальной консолидации, и для утраты национальных факторов, по-прежнему продолжают проблемы существования и свободной жизнедеятельности.

г. Проблемы, переживаемые курдами под властью Сирийского национального государства, обусловлены не столько ассимиляцией в системе, сколько выдворением из системы. Часть курдов им считается несуществующей. «Арабский пояс», создаваемый на границе, преследует долгосрочную цель растворения курдов. Границы, установленные английской и французской властями после Первой мировой войны, стали причиной второго масштабного раздробления курдов. Целью была ликвидация курдов на почве общих с Турцией интересов. В отношении курдов это раздробление стало наиболее разрушительным действием капиталистической современности. Оно не только препятствовало консолидации курдской нации, но и ускоряло процесс утраты национальной идентичности. В частности, с точки зрения своих интересов, сводившихся к тому, что для управления Ближним и Средним Востоком надо постоянно поддерживать проблематичность ситуации, в которой оказались курды. Лондон считал это наиболее удобным методом. Наличие таких проблем стало одним из краеугольных камней стабильности системы.

В итоге курдская проблема превращалась в раздробление родины курдов и отрицание народа, отчуждение от своей идентичности посредством масштабного уничтожения социальных реалий, препятствование политической воле курдов, принуждение к подчинению политике отрицания и уничтожения, осуществляемой государствами, превращение процесса удовлетворения экономических потребностей в орудие отречения от своей идентичности, непризнание какого-либо повода или официального статуса для того, чтобы народ

мог стать культурной и идеологической ценностью, основанной на собственной идентичности, обреченность народа на существование без современных средств и мер образования. Целостные меры, применяемые во всех этих сферах, приводят к полному отрицанию всех собственных ценностей и идентичности. Это и есть проблема невозможности жить свободной жизнью. Иными словами, курдская проблема — это не национальная проблема: курды перестали ощущать себя нацией.

Постоянный характер раздробления и последовательное усиление в каждой из частей страны режимов отрицания и уничтожения приводят к тому, что проблема перестала быть проблемой консолидации нации, она опустилась до уровня проблемы сохранения существования. Хотя метод физического истребления не является основным в плане уничтожения народа, но культурный геноцид становится постоянно существующей действительностью. И то, что не сразу применялся метод физического уничтожения, как в случае с армянами и евреями, делало процесс более болезненным. Ясно, что, рассматривая все эти факторы, можно говорить не столько о курдской проблеме, сколько о «курдском узле». Решительность Александра Македонского, разрубившего гордые узлы мечом, способствовала завоеванию всей Азии, так и «курдский узел», развязавшись, сделает возможным победное шествие демократии во всех обществах, в первую очередь Ближнего и Среднего Востока, и даст шанс на свободную жизнь.

Б. ИСТОРИЯ КУРДСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Социальные движения — это факты, связанные с сознанием. Чуждыми по себе движения не могут существовать даже без примитивного сознания. Когда существует общество, то сознание и объективность обретают более специфическое состояние. Это диалектическое превращение в различные состояния той самой субстанции, которую мы называем «энергия» и благодаря которой становится возможным движение в мире. Энергия сама по себе является неизвестным; но мы знаем, что путем превращения она обеспечивает движение, точнее, возникновение. Мы также знаем, что движение не может осуществляться вне бытия и времени. Обретение неизвестным, называемым энергией, скорости во времени и дистанции в пространстве можно назвать энергией. Это и означает возникновение, обретение жизни. Давая оценку всему процессу развития от гипотетического первого «Большого взрыва» до возникновения человеческого общества, видим, что все, о чем говорилось, является не чем иным, как различными состояниями энергии. Мы говорим о том, что Вселенная как таковая создает себя энергетическим путем. Все науки от физики до биологии разработали в этом плане значительные научные трактаты, имеющие отношение к превращению энергии в материю. Для того чтобы наука стала возможной, по меньшей мере, необходимо сделать разделение субъекта и объекта с точки зрения западного мышления и метода. Западная система цивилизации по своей сути тесно связана с научным подходом, основанным на разделении субъекта и объекта. История современного капитализма основана на принципе доведения метода мышления и действий, основанного на разделении субъекта и объекта, в состоянии гегемонистской силы как абсолютной истины. Без углубления сознания и применения процесса разделения субъекта и объекта невозможна гегемонизация современного капитализма. Большое значение имеет в такой ситуации изучение движений, основанных на различии субъекта и объекта.

Общества неолита и предыдущих эпох не знали таких проблем, как разделение субъекта и объекта. Основа этой дифференциации была заложена вместе с развитием городской, классовой и государственной цивилизации. Мы знаем, что в Шумере, ставшем первой цивилизацией, жрецы развивали дифференциацию субъекта и объекта в отношении богов и их слуг. Понятия «бог» и «слуга», в сущности, основаны на господстве города над селом, высшего класса над низшим, государства над обществом, на извлечении прибавочной стоимости путем создания монополий. Это первобытная и мифологическая форма дифференциации на субъект и объект. Мифологии в данном случае становится первой наукой, или формой сознания, основанной на субъектно-объектной дифференциации. В форме сознания, называемой в культуре Ближнего и Среднего Востока традицией пророков и возникшей в качестве реакции на мифологию Шумера и Египта, несколько больше развивается концепция «бог-слуга», дифференциация «субъект—объект». В этом случае божество является субъектом, а слуга — объектом. Однако, в отличие от мифологии, статус слуги бога был несколько смягчен, и человеку оказавшемуся в положении раба, предоставлена пусть и небольшая, но возможность движения.

В традиции Зороастра ощущается протест против участия слуги, божество призывается к ответственности, подчеркивается необходимость положить конец субъектно-объектной дифференциации. Хотя и в ограниченной степени, но есть приближение к концепции свободного человека. Это учение позволяет человеку, вдохновляемому моралью свободы, совершать действия, не ощущая необходимость в божестве. Дальнейшее развитие традиции зороастризма в ионической культуре обеспечивает независимость философской науке. Если человек является субъектом, то объект отражается в самой природе. Вместо субъектно-объектных отношений между богом и слугой предлагается дилемма «человек-субъект и природа-объект». В Средние века вновь был совершен поворот к дилемме «бог-субъект и человек-объект» и развита философия этой дилеммы. В христианстве и исламе дилемма «бог-слуга» представляется в виде своеобразной философской религии.

Дифференциация «субъект—объект», развиваемая в Западной Европе (Декарт, Спиноза), из половинчатого состояния раннего

периода и Средневековья была доведена до наибольшей эффективности. Если все три состояния природы — физическое, биологическое и социальное — рассматривались как объект, то человек, поставленный на место бога, представлялся полностью в виде субъекта. Именно этот переворот в мышлении подготовил обстановку и обеспечил легитимность современного капитализма. Абсолютная субъективность человека и абсолютная объективность природы обеспечивают капиталистической системе шанс на гегемонию. Этот шанс, который не предоставлялся капитализму ни в одну из эпох цивилизации, стал возможным благодаря тождеству, установленному между абсолютной субъективностью человека и абсолютной объективностью природы. В этой дилемме человек полностью взял на себя роль бога. Природа тоже во всех трех своих формах является объектом, полностью состоящим на службе у богочеловека. Естественно, абсолютный субъект, наконец, выражается в форме национального государства, обеспечивающего максимальное единство трех фундаментальных элементов современного капитализма. Субъект-человек, достигший своего апогея в философии Гегеля, завершает свой процесс выдвижения вместо бога только в национальном государстве. Приключения абсолютного разума у Гегеля были завершены в виде нового божества в образе свободного человека с максимальным сознанием в условиях национального государства. Анализ национального государства во всех исторических и социальных аспектах покажет, что оно стало самым развитым божеством, а гражданин такого государства — самый развитый слуга. Точнее, субъективность религиозных идеологий выразилась в истории цивилизации — в национальном государстве — в виде создания наиболее совершенной формы божественности, а идеология объекта (слуги божества) — в форме гражданина-слуги.

Божество в образе национального государства, нашедшее свое воплощение в личности Гитлера во время Второй мировой войны, по окончании войны было призвано к ответу за смерть свыше пятидесяти миллионов человек. По сути, даже будучи на подъеме, этот режим был раскритикован некоторыми философами (например, Ницше) как очень опасный. Во второй половине XX века маска режима была сорвана, и стало ясно, что это божество — жесточайший палач. Анализ и разложение происходили одновременно.

Национальное государство, начавшее распадаться, будучи на пике своего развития в 1970-е годы, является выразителем этих реалий. Следовательно, разложение самой сильной опоры современного капитализма приводит к неизбежности разложения самой системы. Доведение денег до уровня божества в эпоху финансового капитала (после 1970-х гг.) означало ускорение процесса распада. Когда с национального государства спала маска бога войны, стало ясно, насколько отвратительным врагом природы и человека оно является. Оказалось, что это реальная сила, виртуальными методами осуществляющая невиданные в истории грабежи, разрушение общества и окружающей среды. То, что оно стало виртуальной силой, должно считаться простым коротким содержанием истории цивилизации. То, что все божества в масках выдают себя, означает демонстрацию их реальных характеров.

Горная гряда и подножья Тавра и Загроса стали сферой зарождения этой божественности цивилизации. В недрах неолитического общества, но словно древесный червь, это божество поедало его изнутри, продлевая свое существование. Возникновение городов, классов и государства в долинах Месопотамии стало эпохой ее истинной молодости и зрелости. Цивилизация Западной Европы стала эпохой старости и смерти этой божественности.

Курдистан, как Родина, и курды, как общество, испытывают ужасающие мучения в эпоху кончины этой божественности, родившейся и развившейся на родной земле и в чреве общества. Если считать элементы современного капитализма состоянием старости и кончины бога цивилизации, то действительность станет еще более конкретной. Современный капитализм как субъективность, и курды, а также Курдистан как объективность находятся в состоянии чудовищного противостояния, не имеющего прецедентов ни в одной точке мира. Как это было во времена великих революций, вновь почти ожила вся история, и будто бы она воюет со всеми своими созданиями. В этой войне разрушаются и уничтожаются не только национальное государство, его краеугольные камни в виде закона максимальной прибыли и индустриализма; здесь также разрушается дифференциация «субъект—объект». Суть сути революции лежит в плоскости нейтрализации такого разделения понятий. Возвышение, ужесточение (догматизация) и разрушение идеологии

«субъект—объект» происходило ценою кровавой и колонизаторской системы, насчитывающей не менее пяти тысячелетий. Эта система стала кошмаром человечества, и человечество только пробуждается от этого ужаса. Такое пробуждение Курдистана и курдов свободной Родины и свободных людей вселяет большие надежды.

Неолитическая революция, совершенная предками курдов в горной гряде и подножьях Тавра—Загроса, не знала никаких субъектно-объектных различий; не было так же различий между субъектом-человеком и объектом-природой. Жизнь была магией, чудом, которое принималось с энтузиазмом. Жизнь сама по себе была приключением, полным чудес. Так свободное движение было сутью человечества, объединившегося в сообщества того периода — племена. Было только движение, оно давало свободу и опьяняло. Жизнь концентрировалась вокруг матери-женщины. Чудеса сопутствовали матери-женщине, и именно так она достигла божественных высот. Положение богини не было пьедесталом, добытым при помощи грубой силы, это было величием ума, связанным с реализацией и освоением жизни. Неолитическое общество заключалось в руках, сердце и разуме женщины-матери. Все находки и изобретения, связанные с земледелием и скотоводством, несут на себе ее отпечаток. Выражением данной истины является первый эпос, отражающий конфликты из-за ценностей, которые Инанна, богиня первого года Урука, в столкновении с коварным аннексионистом богом-мужчиной Энки называет «мои 104 находки и изобретения». То, что в противовес начальным опытам урбанизации первым божеством города стала именно женщина, борющаяся с мужчинами-богами, имеет глубокий смысл. Это свидетельствует о мощи социальной культуры женщины-матери, ее развитии и противостоянии влиянию цивилизации. Сложно рассуждать о культуре женщины-матери с позиций мировоззрения современной цивилизации, основанной на господстве мужчин. Данная культура является тысячелетней реальностью. Развитие центральной цивилизации, насчитывающей пять тысячелетий, в форме цивилизации мужского господства подтверждает эту реальность. Поскольку в обществе, так же как в природе, развитие происходит в противоречиях, развитие системы цивилизации с вектором мужского господства может иметь смысл только при наличии системы матриархата.

Мы уже подчеркнули, что впервые дилемма «субъект—объект» зародилась в Шумере. Для предков курдов эта реальность означает длительное противостояние патриархальным родоплеменным обществам. Действительно, неолитические родоплеменные сообщества, проживавшие в горной гряде Тавра—Загроса на всем протяжении существования шумерской цивилизации, находились в состоянии постоянной борьбы с этой цивилизацией. Родовая община не является единством, основанным только на кровных, родственных связях, как это принято считать в социологии Запада; это союз самообороны, производства и воспроизводства, направленный против цивилизации. Данный процесс, начавшийся в 5000—4000-е гг. до н. э., продолжается по настоящее время. Несмотря на то, что в ее недрах развивались иерархические силы и коллаборационисты, сотрудничавшие с цивилизацией, родоплеменные сообщества сохранили свой основной характер и являются наиболее рентабельным обществом, сформировавшимся на базе принципов самообороны, производства и воспроизводства. Преимущественной чертой сознания и характера рода является традиционная общинная психология и развитие, не признающие разделения на субъекты и объекты. Несмотря на попытки приобщить их к цивилизации, родовые сообщества смогли защитить свое коллективное мировоззрение и развитие.

По мере проявления иерархического и цивилизационистского соглашательства неизбежным стало раздробление родовой культуры, а также усиление субъектно-объектной дифференциации в недрах родоплеменного сознания и движения. Против этого развития мысли, отражающего шумерскую идеологическую гегемонию наряду с традиционной культурой матери-богини (культ богини Астарты) стало развиваться новаторское религиозное движение—маздаизм. Система верований маздаизма основана на дилемме света и тьмы. Суть ее доходит до универсальной диалектической дилеммы. Она отражает достижение уровня сознания диалектической тезы—антитезы, необходимой для возникновения. В этом отношении оно было намного более прогрессивным движением, нежели дилемма в виде бога-творца и сотворенного раба, что было грубым изобретением шумерской мифологии. Суть маздаистского верования зиждется на универсальной диалектике. Идеология «бог-творец» и сотворенный «раб-объект» не отражает универсальной действительности,

но даже первая попытка внедрения в сознание человека привела к серьезным искажениям. Это сознание, оставившее свой отпечаток на всех религиях, в частности, на монотеистических религиях, послужило почвой для серьезного развития мировоззрения, основанного на дилемме «субъект—объект» и дошедшего до нашего времени. Вместе с даоизмом в Китае и некоторыми индийскими формациями сознания маизм представляет собой совершенно иное мировоззрение, вместо дилеммы «творец—творение» ищущее путь к диалектическому развитию и формированию собственной личности.

Сознание и развитие зороастризма, ставшее продолжением маизма, делало возможной мораль свободного человека. Зороастризм стал первой формой сознания и развитие, призвавшего бога-творца к ответственности. Обращение: «Скажи, кто ты?» — дошедшее до нас еще со времен Зороастра, представляет собой сущность философии, призывающей к ответственности бога-творца. Ионическая цивилизация, развив эту философию, унаследованную от мидян, заложила основу форме мировоззрения, наложившего отпечаток на современность. Наряду с развитием диалектического мировоззрения, отошедшего от влияния богов, но основанного на собственной силе человека, открывался путь перед человеком, добивающимся освобождения. То, что мидяне победили жестокую Ассирию, ставшую последней цивилизацией шумерского происхождения, было важным историческим шагом. Это движение этики и мысли мидян, продолжавшееся около трех столетий, явилось основным фактором победы над Ассирией, став историческим шагом, способствовавшим активизации ионийцев. Отнюдь не случайно, что оба движения наложили свой отпечаток на историю именно в 600-е гг. до н. э. и могут быть правильно оценены только в совокупности. Под властью имперских действий Персии и Сасанидов мидийско-курдские элементы не только были отодвинуты на второй план, но развитие их свободной мысли получило сильный удар. Имело место приобщение к гораздо более отсталым родоплеменным формам сознания. Вера и сознание зороастризма стали деградировать и терять свою свободную суть по мере того, как превращались в защиту империи. Данная ситуация нашла свое отражение в первой победе Александра Македонского (330 г. до н. э.). Ионическая философия, нашедшая своего лучшего представителя в лице Аристотеля, сыграла опреде-

ляющую роль в этой победе. Эллинистическая стадия цивилизации, развивавшаяся позднее (300 г. до н. э. — 250 г. н. э.), тесно связана с высшей формой сознания ионической философии. Сознание, свойственное этой стадии, впервые реализовавшей синтез Восток—Запад, оставила свой отпечаток на всех последующих формах верований и мышления. Ясно, что именно по следам этих верований и мышления происходило и обрело смысл возвышение Рима и культ империи.

Цивилизации Комагене (с центром в Верхнем Евфрате), Абгар (с центром в Среднем Евфрате—Урфе) и Пальмира (с центром в Нижнем Евфрате—Пальмире), находившиеся в этот период в тесной связи с элементами курдской цивилизации, продемонстрировали определенное величие. Они противостояли Риму, а также продолжали возвышение в своем сознании при помощи успешных компромиссов. Этот период завершился движением христианской мысли.

Христианство реализовалось только на почве отрицания первой просветительской философии (ионической философии), ее отторжения. Это движение негативной, пессимистической мысли; оно является воплощением ужасов, которым способствовало господство Рима. Несмотря на то, что это — шаг назад в плане философии просвещения, с точки зрения коллективного движения неимущих слоев оно стало прогрессом, представляя наиболее первобытную форму классового сознания, сформировавшегося ранее других. Превращение в идеологию империи и княжеств (300-е гг. н. э.) способствовало утрате этих черт.

Манихейство, возникшее как реакция на систему цивилизации и ставшее наиболее развитой после зороастризма просветительской мыслью и движением (250 г. н. э.), имел серьезное влияние. Если бы оно не было уничтожено Сасанидскими императорами, возможно, раньше Европы способствовало бы второму мощному просветительскому движению в Ближневосточном регионе. Сам Мани, объединив ионическую философию, христианство и учение Зороастра, осуществил наиболее масштабную реформу мышления и веры того периода. Это движение, зародившееся на берегах Тигра, в короткие сроки распространилось от Рима до Индийской долины. Но, поскольку деградировавшая имперская традиция Сасанидов не давала ему развиваться (самого Мани в 276 г. н. э. казнили, содрав с него кожу), эта историческая возможность была утрачена. Точнее,

манихейство не смогло заполнить ту нишу, которую заслуживало, не смогло оставить свой след во времени.

Ассирийские монахи (христианские монахи ассирийского происхождения) в сравнении с манихейством и зороастризмом достигли большего. До возникновения исламской эпохи влияние на ход развития оказывали идеи и воззрения ассирийских монахов. В период 300—600 гг. н. э. они создали сильную философско-теологическую школу и образовали христианские общины на территории от Средиземноморья до внутренних областей Индии и Китая. В этот период курдское движение не смогло полностью абстрагироваться от зороастризма, не освоило в полной мере манихейство, не приняло ассирийских предводителей. Курды сохраняли свою крайнюю, первобытную форму сознания. Сильно устаревшая традиционная родовая идеология сумела сохранить только собственные сугубо родовые ценности. Так курды заметно отстали от темпов развития армянского и ассирийского обществ, с которыми в тот период проживали бок о бок. Если христианская мысль способствовала развитию армянского и ассирийского обществ в виде более развитых и объединенных народов, то первобытные формы мышления способствовали тому, что курдские сообщества оставались в замкнутом состоянии, позволявшем лишь сохранять существование. Идеологическая неразбериха вбила клин в социальное развитие, способствовал кризису.

Выход из средневекового кризиса был совершен на волне ислама. Он стал последним, после иудаизма и христианства, универсальным движением мысли и социализации в религиозном аспекте. Хотя исламская форма сознания представляется крайне новаторской, божественной, но в Ближневосточном регионе оно является наиболее сложным и эклектичным, испытав влияние всех форм сознания прежних периодов. Ислам представляет систему, объединившую множество форм сознания от анимизма до абсолютного единого творца. В частности, шумерские и египетские мифологические формы имеют сильное влияние в аспекте авраамистических религий. Ислам стал третьей, после иудаизма и христианства, верней мифологических форм сознания. Но он несет в себе следы не только этих форм и версий, а в значительной степени — влияние зороастризма, философских учений Платона и Аристотеля. Сюда же можно добавить влияние традиционных языческих религий

(идолопоклонничества). Одной из основных причин столь быстрого распространения ислама является то, что он представляет собой столь сложную форму сознания. Каждое сообщество может освоить его, истолковывая по-своему. Так оно в конце концов и получалось: ислам был представлен как панацея от всех проблем.

Различные формы исламской мысли в то же время составили его основное слабое звено, лишив самобытности. Чрезмерный универсализм ослабил сингулярные особенности, способствовал возникновению опасности превращения в примитивный ритуал. В этом плане ислам оказался менее плодотворным в сравнении с иудаизмом и христианством. Он стал не столько формой развития смысла, развития такого рода диалектического мышления, сколько разбросанной, бессистемной формой повествовательного мышления. Именно этот поток сознания и стал основной причиной отставания обществ, называемых исламскими. Уровни сознания в иудаизме и христианстве находились на совершенно иной стадии. Иудаизм постоянно концептуализировал собственную религиозность, сохраняя идеологическое преимущество. Христианство при помощи жесткой церковной организации создало более конкретные сообщества единоверцев. Чрезмерная закрытость перед светским мышлением стала поводом к возникновению секуляризма и светскости. Средневековая Европа под воздействием этих двух религий не испытывала никаких трудностей в плане развития как секулярного, так и светского мышления и сознания в ходе диалектического развития. Формированию современной Европы способствовал жесткий догматизм, присутствовавший в обеих религиях. Но догматическое сознание стало настолько бессмысленным, что неизбежным становилось возникновение новых форм сознания на антагонистической платформе. При этом следует хорошо понимать то, что обе формы религиозного сознания сыграли определяющую роль в развитии европейской цивилизации. В противном случае мы не сможем ни дать точное определение современным формам сознания и социальным движениям Европы, ни правильно осознать их.

Совершенно иным оказался курс ислама. В его структуре наряду со смешанными формами мышления и верований оказались также многочисленные элементы секуляризма и лаицизма. То, что ислам представился одновременно в форме светской и божественной ре-

лигии, способствовало возникновению парадоксальности и внутренней стагнации. Происходившие в период между IX—XII веками философские диспуты и рассуждения, которые можно было бы назвать исламским Ренессансом, как и в случае с европейским Просвещением, принесли не пользу, а вред философии. Остается тень бога-царя (Зилуллах), сохранившаяся со времен Шумера и являющаяся идеологической формой. Деспотические султанаты и эмираты, нашедшие себя в этой роли, с XII века по настоящее время не имели никакого иного значения, кроме представления бесчисленных примеров радикального догматизма и волюнтаристской власти. Если в этот период Европа, даже Китай, находились на этапе серьезного развития, то родина исторического прогресса была обречена на самое настоящее отставание, в XIX веке не смогла спастись от разрушения перед натиском капиталистической современности.

Как бы ни старались в этот период распада изучать и структурировать исламское сознание, оно не носило в себе совершенно никаких способностей к реформированию. Ислам не провел ни одной реформы — даже на уровне, аналогичном христианским. Он не знал философских и научных революций, поэтому неизбежным оказались разрушение и распад. По сути, новые исламские поиски, не представляющие собой ничего, кроме попыток приобщения к современности, стараются способствовать интегрированию в капитализм и далеки от какой-либо самобытности и созидательности.

Несмотря на то, что курдские сообщества длительное время сопротивлялись исламизации, высшие слои обрели шанс власти вместе с исламом суннитского толка, что и привело к коренным преобразованиям в обществе. Происходила социализация в двух направлениях. Если высшие слои на волне феодальной революции укрепляли и расширяли свои княжества, то низшие слои и горцы неизбежно устремляли свои взоры на секты и конфессии, ставшие своего рода организациями самообороны, и общественное развитие происходило в этом направлении. Различные исламские формы сознания, углублявшие классовое расслоение, отражались в виде сект и конфессий. Если формы сознания, возникшие по мере выхода за пределы родоплеменного сознания, сформировались в виде суннитского ислама и различных конфессий иерархических слоев, то по отношению к низшим слоям ситуация нашла свое кон-

кретное воплощение в виде мистических сект, например, алавитов. Суннитские курдские князья, с одной стороны, укрепляли свое положение против низших слоев, но с другой стороны, они вступали в сильное противостояние с их формами сознания. Классовые конфликты проходили под религиозным покровом. С другой стороны, курды-алавиты и мистические курдские секты, вынуждены были защищаться, постоянно превращаясь в политические и военные организации. Целостность общества сильно страдает от таких столкновений и разделений. Завершение подобной ситуации связывается или с надеждами на загробный мир, или с надеждами на объединенную сильную монархию. Такого рода идеологические поиски и формы, характерные для курдского средневековья, сохранились и развивались.

Поиски и формы сознания, относящиеся к Идриси Битлиси (XVI век) и связанные с Ахмеде Хани (XVII век), стремятся удовлетворить такого рода ожидания курдского общества. В противовес этому Сефиюддин, один из представителей курдских шейхов, постепенно возглавил шиитское движение кызылбашей, что завершилось созданием новой династии — империи Сефевидов. «Шерефнаме», написанная Шерефханом из Битлиса (конец XVI века), посвящена описанию курдских княжеств и монархий, а секты кадири и накшбанди осуществляли свою деятельность в плане защиты общества, оставшегося за пределами власти. Высшие слои курдского общества пребывали в поисках наилучшего для себя защитника и колебались между Сефевидами и Османской империей, а Ахмеде Хани видел коренное решение в создании большого Курдистанского царства.

В исламском сознании курдов важную роль сыграли медресе. Во все времена формировалась мощная курдская интеллектуальная прослойка. Многие представители этих кругов нашли свое место во дворцах арабов, персов и тюрок. Несмотря на связь с курдской идентичностью, данная черта была ограничена характером власти, которой они подчинялись. Родоплеменное сознание сохранялось на протяжении всего Средневековья. Разраставшиеся и усиливавшиеся родоплеменные структуры стали основными источниками курдизма курдских княжеств и сект.

Исламское сознание не принесло счастья курдским сообществам, оно не смогло свершить то, что свершило христианство, то

есть не сделало их однородным обществом. Оно превратило курдов в многочисленные сектантские сообщества, которые были полны самоотчуждения и ожидания Судного дня. Невозможно ждать возникновения, невозможно построить эффективное общество на базе отчуждения и разделения. К началу XIX века развитие центральной бюрократии, находившейся под влиянием капиталистической современности, требование налогов и рекрутчина нарушат средневековый статус и образ жизни курдов. Курдские княжества и мистические секты старались сохранить свое положение, что делало неизбежным конфликты. Традиционное общество вступило в полосу глубокого кризиса и хаоса.

В. СОВРЕМЕННЫЕ КУРДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Современная социология пыталась дать определение общественным движениям нашего времени при помощи присвоения им классовых и национальных норм, и с этой целью были созданы определенные теории. Изучение действительности в таком позитивном стиле стало значительным шагом в плане установления истины. Практическая реализация итогов повысила уверенность социологов в себе. Они поверили в то, что данный подход и есть единственно правильный подход к действительности. Позитивный метод сыграл свою роль в поисках истины, постепенно превратившейся в твердую веру. Вместо науки пытались внедрить научность (сцентизм). Уверовав в то, что преодолел влияние религии и метафизики, позитивизм сам превратился в наиболее грубую религию и материалистскую метафизику. Это повлекло за собой ускоренную деградацию социальных наук. С одной стороны, создание универсальных категорий в социальных науках привело к отрицанию конкретной действительности, с другой стороны, оказавшись в тисках монополий, социологи совершенно забыли о целостности бытия. Начался период бесчисленных отпочкований от социальной науки и индивидуалистских исследований. Идея освобождения от средневекового догматизма обернулась тем, что современный догматизм превратился в орудие, угрожающее обществу. В частности, если теории политэкономии, национального государства и индустриализма стали «шторами тьмы и ржавчины», скрывающими социальную истину, то тенденции к максимальной прибыли, национально-государственные и индустриальные устремления превратились в механизмы истребления общества.

Современные социальные движения, приниженные до национального и классового уровня, будучи универсальными сами по себе, сыграли аналогичную роль. Такие сложные реалии, как общество, предельно упрощенческими методами были зажаты в классо-

вые и национальные клише, и именно так пытались дать определения движениям, подвести под них теоретическую базу и реализовать их на практике. Если концепции и теории, связанные с национализмом, обожествляли национальный фактор, то концепции и теории, связанные с социалистической системой, превратили в субъект и обожествляли именно классовый фактор. Стремясь избавиться от средневекового мышления, под натиском этих грубых упрощенческих шаблонов попадали в гораздо более тяжкий плен догматизма. Кризис и хаотические особенности, изначально характерные для современности, именно таким образом отразились на кризисе социальных наук. Кризис всемирных и структурных систем, в гораздо более жесткой форме существовавший в семидесятые годы прошлого столетия уже давал о себе знать посредством влияния на сферу экономики, окружающей среды и власти. В эпоху гегемонии финансов экономика изнывала под тяжестью беспрецедентной грабительской политики системы, а деградация национального государства привела к тому, что власть превратилась в орудие манипуляции. Промышленность вообще стала бедствием для окружающей среды и климата. Невозможно представить, что социальные науки в таких условиях смогли бы избежать кризиса. В период распада социалистической системы в девяностые годы еще ярче раскрылась суть и правого, и левого либерализма. В этот период отчетливо проявился кризис либеральной идеологии как ключевой элемент кризиса социальных наук. Рецепты против кризиса, предложенные постмодерном, лишь подтверждают идеологически-научный кризис современности. Следовательно, современные классовые и национальные теоретические разработки и практические меры оказались не в состоянии играть прежние роли в преодолении системного кризиса современности. Даже на стадии реализации классовых и национальных утопий выяснилось, что их недостаточно для понимания и урегулирования сложной, запутанной природы социальных проблем.

Данный анализ показывает, что современные курдские движения не очень-то и отражают национальные и классовые явления. Знакомство с национально-освободительными движениями нашего времени оказалось предельно поверхностным. Имеют место отставание и примитивные действия упрощенного национализма. Мы лишены возможности рассматривать с исторической точки зре-

ния даже современные классовые движения. Нельзя сказать о каком-либо развитии классовых движений буржуазии, пролетариата и мелкой буржуазии в западном стиле. Сложно охарактеризовать идеологические, организационные и практические аспекты курдского движения планово и программно при помощи современных национальных и классовых шаблонов. Последние двести лет оказались очень тяжкими и кровавыми. Это были годы мятежей и конфликтов. Повстанцам противостояли постоянно перевооружавшиеся армии и национальные государства, но сами повстанцы не только не имели возможности действовать, обладая такими же армиями и государствами, но даже и подумать об этом не смели. Они могли действовать только из соображений сохранения феодальной власти и имели религиозную маскировку. Современным армиям и национальным государствам, находящимся на более высоком уровне оснащённости, не составляло никакого труда подавить эти идеологические и практические выступления, направленные на защиту власти и продолжение иерархии, оставшихся еще со времен Средневековья. Нельзя было бы ожидать от традиционных институтов успешного противостояния современным силам идеологий и структур. Это можно прояснить при помощи некоторых примеров.

а. Традиционный феодальный статус в начале XIX века оказался под угрозой. Османская империя, нуждавшаяся в модернизации, в частности, при правлении султана Махмута Второго (1839 г.) вступила в полосу реформ. Реформы были связаны с реорганизацией государства. На пути к национальному государству первым в ряду необходимых преобразований было реформирование центральной бюрократии, налоговой системы и армии. Традиционная система курдского феодализма не могла не подвергнуться изменениям. Но принятие налоговой и армейской систем курдскими феодалами стало бы гибелью их системы. Им оставалось или смириться с исчезновением, или бороться. Первое восстание в 1806 г. с центром в Сулеймание (столица феодального княжества династии Бабанзаде) и секта кадири явились провозвестниками начала этого процесса. Интерес к Сулеймание заключается в том, что этот город является наиболее отдаленной, крайней точкой Курдистана, но связан с соседними родоплеменными структурами, причем связи эти тянутся вплоть до центральных областей Ирана. В Сулеймание нашла свое

пристанище интеллигенция, обладающая мощным интеллектуальным потенциалом. Кроме того, этот город является одним из центров деятельности традиционных сект накшбанди и кадири. Получило развитие умение курдских феодалов проводить политику, основанную на умелом балансировании. Традиционно первые «гибриды» современности сформировались в этом регионе. Сулеймание стала тем самым регионом, куда в первую очередь устремила свои взоры английская монархия, ставшая гегемоном нового мира. Формирование курдской идентичности, или курдское движение, началось в этих условиях. Движение, в котором тесно переплелись религиозные, национальные, родоплеменные и иерархические факторы, так и осталось в локальном сегменте. Повстанцы не смогли долгое время сопротивляться традиционной имперской политике и усмирительным акциям. Но это движение означало начало нового процесса. Позднее подобные потоки устремились к северу. Возможно, наиболее значительным и последним из них было движение под предводительством Бедирхан-бея, правителя Ботана.

В частности, Бедирхан-бей, извлекая урок из египетского примера, с 1820 г. постоянно расширял владения своего княжества, доводя до уровня современного государства. По своему характеру это было раннее национальное движение. Если бы не подавление, то это движение могло бы вырасти вплоть до создания национального государства. События и политические коллизии, разворачивавшиеся вокруг вождя данного движения, Бедирхан-бея, и сегодня имеют очень поучительный характер, поскольку это движение было наиболее близкое к качественным характеристикам современности. В то время англичане больше были устремлены к созданию буферной зоны для ассирийцев — таковы были их предпочтения. Располагавшаяся севернее Российская империя стремилась создать аналогичную буферную зону, опираясь на армян. Что касается Османской империи и даже Ирана, то они были одержимы страстью расширения своей центральной власти. Курды были окружены с четырех сторон. Характерной особенностью упомянутого окружения было то, что на этот раз у завоевателей имелись современные средства. Выбор Бедирхан-бея, несмотря на его возможности, был ограничен. Цель, связанная с ассирийцами, стала стратегической ошибкой. Взаимоотношения с армянами были хорошими, но далеко не стра

тегического характера. Но самая главная причина поражения в том, что у него не было гегемонистской опоры. Если развитие событий в Египте происходило в направлении создания нового национального государства с опорой на Англию, то соперничающие Великобритания и Российская империя поддерживали султана Османской империи. Иран демонстрировал негативную линию поведения. Более того, предводитель повстанцев не смог создать внутри своей структуры нечто, подобное повстанческой партизанской армии, его военная организация не превзошла концептуального уровня регулярной армии. Не было ни планов, ни подготовки для длительного сопротивления. Он действовал в русле традиционных идеологий и организаций. Вместо создания системы законов он продолжал управлять с помощью личных приказов. Даже в его семье (Езданшер) имели место противоречия на почве феодального статуса княжества, и это в любой момент могло вылиться в предательство. То, что он не смог в комплексе всех этих обстоятельств перейти в наступление в самое благоприятное время и оказался пленником тактических уловок султана, стало причиной его поражения. Волнения, усилившиеся с весны 1847 года, в тот же год были подавлены из-за предательства Езданшера. То, что это курдское движение, наиболее близкое к современности, было подавлено при поддержке западных сил, породило негативные стратегические последствия.

Курдские культурные структуры, обладающие широкой автономией, пусть даже традиционного стиля, уже не могли продолжить свою активную деятельность. Центральная бюрократия, устанавливая шаг за шагом свои законы, старалась распространить свое влияние во всех сферах. Статус Курдистана как провинции постепенно сужался; в 1860 г. он был ликвидирован, и само понятие Курдистан осталось лишь на уровне географического термина. Курдская феодально-княжеская система, обладающая традициями, берущими свое начало чуть ли не от митанни и хеттов (1600–1200 гг. до н. э.), похоже, уже завершила свой путь. Остатки княжеской системы будут пытаться найти свой шанс в приобщении к современности и, переселившись в метрополии колонизаторов, будут пытаться продлить свое существование в виде курдских коллаборационистов. В этом плане тоже очень интересны повествования о семействах Бабанзаде и Бедирхани. С одной стороны, при первой же возмож-

ности они провоцировали мятежи, с другой стороны, играли роли наиболее эффективных чиновников господствующего национального государства. И в империи, и в республиканском строе очень много деятелей, происходивших из этих семей и играющих роли видных чиновников государства. Они также стали отцами примитивного курдского национализма. Наиболее ярким примером стало то, что Камуран Али Бедирхан, внук Бедирхан-бея, возглавил первые националистические усилия, как в идеологическом отношении (газеты и журналы «Курдистан», «Хавар» и др.), так и в организационном плане (организация «Хоибун»). Более того, он стал профессионалом в плане развития дипломатических таких отношений которые не смог установить его дед. Достоинство упоминания и то, что он приобщился к западным языкам и культурам.

Но гораздо интереснее то, что он заложил основы курдской национальной политики, взятой за образец всей курдской знатью и отдельными личностями, пришедшими после него. Под воздействием этих кругов и личностей курдская идентичность и патриотизм уже стали орудием обеспечения благосостояния — личного и своих семей. Все дискуссии были развернуты на почве сохранения собственных позиций. Разговоры, начатые с идеалов независимости, были принижены до желания удостоиться милости властей. Этот путь начатый Бедирхан-беем, Камуран Али Бедирхан превратил в некую модель или метод. Такие же торги Камуран Али Бедирхан стремился провести с Мустафой Кемалем относительно Турецкой Республики. В этой сделке цена курдской идентичности в угоду законам рынка порой поднималась, а порой совершенно снижалась. Не было и речи о какой-либо форме курдской идентичности, курдской социальной активности, реализуемых при помощи исторических, социальных программных стратегий и тактик. Классовый и национальный факторы обретают свое значение именно в этой точке. Если изживши себя классовый характер ставит этих людей в столь неудобное положение, заставляя их думать только о личных заботах, то неразвитый национальный характер ведет их к действиям в рамках примитивной идеологии и организаций, что чревато аналогичными последствиями.

Эти фигуры порой сравнивают с Идрисом Битлиси, жившим период зрелости курдских феодальных княжеств. Идрис Битлиси имевший влияние во дворцах Сефевидов и Османской империи

в начале XVI века, представлял действительную для того периода политическую фигуру. Курдские княжества, не сумевшие создать свою суверенную монархию, ищут выход из положения во дворах гегемонов. Курдские княжества, ранее игравшие важную роль при создании династии Сефевидов, стали ощущать угрозу в свой адрес, когда шиизм был возведен в ранг официальной конфессии. Суннитское происхождение толкнуло их на сотрудничество с Османской династией. Здесь имели место серьезные интересы. Идрис Битлиси является политическим и идеологическим архитектором этих поисков новой династии. Подавляющее большинство феодальных княжеств Курдистана договорилось с Османской династией о разделе власти, основанном на союзе равных сил. Это был добровольный союз, соответствовавший существовавшим тогда условиям. В османской системе власти курдские княжества занимали положение, свойственное их статусу. Курдские княжества, вероятно, могли бы достичь гораздо большей независимости с великим князем, выдвинутым из своих же рядов, возможно, могли бы в будущем создать свой централизованный султанат. Но не следует забывать, что условия того периода диктовали необходимость существования системы власти, опирающейся на несколько гегемонов, а не на многочисленные монархические режимы. Статус-кво того времени проявил себя именно таким образом. Суверенные монархии были не правилом, а исключением. Следовательно, усилия по созданию союза под руководством Идриса Битлиси соответствовали данному периоду и были результативными. Проблема состояла в том, что этот союз не стал учитывать негативные и позитивные условия, способные возникнуть в последующем, и остался на конъюнктурном уровне. Положение этого союза нельзя сравнить с опасным коллаборационизмом, возникшим в XIX веке после распада системы феодальных княжеств. Такого рода сравнение основывается на ошибочной аналогии, совершенно не учитывающей условия периода, смешав друг с другом все периоды.

Статус курдского народа к началу XIX века был ничем не хуже, можно сказать, даже лучше, чем статус турок, туркмен и арабов. Настоящий распад и дифференциация статусов стали развиваться в XIX веке. Осознание того, что период феодальных княжеств уже позади, побудило оставшихся наследников создать такую модель,

которая гарантировала бы только сугубо личные и семейные интересы курдов на основе коллаборационизма, совершенно не выдвигая никаких требований о признании какого-либо статуса нации. Помимо этого, демонстрировались все более негативные подходы, приведшие к полному отказу от традиционного статуса автономии. Вне всяких сомнений, они отнюдь не добровольно приняли этот новый статус. Условия уже были не те, что господствовали в начале XVI века. Курды пытались восстать, настаивали на своем традиционном статусе, более того, в процессе развития стали ориентироваться на поиски путей создания собственной государственности. Но классовый характер и условия современной эпохи делали неизбежным крах собственных усилий. Остававшийся единственный выбор, опять же в угоду классовому характеру, определился таким типом сотрудничества, который превращал курдскую идентичность в удешевленный рыночный товар, и был основан на личных удачах и узких семейственных интересах. Господствующие национальные государства точно оценили эту слабость, используя в качестве наиболее опасного орудия при развитии современного режима угнетения и эксплуатации курдского общества.

Эти слои заботились, и сейчас заботятся только о своем становлении в качестве буржуазного класса. Но материальные условия, уровень связей в сфере власти и экономики, идеологический и организационный уровень не давали им возможности стать современным буржуазным классом. Камуран Али Бедирхан, возможно, был идеалистически настроенным националистом. Однако пережитые им объективные реалии превратили эти идеи в несбывшиеся мечты, в кусок, застрявший в горле. Это, тем не менее, не стало препятствием для опасного характера и уязвимости перед предательством, что было характерно для взятой ими на себя соглашательской роли. Наконец, в соответствии с поговоркой о том, что рыба гниет с головы, эта модель оставалась эффективной вплоть до наших дней, играя главную роль в определении всех социальных классов и слоев, а также вытекающих из этого личностных характеров, представляя все это как нормальный образ жизни общества.

Оценивая традиции курдской знати, не следует их ни путать, ни сравнивать с примерами в Европе, даже в любой другой точке мира. В этом плане установилась своеобразная позиция. Роль данной

аристократической прослойки принижена до уровня инструмента в насаждении господства национальных государств и капиталистической эксплуатации Курдистана и курдов. Это позиционирование было воспринято как основное орудие ликвидации курдской идентичности, что тщательно осуществляется на протяжении последних двух столетий, в основном силой и принуждением, методами «специального и замаскированного геноцида», с целью постепенного уничтожения всех социальных институтов. Как бы ни акцентировалось внимание на этих сторонах при оценке факта отражения аристократических и сектантских традиций на курдской действительности и движениях, в частности, при анализе взаимоотношений с господствующими элементами современного капитализма, все равно этого будет недостаточно. Большое значение имеет проведение серьезных исследований по всем позициям, выявление степени их идеологического и политического воздействия.

Размышляя о наследии курдской знати, следует не только наклеивать категорические ярлыки идеологического предательства. Надо также понять, каков смысл всех социальных слоев, классов, их идентичностей и личных особенностей перед общественной действительностью, подверженной культурному геноциду, надо осознать, насколько они эффективны в связи с такими понятиями, как «национальность» и «классовость». Курдское общество не является тем стандартным обществом, для которого можно разрабатывать стандартные решения. Например, евреи решительно настаивают на таких понятиях, как «единственность», «беспрецедентность» в отношении Холокоста, они настаивают на том, что пережили невиданный геноцид. Аналогичное определение можно дать геноциду, пережитому курдами. Имел и продолжает иметь место единственный в своем роде «беспрецедентный», «беспримерный» культурный геноцид. Таким образом, имеется необходимость в проведении специфического исследования и расследования. Для сохранения и освобождения курдской культурной жизнедеятельности жизненно важное значение имеет оценка в этом ракурсе всего наследия и современных ответвлений курдской знати, занимающей определяющие позиции в осуществлении культурного геноцида курдов.

б. Распад феодально-княжеской системы выдвинул на первый план религиозную иерархию. Поражения Бедирхан-бея и Ездан-

шера способствовали тому, что институт шейхов, последовательно укреплявшийся во второй половине XIX века, стал брать инициативу в свои руки и стремился утвердиться в роли лидера общества. В частности, большое значение обрели шейхи таких сектантских общин, как накшбанди и кадири. Обе секты традиционно имели сильные позиции в Курдистане. Но шейхов не следует рассматривать как институт, свойственный только Средним векам. Корни уходят в глубины шумерского государства жрецов. Первыми, кто создал государственную организацию, были жрецы шумерского энкурата. Образование государства связано с ролью мудрецов. Государство — это не только организация грубой силы, его смысл имеет более определяющий характер. Шумерское государство жрецов длительное время управлялось жрецами, то есть, в арабской интерпретации, шейхами. Светские политики взяли в свои руки бразды правления гораздо позже. Более того, борьба за государственную власть между двумя прослойками элиты велась постоянно и продолжается с самого зарождения по сегодняшний день.

Если на стадии зарождения государства основную роль играл институт жрецов, то на стадии углубления и расширения государственности на первый план вышла роль светских династий. Известны аналогичные процессы в формировании институтов власти у предков курдского народа. Никогда не прекращалось противостояние между жрецами и светскими династиями в союзах племен хурритов, хеттов, митанни, урартов и мидийцев. Несмотря на попытки установить синтез между понятиями «бог—царь» и этими двумя представителями власти, данная дилемма существовала на протяжении всей истории. В монотеистических верованиях иудеев постоянно отмечены аналогичные дилеммы. В ранней родоплеменной организации Авраама жрецы находились на переднем плане. Моисей был пророком, а его брат Аарон — первосвященником. Упомянутая дилемма, существовавшая в еврейском племени, продолжается по настоящее время. Иисус был иудейским раввином низшего сана. Только через триста лет сформировалась власть людей, не имевших сана жрецов. Последняя тысяча лет европейской истории ознаменована борьбой между противниками церкви и светского образа жизни. Ислам, зародившись как религия, очень рано обрел политическую власть. Не прошло и тридцати лет после создания ислам-

ского халифата, как возникло серьезное противостояние между Ахлибейтом (религиозная династия) и светской династией Омейядов. Борьба между теократией и светским государством стала одной из основных проблем в истории ислама.

Это длительная, отразившаяся на курдском обществе историческая традиция существующего в этом обществе противостояния за власть. Религия играет большую роль в формировании и разделе власти в Курдистане. Мощная родоплеменная традиция ограничивает не только религиозную власть, но, в силу равенства и свободы, заложенных в самой структуре власти рода и племени, ограничивает также формирование светского феодального института. Политическая власть на протяжении истории распределялась внутри этой тройственной структуры. По мере нарушения существовавшего между ними баланса постоянно происходили конфликты и столкновения. Ни один из институтов власти не был полностью выведен за пределы системы. В высших слоях общества имели место конфликты и соглашения по вопросам распределения власти, а продолжения этих процессов ощущались и в нижних слоях общества. В противовес этому демократическое распределение власти давало о себе знать в структуре всех трех институтов. В курдском обществе никогда не было абсолютизма власти. Постоянно существовали значительные ограничения демократической традиции. Любой институт может продолжить свое существование только на почве своего низшего слоя, демоса. Если даже время от времени один из институтов оказывался впереди, баланс всегда соблюдался благодаря демосу.

Долговременные феодально-княжеские инициативы были в значительной степени сломлены во второй половине XIX века. Подобная ситуация получила соответствующую оценку института шейхов. Впрочем, султан Махмуд II, нанесший самый серьезный удар по институту феодальных княжеств путем ликвидации янычарского корпуса, нанес тем самым удар по их официальной секте бекташи. Он старался заполнить образовавшийся вакуум легитимности другой сектой, накшбанди. На первый план вышли курдские шейхи, имевшие влияние в секте накшбанди. Мевлана Халит из Сулеймание стал одним из наиболее авторитетных шейхов системы после ликвидации янычаров и бекташистов в 1826 году. Вместо институ-

ри феодальных князей был установлен институт шейхов, ставших новыми соглашателями султаната. Влияние шейхов во дворце последовательно усиливалось. На передний план вышла секта кадри, игравшая аналогичную роль. Курдские шейхи опять же были на первом плане. Роль шейхов в современных курдских движениях исследована очень слабо. Но ведь именно институт шейхов стал тем самым слоем, который по мере ослабления института феодалов и родоплеменных вождей ускоренными темпами усиливался и завоевывал инициативы в силу своего соглашательства с дворцами монархов. В данном случае придворные круги действовали осознанно. Сектантские структуры сыграли определяющую роль в том, что в XIX—XX вв. в Курдистане получило развитие общество, основанное на концепции общины единоверцев. Но значительную роль в столь быстрых процессах сыграли коллаборационисты, вступившие в соглашательство с дворцом и ставшие своего рода агентами монархий. Система использовала их как новую легализующую силу. Они не входили в категорию гражданского общества, которое формировалось само по себе. Точнее, эта их сторона всегда оставалась наиболее слабой. Народ не знает о том, что институт шейхов — это агенты и соглашатели. Такое всегда держалось в тайне. В течение обоих столетий основная роль шейхов сводилась к тому, чтобы вместо «милости» феодалов утвердить новую и более сильную «милость» под своим влиянием. Роль сектантских шейхов в узаконении и продолжении системы подлежит столь же серьезному изучению и выявлению, что и роль феодальной знати.

И этот вопрос мы можем прояснить при помощи одного примера. Восстание шейха Обейдуллы вспыхнуло в связи с Русско-турецкой войной (1877—1878 гг.). Он воспользовался тем, что война с русскими поставила Османскую империю в затруднительную ситуацию, пытался воспользоваться противоречиями империи с внешними силами. Более того, он испытал влияние национальных движений, существовавших в империи. Были приняты во внимание новые тенденции, развивавшиеся в курдском обществе. Восстание за короткое время разрослось при поддержке не только религиозных деятелей, но и других влиятельных кругов. На стихийно возникавших собраниях озвучивались жалобы на придворную бюрократию, высказывались национальные пожелания, после чего

они становились целью восстания. Это движение имело влияние в широких регионах Османской империи и Иранского Курдистана и вскоре обрело военный характер. Для того чтобы повстанческое движение завершилось провозглашением официального курдского государства, достаточно было бы поддержки одного или нескольких гегемонов того периода. Но этой поддержки продемонстрировано не было. Западные гегемоны не стали поддерживать курдское восстание потому, что Иран и Османская империя приняли и признали все пожелания Запада. Когда поддержка была направлена Османской империи и Ирану, уже не составило никакого труда ликвидировать это мощное повстанческое движение. Султанат извлек серьезные уроки из данного движения, имевшего место в период правления султана Абдулгамида II. Метод, примененный в отношении семьи Бедирхан-бея, был также испытан и в отношении семьи Обейдуллы Нехри. Перевезя их в Стамбул, власти пытались таким образом взять под свой контроль часть курдов.

в. Курдская политика времен Абдулгамида (1876—1909 гг.) достойна рассмотрения в отдельной главе. Политическая модель была развита под влиянием российских казачьих полков. События, которым способствовали движения армян и курдов, вынудили бюрократию империи применить кардинальные меры. Первая мера была направлена на усугубление армяно-курдских противоречий и их использование в собственных целях. Тот же метод был проверен и на взаимоотношениях между курдами и ассирийцами. Жажда прибыли, порожденная современным капитализмом, противопоставила друг другу эти народы, проживавшие вместе не сотни, а тысячи лет. Точнее, были использованы противоречия, порождаемые гегемонистскими силами между высшими слоями, а народы были попросту превращены в орудие этой игры. История подтверждает, что в случае установления Бедирхан-беем союза с ассирийцами оба народа добились бы больше прав и свобод. Для уничтожения обеих сторон с особой тщательностью применялась политика «разделяй и властвуй». И в этой политике главную роль сыграла Великобритания. Иракская операция тех времен проводилась именно такими методами.

История армяно-курдских отношений гораздо старше, и между двумя народами существовало определенное разделение труда. Ар-

мянские ремесла и курдское земледелие взаимно дополняли друг друга. Религиозные различия не были фактором противоречий и конфликтов. Действия армянских националистов, оторванные от истории и социальной действительности Востока, предоставили султану такую ситуацию, которую он непременно хотел использовать. Курдистан, который следовало бы считать общей родиной, как и в случае с ассирийским движением, в рамках проекта мононационального государства стали рассматривать сугубо как Армению. Наиболее разрушительное действие, скрытое в идеологии национального государства, заключается в том, что постоянно за основу принимается один господствующий этнос или нация. Остальные считаются или меньшинством, или второстепенной нацией. Такая логика национального государства. Итогом стало то, что веками соседствовавшие народы и культуры, тесно связанные друг с другом становились соперниками. Когда на одной географической территории стороны лелеют схожие националистические идеи, становятся неизбежными конфликты. В основе противоречий во взаимоотношениях между курдами, турками, армянами, ассирийцами лежат национально-государственная националистическая логика.

Султан Абдулгамид, начавший свои действия, опираясь на такого рода противоречия, с 1892 года приступил к использованию полков хамидийе, набранных среди курдских племен. Стратегия и тактика армянских националистов, надеявшихся на поддержку русских царей, не выдержала натиска подразделений, набранных султаном из курдских родоплеменных союзов. Но если бы стратегия и тактика армян была ориентирована на соседние народы, это могло бы стать началом революционных процессов, способных радикально изменить судьбу Востока. Армяне Османской империи могли бы сыграть роль, аналогичную той, которую сыграли российские евреи в русской революции. Однако удушающая сепаратистская логика буржуазного национализма не дала шанса на такое развитие.

Но по-настоящему разрушительная функция полков хамидийе (здесь же следует добавить и родоплеменные школы) была реализована в отношении самих курдов. Казалось бы, полки хамидийе были организованы для отражения угрозы со стороны армянских националистов, но по своей сути были направлены против курдского национального движения, которое уже было на пути к приобщению

к современным формам. Власти пытались одним выстрелом убить нескольких зайцев. Нововведение властей, которое следовало бы считать ранней формой института «сельских охранников», не только нейтрализовало армянскую угрозу (официальная история гласит именно так, хотя надо помнить о том, что у армянского народа были также справедливые национально-демократические требования — в сущности, подавлялись именно эти права). С другой стороны, данная практика вообще нейтрализовала курдское национальное движение еще в зародыше, в чем и заключается наиболее ужасающая сторона. Вооружив узкую родоплеменную элиту, связав жалованьем и званиями, взяв под контроль все племя, использовали их по усмотрению султана. Полки хамидийе сыграли определяющую роль в том, чтобы движения масштаба восстаний Бедирхан-бея и Обейдуллы Нехри больше не повторялись. Курдское национально-демократическое движение, которое, в принципе, могло бы получить свое дальнейшее развитие, получило сильнейший удар. Кроме того, между племенами насаждалась взаимная вражда на почве провоцируемых между ними противоречий. В этой сложной и конфликтной обстановке не только был потрачен впустую наиболее значительный полувековой период курдской истории, но и все разногласия и столкновения были использованы против курдского общества, которое буквально толкнули в пропасть, и оно оказалось в уязвимом состоянии в силу своих внутренних коллизий и конфликтов.

Эти политические игры, основанные не только на коллаборационистских институтах феодалов и шейхов, но, в дополнение к этому, еще и на военизированных соглашательских силах родоплеменных структур, со всей очевидностью показывают, почему курдские национальные движения не смогли развиваться так, как это прослеживается на аналогичных примерах. Очень большое значение имеет осознание того, почему и в данном случае курдская знать в период современности сыграла крайне негативную роль — или позволила навязать себе эту роль. Имеет место чуть ли не некое специальное формирование, которое настраивают на войну с собственными социальными ценностями и идентичностью. Но мы имеем дело не с «чуть ли», а с реально существующими искусственными образованиями, являющимися плодом современной инженерной мысли и настраиваемыми на войну с собственной оригинальной идентич-

ностью. Надо очень хорошо понять логику этих действий. По мере потери своих традиционных сил, стало быть, и интересов (в данном случае это обусловлено такими факторами, как в первую очередь мятежи, заканчивающиеся поражением), единственное, что им остается сделать, чтобы выстоять самим и спасти свои семьи, — это манипулировать курдскими движениями. Начав с отказа возглавить потенциальные движения, они дошли до того, что стали обращаться к заговорщическим движениям (ранняя форма антиповстанческого движения), и в сделках по поводу курдских движений использовали все методы. Наиболее часто встречавшимся методом стал следующий: отказавшись от курдской идентичности как от факта, они стали считать себя ничтожной частицей господствующей нации, взамен же получали некоторые материальные и моральные ценности. Именно этот метод до сегодняшнего дня применяется активно и довольно успешно в отношении всех классов и слоев, семей и отдельных личностей. Приказ, доведенный до уровня лозунга, ясен: «Откажись от своего курдского происхождения, тогда можешь стать всем, можешь достичь всего!»

Другим следствием этого метода является то, что он способствовал формированию такого мировоззрения, которое очень открыто для мнимой курдской идентичности, используемой в качестве оружия реализации личных и семейных интересов. Несомненно, в каждом обществе есть влиятельные люди и семьи. Они обязаны своим влиянием тем ценностям, которые вложили в это общество. Что касается курдов, то отдельные личности или семьи обеспечивали свое влияние с помощью превращения собственных социальных ценностей в предмет торговли в самых жизненных сферах, предательства эти ценностей, сохранения своих позиций даже ценою войны с ценностями общества. Самым страшным и специфичным является то, что к социальной действительности применяются именно такие подходы, расчеты и меры. Несомненно, в каждой семье и личности из любых слоев и классов есть достойные исключения, играющие положительную роль. Но ведь действительны не исключения, а укоренившиеся проклятые методы.

г. Государственная политика общества «Единение и прогресс», то есть «белого» турецкого фашизма, по отношению к курдскому движению в период их выхода на политическую арену, выразилась

в углублении курдской политики, нашедшей свое выражение в деятельности полков хамидийе, и ее укреплении путем многосторонней структуризации. Полки хамидийе сохранили свое существование. Дети и молодежь курдской соглашательской элиты вместо школ на базе племени стали чаще посещать официальные школы. Появились первые курдские просветительские группы, сформировавшиеся на основе традиционной знати, религиозной и родоплеменной элиты и познакомившиеся с современностью. Данная прослойка, давшая о себе знать с помощью издания газет, журналов, создания обществ, стала неким новым образованием. Это можно назвать первым коллективным движением становления буржуазии. Эти круги, осознавшие, что уже не смогут играть свою роль в границах присущего феодалам и шейхам мировоззрения и родоплеменного сознания как такового, осуществляли в целом довольно распространенные классовые преобразования. Если понтийские греки, армяне и ассирийцы в силу влияния европейского капитализма и своей принадлежности к христианству гораздо раньше и быстро приобщились к буржуазии, то мусульманские общества приобщились к буржуазии намного позднее. Курды тоже пережили столь позднее преобразование. Было ясно, что они позиционируют себя в раннем национализме. Младотурки послужили примером для формирования прослойки «младокурдов». Впрочем, она формировалась в тесной связи с младотурками, и, действуя полностью в духе западной идеологической гегемонии, они не могли совершать самостоятельный выход. Не освоив западную философию и науку, они просто довольствовались примитивным подражанием и копированием Запада.

Из-за поражения традиционной классовой структуры и ее приобщения к систематическому соглашательству интеллектуальные выступления молодежного курдского крыла носили искаженный характер и были лишены собственной идентичности. У них нет никаких работ, исследований, они не занимались изучением курдской истории и общества — для этого не было ни способностей, ни возможностей. Основная идеологическая «пища» заключалась в примитивных националистических аргументах, которые были в высшей степени эклектичными рассуждениями, подражательством и страстью к лозунгам. Курдское молодежное крыло связывало неко-

торые свои ожидания с конституционной реформой. В первые годы конституционной реформы был определен прогресс в сфере издания газет, журналов и активизации общественной деятельности. Они внесли свою лепту в националистическое соперничество: последовательный рост влияния турецкого национализма и наложение им отпечатка на развитие государства углубило соперничество в между ними. Более сильная структура и более эффективная деятельность армянского национализма негативно влияли на существующее между ними соперничество, усиливая его.

Стремительное восхождение всех трех видов национализма к национальному государству превратило данные взаимоотношения в противоречия. Поворотной точкой стали Балканская и Первая мировая войны. Если движение армян завершилось геноцидом, то курдское движение разделилось надвое. Произошел раскол между теми, кто хотел действовать вместе с турецкой буржуазией, но на аналогичной правовой основе, и теми, кто был за отделение от них. Этот раскол, имевший место до национально-освободительной войны 1919–1922 гг., завершился стратегическими потерями курдского движения. Личное участие курдов в национально-освободительной войне, хоть и без глубокого осознания происходящего и должной организованности, способствовало тому, что в процессе войны, в особенности в ходе последующих переговоров во время Лозаннского соглашения и при провозглашении республики, курды представляли собой очень слабую единицу, но довольствовались этим. Все ожидания, связанные с уравниванием курдов в правах с турками, оказались пустыми. Закон о основах создания 1921 г. и закон о курдской автономии от 10 марта 1922 года не были введены в действие, так и остались на бумаге, полностью сведя на нет все настроения и мечты курдов. Но ведь они были настоящими участниками национально-освободительной войны! Этот опыт примитивного курдского национализма требует более подробного изучения и извлечения определенных уроков.

Очень важным оказался опыт восстания в Кочгири (1919–1920 гг.), вспыхнувшего под влиянием сепаратистской тенденции. Если бы тогда были извлечены необходимые уроки, это могло бы привести к созданию курдской автономии. Но недостаточный уровень руководства, слабость и отсутствие необходимого оснащения

перед лицом очень сильного турко-еврейского союза иттихадистов (формирование «белого» турецкого фашизма) способствовали ликвидации движения на ранних стадиях. Провокация в районе Дилдже в Диярбакыре, произошедшая 15 февраля 1925 года, привела к тому, что спонтанно вспыхнуло повстанческое движение, которое хотело возглавить созданное с опозданием «Общество Свободы» (1924). Было ясно, что разрозненное и неорганизованное восстание, руководство которым выпало на долю уже немолодого накшбанди-ского шейха Саита, будет жестоко подавлено зарождавшейся республиканской буржуазией. Это восстание имело ряд примечательных особенности. «Общество Свободы» само по себе было националистической организацией. Джибранлы Халит, лидер этой организации обладал чертами интеллигента, был командиром в полку хамидийе и пользовался там влиянием. Во время освободительной войны его участие способствовало успехам боевых действий на восточном фронте. До восстания он был без суда и следствия казнен в Битлисе. Шейх Саит был одним из видных лидеров секты накшбанди шафиитского толка. Вместе с тем он пользовался значительным влиянием как крупный представитель торговой буржуазии и играл важную роль в торговле скотом на маршруте Бингёль—Алеппо. Сем Абдулкадир был шейхом секты накшбанди и был сыном шейха Обейдуллы Нехри, возглавлявшего восстание 1878 года. Более того, с этим восстанием были связаны многие местные феодалы.

Очевидно, что все они представляют прослойку, ставшую результатом политики хамидийе. Они готовы к соглашательству. Но изначально союз прогермански настроенной турецкой бюрократии и еврейского капитала («белые турки» были в основном результатом этого союза), составлявший ядро кадрового состава общества «Единение и прогресс» и выступавший под названием «младотурки», основывал свою политику на ликвидации представителей всех остальных религий и этносов (христиан, мусульман, курдов, арабов, черкесов). Шаг за шагом младотурки претворяли в жизнь эту политику уничтожения. В 1915 году были уничтожены армяне, в 1921 году — черкесы, в 1923 году — понтийские греки, в 1924 году — ассирийцы, в 1924 году — турки-мусульмане (халифелик), а с 1925 года началось уничтожение курдов. Как бы это ни называли, геноцидом или как-то иначе, но, выражаясь современным языком, они ликвидировали

все прослойки, кроме самих себя (младотурки = турецкая бюрократическая буржуазия + отошедшие от своей веры евреи и владельцы иракского капитала и кадры = турецкий национализм + общество «единение и прогресс» + НРП = «белый» турецкий фашизм).

С особым вниманием нужно остановиться на вопросе лидерства Мустафы Кемаля в этот период. До тех пор пока не будет изучена иттихадистская, или ататюркистская, мифология, созданная против воли М. Кемаля, невозможно будет верно осознать ни национально-освободительную революцию, ни республику.

Национально-освободительная война 1919–1922 гг. была не только направлена против внешних сил, но также выявила истины, связанные с ее восприятием как гражданской войны. Вспыхнули восстания в Анатолии и Месопотамии. Это было связано с серьезными упущениями центров гегемонии как внутри страны, так и за ее пределами. В то время, когда традиционные власти и иерархические гегемонии внутри страны переходили из рук в руки, за ее пределами проходила борьба с усилиями Запада, пытавшегося установить свое полное господство. В очередной раз, как и на протяжении всей истории, дало о себе знать стратегическое значение географического положения Анатолии и Месопотамии. Полное завоевание Анатолии и Месопотамии обеспечило бы серьезное преимущество гегемонии Запада. Поскольку традиционная гегемония султаната распалась, она не могла препятствовать формированию такого пояса гегемонии. Иттихадистское «белое» турецкое образование, скорее всего, уступило в борьбе англичанам. Но английская гегемония тоже сталкивалась с трудностями в стране и за ее пределами. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Были попытки установления связи с повстанческим движением, развивавшимся в Анатолии и Месопотамии. Выступление под руководством Мустафы Кемаля в этих условиях было и замечательным, и значительным. Известно, что он был исключен из кадрового состава иттихадистов. В силу повстанческой позиции Мустафы Кемаля сложно было бы представить тенденцию его сближения с англичанами. Его ситуация напоминала не столько Наполеона, сколько Робеспьера во время Французской революции.

Как известно, французский король Луи XVI обратился к соседним европейским монархам за помощью в борьбе против револю-

ции, раздираемой внутренними противоречиями, и призвал к оккупации Франции. Это было похоже на договор султана Вахдетина с англичанами. Там, во Франции, Робеспьер, являвшийся одним из трех значительных лидеров «Монтаньяр» — радикальной революционной мелкобуржуазной партии — взяв руководство в свои руки (1791—1794 гг.), провозглашает республику, осуществляя это в обстановке очень серьезной внутренней и внешней напряженности. Мустафа Кемаль, который отлично знал историю Великой французской революции, с большой вероятностью осознанно взял на себя роль Робеспьера. Как известно, М. Кемаль выдвинулся вперед как один из пяти видных, наиболее инициативных генералов (Али Фуат Джебесой, Кязым Карабекир, Рауф Орбай и Рефет Беле). Несмотря на ожесточенные внутренние и внешние столкновения, он идет вперед, вплоть до провозглашения республики. Очевидно, что он был типичным революционером республиканцем. М. Кемаль сыграл ведущую роль в других революционных действиях, в первую очередь, низвержении султаната и халифата. Но другая важная сторона реальности заключается в том, что англичане, увидев успех Мустафы Кемалья, за действиями которого они активно наблюдали, сразу изменили свою тактику. Генерал Февзи паша и полковник Исмет, служившие в министерстве обороны, не столкнувшись с серьезными препятствиями со стороны англичан, были введены в кадровый состав революции, точнее, англичане способствовали их вхождению в ряды революционеров. Если пролить свет на это кадровое перемещение, которое в исторических трудах держится под большим секретом, то результаты помогут проторить тропу в раскрытии истины.

После битвы при Сакарье в 1922 году англичане сразу же приостановили свою помощь грекам и стремились договориться с революционерами. В данном случае важную роль сыграл Черчилль. Повстанческое движение после 1922 года было под усиленным контролем англичан. Они не допускали перехода событий в радикальную фазу, с другой стороны, возростала дистанция между повстанцами и Советской Россией. Имела место ликвидация коммунистов, мусульман, курдов. В лице Черкеса Этхема были уничтожены революционные лидеры кавказского происхождения. Но самым важным остается тот факт, что четверо из пяти генералов революции были ликвидированы. Под предлогом курдского мятежа определенная

полна зачисток коснулась также «Прогрессивной республиканской партии», являвшейся оппозиционной националистической религиозной партией. Она не относилась к категории «белых» турок. Курдский мятеж играл роль рычага ускорения процессов смены власти и ее становления на фашистские рельсы. Мустафа Кемаль, который еще до войны, начиная с 1916 года, поддерживал хорошие отношения с курдскими предводителями (Битлис, Сиирт, Диярба-пыр), во время войны еще больше укрепляет эти взаимоотношения. Он добился соглашения во время восстания в Кочгири. Законом основного создания от 1921 года он гарантирует равенство курдов в стране. Закон от 10 марта 1922 года о курдской автономии укрепляет взаимное доверие. Во время пресс-конференции, состоявшейся в Измите 16–17 января 1924 года, Мустафа Кемаль говорит о самой широкой автономии для курдов. Когда курдов вынудили поднять мятеж, Фетхи Окйар, находившийся на посту премьер-министра и являвшийся самым близким другом детства Мустафы Кемалья, был отправлен в отставку за то, что заявил следующее: «Руки моей не будет в курдском кровопролитии». Восстание стало предлогом для перехода к периоду правления Исмета Иненю и Февзи Чакмака.

Попытка покушения в Измите ускоряет наступление периода нейтрализации Мустафы Кемалья. Хотя Мустафа Кемаль не был обречен на физическое уничтожение, как Робеспьер, но и его изоляция в Чанакале силами Хромого Османа, и покушение в Измире (раскрывающее тот факт, что капканы, установленные вокруг него сторонниками англичан, стали сужаться), можно считать стремлением уничтожить его физически. Образ революционера Мустафы Кемалья был практически обожествлен, но его самого обрекли на пребывание в Чанакале, лишив какого бы то ни было политического и военного влияния. На Мустафу Кемалья была возложена ответственность за все негативные особенности протофашистской диктатуры, а все блага были сосредоточены в руках НРП, что означало переход власти к тем, кто остался от партии иттихадистов. Попытка Мустафы Кемалья создать в 1930 году «Либеральную партию» стала его реакцией на эти события. Но он был настолько лишен сил, что создание партии поручил своему товарищу Фетхи Окйару и сестре Макбуле-Ханум; однако партия, несмотря на заметное усиление, просуществовала всего три месяца. Руководство Турции в лице Ис-

мета Иненю и Февзи Чакмака в этот раз не преминуло ликвидировать это важное демократическое выступление посредством провокации реакционеров в Менемене.

В сущности, с точки зрения правильности оценок и суждений, необходимо отделить друг от друга личность Мустафы Кемаля и реалии, связанные с «белым» турецким фашизмом общества «Единение и прогресс» и РНП. В свете этих новых рассуждений мы сможем гораздо точнее осознать меры отрицания и уничтожения курдов и курдского движения, методы ассимиляции и культурного геноцида в период создания республики. Одной из основных тем данной Защитной речи является развитие такого анализа.

На мой взгляд, курды вступили в наиболее трагический период своей истории, начавшийся с заговора «белого» турецкого фашизма 15 февраля 1925 года. Заговор, осуществленный против курдов в 1925 году, стал гораздо более длительным и глубоко запланированным, нежели заговор против армян в 1915 году. Подход Гитлера к Холокосту евреев перед тем, как он замыслил свои злодеяния, выразался в следующем: «Младотурки уничтожили армян, и кто сейчас помнит об этом?» Это открыто свидетельствует о корнях и истинных методах фашистского заговора. Я постарался проанализировать современный капитализм, чтобы показать, как национально-государственная идеология и национальное государство в конечном счете стали почвой для фашизма, точнее, как развилась фашистская система, являющаяся главной особенностью национального государства. Я сделал это, чтобы показать связь между ней и капиталистической системой. Понятие «Левиафана» (чудовища), взятое теоретиком господства капитализма Т. Гоббсом из Торы и являющееся олицетворением государственной власти, нашло свое наиболее конкретное воплощение в капитализме, создании власти фашистского характера. Попытка установления власти младотурок (это слово не имеет никакого социологического, социального, исторического отношения к туркам, являясь просто символом) ярко представляет эту конкретизацию и несет в себе универсальное значение, поэтому стоит на нем остановиться с особой значимостью. Я постарался сделать это, пусть и в схематической форме.

Курдская активность периода 1925–1940 гг., которую пытаются осуждать как реакционные мятежи против республиканского режи-

ма, по своей сути преследовала цель сохранения существования нации в противостоянии с «белым» турецким фашизмом и противостояние процессу ликвидации курдской идентичности. Курды со всей искренностью приняли участие и в национально-освободительной войне, и в строительстве республики. По-настоящему участие курдов нашло отражение во всех значительных учредительных документах, протоколе, подписанном в Амасии, документах съездов, проходивших в Эрзуруме и Сивасе, а также во многих законах ВНСТ и даже в основном законе о создании республики от 1921 года. Национально-освободительная война имеет для курдского народа такое же значение, как и для турецкого народа. Республика была провозглашена не просто как республика только тюркского этноса, а была построена на фундаменте многих этнических образований, в первую очередь курдов, — именно так она обрела свое значение. Более того, грядущие слои и члены исламской уммы тоже были соиздателями республики. Ясно, что была поддержка Советов. По мере того, как течение тюркизма, основанное на едином этносе в соответствии с традицией «Единения и прогресса», начало усваиваться в качестве официальной идеологии, все остальные соиздательные элементы республики неизбежно стали восприниматься как чуждые республике. Даже самое незначительное требование прав завершалось убийством. Значение и численность курдского народа и трудности, с которыми столкнулись бы власти при ликвидации целой нации, сыграли значительную роль в избрании правительством такой тактики, когда, уступив курдам в случае с Национальным пактом, они уступили Мосул и Киркук англичанам, а затем, договорившись с Англией, приняли решение о ликвидации курдского движения. Подобно тому, как союз властей с Германией был использован при уничтожении армян, так и договор с Англией по вопросу Мосула и Киркука был использован для уничтожения курдов. Внешняя поддержка использовалась не в пользу курдов, как об этом много говорят, а против курдов, на стороне фашистского режима, воюющего с курдами. Сюда же можно включить поддержку, оказанную Советской Россией.

Фашистские элементы задолго до натовского «Гладио» вели специальную скрыто-откровенную войну против курдов. Они якобы инципировали республиканские ценности в борьбе против так называемых антиреспубликанских элементов. Но дело в том, что курды

никогда не выступали против Республики. Они просто требовали прав равенства и свободы, обещанных им, пусть и в ограниченной форме, во время национально-освободительной войны. Это требование имеет глубокие исторические корни: союз, начатый еще с времен Манцикертской битвы 1071 года, затем продолжился в периоды Чалдыранской битвы 1514 года и битвы при Мерджидабык 1516 года, далее был период национально-освободительной войны 1919–1922 гг. В глубины истории уходят примерно девять веков совместного продолжения государственной власти в качестве соседних и дружеских народов. Не было никаких исторических или социальных мотивов отвержения курдов. Но им не были знакомы фашистские реалии современного капитализма. Курды не могли понять суть стоящего перед ними фашистского механизма и действовали в русле традиционных прав общего государства и соседних народов. Курды были полны ожиданий.

В истории человечества нет примера создания проекта мононационального общества, имевшего место в Европе на протяжении последних трех столетий. Например, ясно, что евреи, являющиеся наиболее умным и богатым народом истории, не ожидали, что против них будет осуществлен такой геноцид, который они пережили; в противном случае в Европе не осталось бы ни одного еврея. Фашистская диктаторская организация, существующая в форме капитализма в целом и государственного капитализма в частности, не может реализовать себя без геноцида. Элементы современного капитализма, привнесенные в Турецкую Республику и насаждаемые извне, могли быть приведены в действие только при помощи фашистской государственной власти. Некоторые, более поздние опыты национальных государств свидетельствуют, что по причине существования государственного капитализма фашизм играл свою влиятельную роль. В принципе, не может быть и речи о капитализме, который не базировался бы на национальном государстве. В конкретных условиях опыт фашизма мог быть или очень жестким, или очень гибким. Например, если в таких странах с более благоприятными условиями, как Великобритания и США существовала бы такая фашистская система, которую можно было бы применить в некоторых ограниченных сферах, то в ряде случаев, с некоторыми претензиями на либеральный режим, там могли выступить против применения

этой системы. Гибкость системы допускает это. Более того, опыт демократической борьбы общества ни в одной стране не дал возможности длительного существования фашистских режимов. События, развивающиеся в Турецкой Республике, соответствуют этой общей тенденции. То, что национально-освободительная война и государственная власть на протяжении всей истории формировались в обстановке многонациональной страны, не дало возможности фашистским капиталистическим элементам развиваться постоянно, захватывая все социальные сферы. Традиции ислама и движения грядущих классов также были элементами сдерживания фашизма. Но опыт мощного фашистского государства в Европе того периода (1919—1945 гг.) оказал влияние также на республиканский режим. Наибольшая часть этих фашистских политических мер, применяемых против других созидательных элементов, выпала на долю курдов.

Как видно из ассимиляторского и ликвидаторского характера этих мер, мятежи не были заранее подготовленными, запланированными и не имели обоснованной программы. У них не было ни стратегических, ни тактических подходов. Не проводились ни соответствующая подготовка, ни планирование по времени. Главной целью всех реализованных планов, начиная от закона о реформировании Востока 1925 года, до закона об обязательных поселениях 1935 года, было существование курдов. Предусматривалось не просто пресечение активности и деятельности курдов, но полная их ликвидация. И здесь правило было неизменным: если хочешь остаться в живых и жить дальше, должен отказаться от своей курдской идентичности!

До тех пор пока не будет осознан геноцид, осуществленный в отношении курдов современным турецким капитализмом, не будут правильно поняты ни курдские национальные течения, ни их составляющие — объективный и точный анализ исключен. Но анализ современного турецкого капитализма не может быть осуществлен без определения роли еврейского капитала и идеологической монополии. Абстрактные рассуждения о капитализме, анализ государства, анализ истории и общества не способны самостоятельно раскрыть картину турецкой капиталистической современности. Но гораздо важнее то, что и турецкая капиталистическая современность, и курдская идентичность и движения, находящиеся в тисках этого современности, обладают самобытной «сингулярностью» и «уни-

кальностью». Я не говорю о том, что нет никаких универсальных особенностей. Следует определиться не в универсальных сходствах. Об этом знают все, кто так или иначе занят этим вопросом. Действительность, которая неизвестна, о которой не хотят знать, доведена до состояния табу, скрывается и искажается. Это особенности, которые представляют собой примеры, не являющиеся образцами для этой «сингулярности» и «уникальности». То, что новейшая история Турции и курдов совершенно не освещена, связано именно с этими табу и отрицанием уникальностей; точнее, с неправильным и неполным анализом. Причина заключается в той связи, которая есть у действующего режима с тайными заговорами, планами специальной войны, методами тотального ассимиляционного уничтожения культуры. Планы ликвидации армян, имевшие характер «предварительной пробы», достаточно четко раскрывают все последующие схожие меры. Но эти меры были предприняты не просто против этнических элементов и народов, социалистические, либеральные и религиозно-общинные элементы также получили с лихвой свою долю репрессий. Эти меры, нашедшие свое отражение в наиболее открытой форме в лице турецкой национальной государственности, носят систематический характер и по настоящее время продолжают применяться в усугубленной форме. Это не такие меры, которые носят временный характер, являются случайными, периодическими; это мировоззрение и практика, господствующие во всех официальных, идеологических монополиях и всех стратегических структурах. Несомненно, реалии современного мира, международные договоры и, что гораздо важнее, борьба народов и самооборона социальных культур предотвратили полную победу фашистского режима и в значительной степени ограничили ее.

В период 1925—1945 гг. курды, потеряв многое в своей идентичности, уйдя в кладбищенское безмолвие, сохраняли лишь физическое существование. То, что в отношении курдов не был осуществлен метод физической ликвидации, аналогичный геноциду армян, говорит не о наличии совести у властей, избравших эти методы, а о том, что были произведены точные расчеты на получение от курдов, превращенных в некий объект, гораздо большей выгоды (воины, земледельцы, скотоводы, армия батраков и полубезработных). Армяне, ассирийцы и понтийские греки — культурные народы.

Они не довольствуются только физическим существованием. Но у курдов совершенно иная ситуация. Здесь налицо полное превращение в объект и орудие реализации своих целей. Разница между курдами и упомянутыми народами обусловлена именно этими реалиями. Прочие меньшинства, не подвергшиеся «зачистке», в частности, балканские и кавказские народы, а также евреи смогли сохранить свое существование только благодаря тому, что проявляли «тюркизм» гораздо больший, нежели сами турки. За исключением ограниченных и одиночных примеров, проявившихся вследствие революционной демократической борьбы, их положение и по сей день продолжает оставаться таким. Еврейское общество является наиболее своеобразным. Существование евреев в Анатолии, их идеологическая сила и финансовое положение, а также мотивировки сионистской стратегии сделали евреев лидерами «белого» тюркизма. Но и в отношении евреев обобщение было бы неверно. У них тоже есть немалый вклад в революционную демократическую борьбу периода национально-освободительной войны.

Процессы, имевшие место в других частях раздробленного Курдистана, так или иначе отслеживали турецкую модель современности. Именно антикурдская модель современного турецкого капитализма наложила отпечаток на курдскую политику того периода и оказала на нее определяющее влияние. Продление режима французского мандата в Сирии вплоть до Второй мировой войны обеспечило частичную свободу курдской интеллигенции. Особых трудностей в печатании журналов и создании организаций не отмечалось, но не был установлен правовой статус курдов. Наиболее значительными фактами того периода стали следующие: Камуран Али Бедирхан и его окружение следили за антикурдскими мерами и пытались развернуть против этого вооруженную борьбу (опыт партизанского движения Османа Сабри в горах Кахта), стремились создать организацию «Хойбун» (по-курдски означает «оставаться собой», «быть собой») для восстания в Агре, а также выпускали журнала «Хавар» (по-курдски означает «Мольба»). Следует отметить ряд дипломатических попыток, но не во всех случаях был достигнут желаемый успех. Когда задумываешься о попытках уничтожения исторической памяти, имевших место в указанное время, становится ясно, насколько важной была эта деятельность. Печальна история дви-

жения горстки интеллигентов в Сирии. Это был опыт, который заслуживает исследования и извлечения уроков с точки зрения осознания того периода. Следует с особой значимостью подчеркнуть, что в тот период действия Франции, направленные на развитие отношений с Турцией и установлении границ Сирии, возможно, не были столь негативны, как действия Англии в отношении Ирака, но, тем не менее, французы использовали курдов в качестве козырной карты. В современный период Франция продемонстрировала эгоистические позиции и сыграла лидирующую роль при разделении курдов по договору 1921 г., заключенному в Анкаре.

Гораздо большее значение имели в тот период активные действия в Иракском Курдистане. Здешние курды не приняли гегемонию Англии, демонстрируя сопротивление политическим действиям англичан, носившим явно проарабский характер. Сулеймание и в этот период была эпицентром активных действий. Большое значение имело восстание под предводительством Махмута Барзанджи, который сочетал в себе характерные черты и шейха, и вождя племени, и феодального князя. Он впервые открыто выступил за самостоятельную политическую власть курдов в Курдистане. Махмут Барзанджи не сдался на милость англичан и сумел продемонстрировать способность к длительному противостоянию. Аналогичная ситуация были характерна также для семьи Барзани еще до Первой мировой войны. Казнь шейха Абдулсалама Барзани в 1914 году была связана с тем, что он повторил попытку шейха Обейдуллы и настойчиво требовал признания прав курдского народа. Одним значительным событием того времени стало выступление сыновей Барзани, в частности Мустафы Барзани — в треугольнике Турция—Иран—Ирак он вел очень активную деятельность. Оба они были последними традиционными лидерами народа в период, предшествовавший Второй мировой войне.

Самым негативным фактом в истории современного Курдистана стало установление границ между Ираком и Турцией в результате совместных усилий Турецкой Республики и Англии. Это и стало раздроблением Курдистана. Наиболее важным элементом, определившим линию границ, была тревога, связанная с предотвращением национально-демократического движения курдов, что ускоренными темпами появлялось на повестке дня. Если бы курдское национальное движение могло развиваться в современном качестве,

то не реализовались бы устремления Англии к иракской нефти, а также было бы невозможно превращение Турецкой Республики в национальное государство фашистского типа. Если бы к курдскому национальному движению присоединились иранские курды, то это крайне затруднило бы установление английской гегемонии в регионе. Это не позволило бы реализовать планы Турецкой Республики, связанные с ликвидацией курдов. Таково с позиций обоих слоев логическое выражение союза Мосул—Киркук. Этот союз основывается на решениях Каирской конференции 1920 года. В целях реализации капиталистической гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке курдская проблема должна постоянно оставаться на повестке дня, и это стало очень важным определением, достигнутым на конференции. Если к этому прибавить еще палестино-израильскую проблему, то из последующих событий станет совершенно ясно, какие долгосрочные планы были разработаны гегемонистскими силами для раздробления стран и народов, а также для формирования зависимых статус-кво. Гегемонистские расчеты, касающиеся региона, стали основным фактором, не позволявшим найти какие-либо точки сближения в решении курдской проблемы. События, происходящие в Иракском Курдистане, пролили свет на все эти расчеты. Нельзя игнорировать долю этих расчетов в усугублении проблем в периферийных частях Курдистана. Ясно, что и в подходах к РПК эти же расчеты продолжают, сохраняя свою актуальность.

В этот же период аналогичные события происходили и в Иракском Курдистане. Применяемая Турцией модель ликвидации курдов была взята на вооружение шахом Рзой Пехлеви. Опять же, действия по ликвидации курдов были продолжены в полном объеме, когда власти достигли соглашения с двумя такими гегемонами, как Англия и СССР. Движение под предводительством Симко, имевшее влияние во всем Курдистане после Первой мировой войны, было ликвидировано в результате соглашения Турции и Англии с Ираном и также поддержки, оказанной ими шахскому режиму. Мехабадская Курдская Республика, провозглашенная после Второй мировой войны, была упразднена после присоединения СССР к этому союзу.

Период между двумя мировыми войнами был ознаменован разгромом современного курдского национального движения. Раздробление Курдистана, ликвидация имевшихся слабых движе-

и последовавшая за этим ассимиляционная политика привели к полной утрате шанса на становление в качестве современного национального движения. Таким же препятствием были полки хамидие до Первой мировой войны. В совокупности два периода вместе составляют примерно полвека. За полувековой период получили развитие и достигли зрелости национальные движения у многих народов мира. Деятельность полков хамидие и раздробленность курдов привели к полной утрате шансов стать современным национальным движением и добиться успеха. Если принять во внимание сохраняющуюся по сей день нерешенность проблемы, можем гораздо лучше понять, что было утрачено в ходе империалистических колониальных игр, длящихся около ста лет.

Гораздо более глубокого изучения требуют причины, не позволившие курдскому национальному движению под предводительством буржуазии достичь в течение этого столетия должного уровня развития в мировом масштабе. Представляется не очень убедительным, когда, используя грубые материалистические подходы, эту ситуацию связывают с тем, что капитализм, следовательно, класс буржуазии, не получил своего развития в качестве объективного явления. Во многих странах со схожими условиями национальные движения развивались более активными темпами. Например, турецкое национальное движение, тесно взаимодействовавшее с курдским, развиваясь в аналогичных условиях, достигло гораздо лучших результатов. Также неверно было бы связывать неразвитость курдского национального движения с недостаточностью предпринимаемых усилий или с тем, что не удалось обеспечить должное развитие различным выступлениям или боевым действиям. Наоборот, были развернуты многочисленные выступления, происходили сражения, но они не имели успеха.

Первая глубокая причина неразвитости современного курдского национального движения связана с историческими особенностями формирования курдской знати. Со времен распада Мидийской конфедерации племен имеет место некоторая искаженность линии формирования знати. В «Истории» Геродота есть предание о распаде конфедерации. Астиаг, последний царь Мидии, сказал изменившему ему Гарпагосу: «Подлая ты тварь, предавшая меня, ты развалил мое царство. Так сел бы сам на мой трон! Если и этого ты не сможешь».

слать, хотя бы оставил бы царство мидийцам. Но отчего ты подло предал мое царство моему персидскому слуге Киру?» Мы не знаем, насколько соответствует действительности это предание, но оно достаточно четко передает характер курдской соглашательской знати. В угоду своим примитивным личным или узкосемейным интересам знать всегда добровольно, на блюде, преподносила власть завоевателям. Несмотря на некоторые исключения, подобный стиль мышления и поведения сохранил свое влияние вплоть до сегодняшнего дня. Немалую роль в этом играет также соперничество между родами и семьями. На протяжении истории в мировоззрении курдов на переднем плане всегда были личные и семейственные особенности, а также индивидуализм. Таково было положение курдов и в Персидской, и в Сасанидской империях. Несмотря на то, что в Средние века, в период исламской власти были благоприятные условия для возникновения собственной государственности, курдская знать передала бразды правления сначала Омейядам и Аббасидам, позднее Сельджукидам, Ак-Коюнлу, Сефевидам и Османской империи. Курды могли с легкостью создать собственный султанат. В своих стихах Ахмеде Хани с особым сожалением отразил эту ситуацию. Даже османский султан Явуз рекомендовал Идрису Битлиси выбрать своего сюзерена. Но двадцать восемь курдских феодалов, не сумев договориться между собой, попросили Явуза лично назначить главного сюзерена. В XIX веке стратегический удар по Бедирхан-бею нанес его племянник Езданшер. Подобные истории достаточно типичны для многих движений. В конце концов, сходные истории десятки раз случались в связи с РПК. Аналогичные реалии играют свою роль в ходе всех действий по уничтожению народа.

Вторая серьезная причина, связанная с первой, имеет отношение к мировоззрению, программе и способам организованности высших слоев курдского общества. Такие понятия, как «независимость» и «свобода», намертво вытравлены из их сознания. Они воспринимают мир только в ракурсе полной зависимости. Они боятся думать о независимости и свободе. Это действительно так, потому что они сформировались, предав социально-историческую культуру, элементами которой сами и являются, они не оценили должным образом свободу этой культуры, посчитав, что проживание в лоне чуждых культур гораздо больше соответствует их интересам.

Третья серьезная причина, связанная с первыми двумя, заключается в том, что низшие слои пребывают в совершенно отсталых родоплеменных и семейных формациях, буквально погрязли в личных и семейных проблемах, в столкновениях, обусловленных этими проблемами. Для простого курда понятие чести не идет дальше защиты своих индивидуальных интересов и своей семьи. Таково понимание чести, которое они унаследовали от взрослых. Они даже не догадываются связать свою личную и семейную честь с честью общества (честь *namus* = *nomos* = общественное правило = нравственность); они не рассматривают честь как нравственный принцип и поведение.

д. Курдское движение погрузилось в глубокое безмолвие после ликвидации Мехабадской Республики после Второй мировой войны. Возникновению этой могильной тишины способствовали жестокие поражения, понесенные движениями, которые по очереди возглавлялись феодалами, шейхами и примитивными националистами. Наступил безнадежный и пессимистический период. Партии типа ДПК, провозглашенные в 1945 годах, стремились позиционировать себя в качестве современных партий. Естественно, они несли на себе пагубное наследие недавнего прошлого. Платформа буржуазии была слаба. Интеллигенция — крайне малочисленная. Безнадежность, ставшая следствием поражений, привела к тому, что любые новые шаги совершались предельно осторожно, с серьезным отставанием от аналогичных примеров мировой практики. Они значительно уступали позициям курдской интеллигенции времен II Конституции. Это свидетельствует о результативности предпринятых властями мер по ликвидации курдской интеллигенции. Лидирующей фигурой того периода был Мустафа Барзани. Сыграв серьезную роль в Мехабаде (Мустафа Барзани был там ответственным армейским чином), он со своим отрядом пересек границу и оказался в Советском Союзе. Иракский переворот 1958 года открыл Барзани путь для возвращения на родину. У него был шанс на бескровное решение проблемы. Но неумение сторон удовлетворить взаимные ожидания привело к тому, что в 1961 году начался конфликт. Несмотря на то, что в 1964 году было достигнуто согласие об автономии, оно так и не воплотилось в жизнь. Соглашение от 1971 года было более масштабным, но и оно не было реализовано.

Соглашение, достигнутое в 1975 году в Алжире между Ираном и Ираком путем взаимных уступок (оно очень похоже на соглашение между Турцией и Англией в 1926 году), означало конец определенного периода движения. Ибрагим Ахмет и Джалал Талабани, перешедшие в оппозицию к руководству Мустафы Барзани вследствие соглашения от 1964 года, способствовали новому выступлению с традиционным эпицентром в Сулеймание. Создание в 1975 году ПСК (Патриотический союз Курдистана) стало попыткой формирования современного движения. Географическое пространство и культурная структура этого радикального левого и либерального движения не были благоприятными с точки зрения целостности всего Курдистана. Как это и происходило в прошлом, велик был риск остаться периферийным движением.

В остальных частях Курдистана также сначала получили свое развитие ответвления ДПК, далее стали развиваться левые альтернативные движения. Ответвления ДПК в Турецком Курдистане нашли свое отражение сначала в 1959 году в «Деле 49-ти», затем в 1965 году в виде альянса «Турецкого ДПК». Будучи очень слабыми, еще с первых своих шагов они попали под контроль турецких сил специального назначения. Убийство первого председателя Т-ДПК Фаика Буджака, представленное как результат внутривидового раздора, завершилось тем, что род Сиверек-Буджак, к которому он принадлежал, стал одной из основных платформ турецкого спецназа. Продолжения турецкого левого движения в Курдистане не сыграли никакой иной роли, кроме культивирования социального шовинизма, наносящегося болезнью господствующей нации. Существование курдов и Курдистана стала основной темой споров. Стремилась сначала сломать все табу, связанные с этими понятиями. Речи не могло быть о реалистичной программе или организации. Курдская проблема оставалась только на уровне лозунга, никак не более того. Все проводимые социологические работы были грубыми примерами позитивизма. РВКО (Революционные восточные культурные очаги), созданные в 1969 году, не могли превзойти уровень курдских обществ периода II Конституции. Несмотря на то, что кладбищенская тишина, наступившая после 40-х, была взорвана, все еще было очень далеко до современного национального движения. РПК, чьи основы были заложены в этот период, искала свой путь.

ДПК выступила как некий новый эксперимент в Иранском Курдистане, погрузившемся в такое же глубокое безмолвие после ликвидации Мехабадской Республики. Иранское ДПК под руководством представителя интеллигенции Абдурахмана Касымло стремилась к становлению в качестве современной партии. Иранская революция дала реальную возможность, но это не было оценено. После убийства Абдурахмана Касымло в результате иранского заговора и ухода следующего лидера (Садыка Шерефкенди) участники движения эмигрировали. Созданные в 70-е левые движения и Комала не имели особого влияния.

Литературная деятельность, получившая развитие у сирийских курдов, продолжилась и после Второй мировой войны. Вырос такой поэт, как Джагархун. Аналогичную деятельность осуществлял и Осман Сабри. Они старались продолжить традицию Бедирханов. Сформировались сирийские ветви ДПК. Достаточно влиятельными были также ячейки коммунистической партии. У традиционных компартий во всех частях Курдистана были ответвления, подобно ДПК. Но то, что они не основывались на собственной идентичности, не могли рамабраться в социальной природе Курдистана, не давало им шансов на успех. В целом они страдали болезнями социалистической системы.

В итоге после Второй мировой войны курдские движения находились на переходном этапе. Традиционное верховенство элиты общества потерпело крах и ликвидировалось, оставив после себя картину, полную пессимизма. Среди курдов, мечтавших о свободной жизни, возникла глубокая неуверенность. Возможно, впервые в истории появилось недоверие и неверие в собственные силы. Появились страх и тревога по поводу того, что курдов ожидает участь автохтонных индейцев Америки. Гораздо больше этот страх выразился у курдов заза и алевитов. Курдская идентичность в современном смысле умерла, так и не родившись. Точнее, применительно к элите общества, имело место рождение мертвого ребенка. На арене не было современного класса и интеллигенции, которые должны были утвердить собственную национальную и социальную идентичность. Реализация властями жестких ассимиляционных политических линий дало свои результаты. Находились так называемые интеллигенты, которые бежали от своей курдской идентичности, как черт от ладана. Все заботы народа сводились к продолжению

собственного существования. Появившееся у курдов стремление к буржуазному становлению обернулось таким классовым расслоением, которое было гораздо более ренегатским, чем у евреев. Стоило представить, что им удастся зарабатывать большие деньги, если откажутся от своей курдской идентичности, как сразу же возникал условный рефлекс — как у собаки Павлова. Курдистан и курдское общество 1970-х были родиной и обществом таких людей, у которых не осталось никаких идеалов в отношении собственной жизни, или же они очень слабо верили в это. За ними закрепилось обидное прозвище «хвостатый курд». В такой ситуации каждый, стремясь убедить самого себя в том, что у него нет хвоста, или уходил от своей курдской идентичности, или же, смущенно утверждая о том, что он без хвоста, тем не менее не забывал частенько оглядываться назад, чтобы самому убедиться в отсутствии этого хвоста.

Эти реалии я переживал лично. Если бы я мог найти выход, давно бы отказался от идентичности курда и курдистанца. Но, познакомившись с современным сознанием, я ощутил, как реалии просто давят на меня и давят на меня, как некий рок. Меня привлекали блески современности. Но я отворачивался от этого блеска, потому что невозможно было полностью оторваться от географического пространства, которое еще не получило своего названия, или давно уже покинуто жителями, и от народа, название которого заставляло стыдиться. Турецкая модель современности требовала абсолютного отказа от национального самосознания курда и курдистанца. По этой же модели воплощалась в образе прекрасной женщины: чтобы жить с этой красавицей, необходимо было обязательно пойти на самоотрицание. Так же современность поступала с мужчиной, с которым ты хотел дружить или стать его товарищем. Малейшая самостоятельность становилась абсолютным одиночеством. Я был в состоянии полнейшей неопределенности. У меня не оставалось ни надежд на рай, ни страха перед адом. Как сумасшедший, я метался в сторону в сторону. Курдская идентичность была принижена настолько, что стала помехой на пути к современной жизни.

Классовая почва, которая должна была породить буржуазное национальное движение, еще на заре своего рождения вынуждена была позиционировать себя как турецкая. Интеллектуальная позиция была тесно связана с отрицанием курдской идентичности:

интеллектуалом считался тот, кто не являлся курдом. Семидесятые годы XX века стали временем принятия такого решения, которое кардинально могло бы определить направление современного развития Курдистана и курдов. Я даже помню, как я буквально упал в обморок, когда впервые примерил к своему сознанию и сердцу понятие «Колониальный Курдистан». Увидев мое тогдашнее состояние, великий человек Хаки Карер, с которым мы вместе снимали жилье, даже не будучи курдом, действовал решительно, как истинный лидер нового образования, еще не достигшего зрелости. Он был настоящим другом. В состоянии эмбриона выступления изобиловали гораздо большими трудностями, чем в материнском лоне. У биологических эмбриональных состояний есть правила, устанавливаемые половыми инстинктами. Оно исполняет правило самоопределения. Но если социальные движения в состоянии оставить след в социальной жизнедеятельности, то в течение длительного срока и в очень тяжелых условиях своего нахождения они ожидают попадания в благодатную почву. Сцены ухода в горы и пещеры и традиции пророков представляют собой процесс попадания в основное лоно того социального движения, которое они развивают. Выражением этого возвышенного мига является встреча пророки Мухаммеда с архангелом Гавриилом и получение завета: «Читай!» — а также его дальнейшие самоотверженные действия и транс.

Опора на какую-либо искусственную силу отнюдь не означает нового рождения. Это может быть полезно только для повторения жизненных поворотов по правилам этой силы. Те же обстоятельства действительны также для догматической привязанности к религиозным силам. Даже вооружение научным мировоззрением приводит не к новому социальному движению, а в лучшем случае к деятельности убедительного проповедника. Принятие решения о широком освободительном движении в условиях семидесятых годов XX века было равнозначно превращению цыпленка в орленка, а также его умению вырасти и научиться летать в окружении всех врагов орла. Условия требуют такого орлиного полета, чтобы постоянно быть на высоте. Когда я писал эти строки, мне на ум постоянно приходило высказывание обо мне одного из наших бессмертных героев — Мазлума Догана. Я слышал, что он сказал следующее: «Походка нашего товарища похожа на полет орла. Он парит, наблюдая за небом».

Часть четвертая:
ДВИЖЕНИЕ РПК
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ
НАРОДНАЯ БОРЬБА

Дрожь и последующее обморочное состояние, обусловленное в том сознании понятием «колония Курдистан», стали первым и последним случаем. Действительно, я воспринял это странно, но только последующие события разъяснили, почему это понятие оказало такое влияние. Но мне до сих пор трудно объяснить то впечатление, которое я испытал изначально. Принятие решения, к тому же самостоятельно, о концептуальном выступлении в Анкаре в тот период, когда был вынесен смертный приговор Курдистану и курдам, требовало такого серьезного рассуждения, которое могло бы стать темой романа — как настроение, как выходной день.

Я был в атмосфере как курдского, так и турецкого молодежных революционных движений. Ясно, что эти движения оказывали на меня влияние. Немалое влияние испытывал в эти годы человек, симпатизирующий таким формированиям, как РВОК и «Революционная молодежная организация». Я слышал про ОПТН-Р, ОПТН, КПТ/МЛ-РККОТ, был свидетелем героической смерти их лидеров. Очень значительное влияние на нас оказало сопротивление лидера ОПТН-Р Махира Чаяна, сначала с Хусеином Джевайром в Малтапе, затем побег из тюрьмы и гибель вместе с десятью товарищами в Кызылдере. Это оказало на меня такое глубокое воздействие, что побудило возглавить первый бойкот, вызванный желанием активизировать протест против этого убийства. Я видел своими глазами, как вели к смертной казни лидера ОПТН Дениза Гезмиша и двух его товарищей. Такое же воздействие в тот же период оказала гибель лидера РККОТ Ибрагима Кайпаккая в тюрьме Диярбакыра, где он умер под пытками. Я видел как эти три лидера ценою своих жизней привлекли внимание к курдским народным и национальным реалиям. Несомненно, не только ряд иных, второстепенных факторов, но прежде всего героическая смерть этих лидеров, вышедших из огромной среды молодежи и погибших во имя истины, стала одним из основных факторов, побудивших меня следовать по пути исследования моих собственных реалий.

Набраться смелости и следовать по тропе своей действительно эти — это одно, а знать, как именно ходить, это совершенно другое дело. Во время учебы в начальной школе я организовал детскую группу, которая совершала намазы. Был у меня также опыт создания других пасторальных групп. Но набраться смелости и идти п

острию ножа, делая первые шаги в этом направлении, означило совершать беспрецедентный, нетипичный поступок. Позже многие спорили, критиковали — почему, мол, не видели все это силы безопасности, отчего не приняли своевременные меры? Но ведь не было ничего, связанного с силами безопасности! Имели место странное действие, достойные безумца. Это был исход, способный стать источником силы и истины, а если не обратить внимания, то и бессмыслия и ошибок. Трудно сказать, насколько это было движением ума, а насколько — велением чувств, это и не было особенно осмысленно. Очень важно было суметь действовать и жить вместе с политической концепцией Турции 70–80-хх гг. XX века, когда эта концепция была основана на двух словах. Не просто годы, а даже дни были тяжелы, как свинец. Сама поставленная цель казалась фееричнее мысли. Не я был уверен в том, что даже создание группы — важный шаг. Не трудно предположить, что наша игра в группу, которую мы играли на глазах у самого пронырливого шпиона органов безопасности, воспринималась настолько легко и смешно, что всерьез никто это и не расценивал. Очевидно, что они столкнулись с таким же неверием, как у того сельчанина, которому я пытался рассказать о своем первом социальном опыте (опыт осознания того, что мы можем быть курдами), но он ответил мне следующим образом: «Ты говоришь сухому дереву, как ты собираешься добиться того, чтобы оно расцвело и позеленело?» Многие подобные группы, которые были нашими коллегами, тем не менее, называли нас «Бандой бессмысленных дел». Первыми нашими прозвищами были УКО-чисты, АПО-чисты. Эти именованья придавали нам гордости — точно так, как наречение ребенка каким-то именем. Но эти прозвища не были нашим собственным выбором. В период функционирования группы мы могли себя именовать только «революционерами Курдистана». У нас хватило решимости избрать название только после пяти лет существования группы. Путь, начавшийся вблизи водохранилища Чубук в Анкаре в 1973 году, во время волнующего, прошедшего с необычайным воодушевлением празднования Науроза, завершился 27 ноября 1978 года в селе Фис провинции Диярбакыр наименованием РПК. Мы считали, что спасли свою честь. Можно ли было представить себе большую цель, нежели эта? Как бы то ни было, но была создана современная организация существующего в наши дни современного класса,

А. РПК И ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Отходя от прошлого, мы можем более реалистично оценить условия и обстановку, которые привели к провозглашению РПК. До перехода к этой теме осветить вопрос могут некоторые рассуждения, касающиеся формы мышления, основанного на разделении субъекта и объекта. Мы говорили о том, что эта форма сознания сыграла определяющую роль в возвышении капиталистической гегемонии Западной Европы. Дифференциация бога и раба, являвшаяся легализующей концепцией глубокого классового расслоения, на которой основана система цивилизации и которая находит выражение в тройственной связи между городом, классом и государством, в своем максимальном развитии слилось с наиболее конкретным философским пониманием дифференциации «субъект» и «объект» в цивилизации Запада. Концепция субъекта и объекта является основной в системе цивилизации. Это разделение не только сделало возможным существование современного капитализма, но при этом было наиболее содержательно рассмотрено.

Известно, что философия, опирающаяся на разделение субъекта и объекта, способствовала значительному прогрессу в сфере истины. С помощью достижений в плане формирования сознания истины эта философия обеспечила гегемонию западного капитализма в мировом масштабе. Не стоит забывать о том, что любая современная система посредством восприятия истины своего периода стремится обеспечить собственное первенство. Ни один метод, кроме восприятия истины, не имеет шансов на постоянный успех. Если система цивилизации, у которой наиболее высокое восприятие истины, создает собственную гегемонию, то ее могут преодолеть только системы, обладающие более высоким уровнем восприятия истины. Основным фактором, способствующим мировой гегемонизации возвышающейся в Европе системы, является ее преимущество в восприятии истины. Этим она обязана развитию дифференци-

ции субъекта и объекта и доведению ее до уровня фундаментальной философии (Декарт). Вопрос, который следует задать, связан с тем, является ли эта концепция выражением абсолютной истины. Разработки в области квантовой физики подтвердили то, что разделение субъекта и объекта никогда не может стать абсолютным явлением. Разделение «наблюдающий» и «наблюдаемый» в конечном счете утратило свой смысл. В основе всего лежит взаимное влияние. Результатом этого процесса становится относительный характер истины. Как нет абсолютного объекта (материализм), так и не может быть абсолютного субъекта (идеализм). Истина теряет свою ценность в обоих полярных мировоззрениях. Понятие относительности, неспособное превратить разделение субъекта и объекта в некое абсолютное явление, относится к тем понятиям, которые обладают наивысшей способностью установления истины. Впрочем, реальность, доказанная теорией относительности, лежащей в основе переворота, совершенного в физике Альбертом Эйнштейном, также близка к истине. Таким образом, стало очевидно, что современный капитализм, основанный на разделении субъекта и объекта, не имеет никакой абсолютной ценности и должен быть преодолен. Необходимость выхода за рамки капитализма гораздо больше подчеркивается в понимании истины А. Эйнштейном, нежели в рассуждениях К. Маркса о капитализме. Поскольку материалистская философия природы, общества и истории, изложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом, не смогла преодолеть дифференциацию субъекта и объекта, она не смогла и обеспечить появление свободного человека. Точнее, усилий в этом направлении было недостаточно. Упадок окружающей среды и разложение общества связаны со смыслом, обретенным понятием субъекта и объекта в лоне капитализма, и масштабами его применения. Поскольку жизнь вне окружающей среды и общества невозможна, то если настаивать на продолжении жизнедеятельности человечества, станет ясной неизбежность выхода за пределы капитализма. Философия относительности, не превращающая дифференциацию субъекта и объекта в абсолютное понятие, предоставляет возможность такого выхода.

При создании РПК я лично, мы все продемонстрировали особое рвение, сохраняя преданность линии научного социализма марксизма. Без социалистической системы, возможно, и не сформиро-

ились бы организация типа РПК. Но эта действительность отнюдь не является доказательством того, что РПК в период своего рождения была полностью социалистическим образованием. Несмотря на наличие значительного влияния социалистической системы, нельзя все связывать именно с ней. Здесь необходимо прибегнуть к понятиям относительности и различий для того, чтобы достичь более правильного понимания. Помню до сих пор, как в связи с разделением субъекта и объекта в социалистической системе я искал материальную почву, материалистское понимание для создания РПК. Этот поиск был данью обязательным принципам. У курдов, во всем Курдистане встречались явления, сходные с понятием «рабочий класс». Ощущалось становление буржуазии. Казалось, что для реальных масштабов этих фактов достаточно. Но неверно было бы говорить о нашей полной уверенности в этом. Это было признанием ради принципа. При таком развитии событий ни я лично, ни мы все не рассматривали как догму естественный ход жизни. Данная сторона нашей деятельности постепенно стала расширяться, сформировав наши отличительные черты.

Постоянно существовала угроза того, что принципы могут привести нас к догматизму. Догматизм долгое время пользовался у нас влиянием, это и до сих пор нельзя преуменьшать. Но наша, пусть и ограниченная, открытость для теории относительности стала для нас важнейшим оружием защиты от догматизма. Если использовать теорию относительности, не лишая ее доли истины в разделении субъекта и объекта и не давая возможности превратить в абсолют на платформе противника, можно достичь максимального понимания истины. Если прибегнуть к этому в любых критических условиях, можно достичь позитивного результата и превращения в свободно-го человека. Возможностью сегодня, оглянувшись назад, заново понять выход РПК на политическую арену мы обязаны философскому преобразованию, которое не абсолютизирует разделение субъекта и объекта, а также стремится не абсолютизировать саму себя. Не стоит преуменьшать философское преобразование, выходящее за грань разделения субъекта и объекта. Преодоление влияния философии, лежащей в основе современного капитализма, включая и марксистские взгляды, не попадая при этом в современные сети, является самой масштабной революцией в мировоззрении. Несомненно, мы

еще находимся у истоков этой революции, практические последствия которой отнюдь не следует преуменьшать. Новое понимание деятельности РПК в этих рамках, определение того, на каких глобальных условиях и факторах материальной культуры основывалось движение в начале 1970-х, опять же на какие формы сознания, организационные и практические формы и материальные культуры оно опиралось, станет не просто правильным пониманием роли РПК, но и прольет свет на ее значение в нашей сегодняшней жизни.

1. АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Никакие движения мысли не могут развиваться независимо от материальных форм, существующих внутри человека. Важно то, какие материальные формы отражает мышление. Когда речь идет о социальной действительности, то и сами материальные формы становятся выстроенными, структурированными состояниями форм мышления. Общественные формы должны оцениваться как гибкие природы с высоким уровнем мышления и интеллекта, включая язык. Гибкие природы формируются частыми преобразованиями энергии мышления и обретением ими определенных форм.

Мировая гегемонистская система 70-х годов XX века — это современный капитализм. Возвышение этой системы с центром в Западной Европе и обретение ею гегемонистского характера являются результатом последних пяти столетий. Она продолжает свое существование и обретает мировой характер на почве гегемонии, которая с XVI века до конца XVIII века выражалась в форме торгового капитализма, с конца XVIII века до 70-х годов XX века — в форме индустриализма, а после 1970-х годов — в форме финансового капитала. Разница между периодами связана с качественными преобразованиями капитала, точнее, с обеспеченным им количеством прибыли. Торговый капитализм характеризуется преобразованиями в мануфактурной промышленности и развитием в финансовой системе. Торговля на больших территориях доводит прибыль до максимума. Именно поэтому получает развитие морская торговля и торговля между континентами. Индустриализм путем концентрации производства на заводах и фабриках реализует максимальную

прибыль. Финансовые инструменты и в торговом капитализме, и в индустриализме (деньги, векселя и т. п.) играют в основном роль ускорителя процессов обмена и производства. Они еще не дошли до того состояния, когда сами по себе могли достичь максимального уровня прибыли. Такая возможность наступила после изменения денежной системы в мире семидесятых, то есть когда отказались от золотого эквивалента ради печатания доллара. С этой точки зрения мир 70-х годов представляет собой пик прибыли, достигаемой по принципу «деньги, приносящие деньги». Такое в истории человечества происходило впервые. В течение первых двух периодов имела место созидательность как в интеллектуальном творчестве, так и в производстве товаров. В интеллектуальной деятельности и производстве товаров капитализм демонстрировал определенное преимущество перед иными эксплуататорскими системами. В той же мере нарастало его преимущество и в плане власти над обществом. Индустриализм и власть национального государства означают германистскую победу капитализма. Максимальная прибыль появляется лишь тогда, когда индустриализм и национально-государственная модель господствуют в обществе.

В период финансового капитала уже не остается места интеллектуальному творчеству и нравственности производства. Господство или обожествление денег свойственно финансовому капитализму (если национальное государство стало божеством индустриализма, то деньги стали божеством эпохи финансового капитала). Деньги в эпоху финансового капитализма оказались не просто средством обмена, накопления и производства, они стали средством или субъектом, господствующим над всем, что связано с обществом (сюда же входит и национальное государство). Для того чтобы понять как деньги проявили эту особенность, необходимо проведение тщательного анализа истории цивилизации. Но если мы захотим осознать сущность, то деньги можно рассматривать как максимальную концентрацию рынка и власти. Деньги представляют собой то преимущество, которое по определению позволяет привязать к себе и экономический рынок, и власть национального государства. Остаются только игра с денежными средствами, и эту возможность обеспечивают биржи, валюта и проценты. Владельцы денег, не работая вообще, не прибегая к новым созидательным мыслям и методам

производства, могут при помощи этих инструментов настолько повысить уровень своей прибыли, что это будет несравнимо с первыми двумя периодами.

Данные реалии, связанные с максимальной прибылью, аналогичны распаду общества. Общество на протяжении всей истории продолжало и развивало свое существование при помощи тесно связанных нравственных и политических инструментов. До начала истории цивилизации общество, впрочем, не знало такого понятия, как прибыль. Производство и мысль не только не дают возможности прибыли, но также, максимально проявившись, распределяются в рамках «экономики подарков». Прибыль и накопление капитала считают самым большим грехом. Когда в маргинальных структурах общества, в его скрытых ячейках на протяжении всей истории цивилизации скрывались возможности воспроизводства, им предоставлялась очень ограниченная возможность существования, часто все изымалось. В частности, религии считали величайшим грехом систему ростовщичества, напоминающую накопление капитала, рассматривая это как стремление человека стать вровень с богом, и всячески запрещали. Основной фактор, обуславливающий данную позицию, заключается в раннем распознавании антиобщественного характера накопления капитала и его связи с разложением общества. Такое отношение к прибыли со стороны властей и тех, кто управляет экономикой в цивилизованном обществе, имеет цель воспрепятствовать распаду и продлить существование социальных ценностей, находящихся под их господством и эксплуатацией. Эти силы в курсе той опасности, возникновению которой способствуют прибыль и капитал.

В течение первых двух эпох капитализма не уделялось сколько-нибудь особой роли возникновению и главенствующей роли финансовой системы, и к этому совершенно не проявляли никакого интереса. Связано это с традиционным подходом, сохраняющим свое значительное влияние и по настоящее время. Впрочем, капитализм, являющийся системой, по сути своей создающей кризис, превратившись в чудовище, на протяжении тысячелетий скованное цепями, и, воспользовавшись масштабным кризисом церкви и власти в Западной Европе, буквально разнес в щепки свою клетку и в виде нового божества открыл эру своего господства над обще-

вом. Надо хорошо помнить о том, что капитализм не является и не сможет быть нормальной социальной системой. Все философские течения и социальные науки (сюда же частично входит и народный социализм) были призваны ему на помощь, чтобы убедить в том, что он является легальной системой. В частности, политэкономия является священной книгой капитализма. Понимать ситуацию надо именно так. Система власти и эксплуатации, которая в истории человечества, в социальной действительности воспринималась таким образом, с наступлением финансовой эпохи полностью вышла из-под власти, стала брать под контроль все, что связано с обществом, даже с окружающей средой. Именно такое определение «контрреволюции 1970-х» (регресс капитализма в 1970-е) имеет жизненно важное значение.

Из наших, все еще свежих, воспоминаний известно, что контрреволюция 70-х годов прошлого века возникла как реакция на антимодернистскую культурную революцию, достигшую своего пика в 1968 году. Переход к эпохе господства финансового капитала в семидесятых годах нельзя объяснить существующей на нем почвой простого экономического преобразования. Власть финансового капитала установилась на почве двух мировых войн XX века, ставших самыми кровавыми в истории. Более того, почвой послужило наследие классового господства и колониальных войн, сменявших место на протяжении последних пяти столетий, а также власть национального государства, которая по сути своей является войной против общества. Она опирается на систему, или хаотическую обстановку, ориентированную только на максимальную прибыль, лишает экономику ее экономической сути, с одной стороны, провоцирует потребительский ажиотаж, с другой — увеличивает армии голодных и безработных. Власть финансового капитала основана на информационной войне, уничтожающей мысль и нравственность, в ходе которой при помощи медиа-гегемонии в течение двадцати четырех часов подвергаются бомбардировке разум и моральные устои людей; эта власть основана на борьбе против всего, что за последние пять столетий сделано и оставлено в наследство всему человечеству, а также против того, что завоевано (в частности Великой французской и Великой Октябрьской) революциями. Мы видим, как неоконформизм периода 1970–1990 гг., представленный

такими деятелями, как Рональд Рейган, Маргарет Тэтчер и Михаил Горбачев, буквально ликвидировал великое революционное наследие Франции и России последних двух столетий. Отнюдь не случайно то, что превращение финансового капитала в гегемонистскую силу имело место именно в период расцвета неоконформизма.

Турция 1970-х годов XX века была той Турцией, которая постепенно попадала под влияние революций и контрреволюций, имевших место в мировом масштабе. Наконец, молодежная революция 1968 года, а также экономические и военные перипетии 1980 года (экономические решения 24 октября и военный переворот 12 сентября) привели к тому, что страна не смогла избежать попадания в мир, от которого пытался спастись, возведя вокруг толстые стены. Кризис капиталистической системы, переживаемый всей планетой, получил свое выражение в Турции как кризис «белого» турецкого фашизма. Кризис современного капитализма — это кризис турецкого национального государства.

Военные перевороты 12 марта 1971 года и 12 сентября 1980 года показали, что революционные действия, которые не удалось подавить гражданскими фашистскими элементами, можно было остановить только путем военных переворотов. Самый стойкий бастион системы, коим является национальное государство, может быть защищен военными переворотами, подпитываемыми постоянными контрреволюционными гражданскими фашистскими движениями. «Белая» турецкая заговорщическая система, с 1925 года постоянно воюющая со всеми культурными ценностями и проявлениями демократии, угрожающими современному фашизму (в первую очередь это курдская идентичность), начинает раскрываться, оказывается в изоляции, и тогда она становится еще агрессивнее. Упомянутая система заговоров обладает наиболее мощными оперативными силами натовского «Гладио» и держит под контролем все политические образования. Любые, даже самые ограниченные формы выхода из-под контроля или подавляются гражданскими фашистскими организациями, или, когда этих сил оказывается недостаточно, используется вся армия. Игрная роль протосионистской системы, она пользовалась поддержкой мировых гегемонов. Подобный тотальный контроль своего же народа не имеет аналогов. Так, кризис «белого» турецкого современного фашизма очень заинтересовал всю

мировую систему. «Белые» турки хотели выйти из кризиса путем военного переворота 12 сентября 1980 г. Основной политической платформой переворота стало открытие экономической сферы для всего мира, слияние с мировой финансовой системой. В идеологическом плане имело место ориентирование на турко-исламский национализм вместе со светским национализмом, а светское национальное государство они стали укреплять турко-исламским государством. Военный переворот 12 сентября стал наиболее масштабной акцией натовского «Гладио». Задача заключалась в том, чтобы всегда подавить революционно-демократическую деятельность всех народов Ближнего и Среднего Востока. По сегодняшний день «Гладио» старается реализовать эту роль вместе со всеми гражданскими фашистскими организациями и полувоенными элементами. Все политические партии, включая провластные и оппозиционные, стали шестеренками одного колеса и играют очень важную роль.

2. КРИЗИС СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Кризис, переживаемый системой в сфере материальной культуры, не мог не отразиться на идеологической сфере. События 1968 года стали прежде всего взрывом идеологической революции в сфере духовной культуры. Это был протест против современной культуры, всех ее либеральных, правых и левых производных, и в этом смысле упомянутые события оказались значительной революцией. Это — идеологическая революция, сыгравшая, по меньшей мере, такую же роль, как французская и русская политические революции. Идеологическая гегемония современности с самого своего создания впервые была на грани развала. На борьбу за собственную идентичность поднялись многие культурные, гендерные, этнические, религиозные и местные социальные элементы, которые во имя создания однородного общества столетиями ассимилировались, даже доводились до пропасти массового уничтожения. Особый смысл имело то, что возглавляла эту борьбу именно молодежь, потому что молодежь — та прослойка, которая испытала наименьшее влияние современности. Идеологическая революция не просто была направлена против капиталистического либера-

лизм; были разведены мосты как с либеральным национальным государством, так и с национальными государствами социалистической системы. Идеологическое выступление против индустриализма впервые проявилось на основе сильной теории. Феминизм приобщился к теоретическим аргументам, не уступавшим в своей силе классовым теориям. Традиционные культурные идентичности доказали, что столь же ценны и незаменимы, как и современные. Стало ясно, что теория современного национализма это чистой воды аргументация легальности власти титульной нации. Становилось очевидным и то, что сознание и практика современного национально-освободительного движения, считавшегося одной из наиболее революционных идеологий того периода, на самом деле не имеют такой антикапиталистический и освободительный характер, как было принято говорить. Велись ожесточенные споры вокруг того, что социалистическая система не только не может сломать рамки современного капитализма, но даже превратилась в систему, усиливающую современный капитализм. Демократичный характер социал-демократии давно уже был принижен до уровня фигового листка, скрывающего «срам» капитализма.

Турция оказалась одной из тех стран, где сильнее всего получил отражение идеологический кризис системы. Структурный кризис «белого» турецкого фашизма отразился на идеологической сфере, под ударами революционной идеологии фашизм оказался в процессе своего разоблачения и изоляции. Потрескалась так же современная полировка светского национализма. Революционные современные идеологии имели столь же сильное отражение в обществе, что и традиционные религиозные идеологии. Революционные движения 70-х годов прошлого века в основном были идеологической направленности, и их политические особенности не смогли получить дальнейшего развития. Значение этих движений было обусловлено тем, что они выявили суть системы. Впервые были озвучены социальные истины. Реалии, которые уже давно считались погребенными, постепенно «оживлялись» в ходе идеологической борьбы. Вслед за исламистскими идеологиями появились идеологии социалистические. В структуре обеих идеологий постепенно стали проявляться идеологические формы, озвучивавшие курдское явление. В качестве реакции на это стал расцветать расистский национализм.

Турция семидесятых стала свидетельницей идеологических войн, которые действительно стали наиболее ожесточенными в истории страны. Если расистский национализм стремился к национальному государству, которое было бы гораздо сильнее гитлеровской Германии, то исламистские идеологии стремились заново сыграть свои традиционные роли, которые они навязывали светскому националистскому государству, и найти свое место в структуре государства. Новые идеологии занимались абстрактной социальностью в состоянии глубоких концептуальных кризисов, перепутав социальность с национальной государственностью. Демократические шаги, призванные обладать наиболее глубокими идеями, так и оставались в ограниченном состоянии. Вместо демократических народных акций они сконцентрировались на узкой деятельности отдельных групп. Но все они в целом внесли лепту в раскрытие социальных истин.

Истины, вышедшие на передний план вследствие кризисов в современных структурах (капитализм, национальное государство и индустриализм), а также в ходе идеологической борьбы во всем мире и в Турции 1970-х XX века, сыграли значительную роль в формировании РПК. Несмотря на многие недостатки и ошибки, вклад бессмертных героев этой борьбы имел определяющий характер.

3. РПК И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Основная проблема при создании РПК заключалась в отсутствии ясности в плане национально-государственной идеологии. В частности, большое влияние в этом плане оказали тезисы И. В. Сталина по национальному вопросу. И. В. Сталин рассматривал национальный вопрос в основном как проблему создания государства. Этот подход оказал влияние на всю социалистическую систему и все национально-освободительные движения. Снижение признанного Лениным права наций на самоопределение до уровня права на создание государство стало основной причиной вовлечения всех коммунистических и социалистических партий в идеологическую двусмысленность. РПК взяла за основу решения курдской проблемы, являвшейся изначальной идеей движения, модель создания государства, некогда выдвинутую Сталиным и одобренную Лени-

ным. Многие из национально-освободительных движений, достигших пика своего развития в тот период (1950—1970 гг.), завершились созданием отдельных государств, что и сделало эту модель главной. Суверенное государство стало священным принципом социалистического кредо. Быть социалистом означало быть сторонником прав угнетенных и эксплуатируемых наций и народов на создание государства. Противоположное мнение означало отход от социалистических идей. Собственно говоря, принцип, касающийся права нации на самоопределение, был выдвинут президентом США В. Вильсоном после Первой мировой войны и тесно связан с гегемонистским выступлением США. Не желая отставать от Вильсона и стремясь установить вектор помощи угнетенным и колониальным народам именно от Советского Союза, Ленин придал этому принципу более радикальный характер и приземлил его до уровня создания независимого государства. Между двумя системами в этом плане началось соревнование. Наиболее простой пример этой политики заключается в поддержке, которую обе стороны стремились оказать начавшемуся в Анатолии национальному сопротивлению. Далее этот подход был продолжен, доведен обеими системами до своего максимума.

У основателей научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса нет ясной позиции по данному вопросу. Они даже не смогли выдвинуть ни возражения, ни критики в адрес национального государства, теоретически разработанного в виде основной модели государства в философии Гегеля. Они тоже одобрили модель национального государства как естественную и необходимую форму государственности в современную им эпоху. Например, в отношении одной из важнейших национальных проблем своего периода, в частности, решения вопроса единства Германии, они продемонстрировали поддержку усилению централизованного национального государства, свободного от разрозненных федеративных образований. Эту позицию они защищали, в частности, в дискуссиях с анархистами. Но история показала, что в этом плане анархисты оказались правы. Именно взгляды М. Бакунина и П. Кропоткина до сих пор сохраняют свою объективность и реальность, соответствующую истине. Конец научного социализма и социалистической системы, точнее, основная причина внутреннего загнивания — это модель национального государства, основанная на чрезмерно централизованной бюро-

кратии. Основной причиной развала изнутри и распада является государство в целом — как диктатура пролетариата, и национальное государство в частности — как его наиболее централизованная форма, проникшая вплоть до мельчайших капилляров общества. Остальные причины носят второстепенный характер. Достижения, завоеванные, благодаря великому самопожертвованию в течение более чем полуторавековой истории социалистической системы, оказались обречены на загнивание именно потому, что научный социализм был лишен собственной теории государства и демократии.

Возвеличивая и приводя в пример немецкое национальное государство, созданное в начале 70-х годов XIX века, Маркс и Энгельс совершили наиболее серьезную ошибку в отношении научного социализма, ими же превращенного в одну из основных утопий человечества. Если бы они приняли во внимание историческую критику анархистов, в частности, Бакунина и Кропоткина, то судьба научного социализма однозначно была бы совершенно иной и более счастливой; свойственные социализму ценности свободы, демократии и равенства превратились бы в результативную и стабильную альтернативу современному капитализму. Конструктивные элементы современной демократии (социальный рынок, экологическая индустрия и демократическая нация) достигли бы большого развития в противостоянии элементам современного капитализма (наготение капитала к максимальной прибыли, национальное государство и индустриализм). Известно, что в последние периоды жизни К.Маркс и Ф.Энгельс осознали свои основные недостатки, в частности, многому научились у первобытной общины, поняли, что капиталистическая стадия вовсе не является обязательной, и считали важным испытание форм социализма, основанных на структуре древнего общества. Маркс хотел завершить свой «Капитал» анализом государства, но, как известно, этому помешала смерть. Энгельс своим знаменитым произведением «Происхождение семьи, частной собственности и государства» придал научному социализму глубину и исторический аспект. Самым большим несчастьем теории научного социализма стало то, что ревизию проводили не они сами, а Эдуард Бернштейн. Далее углублялись уже не в истины, а ошибки. В частности, наибольшим заблуждением и ошибками в истории научного социализма стали буржуазные либеральные подходы Бернштейна к

демократии, а Ленина и Сталина — к государству и национальной проблеме. Не только продолжались искажения и ошибки, применялись вместо фундаментальных истин для строительства социалистической системы.

Критика В. И. Лениным Бернштейна основывалась на истине. Объективной была критика Бернштейна за то, что он превратил социал-демократию (именно так именовались социалистические партии того периода) в хвост буржуазного либерализма и его левое продолжение. Впрочем, последующие процессы оправдали этот взгляд Ленина. Бернштейновский ревизионизм был правым искажением и первым ощутимым ударом по научному социализму. Но серьезные последствия этого удара обусловлены значительным недостатком и ошибкой научного социализма. Это заключалось в отсутствии общественной демократии и создании вместо нее модели национального государства. Именно эта фундаментальная ошибка и недостаток обусловили эффективность действий Бернштейна. Отдалив социальную демократию от теории диктатуры и государства, вытягивая немецкое национальное государство до уровня социального государства, Бернштейн хотел преодолеть ошибочные взгляды в отношении диктатуры и устранить недостатки демократии. Оба подхода тоже были оппортунистическими. Однако точная критика, вынесенная Лениным, не предоставляла альтернативных истин. Вместо социал-демократии Бернштейна, которая являлась буржуазной демократией и ее левым продолжением, Ленин предложил диктатуру пролетариата и социалистическое государство. В этом плане Ленин оказался в глубоком тупике и на протяжении всей своей жизни так и не смог выйти из него. Вопросы диктатуры пролетариата и социалистического государства стали «головной болью» Ленина. В этом плане им были потрачены огромные усилия, но не было достигнуто никакого правильного решения. Понятие диктатуры пролетариата, лишь несколько раз упомянутое К. Марксом в связи с Парижской коммуной (1871 г.), не было исследовано с теоретической точки зрения. Вдохновившись буржуазией, Ленин посчитал, что «если у них есть диктатура, то почему у пролетариата не может быть своей диктатуры?» — проведя тем самым очень грубую аналогию.

После установления советской власти Ленин в начале 20-х годов разрабатывал теорию социалистического государства. Но смерть не

позволила ему завершить это дело. Известно, что в этот период Кропоткин предложил лично Ленину институционализацию и утверждение Советов как демократической модели. Но Ленин не особо прислушивался к этому предложению, в частности, из-за анархистских взглядов Кропоткина отнесся к этому предложению с сомнением и без особой теплоты. Далее все известно. Уродливая модель, названная диктатурой пролетариата и находившаяся в руках Сталина, буквально проглотила все революционные, демократические и социалистические тенденции. В конце концов и сам Сталин оказался жертвой заговора, организованного в системе этой машины. У Ленина есть высказывание о том, что путь, ведущий к социализму, пролегает через самую широкую демократию. Но он прошелся поверхностно по этой мысли, и соответствующая теория и практика не были разработаны. Ленин и его окружение настолько убедили себя в том, что пролетариат не может прожить без диктатуры и государства, что даже понятие «демократия пролетариата» они не преминули посчитать диктатурой и формой государства. Демократия рассматривалась ими как диктатура и форма государства — категоричная ошибка кроется именно в этом. Из истории нам известно, что демократия не является ни диктатурой, ни формой государства. Наоборот, это форма общественного управления, которая противопоставляет себя и диктатуре, и государству — или является их альтернативой. Демократическое общество — это название системы управления, в которой нет места государству или диктатуре, то есть такой системы, которая, по меньшей мере, находится в состоянии согласия с обществом. Демократическое общество, или, говоря иными словами, система социальной демократии — это то, что не смогли развить сторонники научного социализма от К. Маркса до Ленина, постоянно предлагая вместо нее диктатуру пролетариата или социалистическое государство. Такого рода серьезная ошибка, ставшая основой для ревизионизма Бернштейна (диктатура пролетариата и социалистическое государство), — это слабая сторона демократического общества или системы социальной демократии.

Будет достаточно, если я вкратце повторю все свои рассуждения, которые я постарался изложить по данному вопросу в предыдущих томах своей Защитной речи. Демократическое общество — это форма общественного управления, которая не является ни государ-

ством, ни диктатурой, и не должна быть таким. Все исторические примеры (в первую очередь, афинская демократия) подтверждают, что демократия воплощается или как безгосударственная форма управления, или же, если исторически не сформировались условия для этого, реализуется на почве принципиального соглашения с государством посредством разделения управления. Ошибочными по определению являются такие понятия, как «диктатура» и «социалистическое государство». Онтологически диктатура свойственна классам и элитным слоям, всего лишь держащим в своих руках монополии силы и эксплуатации. Это явление, замешанное на крови, боли и эксплуатации, и его концептуализация. У трудящихся, угнетенных и эксплуатируемых не может быть никаких отношений с таким орудием — ни интеллектуально, в теоретическом смысле, ни на практике. Если кто-то скажет, что такое может быть, то легко и поучительно будет предъявить ему в виде доказательства пример того, чем завершился опыт СССР и аналогичные опыты; это легче, нежели в предыдущие периоды, до социалистической системы. Те же обстоятельства действительны и для социалистического государства. Даже если трудящиеся, угнетенные и эксплуатируемые слои добьются политических побед, вслед за этими победами не может быть построено никакое социальное государство; наоборот, у них может быть своя, развиваемая ими социальная демократия или демократическое общество. Независимо от названия и содержания, независимо от степени своего функционирования или наличия важных функций, связанных с общественным управлением, государство в конечном счете является системой, издревле установленной над обществом в качестве монополии силы и эксплуатации. Онтологически государство обязано своим существованием этой действительности, является его древним названием. Нельзя извлечь отсюда, как из яйца, плод по имени «социалистическое государство». По типу своего воспроизводства государство может только генерировать другие государства различной формации. Так, государство не может нести яйца и высиживать «социалистических цыплят».

Не могу не подчеркнуть следующее обстоятельство, связанное с анархистами. Объективной была критика, направленная ими и адрес излишне централизованного национального государства и диктаторских мер. История признала верной критику, выдвинутую

анархистами в данном направлении. Но дело в том, что анархисты своими подходами, выраженными в свободе личности и возврате к первобытным сообществам, не смогли, как и теоретики социалистической системы, сыграть никакой иной роли, став лишь левым ответвлением буржуазного либерализма. Если объективная критика не увенчается необходимыми мерами или верной теорией и практикой демократического общества, она не сможет избежать краха и превращения в какую-либо версию или ответвление либерализма. В данном случае во всех вопросах определяющими являются не равенство и свобода с позитивными намерениями, а верные теоретические подходы и практические меры в отношении исторической и общественной действительности.

Двусмысленность, которая имела место в процессе идеологического становления РПК, обусловлена недостатками и ошибками, которые переживала социалистическая система в целом и которые мы попытались подчеркнуть. Национально-государственная идеология и идеология демократическая общественная находились в тесно переплетенном и эклектическом состоянии. Все рабочие и коммунистические партии, служившие примером для нашей партии, несли в себе долю недостатков и ошибок, характерных для социалистической системы. На стадии организации мы были не в состоянии провести грань между национально-государственной и демократической общественной идеологией. Как не было правильного примера, с которого можно было бы извлечь уроки, так и не было у нас накопления знаний и теоретических возможностей, позволяющих верно осознавать исторический опыт. Были ясны практические потребности эклектической национально-освободительной теории, основанной на понятии «колония Курдистан». Мы преследовали цель создания национального государства, рожденного длительной национально-освободительной войной. Национально-освободительные войны, повторявшиеся в Африке почти каждый день, и возникавшие вслед за этим независимые государства хорошо раскрывали путь, по которому пошло решение курдской национальной проблемы без обращения ни к каким иным теориям и практикам. Нам казалось достаточным исследовать национально-освободительные практики, особо не опираясь на общие теории освобождения. Свобода действий, полученная нами

от крупных теоретиков, о которых мы отдельно говорили (Ленин, Сталин), представляла всю необходимую теоретическую базу и практические шаблоны. Оставалось только ускоренными темпами завершить группирование этого идеологического содержания и преподнести его массам. Так и было сделано.

Если период 1973—1976 г. считать периодом деятельности в составе группы, то 1976—1978 г. стали периодом обретения массового характера. Оба периода были успешно пройдены. Проблема заключалась в том, что и как будет сделано после этого. Мы обдумывали, каким должен стать следующий шаг, когда завершится этап деятельности в составе группы и распространения в массах, иными словами, следовало ли организовать партию, или превратиться в группу совершения боевых акций? На этот технический вопрос мы постарались дать ответ в виде создания партии. Как бы то ни было, но революция во Вьетнаме в этом плане предоставила блестящий пример, реализовавшийся с большим успехом. Нельзя сказать, что не проводились акции. Турецкие левые представляли примеры организации армии и фронта. Акции могли быть развиты при помощи национально-освободительных объединений. Это были процессы, развивавшиеся применительно к конкретным условиям. Мы разрабатывали успешный опыт в конкретных условиях Курдистана. Стан контрреволюции репетировал шаги военного переворота 12 сентября 1980 г. Массовые убийства в Мараше, Чоруме, Бахчелиэвлере, и также убийства многих молодых революционеров и интеллигенции свидетельствовали о том, что без выезда за рубеж не удастся избежать уничтожения. Достаточно поучительным был опыт 12 марта 1971 года. Уничтожение руководящих работников свидетельствовало о том, что организации не скоро смогут оправиться от своих ран. Выход на Ближний Восток через Суруч, состоявшийся 2 июля 1979 года, соответствовал идее длительной борьбы. Вполне своевременно и уместно был сделан шаг в сторону всенародной войны и дипломатической поддержки. Военный переворот 12 сентября 1980 года обернулся для всех левых групп периодом стратегического поражения, но РПК, в отличие от них, начала новый и более перспективный период. Ясно, что это были успешные тактические шаги.

Если заново окинуть взглядом период 70—80 гг. прошлого столетия, можем спокойно подчеркнуть, что курдская проблема впервые

Была выведена за рамки предмета журнальных, газетных и кружковых дискуссий и доведена до уровня современной передовой партийной организации с классовым характером — действенной структуры, развивающейся в тесной связи с этой организацией. В данном случае важно не наличие у партии сильного организационного и функционального потенциала, потому что именно такими были многие другие курдские партии. Давно существовали партии типа ДПК и СПТК. Новизна заключалась в том, что организация и практика впервые развивались в тесном взаимодействии и переплетении. Сточки зрения географического положения Курдистана и курдской социальной действительности это означало новое восстание, а также восстание и войну, возглавляемые передовой партией, организацией. Длительный стратегический поэтапный характер войны принимался как минимум в теории. Имели место удачные стратегические и тактические шаги, соответствующие как международным, так и национальным реалиям того периода. Но если даже на первый взгляд именно так находили свое отражение реальность и решимость, вместе с тем, глубоко осознавались и тревога, и недостатки.

Произошел военный переворот 12 сентября 1980 г., и милитаристское государство раскрылось во всей полноте. Общество уподобилось слабой, незащитной женщине, ощутившей спокойствие от того, что нашла сильного, доминирующего мужчину. Было ясно, что именно происходило в Курдистане в недалеком прошлом. Во всей чудовищной жестокости реализовывалась практика отрицания и убийств курдов. Не осталось ни одного способа насилия, пыток и казни, которые не применил бы милитаристский фашизм НАТО. Когда речь заходила о Курдистане и курдской действительности, на повестке дня властей оказывались любые действия, вплоть до полного изгнания курдов из родных мест и уничтожение собственной истории. Еще свежи были воспоминания об участии армянского, греческого, ассирийского повстанческого движений и курдской повстанческой деятельности недавнего прошлого. Это все было источником глубокой тревоги. Что касается основных недостатков, то причиной была нехватка сил, на которые можно было бы опереться в стране и за рубежом.

Разделение капитализма и социализма на лагерь особо не вселяло надежды. Страх перед ревизионизмом ощущался повсюду. В силу

внутренних и внешних факторов турецкое левое движение вошло в тупик и потерпело стратегически урон. Итак, новый период, в который вступала РПК, был полной неизвестностью.

4. ОБЪЕКТИВНО ОТРАЗИТЬ БОРЬБУ ДУХА И СОЗНАНИЯ В КОНКРЕТНОМ ПЕРИОДЕ

Я защищаюсь от современности. По мере погружения в научные стандарты предпочитаю научное выражение своей защиты. До сих пор я делал именно так. Но моя душа постоянно шептала мне, что чего-то не хватает. Я чувствовал, что свойственная современности научная форма изложения осуществляется путем самозабвенной утраты чего-то иного. Я был уверен в том, что это необходимо, но недостаточно для изложения жизни. По мере углубления в тему у меня возникали ассоциации с тем, как маги, утрачивающие свое искусство, шумерские и египетские жрецы, утрачивающие священный ореол, уединившись в храмах, пишут о человеческой судьбе. Язык современности, постепенно обретающий академичность, профессиональный и символический характер, начал обнаруживать сходство с языком магов и жрецов Древнего мира, которые рождали гораздо больше надежды. Он превратился в некую их производную, оказавшуюся гораздо более безнадежной, утратившей свои чары, бездуховной и лишенной истины. В конечном счете язык современности не представлял собой ничего, он лишь помогал вращать колесо, из-под которого льется прибыль. В этом плане привлекает внимание высказывание философа Ницше о том, что «искусство гораздо лучше выражает жизнь, истина гораздо лучше раскрывается языком искусства».

Я до сих пор хорошо помню дни, проведенные в тисках школ того времени, находившихся под контролем «белого» турецкого фашизма. В моей памяти все еще свежи те дни, когда я думал о том, с каким чудовищем должен столкнуться, когда переступлю порог начальной школы. Как жаль, что я стал любимым «детенышем» для тех чудовищ, которые первыми попались на моем пути! Эти учителя начали носить меня на руках. Я же носил им из дома яйца и сметану в качестве угощения. Когда с моих губ слетели первые слоги турецкого языка, я убедил себя в том, что сделал самый важный

шаг к современному духу и сознанию. Но в школе мне постоянно приходилось тщательно скрывать страх, вселившийся в меня. Примерно так формировалось двуличие. Тогда я не мог знать и не понимал того, что дала мне жизнь в деревне и что дала мне моя семья. Я не смог стать хорошим ребенком для своей семьи и своего села. Полушепотом распространялись слухи о том, что сын Омара или Увейша (мое имя раньше был Абдулла сын Увейши) — это нечто, совершенно безнадежное. Я стеснялся этого, страдал, но ни в коем случае не отходил от своего образа жизни. Вокруг меня постепенно сужалось кольцо одиночества. Все тщательно оберегали своих детей от общения со мной, не разрешали детям гулять со мной по окрестностям села. У меня было несколько путей утверждения в глазах своих сверстников. То, как я умел силками ловить птиц и ловко убивал змей и ящериц, привлекало ко мне внимание товарищей. Но еще большее внимание приковывало то, что еще в начальной школе я умудрялся возбуждать молитвы и шел на намаз буквально по пятам за имамом (ожидая разрешения выступить с кафедры). Наконец, я впервые услышал суждение имама Муслима обо мне: «Если ты и дальше пойдешь так быстро, то взлетишь высоко», — и это меня вообще окрылило.

Я уже говорил о том, что в течение одного часа ходьбы до начальной школы я даже выступал проповедником, ведя за собой группу учащихся. Но эта роль проповедника-имамы была в достаточно раннем возрасте, и она так и осталась в прошлом. Мои взоры были устремлены к современной турецкой действительности. Я понял, что не так и легко будет оторваться от этого. Я уже говорил о том, что считал преградой на пути моего слияния с современностью все то, что еще связывало меня с курдской идентичностью. Давая оценку своей жизни, протекавшей в школах того времени, вплоть до празднования Науроза 1973 года, когда я взял на себя смелость начать деятельность группы единомышленников во имя Курдистана и курдов, я должен подчеркнуть, что моя школьная жизнь, протекавшая без какого-либо отличия от существования робота, была просто ничтожна. Перед современной турецкой действительностью я становился никем. Эта ситуация не только приводила к формированию закомплексованной личности; она не оставляла никакого выбора, кроме превращения в «недочеловеков», которые

совершенно не имеют отношения к жизни, точнее, при желании чего-то достичь, подобно роботам, совершают заученные повороты. Вероятно, в те годы наиболее важной, заслуживающей упоминания стороной моей жизни является то, что я реализовал в себе столь безупречную и, значит, успешную личность, превратившуюся в робота. Это такой тип личности, которому действительно крайне сложно дать определение. Не думаю, что такое можно отразить даже в фильме. Но должен опять повторить, что даже в таком состоянии я был самым заметным и любимым учеником всех военных и гражданских преподавателей, как женщин, так и мужчин (от начальной школы до последнего курса на факультете социальных наук). Видимо, это проблема, которую решить очень трудно.

Все это время, как мне казалось, я не шел ни на какие уступки в отношении своего природного лидерства. Если спросить, каково же было мое душевное состояние, этот вопрос останется без определенного ответа. По существу, следовало бы спросить, действительно ли во мне еще оставались врожденные душевные силы? Точнее, оставила ли противостоящая мне современность какой-то свойственный мне внутренний мир? Возможно, из этого можно сделать наиболее важный вывод о том, что в противостоянии с современностью я всегда ощущал себя экзаменуемым учеником. Я успешно прошел все классы этой школы, но не собирался становиться таким, каким хотела видеть меня современность. Но кем же я собирался стать? Именно на этот вопрос не был найден ответ. Надо просто представить, насколько угнетающим является это состояние неопределенности, поскольку оно равносильно невесомости. Если скажу, что это была жизнь, протекавшая в таком виде, то, возможно, смогу раскрыть некоторые ее особенности. Несомненно, данную жизнь можно понимать и как способ беспрецедентного противодействия односторонне навязанной современности, построенной на почве отрицания и уничтожения самостоятельной курдской идентичности. В этом смысле я, бывало, часто сравнивал свое положение с положением женщин, которые эксплуатировались на протяжении всей истории цивилизации. Порой я ставил знак равенства между сопротивлением цивилизации, которое тысячелетиями демонстрирует женщина, и своей жизнью, идущей вразрез современности. Я с каждым днем все больше ненавидел сексизм в отношении женщины, считая это

презренным и противным образом жизни. Я довольно рано понял, насколько позорным является жизнь униженной женщины.

Еще один вопрос, который я не смогу обойти молчанием, это вопрос моего отношения к Аллаху. До последнего курса лицея я соблюдал все ритуалы, усердно совершал намаз и постился во время уразы. Но в плане существования Аллаха я оказался в плену таких сомнений, которые могли бы довести меня до грани самоубийства. Я по-своему искал его везде, едва ли не в мельчайших частичках пыли. Этот поиск постоянно приводил к углублению моих сомнений. Именно в этот период я начал свое знакомство с «религией левых», с ее новым пророком — Марксом.

Придерживался ли я правых взглядов до своего знакомства с левым движением? Ясно, что дилемма «левые—правые» не способна правильно отразить мою действительность, нашу действительность. Правильнее всего была бы дилемма «традиция—современность», точнее, «общественная действительность—современность». Потрясение, вызванное во мне понятием Аллах, в сущности, стало отражением в моей личности того серьезного потрясения, которое ощущало традиционное общество перед современным обществом. Аллах, как символ господствующей идентичности традиционного общества, не мог идти ни в какое сравнение с национальным государством, ставшим светским божеством современного общества. Это я понял гораздо позднее. Именно так я выражал пережитое мной глубокое духовное потрясение при попытке войти в 70-е, и именно тогда я стал искать пути ухода от этого потрясения и противостоявших друг другу правых и левых течений. Помню, что, будучи цельным в своих молитвах и просьбах, я сначала прошерил правых. До 1969 года я молился в мечети префектуры Малтепе г. Анкары. Достаточно долго я совершал поиски. Пусть и без разрешения, но я обрел возможность присутствовать на конференции в «Турецком очаге», которую проводил Неджип Фазыл Кысакюрек, прозванный «Большим учителем». Это меня очень сильно взволновало. Смутно вспоминаю журнал «Великий Восток». Ясно, что это был голос, придававший силы моим идеалам Инга, приводивший меня в трепет. На собрании кружка по борьбе с коммунизмом я встретился с Сулейманом Демирелем и Рауфом Коркутом. Позже под своей подушкой я как-то обнаружил книгу

«Азбука социализма». Я начал читать эту книгу. Помню, как задолго до завершения чтения во мне проснулись такие чувства: «Мухаммед теряет, а Маркс находит». Я делал выбор не разумом, а чувствами.

Прямо перед нашей школой-интернатом (профессиональный лицей земельного кадастра) проходила похоронная процессия Имира Октеама, бывшего в ту пору председателем кассационного суда. Опять же, без какого-либо влияния со стороны, машинально сделав несколько шагов, я присоединился к процессии. Это не было осознанным и убежденным участием, это происходило в условиях моей тяги и к правым, и к левым. Ясно, что я не был тогда в состоянии отделить правых от левых. У меня не было сколько-нибудь серьезных поисков в этом направлении. Меня больше привлекала духовная буря. Я очень серьезно погрузился в вопросы дифференциации религии и философии. Гораздо позднее я пойму, что в основе этого лежит дифференциация традиционного и современного общества. Я углублялся в вопросы религии постоянно, и в начальной, и в средней школе, и во время обучения в лицее. Я познакомился с трудами Сеита Кутуба, но их влияние не было настолько сильным, чтобы вывести меня из кризиса.

В 1970 году я окончил лицей и был назначен государственным чиновником в Диярбакыр. Именно здесь я узнал, что такое зарплата и взятки. Первая взятка меня буквально потрясла. Каяпынар (Пеяс) тогда еще был деревней, и я, не особенно сознавая, поставил свою подпись в пользу сельчан и положил в карман примерно четыре тысячи лир деньгами того времени. В ту ночь я был в полном потрясении. Оказывается, что мой нравственный принцип возражал против взятки. Но я сразу же нашел выход. Мне показалось, что, если я израсходую эти деньги на социальные цели предстоящих периодов (в связи с нуждами курдов), это не только поможет мне избавиться от нравственного потрясения, но и будет этичным. Возвышенная цель могла бы превзойти узость иной цели. Так постепенно рос мой интерес к курдской идентичности, что усиливалось городской обстановкой. Так я сделал первый вклад в пользу курдской идентичности. Одновременно это стало фактом, отразившим особенности моей личности. С первых запомнившихся дней своего детства я ощущал любовь к социуму, доходившую до болезненного состояния. Например, я совершенно не любил, когда

мать или родственники обнимали меня, но мне невероятно нравилось дружить и общаться с теми детьми из тех семей, с которыми у нашей семьи были недружественные отношения. Именно таким другом для меня стал Хасан Биндал, один из наших бессмертных героев. Такие же правила действовали и в отношении девушек. Но я понял, что в той сфере возможности дружбы были очень ограниченными, однако, помню, частенько нарушал эти запреты.

В 1971 году я был зачислен на юридический факультет Стамбульского университета. Моя работа чиновником в столь притягательном очаге современности, как Бақыркей, и знакомство со Стамбулом оказали на меня большое влияние. Это был период активности «Революционной Молодежи» и РВОК. Обе организации вызвали во мне интерес. Я даже вступил в РВОК. Мои воспоминания об одном семинаре позволяют понять, в каком состоянии было мое национальное самосознание в тот период. Я сказал тогда о том, что пророк Мухаммед обратился к Господу со словами: «О, Всевышний, не дай курдам возможность создать свое государство, ибо, если курды обретут государство, их станет так много, что на земле станет тесно», — и эта цитата была воспринята очень странно. Молодежь, примыкавшая к DDKO, члены этой организации, все смотрели на меня с признаками подозрения в глазах. Это был кружок восточной культуры. «Что значит создание курдами своего государства? Разве своевременно было говорить о таких вещах? А не провокатор ли он вообще?» — именно такого рода вопросы были в центре долгих дискуссий, происходивших в обстановке подозрительности.

Воспоминание, кажущееся мне сегодня очень важным, имеет отношение к диалогу, который некогда произошел у меня с Мехметом Түйсюзом, бывшим в то время председателем РВОК. Организации типа РВОК и их взгляды меня не особенно устраивали. В вопросах «религия—государство», я, как видно, постоянно способствовал возникновению дискуссий. Но поскольку в курдской проблеме я был еще в роли ученика, во время этих дискуссий у меня не хватало сил для выдвижения каких-либо своих предложений. Судя по всему, я настолько привлек внимание более опытного председателя, что он частенько подходил ко мне и говорил: «Выдвигай предложения, Апо, предложения!» — и это было очень приятно (я не могу забыть и делаю все возможное для того, чтобы сдержать это слово). Мехмет Түйсюз

если не ошибаюсь, так же, как и председатель ДПК Фаик Буджак, был убит сотрудниками спецслужб, и это убийство также было совершено под видом внутрисемейного конфликта. Я все еще вспоминаю, как во время военного переворота 12 марта 1980 года Муа Антер обратился к нам, создавшим маленькую группу сочувствующих лиц, сказав следующее: «Они (турки) столкнулись друг с другом, а нам следует заняться своим делом, укрепить наше единство». Его подход, вероятно, имел националистический характер, но это было правильно. Впрочем, уже тогда веяло ветром, породившим бурю 12 марта.

Последние мои стамбульские воспоминания связаны с собранием, проходившим в одном из залов Стамбульского технического университета в Мачке. Каким-то образом я оказался в конференц-зале. Было много народу. Это было одним из важнейших собраний организации «Революционная Молодежь». Вдруг в зал вошли Махир Чаян, Юсуф Кюпели и Мюнир Рамазан Актолга (Актолга может быть неправильным именем, возможно это был Синан Кязым Озюдогру). Лидером был Махир. Как настоящий революционер, он взял в руки микрофон и начал продолжительную речь. Вот, что я смог вспомнить из его речи: «Ревизионизм является серьезной опасностью. Он окутал собой марксизм и демонстрирует оппортунизм в курдской проблеме, как и во всех вопросах (я слышал, как впервые проблема была названа своим именем)». Курдский вопрос — это вопрос личного определения народами собственной судьбы. Курды, при желании, могут воспользоваться своим правом на создание независимого государства. Наша марксистская задача заключается в том, чтобы поддержать борьбу курдов за обретение этих прав». Это однозначно произвело на меня глубокое впечатление. Махир был душой революционной идеологии. Это был революционер, в котором до мозга костей сочетались слова и дела. Ясно, что он как личность оказал на меня глубочайшее влияние. Он вызвал у меня огромную симпатию. Кроме того, в тот краткий миг он в яркой форме подсказал мне, как я должен действовать в отношении собственной социальной идентичности, которая имела для меня жизненно важное значение, он подсказал, что мне делать, с какой идентичностью действовать дальше. В том же году в Малтепе, вместе Хусейном Джевахиром он организовал знаменитое восстание против вооруженных сил государства, был ранен и схвачен, потом бежал и

тюрьмы и в марте 1972 года в Кызылдере вместе с товарищами героически погиб в бою. Все эти события стали ориентирами на моем пути к жизни, называемой жизнью революционера. Если я решил сохранить преданность себе и своему обществу, то у меня нет иного выбора, кроме следования этим путем.

Выступления таких людей, как Махир, сыграли огромную роль в том, что я, воодушевившись, сдал экзамены и оказался в числе пятнадцати человек, которые по средним баллам были со стипендией зачислены на факультет социальных наук университета Анкары. Когда Махир и девять его товарищей были убиты в Кызылдере, я взял на себя руководство бойкотом на факультете социальных наук. Меня тогда задержали, я был под арестом семь месяцев начиная с 7 апреля. Майор Баки Туг, который был одним из судей, вынесших приговор о смертной казни Дениза Гезмиша и товарищей, посчитал, что доказательств моей принадлежности к организации недостаточно, поэтому я был приговорен к относительно короткому сроку тюремного заключения. Думаю, что мы вместе с членом ОПТН-Р Доганом Фыртыной, чей отец был полковником, одним из военных судей того времени, избежали серьезного наказания в виде пятнадцати лет лишения свободы за принадлежность к организации благодаря упомянутому. Я знаю, что Баки Туг позднее сожалел именно об этом. В 1972 году я был в числе тех, кто симпатизировал организации ОПТН-Р. Я был близок к вступлению в эту организацию. Фактически я считался действующим членом организации. Но мой арест и ликвидация ОПТН-Р после массового убийства в Кызылдере не позволили мне оставаться в данной организации. В начале следующего 1973 года я начал подготовку к созданию группы для борьбы в рамках тезиса «колония Курдистан». Неизбежным было создание отдельной организации. Мы не придерживались сугубо националистических воззрений. Рядом со мной в первых рядах был Хаки Карер. Этот товарищ был родом из Улубейли провинции Орду, Черноморского побережья, и он играл одну из важнейших ролей в формировании моей личности. Первый и последний случай, когда я потерял сознание, произошел именно в его присутствии. Ясно, что товарищеские отношения, способствующие рождению значительных идей, имеют поистине историческое значение. До начала 1975 года я тайно, в устной форме занимался пропагандой в

нашей группе, не прибегая ни к каким письменным материалам, будто раскрывая большой секрет. Как я уже говорил, наш первый письменный проект создавался так: в доме, где мы жили вдвоем в 1975 году, я произносил все в форме речи, а М. Хайри Дурмуш, утверждая, записывал все на бумаге. Этот разговор был своего рода рассуждением на уровне проекта, касающегося реалий Курдистана. Я тогда надиктовал очень большой проект. Его изучение покажет, что сделано это было достаточно тщательно. Мы постарались дать категориальную оценку мировой ситуации и местным условиям, на которые опиралась группа. Применительно к тому периоду этого было достаточно для теоретических рамок. У нашей группы были тщательно разработанная идеологическая база, несмотря на то, что бытует противоположное мнение. Группа, которая выдвинулась на почве практической деятельности, раскрывала свое отличие от остальных групп благодаря очень удачным тезисам. Мы были своего рода общиной, связанной единым credo.

Письменная фиксация какой-либо мысли подобна рождению ребенка. После этого возникает следующая серьезная проблема: может быть, политическое и практическое вынашивание и рождение мысли в тысячи раз труднее биологического и даже социального роста ребенка. История мысли и политической деятельности дает тысячи примеров того, что легко рождающееся может с той же легкостью погибнуть в раннем возрасте. Только очень немногие сумели благополучно достичь зрелости. Период 1974—1975 гг. в практическом смысле прошел под эгидой деятельности СДВОА (Союз демократического высшего образования Анкары). Я взял на себя опасные функции руководства этим союзом. Это было первой серьезной проверкой моих теоретических размышлений на практике. Итогом стал стратегический разрыв с турецкими левыми. В 1976 году вместе с группой товарищей, турками по происхождению (Хаки Карер, Кемаль Пир и Дуран Калкан), мы осуществили этот кардинальный разрыв с левыми. Теоретическая подготовка группы соответствовала этому. Наша идея была следующей: турецкое левое движение, находящееся под давлением социального шовинизма, может вернуться на истинный путь только на платформе национально-освободительного движения Курдистана. Краткую оценку ситуации дает следующее высказывание Кемалья Пира: «Путь к осе

«освобождению турецкого народа пролегал через освобождение курдского народа». История подтвердила эту мысль.

В 1977 году я начал с похода с целью символической пропаганды Курдистана. В марте в Анкаре я на конференции впервые прочел свои тезисы большой группе, собравшейся в широком салоне Палаты архитекторов. Сразу же после этого я отправился в путь вместе с Неджати Кая — уроженцем Ташлычайлы (провинция Агры), летчиком, который уволился в запас в звании старшего лейтенанта и поступил на факультет социальных наук. Первой моей остановкой стал Добубаязид в провинции Агры. Очень важное обстоятельство, которое следует упомянуть, касается личности Неджати Кая. Позднее шли разговоры о том, что он был посланным к нам агентом. Я думаю, что он погиб в результате катастрофы самолета, за штурвалом которого он разбрасывал химикаты в Анталии. Со мной у него были отличные отношения. Он был очень дисциплинированным. В начале января 1977 года свое первое серьезное собрание мы провели в его доме в Анкаре. На этом важном собрании, где присутствовали приглашенные из Курдистана представители и наши товарищи из Анкары, мы на всякий случай держали дверцу печи открытой. Мы сразу же уничтожили бы в печке наши записи, если бы полиция вдруг внезапно ворвалась в дом. Впрочем, у нас никаких иных письменных документов и не было. Опять же, я вспоминаю, как Неджати во время обеда на том же собрании, держа в руке солонку, сказал следующую фразу: «Дичь стреляют, варят, из такой же солонки солят и едят». Я тогда не смог придать какое-то значение этой фразе. Позднее вместе с Кемалем Пиром они настойчиво предложили ограбить курьера и похитить также Сабиху Гекчен (первая женщина-пилот, названная Дочь Ататюрка). В моей памяти все еще был свеж тот случай, когда контрразведательские действия майора Ильяса Айдына спровоцировали Махира Чаяна и его группу. Я верил, что положение нашей группы не благоприятствовало этому, и не допускал проявления таких действий. Если бы эти действия были совершены, вероятно, нам пришел бы конец; по меньшей мере, закончился бы один период жизни. Мои осторожность в данном случае оказалась очень уместной.

Неджати Кая шел на значительные расходы для группы, уверяя, что эти деньги получил в качестве компенсации при увольнении в запасе. Лично мне он как-то сказал следующее: «Ты только прикажи,

я готов выброситься с четвертого этажа». Он был человеком, который не бросал слов на ветер, и мог бы выполнить это обещание. Он тоже принял участие в первом и самом масштабном собрании у подножий Арарата, во время похода, связанного с Курдистаном. После этого он ушел от нас. Если не ошибаюсь, после этого или контактов у нас не было, или они были очень редкими. Во время выезда за рубеж он проявил чудеса, желая найти меня. Он непременно хотел встретиться. Он даже поехал в деревню, где был наш дом. Я очень расстроился, услышав о том, что он скончался после того, как выехал за границу. Много было споров о том, агент он или нет, и в прессе разрабатывалась эта версия. Я и сам сомневался, поэтому проявлял максимальную осторожность в общении с ним. В конце концов, если он не был агентом, или даже, будучи агентом, умышленно не исполнял своих агентурных обязанностей, то его можно считать ценным сотрудником периода существования нашей группы. Думаю, он достоин посмертной реабилитации. Следует с особой важностью подчеркнуть, что если даже он был сотрудником спецслужб, то его планы не увенчались успехом, их план не сработал, и определенную роль в этом сыграло мое осторожное поведение.

Я помню, что когда в курдистанском походе я завершил поездки по линии Агры, Догубаязит, Карс, Дигор, Дерсим, Бингол, Элазиг, Диярбакыр, Мардин, Урфа, Газиантеп и Анкара, у меня возникло такое чувство, как будто я осуществил реальный боевой поход. Все мои беседы, происходившие во время этого похода, были зафиксированы в письменном виде. Если изучить, то станет ясно, что проект, который я предложил Хейри, стал расширенным вариантом бесед. На протяжении нескольких лет эти беседы были основной идеологической пищей группы. Если другие группы издавали газеты и журналы, то я с помощью этого метода реализовывал идею мобильной газеты и журнала. Весь последующий процесс пройдет уже как углубление этих бесед. В 1978 году созданием Серхвабуна (Это ассоциируется с Хойбун) стал началом письменного этапа. «Путь курдистанской революции», написанный мной в 1978 году для первого номера этой газеты, позднее был издан под другим названием как «Манифест».

Не прошло и несколько дней нашего пребывания в Анкаре, как из Антепа пришло сообщение о гибели Хаки Карера. Я могу сказать, что для меня это известие едва не стало причиной депрессии. Было

сно, что нам был нанесен сильнейший удар. Важно было действовать, не оскорбляя память о нашем товарище. Я не мог присутствовать на его похоронах. Позднее я поехал в Улубей провинции Орду, и там, на его могиле, дал слово превратить нашу группу в партию. Осенью того же года я лично написал текст проекта программы. Все, что я сделал, — это постарался пойти по следам бессмертного подвига на окраине Антепа. В этот период я пережил еще два значительных события, которые на первый взгляд имеют отношение к личной жизни, но по своей сути — идеологически-политический смысл. Первое — это кончина моего отца в 1976 году. Я был спокоен, когда в Анкаре услышал весть о его смерти; не помню, чтобы у меня были слезы. Сбылось одно из его предсказаний, ведь он говорил: «И слезинки не прольете, когда не станет меня». Считаю, что он понимал дух времени. Отец говорил о современной действительности. У меня с ним не было таких противоречий, как с матерью. Наиболее серьезное противоречие с отцом возникло тогда, когда я начал мятеж против деревни-семьи. В отличие от окружения, отец надеялся на меня, даже предрек мой успех. Позднее, когда я осознал ту ситуацию, в которой он находился, то понял, что отец вел себя как честный, сохранивший достоинство и уважение к традициям человек. Как личность он трепетно чтит религию и ее нравственные устои. Он оказался в ситуации ослабевшего, утратившего патриархальное влияние главы семьи, где некогда были сильны традиции. Патриархат потерял свою силу. В нашей семье были сильны черты матриархата. Баланс двух тенденции создало условия для моего выхода. Претензии обеих сторон в мой адрес как будто исчерпались. Могу сказать, что в семье я в значительной мере обрел личную свободу. Мне не дано полностью знать о том, что они испытывали, когда оставили меня одного в современном мире, который они совершенно не понимали, точнее, осознав этот мир, поняли, что не смогут ему противостоять. Но они были уверены во мне. Нельзя преуменьшать тот факт, что я вышел из слабой, но верной долгу, чести и достоинству семьи.

Второе — это отношение к женщине, которое в те годы последовательно стало проявляться во мне. В условиях современности до начала деятельности группы я не был в состоянии подойти к какой-либо женщине. Мир женщин был для меня тем миром, которого я не знал и стеснялся. У меня были просто платонические чувства,

которые я взрастил в себе самом, и никак нельзя было признаться кому-то в этих чувствах. Помню, начиная с моей жизни в селе, вызвали интерес взгляды, которые бросали на меня женщины. Но я совершенно не понимал смысла этих взглядов. Думаю, что позднее, проанализировав их, я осознал, что в отношении привлекательности отличаюсь от других. Женщины с интересом бросали на меня взгляды, осознавая это отличие. Возможно, у них рождались какие-то надежды, связанные со мной. Мне как будто говорили: «Эй, дитя, ты не знаешь, что с нами произошло. Наше положение отнюдь не такое, как ты себе представляешь. Если бы ты знал обо всем, что происходило! Хоть ты и мужчина, но мы возлагаем на тебя свои надежды». Нельзя сказать, что я не понимал красоту женщины. Помню, как одной курдской девушке я сказал буквально следующее: «Ради тебя, твоего рода и племени можно развернуть борьбу за независимость».

Во время деятельности нашей группы мы познакомились с девушкой по имени Кесире Йылдырым — думаю, потому что она была землячкой Мазлума Догана. Кесире проявляла интерес к нашей деятельности, и мы стали ее считать членом нашей группы. Я совершенно не знал о ее прошлой жизни. Но, предполагая, что она может стать причиной раздора в группе, я с самого начала относился к ней с определенными опасениями. Я был не в состоянии контролировать ее. Исходя из соображений безопасности группы, я осознал необходимость предложить ей обвенчаться с кем-нибудь из нас, какие бы следы консерватизма и традиционализма это ни несло в себе. Она могла бы обвенчаться со мной или с каким-либо другим членом группы. Я ждал что она выберет меня. Но у этой женщины был инстинкт волчицы: она понимала, что я хочу взять ее под контроль, и выбрала другого. Мое достоинство в традиционном для нас понимании было серьезно ущемлено, но я не издал ни звука. Я не мог не согласиться с ее выбором, потому что это противоречило бы моему пониманию чести. Опять же, это было бы все равно, что сказать «аминь», когда молитва еще не прочтена. Ее связь с этим человеком не получила развития, она сама не смогла развить ее. Когда же я снова попытался сблизиться с ней, и я был изрядно потрепан, и дорогого члена группы потеряли.

Моя пробуждающаяся чувственность становилась серьезной проблемой. Я предпринимал большие усилия, чтобы оградить группу,

партию, даже СОК (Силы освобождения Курдистана) от своих проблем. В истории с этой женщиной повторилось нечто, похожее на кризис в отношении к Богу, пережитый мной в конце 60-х. Казалось, что заняла ее место. Я совсем не знаю причин сближения этой женщины с нашей группой. Не думаю, что ею двигали какие-то чувства: было ясно, что она в состоянии держать под контролем свои эмоции. Это была моя ошибка. Я проявлял настойчивость, хотя не мог подчинить ее. Я развил и довел наши отношения до формального супружества. В начале 1978 года я впервые прилетел в Диярбакыр с карточкой о женитьбе. Возможно, я совершал наиболее странный и противоречивый медовый месяц, касающийся личных отношений. Она была подобна ледяному ларцу, и у меня не было никаких шансов на изменение ситуации. Я не мог даже изложить кому-либо свое состояние, поскольку единственным виновником всего происходящего был сам. Эта женщина не была виновата в том, как сложились наши взаимоотношения. Моя ситуация оказалась похожа на поговорку: «Что посеял, то и пожнешь». В сущности, у меня не могло быть никаких надежд и знаний по поводу того, что такой женский характер вообще возможен. Эта женщина предстала передо мной во всей своей натуре волчицы. Не думаю, что между двумя другими людьми могли сложиться такие отношения, какие установились между нами. Я проявлял максимальное терпение, и продолжалось это целых десять лет, вплоть до ее добровольного ухода из нашего движения летом 1987 года. Для меня это было огромным опытом.

То, что я вышел живым из капкана этих отношений, надо считать чудом. Трудность заключается в том, чтобы сохраниться как личность, когда тебе противостоят традиции Ближнего и Среднего Востока, переворачивающие статус женщины с ног на голову. Споры и развод не могли бы быть решением проблемы. Именно поэтому я отожествлял ситуацию, в которой я оказался в связи с этой женщиной, с тем кризисом, который переживал в плане своих сомнений относительно существования Бога. Мне надо было идеологически и политически разобраться в этих отношениях. Более того, без понимания положения женщины невозможно было принять идеологическое и политическое решение. В этот период у меня еще не было возможности исследовать положение женщины — я приступил к этому только с 1978 года. Когда-то моим ответом на героическую

гибель Хаки Карера стала «Программа», а в этот раз ответом на психологический конфликт стала моя работа под названием «Путь курдистанской революции». Летом 1978 года я подготовил эту работу как теоретическую основу программы. Учитывая психологическую ситуацию, в которой я тогда находился, можно понять, что от меня требовалось много сил и способностей для написания «Манифеста курдистанской революции». Говоря о чуде, я имел в виду именно эту

Ситуацию может раскрыть то, что Кемаль Пир, Джамиль Байрам и М. Хайри, ставшие очевидцами первых лет нашей совместной жизни, совершенно не хотели прощать этой женщине ее ужасающе неуважительное отношение ко мне, более того, они хотели тайно убить ее. Однако Кемаль Пир, проявив глубокое понимание и чувства товарищества, сказал им: «Давайте не тронем ее, вероятно, наш товарищ знает, что делает». Поскольку отец этой женщины еще со времен восстания 1925 года был личным агентом И. Иненю, велись, как в случае с Неджати Кая, споры о том, что она сама, вероятно, тоже является агентом. В действительности же мы не можем знать, я не могу знать о том, являлась ли она агентом властей. Я руководствовался соображениями о том, что из-за отца нельзя осуждать самого человека. Учитывая эту критику, я придерживался следующей позиции: «Совместная деятельность в составе группы с любым человеком, алевитом, сторонником левых или просто правильно ведущим себя человеком курдского происхождения является гораздо полезней, чем его отстранение от работы вместе с группой». То, что я не смог жить с ней счастливо и благополучно, не должно было стать поводом для ее осуждения. Решение по ее поводу, должно было приниматься в строгом соответствии с правилами организации. Я придерживался этой линии вплоть до ее дезертирства. Но ясно, что за моей спиной она вела очень эффективную подрывную работу, объективно играла эту роль. Можно сказать и то, что она не употребила свои положительные особенности на пользу нашего движения.

Если бы она захотела или запланировала, то могла бы убить меня. Я вспоминаю, как однажды, уже незадолго до побега, она вдруг сказала мне «Не бойся, я не отравлю тебя». Ведь в тот период агенты ходили за мной, стремясь меня убить. Опять же, следовало быть более осторожным. К закату наших с ней взаимоотношений двое моих водителей оказались на грани самоубийства. Один из них, наш това-

риц по имени Фархан, сказал: «Убить ее мало!» Другой, товарищ по имени Сабри, убежал, а Этхем Акджан, который был единственным моим спутником во время выступления в Ближневосточный регион, сказал: «За спиной председателя творятся какие-то непонятные вещи». Позднее он получил язву желудка и умер, что наводит на определенные размышления. Очень важно то, что с этой женщиной связано много подозрительных фактов. Даже пытались приписать ее сильным особенностям то, что она буквально нейтрализовала многих товарищей, чуть ли не гипнотизируя их. Специфика наших отношений и ее личные особенности таковы, что и по сей день требуют серьезного изучения.

Еще одной личностью, притягивающей такого рода внимание, был Дилавер Йылдырым. Он был одним из лидеров, имевших большое будущее. 12 сентября он был арестован. Позже он занял свое место в сводных группах. Самостоятельно через Болгарию выехал в Европу, некоторое время пребывал в Европе, далее уже на Ближнем Востоке прибыл ко мне, но говорил очень мало. Насколько могу вспомнить, он как-то сказал мне: «Твои действия очень опасны». Он написал мне прощальное письмо после того, как в лагере Бекмаа две простые женщины сказали ему: «Ты положил глаз на место председателя». Затем он покончил собой, чего никто не ожидал. Он был из тех товарищей, про которых следовало провести расследование с целью выявления их действительной идентичности.

Была принята программа партии, посвященная памяти Хаки Карера. 26–27 ноября 1978 года в селе Фис провинции Диярбакыр состоялось собрание с участием 22 человек, имевшее характер учредительного. Это стало еще одним ориентиром на нашем пути, возврата по которому не было. Провозглашение партии, названной РПК, в сущности, означало окончание целого периода. Все, что следовало сделать в мировом масштабе и конкретно в Турции, и также по практике группы, в основном было сделано. В данном случае был важен революционный способ действий, потому что мы не ограничились одними лишь высказываниями, мы жили в условиях активной практической деятельности. Следует понять, что в сложившихся объективных условиях был осуществлен серьезный шаг во имя рабочего класса, живущего в городах, классовых и национальных государствах. Теоретический и практический уровень

организации соответствовали этому. Существовали аналогичные группы, но ни одна из них не смогла воплотить в себе революционный дух так, как это сделала наша группа. Поэтому многих военный переворот застал врасплох, без какой бы то ни было подготовки.

С 1979 года я старался предпринять меры в двух направлениях. С одной стороны я готовился к длительной борьбе в условиях сельской местности, с другой — выехав за рубеж, хотел обеспечить там запасной канал для нашего движения. Успех мог бы предопределить победу. Тактические действия, соответствующие условиям периода, столь же важны, как и стратегические процессы. Это был именно такой период. В начале года я вызвал к себе Ферхата Куртая, который позднее погиб в застенках Диярбакыра. Мы тогда приобрели копировальный аппарат. На служебном автомобиле он перевез меня в Кызылтепе. В этот период, примерно через месяц после учредительного собрания РПК, властями были организованы массовые убийства в Мараше, где у нас было определенное влияние. В регионе Западного Евфрата, где с 1925 года проводились операции по ликвидации курдов, происходила тюркизация населения. Здесь нам удалось лишь частично возродить курдское самосознание. Ответом властей становились аналогичные массовые убийства в Малатье, Адыямане, Элязыге. Эти убийства отнюдь не были простыми акциями государственного фашизма: будучи продолжением исторически проводимого геноцида, они пользовались поддержкой натовского «Гладио». Провозглашение РПК в Диярбакыре стало нашим ответом на эти события. Эти эпохальные шаги были сделаны нами в год банкротства кабинета министров Бюлента Эджевита, но и властями были организованы массовые убийства. Это был год активизации сил специального назначения. Было даже совершено покушение на Эджевита. Массовые убийства в районе Таксим годом раньше были совершены теми же силами.

К середине 1979 года я сказал Этхему Акджану из Суруча, чтобы он был готов к переходу границы. В Урфе мне пришлось прожить сорок дней — как пророку Аврааму. Я сокрушил множество идолов цивилизации и современности. Мое пребывание в городе нимрода в те дни, когда современные нимроды крепко держали власть в руках, стало очень интересной встречей с городом. Я словно ходил по следам Авраама. В Священном писании Суруч упоминается как Се-

рудж. Во всех выступлениях, происходивших сразу после восстания, имела место аналогичная ситуация. Во время пребывания в Урфе я поднялся в крепость, обошел ее из конца в конец. Долго простоял рядом с теми двумя столбами, откуда пророк Авраам был брошен в огонь, стоял и наблюдал за тем, что внизу. Через несколько дней Этхем сказал, что для отъезда все готово. Готовность означала сесть в сельский автобус и выехать. Я сел в автобус, вместе с сельчанами мы вышли в одном приграничном селе. Я до сих пор думаю, правильно ли я поступил, сев в это современное транспортное средство. Самый важный вывод, сделанный мной, был таков: иметь дело с какими-либо интеллектуальными или физическими орудиями современности гораздо опаснее, нежели доверять свою судьбу богам Древнего мира. Ближе к вечеру начался второй этап подготовки. Курьер по имени Джехни поднял нас, сказав: «Пошли!» Аскер, стоявший на посту, поднял маскировочную сеть и со словами: «Давай, земляк, поторопись», — пропустил нас; мы след в след пошли за Этхемом, и так нам удалось пройти минное поле. Действия, которые для всех, кроме меня, являлись привычными и ежедневными, для меня стали просто историческим и уникальным опытом. Я был подготовлен даже меньше, чем Дон Кихот. Моим единственным помощником был Этхем. Я старался снова приобщить к вере страну, которую тысячелетиями ранили и калечили нимроды. Речь шла о народе который доведен до грани отрицания, гибели и полного уничтожения. При этом процесс отрицания курдской идентичности и стремление полностью уничтожить курдов был настолько непреодолимым, что не оставалось даже идолов, которым он мог поклониться. Сокрушенные идола были идолами современности и имели иностранное происхождение.

После двухмесячного путешествия, подобно пророку Аврааму, я оказался среди палестинцев. Начались дни без языка и без переводчика. Это были дни, когда ничто, кроме важности цели, не могло помочь мне выстоять. Если бы не самоотверженность Этхема, все мои усилия были бы равны нулю. Великое значение организации и связей, предназначенных для нового общества, могут понять только те, кто пережил подобного рода испытания. В рядах РПК я пережил истину, значение и реалии которой осознаны менее всего. Эти связи, возможно, более важные, нежели митинги на площади, тем не менее о них позабыли. Эти связи совершенно не были долж-

ным образом оценены, их использовали неподобающим образом, без благодарности. Если честные товарищи заплатили за это очень дорого, трагическими потерями, то некоторые хитрецы так и прожили, бравируя дешевым героизмом. Род Авраама пережил в пути очень большие трудности. Мы тоже вели за собой своего рода современное «племя». Трудности были на том же самом пути, вероятно, даже в тех же самых местах. Наш исход чем-то напоминал исход пророка Моисея из Египта. Впрочем, мы были как одно племя. По пути Урфа—Алеппо—Дамаск—Иерусалим—Египет еще со времен Шумера и египетских фараонов, должно быть, тысячекратно переживалась одна и та же история. На мой взгляд, история человечества еще с тех времен, когда первые сообщества людей вышли из Африки и направились в сторону Азии и Европы и по настоящее время предопределена именно этой тропой. Мой, наш исход тоже не был случайным, он стал одним из исходов, который предопределен всеми ключевыми моментами истории.

Если попытаться оценить период 1970—1980 гг., помимо идеологических и политических критериев, еще с точки зрения литературного взгляда, а также подчеркнуть связь с конкретной жизнью, то это станет хорошим дополняющим фактором. Если не устанавливать связь идеологических и политических движений с искусством, в первую очередь литературой, более того, если не смотреть на это с эстетической тщательностью, то все дальнейшее будет таить в себе серьезные недостатки. Более того, это может быть болезненным. Истина раскрывается не только идеологическими и научными методами, а если даже и раскроется, этого будет недостаточно. Такого рода раскрытие должно считаться искажением, несущим на себе следы современности. В последующих главах я подробно остановлюсь на этом, но скажу, что пока не перестанем рассматривать личность эпохи современности в одном-единственном аспекте — экономист, политик, идеолог, академик, воин, работник, ученый, интеллигент и пр. — не удастся развернуть основательную и целостную, соответственно, успешную борьбу против современного капитализма. Пока оснащение революционных выступлений, личностей и организаций не будет носить цельный характер, пока не будет установлена связь с историко-социальной культурой, ее современными состояниями, и пока они не войдут в плоть и кровь, мы

неизбежно будем попадать в капканы либерализма. Современный капитализм уничтожает своих соперников при помощи идеологического и теоретического оружия, которое содержит либерализм. Либеральная личность или жизнь считается очень естественной и свободной. Но ведь такая жизнь более догматичная и односторонняя, нежели наиболее жестокие религии. Основная причина того, что исход РПК не столкнулся в полном объеме с подрывной и ликвидаторской деятельностью, не был полностью ликвидирован, как примеры социалистической системы, заключается в том, что РПК осталась всецело преданной социальной истине, смогла объединить в этой же целостности теоретические и практические шаги, содержащие определенную новизну. В итоге такого рода исход и подход способствовали тому, что против элементов современного капитализма стали развиваться элементы современной демократии, являющейся его альтернативой. Рано или поздно целостность жизни предотвратит любые попытки принижения революционных выступлений до уровня физических акций или каких-либо единичных факторов. В условиях подавляющего дисбаланса сил цивилизации и современного капитализма, которые находятся за рамками эпохи и современности, борьба за свободу духа и мысли расцвела и плодоносит в расщелинах скал.

Б. ОПЫТ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ РПК

То, что ядро РПК было заложено в Анкаре, стало типичным отражением классической колониальной политики. В мире было множество примеров, связанных с взаимоотношениями между колониями и метрополиями. Я постарался рассказать о том, как сложным был исход из Анкары. Ясно, что этот процесс был одним из самых трудных. Трудности исходили не от грубой силы, а от специфического характера «белого» турецкого фашизма, его удушающей культурно-психологической обстановки. Насколько тяжело попасть в Анкару, настолько же тяжело покинуть ее. Очень важно, на какой культурной и духовной платформе осуществляется исход. В обстановке чудовищной победы интеллектуального геноцида оживление курдского национального движения подобно воскрешению покойника из могилы. В этой обстановке на ум приходило высказывание: «Надежда теплится в живой душе». Основной нашей задачей было выходить «больного», проявляющего признаки жизни, обеспечить его выздоровление в другой обстановке. Наше состояние в Урфе было похоже на болезнь пророка Ионы. Нам не оставалось ничего иного, как покинуть Родину. Выбор наиболее жаркого региона Ближнего Востока как сферы стратегической деятельности был принципиально связан с нашей целью. Многие близкие нам силы совершили свой исход в сторону Европы, но она давно уже перестала быть центром революционной борьбы. Европа была в роли родителей современной Турции, вырастивших ее на свою же голову. Революционеров, которых в Турции хотели воспитать грубыми пинками, в Европе привели в себя при помощи психологического лечения. В Европе можно было работать, но Европу нельзя было рассматривать как стратегический центр деятельности.

Наш первый год прошел в заботах о решении тыловых вопросов, реорганизации и сбора группы. Отложив на будущее подробный рассказ об этом, сейчас скажу, что тогда для нас играла важную роль

правильная оценка условий нового места и времени. РПК в Турции и Курдистане 1970-х годов имела сугубо идеологический характер, она усвоила национально-государственную идеологию социалистической системы. Демократические особенности были заложены в ее потенциале. У нас не было сил бороться с ревизионизмом, засевшим в социалистической системе. Мы могли успешно сражаться лишь с примитивными националистическими и социал-шовинистическими идеологиями. В новых условиях места и времени Ближнего Востока для этого не было ни необходимости, ни условий. Условия требовали того, чтобы внутри страны была боеспособная РПК, а на внешнем фронте следовало строить союзнические отношения с другими организациями и государствами социалистической системы. Идеологически обоснованная партия РПК, несмотря на наличие определенной двусмысленности в идеологии, подавала более чем серьезные надежды на свободную жизнь. Но идеологических обещаний никак не могло быть достаточно для свободной жизни. Поэтому приниженная ипостась РПК стала просто обязательным этапом. Без учета вооруженной борьбы нельзя было и думать о какой-либо свободе; что там говорить о свободе, если мы не смогли бы обрести даже собственную идентичность... Наши мечты в Анкаре были далеки от свободной жизни, мы тогда мечтали всего лишь о том, чтобы наш народ назывался собственным именем. Даже это было сопряжено со значительной опасностью. В итоге, хоть и с риском, но курдская национальная идентичность обрела свое имя. Второй важный шаг заключался в том, чтобы не повторять того, что было ранее достигнуто. Надо было вступать в борьбу за свободу идентичности.

Основная проблема, стоящая перед нами, в значительной степени носит философский характер. Основной философский вопрос — это связь идентичности со свободой. Может ли существовать народ без свободы? Могла ли существовать свобода в индивидуальном смысле без свободы общественной идентичности? Если нет положительного ответа на эти два фундаментальных вопроса, то тогда придется осмыслить связь между действием и свободой, иными словами, между волей и свободой. Способ эксплуатации и подавления курдской нации не похож на подавление и эксплуатацию, например, какого-либо европейского национального государства. В отношении курдов применяются методы долговременного

и распространенного во всех сферах культурного геноцида. По этим методам еще применяются на практике, не может быть и речи о существовании или идентичности. Что касается свободы, то она возможна только для современных элементов господствующего национального государства. Там тоже подавляющее большинство граждан находится в состоянии современного рабства. Что касается курдов, то, будучи раздробленным, народ теряет свое бытие и само сознание, его просто-напросто уничтожают. С этой целью задействованы всевозможные орудия ассимиляции и геноцида. Речь идет не просто о политическом давлении и экономической эксплуатации. Исторически-социальное бытие, собственная идентичность переживают процесс уничтожения и забвения. Итак, не могло быть и речи о завоевании свободы путем политической и экономической борьбы европейского типа. В Европе даже нет необходимости в борьбе за существование. Если там идентичность и находится в угнетенном состоянии, то, за небольшим исключением, нет никакого уничтожения и забвения. Сколько бы ни говорили о том, что нет никакой ценности в собственной идентичности без свободы, все же очень важны существование и идентичность.

В случае с курдами ситуация иная. Происходит отрицание факта существования нации и самосознания, а над оставшимися частями народа нависла угроза полного уничтожения. В такой ситуации существование и идентичность становятся тесно переплетенными понятиями. Без одного не может реализоваться другое. Если народ хочет обрести свободу, он должен заслужить свое существование, если хочет существовать, то обязан обрести свободу. Несмотря на то, что в процессе отрицания и уничтожения народа в действие пущены все психологические и культурные средства (идеологические механизмы), основные методы основаны на применении физической силы. Армия, полиция, отряды специального назначения в борьбе с повстанцами, фашиствующие боевики в штатском, охранники и агенты-боевики осуществляют свою деятельность, опутывая своей сетью все ячейки жизни. За ними стоят НАТО и прочие союзнические силы. Силы, направленные на физическое истребление, базирующиеся на историческом прошлом, по меньшей мере, столетней историей, и стремятся использовать традиционные авторитарные и иерархические силы. Не принимая во внимание реали

той физической силы, не вступая в действие или в борьбу против них, нельзя ни обрести жизнь и идентичность, ни обрести свободу.

Некоторые незначительные выступления курдских коллаборационистов современного периода, ведомых буржуазной корыстью, примитивные националисты и турецкие социал-шовинисты, сотрудничавшие с национальным государством, говорят об общей и единственной освободительной борьбе, не особо обращая внимание на систему отрицания факта существования курдов и уничтожения курдской идентичности, а также методы и средства насаждаемого геноцида. Даже если были бы честными, они, тем не менее, сыграли более негативную роль, нежели силы, отрицающие и уничтожающие курдов, потому что объективно игнорировали факт приращения геноцида. Они считают, что смогут обрести самосознание и свободу с помощью своих лживых и демагогических речей. Они как будто побуждают всех воскликнуть «аминь» несовершенной критике. Стремятся вылечить бытие, находящееся на грани уничтожения и забвения, например, вылечить раковую опухоль таблетками аспирина, иными словами, просто хотят убить больного. Они годами испытывали эти методы, и результаты налицо. Не переставая лгать, считают, что с помощью идеологической и политической борьбы они смогут отстоять собственную идентичность и свободно прожить, как будто обладают совершенно несуществующими правами и свободами человека. Более того, с помощью пропаганды они стремятся ослепить разум и волю народа.

Ясно, что условием совместного отстаивания жизни, идентичности и свободы является борьба против методов системы уничтожения и забвения с помощью таких способов, которые способны сломить их влияние, пусть это и будет несколько иной борьбой. Идеологические и политические средства необходимы, тем не менее, в существующих условиях не могут иметь определяющий характер. Они могут обрести влияние только после того, как при помощи революционных средств и методов будет ограничено действие способов уничтожения и отрицания — только тогда это влияние будет играть главную роль. Впрочем, данная действительность и стала основной почвой, на которой произросла мощная народная поддержка исходных шагов РПК; иными словами, это ведение борьбы с помощью мирных путей и средств. Развернутая изначально антиколониальная

национально-освободительная борьба, несмотря на наличие некоторой неопределенности, в стратегическом смысле содержала важные истины и именно поэтому пользовалась поддержкой. Опять же, некоторые ограниченные шаги, сделанные в этом стратегическом направлении, были встречены с чрезвычайным интересом и поддержкой. Если проецировать это на арену Ближнего Востока, можно сказать, что в отношении вопросов жизни и свободы велись такого рода дискуссии. Некоторые события подвергались критике, проходил поиск более правильных и новых стратегий и тактических ходов.

1. РЕВОЛЮЦИОННАЯ НАРОДНАЯ ВОЙНА, ЛИКВИДАТОРСТВО И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Мы изначально не сомневались в революционной народной войне, без которой не могло быть речи ни об идентичности, ни о свободе. С этой целью мы сразу же постарались сконцентрироваться на функции силы в историческом социуме. Впрочем, представители «голой» силы были наготове, ежедневно и ежечасно вынуждая почувствовать свое присутствие. Насильственное завоевание считалось не просто правом на господство, но и велением Аллаха. В целом те, кто установил власть над Курдистаном, опирались на идеи, которые были не только традиционными, но и базировались на современных факторах. Курдистан был страной (или географическим регионом), которая была давно уже завоевана. Так что, по мнению завоевателей, веление Аллаха было исполнено. Когда речь идет об элементах современности, то для обсуждения права господства дополнительные мотивировки совсем не нужны. Законы максимальной прибыли и необходимости развития промышленности требовали наличия широких территорий и рынков. Национально-государственное понимание власти основано на теории силы, поистине неделимой и неразделимой с другими. Это утверждение о незыблемости границ государства, когда нельзя отдать никому даже камешка со своей земли. Некая божественность, которая сотворит все, что пожелаешь, точнее, божественность национального государства, сделала неоспоримой саму себя, возвеличившись в тысячу раз больше, нежели древние божества, превратившись в централизованную силу, однородное общество, абсолютное понятие рабов-граждан и сингулярность ю

всех отношениях («единая родина», «единый язык», «единая культура», «единый флаг», «единый гимн» и др.). Малейшее обсуждение альтернативный тезис осуждаются как наиболее опасное преступление против «единства и целостности Родины», подвергается самому тяжкому наказанию. В обстановке, когда эти условия дали о себе знать и утвердились, утверждение малейшей альтернативной идеи было возможно только путем самозащиты в форме применения силы. Это не обсуждалось. Споры касались стратегической и тактической необходимости. Наконец, в период исхода РПК средства самозащиты применялись без каких-либо опасений. РПК должна была организоваться в виде ополчения, в противном случае не существовала бы ни дня. Если и выстояла бы, то не отличалась бы ничем от других сил и не убереглась бы от уничтожения.

Были изучены все революционные народные войны того периода. В частности, особенно тщательно был исследован опыт Вьетнама и стран Африки. Национально-освободительные движения этих стран добились больших успехов в условиях ожесточенной борьбы между странами социалистического лагеря и гегемонистскими силами эпохи. Национально-освободительная теория подтверждалась многочисленными примерами. В таком случае для Туркестана, являвшегося, по сути, колонией, неизбежным было ориентирование на данную модель национально-освободительной войны. Это был тот способ ведения войны, который оставил отпечаток на всем процессе, длившемся от деятельности в виде группы до подготовительных мероприятий во всем регионе Ближнего Востока. В документах всех учебных собраний, конференций и съездов революционная народная война была во главе наиболее изучаемых, обсуждаемых тем, по которым принималось больше всего решений. Практическая подготовка тоже проходила в таком направлении.

Репрессивные меры после военного переворота 12 сентября 1980 года, ужасающие пытки, примененные к людям, брошенным во все тюрьмы, в первую очередь, в тюрьму Диярбакыра, и условия жизни общества, превращенного в сплошной концентрационный лагерь, требовали незамедлительного стратегического решения. Властями был запущен механизм смертной казни. В ответ на это начались срочные голодовки. Наступило время протестов в любой форме — история не простила бы промедления. Впрочем, действия в

рамках самообороны даже и не приостанавливались, они продолжались, иногда замедляя и ускоряя свои темпы. Необходимо было развить эту активность до более высокой точки. С этой целью осуществлялась достаточная подготовка. Чрезмерное ожидание и затягивание стратегии народной войны, проводимой собственными силами, было бы сродни оппортунизму. Руководимые этими мотивами, еще до переворота 12 сентября, в июле 1980 года мы отправили в Курдистан первую группу во главе с Кемалем Пиром и Миллалом Коркмазом. Позднее, через Иран и Ирак будут переходить другие группы. Так, 1982 год, ставший критическим (в частности из-за пыток и бессрочных голодовок в Диярбакыре), должен был на мой взгляд, стать годом нового подъема. Мы сдвинули центр практического наступления в Курдистан, в регион Лолан. Начало наступления ждали оттуда. Давно уже были установлены необходимые контакты и завершена переброска сил. Ожидания были объективными и реалистичными. Люди, выполнявшие там роль руководителей, заняли в отношении меня позицию, схожую по смыслу с «правым» уклоном, и я до сих пор не могу в полной мере осознать их мотивы. Вся их деятельность сводилась к полному повторению или копированию, процесса подготовки на Ближнем и Среднем Востоке. Это — первое серьезное заблуждение, влияние которого ощущается и по сегодняшний день. Мои беспокойства возросли, я начал первую серьезную критику; критические замечания можно видеть во многих речах и директивах. Наконец, в январе 1984 года на центральном собрании я подверг самой серьезной критике и осудил происходившие тогда процессы.

Выступление 15 августа того же года было осуществлено с большим опозданием, не очень умело и в стиле, совершенно не отвечающем уровню проведенной нами подготовки. Важнее самого действия был его исторический и современный смысл, это сделало неизбежным влияние упомянутого выступления на тот период. Турецкая армия, готовая к подавлению обычных курдских восстаний в Курдистане, была не в состоянии, используя принятую стратегию и тактику, сразу же задушить это выступление. Армия неизбежно не смогла бы ничего противопоставить повстанческой тактике народной войны. Первые же события подтвердили это. Но что говорить о профессиональном использовании партизанской тактики в народ-

ной войне, если наше командование не могло принять даже самые вынужденные меры! Любой исторический шанс, любое выступление могло быть сведено к нулю. Люди, осуществлявшие практическое руководство внутренними структурами партии, не желали обременить себя какой-либо ответственностью. Несмотря на установки, данные руководством организации, они самовольно пошли по пути работы в составе мелких групп. На эту опасность впервые обратил внимание Махсум Коркмаз. После нашего выступления я очень обстоятельно поговорил с ним, напомнил ему о его ответственности, после чего снова отправил его в Курдистан. Арест Кемаля Пира, а также гибель Махсума Коркмаза, обстоятельства которой, на мой взгляд, еще требуют выяснения, ослабили шансы на успех нашего выступления. В связи с этим мы вызвали к себе всех, кто отвечал за практическое руководство акцией. Я был настолько зол на них, что, собрав съезд 1986 года, хотя не видел необходимости полного участия в нем, отправил многих из этих руководителей в Европу. С 1987 года по 9 октября 1998 года, до того времени когда покинул Сирию, я лично готовил и реализовывал непрекращающиеся акции, стараясь вывести на чистую воду навязанный нам оппортунизм, а также ИТЕМ и подразделения спецназа, которые очень хорошо этим пользовались. В борьбе было достигнуто постоянство и увеличение мощи. Но эти усилия не могли бы сами по себе обеспечить победу, они могли бы только свести на нет планы оппортунизма и сил специального назначения. Так оно и получилось. К концу 1998 года власти так и не смогли задуть наше выступление, разросшееся в стихийную революционную народную войну. Но и мы были очень далеки от ожидаемой победы. Если вкратце остановиться на внутренних причинах этого, то можем сказать следующее:

а. Стратегия и тактические особенности революционной народной войны уже с первых шагов были отброшены в сторону. Касаясь своего пребывания на Ближнем Востоке, скажу, что это соответствовало стратегическим задачам революционной народной войны, которая была развернута, вероятно, впервые за всю современную историю Курдистана. Состояние стабильности, которое я взялся обеспечить, было достигнуто, и поэтому делало недопустимым какое либо давление на меня; эта ситуация характеризовалась не уступками в народной войне, а созданием благоприятной обстановки и позиции для ее

победы. Так, нами было достигнуто очень благоприятное стратегическое положение. Условия были очень удобными как с точки зрения создания стратегических связей для развития народной борьбы, так и, в особенности, для обретения тактической поддержки в плане обучения и тылового обеспечения. Объективная оценка этих условий стала правильным шагом и имела историческое значение. Задача всех групп, как старых, так и недавно заброшенных в страну, была не создание штаба, который взял бы на себя аналогичную роль. Это стало бы совершенно ненужным шагом и свело бы на нет все подготовительные мероприятия. Лагеря в Лолане, Хакурке, Гаре, Зане, Метине и других областях не смогли бы сыграть роль Бекаа; они могли бы обеспечивать только тактическую поддержку. Но у них не было для этого ни сил, ни мотивов. Кроме того, они могли бы просто воспользоваться войной между Ираном и Ираком. С аналогичной точки зрения можно правильно рассмотреть и конфликты между ПСК и ДПК; также следовало бы это использовать, оценив в соответствии со стратегией и тактикой революционной войны. Оппортунизм проявлял себя, как правило, в свете этих отношений, не сделав ничего, кроме подражания нашей позиции в Бекаа, причем подражание было запоздалым и недостаточно плодотворным. Объективно, наши силы были поставлены на службу Ирана, Ирака, ПСК и ДПК.

По сути, все взаимоотношения с этими силами, которые можно было бы использовать для революционной народной войны и которые могли бы способствовать большому прогрессу, усилили влияние правого уклона в наших рядах. Наши силы по горло увязли в болото безответственности, чего я совершенно не ожидал. Вокруг царили взаимоотношения, которые, с одной стороны, были «спутникового» типа, с другой стороны, носили совершенно безответственный характер. Штаб в Лолане оказался в плену эйфории по поводу того, что начнет отсчет истории чуть ли не со своей деятельности, игнорируя историческую работу, проведенную в Бекаа. Группы, направленные в Северный Курдистан, не смогли придумать ничего умнее, чем панибратские отношения, и совершенно не приняли никаких мер, видя, что многие бойцы были убиты активистами ДПК, раньше воевавшими в спецподразделениях. Отряды повстанцев, которые могли бы спокойно расти как снежный ком и в Южном, и в Северном Курдистане, сами собой превратились в группы, где царили ра

народ и шатания. Они действовали с одной лишь целью — раздобыть себе пропитание, а многие, приняв правила опасной игры, просто становились объектами охоты. В обстановке противостояния ДПК и ИСК можно было спокойно развить революционную инициативу и сделать исторический шаг, можно было вывести народ из-под контроля этих сил и направить его на освободительную борьбу, подготовив его к отпору любым попыткам уничтожения, но под видом посредничества они просто медленно шли навстречу своей смерти. Как видно в случае с гибелью Мехмета Карасунгура, они потерпели стратегическое поражение. До 90-х такие взаимоотношения не только не позволили оценить эту историческую возможность, но и спровоцировали серьезный уклон вправо. Выступление 15 августа могло бы быть в десятки раз эффективнее, но оно было реализовано плохо, из рук вон плохо, как будто руководствовались соображениями — пусть, мол, друзья увидят, что мы что-то предпринимаем.

Система штабов, как сотканная из лоскутов, во внутренних областях Северного Курдистана, в первую очередь в Ботане, повторялась как третьестепенная версия оригинала. В отношении наших кадровых возможностей и очень ценной поддержки народа — в первую очередь это замечательные, бесстрашные кандидаты на роль партизанцев, подготовка которых стоила колоссальных усилий и трудов — строились самые низкие расчеты в духе «князей войны». Каждый так называемый вышестоящий командир строил свои расчеты для продвижения на самый высокий командный уровень, не останавливаясь перед тем, чтобы подставить подножку своим конкурентам. Вся проблема была сведена к следующему: кто станет самым влиятельным? Многие занимались тем, что строили свои прагматические расчеты в отношении очень значительных средств, оружия, связей и денег, которые до той поры даже во сне не могли видеть. Они дали волю своим низким наклонностям, которые проросли на вековых корнях, но нынче просто сорвались с цепи. Народная война, способная достичь своего пика, вследствие этих расчетов была почти сведена на нет. Очень уважаемые, честные, смелые и самоотверженные кандидаты в партизаны стали жертвами такого рода подлости, безответственности и неисполненных обязательств. Народ тоже постепенно превращался в охранников и попал под влияние подразделений турецкого спецназа. Он не просто

попал под их влияние, но, как подарок, был передан под контроль врага. Все группы, связи, деньги, транспортные средства мобилизовались для содержания и охраны так называемых командиров и их приближенных. Начатый сверху уклон вправо найдет по цепной реакции свое отражение в поведении каждого ответственного лица из самых нижних рядов. Все наши предупреждения и критические замечания были сведены на нет теми, кто обладал таким сознанием и претворял в жизнь подобное мышление. Бандитские группировки («четверки», «тройки», «одиночки»), которые позднее возникали чуть ли не во всех регионах, появились не в один день. Изначально существовавший правый уклон сыграл определяющую роль в том, что число предателей, впоследствии толпами откалывавшихся от нашего движения, в 2002–2004 гг. превышало тысячи.

6. Гораздо более разрушительно отразился на стратегии ведения войны правый уклон, который раскрылся на таких примерах в сфере командования и организации. Те, кто мыслил именно в таком ключе, впали в эйфорию по поводу того, что могут развернуть народную войну, и, защищая свои позиции, прибегли к тем методам, которые оказались гораздо противнее, нежели методы, используемые агентами врага. На этой почве, планируя совершенно бессмысленные операции, они отправляли на верную смерть наиболее ценных кандидатов в партизаны, они даже опустили до такой степени, что стреляли в спину честным командирам, которые могли развернуть партизанское движение. В частности, «банда четверых» (Шемди Сакык, Шахин Балич, Халил Кая — «Слепой Джемал» и Джемил Ышык — «Хогыр»), в этом плане стали просто «мастерами» своего дела. Главари банды способствовали убийству сотен дорогих нам товарищей во время «допросов с пристрастием», мотивируя это тем, что якобы «устанавливают агентов». Многие сбежавшие в дальнейшем главари банд, такие, как «Портной Джемал» (Али Омюрджан) и «Доктор Сулейман» (Саит Чюрюккая) превратились в Молох, пожирающий наших активистов и бойцов. Подобно черным дырам, они поглощали все положительные и светлые особенности движения. Вместо того, чтобы разворачивать народную войну, они стали элементами, всячески препятствующими борьбе, но при этом не уступали самым отпетым элементам турецкого спецназа. Я не думаю, что они в своем подавляющем большинстве были агентами

га. Агентами могли быть некоторые из них. Я думаю, что бандитская деятельность большинства из этих людей сформировалась на почве морально-психологического воздействия обстановки, стала следствием правого уклона, недостаточной веры в наше дело и тяжести неисполненных обязательств.

Несмотря на то, что в зоне моей ответственности было множество таких же, или аналогичных им элементов, моя последовательная революционная и ответственная позиция по меньшей мере превращала их ежедневную разрушительную практику. То, чем они занимались, — не народная и не партизанская война, а примитивный бандитизм. Их подрывная деятельность без связи с каким-либо общим объектом была направлена против их же самих. Совершением некоторых акций они мотивировали перед организацией необходимостью самозащиты. Но дело в том, что эти акции, в которых они принимали совершенно никакого личного участия, они осуществляли, используя наиболее самоотверженных и храбрых кандидатов партизаны, в конечном счете, просто пожертвовав ими. Каждый из них сплетал какие-то сети, охранявшие их самих и удовлетворявшие их омерзительные желания. Всякий, кто прикасался к этому, просто сгорал. Силы, которые мы направляли к ним для принятия мер, погибали на полпути, например, как это было в случае с убийством товарища «Харуна» (Хусейн Озбей) и его группы в Сасоне. Все происходящее вышло за грани национально-освободительной войны, превратилось в примитивные распри между классами, семьями и межличностные столкновения за узкие интересы. Именно так погибала свобода, так уничтожалась возможность ее обрести. Несомненно, агенты оказывали влияние, втирались в наши ряды и занимались подстрекательством, но это не играло определяющей роли. Определяющим было то, что они строили расчеты, направленные на саботаж того стиля борьбы и жизни, который предлагала революционная народная партия, пытались удовлетворить свои эгоистичные классовые и личные интересы, стремились рано или поздно узурпировать роль лидера. Они считали, что у них появилась такая возможность, и не брезговали тем, чтобы воспользоваться ею в конце ради своих классовых и семейных интересов.

От противостоящих элементов, в частности, правых уклонистов, можно было ожидать, что они могут устремить свои взоры на кол-

лективное руководство, которое не продемонстрировало умения принимать практические меры, и стали бы преследовать тех, кто борется за товарищеский образ жизни и борьбы. Именно это и происходило. Если несвоевременно, недостаточно и неправильно заполнить вакуум в политической и организационной сферах, как это подтверждает история революций, то этот вакуум будет заполнен противниками революции, демагогией и замаскированными позициями. Этот закон революции действовал. Контрреволюционные элементы и группы, ликвидированные в Курдистане, стоявшие перед ними соглашательские классовые тенденции и личности, вдруг оказались на креслах в рядах РПК и как будто мстили свободной курдской идентичности. Такого рода явления в курдской идентичности имеют исторический характер, они просто проникли в высшие слои общества, но остаются предателями, ищущими повод для своих деяний. Они не преминут внезапно продемонстрировать свое истинное лицо в самых неожиданных случаях. Достаточно лишь того, чтобы время и место благоприятствовали их интересам. Для того чтобы сорвать с них эти маски, еще в начале 80-х гг. я провел содержательный анализ личности, идентичности и классов, но результат был недостаточным. Те же элементы принимали всяческие меры для того, чтобы мой анализ не был претворен в жизнь. Самыми распространенными методами их деятельности стало недопущение применения моих разработок во время обучения, и они часто скрывали, а порой просто теряли их.

в. Они сделали так, что революционная народная война перестала быть борьбой народа, они превратили ее в войну, где сила применяется против самого народа и устанавливается правление над народом. Народная поддержка, которой было достаточно для победы народной войны, при помощи невероятных провокационных методов была развернута в противоположную сторону, и многие круги увидели выход из положения в примыкании к антагонистическим силам. Выходцы из народа, которых можно было легко обучить и организовать для участия в нашей, народной борьбе, можно было превратить в армию повстанцев, совершенно не были обучены и организованы, по отношению к ним не применялись правильные формы обучения и организации, и их превратили в источники продовольственного обеспечения. Спецподразделения турецкой

рами, воспользовавшиеся этой возможностью, прибегнув к некоторым преступным акциям устрашения, очень быстро вынудили население примкнуть к ним. Миллионы жителей тысячи мятежных районов были изгнаны из родных мест, имущество их было экспроприировано, а голодные сельчане превратились в потоки миграции в сторону метрополий. Они осуществили одну из самых масштабных в истории операций по ликвидации целого народа. Было совершено больше десяти тысяч преступлений. Они аннексировали имущество народа, посягнули на его честь.

Руководители партизан, оказавшиеся в плену правого уклонизма, предатели-сельчане, которые были еще хуже них и не могли сделать ничего, кроме удовлетворения своего примитивного «я», а также всеобуржуазные шарлатаны наблюдали за этими актами геноцида; кроме того, недостаточность и ошибочность их практических действий во многом способствовали таким мерам. История знает крайне мало примеров того, чтобы люди столь бесчувственно и бесчестно относились к своему народу, оставаясь столь слабыми перед лицом массового истребления, которому подвергался народ. Если бы у нас было несколько повстанческих групп, которые могли бы мгновенно предпринять решительные, необходимые и революционные тактические шаги, то можно было бы спокойно создать армию численностью в пятьдесят тысяч повстанцев. Но те, кто должен был сделать это, даже руки не протянули народу, оказавшемуся на грани истребления. Они не сделали никаких ответных шагов против пыток, арестов и насилия. Сотни молодых людей, желающих присоединиться к повстанческому движению, были убиты в пути. Эти руководители предали всех, не проявляли никакого интереса ни к кому, кроме группы, призванной охранять и обеспечивать их интересы. У правоуклонизма тоже были свои критерии. Сложилась реальность безответственных людей, сломленных, потерявших облик вследствие этой безнадежности, или самовлюбленности, совершающих такие поступки, которые не уместаются ни в какие рамки понимания. Они, в конечном счете, стали отбросами преступников, насаждающих неприятие и убийство. Болезнь оказалась гораздо глубже, но и метод лечения должен был иметь более глубокий характер.

1. Тактика партизанского движения была совершенно отброшена в сторону. Повстанцы по-донкихотски атаковали самые мощные

и неуязвимые в плане атаки посты жандармерии, теряли десятки людей, но даже в мыслях не было прибегнуть к таким действиям, которые позволили бы достичь максимальных результатов малой кровью. Не было продемонстрировано тактики запланированной народной войны. Противник задолго до боевых действий знал, что именно он должен сделать, и планировал свои действия в соответствии с этим. Повстанцы же, упустив свой преимущественный стиль «таинственного и внезапного удара», демонстрировали совершенно несвойственную партизанам тактику ведения войны. Они делали все то, что противоречит тактике нападения и защиты. Испытывались наиболее опасные и бессмысленные формы неуместных и несвоевременных наступлений и отступлений. Совершенно не задумывались о тех формах наступления и отступления, которые могли обеспечить значительный успех. Происходящее объективно носило на себе влияние контрпартизанства. Все происходящее было следствием так называемых «новых кадров», которые после отхода старых кадров от позиций партизанской войны, с 1987 года вдруг решили, что смогут взять в руки структуру организации. Они продемонстрировали полнейшую слабость и безответственность, что было гораздо хуже правого уклонизма, и даже не задумывались о таких вещах, как связь в организации. Весь их героизм сводился к тотальному контролю над всеми членами организации. Они прибегали к невероятным планам для того, чтобы даже взять меня под свой контроль или уничтожить, если контроль не представится возможным. Единственной их целью стал захват власти в РПК. Но что они собирались делать, узурпировав власть в организации? Думаю, что после полного разгрома каждый из них, взяв с собой пару, искал бы убежища в администрации Южного Курдистана или в правительстве Ирана. Если и этого оказалось бы недостаточно, то эти люди уехали бы в Европу, где удовлетворяли бы свои самые низменные инстинкты. Процесс ликвидации в 2002–2004 просто выявил эти реалии во всей их наготе.

Основные пункты этого списка можно перечислять и дальше, но я всего лишь хотел показать, что делалось под маркой народной войны. Оценивая тот период, когда в идеологии партии царил неопределенность в отношении национальной государственности, я все еще сохраняю веру в правоту стратегии народной войны и в то, что

она даст свои результаты. Революционная борьба народа была единственно правильной стратегией этого периода. Прочие методы неизменно способствовали бы геноциду. Основные тактические шаги в целом были правильными. Базирование на Ближнем Востоке, обучение и обеспечение тылового оснащения, переброска в страну, подготовка на временных базах и создание в этих целях тактических связей — все это было сделано достаточно правильно. Не было только практического руководства и стремления применять самую обычную партизанскую тактику. Вообще не говорю об уровне профессионализма, потому что даже самый обычный бандит при наличии такой силы мог бы добиться гораздо больших успехов. Много лет я пытался анализировать причины той ситуации, в которой мы оказались. Для того чтобы предотвратить последствия и влияние подрывной деятельности, я приложил столь же масштабные усилия — мы приложили их. Ошибка была не в связях с народом, ибо поддержки народа было достаточно для победной войны. Не было речи и о нехватке кадров и бойцов — их тоже хватало с избытком. Что касается средств, оснащения, логистики, территорий для базирования, то в стране и за ее пределами это все было в достаточном количестве, и условия были благоприятными. В период с 1980 по 1998 год я практически осуществил переброску не менее пятнадцати тысяч партийных кадров и партизан. Они были максимально обеспечены средствами и вооружением. Взяв на себя колоссальную ответственность, мы с большим трудом перебросили большую часть своих вооруженных сил туда, где были наши базы. Проблемы и заблуждения, а также факты предательства имели место позже. Все имеющиеся показатели дают основание полагать, что если бы не самовлюбленность, заблуждения и предательство, то можно было бы легко достичь определенного решения даже без обретения национальной независимости. Проведенной нами работы было более чем достаточно для этого.

В этом плане я и по сей день осуждаю себя; я продолжаю глубоко размышлять о своих недостатках и ошибках. Частенько я еще спрашиваю себя: должен ли был я взять на себя практическое руководство, то есть руководство внутри страны? Мне по сей день сложно ответить на этот вопрос. Сейчас я даже могу предположить, что руководство организации внутри страны невероятными усилиями стремилось заманить меня в страну и, тем самым, умышленно или

неумышленно, но объективно готовило почву для моей ликвидации, потому что мое пребывание вне страны разрушало вынашиваемые многими карьерные планы и цели нашей ликвидации. Я могу сказать, что они не принимали нужного участия в работе. Мое пребывание на Ближнем Востоке путало расчеты многих людей, как внутри организации, так и за ее пределами, путало расчеты многих сил и даже государств. Реакция на это внутри самой организации была такой, что они даже на минимальном уровне не выполнили своих задач, свели все к нулю. Я не обвиняю всю кадровую структуру и все внутреннее руководство. Не может быть сомнения в честности большинства из них. Усилия, с большой смелостью и самоотверженностью, проявленные подавляющим большинством партийных кадров и партизан, безусловно, имеют историческое значение и не обсуждаются, даже язык не повернется обвинять их. Впрочем, все, что достигнуто нами, имя победы, является плодом их колоссальных усилий. Проблема в другом: почему эти честные люди не смогли сказать «нет» такому количеству недостатков, которое довело многих до предательства. Часто критиковались идеологические и политические упущения, сыгравшие здесь свою роль. К ответственности призываются за то, что в течение стольких лет не было устранено обилие недостатков. Даже если бы я находился в стране, в этом отношении я не мог бы сделать ничего особенного, а из-за границы я смог оказать большую поддержку. Они постоянно располагали необходимыми средствами в письменном и устном виде (переговоры по рации). В таком случае проблема заключалась не в том, что я был за пределами страны. Я обозначу роль внешних факторов в виде основных пунктов, но определяющими являлись внутренние факторы.

Я по сей день уверен, что если не будет принято решение на почве демократической политики, то стратегия революционной народной войны должна быть испытана в качестве основного средства обретения идентичности и свободы. Я верю в то, что решение проблемы возможно при помощи демократической политики. Единственно необходимое для этого условие заключается в том, чтобы правительства (силы, определяющие власть) Турции, Сирии и Ирана продемонстрировали решимость для выработки политического решения. В противном случае на повестке дня окажется старая, но и по сей день сохраняющая свою новизну революционная народная

практика, и ее самая развитая форма — революционная народная война. Не вызывает сомнений и то, что революционная народная война, которая в прошлом подтвердила свой успех даже при заурядных тактических шагах, сейчас, обретя такой большой опыт, достигнет серьезных результатов. Результат будет неизменным даже при применении властями тактики геноцида. После стольких арестов и изоляции власти вряд ли могут надеяться на то, что существующие методы культурного геноцида будут ими успешно продолжены. Найдутся силы, заинтересованные в этих методах, но в таком случае последствия будут явно не в их пользу, и выразится это в гораздо более негативной форме. Настоящая проблема в данном случае заключается в правильном и достаточно последовательном выполнении требований народной войны, что не было сделано раньше.

2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ НАРОДНАЯ ВОЙНА И СОЮЗЫ

Любая революция — это союз. Во время революций сталкиваются не просто две силы, но два мира. В идеологии революции наблюдается сущность развития мирового общества. В идеологии интреволюции действует то же правило; они действуют в рамках результата мирового опыта противостоящих сил. В политической действительности союзы имеют более конкретное воплощение. Актуальность политики делает более видимым наличие союзов. Появление идеологии РПК стало возможным благодаря социалистической системе. Но ведь социалистическая система — это действительность, которая четко обнаружила свой интернациональный характер. Даже семантика слова «интернационализм» включает в себя международную солидарность и союз. В политическом смысле РПК старалась обрести себя в условиях социалистической системы. То, что в национальных и международных условиях партия находилась на стороне социалистического лагеря, было предопределено изначально. Проблема обусловлена не пониманием теоретического союза, а связана с тем, как союз сформируется на практике. Стремление решить курдскую проблему в условиях турецкого социализма было правильным выбором. Нельзя умолчать о роли турецкого социалистического движения в выходе РПК на политическую арену.

Говорить о том, что без готовности турецкого социалистического движения к борьбе РПК сумела бы самостоятельно вступить в революционную войну, можно только на уровне версии. Стало быть, то, что революционные лидеры народов, чьи судьбы сплетаются под куполом одного государства, устанавливают союз прежде всего между собой, продиктовано требованиями их социальной природы.

Не может быть никаких споров по поводу теоретической базы солидарности турецких, курдских и прочих культурных групп. Вопросом обсуждений может быть только разрыв, переживаемый на уровне практической реализации этой солидарности. В данном случае значение имели силы, играющие подрывную роль, и предатели, ощутившие крах своих интересов и проникшие в революционное движение. Неумение соответствовать движению РПК, развивавшемуся в качестве части турецкого революционного движения, абстрагирование от этого движения возможно, только осознанно или неосознанно, агентами идеологии господствующей нации, проникшими в ряды революционного движения. Различное национальное и классовое происхождение отнюдь не является препятствием для союзов, тем более что союзы, будучи следствием этих различий, обретают гораздо большее значение. Минимальное единство в революционных целях требует возникновения союзов. Союз может существовать внутри одной организации, но может также реализоваться между различными организациями. То, что в недрах турецких демократических и социалистических движений не сформировались принципиальные и постоянные союзы, тесно связано с усилиями антидемократических и антисоциалистических сил. Социал-шовинистическая идеология позиционируется тем, что не может стать политической силой. Тактика изоляции и отчуждения, применяемая в курдской проблеме и в решении этой проблемы, связана с влиянием контрреволюции и политикой «разделяй и властвуй». Все эти реалии, переживаемые во время исхода РПК, сыграли роль фигового листочка; они выявили истинное лицо всех элементов, проникших в недра революционной борьбы. То, что социал-шовинистические группы после военного переворота 12 сентября почти приостановили свою деятельность, нельзя объяснить лишь политикой насилия и репрессий, осуществленной фашистами. Последовательность этих усилий и умение проявить

прогресс должны были быть только на руку курдской идентичности и освободительной борьбе, но это было бы возможно только при их решимости стать союзниками РПК.

Мы хотели еще раз продемонстрировать всем демократическим и социалистическим силам возможность реорганизации и направления на революционную борьбу РПК на Ближнем Востоке после 1980 года. С этой целью мы провели множество переговоров и собраний. Мы создали объединенную платформу сопротивления фашизму. Но когда очередь дошла до практических шагов, многие из этих сил гораздо раньше осуществили то, что впоследствии сделали ликвидаторы в наших рядах: они встали на путь сближения с Европой. Там они занялись тем, что уничтожили революционную сущность своего движения. В частности, главенствующие элементы из Рев-Путь приложили много усилий для того, чтобы вместе с революционной сущностью своей организации ликвидировать также революционный настрой РПК. Впрочем, у Рев-Путь было больше связей и возможностей, больше сочувствующих; кадровый состав и массовая поддержка со всех точек зрения были больше, чем у РПК. Если бы они приняли стратегию революционной народной войны, если бы были задействованы все эти связи и возможности, если бы действовали общими тактическими шагами, демократическое и социалистическое преобразование Турции обрело бы более прогрессивные масштабы, было бы на совершенно иной стадии. Подрывная деятельность, которую, в частности, лично осуществлял Танер Акчам, стоявший во главе европейского формирования Рев-Путь — организация «Революционный рабочий» — сыграла большую роль в ликвидации турецкого демократического и социалистического движения. Потянув за собой многие силы в Европу, это ликвидаторское крыло попыталось изолировать стратегию революционной народной войны РПК. Превращение полномочных представителей РПК в Европе в послушное орудие в руках упомянутых сил способствовало значительному разрушительному эффекту. Впрочем, после этого Рев-Путь так и не смог прийти в себя. Если бы эта группа, находясь на Ближнем и Среднем Востоке, проводила хоть какую-то борьбу, то при помощи революционного класса, намного превосходящего фашистскую силу ПНД, можно было бы сорвать социал-демократическую маску с лица РНП и превратиться в основ-

ную оппозиционную партию, противостоящую системе. В целом в мировой практике есть множество примеров такого рода. Более того, если бы эта группа вступила в союз с РПК, то могла бы стать передовой силой как в решении курдской национальной проблемы, так и в общем демократическом движении. Это не позволило бы создать условия для лживых шагов ПСР. Ликвидаторская тенденция умышленно отказалась от этого эпохального повода. Последовательным революционным социалистическим движениям следует очень хорошо изучить приведенную краткую историю. Мне хорошо известно, что указанная тенденция буквально пустила в расход замечательных представителей движения. Важно привлечь особое внимание к тому, что по отношению ко мне эта тенденция и по сей день продолжает свою грязную пропаганду.

Руководство Рев-Лев (Революционного Левого) движения тоже повело себя непоследовательно. Оно не стало базироваться ни Ближнем и Среднем Востоке и не развернуло революционную борьбу Курдистана по всей Турции. Руководство Рев-Лев не захотело развивать дружеские связи, не сумела действовать сообща. Если бы некоторые из членов этой левой революционной организации, в частности, Бедри Яаган, установивший с нами связь, и его группа, не были вынуждены перебазироваться в Стамбул и не были бы уничтожены, то действовали бы с нами по братски и сообща. Тогда можно было бы заполнить вакуум в революционном движении, образовавшийся вследствие деятельности Рев-Путь. Это движение могло бы стать самым сильным в стане революционной оппозиции Турции. Непоследовательность в области союзнической политики стала одной из причин их ликвидации.

Безусловно, ряд отважных патриотов и целые группы граждан турецкого происхождения, позиционировавшие себя как участники левого движения, были солидарны с борьбой РПК за интернационализм и свободу. Они выступали в союзе с РПК, в первую очередь — Кемаль Пир и Хаки Карер, а также многие наши товарищи турецкого происхождения. Как наиболее ценные активисты РПК до самой своей гибели они воевали на первой линии нашего фронта. В рядах РПК и по сей день есть многие товарищи турецкого происхождения. С самого начала они были верны идеям дружбы, союза с нами и сегодня хранят эту верность. Но подавляющее боль-

инство левых сил вынуждено было молчать под прессом идеологической и военной гегемонии «белого» турецкого фашизма или же стать пособниками этой гегемонии, как случайно, так и умышленно. Такое поведение, в сущности, означает, что некоторые слои современного турецкого общества забыли об участии курдов вместе с турками в битве при Малазгирте в 1071 году. Это сражение против Византийской империи заслуживает того, чтобы стать вечным примером. Упомянутые слои забыли о стратегических связях, сложившихся после той победы, или же вообще не желают осознавать эту связь. Опять же, такое поведение было обусловлено отрицанием исторического фундамента общей власти и совместной общественной жизнедеятельности во взаимоотношениях Анатолии и Месопотамии. Сторонники «белой» турецкой современности отсчитывают свою историю с момента геноцида курдов 1925 года, который был обусловлен их историческим и социальным мировоззрением, основанным на лжи и отрицании. Сторонники тюрко-исламского синтеза старого и нового периодов также отвергают все курдское и поддерживают ассимиляцию курдов. Это обусловлено паранойей ложной исламской уммы и братства. Они испытали влияние того же мировоззрения, которое привело когда-то к совершению геноцида. Верное историческое и общественное сознание подчеркнет наличие глубокой общности, отношений равенства и свободы между культурами Анатолии и Месопотамии в целом, а также турецкой и курдской социальными культурами, в частности. Оно подтвердит, что эти связи имеют жизненно важный и стратегический смысл.

Современное понимание тюркской идентичности, вместе со всеми правыми, левыми и центристскими элементами, разделяют аналогичные формы исторического и социального мышления. У них есть общее мнение относительно того, что однородная тюркская идентичность, история и общество являются священными и неизменными. Превратив традиционное религиозно-общинное мировоззрение частично в светский национализм, частично в тюрко-исламский синтез, выдвигая это, они построили идеологию, преимущественными сторонами которой являются ложь и отрицание. В современной турецкой идеологии тюрки — это изначально однородная и «вселенская» нация. По их мнению, тюрки всегда были независимы и свободны, стремились самостоятельно править миром, не опираясь ни на какие союзы, и де-

ляли это в течение долгого времени. Социальная структура тюрков — это единое, не терпящее какого-то разделения. Это нация завоевателей, общество, считающее статус воина высочайшей ценностью. Тюрки, с позиции этой идеологии, — сплошь чистая раса. По сути же, эта идеология, созданная под названием младотурецкой идеологии чужеземными, в частности, еврейскими идеологами-сионистами, как социально-историческая реальность совершенно не имеет никакой связи с традициями и культурой тюркского общества, или же последнее совершенно не принималась за основу. Это мифологический способ самовыражения. Жесткая классовая диктатура, созданная под маркой тюркской идентичности, скорее всего, является монополизмом современного элемента. Она была запланирована и построена как прототип Израиля. Так ими была сыграна гегемонистская роль в отношении прочих культурных и социальных этносов, сформировавшихся и отчужденных в современных условиях. Речь идет об искаженном, нигилистском и ассимилированном образовании, испытывавшем влияние как идеологически, так и под военной гегемонией. Все правые, левые и центристские взгляды, которые вместо истины истории и социального сознания впитывают в себя эту искусственную, нигилистскую, ассимиляционную идеологию убийства, не могут играть иной роли, являясь индивидуализмом, самодовольным и отчуждающим все шовинизмом, и эту роль они исполняют совместно. Гораздо страшнее их возвышение на волне официальной идеологии, навязывание всем от начальной школы до очагов академического образования, что делает крайне сложным освобождение от упомянутого влияния. Сюда же можно добавить и то, что стремление стать чиновником, найти работу, получить кредит, короче говоря, стремление быть принятым в лоно государства и блок господствующего класса, превращено в основное условие, поэтому было трудно избежать этих условий. В основе того, что оппозиционные силы остались в одиночестве и изоляции, не смогли установить дружеские и союзнические отношения, лежит эта искусственно созданная реальность.

Для того чтобы установить настоящую дружбу и союзы не только между курдо-турецкими демократическими и социалистическими силами, но и всеми социальными народными силами, в первую очередь, необходимо правильное историческое и социальное сознание. Без точного определения межкультурного обмена на протяжении

истории нельзя сегодня организовать справедливые, равноправные и свободные взаимоотношения и союзы; невозможно будет создать демократическую конституцию, способную стать наиболее конкретным воплощением этих связей и союзов. Для этого надо избавиться от индивидуалистического фашистского мышления турецкой современности, отрицающей также историю и культурные ценности самих турок, и надо принять поликультурную структуру общества и его богатую историю. Необходимо, чтобы политические силы, способные жить в дружбе и братстве, по меньшей мере тогда, когда их интересы будут сосуществовать в одной политической плоскости, испытывали взаимное уважение к историческим и социальным реалиям друг друга, принимали друг друга на почве равноправия и свободы, развивали долгосрочные, постоянные связи дружбы и союзничества. Это является основой актуальных объединений силы и практических акций, это сущность совместного создания демократического конституционного строя.

б. РПК стала партией, обретшей существование на волне подъема социалистической системы и основывалась на этой системе как идеологически, так и политически. РПК не только изначально позиционировала себя против правого уклонизма, проникшего в ряды партии, но сумела также продемонстрировать уважительное отношение к социалистической системе. Она всегда относилась критично, но по-дружески к социалистическим странам, в первую очередь, к Советскому Союзу. Партия сохранила свое принципиальное отношение к социалистическим движениям других стран. Она вывела курдскую проблему за пределы одного конкретного вопроса капиталистической мировой гегемонии, постаралась довести эту проблему до такого уровня, когда она стала частью мировой социалистической системы. Эта идеологическая линия была распространена по всему миру после исхода из страны в 80-е гг. Партия установила связи с Советским Союзом, который в те годы представлял социалистическую систему. Аналогичные связи были установлены с европейскими социалистическими партиями. Но по причине ревизионизма, оставившего свой отпечаток на системе в мировом масштабе, эти связи не удалось вывести на ожидаемый уровень; не удалось их развить дальше тактических и пользовательских целей. Не смогли преодолеть влияние корыстных интересов национально-

государственной модели в социалистической системе, взявшей за основу корыстные и эксплуататорские политические амбиции капиталистических национальных государств. Это тенденция, изначально господствовавшая над системой, не только ликвидировала социалистические завоевания, но и препятствовала альтернативному развитию интернационалистских отношений. Упомянутые связи были превращены в орудия реализации гегемонистских интересов.

Опять же, использование РПК этой почвы, точнее, то, что реально она действовала как интернационалистская партия, имеет большое значение. Приобщение курдского движения к демократическому и социалистическому содержанию, понимание и связь со стратегией длительной народной войны, обеспечение известности в мировом масштабе, а также подготовка к совместному существованию на почве равенства и свободы с соседними народами, в первую очередь, турецкими народами, — все это — итоги ее преданности принципам интернационализма. То, что во время распада социалистической системы партия смогла выстоять, свидетельствует о ее преданности сущности научного социализма. Она не ушла в сторону узкого национализма, подобно другим национально-освободительным движениям, сумела преодолеть характерную для начального периода идеологическую двусмысленность. Партия смогла развернуть успешную борьбу против национально-государственных и индустриалистских элементов капиталистической современности, оставивших свой отпечаток и на научном социализме. Преобразившись, она сыграла значительную роль в развитии парадигмы демократической современности как альтернативы современности капиталистической, а также в установлении четкой границы между собой и другими линиями. После 1980 г. РПК стала на Ближнем и Среднем Востоке третьей динамичной силой после Израиля и Организации Освобождения Палестины.

в. Важными были союзы, установленные РПК с политическими силами Ближнего и Среднего Востока и Европы. То, что РПК после 1980 г. выбрало для базирования самый горячий ареал Ближневосточного региона, связано с ее революционными особенностями. Этот район имеет стратегическое значение с точки зрения обеспечения постоянства революционной борьбой. Роль, отведенная Европе, оставалась на тактическом уровне. Это было правильным подходом и составляло суть союзов с национально-освободитель-

ими движениями, представлявшими собой важную динамику эпохи. Развитие национально-освободительных отношений между Сирией, Ливаном, Палестиной и Израилем означает установление тесной связи с наиболее горячей, кровавой и глубокой политической действительностью мира. Процессы, происходящие в течение около десяти лет именно в связи с этими отношениями, не только способствовали признанию курдской идентичности и освободительного движения в мировом масштабе, не только обеспечили признание в регионе, но и способствовали восхождению партии на стратегически новый уровень. Впрочем, эти отношения и сегодня сохраняют свое значение. Процессы, которым РПК способствовала в первую очередь, ориентировали Израиль на дружескую политику с блоком, противостоящим его стратегическому союзнику — Турции. Современные отношения между Турцией, Сирией, Ливаном, Палестиной способствовали более тяжелым для Израиля последствиям, нежели угроза РПК. Это подтверждает, насколько динамичной силой является РПК. Независимо от антагонистических позиций, взаимоотношения между всеми этими силами в конечном счете приводятся в действие динамизмом РПК. Тот же самый динамизм существует и в двойственных и тройственных отношениях Турция—Иран и Турция—Ирак—США. Не будь динамизма РПК, такого рода взаимоотношения не развивались бы в имеющейся ныне форме. Эти отношения своим существованием обязаны дипломатическому движению, которое пытаются соткать вокруг РПК. Революционная, демократическая и социалистическая суть, которая кроется в недрах РПК, вынуждает эти отношения власти к образованию таких блоков.

То же самое действительно и для взаимоотношений Турецкой Республики и ЕС. Сегодня причиной общих дискуссий Турецкой Республики и ЕС является курдская проблема и процессы, происходящие в связи с РПК. Подходы стран ЕС, в первую очередь, Германии и РПК заключались в том, что они приближали к себе такие организации, как Рев-Путь и другие, обладавшие революционным потенциалом, изначально демонстрировали положительные шаги, но они постепенно ассимилировали методом «мягкой силы». Эта форма отношений продолжилась длительное время. Но наше настойчивое стремление остаться на Ближнем и Среднем Востоке способствовало изменению методов, применявшихся этими странами. Сначала

выступили правительства некоторых стран, затем уже от имени все объявили РПК «террористом» и начали процесс изгнания. На обеих политических линиях — воспрепятствовать решению курдской проблемы в революционном, демократическом и социалистическом направлении. Вместо этого выдвигались тезисы «личных прав и свобод», ограниченные правами человека. Продемонстрировано двуличное поведение, будто бы личные права возможны и без общественных и коллективных прав. В отношениях с Турецкой Республикой такими методами хотели привязать к себе обе стороны, то есть и РПК, и Турцию. Стремясь угнаться за гегемонистскими связями, они избегали демократических социальных решений. Организации и личности, которых в угоду этому методу лишили революционной демократической и социалистической сути, после ликвидации РПК всячески пытались представить курдам и Турции как свои политические элементы. Их подготовили к определенным ролям в качестве некоей миссии. На протяжении тридцати лет (вместе с «Гладио» НАТО) ожидали успешного завершения этой ликвидационной программы, осуществив с этой целью колоссальные инвестиции. Кто-то во всем мире, хотели навязать Турции и Курдистану роль лидеров обновления после контрреволюции. Настойчивое объявление РПК «террористами» имело место не ради оказания поддержки Турции, было продиктовано личными интересами.

Этот план «курды-РПК», который был очень искусно подготовлен ЕС и выдвинут для реализации, осуществлялся с большей важностью, нежели кипро-турецкий ликвидационный план, но осуществлялся тайно и крайне серьезно. Строились важные расчеты с участием Турецкой Республики, они имеют место и по сей день. Применительно к отношениям между курдами и турками этот план имел такое же значение, что и соглашение Сайкса—Пико. Изыскиваемые Турцией пути решения проблемы без курдов и без РПК, односторонние разработки якобы в области прав человека являются следствием этих виртуальных и тайных переговоров. Поскольку не удалось ликвидировать РПК и курдское освободительное движение, эти переговоры превратились в пустые рутинные разговоры, как и в случае с отношениями между Израилем и Палестиной. Была попытка реализовать игры, аналогичные тем, что разыгрывались с курдами после Второй мировой войны (включая турецких социали-

...и членов исламской уммы). После того как были гарантированы собственные интересы, они не ограничивались только тем, что открывали глаза на вовлечение курдов в процесс геноцида; от империалистского модернизма до конца поддерживался «белый» турецкий фашизм. Те же игры были разыграны с понтийскими греками, армянами и ассирийцами, что привело к геноциду.

Соединенные Штаты, являющиеся первым номером в движении «Гладио», изначально сыграли активную роль, причем как в поддержке фашистского переворота 12 сентября и ликвидации демократических и социалистических сил, так и в ликвидации курдского движения и РПК, бывших частью этого движения. США поддержали все многоэтапные военные операции, применявшиеся после 1980 года. Изменялась тактика дипломатической и политической изоляции и все более масштабной операции «Гладио», направленной на ликвидацию председателя РПК Абдуллы Оджалана, были использованы возможности НАТО и системы социализма. Они натравили Турцию на Сирию. Израиль тоже, впрочем, был из тех, кто лично готовился и профессионально применил эту политику. Сирия долгое время сопротивлялась ликвидационным движениям такого масштаба. Несмотря на сирийцы, как и Россия, в угоду своим национально-государственным интересам не удержались от кооперирования с господствующей системой путем тайных переговоров. В ходе этой ликвидации во всей своей наготе всплыло то, что основной определяющей силой был современный капитализм, возглавляемый США.

Несмотря на массовые ликвидации как внутри, так и извне, РПК сумела приспособиться к условиям, творчески осуществила необходимые перемены, смогла более принципиально и политически решительно продемонстрировать альтернативу в лице демократической современности и позиционироваться против капитализма. Ей удалось продолжить свою роль передового фигуранта в революционных демократических преобразованиях Ближнего и Среднего Востока.

3. ОПЫТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ

Одним из значительных результатов опыта революционной народной войны под предводительством РПК является то, что это способствовало формированию демократической нации. По суще

ству, действительность демократической нации не была запрограммирована в идеологической структуре РПК путем открытого выбора. Понятие нации, господствующей в идеологии РПК, является версией социалистического блока. Но важнее всего то, что, упоминание нации вызывает единое и абсолютное понимание; это государственное национальное понимание по Гегелю. Никогда даже мысли не было о какой-либо иной нации, кроме этого понятия реальности. Несомненно, в данном случае принимается за основное гегелистское толкование понятия марксистского научного социализма. Понятие нации во времена Маркса и Энгельса ассоциировалось с выходом за границы феодальных крепостей и формированием национального общества с помощью централизованного государства в рамках культурно-языкового единства. Следовательно национальное государство — воспринимается как единая и абсолютная действительность. Национальное государство это основная категория гегелевской философии, конечная остановка социального развития и государственного становления. То, что оно развивается под предводительством буржуазии или пролетариата, отнюдь не меняет индивидуалистической или абсолютистской особенности концепции. Многие явления, которые приходят в голову при упоминании нации, — это государственная нация. В основе того, что марксизм не смог выйти за рамки современного капитализма оказался ассимилированным им, лежит именно это понятие национального государства. Если национальное государство принимается за основную общественную формацию (очень открыто поддерживается провозглашение в 1871 году Германии в виде национального государства), то пролетариату остается сконцентрироваться в этих пределах и перейти на службу к собственному национальному государству, в границах которого пролетариат будет удерживать некоторые экономические и социальные права и собственное существование. Именно такое принятие своей участи определило судьбу социализма сто пятьдесят лет назад. Провозглашение элементами современного капитализма своей победы в пределах любого национального государства, в первую очередь Советского Союза и Китая, доказало связь этого понятия и этой действительности с капитализмом. Внутреннее перерастание стран социализма в капитализм нельзя прокомментировать никак иначе.

Идеология РПК в отношении революционной народной войны и в плане принципов социализма испытала больше всего трудностей и в плане национальной государственности. Правительственные войска специального назначения, следовавшие в русле национальной государственной модели, против которых боролась партия, посеяли сомнения в плане смысла и цели революционной народной войны. Но гораздо хуже то, что методы обеих сторон постепенно стали походить друг на друга. Идеалистический социализм РПК постепенно учитывал все больше трудностей в реалиях национального государства. Именно эта действительность лежала в основе кризиса, который постепенно давал о себе знать, начиная с 1995 г. Насколько социалистическим фактом является национальное государство, насколько это может быть реализовано? Судя по ответам, которые можно дать на эти два фундаментальных вопроса, кризис или будет способствовать ликвидации, или завершится каким-то иным национальным решением. В этом плане ключевое понятие выхода и преодоления идеологического кризиса стало понятие демократической нации.

Отнюдь не напрасно было то, что во время выхода РПК как группы, она была охарактеризована как «Национальная». Именованные сторонники национальной освободительной армии ассоциируются с тем же значением и выражают реальность, которая рвется наружу. Пропагандизм идеологии того периода в основном был курдской национальной реальностью. В основе нашего нежелания казаться националистическими лежала наша тесная связь с Социалистическим Интернационалом. Но мы не могли оторваться от национальных реалий. Таким образом, по мере того, как понятие дрейфовало от национальности к национализму, оно подтверждало опасность уподобления националистическим идеологиям, цель которых — создание национального государства. Кроме того, мы были неспособны осуществить это деликатное разделение на том идеологическом этапе. То, что выступление 1984 года достигло национальных масштабов и способствовало формированию условий для революционной национальной войны, неизбежно поставило нас лицом к лицу с такими понятиями, как «власть» и «национальное государство». Мы вели войну силами народа. Между высшими слоями общества, независимо от того, феодалы это, или буржуазия, и нами всегда была гра

ница. Достижение нами общенационального масштаба не отменило концепции народной войны. Постепенно вместо понятия буржуазный национализм развивалось понятие народный национализм. Если смотреть на Курдистан в целом в рамках этого процесса, можно обозначить следующее:

а. В Иракском Курдистане, с начала XX века, в частности, после раздробления в 1920-е гг., усилились движения, которые можно было бы назвать примитивным национализмом, опирающимся на высшие слои. Распространение движения за пределами узкого круга интеллигенции и обретение массового характера ускорило деятельность национализма. Провозглашение ДПК после Второй мировой войны стало важным шагом в направлении современного национализма. Мехабадская Республика привлекает внимание как первый национальный опыт. Партизанская война, буквально взорвавшая обстановку в Иракском Курдистане в 1961 году, фактически разбудила и усилила националистические чувства в масштабе всего Курдистана. Несмотря на то, что движение потерпело поражение и разделилось по причине внутренних противоречий, развитие событий требовало создание курдской национальной власти, курдской национальной государственности, пусть даже федеративного типа. Федеративное курдское национальное государство при поддержке империализма и сионизма постоянно рассматривалось как модель, имеющая, по меньшей мере, такое же значение, как израильское национальное государство в Палестине. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Если считать, что турецкое национальное государство, точнее, начавшаяся с 1923 года трансформация республиканской революции в государство, окончательное позиционирование которого в качестве национального государства происходило после 1925 года, превратилось в прототип Израиля (есть необходимость в проведении глубоких исследований этой темы), то пусть и с некоторым опозданием, но после 1945 года под предводительством ДПК имело место окончательное утверждение аналогичной курдской протоизраильской модели. Различия между ними сводились к времени и национальным особенностям сил. Опять же, для стабильного и надежного Израиля необходимо было создание турецкого и курдского национальных государств, которые стали бы прототипами Израиля. Турецкое национальное государство базирующееся на НРП, ставшее

прототипом Израиля, в курдской среде реализуется в виде протокурдского национального государства под руководством ДПК.

На эти вопросы, которые планирую позднее рассмотреть более подробно, я обратил внимание для того, чтобы дать свой комментарий по поводу **Курдского Федеративного Региона**, ставшего реальностью, начиная с 1990 года, после первой и второй войн в Персидском заливе. Одной из основных целей первой войны в Персидском заливе, начатой в 1990 году, стали шаги на пути, ведущему к созданию курдского национального государства. Если рассмотреть события, начавшиеся на Ближнем и Среднем Востоке в связи с войной в Персидском заливе после 1990 года, как важную версию «третьей мировой войны», то можно считать, что после Первой мировой войны от побежденной Османской империи осталось турецкое национальное государство, как минимальный прототип Израиля, а после Второй мировой войны было создано государство Израиль, а по версии «третьей мировой войны» создано протоизраильское курдское национальное государство, являющееся основным оружием надежности государства Израиль. Следовательно, после 1990 года в противовес РПК хотели выдвинуть союз гегемонистских сил современного капитализма (в первую очередь, это США и страны НАТО, а также Япония и др.), в регионе же в качестве альтернативы было бы курдское национальное государство, поддерживаемое национальными государствами Израиля и Турции. После 1990 года войны, развернутые «Гладио», при поддержке НАТО, против РПК достаточно открыто подтверждают эту истину. В отношении народного национализма, которому в масштабе всего Курдистана способствовала альтернатива революционной народной войне РПК, были приняты меры в рамках государственного национализма, — все это старались разрушить и ликвидировать. Несмотря на все недостатки и ошибки, опыт революционной народной войны после 1990-х гг. привнес на нет политику в отношении Курдистана, которую после Второй мировой войны осуществляли как гегемонистские силы Запада, так и Турция и Израиль, выступающие в качестве региональных сил. Концепция и явление были именно таковыми. По мере того, как демократическая нация обретала масштабы, четко раскрывалась эта действительность. Во время второй войны в Персидском заливе (2003—2010 гг.) это превратилось в полностью воплотившуюся

юся действительность. Самое основное обстоятельство, которое было подтверждено в это время, это то, что РПК не сможет создать курдское национальное государство, не сможет его построить, идеологически и политически его состояние не благоприятствует этому, но то, что народный национализм, который в потенциальном состоянии присутствует в ее структуре, сможет быть реализован в качестве альтернативы как демократическая нация.

б. Демократическая нация воплощается в реальность, которая состоит только из понятий. Борьба, которую РПК на стадии идеологической группы развернула против национализма господствующих и угнетенных наций, продолжается в качестве борьбы демократической нации против обоих видов национальной государственности на базе опыта революционной народной войны. Господствующие национальные государства пытаются удержаться только при помощи силы и оплачиваемого соглашательства, а небольшое курдское национальное государство, несмотря на равновидности существующего вокруг национализма, внутреннюю и внешнюю поддержку, не избежит изоляции со стороны демократического национального движения. В курдистанской революции впервые совместную роль пытаются сыграть как национально-государственный выбор, так и выбор демократической нации.

Эти два варианта, тесно сосуществовавшие во время Великой французской и Октябрьской революций, а также множества других революций, разделились во время курдистанской революции. Между ними была начерчена четкая идеологическая, политическая и практическая линия, что имело большое историческое значение. Во всех современных революциях самостоятельно действовал принцип или полного господства высших слоев, или же, наоборот, превосходства низших слоев. Между ними не существовало четких линий ни в тех случаях, когда они были в состоянии единства, ни тогда, когда они были врозь. Взаимное уничтожение было сделано основным методом борьбы. Такая ситуация лишь усиливала социальный временный капитализм. Имело место неправильное понимание борьбы как между двумя классами, так и между двумя нациями. Эта двусмысленная ситуация, имевшая место во время опыта революционной народной войны Курдистана, изначально была похожа на предыдущие примеры, но ожесточенная борьба в итоге ускорила

конкретизировала процесс разделения. В этом процессе не только были разрушены рамки национально-государственной модели, характерной для стран социализма: вместо этого была разработана модель, которая идеологически преодолевает засилье буржуазной национальной государственности, сидящей в недрах социализма, предлагается считать национальную проблему проблемой создания национального государства, а что касается народа, то именно его ставят в качестве равноправной и свободной нации, то есть в категории демократической нации. Категория демократической нации приведена в состояние альтернативной модели для решения как классовых, так и национальных проблем. Демократическая нация сделана наиболее значительным элементом демократической современности (другие элементы — это экологическая индустрия и общественная экономика, отвергающая прибыль). Преодоление модели национально-государственной модели по Гегелю, которая после полутора столетий является бедствием для научного социализма, эта модель открыла путь, наиболее близкий к научности и внесла наиболее важный вклад в строительство философского, научного, нравственного и эстетического социализма.

В. В ответ на этот исторический вклад в теоретической сфере и практической сфере, в конкретике Курдистана, в курдской общественной действительности обрели ускорение образования демократической нации и демократической современности. Границы между курдами в четырех частях страны оказались недееспособными для формирования демократической нации. Если для национальных государств границы — это всё, то для демократической нации они оказались практически ничем, их значение было сведено к нулю. Если демократическая нация установилась в мировоззрении народа как наиболее значительный переворот в сознании, то демократическая автономия была во всех частях сформирована как наиболее значительная революция воплощения. Если она в значительной степени впустую крутит колесо механизма культурного геноцида в национальных государствах Турции, Ирана, Ирака и Сирии, то раздробленный на части курдский народ она превратила в созидательные части демократической нации этих регионов. Большим успехом революционной народной войны, не ограничивающейся одним лишь привлечением интеллектуального геноцида и заговора национальных

государств — агентов капитализма, стало то, что демократическую нацию, являющуюся альтернативой, она развивает во всех частях страны, в мышлении каждого честного курда и структуре всех курдских сообществ. На этой основе она до конца проторила путь не только остальным культурным меньшинствам, в первую очередь соседним народам (турки, арабы, персы), и народам, которые подверглись уничтожению (армяне, греки, ассирийцы и т. д.), для проявления взаимной дружеской солидарности, активизации передовой роли в созидании демократической современности и развития этого исторического успеха в региональном и мировом масштабе.

4. ВОЙНА НАТОВСКОГО «ГЛАДИО» ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ НАРОДНОЙ БОРЬБЫ

То, что основной силой, боровшейся против выступления 15 августа 1984 года в Курдистане, была тайная армия НАТО «Гладио», с каждым днем находит все больше и больше подтверждений. Выступление 15 августа 1984 года стало самым значительным событием, доказавшим несостоятельность турецкой системы безопасности в борьбе против РПК. Несостоятельность системы безопасности была по сути, predetermined нашим исходом из Анкары и базированием на Ближнем и Среднем Востоке. Осуществление нашей акции выявило эту конкретику. Вслед за этим в 1985 году в действие вступила организация НАТО «Гладио» с центром в Германии. Не следует забывать, что в 1985 году Германия первой объявила РПК «террористической» организацией, и это обусловлено тем, что она стала центром базирования армии «Гладио». Когда создавалась армия НАТО «Гладио», ответственным за европейский отдел был утвержден центр, размещенный в Германии. Вначале мы не знали об этих реалиях. Мы считали ЕС и даже другие страны Европы, в первую очередь, Германию, союзниками революционной борьбы. То, что против нации (сюда же относятся и европейцы, в частности первыми в списке идут итальянский, греческий и балканские народы) тайно велась война, стало ясно гораздо позднее. Когда было создано НАТО, была создана и эта армия против проникновения коммунизма, это поняли очень немногие. Тайная армия была задействована больше всего против революционеров Италии, Греции, Турции и Германии. Когда Совет-

Союз распался и перестал быть угрозой, эта организация утратила свое значение во всех странах-членах НАТО, кроме Турции. Что касается Турции, то здесь, напротив, ее деятельность была вознесена на большие высоты. Значительную роль при этом сыграла революция в Иране (1979) и вступление войск Советского Союза в Афганистан (1980). В силу того, что Турция традиционно играла роль жандарма Ближнего и Среднего Востока, здесь «Гладио» была оказана особая поддержка. Важным фактором в данном случае было стремление сокрушить Израиль. Запасы нефти и сохранение соглашательских властей стали еще одним важным фактором, способствующим удержанию «Гладио» в деле.

Неожиданное выступление 15 августа имело место именно в этой обстановке. Турецкое отделение «Гладио» уничтожило последние остатки турецких революционеров путем военного переворота 12 сентября 1980 года. Выступление 15 августа 1984 года в расчет не брали. Когда оно реализовалось, изначально было воспринято как курьезное левое авантюрное выступление. Тогда считалось, что при помощи классической армии, полиции и разведки сразу же справятся с нами. Но когда в первый год они не решили этот вопрос, то сразу же передали его компетенции НАТО. Решение о вмешательстве было принято в 1985 году в соответствии со статьей пятой Уредительного устава НАТО. Именно из-за этого решения Германия в тот же год объявила РПК «террористом». После 1985 года мы тоже как будто боролись с турецкими силами безопасности. Эта видимость создавалась ими умышленно. Война, по сути, велась с наговской организацией «Гладио». Безусловно, турецкая ветвь «Гладио» играла очень значительную роль. Но это была не единственная ветвь. Большой численности не было достаточно чтобы добиться результатов. Турецким силам безопасности было бы крайне сложно самостоятельно вести такую масштабную борьбу не только годами, но и один год. Если бы даже они вели эту войну, то это в кратчайшие сроки обернулось бы банкротством государства. И так, это была воля НАТО, хотя она велась не открыто, а механизм ее действия был большей частью скрыт. Это была война, которая по своим масштабам и длительности превосходит войну, которую сегодня ведут в Афганистане и Ираке, а раньше вели в Сомали. Мы, РПК, не осознавали этой тайно и действительной сущности войны. Наша кри-

тика в адрес Европы и США оставалась на идеологическом уровне. В ходе войны, которую гегемонистские силы развернули в целях на протяжении последних двух столетий, после 1920-х гг., в частности, после 1984 года в Курдистане против курдского народа, мы были не в состоянии проанализировать капиталистическую социальность. В этот период наш анализ возможностей НАТО оказался крайне недостаточным. Это не выходило за рамки подходов социализма, бывшего на уровне лозунгов. Мы не знали даже названия «Гладио». По мере того, как расширялся и углублялся ареал войны в Курдистане, данная ситуация стала постепенно раскрываться. То что после Германии в 1990 году США объявили РПК «террористом», предшествовавшее этому покушение на Папу Римского и убийство Улофа Пальме, привели к тому, что реальность стала несколько более понятной. Другим значительным этапом стало раскрытие итальянского «Гладио».

Надо напомнить о заговорах республиканского периода, которые задолго до войны «Гладио» против РПК и революционной народной войны разворачивались против демократической и социалистической оппозиции и жизнедеятельности курдского народа. Восстание в Кочгири было подавлено в 1920 году, Центральный Комитет Турецкой коммунистической партии в составе пятнадцати человек во главе с Мустафой Субхи в январе 1921 года был утоплен в Черном море. В том же году были разогнаны силы Черкеза Этхема, кроме того, были подавлены восстания сторонников султаната и халифата. Курды, сторонники исламской уммы и коммунисты, являвшиеся истинными союзниками власти, были оставлены за пределами новой системы, созданной после освободительной войны. Ответная реакция была подавлена в более жесткой форме. Власти старались узаконить протофашистскую систему единственной партии. Аналог фашизма, набравшего обороты в Германии и Италии в те же годы, нашел свое отражение в Турецкой Республике. Ассимиляция и геноцид, применявшиеся против курдов, официально были начаты провокацией 15 февраля 1925 года. Развернувшаяся борьба была в конце концов задушена во время массовой резни в Дерсиме в 1938 году. Закончилось это обязательными репрессиями оставшейся значительной части народа. В этот период на основе соглашения, достигнутого с английским и французским империализмом, прибегли

любым мерам угнетения, эксплуатации и ассимиляции, чтобы лишить Курдистан и лишить курдов их собственной идентичности. Целью было создание однородного национального государства.

После вступления в НАТО в начале 50-х годов в Турции был создан Совет по мобилизации, ставший турецким отделением «Гладио». Именно турецкое «Гладио» станет той самой силой, которая после этой даты будет контролировать все оппозиционные силы и политическую власть в стране. Первыми акциями турецкого «Гладио» были события 6–7 сентября и организация сопротивления Амира. Уничтожение коммунистов в 1951 году, возможно, стало национальной акцией. переворот 27 мая 1960 года, организация властной иерархии, осуществленная позднее, и ликвидация оппозиции путем ее нейтрализации происходили под контролем турецкого «Гладио». Какими бы независимыми ни казались силы безопасности, разведка и Генеральный штаб, основной контроль и использовании силы осуществлялись посредством организации «Гладио». Ликвидация революционных и демократических сил во время переворота 12 марта 1971 года была осуществлена усилиями «Гладио», который заметно господствовал над системой. Массовые убийства в Таксима и Мараше, все случаи покушения и убийства революционеров, интеллигенции и народа, в первую очередь попытка покушения на Эдипа, осуществлялись в рамках доктрины и практических мер национальной армии «Гладио». Военный переворот 12 сентября 1980 года стал одной из важнейших акций «Гладио» НАТО. До этого периода НАТО и турецкая организация «Гладио» исполняли роли в тесном сотрудничестве, совершенно независимо от остальных сил безопасности и над ними. Если составить хронологию применительно к РПК, начиная с этого периода, то получится следующая картина:

а. Преследование РПК и нападения с целью ликвидации еще со времен деятельности в составе группы, вплоть до военного переворота 12 сентября 1980 года, даже при наличии сил «Гладио», осуществлялись преимущественно традиционными силами безопасности (МИТ, безопасность, жандармерия). Я думаю, что наша группа не преследовалась так, как остальные организации, игравшие более активные роли, потому что особых шансов ее развития никто не видел, считая своего рода продолжением ОПТН-Р. Когда ОПТН-Р была ликвидирована, многие посчитали, что ликвидирована и наша груп-

па. Группу, возможно, хотели контролировать посредством некоторых личностей. Известно, что когда после 1975 года стало ясно, что группа независима, по линии ДПК, с помощью организации «Sterk Sor» («Красная звезда») была сделана попытка вмешательства, и при этом использовался некий Алаатин Капан, убивший Хаки Карера. Ясно, что ДПК с самого начала использовался в качестве параллельной организации для Израилю и действовал в связке с НАТО, а в масштабе всего Курдистана пользовался поддержкой в качестве контролирующей организации. Можно сказать, что эта партия была под контролем «Гладио» и, в частности, с 1961 года вооружалась и подстрекалась к восстанию при поддержке турецкого крыла «Гладио». Многочисленные документы подтверждают то, что аналогичная поддержка поступала от иранского шаха. Следовательно, очень важно отметить, что наступление на левые группировки, осуществлялись в Курдистане руками КДП, при косвенной поддержке «Гладио».

Предложение «Красной звезды» о так называемых «Пяти частях» (они считали, что небольшая часть Курдистана находится в СССР) подтверждала этот взгляд. Такое вмешательство, подкрепленное позднее силами КУК, было направлено на ликвидацию группы еще до выхода из Анкары, или же у подходов к восточному побережью Евфрата, если бы группе даже удалось выйти из Анкары. Пилот Неджати Кая, начавший деятельность с 1976 года, если и был агентом (это точно не известно и требует выяснения), то, возможно, был связан с турецким «Гладио». Если и был у него план ликвидации группы, то осуществить этот план не удалось. Группа сознательно избегала ловушек. Если можно говорить о том, что Кесире Йылдырым была агентом и использовала связи своего отца, Али Йылдырыма (что тоже точно не известно и требует выяснения), то можно предполагать, что и она была сотрудником МИТ (Национальная разведка Турции). Что касается Дилавера Йылдырыма, то и в данном случае надо провести расследование, чтобы не допустить ошибок в отношении этого человека. Убийство Хаки Карера, ставшее результатом провокации, 18 мая 1977 года позволившей Алаатину Капану заманить нашего товарища в ловушку, возможно, стало первой акцией турецкого крыла и натовского центра «Гладио» в отношении РПК — еще на стадии деятельности в составе группы. Можно сказать, что в 1977 году перед группой впервые всерьез встала угроза ликвидации.

Если бы программа не была расширена, если бы провозглашение ПИК не стало ответом на это, и если бы Алааттин Капан не был приговорен к смерти, то можно было бы ожидать гибели если не всей группы, то ее значительной части. Массовые убийства в Мараше в 1978 году можно считать второй крупной акцией «Гладио» против группы, активно развивавшейся в том районе. Мараш исстари был центром, в котором косвенными и прямыми методами планировалось уничтожение курдов. То же самое применимо и ко всем курдам, проживавшим на западном берегу Евфрата. По плану реформирования Востока предполагалось, чтобы в 1925 году на западном берегу Евфрата не осталось ни одного курда, говорившего по-курдски. В первую очередь всех курдов планировалось ассимилировать либо ликвидировать, применяя различные методы. Массовую резню в Мараше следует рассматривать именно как реализацию этого плана, действующего и по настоящее время. Ассимиляция и акции «Гладио», применяемые в систематическом виде в отношении курдов, в частности, в областях Малатья, Адыяман, Элазиг, Дерсим, Сивас, Эрзинджан и Антеп, следует рассматривать именно в этой связи.

По существу, имел место постоянно углубляющийся контроль и давление «Гладио» на левое движение и курдскую оппозицию, развивавшихся после 60-х годов прошлого века. Этот контроль, репрессии, столкновения и покушения, ужесточившиеся после переворота 12 марта 1971 года, имели систематический характер и связаны с организацией. Как исламистские и националистические группы, так и мнимо «левые» турецкие и курдские группы использовались в ходе войны, развернутой организацией «Гладио». Существование «Гладио» в Турции оказывало глубокое влияние на все правительственные формирования, конфликты между левыми и правыми группами, планомерное осуществление переворотов, громкие покушения и массовые убийства, произошедшие с 1955–60 гг. Независимая роль других организаций безопасности и разведки постепенно ограничивалась, даже узурпировались их полномочия. Вся деятельность, связанная с экономикой, социальной, культурной, дипломатической сферами и властью, принималась во внимание в курсе безопасности государства, оценивалась в соответствии со стратегией и тактикой «Гладио», и именно так стремились ее развивать. Сначала в отношении левых и коммунистических движений,

позднее в отношении курдского революционного и социалистического движений проводились операции, постепенно набравшие обороты. Период 1970–1980 гг. стал периодом наиболее активных операций, и завершился он военным переворотом 12 сентября 1980 года и стратегической атакой на левое движение. Тот факт, что курдское революционное социалистическое движение после 1980 года базировалось на Ближнем и Среднем Востоке, свело на нет эти операции, которые были также направлены против него.

б. Второй период войн, развернутых «Гладио», начался с военного переворота 12 сентября 1980 года и продолжался до 1985 года. Известны краткосрочные цели и результаты этого военного переворота, о котором в посольстве США выразились так: «Наши партнеры хорошо выполнили работу!» Цель переворота заключалась в том, чтобы заставить все оппозиционные силы и очаги жалоб, в первую очередь левые силы, замолчать и ликвидировать их, а вместо этого установить экономическую систему, подчиненную мировому финансовому капиталу, основанную на экспорте (уязвимость перед внешней эксплуатацией), что было узаконено в принятой реформе Конституции. Также устанавливалась новая система социально-политического и бытового фашизма, основанного на турко-исламской идеологии. Это не было системой, реализованной в угоду корысти турецких сил внутренней безопасности, как это хотели отобразить, это стало естественным результатом боевой деятельности «Гладио», которая после 60-х активизировалась, а в связи с событиями 12 марта вообще была доведена до апогея.

Деятельность «Гладио» против РПК в этот период в целом оценивалась в масштабе левых сил. Используя методы подавления и ликвидации какой-либо левой организации, начали наступление на РПК. Силы, проникшие в ряды РПК, и стоящие за ними планы нашего распада, не могли добиться успеха из-за действий, предпринимаемых руководством РПК. Важную роль в данном случае сыграло то, что об отъезде лидера за границу не знал никто, кроме него самого и курьера. Надо остановить внимание на том, что в это время Неджати Кая хотел обязательно встретиться со мной и был очень напряжен и взволнован. Более того, в ходе деятельности Объединенного фронта сопротивления фашизму, который мы пытались развить в 1982 году вместе с левыми силами, в первую очередь, с

Рев-Путь, подозрительное поведение, продемонстрированное некоторыми людьми из организации Рев-Путь, а также саботированная деятельность в этом направлении, могло быть связано с силами, вошедшими в наши ряды, и теми, кто стремился нас ликвидировать. Ликвидаторская практика Танера Акчама, равшегося в лидеры Рев-Путь того периода, и некоей личности, называемой «Серый Джек», требует серьезного внимания не только с точки зрения ликвидации Рев-Путь, но и с точки зрения ликвидаторских действий, направленных против РПК. Покушение и все усилия, похожие на стремление ликвидировать лидера АСАЛА того периода Акопа Аконина (что удалось осуществить), были предприняты и против РПК. Но не имели никакого успеха. В обоих случаях ликвидации и покушения использовались элементы под маской левых сил. В ликвидации левого движения после фашистского переворота 12 сентября 1980 года сыграли свою роль не только грубое давление и пытки. Большое значение получили элементы, проникшие в структуру организаций (речь идет обо всех организациях, в том числе РПК). Позднее осуществление акции 15 августа, а также то, что адвокат Хусейн Йылдырым после 1982 года прибыл в зону нахождения лидера и предпринял там некоторые попытки, а также подозрительные действия, связанные с некоторыми организациями Ближнего и Среднего Востока, и позиция ДПК требуют в этом плане содержательного изучения.

Отношения с ДПК носили критический характер. Позиция ДПК в отношении доктора Шивана (Саит Кырмызытопрак, лидер ДПК-Турции), что вылилось в убийство доктора Шивана и двух достойных товарищей. Методы, завершившиеся рассеянием других членов группы, возможно, в некотором роде пытались применить и против РПК. Представительства ДПК не поддерживали повстанческое движение. Они очень активно препятствовали этому. В частности, на время перехода через границу на территорию страны они убили многих наших товарищей. Позднее столкновения и убийства обрели постоянный характер. У меня были сомнения и тревога по поводу того, что в 1985 году, во время встречи со мной, Масуд Барзани открыто требовал от нас отказаться от выступления 15 августа. Это было не просто требованием сил внутренней безопасности Турции, но и позицией, связанной с Израилем и «Гладио» НАТО. Взаимо-

отношения с ДПК и столкновения с ней следует воспринимать не просто как факты, направляемые силами внутренней безопасности Турции, но и с точки зрения политики «Гладио» НАТО и Израиля. Это вопрос, который требует содержательного изучения. Если даже выступление 15 августа и первый год можно было предвидеть, то все же было однозначно за рамками сведений системы. Не было известно, как конкретно это будет продолжено. Направление и содержание акции не были точно предопределены (это именно так и применимо в том числе и к нам). Ясно, что выступление открыло дорогу в новый период. Но я уверен, что итоги выступления, в меньшей мере на протяжении 1985 года в особенности, обсуждались силами внутренней безопасности Турции, НАТО и «Гладио».

в. Третий, наиболее значительный период войны, развернутой «Гладио», — это период, длившийся с 1985 года по 1993 год, когда убили Тургутта Озала. Положения статьи пятой Учредительного устава НАТО гласит: «Агрессия, совершенная против одного из государств, являющихся членом организации, считается совершенной против всех членов». Это положение пытались претворить в жизнь в 1985 году. Мероприятия проводились под эгидой «Гладио». Поскольку центром всех мероприятий была Германия, именно немецкое государство объявило РПК «террористической организацией». Германия, центр «Гладио» НАТО, его турецкие ответвления и силы внутренней безопасности, совместно с ДПК, в ходе разработки планов развернули мощное контрнаступление. Переговоры, которые велись со мной, продолжались по каналу ДПК и Барзани. Выдвигались требования о добровольном прекращении нами вооруженной борьбы. Это требование, или предложение выражает актуализацию решения, принятого в отношении курдской проблемы современным капитализмом на Каирской конференции 1920 года. Как известно, для столь долгого нахождения Ближнего и Среднего Востока под властью гегемонии предполагалось бездействие в решении курдской проблемы и постоянная ее актуализация. Роль, предложенная семье Барзани и ДПК, связана с реализацией этого прогноза. Поскольку целью было существование Израиля, то все образования в Курдистане, не связанные с прототипом Израиля, сразу же нейтрализовались в результате вмешательства. Так становится ясным то обстоятельство, что вслед за опытом революционной народной

после 1985 года Израиль, Турция и силы ДПК вместе с НАТО «Гладио» ополчились на РПК. За этим стояло историческое решение и их актуальные жизненно важные интересы.

Когда стало очевидно, что, несмотря на сообщение, переданное Масудом Барзани, мы не откажемся от выступления, в 1986 году были задействованы организации JITEM (Разведка Жандармерии) Хизбуллах (Хихбуллах Турции). JITEM играет роль организации «специализированной организации», в свое время наделенной всеми полномочиями. Как известно, «Специализированная организация», созданная в 1914 году, стала одной из первых фашистских организаций и ради создания однородного расистского Турецкого государства сыграла важную роль в геноциде армян, не брезговала никакими методами, в первую очередь массовыми убийствами. Также было задействовано одно из религиозных исламских ответвлений, в рядах которых нашли свое место Саид Нурси и Мехмет Акиф. Эта модель геноцида в 1986 году была актуализирована в рамках практики JITEM и Хизбуллах (отделения Хизбуллах в Турции и Курдистане), обе организации были наделены одинаковыми правами и полномочиями США, НАТО, «Гладио», силы внутренней безопасности Турции разрабатывали координацию усилий с ДПК. Хизбуллах хотел воспользоваться исламистской политикой и Ирана, и Саудовской Аравии.

В этот период просачивание в ряды РПК происходило через ДПК. Лидером организации «Свободное возрождение», которая занималась реорганизацией ДПК того периода, был Сами Абдулрахман. Попытки практической ликвидации РПК и внедрения в ее ряды своих людей осуществлял в основном Сами Абдулрахман. Основным оружием, которое он использовал, была мнимо курдская организация НОК (Национальные освободители Курдистана). В данном случае также видно, что любая организация агентов использует одно из названий или качеств основной организации). Сотни членов РПК и курдских патриотов были уничтожены этой организацией. Роль, отведенная НОК, заключалась в том, чтобы любой ценой препятствовать переходу РПК на восток от линии Бингёль—Мардин. Как признавал лично Ариф Доган, создавший организацию JITEM, в тот период была задействована десятитысячная вооруженная группа ликвидаторов. Очень важное в данном случае обстоятельство заключается в том, что эта сила стояла над законом и была уполномочена совершать любые

преступления без допросов и следствия. Именно так она обрела характер группы, осуществляющей массовые убийства. Аналогичными полномочиями была наделена организация Хизбуллах Курдистан, которую народ называл «Хизбул-Контар». Более десяти тысяч нераскрытых преступлений было совершено в результате наделения и двух согласно действовавших организаций полномочиями, которые стояли выше законов, даже конституции. Убийство в начале этого периода Озана Сефкана (Джелал Эрджан) и его группы (1985 г.), убийство товарища Махсума Коркмаза (1986 г.), попытки капитуляции совершаемые через Селахаттина Челика, а также кризис, имевший место на третьем съезде РПК в 1986 году, — все это серьезные факты, прямо или косвенно связанные с ЛТЕМ. Более того, убийство очень дорогого мне товарища Ибрагима из Нусайбина (Дарар Акка) в 1985 году (в селе Силопи-Шах) было, по личному признанию Ариффа Догана, осуществлено ЛТЕМ. Чрезвычайное положение, влияние ЛТЕМ и Хизбуллах существенным образом отразились на РПК в 1986 году и способствовали частичному кризису. Третьему съезду удалось стать особенно конструктивным. Тогда нам пришлось пойти на широкие изменения в командовании.

Для того чтобы перебороть все эти негативные влияния, используя выход на Ближний и Средний Восток, начиная с 1987 года убийства Тургутта Озала, я лично, ежегодно, после предварительного обучения и оснащения всем необходимым отправлял в лагерь нашего движения где-то около тысячи кандидатов в партизаны. И раньше, и позднее я оказывал поддержку живой силой в лице повстанцев (больше тысячи), техникой и деньгами. Но наибольшую помощь лично я оказал именно в эти годы ликвидации и резни. Наиболее заметная негативная сторона нашего возвращения в страну, активизировавшегося после 1987 года, заключалась в том, что один из главарей группы, которую позднее мы назовем «бандой четырех», некий Джемиль Ышык (партийный псевдоним «Хогир»), только что перешел границу и под видом борьбы с сельскими охранниками начал самовольно осуществлять акции, что привело к гибели десятков человек, среди которых были дети и женщины. Система тактики РПК, которую я лично очень хорошо организовал, была просто нейтрализована такими акциями. После этого РПК уже не могла достигнуть успеха в реализации собственных тактических замыслов.

Несколько Максум Кокмаз был тем из командиров, который одним из первых увидел эту опасность, он и был с особой тщательностью выбран и убит. Убийство Дарара Акая также было мотивировано. Убийство Озана Сефкана и товарищей тоже стало продолжением серии заговоров. Обстоятельства, в которых был убит Максум, больше наводят на размышления о том, какую роль все-таки сыграло проникновение провокаторов в ряды нашей организации. Случаи Шемдина Сакыка и некоего молодого человека из Эрхуна (партийный псевдоним «Фархан»), который позднее, зимой 1987 года, покончил жизнь самоубийством в Бекаа, заставляют с большой вероятностью предположить, что Максум был убит в результате внутреннего заговора. Очень дорого обошлось РПК и то, что Джейранлышык в 1987 году вследствие перемен в командном составе взял свои руки инициативу в партизанском движении. Наиболее важным негативным моментом заключался в том, что был нейтрализован один из лидеров партизанской войны, который РПК разработала с большими усилиями и во многом завершила подготовительные мероприятия. Другие участники банды четырех — Шемдин Сакык, Шахин Балиев и Алил Кая («слепой Джемал»), последовав примеру Хогира, стали одними из первых, кто сыграл существенную роль в нейтрализации революционного движения. Связь этих имен с ДПК и «Пятью частями» («Пять частиц» и НОК также связаны с ДПК. В частности, они связаны с «Свободным Возрождением»), свидетельствует о том, что нельзя игнорировать роль провокационных элементов. О масштабах заговора говорит тот факт, что в этот период около сотни лично знакомых мне самых достойных кандидатов в партизанские командиры были убиты, а официально это озвучивалось как «погибли в бою». Заговоры в заговор совершенно очевидны. У них есть и историческая основа. Они довольно часто применялись в период деятельности государства «Единения и прогресса». Опять же, во время подавления народных восстаний и ликвидации коммунистической партии методы заговора широко испытывались. Основные особенности изобретения следующие: во-первых, стремясь разорвать связи революционеров с народом и поднять народ против этих сил, они создавали и использовали преступные группы, действовавшие под видом партизан или повстанцев. «Банда четверых» и схожие с ней группировки добились в этом плане немалых успехов. Они осуществили сотни

актов заговора против народа и, в частности, тех родов и семей, к которым собирались настроить против нас. Тщательное расследование этих заговоров могли бы вылиться в многотомную книгу. Провести такое расследование просто необходимо. Второй метод заговора заключается в том, что ценные кадры, которые потенциально могли бы быть партизанскими командирами или предводителями восстаний, сразу же преследовались и уничтожались. В этом плане деятельность заговорщиков тоже оказалась предельно результативной. Смерть без видимых причин или убийство сотен товарищей, которые могли бы стать командирами, говорят о масштабах внутреннего заговора. В ходе курдских восстаний и во время ликвидации левых лидеров в Турции использовались аналогичные методы, и посредством заговоров были уничтожены руководящие кадры. Последним звеном этой цепи стал масштабный заговор, организованный в 1990 году против меня. Заговор, который возглавили и осуществили Шехин Балич, Мехмет Шенер и Джангир Хазир (Сары Баран), был раскрыт и нейтрализован ценой жизни товарища Хасана Биндала. Но в двух важных сферах они достигли успехов. Им удалось успешно отторгнуть от РПК основную часть народных масс, которые стали превращаться в сельских охранников. Уничтожив командиров, они обезглавили партизан, вынудили их отойти от основной тактической линии и опуститься до уровня бродячих мятежных групп. Если внутренним и внешним силам «Гладио» в тот период не удалось подавить и ликвидировать РПК и обретенный под руководством партии опыт революционной народной войны, то в случае партизанской войны они смогли воспрепятствовать деятельности повстанцев на основе собственной тактической линии.

Одним из значительных предметов безуспешности, о которых ответственные за деятельность РПК не особо догадывались, было то, от чего тактические планы на практике не реализуются успешно, какова при этом роль «Гладио-ИТЕМ». Успех обеих сторон остался половинчатым. На той стадии я мог обеспечивать постоянный характер революционной войны и предотвращать поражение. Если бы лица, осуществлявшие внутреннее практическое руководство, сумели продемонстрировать обычные, принципиальные усилия, то можно было бы добиться успеха на более высоком уровне. Все же выявление заговора 1990 года и итоги войны в Персидском заливе по

считали, что объединенное влияние движения РПК в целом продолжит расти. Точная оценка регионального баланса, имеющего большое общественно-историческое значение, способствовала тому, что обычные действия, предпринимаемые в ходе революционной войны, приводили к значительным и успешным результатам. Если бы практическое руководство могло дать правильную оценку периоду 1990—93 гг., обеспечить количественный и качественный рост партизанского движения, а также практически реализовать тактическое планирование, то ход истории был бы существенно иным, и в начале 1993 года можно было бы достичь исторического решения. Система «Гладио» стояла у порога распада. Тургут Озал, видя это, считал консенсус более приемлемым. Он был убежден в том, что вместо утраты Курдистана гораздо лучше, если он будет федеральными узами связан под сводом общего государства — он считал это очень важным условием сосуществования и братской дружбы народов. Но поскольку внутренние и внешние силы «Гладио» считали, что этот подход ведет к ликвидации их системы, то в качестве единственного метода спасения они избрали ликвидацию Т. Озала. Но гораздо важнее то, что Т. Озал предусматривал связывание Мосула и Керкука федеральными узами с Турецкой Республикой в рамках предложения Национального пакта. В этом плане он осуществлял активные контакты с Джелалом Талабани. Он именно с этой целью предложил пойти на диалог со мной. Предусматривался поистине исторический шаг. Известно, что вместе с Т. Озалом в отношении этого плана проявлял много усилий также главнокомандующий дивизией Эшреф Битлис. Но поскольку США и Израиль, у которых в отношении Ирака были совершенно иные планы, посчитали точку зрения Т. Озала и Эшрефа Битлиса крайне опасными для себя, они осуществили переворот, который открыл путь к политике Али Демиреля и Чиллер (а также, вместе с ними, Э. Иненю).

1993 год был необычным. Уже в первые месяцы года громкие покушения, начавшиеся с убийства Угура Мумджу (убийства Адмана Кахведжи, Тургута Озала и Эшрефа Битлиса, массовое убийство в отеле Сивас-Мадымак, преступление против Бахтияра Аймана, убийство тридцати трех аскеров, перевозимых на гражданском транспорте, уничтожение множества военных и гражданских лиц) — все это должно восприниматься как этапы переворота. В этот

период очень сильное крыло в государственных органах готовили к мирному решению курдской проблемы. 25 мая на повестке дня заседания Совета национальной безопасности стоял вопрос политической амнистии. Это был удар, который оказался по меньшей мере столь же действенным, как и военный переворот 12 сентября. Впрочем, из-за существования организации «Гладио», которая была наделена полномочиями, превышающими все положения закона и Конституции, не было особой необходимости в совершении военного переворота. Целью этого переворота 25 мая 1993 года стали государственные силы, стоявшие на позициях мирного решения проблемы. Эти же государственные силы были ликвидированы в ходе пролонгированного переворота. Надо обязательно пролить свет на темную историю этого переворота. До тех пор, пока не будут выявлены механизмы осуществления этого переворота как в рядах РПК, так и в структуре государства, нелегко будет открыть путь миру и политическому решению.

Необходимо уяснить то, что «Гладио» сыграла определяющую роль в процессе всех ликвидационных действий, активно происходивших к концу этого периода, то есть к концу 1990-х, в регионах Дерсим, Амед, Гарзан и Толхилдан. Можно предположить, что ликвидаторство, проводившееся совместно с ДПК по обеим сторонам границы с Ираком, в частности, в Гарзан и Амед, осуществлялось руками Шемдин Сакыка и Сайт Чуруккая, в Дерсима руками Хидир Сарыкая и иже с ними, в регионе Толхилдан это был Терзи Джемал. Можно совершенно уверенно предполагать, что многочисленные элементы умышленно или неумышленно сыграли свою роль в ходе процессов ликвидации, активизировавшихся в этот предельно сложный период. Вследствие операции 1992 года, а также совместной атаки ДПК и ПСК, фронт сопротивления Ботан-Бехдинан получил сильный удар. Вместе с капитуляцией, которой руководил Осман Оджалан, мы оказались на пороге такого поражения, которое могло иметь стратегические последствия. Благодаря решительному и профессионально организованному сопротивлению во всех сферах, в первую очередь — на базах Ближнего и Среднего Востока, нам удалось избежать удара. Дело в том, что имело место большое стратегическое преимущество партизан, за которыми была огромная поддержка народа. Все перевернулось,

шли, с одной стороны, «Гладио» совершила массовые убийства во многих провинциях и уездах, а с другой стороны, были осуществлены операции по уничтожению организации и партизанского движения, причем все это объединилось с совместным наступлением на наши позиции со стороны ДПК и ПСК. Опять же можно было бы говорить о стратегическом преимуществе партизан. Но то, что не удалось добиться введения нормального тактического руководства, привело к невозможности должным образом использовать эту историческую возможность. Именно по данной причине РПК понесла совершенно недопустимые утраты, потеряв очень ценных товарищей, именно по этой причине она не смогла достичь очень больших успехов, которых заслуживала. До сих пор крайне важной проблемой остается освещение всех событий, происходивших в этот период, в особенности к его концу.

Четвертый этап войны, развернутой «Гладио», охватывает 1993–1998 гг. Противники мирного и политического урегулирования курдской проблемы, инициированного Озалом, начиная этот новый период, обладали некоторыми значительными преимуществами. Впрочем, они получали большую внешнюю поддержку США и Израиля. Доган Гюреш, бывший в то время начальником штаба, вернувшись в начале 1990 года из Лондона, сказал следующее: «Нам дали “зеленый свет” для подавления РПК», — и он, по сути, подразумевал именно эту поддержку. Такого рода поддержка оказываемая Турцией Израилем, была обусловлена его тревогой по поводу базирования РПК на Ближнем и Среднем Востоке. Израиль упорно хотел, чтобы РПК вошел в зону влияния ДПК. Он не желал, чтобы наша партия опиралась на собственные силы, развивалась независимо и свободно. Израиль не был против курдского движения в целом, но был против стиля РПК. Турецко-израильские взаимоотношения в период 1993–1996 гг. по причине РПК переживали наиболее усиленный период. США и Англия при помощи натовской «Гладио» традиционно контролировали Турцию. Их основной платформой было существование «Гладио». Достигнув внутри страны соглашения с блоком С. Демиреля, Т. Чиллер и Э. Иненю они завершили свой ликвидационный план. Они искусно изолировали Т. Озала в партии ANAP (Партия Родина-Мать), оставив его в одиночестве. В Турции теми же методами, при помощи деятель

ности «Гладио» были политически нейтрализованы А. Мендересом, Т. Озал и Л. Эджевит. Подразделение «Гладио» обрело большой опыт в плане нейтрализации путем изолирования любой личности или структуры, которые обладали решающим значением, но устои которой оно хотело раскачать. Если не иметь в виду влияния «Гладио» на турецкое руководство последних пятидесяти-шестидесяти лет, невозможно правильно рассуждать ни о каком политическом, военном и экономическом явлении и процессе. «Гладио» стала последним звеном цепи переворотов и заговоров, основы которой были заложены в 1914 году, даже гораздо раньше, в 1909 году, после низвержения Абдулгамида. «Белый» турецкий фашизм в основном осуществляется организациями типа «Гладио», занимающими свое место в цепи заговоров. Именно они являются определяющей силой. Те, кто отражается на поверхности, в частности, гражданские политики, играют всего лишь роль масок. Бутафорские дискуссии, которые проходят между ними, призваны маскировать и легализовать реальных игроков власти, находящиеся в самом низу.

Когда в 1993 году были ликвидированы представители госорганов, являвшиеся сторонниками мира и политического урегулирования, на курдский народ и РПК было направлено одно из самых мощных в истории ликвидационных движений. Около четырех тысяч сел было сожжено и разрушено, миллионы сельских жителей были насильственно, без каких-либо законных мотивов, переселены. Их имущество, вещи, дома и поля были разграблены, переданы в собственность сельским охранникам. Тысячи сельчан были убиты сельскими охранниками, Хизбуллах и JITEM (впрочем, они тесно сотрудничали). Женщины подвергались насилию. Дети были переданы в региональные школы-интернаты, ставшие местами массовых уничтожений (там процветало унижение ассимиляционными методами и постоянное насилие). В оставшихся селах и городских продукты питания были взяты под строгую отчетность и распределялись под строгим контролем. Овладев контрабандистскими методами, власти только в период премьерства Т. Чиллер поделили между собой «трофеи» стоимостью в двадцать миллиардов долларов (то, что раскрывается в документах). Честные курдские бизнесмены и предприниматели подвергались тотальной слежке, некоторые убивали, а тех, кого не удавалось подчинить, превратили в банкр-

Оставшиеся были превращены в пособников частей специального назначения. Численность сельских охранников была доведена до пяти тысяч человек. Все, кто не сотрудничал с властью, объявлялся врагами. Против РПК были развернуты наиболее масштабные операции в всю историю республики. При этом ДПК, сельские охранники и признавшие власть использовались раньше всех и по единой программе. При помощи силы, во много раз превосходящей те, что были во время войны с греками, осуществлялись долготочные операции. При этом не соблюдалось ни одно из правил войны. Даже тела партизан подвергались расчленению.

Войну вместо сил внутренней безопасности вели силы «Гладио» — ИГЕМ—Хизбулла». Эти силы, наделенные полномочиями выше всех законов и Конституции, развернули войну не на жизнь, а на смерть. «Курдская угроза» была во много крат выше, чем греческая и армянская. Действительно, в этом вопросе власти были охвачены паникой. Они стремились к полной ликвидации курдов. Было проведено множество специальных заговоров. Сакип Сабанджи был выбран в качестве объекта покушения только за то, что подготовил отчет по курдской проблеме. Альпарслан Тюркеш лично угрожал Сабанджи, сказав ему: «Ты переходишь грань». Не осталось ни одного журналиста, который не был бы взят на заметку. Взрыв семисоткилограммовой бомбы 6 мая 1996 года во время последнего заговора против меня также является символом того периода (это заговор, в котором совместную роль сыграли Чатлы, Седат Буджак и председатель муниципалитета Вираншехир). Разделение в армии еще больше углубилось. Попытка дистанцирования от «Гладио», начатая еще Исмаилом Хакки Карадйи (начальник Генштаба в 1994—1998 гг.), стала следствием чудовищных преступлений войны того периода. Даже начальника Генштаба нейтрализовали. После ликвидации Озала и его соратников руководители «Гладио» стали полными хозяевами власти. Речи не было о том, чтобы те, кто был на поверхности, сыграли роли более значительные, нежели политических фигурантов. Другим очень важным примером является то, что Мусейн Кыврыкоглу, занявший должность начальника Генштаба в 1998 году, спасся, будучи на волосок от смерти, во время вооруженного нападения на Кипре, а полковник, стоявший непосредственно за ним, погиб. Этот факт доказал, что противостоящие силы не

останавливаются ни перед какими ужасающими преступлениями в отношении ликвидации всех, кого считают неудобными.

Как в период 1985—1993 гг., так и в этом новом этапе для того чтобы революционная народная война не утратила темп и стабильный характер, я усвоил в качестве основной тактики использования до конца возможности базирования на Ближнем и Среднем Востоке. Я считаю, что это была наиболее эффективная тактическая работа. Ежегодно более тысячи желающих вступить в партизанское движение отправлялись к месту дислокации партизан, предварительно пройдя обучение и вооружившись. Мы не прекращали возможность базирования в самой стране. Были открыты и другие каналы. Потери переживались как вынужденная обрезка дерева. Дерево независимости и свободы продолжало расти во все времена все больше и больше расцветая. Не было сделано ни шагу назад в идеологической и политической войны, проходившей в постоянном переплетении. Но достичь ожидаемого преимущественного успеха, стабильности не удавалось. Как бы ни старались обрести влияние, но не получалось; при этом внешняя война, развернутая «Гладио», не играла в данном случае определяющей роли. Главным было то, что ни тактическое командование, ни партизанское командование никак не могли сыграть свою роль. Если даже в этом плане было влияние и ликвидаторская роль провокационных элементов, то основная проблема исходила от командования. Как в классовом, так и личностном аспекте война больше всего давала о себе знать в этой сфере. Несмотря на то, что попытка покушения 6 мая не имела успеха, акция самопожертвования, 30 июня осуществленная в Дерсиме Зейнеп Кынаджы, очень хорошо понявшей опасность, скрытую в этой тенденции, превратила 1996 год с характерными для него тактическими паузами и заказными убийствами в год развития тактики и конкретизации пути к успеху.

В этот период я во всей полноте осознал, что народные войны — в то же время страшные классовые войны. В своих трудах я уделял значительное место этим реалиям. Как и в начале 1990-х гг., существовало более чем достаточно возможностей стратегического успеха и в конце века. Стремление к диалогу, начавшееся с попыткой Т. Озала, в 1997 году было продолжено премьер-министром того времени Н. Эрбаканом и по одному из армейских каналов. Был вновь

важный шаг к миру и политическому урегулированию. Считаю, что мирного политического урегулирования, которое ожидалось в этих диалогах, не был должным образом оценен. Такой возможности не было, потому что в ситуацию вмешалась «Гладио» и были задействованы стоящие за его спиной внутренние и внешние силы. То, что вожделенное ожидание мирного и политического урегулирования не было признано на уровне премьер-министра и командования Генштаба, открыто свидетельствует о том, насколько НАТО, «Гладио», а также их внутренние структуры влиятельны в отношении режима в Турции. Речь идет о системе, которая кошмарным образом вошла в сознание республики.

11 сентября 1998 года на волне угрозы в отношении Сирии пытались покончить с нашим стратегическим базированием на Ближнем и Среднем Востоке. Стратегическое расположение территории и моя личная позиция сыграли основополагающую роль в достижении этого уровня. Но, по-моему, основная причина заключается в том, что снова были серьезно задействованы мирное и политическое урегулирование. С военной точки зрения, это можно было сделать раньше применительно к Сирии, в данном смысле перед ними не было никаких препятствий. Выбор периода или года был обусловлен вероятностью мирного и политического урегулирования. По сути, решение 1920 года хотели видеть действующим по настоящее время. Оставление курдской проблемы без решения имеет жизненно важное значение с точки зрения контроля Турции в Ближнего и Среднего Востока, что очень важно для них. Подходы многих внутренних и внешних сил к РПК, следовательно к курдам, лучше оценивать в рамках этих параметров. 1998 год действительно должен был стать поворотной точкой и для меня самого. Партизанская война, которая, как я неоднократно указывал в своих трудах, столкнулась с гордиевым узлом, точнее, с триадой «Гладио»—НГЕМ—Хизбуллах, не могла поднять борьбу на более высокий уровень, не разрубив упомянутый узел, не разорвав этот тройной пресс. В этом плане продолжали оставаться определяющими внутренние недостатки. Без мирного и политического урегулирования невозможно было бы задумываться о чем-либо ином, кроме подъема революционной народной войны на более высокий уровень.

В. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА КУРДОВ И ФОРМИРОВАНИЕ БОРЦА

Основной проблемой РПК на стадии деятельности в виде группы было идеологическое и политическое лидерство. Суть партии формировала ее концептуальная и кадровая работа. Идеологическая и политическая сила группы, которая считает решение курдской проблемы ключевым шагом в решении не только курдской проблемы, но и фундаментальных проблем Турции, даже Ближнего и Среднего Востока, была далека от необходимого уровня. Амбиции идеологического и политического превосходства, проявляемые этими людьми, которые с трудом удовлетворяют свои личные потребности и потребности, численность которых не больше, чем пальцев на двух руках, которые давно уже перенесли удар судьбы (можно назвать это так? цивилизацией), даже в тот период могли выглядеть вождем и мечтой. Безусловно, без мечты невозможно найти путь, но ведь мечтой лишь мечтой и надеждой нельзя достичь свободной и правильной жизни. Формирование достаточной концепции и кадров было основной формой деятельности первого десятилетия. Иными словами, это умение стать идеологическим и политическим борцом. Мы попытались в основных чертах показать историю этого становления.

То, что Ближний и Средний Восток стал территорией священного исхода, имело совершенно иной смысл. Повесть об исходе из Урфы нашего земляка Авраама стала самым важным преданием в священных книгах всех трех монотеистических религий. Как показательно, что спустя более, чем три с половиной тысячи лет мы вышли с теми же мотивами, по тому же пути и с группой единомышленников, численность которой примерно была той же, и держали путь туда же, что и он! В том же самом месте мы развернули похожие шатры. Войны Авраама в этих местах и их последствия известны. В сущности, явление, называемое религиозными войнами, это выражение идеологической и политической борьбы иными словами, то есть методами, присущими религии. В Ветхом Завете

связывается о борьбе сына Авраама Иакова с Богом. Топоним Из-
раиль означает «борющийся с Элем», то есть с Богом. Это — язык
конфликта, являющийся выражением идеологического противо-
стояния. Столкновения с племенами из земли хананеев свидетель-
ствуют о политической борьбе.

Примерно через три столетия после Авраама предводитель еврей-
ского племени Моисей совершил исход из Египта туда же, к земле
Кананею. Этот факт излагается несколько более конкретно, неже-
ли исход Авраама из Урфы. Смысл исхода, символом которого был
Моисей, отличается от случая с Авраамом. Речь уже идет не столько
о идеологических и политических исканиях, сколько об обретении
национального характера. В то время, три тысячелетия назад, еврей-
ское племя обрело свою религию и своего бога, то есть свою идеоло-
гическую и политическую идентичность, и на протяжении многих
веков все это усиливалось. Моисей искал не новую веру и нового бога.
Он искал вдохновение, и этим вдохновением стали «Десять запо-
вдей». Повествование о том, как он обрел эти заповеди, излагается
литературным и религиозным языком того периода. «Приказ» — это
старинный термин, связанный с командой, и он означает повеление
в военном, вывод его на тропу войны. Как сказано в Торе, после ис-
хода из Египта Моисей провел в постоянных войнах сорок лет своей
жизни в Синайской пустыне и умер при попытке завоевания у подно-
жия Эриха (город в современной Палестине). Этим завершился цей-
тунский период. Можно сказать, что способом, или языком борьбы этого
периода была война, развернувшейся примерно в 1300-х гг. до н. э.
Несколько мы смогли понять это предание Торы, повествование об
этом сорока годах полно ассоциаций, касающихся сегодняшних дней.
Спадение Авраама от гегемона Немрода (бог-царь) произошло путем
военной идеологической и политической борьбы и ценою исхода.
Спадение Моисея от бога-царя фараона стало возможным при по-
мощи иной борьбы — благодаря доблести вооруженного боевого ев-
рейского племени. Война опять развернута в направлении священ-
ного региона и связана с тем, что регион обрел сакральный характер.
Со времени исхода Авраама, едва ли на протяжении истории цивили-
зации, окружение Иерусалима играло роль буферной зоны для раз-
личных гегемонистских сил. Впервые он начал играть эту роль между
цивилизациями Шумера и Египта. В III—II тысячелетиях до н. э.

регион был периферией, маргинальной зоной этих двух фундаментальных цивилизаций, двух гегемонистских сил. Родоплеменные сообщества региона обогащались с помощью торговли с обеими цивилизациями, сеяли семена третьей цивилизации. Племена сохранили эти особенности в период исхода пророка Авраама (1700—1650 гг. до н. э.). Многочисленные частные группы соплеменников и верующие способствовали формированию особого, автономного и сакрального характера региона. Любое сообщество, стремившееся спастись от угроз со стороны войн и войн, а также религиозного насилия (основной общественной формацией этого периода была родовая община), с одной стороны, вынуждено было заставить свои родовые общины защищаться, с другой стороны, оно должно было принять религию новой родовой общины, способной к обороне. Текст, о котором идет речь, в основном, является повествованием о религиозной борьбе обороняющихся родовых общин этого региона. То, что совершили Авраам и Моисей это добавление своих моделей к аналогичным преданиям, которые, возможно, тысячелетия назад проживали в этом регионе.

То, что хотел сделать в начале нашей эры Иисус со своей небольшой общиной верующих (группа из двенадцати апостолов), стало другой версией этого повествования. Целью опять же был Иерусалим, завоевание священного региона. Существенное отличие Иисуса от Авраама и Моисея заключалась в том, что он не был религиозным и военно-политическим лидером еврейского рода. Будучи очень бедным проповедником, он выступил с целью реформирования иудаизма, обладавшего иерархической структурой того периода. Он старался разделить и религию, и род (оседлый еврейский род). Речь идет о самой глубокой, возможно, одной из первых известных нам из истории социальных революций. Иисус был сверстником Спартака. То, чего хотел добиться Спартак в Риме с военной точки зрения (70-е гг. до н. э.), Мессия Иисус старался осуществить в окрестностях Иерусалима в составе революционной идеологической группы; он хотел завоевать Иерусалим. В этот период две основные силы гегемонов столкнулись в регионе. Гегемоны Рима и Персеполиса часто организовывали походы в регион и стремились разместить здесь своих соглашателей. В эллинистических царствах послемакедонского периода (конец 300 г. до н. э.) имела место сложная ситуация, и на этой основе происходила борьба между ними.

Иисус и группа его учеников вступили в борьбу за независимость и свободу против гегемонизма и иудейского коллаборационизма. Но в условиях того времени борьба разворачивалась в идеологическом контексте (путем нового революционного выступления). Все последствие этого процесса вплоть до сегодняшнего дня известны.

Целью известного нам гораздо больше выступления пророка Мухаммеда изначально был Иерусалим. В Коране повествуется о том, что Вознесение (вознесение в небо, встреча с Богом, то есть реализации новой веры) осуществлялся в Иерусалиме. Впрочем, хиджра, совершенная в Медину, также преследовала цель достижения Иерусалима. Ориентиром первых намазов был Иерусалим. Родовая община пророка Мухаммеда была несколько иной. Несмотря на общие с иудейским родом семитские особенности, сам он считал основной силой именно арабские родовые общины в районе Мекки и Медины того периода (начала 600-х гг. н. э.). В религиозном смысле (идеологические рамки его борьбы) он реализовал третью в авраамистической традиции версию. Речь идет об идеологическом каркасе, целью которого было, скорее всего, создание общества торговцев. Если у Авраама и Моисея свой отпечаток на религии оставляла высшая иерархия, то в религии пророка Иисуса основную роль играла неимущая часть общины. Что касается пророка Мухаммеда, то для него главными были интересы средних торговых слоев, благодаря чему именно средний класс оставил свой след в новой религии. Основным отличием выступления пророка Мухаммеда от предыдущих выступлений заключается в том, что развернутая им идеологическая, политическая и военная борьба требовала целостности. Идеологическая, политическая и военная целостность в исламе — это явление, которое крайне редко можно встретить в других религиях. Именно с этими реалиями связано то, что ислам в короткий отрезок времени добился очень больших успехов. Это успех, примеры которого очень редко встречаются даже в современных революциях. Если на заре рождения ислам состоял из остатков родов, бездельных людей, женщины-коммерсанта и одного раба, то в кратчайшие сроки (примерно сорок лет) он буквально поставил на колени три вселенские империи (Византия, Сасаниды и Абиссиния), что было обусловлено объединенной идеологической, политической военной силой нового социума. Ислам стал последним мировым звеном авраамистической традиции.

Путем войны, развернутой против трех версий авраамистической традиции (иудаизм, христианство, магометанство) капиталистический универсализм создал собственную гегемонию. Несомненно, не будь трех вселенских авраамистических ценностей, капитализм как система не мог бы добиться своего мирового значения. В основе капитализма заложено преимущество материальной культуры, накопившейся со времен цивилизаций Шумера и Египта, по отношению к духовной культуре (духовность, вера). У обеих культур есть связь с городом, классом и государством. Между ними постоянно происходит борьба по вопросам власти и эксплуатации. И сегодня та же самая традиция продолжается в своем обновленном состоянии. То, что процессы универсального характера более всего определены этой борьбой, можно понять на примере палестинско-израильского конфликта, происходящего на этой территории.

Можно сказать, что почва для нашего исхода после 1980-х гг. имеет под собой историческую реальность. Мы шли по следам этой исторической действительности. На данный момент наши исследования дают возможность понять, что элементы капиталистической социальности гораздо более безжалостны, нежели фараоны и немролы Древнего мира, и в количественном отношении их гораздо больше (наши идеологические реалии). Не хочу быть неправильно понятым, но между нашей идеологической борьбой в Анкаре в течение периода десяти лет, с одной стороны, и идеологической борьбой, которую развернули на первых порах Авраам, Моисей и Иисус, есть очень интересное сходство. Особенно нельзя игнорировать удивительное сходство с первыми десятью годами идеологической борьбы пророка Мухаммеда в Мекке. Аналог их выступлений против фараонов, немролов и императоров того времени мы осуществили против элементов современного капитализма, которые оказались умножившимися и в сто крат ухудшенными производными этих монархов. Социальная борьба всегда имеет исторический характер. Нет ни одного факта социальной борьбы, не имевшей глубоких исторических корней. Впрочем, в этой Защитной речи мы раскрываем социально-историческую почву, на которой стоим, и это есть сама истина. По сути, мы развинулись как ответвление основного социально-исторического потока.

Следует очень внимательно относиться к анализам, воспринимающим общество в рамках их актуальной реальности. Социологи

материалистической современности буквально душит социальную активность в рамках «данного мига». Она обрубает связь общества с историей крайне безжалостно, но в то же время под маркой науки, методами искажения и маскировки. Модернизованная социология тоже идет по следам той же социологии, являясь формой социологии с религиозной маской. В этом смысле она гораздо сильнее ослепляет и обманывает истину (включая религиозную традицию), нежели социология (позитивистская модель). Хочу сказать следующее: наша двадцатилетняя борьба, начавшаяся после 1980-х годов с Шейх Джебел, оказалась очень значительной борьбой, основанной на социально-историческом фундаменте и имеющей очень серьезный смысл. Она несет на себе глубокие следы борьбы Авраама в Эль-Халиле, Моисея в Синайской пустыне, Иисуса в Иерусалиме, Мухаммеда в Медине. Но этим упомянутая борьба ограничивается: в ней заметны следы Бруно, Эразма, Бабефа, Мартина, Ленина и Мао Цзедун. Немалым оказалось влияние Зороастра, Будды, Конфуция и Сократа. Нельзя игнорировать и следы религии, идущие от богини Астарты вплоть до Кибелы, Девы Марии, Фатимы и Розы Люксембург. Эта борьба в меру возможностей человека в себе все реалии социальной истины.

Поучительными могут быть повествования, касающиеся выступления, имевшего место в Урфе—Суруч в начале июля 1979 года. В частности, стоит вспомнить отъезд вместе с Ферхатом Куртаем из Урфа Кыр, состоявшийся до этого выступления, в начале апреля, а также дни, проведенные в Кызылтепе и селе Хурс. Наш героически погибший друг Ферхат Куртай стал символом этих исторических свершений. Наш переход из Кызылтепе в Урфу в конце весны помимо событийных сторон в целом стал выражением очень волнующих истин. Все места, в которых мы побывали, имели свой исторический смысл, они несут в себе особенности, достойные упоминания. В этот раз со мной был наш большой друг, героически погибший Мехмет Карасунгур. Последние сорок дней нашего пребывания в Урфе были невероятно похожи на последние дни Авраама. Мы шли по его следам. Проклятия немира мы ощущали буквально до самой глубины. Незабываемое состояние духа Этхема Акджана, бывшего третьим бессмертным героем этого движения, было конкретным воплощением исторических священных путей. Четыре-

пять лет после этого исхода являлись символом его искренней преданности, работоспособности, умения завершать начатые дела (он не имел хорошего образования, но сам себя воспитал). Даже его последнее дыхание стало подтверждением этой действительности.

На момент установления нами взаимоотношений с палестинцами они давно уже деградировали под влиянием современного капитализма. Но нельзя сказать, что в их атмосфере не ощущался ветер революции. Нельзя отрицать их вклада в военное становление РПК. Но горько, что эти взаимоотношения не смогли переломить их капиталистическое мировоззрение. Краткосрочные будничные интересы принизили диалектику взаимоотношений, значение которых могло быть немалым. Палестинские командиры хотели пользоваться как наемников наше воинственное племя, которое с большим трудом собрали. Но мы не дали им возможности сделать это. Мы не отступили ни на йоту от нашего боевого духа и борьбы. Мы задали палестинцам тот же вопрос, что и турецким левым — приводили в пример слова Кемаля Пира о том, что «без курдской революции не может быть и речи об освобождении турок, арабов или какого-либо другого народа Ближнего и Среднего Востока». Так мы смогли сыграть свою историческую роль интернационалистов. Опять же, мы на образцовом уровне подготовились к конкретным революционным задачам в регионе. В отношении Израиля нас не проводилось специальной акции, но когда в 1982 году Израиль совершил аннексионистское нападение на Ливан, мы потеряли десять товарищей, героически погибших во время легендарного сопротивления. Память об этих невосполнимых потерях стала основным источником бесстрашия в течение двадцати лет, проведенных нами в этом регионе. Герои никогда не будут забыты, и память о них никогда не исчезнет. Эти наши бессмертные герои-интернационалисты — это наша истинная ценность.

Наша жизнедеятельность там постепенно расширялась. Мы еще сошлись с ливанскими и сирийскими курдами. Эти курды стали частью основной курдской массы, оторванной в результате Первой мировой войны. Они оказались в русле национального государства и в какой-то степени были вынуждены стать эмигрантами. Курды Ливана и Сирии меньше всего подверглись ассимиляции, осознали свою курдскую идентичность. Они формировали типичный об

курманджи, теряя работу по мере развития капитализма. Эти трудности постоянно толкали их к слиянию с нашим боевым племенем. Было очень важно познакомиться с более современным вооружением и военной жизнью. Впервые в курдском освободительном движении подобным образом осуществлялось массовое военное обучение. Постоянная угроза нападения развивала боевой опыт. Но все постепенно стали проявляться определенные личностные проблемы. В сущности, происходившее было связано с социальным расщеплением и формированием, что гораздо глубже наших представлений. Как и в первые годы зарождения ислама, имел место процесс формирования нового общества из людей, которые собрались в одно место из совершенно различных родоплеменных сообществ; многие из этих людей представляли собой неоднородную массу, были оторваны друг от друга. В принципе из Торы мы знаем, какие трудности испытывал Моисей, воспитывая дисциплину в еврейских родоплеменных сообществах. Создание новой социальной культуры, превосходящей уровень родоплеменных традиций, аналогично созданию нового рода социальной атомной бомбы. После распятия Иисуса жизнь и смерть даже апостолами долгое время воспринимались как единое целое. Перед фактом безжалостного террора «Гладио» требовались огромные усилия и способности, чтобы сохранить людей, не позволивших защитить свою социальную культуру. Даже такие вопросы, выходящие за пределы жестких границ национального государства, решенные документами, кровом и пищей, перерастали в серьезные проблемы. Создание организации бойцов, воинов, перед лицом войны наиболее яростной войны эпохи, какой был террор «Гладио», требовало умения чрезвычайно убедительно вселить в людей надежду. Для этого требовалось развить веру и сознание. Представители левых сил и мятежники из народных масс, не сумевшие развить такие способности, очень быстро рассеивались.

Находясь в стране, я написал книгу «Путь курдистанской революции». Эта книга, имеющая характер манифеста, могла только указать на общее единое общее направление и помочь обрести идеологическую перспективу, но не более того. Она оказалась важной, но этого было недостаточно. Перед нами стояла такая сложная задача, как поддержание военной жизни. Для этого нужны были новые перспективы. В качестве первого шага в 1981 году мы подготовили книгу

«Проблемы личности в Курдистане, партийная жизнь и особенно революционного бойца», составленную из бесед, ранее записанных на кассете. Для того чтобы таким же образом опубликовать все имеющееся в организации, в июле 1981 года мы провели собрание, которое назвали первым съездом — оно стало для меня важным экзаменом. «**Политический отчет**», представленный мной этому собранию и сейчас существует в письменном виде. Это хороший документ, помогающий осознать тот период. Собрание стало одним из серьезных шагов на пути консолидации организации. Воспоминание об этом является ценной частью моей жизни. Но проблемы были настолько серьезными, что требовали генерации идеологии, организации и практических действий, подобно динамо. Первые группы были отправлены в путь и базировались в Лолане и Хакурке. Уже должна была начаться партизанская война. Стоны, раздававшиеся из тюрем Диярбакыра, побуждали нас сразу же перейти к действию. В это время я начал такую содержательную, проникнутую идеями работу, как «**Роль силы в Курдистане**». Тогда моим помощником был Дуран Калкан. Эти разработки могли сыграть убеждающую роль для периода и групп. Мы считали своим долгом отреагировать на длительную бессрочную голодовку, завершившуюся смертью тактоварищей, как Кемаль Пир, Мехмет Хейри Дурмуш, Акиф Йылмаз и Али Чичек. Но позиция, в которой изначально оказались группы действовавшие внутри страны, точнее, повторение какой-либо проблематичной группой того, что было уже сделано, привели к тому, что из-за неумения правильно оценить исторический миг и ненужного провозглашения действий мы опоздали с ответом. Если бы совет был дан своевременно, возможно, казни можно было остановить раньше, и мы смогли бы не допустить летального исхода голодовки. Именно по этой причине я вспоминаю 1983 год как потерянный.

Акция 15 августа 1984 года, на мой взгляд, однозначно должна была быть более масштабно начата с весны 1983 года. Наша подготовка способствовала этому. Одним из первых значительных недостатков нашего планирования партизанского движения стали опоздание и неуместные, бессмысленные и безответственно проводимые разведывательные мероприятия. То, что лица, ответственные за эту ситуацию, должны пролить свет на этот период, продиктовано требованиями революционной ответственности. По существу

Вместе организованное наступление мы попытались развернуть еще летом 1980 года вместе с группой, руководимой Кемалем Пиром. Это была попытка дойти прямо до Дерсима, без какой-либо необходимости базирования в Южном Курдистане. Если бы Кемаль Пир был задержан случайно и совершенно зря, — его арест вообще стал бы трагедией нашего движения — то реалии командования в РПК могли бы иметь совершенно иной вид. Заменить его не смог никто. Аресты Мазлума Догана и М. Хейри Дурмуша, произошедшие в эти дни, стали совершенно недопустимыми утратами, которые очень легко можно было бы предотвратить. Наше сердце было разделено на несколько частей. С одной стороны, создание боевой организации в условиях хаоса на Ближнем и Среднем Востоке и ожидание восторженных вестей от партизан, переброшенных внутрь страны, с другой стороны, необходимость устоять перед пытками в тюрьмах и стараться путь в Европу, — все это требовало разделиться на четыре группы. Кроме Этхема Акджана, помощников было очень мало, хотя каждый из них предлагал свою кандидатуру в той или иной форме.

Можда Рев-Путь в Европе ополчились против РПК с целью сломать ее сопротивление, как будто им не хватало серьезных усилий в плане стремления в Европу и ликвидации собственной организации. Выходит так, что перед ними была поставлена, по меньшей мере, такая задача. ДПК не только не сыграла вспомогательную роль, но настойчиво продолжала препятствовать революции Северного Курдистана. Постепенно выясняется, что продолжалась политика отказа от Северного Курдистана, зафиксированная Мосульским соглашением 1926 года, а вместо этого оказывалась поддержка ДПК и семейству Мехмета. Истинная роль, отведенная ДПК, сводилась к поддержке агрессивных мер, предпринимаемых в Иранском и Турецком Курдистане. На этой почве они обеспечили поддержку собственного движения за автономию в Иракском Курдистане. Мы оказались лицом к лицу с реалиями этой жесткой политики. Ирано-иракская война способствовала возникновению новой обстановки, но внутреннее руководство совершенно не оценило этого. Кроме того, мы просто потеряли редчайшего по своим качествам лидера Хилван-Сиверек (главу сопротивления (1978–1980 гг.) Мехмета Карасунгура, и произошло это при бессмысленной и нереализуемой попытке посредничества между ДПК-ПСК. 2 мая 1983 года вместе с ним мы потеряли

Ибрагима Билгина, и эта жертва тоже оказалась трагической, лишённой смысла и безвременной. Карасунгур, возможно, еще Кемал Пир, были из тех товарищей, которые могли изменить судьбу партизанского движения. Когда стали приходить вести о гибели наших товарищей в тюрьмах, в первую очередь — Мазлума Догана, Кемала Пира, М. Хайри Дурмуша, Акифа Иылмаза и Фархата Куртая, мы находили иного выхода, кроме погружения в глубины наших сердец и мыслей. В этот период каждый из нас преодолевал боль.

Когда пришла весть о совершении, пусть и с опозданием, выступления 15 августа 1984 года, проблемой стало ожидание. Последствия были очень важны. Впервые была проведена организованная военная операция, была открыта дорога к событиям, которые могли бы в корне преобразить обстановку. Важно было развивать выступление, отслеживать продолжение. Мы рьяно взялись за это дело. Подготовили группы для отправки во все регионы, сформировали резервы. 1985 год мог бы стать годом гораздо более масштабных действий. В частности, регионам Дерсим и Толхилдан планировалось уделить внимания не меньше, чем провинции Ботан. Были задействованы наши силы, дислоцированные в регионах Амад, Гарзи и Серхат. Ввиду того что в середине зимы товарищ Сабри Ок был задержан, а посланная вперед группа под руководством товарища Хаджи (Сабри Гозгбуюк) и Хидира уничтожена в Бозова, мы не смогли совершить марш в направлении Адьямана. Были утраты, обеснувшие глубокой болью. Там же, по дороге идущей через Арабканд, погибли товарищ Селим с группой. Но, несмотря на все это, мы до конца остались на территории. Партизанские группы всегда сохраняли способность к действиям, хотя им не удалось продвинуться в районе провинций Дерсим, Амед и Гарзан. Группы, дислоцировавшиеся в Серхате, активно действовали в районе горы Арарат. Молодой земляк Мехмет Эртюрк, которого я знал лично, погиб именно здесь. Мы получали печальные известия о гибели очень дорогих нам товарищей из провинции Агры. В 1985 году нам не удалось совершить ожидаемый рывок, но зато мы не подверглись ликвидации. Это был год наибольшей агрессии, которую в классическом смысле осуществляла турецкая армия, поддерживаемая НАТО. С обеих сторон этот год означал окончание определенного периода. То, что деятельность партизан не была осуществлена на желаемом

...инне, стало определенным успехом с точки зрения турецкой армии, но значительной проблемой для армии оказалось то, что партизанские отряды стали постоянным фактором. На основе проводимой серьезной подготовки можно было в любой стратегической области развернуть антиимпериалистическую войну при поддержке народа, но этот шанс не был использован, что стало серьезной потерей для РПК. Но все же то, что мы не могли выдать ни с какой области, то, что сохранили жизнеспособность, это успех, значение которого нельзя приуменьшить.

1986 год для обеих сторон прошел как год повторной подготовки. В 1986 году самой горькой вестью для меня и для нашего движения стала весть о гибели товарища Махсума Коркмаза. Это стало катастрофой, которая таила в себе все ожидающие нас угрозы. Вокруг нас будто бы вновь смыкалось кольцо окружения. Я был в гневе, не мог смириться с тем, что происходило. Ведь мы понесли утраты, которых легко можно было бы избежать! Из-за этой боли я так и не принял в полном объеме участие в съезде 1986 г. Это был наш третий съезд. Второй проходил в 1982 году на юге Сирии в лагере Фроната Национального освобождения Палестины. Это было своего рода повторением первой конференции, но последний съезд поставил задачу начать масштабное возвращение в страну. В памяти до сих пор живет и тревожит мое сердце известие о том, что мой земляк Аднан Банджаркыран, который присоединился к движению в Европе, где, кстати, я услышал весть о его гибели, тогда же был задержан на берегу Евфрата, а некий капитан, который был с ним, упал с обрыва. Таких известий столь много, что моя реакция на них обернулась самотуплением.

Третий съезд стал самым обыкновенным судом. Все осуждали друг друга. Кесире и Селлахатин Челик дошли до конца своего пути. Съезд буквально вынес обоим смертные приговоры. Дошло до того, что мой водитель Ферхан говорил о том, что Кесире мало убить, что надо четвертовать. Опять же, на мою долю выпала участь спасти им жизни. Говорилось о том, что Селлахаттин через горы Джуди вел с властями Турецкой Республики переговоры по поводу капитуляции. Что стояло за холодным поведением Кесире, которое мне было тяжело понять? Что для себя лично уяснил Ферхан (другого моего водителя звали Сабри), что пришел к такому выводу? Мехмет Сит (Этхем Акджан) перед своей героической гибелью тоже сказал

следующее: «Какие же большие дела творятся за спиной у предателя». Я постоянно ощущал подозрения по поводу того, что один из заговоров, осуществленных против меня после 80-х гг., был организован в структуре Рев-Путь. Если это было запланировано, я уверен, что турецкое отделение «Гладио» и силы внутренней безопасности встали на путь совместного заговора. Открытая ликвидаторская деятельность, поддержка Германского государства, а также то, что они выбрали своей целью РПК, свидетельствует о том, что эту вероятность отнюдь не стоит сбрасывать со счетов.

Ни один из товарищей не смог объяснить мне конкретные причины своей ненависти и решительного требования казнить Кесир. Имели место ужасные оскорбления по отношению ко мне и компрометация моей личности. Но ведь этого недостаточно для вынесения смертного приговора. Я постоянно тревожился из-за этого, испытывал сомнения: неужели она задумала совершить заговор, предварительно переманив на свою сторону водителей? Один из шоферов сбежал, другой пытался совершить самоубийство, затем поспешно, как будто стремился навстречу своей смерти, перешел границу в страну и погиб. Это все наводило меня на размышления. Селахаттина Челика я лично отправил в Европу. Что касается Кесир, то она в середине 1987 года исчезла в Афинах, не исключено, что не без помощи греческой разведки.

В это время, в 1982 году, я совершил поездку в Болгарию. Мне кажется, что это была поездка, в ходе которой я понял, что болгары стремившиеся в то время изгнать турок из страны, хотели конкретизировать позиции по данному вопросу. Там я своими глазами увидел стой в социализме. Везде ощущался запах ревизионизма. Вторая моя поездка состоялась в 1987 году при поддержке КГБ. Возможно, это было одним из последних приглашений перед распадом Советского Союза. То, что эти поездки не способствовали появлению серьезной поддержки, вероятно, обусловлено имевшими место внутренними проблемами. Единственная польза, может быть, выразилась в том, что они оказали содействие в плане моего надежного пребывания в Сирии. В эти годы мы встречались со многими иракскими, ливанскими и палестинскими организациями. Мы обменивались дружескими посланиями. Но слова о поддержке особо не практиковали. В частности, организация ФАТХ серьезно воспользовалась моим по-

отношением в плане своих взаимоотношений с Турцией. В Сирии отношение братьев Асад к нам было не столько официальным, сколько дружеским. Они были очень опытными. Так же профессионально они осуществляли свои действия с помощью разведки. Если бы они хотели, то могли бы способствовать очень большому развитию. Но они побаивались Турции. Их целью было установление баланса с Турцией, используя нас. И в этой политике они достигли успеха. Но армянское движение за идентичность и свободу тоже смогло извлечь исторические результаты из этих отношений. Аналогичные процессы происходили также в Греции. Но они не смогли получить то, что ожидали от Турции. Политика США и стран ЕС была такой, будто зайцу говорят «беги», а собаке говорят «лови». Они совершенно не отошли от своей традиционной политики. Они и не давят настолько, чтобы убить, но и не оказывают такой поддержки, чтобы сделать решение проблемы возможным. Они прекрасно знали, что нерешенность проблемы поможет им извлечь массу выгод. Эту политику, распространенную в XIX и XX вв., они хотят распространить и в XXI в.

Партизанская акция РПК оказалась перед проблемой недостаточного уровня командования. Выявились проблемы серьезной инертности и недостаточного уровня. Третий съезд, проходивший в Бекаа, выражал именно это. Актуальным было решение командных проблем. Я лично записал все результаты первого опыта. Записал несколько бесед на кассетах. В качестве практической меры в Европу были отправлены те, кто остался после первого окружения группы. Те, кто остался после гибели наиболее ценных кандидатов на командные должности, те, кто с помощью хитрости сумели выжить, а также некоторые элементы, возможно, втершиеся в наши ряды, стремились восполнить пустоты в командных кадрах. Их причины спали, и сами они полностью раскрылись во время предательства и ликвидаторских действий 2002–2004 годов. Ферхат (Осман Оджалан), Ботан (Низаметтин Таш), Эбубакир (Халил Атач), Ферхат (Хидир Ялчин), Экрем (Хидир Сарикая), Джелаль, Доган (Ширнака), Кани Йылмаз (Файсал Дунлайджи) и многие другие элементы вместе с «бандой четырех» и «бандой Чуруккаев» объективно взяли в свои руки бразды правления движением. Подобным действиям этих людей способствовало то, что кадры старого поколения не смогли исполнить свои центральные роли, а многие честные

товарищи, в первую очередь Махсум Коркмаз и Мехмед Карногур, которые могли бы действительно выполнить функции командиров, были ликвидированы преимущественно заговорщическими методами. Ряд фактов свидетельствует о том, что в начале 1990-х годов путем заговоров, организованных против меня, организацию удалось полностью взять под контроль. Убийство одного из руководителей ИТЕМ—Джема Эрсевера тесно связано с этим планом. Очень важной нитью доказательств являются признания двух агентов, которые в интервью каналу «Стар-ТВ» открыто заявили следующие слова: «Нам приказали взять Оджалана живым, а не мертвым». Более того, гибель Хасана Биндала стала явным доказательством. Ликвидация всех честных командиров в Амеде, за исключением таких бандитов как Саит Чуруккая и Шемдин Саыка, а также убийство в Дерне товарища Доктора Барана имели место именно в этот период. Решился он Ботан, впрочем, был оставлен Джемиль Ишику и его прислужникам. На очереди было урегулирование ситуации в Бекаа.

Все проблемы продолжали оставаться в неизменном виде: были проблемы консолидации в рядах РПК или создания армий и другие проблемы разворачивания фронта (СОК и ФНОК). Все проблемы легли на меня тяжелым грузом. Честные товарищи могли только любую минуту отдать свои жизни. Им даже в голову не приходило решать какие-либо тактические проблемы. Немало было примеров самоотверженности и смелости, но этого было бы недостаточно для самостоятельного решения тактических проблем на практике. С наступлением весны 1987 года с целью поиска решения этих вопросов я погрузился в урегулирование проблем. Темы, которых раньше касался в брошюрах, в этот раз я постарался решить глубоко, с помощью аудио- и видеозаписей. Передо мной стояла необходимость обучения групп численностью около четырехсот человек, сформированных как трехмесячные курсы. Имел место новый процесс обучения, благодаря которому ежегодно проводилось обучение более чем тысяч кандидатов в партизаны. При помощи этого обучения хотели предотвратить всевозможные ликвидационные процессы внутри и извне. Ликвидаторство было почти обезврежено, мечты о том кто жил в ожидании убийств, буквально застряли у них же в глотке. Я так понимаю, что некоторые чуть ли не в четыре глаза смотрели и ждали, что же произойдет со мной... Эти ожидания предельно си-

и все еще видны их следы. Товарищи из старого поколения, отпущенные нами в Европу, были арестованы еще в 1987 году, когда руководством Германии было начато наступление на нас. Этого было достаточно для заявления о том, что Германия являлась центром деятельности «Гладио» в Европе и именно «Гладио» совершила наступление на РПК. Германия гораздо более масштабно, нежели Франция, кроме того, более планомерно и коварно, занималась ликвидацией РПК. Но, несмотря на это, веры в наше движение за свободу и признание идентичности, что продемонстрировали курды в Европе, было достаточно для сведения на нет всех ликвидационных планов, разворачиваемых в Европе. Если бы не беспрецедентная преданность нашего народа в Сирии и Европе, было бы гораздо сложнее удержать на плаву и РПК, и революционную войну. Надо с благодарностью вспомнить и поздравить наш народ в обеих частях.

Анализ, касающийся женской темы, я впервые начал в марте 1987 года. Я до мозга костей ощутил всю тяжесть проблем, которые обрушились на меня, и, следовательно, на наше движение, из-за женщин. Против действий, с ума сводящих моих дорогих товарищей, я сам постарался выступить при помощи нового метода, а именно метода анализа. В данном случае сыграло свою роль и то, что я не смирился со смертным приговором, вынесенным некоторым кардинам, в первую очередь, Айше Акарсу из Пазарджыка, Саиме Кын из Дерсима и Айтен из Нусайбина. Проблема женщин стала проблемой, которая постепенно приобретала все большую значимость. В начале каждого образовательного периода, я каждый шаг за шагом углублял свой анализ данного вопроса. Постепенное увеличение числа молодых женщин в наших рядах требовало выработки кардинального ответа на проблему освобождения женщин. Но главную роль в этом сыграла та беда, которую навлекла на нашу голову жестокая Кесире. Было бы недопустимо убивать ее, но жить рядом с ней даже один час было невозможно. Она была очень добрым человеком. Наконец, когда погиб товарищ Махсум Коркмаз сказала следующее: «Ушел также Махсум Коркмаз, которому я доверял больше всех. Что дальше будешь делать?» — и это свидетельствует о том, каким мудрым она была человеком, понимавшим интересы организации. Она будто бы ждала, что я отступлю и сдамся ей в плен. Мы начали выступление 1987 года с огромной болью и

гневом, которые были обусловлены такого рода подходами. Проблему можно было решить «традиционным» методом, тысячу раз убив ее или расставшись с этой женщиной. Но подобная позиция означала бы для меня идеологическое и политическое поражение. Более того, сдать ей судьбу партии или разделить с ней партию означало бы то же самое. Если даже она была честным человеком, то почему-то не внесла в наше дело никакой значительной лепты. Она лишь внимательно наблюдала, став негативным подстрекателем определенных тактических шагов. Я хотел бы на примере этой женщины проанализировать все, что связано с женщинами вообще. Кроме того, я хотел изложить, какое отношение имеют свобода и равноправие к взаимоотношениям между мужчинами и женщинами, которые были связаны со мной.

Было очень рискованно привлекать женщин к такому делу, к военной организации, где на сто процентов ощущается клеймо и гнет грубо мужской господствующей идеологии. Это было равносильно тому, что подложить динамит под все наши труды. Существующее понимание роли мужчин и женщин недалеко ушло от грубого и традиционного сексистского. За частую взаимопонимание между мужчинами и женщинами — взаимное подстрекательство, когда они заигрывают друг с другом. Я сам, собственными руками навлек на свою голову огромную беду. Даже знаменитый командир повстанцев Че Гевара, принимая в ряды своей организации женщин, отнюдь не исключал понятия полового удовлетворения, воспринимая это как вынужденную необходимость. То, что я не мог это воспринять, не мог внушить это себе и организации, в частности в делах, связанных с созданием армии, было равнозначно тому, что мы были бы ликвидированы в самом начале. Оставить женщину такой какая она есть означало бы ликвидация нашей организации. Не было команды и товарища, которые могли бы управлять своими инстинктами, могли бы оценить это правильно, в русле интересов организации, на практике политического искусства. Но было бы неправильно и для меня и для организации полностью изгонять из наших рядов всех женщин и совершать революцию без них. Оставался еще один метод выхода из положения мог быть народный способ «помолвки» — «революционный брак», который левые революционные организации возвели в ранг моды. Но я не считал правильными эти методы

Помимо пустой траты революционной энергии можно сказать, что даже физические условия не способствовали таким помолвкам или супружеским связям. Это означало бы, устремившись в Европу, не видели бы иного пути, кроме обращения с целью получения статуса беженца, или, смешавшись с народом, паратизировать от имени организации. Это было другой формой ликвидаторства.

Я выбрал следующий путь: я принял решение о способе взаимоотношений, который даже представить было бы трудно в рамках культуры Среднего Востока. Я решил до конца жить и бороться в русле диалектических связей и противоречий, не прибегая к браку, который мне кажется вынужденной потребностью. На этой почве я хотел познакомить мужчин и в особенности женщин с их действительной человеческой жизнью и обретением свободы. Это был большой экзамен на внутреннюю революционность. Женщина сильно эксплуатировалась, ее качества злоупотребляли, сделали ее инструментом для сотен уловок. Но, вместе с тем, эта работа выявила отважную и самобытную, мудрую и красивую женщину. Мы потеряли очень много наших красивых и умных девушек. Для того, чтобы как-то облегчить их ностальгию, я чуть ли не ежедневно заново создавал самого себя. Но поскольку я был недостаточно готов, то постоянно испытывал боль. Я осуществил свободную историческую встречу с женщиной. Но я действительно не мог бы стать современным Фархадом для Ширин. Но я не верил в смысл и необходимость этих ностальгических воспоминаний. Я мог понять, что объединение в существующих условиях (гегемонистских системах) означало бы гибель любви. Следовательно, очень важно уметь работать с любовью для решения всех социальных проблем. Точнее, действительная нравственность любви — это умение и способность бороться с социальными проблемами и умение решать это. Не могло быть нравственной любви у тех, кто не обладал этой способностью и силой, кто не мог развить в себе эти силы и способности.

В философии Гегеля условием, необходимым для реализации любви, является обеспечение баланса сил. Это необходимое, но недостаточное условие является выражением женщины, которая обрела силу. Речь идет не о балансе грубой и материальной силы. Речь идет о физической, психологической и социальной силе. Говорят, что для женщины, еще с древности испытывающей самый страшный гнет и

рабство, не может быть любви. Для того чтобы дополнить этот философский взгляд, в котором есть доля истины, я посчитал важнейшей задачей развитие находящихся в наших рядах женщин во многих аспектах (идеологическом, политическом, нравственном, эстетическом, физическом, даже военном — что необходимо для самообороны, в экономическом, спортивном и прочих отношениях). Я хорошо понимал, что путь к уважению женщины, принципиальному поведению и любви, путь к правильному, хорошему и красивому пролетит через духовное развитие женщины. Таким образом, без обретения женщиной силы не может реализоваться ее любовь. Я всецело верил в правильность этого определения. Я был уверен, что это тот вопрос, в котором не должно быть никаких уступок. После того как я постоянно обретал эту способность и силу, мои труды, касающиеся женщин, становились более значимыми. Девушки знакомились с ними и как будто пробуждались от тысячелетнего сна, от кошмара. Даже я, несмотря на свою крайнюю шепетильность в этих вопросах, не удержался от того, чтобы прижать их к груди бесконечной любви и тоской, я их возвеличивал словно корону. Две ошибочные тенденции в этом вопросе постоянно давали о себе знать: побуждаемая грубым половым инстинктом, под маской традиционной «помолвки» совместная жизнь без какого-либо идеологического, политического и практического фундамента, при малейшей возможности демонстрирующая низкое поведение, становится очень ужасной. В противовес этому грубый аскетизм, то есть подавление своих желаний и стремление оказаться выше полового влечения, только способствует разрастанию проблемы. Работа, которая проводилась в направлении демократической свободы и равенства, стала нормальным мерилom социальной свободы. Практические события подтвердили правильность принципиального подхода, добра и красоты.

До начала 1990-х гг. возрастающими темпами мы продолжали рассуждения в группах обучения, где количество обучающихся каждый год переваливало за тысячу. Эта работа не ограничивалась только лишь помощью в преодолении кризиса повстанцев в 1988 году, она вознесла на новый этап партизанскую войну, которую необходимо было довести до стратегического уровня, а также обеспечить ее развитие. Поддержка народа, вновь активизировавшаяся в 1991–1992 гг., решительно поставила на повестку дня политическую

регулирование проблемы. Тургут Озал, выдвинув с 1985 г. свою воинственную концепцию, по сути, занял позицию ястреба. В 1987 г. было создано Управление чрезвычайным положением. ИТЕМ, наделенная полномочиями сверх закона, получила задачу фактически заменить любые государственные органы. Все акции, совершаемые вне всякой тактики «бандой четырех» и аналогичными организациями, начиная с 1987 г. (то, что они покушались на жизнь детей и женщин) прямо и косвенно были связаны с ИТЕМ. Аресты, проходившие в том же году в Германии, начало действия Хизбуллах стали этапами этого же ликвидационного процесса, показали, что «Гладио» эффективно действует только против РПК и курдского освободительного движения. Против новой волны в революционной войне началась контрреволюционная волна «Гладио». Эскалацией этой встречной напряженности начались в девяностые годы. Впервые в истории Курдистана во всех четырех частях страны, а также почти во всех областях каждой из четырех частей народ познал целостность борьбы за идентичность и свободу. Впервые в истории Турецкой Республики в этот период серьезно задумались в возможности политического урегулирования.

Тургут Озал оценил результаты семилетней войны и обнаружил, что Турция оказалась загнанной в глубокий кризис. Он решительно, на своей личной инициативе (мы даже не сумели своевременно это понять), попытался решить вопросы мира урегулировать проблемы, причем включая сюда Мосул—Киркук. У армии и оппозиции возникли серьезные возражения и противодействие. США и Англия, владевшие с 1925 года по настоящее время Ирак в целом и Иракский Курдистан в частности в своей гегемонии, конечно же, не могли принять этот новый подход Озала. Что касается Израиля, то он в принципе оценивал Иракский Курдистан как некий прото-Израиль. Отрыв Мосула—Киркука (это Иракский Курдистан) от Турции имел место вследствие соглашения с англичанами (на стадии создания Израиля они были покровителями сионистского движения), так что пошел М. Кемаль, оказавшийся перед дилеммой «или республика, или Мосул—Киркук», то есть без передачи Мосула—Киркука англичанам республика не могла бы возникнуть. Известно, что лидер Мустафа Кемаль вынужденно сдал Мосул—Киркук англичанам. Если бы не отдал, то они неминуемо оказали бы поддержку курдско-

му восстанию 1925 г., а также началась бы череда покушений — ему частенько давали понять. Подписанное соглашение стало новопологающим тяжким фактором курдской проблемы, которое продолжает оставаться и по сей день. Три премьер-министра, пытавшиеся аннулировать этот статус, поплатились за это своей жизнью. Казнь Мендереса, убийство Озала, парализация и последующая смерть Эджевита тесно связаны с их политикой относительно Иракского Курдистана. Исследование, проведенное Ялчыном Курком, проливает свет на эту проблему. Выявились следующие решения: урегулирование курдской проблемы носит целостный характер. Ни одна из отдельных частей Курдистана самостоятельно не сможет добиться урегулирования. До тех пор, пока не будет решена проблема в самой крупной части, коей является Турецкий Курдистан, крайне сложно найти путь к решению проблемы в других частях страны. Кроме того, еще большее внимание вызывает тот факт, что урегулирование курдской проблемы буквально заковано в цепи силами капиталистической гегемонии; ни одно решение не может быть реализовано без них, с игнорированием их интересов. Если есть желание урегулировать проблему, следует заплатить им очень большую цену. Попытка урегулирования, предпринятая Т. Озалом, подтвердила все эти версии во всей их дикости и безжалостности.

Когда от Озала (через посредничество Джалала Талабани) поступил, несмотря на его политическую и дипломатическую неопытность, призыв к диалогу и урегулированию, я месяцами не мог не поверить. Я задумался над двумя вариантами. Первый вариант — это то, что Озал мог оказаться в какой-то тактической игре; второй вариант сводился к тому, что он и сам не знал, чем занялся. История в короткие сроки оправдала мои мысли. Я испытал боль от зверского убийства Озала. Я взял на себя обязательство постоянно отслеживать процессы, связанные с раскрытием завесы тайны над его смертью. Лидер ПСР Р. Т. Эрдоган, сравнивающий себя с Озалом или не знает реальности, или стремится ввести всех в заблуждение. Ведь Озал никогда не говорил: «Я никогда не установлю отношения с лидером РПК». С теплотой мудрого человека он лично говорил Джалалу Талабани, что «нельзя назвать неверными все наши дела». С гораздо более широким видением, нежели наше, он выразил важность диалога и жизненно важное значение этого урегулирования.

обсуждений. По сути, зная и видя разрушительный эффект во-
ен, он пришел к необходимости политического урегулирования.
С помощью закона об условном наказании он выпустил некото-
рых членов РПК из тюрем без каких-либо предварительных усло-
вий. Таким образом, сравнение Р. Эрдогана с Озалом совершенно
не соответствует действительности. Политика его партии ассоции-
руется с гораздо более планомерной и углубленной версией поли-
тики Т. Чиллера. Кроме того, для вынесения окончательного решения
по отношению к нему самому необходимо подождать и понаблюдать.
Многие говорили о том, что 1993 г. стал очень драматичным. На
первый взгляд, именно упомянутый год стал датой захвата государства
организацией «Гладио». Это был не просто год переворота и поку-
шений, а год множества тайных переворотов, заговоров и массовых
убийств. Более того, это год наибольшего в истории Курдистана из-
менения курдов со своих земель. Это был год, когда было положено
основание наибольшему использованию террора и массовых убийств,
которые «белый» турецкий фашизм, пользуясь поддержкой стоящих
за его спиной НАТО и Израиля, проводил до 1996 года. 1993-й стал
годом устремления политики геноцида к своему апогею. Это был год,
когда при помощи устрашающих массовых убийств, совершенных во
многих уездах (в первую очередь, в Ширнаке, Джизире, Нусайбине,
Дже), сожжения и уничтожения более четырех тысяч сел — вслед за
уничтожением сел и убийствами в этих селах было изгнано оставшееся
население, совершенно обездоленное, без своего домашнего скарпа.
Это был год жизни и смерти миллионов курдов, отправленных в
лагеря. Другой важной особенностью этого года стала ликвидация
курдского государства. Возникла форма государственности, которую
можно назвать «бандитским государством». Те, кто это сделал, уве-
ревали, что осуществляют нечто, аналогичное действиям Мустафы
Кемали против греков во время освободительной войны, даже нечто
лучшее. Притчей в языке стал тезис о том, что Т. Чиллер является «ма-
тематикой всех турок». Но ведь курды были истинными соучредителями
трехтысячелетних авторитарно-государственных образований на
тех же землях! А сейчас всех курдов хотят попросту ликвидировать...
Старые болезни, углубившись, продолжали проявляться в рядах
революционной борьбы, возглавляемой лидером РПК. К этим бо-
лезням добавились еще дополнительные элементы. Было порожд-

дено так называемое «среднее поколение», которое, не испытывая никакого стыда, с лёгкостью совершало ошибки и недочеты, которые были гораздо хуже, нежели те, что совершали старшие поколения. Посчитав свое выживание личной победой, они попросту утонули в эйфории победы. Но ведь эти элементы были виновниками тяжелой ликвидации, пережитой летом 1992 года. 1992 год мог стать судьбоносным для РПК годом. Если бы так называемые «командиры» не впали бы в эйфорию самовлюбленности и осознали бы смысл оказанной нами исторической поддержки, то герилла мог бы овладеть ситуацией на почве качественной и количественной обороны территории. Можно было бы говорить о пятидесяти тысячной армии — для этого были все возможности. С этой целью была задействована возможность политического урегулирования. Эту историческую возможность не смогли оценить: вместо этого они яростно ринулись в пучину эйфории лидерства.

В курдской истории много подобных сцен. В 1847 г. в Ботане Бедирхан-бей тоже оказался в аналогичной ситуации. Во главе своего войска численностью в пятнадцать тысяч человек он был ханом региона. Агрессия османской армии была им нейтрализована. Но у него, впрочем, не было возможности сопротивляться длительное время. Именно в этот период произошло предательство его племянника Езданшера. Результатом было начало процесса упадка Ботанского княжества, да так, что уже не могло быть речи о восстановлении. Тысячелетняя традиция погибла из-за какого-то ничтожества. Амбиции Езданшера касались узурпации княжеского титула. В итоге семья была выдворена из Ботана с тем условием, что никогда более сюда не возвращаться. Но Ботанское княжество уже никогда не будет воссоздано. У нас несколько так называемых «командиров» во главе с подлецом Османом тоже возомнили, что имеют право на роль лидера. Они взяли за основу традиции Барзани Талабани. Кроме того, они поддались на лесть: «Да вы гораздо сильнее! Он же сидит в Дамаске и ничего не делает! Вы должны владеть всем!» Эту лесть крепко вбили им в головы и сердца. Впрочем, когда силы ДПК и ПСК, имевшие хорошие отношения с Генштабом Турции, продвинулись с юга, а турецкая армия — с севера, и их запланированные и объединенные действия достигли своего апогея, они буквально утопили в крови наше движение, поставили пер-

мом ликвидации, втянув в заранее известный им план военных действий. Последствия были ужасающими, сотни самых значимых бойцов и партизан погибли, тысячи были вынуждены подчиниться, Демирель, открыто сыгранная в этой операции ДПК и ПСК, невозможно представить в отрыве от натовского «Гладио». В ответ на это разрешив Турции размещение «Силы молота» в Южном Курдистане, Турция согласилась на создание федеративного образования в Иракском Курдистане. Таким образом, союз 1925 г. продолжился.

РПК была на пороге военной победы. Определяющими в данном случае оказались внутренние противоречия, продолжения заговора и предательство некоторых сил в Южном Курдистане. Внешние силы стремились продолжить гегемонию, определяющую статус Курдистана с 1920-х годов. Еще одна подтвержденная реальность заключается в том, что народ, восставший во имя своих основных прав и свобод, сможет достичь успехов, несмотря на силу внутренних и внешних гегемонистских кругов. Попытки прекращения огня весной 1993 года и судьба поисков диалога, по сути, определились после того, как была утеряна возможность военного успеха в 1992 году. Блок, противостоявший Тургуту Озалу и Эшрефу Битлису, очень близко подошел к полной узурпации власти. Лидеры этого блока приняли решение о ликвидации Озала. Поиск Озалом диалога с лидером РПК они сочли предательским мотивом и воспользовались этим для низложения. Используя как повод низложение Озала, они решительно настроились на то, чтобы обеспечить кладненское безмолвие в Северном Курдистане. Они были в состоянии задавить любую силу, противостоящую им. Была создана очень сильная оппозиционная коалиция. Демирель, Чиллер, Иненю, Туркеш, Эрбакан, СМИ и армия в значительной мере объединились. Единственная цель коалиции — полностью задушить все поиски своей идентичности и свободы, которые осуществляли курды.

Основополагающая работа, которую я выполнил в состоянии противостояния с этим фашистским блоком, пользующимся полной поддержкой США и Израиля, частичной поддержкой стран ЕС, была аналогом той работы, которую я выполнял после 1986 года. Когда пустел наш учебный лагерь в Бекаа, мы продолжали обучение в домах, которые мы превратили в учебные лагеря и в Ливане, и в Сирии, — в первую очередь это Дамаск и Алеппо, а также осталь-

ные города страны. С 1993 г. до конца 1998 года, обучая на основе очень глубоких разработок примерно тысячу человек, мы старались сохранить скорость и стабильность движения. Мы приложили не мало усилий для того, чтобы нейтрализовать все крупные операции «Гладио», в частности, проведенные ими в Ботане и Бединане при поддержке ДПК в 1994, 1995, 1996, 1997 и 1998 годах. Мы взяли за основу правило: непрерывно активизируя нашу деятельность во всех сферах. Внутреннее руководство продолжало создавать проблемы. Едва ли не создан был повод для побега Мехмета Шенера, Джанира Хазира и Шемдина Сакыка. Из-за нехватки командного состава было убито много партизан. Несмотря на все это, у движения все еще оставалось много возможностей. Но эти возможности не были использованы для расширения борьбы и выявления потенциала партизан. Не удалось заступиться за изгнанных соотечественников. Террор, организованный в селах и городах охранниками и Хизбуллах, не давал народу свободно вздохнуть. Имели место тысячи массовых открыто совершенных убийств, что пытались оставить в тайне. Не признавалось ни одно правило нравственности. В ход были пущены методы, которые не применялись в отношении какого-либо другого народа, навязывались процессы, которые были гораздо страшнее, нежели безжалостное истребление. Миллионы людей были оставлены без работы и пропитания. Были узурпированы жилища и имущество изгнанных курдов. Собрав курдских детей в лагерь под названием «Сельские интернаты», пытались осуществить процесс их тюркизации. Религия была поставлена на службу фашизму. Экономика полностью подчинена войне. Малейшее возражение и критика натывались на стремление обанкротить критикующего.

Несмотря на это, мы взяли за основу принцип жить и сопротивляться. Хотя Иракский Курдистан буквально за нашей спиной получил статус федерации, но войны, развязанной ими в регионе против нас, оказалось недостаточно для того, чтобы ликвидировать нас. Наоборот, наши силы распространились на весь Южный Курдистан. Турецкая армия в стратегическом смысле препятствовала вала военному успеху, но, открыв путь появлению Федеративного Курдистана, они получили еще и стратегический удар. Упустили стратегическую военную победу, постучавшуюся в двери, РПК, тем не менее, в значительной степени смогла сохранить свои полити-

ческие и военные силы. Ее узнали на международной арене, она закрепилась во многих европейских странах достаточно прочно. РПК взяла на себя роль передовой партии в Иранском, Иракском и Сирийском Курдистане, заручилась поддержкой подавляющего большинства европейских курдов, поднялась до такого статуса, который позволил открыть свои представительства во многих балканских, кавказских и среднеазиатских странах.

В 1997 и 1998 годах вновь был опробован путь косвенного диалога по каналу премьер-министра Неджметтина Эрбакана и армии. Поиск диалога стал следствием невозможности такого дальнейшего существования. Ожидая результаты диалога, узнали, что командующий сухопутными войсками Атилла Атеш 18 сентября на границе с Сирией выступил с определенными угрозами, и это было из серии напоминаний о том, что наступил конец определенного периода. Эта речь и отражала деятельность сильного лобби в армейских кругах, и свидетельствовала о том, что диалог не может быть продолжен. Опять силы переворота и заговора, состоявшие в связи с внешними силами, и сместили с должности Н. Эрбакана, и запугали покушениями новоизбранного в то время начальника Генштаба Хусейна Кыврыкоглу за его позицию «голубя мира» (были в то время люди, которые считали, что это именно так). Поиски мира и политического урегулирования, имеющие такое же значение, что и времена Тургута Озала, в очередной раз были сведены ими на нет. Мы были на пороге нового периода. Мы дошли до конца крутого поворота в Сирии и на Ближнем и Среднем Востоке. Этот поворот и меня очень утомил. Наступило время перемен. Я будто ждал слома на этом повороте. Предотвращение военной победы РПК нисколько не означало прекращение ее развития и успеха, более того, это не стало препятствием для новых шагов. В случае устранения старых позиций практического руководства совсем не трудно было начать новые шаги и военные процессы, которые во много раз превосходили бы прежние, и вывести продолжающиеся по сей день партизанские акции на качественно новый уровень.

Для меня двадцатилетний опыт на Ближнем и Среднем Востоке был похож на сорокалетний опыт Моисея в Синайской пустыне. Моисей приложил много усилий для того, чтобы превратить не знавшие дисциплины еврейские племена в боевые отряды. С легкостью

оторвавшись от откровений бога Яхве, эти племена продолжали поклоняться идолам, им нелегко было распрощаться со своими традициями. Они не признавали десять заповедей Господа, легко предавались своим желаниям. Они не могли идти в сторону обетованной райской земли. Повествование это свидетельствует о том, насколько старой традицией является поиск родины группами переселенцев. Если группы не станут идеологически цельными и не обретут боевой характер, то их раздробление и растворение будет очень легким делом. В какой-то степени мы жили так, как повествуется о жизни апостолов — учеников Иисуса. Апостолы Иисуса, стремясь спасти от жестокости немрода, попали в плен безжалостности фараона, они оказались распятыми на кресте в тени римских гладиаторов. Мы тоже ежеминутно были лицом к лицу с угрозой распятия. Мы понемногу стали похожи даже на воинов пророка Мухаммеда. Мы были и идеологией, и политикой, и воинами. Для того чтобы жить, мы не останавливались перед нападением и самообороной. Только в сторону земли обетованной мы не шли, но мы совершенно не хотели полностью отрываться от этих земель. Мы всегда находились на вершинах гор и у горных подножий. Несмотря на все расхождения, мы не останавливались перед возможностью объединения.

Моей целью в 1970—1980 гг. было создание передовой организации, партии. Мне удалось сделать это. Моей целью после 80-х стало создание воюющего народа и его боевой организации, как бы долго это ни длилось. На Ближнем и Среднем Востоке, в сущности, цель давно уже была достигнута. Все, что происходило в 1990-е, и позднее 1995 года, означало повторение самого себя в самой бессмысленной форме. Меня подвигло на эти чрезмерные повторения стремление быть полезным. Земля имела очень большое значение для борьбы курдов за идентичность и свободу, и я хотел использовать ее до конца. Я давно уже был готов покинуть эту территорию. Но этому не были готовы товарищи на других землях, друзья и народ.

Часть пятая.

КРИЗИС НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА, МАСШТАБНЫЙ
ЗАГОВОР И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
РПК

А. КРИЗИС НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Неоднозначное отношение к национальному государству на стадии идеологического формирования РПК было обусловлено проблемами, скрытыми в структуре наших универсальных идеологических связей, которые мы стремимся выразить в виде научного социализма. Как мы часто подчеркивали, на развитие социальной науки оказало значительное влияние то, что идеологическая гегемония, начавшаяся с обретения современным капитализмом гегемонистского характера, стала заново создаваться в социальной сфере так же, как и во всех сферах. Когда какая-либо социальная система начитает свое восхождение, она, как единое целое, стремится установить свое главенство. В системах цивилизации это обстоятельство можно обнаружить в достаточно прозрачном виде. Гегемония не может быть ограничена только экономическими и военными рамками; она стремится утвердить себя во всех сферах общества, в сферах, связанных с идеологическими, правовыми, политическими, социальными, культурными и экологическими сторонами основной жизнедеятельности. Капиталистическая цивилизация, или, иными словами, гегемония, связанная с социальными сферами в системе модерна и очень усиленная и оставляет на этой гегемонии ярлык насилия. Когда капиталистическая современность, начала свое восхождение в Западной Европе (в XVI веке) и вступила в противоречие со всеми сферами традиционного общества, капитализм развил мощные идеологические инструменты с целью утвердить себя как явление. В частности, он вступил в яростную борьбу с тремя важнейшими монотеистическими религиями. Больше всего он заставил преобразиться католицизм, бывший в тот период главенствующим в Европе. Как известно, в результате этого процесса официально был провозглашен протестантизм, который можно считать своего рода национализацией христианства. Протестантизм, впервые провозглашенный в Германии (1517 г.), стал

первой идеологической победой капитализма. Вместе с ренессансом, он способствовал усиленному переносу философии античной эпохи и переносу исламской культуры на новую почву, а также перерождению философии в качестве сильной идеологической темы. XVII век в определенном смысле стал столетием философской революции. Декарт, Спиноза, Бэкон, Дж. Бруно, Эразм Роттердамский и другие ярчайшие личности были среди первых, кто способствовал этой революции. Развитие капитализма привело к ослаблению традиционных религиозных идеологий и развитию философских школ, узаконивающие его интересы.

Вместе с философской революцией в XVIII веке произошла научная революция. XVIII век, ставший «веком Просвещения», продемонстрировал значительное развитие светского мышления, свободного от религиозного мировоззрения. Великая Французская революция, состоявшаяся в конце столетия, а также английский промышленный переворот, в свою очередь, продиктовали необходимость революции в социальных науках. С этой точки зрения XIX век следует рассматривать как век революционных изменений в социальных науках. Социология стала новым именем социальных наук, которые попытался подвести под единую концепцию Огюст Конт, но реальная социология была создана и провозглашена именно Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в труде «Научный социализм». Научный социализм, базирующийся на историческом и материалистическом фундаменте, брал за основу диалектический метод мышления. Более того, он имел классовую основу и считал пролетариат субъектом. Гегель, ставший новым пророком и исторической философией, и диалектического мышления, оказал глубокое влияние на все социальные науки, в том числе на социологию О. Конта и научный социализм К. Маркса и Ф. Энгельса. Национальное государство по Гегелю было провозглашено самой последней и наиболее развитой общественной категорией. Гегель считал, что национальное государство способствует максимальной свободе личности. Это была идея о том, что национальное государство, как наиболее развитая социальная структура, обеспечивает максимальные возможности освобождения личности. Поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс сами были уроженцами Германии, они посчитали прогрессивными взгляды Гегеля о необходимости цен-

организации немецкого государства и его формирования в качестве национального государства. Анархисты, в первую очередь М. Бакуини, выступили против данного суждения. Они утверждали, что национальное государство является выражением не свободы самой личности, а современного рабства, а наибольшим вкладом в личную свободу может быть жизнь в коммунах.

Научный социализм избрал себе в качестве крова центрального национального государства. Пролетариат любого государства должен был прикладывать усилия, прежде всего — для развития этого центра, а также должен был создать соответствующую данному явлению классовую организацию. Путь интернационализма должен был пройти через национальное классовое государство. По мере своей организации научный социализм стал самовыражаться в виде системы социализма. Создание Советского Союза стало официальным призывом социализма. Его государственной формой стало национальное государство с лидирующей ролью пролетариата. Даже пролетарское национальное государство не преминуло подчеркнуть свое отличие путем гораздо большей централизации и распространения во всем обществе, нежели буржуазное национальное государство. Зародился своего рода пролетарский «социализм фараонов». Название «социализм» присвоили бюрократическому капитализму, являвшемуся моделью капитализации отсталых стран и наций, развивавшихся в зависимости от капиталистической гегемонии. Научный социализм стал реальным социализмом, бюрократический капитализм (коллективный капитализм), воплотившийся в жизнь, тоже стал называться социализмом. Мы стали свидетелями того, как этот социализм в силу внутренних причин в начале 1990-х годов начал гнить, разлагаться и распадаться. Мы не могли поверить в такой распад социализма, но распад и упадок были реальными. Но, по сути, распался не социализм, а бюрократический капитализм; это была самоорганизация национального государства в качестве капиталистического субъекта. То есть пролетариат, стремившийся создать бесклассовое общество, превратился в самый дикий капиталистический класс. Именно так осуществился один из витков диалектики.

РПК испытала влияние национально-государственного понимания системы социализма, чью платформу мы представили в наиболее общих чертах. Имело место влияние в очень грубой форме. Наш куль-

турный уровень позволял сделать это. Точнее, мы в полной мере не знали, что представляет собой социалистическое государство. Мы не могли говорить о расплывчатом сознании, уязвимом для любого толкования. Мы очень часто использовали понятие «независимый, объединенный, демократический Курдистан» как на заре идеологического и политического рождения, то есть формирования новой партии, так и на стадии превращения партии в боевую организацию. Но мы не могли конкретно определиться по поводу того, каким является этот Курдистан. Было ли это обществом равноправия и свобод или это — одно из социалистических государств того периода? Могло ли это быть просто национальным государством в более отсталой форме? Или мы имели в виду Курдистан с демократическим обществом? На эти все вопросы у нас действительно не было конкретного ответа.

Цель нашей революционной народной войны и организации была очень двусмысленной, учитывая эти вопросы, ее можно было толковать различно. Исходя из условий, в которых находились, мы оказались лицом к лицу с проблемами, способными привести к различным искажениям. Если у войны и армии нет четких целей, постоянно существует возможность ошибок и даже деградации. Отсутствие полных и четких представлений по поводу дальнейших действий могли привести к разбросу даже у порога победы. Например, воины Спартака могли разбить наголову Рим, но они не знали, что будут делать с Римом и как им управлять. Они могли его разграбить. Но разграбление — это путь, ведущий к поражению. Опыт нашей революционной народной войны достиг стратегии ряда больших побед. Но мы не до конца знали, что делать дальше. Во многих регионах создались условия для революционной власти. Но члены партии и кандидаты на командные должности даже не знали, что такое революционная власть. В одно время я даже привел такую народную поговорку: «Возвели цыгана в генералы, так он первым делом отца своего повесил». И наша ситуация была несколько похожей. Мы взорвали революционную власть над головой своего народа. До сих пор помню, один молодой человек, студент университета из Хаккяри, пришел к Хогиру и попросился на службу, желая внести свой вклад в наше дело. А этот подлец сразу же назвал юношу «агентом» и приказал убить его. Был еще сын вождя одного из племен, оказывавших поддержку, и он вместе с представителями своего рода приходил и предлагал

и услуги, в самых тяжелых условиях. И его Хогир приказал убить. Я очень ценил этого юношу, а позже узнал, что он был единственным сыном — остальные были девочки. Отец, потеряв наследника, пережил большую трагедию. Это был один из тысячи трагических случаев (который я не могу забыть). Товарища с партийным псевдонимом Тажихан, бесстрашного и самоотверженного, я для оказания поддержки отправил в Дерсим к Хидир Яалчин (Серхат) и Айсел Чурукчани. Но эти люди не остановились ни перед чем и подло убили его, испугавшись того, что он может в будущем разделить с ними власть.

Подлец Шемдин Сазык тоже совершил бесчисленное количество таких преступлений. Высказывание о цыгане, ставшем генералом, я вспомнил применительно к данной характерной черте этого человека. Не только эти, но и подавляющее большинство всех командиров не брезговало так подло, предательски и безжалостно использовать уважение революционного народа, находившегося на пороге исторической победы. Они думали, что такими методами они обретут авторитет, считали, что им сойдет с рук все — и повешенные, и зарезанные ими товарищи. Можно сказать, деградация авторитета происходила прямо на пороге этой победы. Несомненно, нельзя игнорировать прямое и косвенное влияние «Гладио» — ШЕМ на этот процесс деградации. Но большинство негативных случаев однозначно объяснялось «болезнью власти и авторитета». Такое небрежное и варварское отношение к народу на стадии, когда поддержка народа достигла апогея, способствовало гораздо более разрушительным последствиям, нежели умышленное и самое страшное предательство. Когда этот подход соединился с практикой контр-герилл (спецназа), поддержка со стороны народа не просто уменьшилась или прекратилась, но многие люди записались в ряды сельских охранников, чтобы защитить себя. Миллионы наших самоотверженных сторонников, голодные, разочаровавшиеся и нищие, потоками устремились в метрополии, потому что революционная власть не смогла защитить их. Они искали себе пропитание в мусорных баках. Только у подлых командиров все было в порядке. Несомненно, мы чтим память тех, кто ценою колоссального самопожертвования делает все для своего народа, кто в безнадежных условиях остается без еды и воды, кто в снегах и зимней стуже погибает, борясь до последнего дыхания, и тех, кто живет сейчас.

Власть — это один из политических, социальных вопросов, в отношении которого больше всего ведутся дискуссии в философии. По мере развития обществ неизбежным становится развитие власти. Мы наблюдали множество различных видов власти, от кланового общества до современных гегемонистских обществ. Как правило, власть нельзя ругать. Власти оцениваются в свете их условий и деяний. Матриархат тоже является властью, но очень ценной и производительной. Патриархат — это несколько иная власть. Его положительные и отрицательные стороны переплелись между собой. Если изначально иерархическая власть играла максимально организующую роль, то позже стала деградировать. Авторитет, превращающийся во власть, означает авторитет, оказавшийся на грани абсолютного зла. То, что авторитет власти на протяжении всей истории считается источником зла, обусловлено его агрессивным и порабощающим характером. Государственная власть несет в себе тесно переплетенное единство положительных и отрицательных особенностей. У нее есть стороны, которые обязательны в социальной сфере. Но у нее есть и негативные стороны, которые отнюдь не являются обязательными и часто используются в авторитарных целях. Демократическая власть — это совершенно иная разновидность власти. Это означает ежедневное самоуправление общества. Политическое управление очень значимо, потому что оно обязано брать за основу коллективное суждение и, в особенности, жизненные интересы всего народа. Оно является гарантом нравственной жизни, краеугольным камнем этой жизни. Кроме этого, нам известны различные формы власти в научной, экономической, религиозной и многих других сферах. Уважение и подчинение во всех упомянутых сферах ценны и неизбежны, но при условии, что это не приведет к реакционности, индивидуализму и не превратится в какие-то интересы избранных слоев.

Революционная власть является выражением мига рождения власти, которая должна быть во всех этих сферах. Это власть, которая структурируется позднее. Как бы изначально ни преобладали индивидуальные стороны, но предпочтительным был ее коллективный характер. Несомненно, каждый личный авторитет нельзя считать негативным. Личный авторитет, уместно применяемый в социально-историческом смысловом контексте, представляет собой большую ценность, обеспечивая скорость и успех социальных преобраще-

...и перемен. Но порой может иметь место и обратное. Были
...жительные исторические личности, и отрицательные. Итак,
...в коем случае нельзя игнорировать позицию коллектива. Даже
...ли личный авторитет позитивен, очень важно не игнорировать
...ствующее рядом с ним мнение коллектива. Революционный
...ритет, будь то коллективный, или личный, представляет собой
...и является очень тонкой областью, поскольку способствует
...дующей структуризации. Правильное и уместное использова-
...го авторитета имеет жизненно важное значение. Очень важно
...временное использование. Самым большим злом по отноше-
...к обществу, народу и даже государству была бы игра в подобных
...ниях с революционным авторитетом, негативное использование
...употребление им ради эгоистических личностных интересов.
...Мы сумели добиться авторитета. Но мы или не знали, что собира-
...осуществить с его помощью, или каждый стремился использо-
...но благо себе. Говоря «каждый», я имею в виду не наших дорогих
...оотверженных безымянных героев, а тех, кто не заслуживает
...командовать и использует свои полномочия оппортунистиче-
...и. Что уж говорить о представлении этими типами позиции госу-
...ства или какого-либо иного явления, если, как выясняется, они
...пользуют все это в самых презренных целях! В основе кризиса, ох-
...отившего РПК, лежит желание стать «авторитетом» и развитие наи-
...искаженных, деградировавших и упаднических форм станов-
...вения власти. Имеет место болезнь становления власти. Это болезнь,
...арая активно ощущалась в системе социализма. Надо четко по-
...нать, что в основе всех болезней или социальных проблем цивили-
...ции лежит преимущественно сила власти, или эксплуатация и
...чение всего общества этой силой. В конце 1990-х годов в РПК
...стала заметно ощущаться эта болезнь. Несомненно, в социуме по-
...жно существует культурная почва для такого рода явлений. При
...вой же возможности они обязательно спровоцируют разрастание
...проблем вместо их решения. Ощущалась необходимость в идеоло-
...гической и политической партии, чтобы совладать с негативными
...формами культурного воздействия. Но сама партия в условиях соци-
...листической системы превратилась в источник безграничной авто-
...ритарности и власти. Модель национального государства воспроиз-
...дилась в основном путем партийного становления. В националь-

ном государстве партии стали инструментом захвата власти или переноса этой же власти в общество и ее узаконения. Система социализма стала системой, которая более всех применила это понимание и сделала его единственным. Быть однопартийной системой означает быть партийным государством. Крах системы социализма наступил именно из-за этого желания стать партийным государством.

Личность, формирующаяся в условиях такого веками угнетаемого общества, как курдское, не может так просто отказаться от того, чтобы не применить к себе любую власть, которая только идет в руки потому что она сама была замешана на этом. Пока не будет развито правильное понимание власти, останется применять то, чему научился у врага. Мы знаем, что этот узел не только не был разрублен в условиях социалистической системы, но и запутался еще больше.

Такого рода авторитет, который РПК старалась перенять у системы социализма и переживала вне рамок государственного миропонимания, который стал другим значительным фактором усугубления его двусмысленного состояния, связан с природой той власти, которая кроется под именем Турецкой Республики. Османская империя, созданная на почве наследия Ближнего и Среднего Востока Византийской империи, пусть и частично, но передала это наследие Турецкой Республике. Новый режим, привив к этому национально-государственный элемент современного капитализма, превратил его в чудовище, которое чуть ли не заглатывает все общество (современный Левиафан). Во властной структуре республики курды были в роли основного элемента, но спустя некоторое время их существование было подвергнуто отрицанию. Эта ситуация не просто превратила курдскую проблему в наиболее болезненную и кровавую, но вместе с тем выполнила очень запутанную и отрицательную функцию в отношении вопроса власти. Участие курдов во власти (для буржуазии и господствующих классов) не только сделали совершенно незначительным, но и все общество оставили в состоянии пустоты и ничтожества. Эта ситуация, естественно, способствовала ошибочному пониманию власти и авторитета. В сущности, настроения сепаратизма создает сам режим, но, тем не менее, своего партнера, которого предал забвению и отрицанию, он обвиняет в сепаратизме. Так возникала фальсификация. Безусловно, я говорю об этих реалиях не для определения действительности организации или реалий

ности. Я пытаюсь выразить то, что действительность превратилась в такое явление, которое вводит в заблуждение и закрывает на все глаза. Эта действительность способствует выдвигению требований, выходящих неправильно созданного национального государства, когда возникает фундаментальная ошибка, возрастает идеологическая и политическая двусмысленность в организации или РПК.

Мы двояко погрязли в двусмысленности. Первый — это однопартийная национально-государственная модель системы социализма, второй — сложная структура власти под названием «Турецкая Республика», основанная на отрицании курдов. Если к этому добавить слабость подавленной и отчужденной от себя курдской идентичности, то гораздо понятнее станут структурные проблемы в плане власти и авторитета РПК. В 90-е гг., по мере роста проблем власти и авторитета, по мере того, как актуализировалась, не получая должного ответа, потребность народа в авторитете, который смог бы защитить его, проблемы превратились в кризис. Кроме меня, не было никого, кто задумывался об этих проблемах, кто хотел бы задумать или стремился дать пусть грубый, но ответ на эти проблемы. Я старался изо всех сил добиться постоянства организации и практики, старался решить проблемы, которые постоянно возникали перед нами, все больше разрастаясь. Этот подход в итоге усугублял проблемы. В период после 1955-х гг. я впервые ощутил в себе утомление и понимал, что излишне повторяюсь в методике. Я не только осознавал, что будет гораздо более конструктивным и больше способствует развитию отказ от этого стиля и развитие совершенно нового стиля в иной сфере; более того, я ощущал необходимость в этом. Но оставление стратегических позиций в Сирии я не считал правильным по политическим и организационным причинам. Следовательно, можно сказать, что я переживал определенную стагнацию. Но эта ситуация совершенно не снижала плодотворность нашей деятельности, не приводила ни к каким потерям — она продолжала способствовать многосторонним успехам. Но, опять же, я продолжал испытывать потребность в глубоком изменении метода.

Диалог, который, пусть и косвенно, был возобновлен в 1997–1998 гг. (при посредничестве Абдалхалима Хаддама, бывшего первым заместителем президента Сирии Хафеза Асада), мог бы способствовать применению нового метода. Сирия была благоприятной тер-

риторией для применения этого метода. Именно по этим причинам мы предпочли не оставлять эту территорию. В частности, после 90-х мы перенесли в Сирию организацию лагерей на базе больших домов. Еще больше укрепились наши связи с властью. Было бы полезно вкратце остановиться на том влиянии, которое оказало это новое состояние на мою жизнь. Проживание в Сирии времен Хафеза Асада требовало большой ответственности и способностей. С этим нелегко было справиться. В основе этих отношений лежала оценка нашего положения как гарантии от угрозы, которая могла бы исходить от Турции. Сирия исторически испытывала тревогу по поводу своего северного соседа. Наше пребывание там во всех смыслах становилось определенной страховкой для них. Для РПК Сирия была ключевой страной, позволявшей раскрыться в масштабах региона. Положение сирийских курдов еще больше повышало наше значение. В случае правильной оценки связи смогли бы обрести стратегическое значение. Более того, курды играли важную роль и в становлении внутреннего баланса власти. Исторически этот регион был местом перипетий стоянок курдских беженцев; это была территория ценной дружбы.

Я коснулся основных пунктов своей примерно двадцатилетней жизни в регионе. Во время последнего периода своей работы в Сирии я испытывал неудовольствие из-за осязаемого влияния власти. Это неудовольствие не было связано с каким-либо давлением, я просто ощущал волнение из-за разрушительного влияния власти. Дипломатия, находящаяся на платформе власти, не особо соответствует природе революционной деятельности. Моя работа в Ливии была своего рода аналогом работы на горных позициях. Там я был более спокоен. Там возможности движения и условия для сохранения здоровья были более подходящими. В Сирии я был прикован к дому и автомобилю. Обучение, основанное на рассуждениях, ничем не уступало обучению в Ливане, оно было более плотным и качественным. Я всегда считал упущением то, что не интересовался каждым из кандидатов. Были настолько дорогие мне кандидаты, что я хотел бы провести рядом с ними всю свою жизнь. Но работа настолько разбрасывала нас по сторонам, что я не мог найти возможности для того, чтобы сердечно интересоваться ими. Большинство этих товарищей погибли смертью храбрых. Каждый остался в моем сердце как величайшее сокровище. По сути, под этой позицией кро-

В то, что в силу испытываемого мной пламенного отношения к революционной борьбе я отбросил на второй план все личные отношения. Коллективистский подход стал едва ли не болезненным состоянием. Личные отношения я воспринимал в категории частных отношений и подходил к ним отрицательно. Именно поэтому мое сердце постоянно ноет от того, что не смог из-за этого дать достойный ответ на ностальгию этих возвышенных патриотов. Но все же я отказывал себе в удовольствии проводить со всеми диалоги, пусть и символически, во время моих поездок и занятий. Я не мог встретиться с народными массами так, как я того хотел бы. Обращение к народу во время празднования некоторых годовщин носило очень общепринятый характер, и этого было недостаточно. Именно поэтому я холодно относился к официальным торжествам, методам, отдающим властью. Это казалось мне альтернативой моего отдаления от народа. То, что мы не уделяли достаточного внимания различным друзьям и группам, как будто оказывалось следствием властного ставления. Я почти метался между народом и властью. Углубление в проблемы власти и демократии многим обязано этим отношениям.

Я рассматриваю женщин как отдельную народную категорию. Даже если условия не благоприятствовали, я постоянно пытался найти им место в жизни и всегда обращал внимание на это обстоятельство. Я передал в сферу их ответственности дома, в которых они жили. Некоторые низкие типы, не сумев правильно понять и осмыслить идентичность женщины, считали неправильной такую позицию. При упоминании о женщине или девушке им в голову приходил грубый сексизм и поверхностные отношения. Но ведь в своей деятельности применимо к женщинам я больше всего понимал реальность, значение исторической и социальной истины! Они были для меня сердцем, сутью социологии. Гораздо поучительнее были книги то, что я, пусть и очень узко, но в своей сфере размышлял иерархическую систему, построенную на судьбах женщин. Платформа установленных с ними взаимоотношений разрывала на части статус взаимоотношений между мужчиной и женщиной, основанный на власти мужчин. По существу, я испытывал счастье от того, что этот самый статус разрушался. Мы открыто чувствовали гордость от того, что женщина была не сексуальным объектом, унижаемым человеком. Этот подход открывал дорогу, ведущую к

настоящей любви. Мир любви и уважения, построенный в самом сердце социально-исторической действительности взаимно и без какого-либо обязательного давления, обладал беспрецедентной силой. Если даже среди женщин и встречались такие, которые не смогли преодолеть в себе инстинкт, если и пытались запятнать женщин разными сплетнями, то все равно было много замечательных женских характеров. Многие пали смертью храбрых. Я не буду говорить о них как о безымянных героях, я скажу, что это настоящие героини. Если и будет такая общественная жизнь, которую стоит прожить, то это возможно только в связи с бессмертной памятью о них и на пути, который они осветили неугасимым огнем. Жизнь с женщиной ценна только тогда, когда она столь возвышенна. Все остальное, если даже и протекает в умиротворенном состоянии на лебяжьем пуху, все равно, на мой взгляд, похоже на прозябание в ямах и канавах. В сущности, я сделал следующий вывод: «Удостойся божественной красоты женщины, ее доброты и честности и живи с ней!» В принципе хоть и немного, но мы взаимно удостоились своей доли в этой жизни, прожили вместе жизнь. Говоря «прожили», я хотел уточнить, что философия свободной жизни может иметь смысл и быть определенной только на почве такого совместного проживания.

В Сирии мы познакомились со многими творческими личностями. Вдохновение взаимно обогащало нас. Я постиг, что искусство является способом выражения действительности, и это произошло благодаря этим дружеским отношениям. Естественно, я говорю о большом историческом значении, которое имело знакомство и этой земле с Араме Тиграном, который для меня является первым среди людей искусства. Его искусство для меня является истинным образом курда и Курдистана. Когда в лицейские годы я случайно услышал первую песню, принадлежащую ему, я не постеснялся сказать себе следующее: «Жизнь, о которой поет этот голос, должна быть обязательно прожита, более того, прожита свободно!» За день до отъезда из Сирии мы были вместе. Мне и в голову не приходило, что мы больше не встретимся. Я совсем не хотел подобного разлучения. Проведение концертов в Диярбакыре стало счастьем для Араме Тиграна. Он вел нас, а мы — его. Этот прекрасный голос эпохи в то время когда стремились сделать вечным могильное безмолвие, будет постоянно жить с нами как звучащий венец нашей свободой.

Б. МАСШТАБНЫЙ ЗАГОВОР «ГЛАДИО»

1. ИСХОД ИЗ СИРИИ

Исход из Сирии связан с операцией НАТО-«Гладио». Без учета рас-
сказа в турецкой армии и деятельности «Гладио» мы не сможем точно
комментировать эту операцию. Генштаб, возглавляемый И. Хак-
ан Карадаи и Хусейном Кыврыкоглу, не владел обстановкой так, как
это принято считать. Оба генерала в подходе к курдской проблеме
были гораздо ближе к позициям Эшрефа Битлиса. Они не считали
независимым и возможным направлением войны на полную ликви-
дацию курдов. Программу мирного и политического урегулирования
проблемы, которую хотели начать Тургут Озал и Эшреф Битлис, они
считали и велением патриотического долга, и более близким к клас-
сическому пониманию войны. Сакиб Сабанджи представлял ту про-
пасть, которая защищала эту линию в рамках TUSIAD (Турецкого
союза промышленников). Параллельно этой же линии вырисовыва-
лась позиция начальника департамента спецслужбы Национальной
разведывательной организации Мехмета Эймяра и представителя
службы безопасности Ханефи Авджи. Эта команда, оценив также
покушения в Сусурлук, фактически выступила против кругов, лобби-
ровавших войну. Противостоящую команду, или крыло «Гладио»,
представляли в основном Доган Гюреш и Чевик Бир. Попытки по-
кушения на Сакиба Сабанджи и Хусейна Кыврыкоглу были органи-
зованы именно этой группой. Более того, и раньше многочислен-
ные покушения с целью ликвидации некоторых государственных
чиновников, в первую очередь Тургута Озала и Эшрефа Битлиса, осу-
ществляли предшественники этой же группы, их основоположники.
В 1990 году очередь возглавить Генштаб дошла до Мухиттина Фису-
лилу — это было предложение армии. Пропасть разверзлась, когда
начальником Генштаба вопреки закону стал Доган Гюреш. Другая
группа, воспользовавшись содействием двух солдат, симпатизиро-
вавших РПК, попыталась совершить покушение на Догана Гюреша

при помощи отравленного чая. Эта попытка не увенчалась успехом. Когда в Имрали специальный военный прокурор спросил меня кто принял решение о покушении, я ответил, что эти два солдата симпатизировали РПК, потом они дезертировали и влились в ряды партизан, позднее погибли. Я подчеркнул свое предположение по поводу того, что настоящее решение принималось в недрах армии. Тогда допрос в части, касающейся этого покушения, завершился.

Противоречия такого рода начались в армии с начала XX века даже еще раньше. Во всех аналогичных случаях, имевших место течение почти ста лет, наблюдаются конфликты на той же почве. Это процессы, начавшиеся с низвержения султана Абдулгамид (даже султана Абдулазиза) и завершившиеся покушением на Мустафу Кемалю, это осуществление геноцида курдов, начавшееся с переворота, организованного против шейха Саита 15 февраля 1925 года, и длившееся до казни Сейита Рыза 18 ноября 1937 года, это закрытие «Либеральной партии» (1930 г.) и снятие Иненю с поста премьер-министра (1937 г.). Это и процесс, начавшийся с военного переворота 27 мая 1960 года и длившийся до 28 февраля 1998 года, когда был совершен переворот в стиле постмодерна, и, наконец, процесс, проходивший до подготовки переворота в 2000-е гг. США, гегемонии, прежде Германия, далее поочередно Великобритания и США, поддерживали извне эти конфликты и контролировали их. Все эти заговоры и покушения являются отражением той черты гегемонистских войн, которые, по сути своей, направлены против народов Ближнего и Среднего Востока, в частности, народов Анатолии и Месопотамии. Среди них можно выделить четыре значительные войны, развернутые «Гладио», которые выпали на долю курдского сопротивления, возглавляемого РПК. В предыдущих главах мы в схематическом виде коснулись их. Гегемонистская война капиталистических сил продолжалась, облачившись в одежду «белого» турецкого фашизма. Начиная с М. Кемалю, в армии уже тогда существовала прослойка, которая была обеспокоена этим. Это были патриоты и истинные приверженцы анатолизма. Положение этой прослойки, которую мы можем назвать патриотами и, более того, сторонниками мира, с переворота 27 мая 1960 года вплоть до подготовки военного переворота после 2000-х сильно отличается от положения сторонников переворота и заговорщиков. За спиной

сторонников переворота и заговорщиков стоял в основном НАТО-«Гладио». Более того, в гражданском обществе действуют сильные противостояния обеих сторон, их очаги. Между ними постоянно имеются определенные связи и противоречия. Они устанавливают присутствие по отношению друг к другу в зависимости от того или иного периода. В классовом отношении они представляют националистическую и соглашательскую буржуазию.

В принципе до нашего отъезда из Сирии между этими двумя группировками вновь началась конкуренция. Противостояние между сторонниками и противниками диалога с нами также завершилось в пользу ветви НАТО-«Гладио», то есть сторонников войны и убийств, поддерживаемых Израилем и США. Незадолго до того, как мы покинули Сирию, разведка Израиля косвенными путями настойчиво подталкивала меня к отъезду из Сирии. Я не считал правильным выезд из этой страны. Я боялся, что наше положение в Сирии могло бы оказаться под большим ударом. Я не считал это важным и в стратегическом, и в идеологическом смысле. Война, как будет идти своим естественным чередом, будет происходить так, что предначертано судьбой. Но я не верил в судьбу. Но, с другой стороны, нельзя было бы считать осмысленным выступлением против фатализма мгновенное игнорирование и резкое изменение курса почти тридцатилетней идеологической, политической и военной линии. Следовало быть честным, и я не считал главным спасением своей жизни. После последнего предупреждения, сделанного командой Аташем от имени НАТО-«Гладио», у нас мог бы появиться шанс активизировать военные действия, подняв их на новый уровень только в случае, если бы Сирия и Россия решительно встали за нашей спиной, оказав нам поддержку. Но эта поддержка не была оказана, более того, у обеих стран не было даже сил, позволяющих удержаться им самим и не было намерений нам помочь. Что касается Сирии, это действительно было невозможно. Сирию могли окружить в течение одного дня, с севера — турецкая армия, с юга — израильская. Если бы они не впали в панику, то смогли бы сделать для меня более удобные для базирования возможности. Но этого они не осмелились. Поведение России было более бесчестно. Рядом с проектом «Голубой поток» и десяти миллиардов долларов помощи МВФ нас силой выгнали из Москвы.

До перехода к афинским и римским событиям было бы гораздо более поучительным и значительным пристальнее рассмотреть то, что происходило накануне и в процессе самого исхода.

Не осознав дилемму переворота 28 февраля, не сможем полностью осознать все происходящее. Одно из ответвлений организаторов переворота сделало к нам подход с реалистичным мирным предложением. Думаю, что в нашем архиве есть документы, связанные с этим. Точно так же, как и в случаях подходов Тургут Озала и Неджметтина Эрбакана, я убедился в том, что они настроены серьезно и хотят мира. Этот подход, направленный на мирное политическое урегулирование, способствовал перевороту внутри переворота. Сейчас хорошо известно, что в тот период, то есть моего ареста, Израиль и США совсем не желали мирного и политического урегулирования. Они настойчиво хотели, чтобы продолжалась война, пусть и вялотекущая, а курдская проблема оставалась неурегулированной. Они отчаянно хотели этого, чтобы сохранить контроль над Ближним Востоком и в особенности, чтобы захватить и контролировать Ирак. Только таким путем они могли пацифизировать Турцию и реализовать свои планы. Тургут Озал, Неджметтин Эрбакан и Булент Эджевит не уделили внимания этому плану, проявив более анатолистский, национальный подход к мирному и политическому урегулированию курдской проблемы, поэтому они были смещены со своих постов. Для сторонников войны отнюдь не было важно, завершится ли это отстранение смертью, или нет. Но в принципе они были внутри самой войны. Продолжая воевать до конца, они хотели достичь цели, преодолевая любые препятствия на своем пути. Здесь же и полная ликвидация курдской действительности военным путем, то есть своего рода геноцид. Если гегемонистские силы не стояли за этой идеологией, ставшей продолжением классической линии «Единения и прогресса», не было бы никаких шансов на успех. Поскольку они тоже знали об этом, то испытывали глубочайшую необходимость в поддержке США, Великобритании и Израиля. В 1998 году, при нашем исходе из Сирии такую поддержку они получили.

В начале 1990-х ими была получена помощь США и Англии, в 1996 году власти заручились абсолютной поддержкой Израиля (соглашения между Турцией и Израилем о стратегическом сотрудни-

честве в военной сфере). Очередь дошла до решения внутренних вопросов, то есть осуществления необходимых перемен в государственном и чисток в армии. И это они с начала 1990-х шаг за шагом будут вводить в жизнь. Эти реалии выразились в высказывании Дога-на Йореша, вступившего тогда в должность начальника Генштаба, когда после первой своей поездки в Англию он сказал буквально следующее: «Нам дан «зеленый свет» для ликвидации РПК». В последующих процессах они уже не довольствовались смертельными нападками на курдов и РПК, и мы хорошо знаем, что их действия доходили до таких устрашающих случаев и операций, как убийство президента, смена правительства, чистки в рядах армии, пассивизация общества, покушения на целый ряд представителей интеллигенции и деловых людей, массовые убийства и капитуляция средств массовой информации. Недостает только понимания того, что все эти события находятся друг с другом в состоянии прямой зависимости. Если не видеть во всех важных политических и социальных сдвиганиях, пережитых Турцией с момента вступления в НАТО и до 1998 года, красной нити НАТО-«Гладио», мы не сможем правильно понимать какое-либо важное событие, противоречие и покушение. По сути, против надежды народов на свободу, равенство и демократию развернута натовская война, и к последнему звену этой цепи сбавился мой исход из Сирии в 1998 году.

При отъезде отсюда передо мной было два пути: первый путь был на горные позиции, второй — в Европу. Выбор пути в горы означал эскалацию войны, а европейский означал поиск шансов на политико-дипломатическое урегулирование проблемы. Известно, что подготовка к уходу в горы проводилась загодя. Достаточно велика была вероятность моего ухода в горы. Но именно в тот момент нас посетила греческая делегация; активные телефонные переговоры нашего представителя в Афинах Айфер Кая (ее собеседниками были высокопоставленные лица) также способствовали тому, что наш курс был изменен по направлению к Афинам. Проблема сирийских высокопоставленных кругов заключалась в том, чтобы я быстро покинул страну. Но они не очень успокоились, узнав о моем отъезде в Европу. Их серьезной ошибкой стало то, что они не предложили в этом плане никаких альтернатив. Исход в Афины действительно не брался в расчет. Это была просто возможность, и я, веря в серьез-

ность тамошних друзей, оценил эту возможность. Если бы я знал о том, что все происходящее похоже на картину, с которой я столкнулся, я ни в коем случае не стал бы выезжать. Вот о чем следует спросить по поводу данной ситуации: неужели греческое отделение «Гладио», которое, как известно, очень сильно, сыграло свою роль в сценарии этого исхода? Я не могу дать конкретный ответ на этот вопрос. Необходимо исследовать эту тему. Вероятно, что в рамках соглашения, достигнутого США с турецким правительством, было достигнуто принципиальное соглашение в решении проблем с греками, по меньшей мере, в этом плане было дано слово. В частности, особенно вероятно, что такого рода намерения были выработаны при урегулировании эгейской и кипрской проблем. Обязательно надо иметь в виду и то, что Турция в этом вопросе шла на любые уступки.

Сирийцы, мастерски изменив курс самолета, 9 октября довели меня до Афин и вполне успокоились. После приземления в Афинах навстречу ко мне вышел Календиридис. Он был офицером, служившим долгое время в Турции по линии НАТО. Те же функции он продолжал и в Швеции. Есть вероятность, что он был причастен к греческой ветви «Гладио». Он держался предельно дружески. Сред нас был примечательный курьер. Он слил мне некоторые натовские документы. Думается, он мог делать это, чтобы завоевать доверие. В том же аэропорту он отвел меня в комнату, где находился генерал авиации и шеф разведки Ставракакис. Ставракакис, демонстрируя несговорчивое поведение, сказал мне о том, что я не смогу вступить в пределы Греции. Не было там и тех друзей, с которыми мы договаривались. До вечера мы спорили. Случайно на связь вышел Нуман Учар, наш координатор в Москве. На одном частном греческом самолете мы сменили курс на Москву. По каналу поддержки лидера Либерально-демократической партии В. Жириновского мы смогли приземлиться в России, переживавшей на тот момент состояние экономического хаоса, и въехать в Москву. Но на этот раз нас встретил шеф российской контрразведки. Он тоже казался несговорчивым. В таких условиях оставаться здесь было бы невозможно. Около тридцати трех дней я пребывал там якобы тайно. Все те люди, у которых я оставался, кто проявлял ко мне какой-то интерес, были политическими евреями еврейского происхождения. Я верил в их честность. Они действи-

но хотели меня спрятать. Но я не считал бы этот метод правильным. В этот период Россию посетили и премьер-министр Израиля Шарон, и госсекретарь США М. Олбрайт. Премьером России был В. Примаков. Все они имели еврейское происхождение. Более того, в процессе был задействован также тогдашний турецкий премьер-министр Месут Йылмаз. В итоге, договорившись о проекте «дубой поток» и кредите МВФ в размере десяти миллиардов долларов, они добились моего отъезда.

То, что я предпочел Москву, было обусловлено следующими причинами: как бы то ни было, но страна имеет семидесятилетний опыт социализма. Исходя из своих интересов или из интернационалистских соображений, но меня спокойно примут, думал я. Я не знал, что, несмотря на распад системы, они обнаружат такое моральное падение. Мы были лицом к лицу с упадком бюрократического капитализма, который оказался гораздо хуже капитализма либерального. Из-за позиции московских друзей мы переживали упадок чувств, по меньшей мере такой же, какой испытывали из-за позиции друзей в Афинах. Точнее, стало совершенно очевидным, что искусственно созданная дружба не может быть очень надежной. Наш третий маршрут опять же был случайно построен на основе стремления воспользоваться связями в Риме. При помощи двух друзей, депутатов парламента от партии Коммунистического Возрождения, мы начали римские приключения. В этот раз начался пятидесяти шестидневный период нашего пребывания в Риме по демонстративному сценарию итальянской разведки. Позиция тогдашнего премьер-министра Массимо Д'Алема была честной, но недостаточно последовательной. Он не смог обеспечить полных политических гарантий. Нашу ситуацию он передал на рассмотрение ООН, что вызвало наше возмущение. Я был полон решимости покинуть Италию при первой же возможности. В своем интервью на последней неделе Д'Алема сказал, что я могу оставаться в Италии столько, сколько пожелаю. Но мне это показалось вынужденным вынуждением. В этот период, если не ошибаюсь, была общая попытка в римском направлении — они высказались по поводу того, что хотели меня отвезти в какое-то место, которое не хотели называть. Я не принял это предложение, поскольку не было официального выхода и гарантий.

Моя вторая поездка в Россию была ошибкой. Но в этой ошибке была роль несерьезного поведения Нумана Учара. Я вышел в путь, понадеявшись на это несерьезное поведение, причины которого до сих пор мне неясны. Если бы я знал суть, категорически не выехал бы из Рима. Меня обманули. Я помню, как глубоко вздохнул, покинув зону НАТО, на личном самолете премьера Д'Алемы. Но было подобно ситуации, о которой говорят «из огня да в полымя». В этот раз российская контрразведка доставила меня в аэропорт, убедив, что меня вывезут в Армению. Думаю, что по договоренности о вылете в Армению меня вывезли в аэропорт, предложив вариант недельной поездки в Таджикистан, а в течение этой недели, сказали они, мы разработаем некую альтернативу. В каком смысле обманув меня, на чартерном рейсе меня вывезли в столицу Таджикистана. В течение недели пришлось сидеть в одной комнате, совершенно никуда не выходя. Затем вновь вернулись в Москву. Вынужденно снова обратились к греческим друзьям. После нескольких снежных, холодных московских дней, полных всяких событий, мы вновь направились в Афины.

Насколько помню, я нашептывал самому себе о том, что в этот раз полностью оказался в сетях игр, расставленных богами Олимпа. Я пребывал в раздумьях об этом. Особенно часто мне вспоминался Гадес. Я вошел через VIP-зал аэропорта. Как только я сделал шаг в страну, так сразу же бог ада Гадес стал безжалостно преследовать меня. Я смог переночевать одну ночь в стареньком доме тещи моего друга Нагзакиса, которая походила на ведьму древнего мира. Спросил у этой женщины: «Что сделает Пангалос? — Используй меня на выборах», — ответила она, и этим как будто объясняла, насколько далека от реалий той эпохи. Это еще напомнило мне о древности и благородстве греческого народа, полностью лишенного возможности действовать. С той ночи начался своего рода путь в лабиринт смерти. Парадом командовал Гадес. Все что говорилось и делалось были фальшью. Разве не было честных людей? Были. Но все они были лишены шансов победить современное чудовище. Когда направился в сторону Африки, значимой была для меня фигура Манделы — так же, как по пути в Москву я находился под влиянием имени В. И. Ленина. Якобы я должен был полететь в Южную Африку, где установлю нормальные дипломатические отношения.

получу официально действующий паспорт. Но и в этой игре греческие мнимые государственные деятели смогли добиться успеха. По сути, я должен был изначально иметь в виду тот факт, что греческий народ на протяжении истории всегда обманывался в силу этой самой стороны своей демократии и становился жертвой больших трагедий. В моих действиях преобладала по-детски чистая вера в службу. Тогда, во время выезда из Греции, по дороге в оба аэропорта агенты обеих машин делали все, чтобы я пришел в себя, понял происходящее и не уезжал из страны. Они честно пытались сделать все, чтобы дать мне понять о существовании большого заговора. Вероятно, они тоже были сотрудниками разведки младшего звена. Первый водитель препятствовал полету, ударив машиной по самолету. Второй же семь раз останавливался под видом ремонта машины недалеко от аэродрома, который держался в тайне. Но мы настолько уверовали в данные нам обещания, что на эти сигналы я совершенно не отреагировал. Наоборот, я спешил вылететь с мыслью: «Чему быть, того не миновать!». Самолет был из тех, что использовался в тайных операциях «Гладио».

Однако до этого была еще поездка в Минск. До Найроби я должен был попасть в Голландию через Минск. Опять же, прибыв на частном самолете, более двух часов я ждал на минском морозе. Ожидания самолета не было. Милиция в аэропорту Белоруссии несколько минут проверяла самолет. Как вариант, а может быть, как последняя возможность, меня могли отвезти в аэропорт Минска. Остальное было на совести руководства Белоруссии. Интересно, что в тот период в Минске с визитом находился министр национальной обороны Турции Исмет Сезгин. Когда ожидаемый самолет не подошел, пришла надежда на якобы последний шанс. Возвращение было подобно «белой смерти». Когда самолет организации «Гладио» пролетал над Средиземным морем, я сравнил этот ход с поездом, который использовался во время Холокоста евреев. Применительно ко мне наступил самый драматический период геноцида, используемого в отношении целого народа. В ходе этих поездок я увидел скрытое и действительное лицо НАТО. Для того чтобы при возвращении из Минска самолет не сделал посадку ни в одной из европейских стран, была объявлена двадцатичетырехчасовая тревога. Ясно, что кроме минской воздушной гавани, аэропорта единственной на тот момент

мятежной страны, коей была Белоруссия, не было ни одного места, где самолету было бы позволено приземлиться. В аду Найроби мне были предназначено три варианта. Первый — это убийство якобы в ходе стычки из-за невыполнения приказа. Второй — это безоговорочная капитуляция перед ЦРУ. Третий вариант — это мой арест и передача давно подготовленному спецотряду Турции.

Во время нахождения в Найроби, Дилан, которая была в группе сопровождающей меня, была обеспокоена и очень волновалась. Если бы она смогла полностью изложить свои мысли и задействовать организации гражданского общества, возможно, заговор можно было бы частично нейтрализовать или полностью разоблачить. Я игнорировал ее предложение о том, что одним пистолетом мы могли бы себя защитить. Это означало бы самоубийство для нас. Для меня. Но у меня не было намерений совершать самоубийство. До последнего момента она была настойчива по поводу того, чтобы я носил при себе это оружие. Если бы при мне было оружие, если бы я попытался применить его, это однозначно привело бы к моей смерти. Позднее, во время допроса мне было сказано, что был приказ стрелять в меня на поражение в случае применения мною оружия. Сказали так же о том, что мой выход из здания посольства означал смерть. Мне дали понять, что я придерживался тогда не более умной линии поведения. Невозможно узнать, насколько правильными были их слова. Стоит задуматься над поведением посла Костуласа в течение пятнадцатидневного пребывания в Найроби. Неужели его использовали? Или он задолго до этого был подготовлен как часть этого плана? Я сам не смог разобраться в этом. До того как меня передали силам безопасности, он так и не вернулся к себе домой. Он проявил жесткую реакцию против охраны в Найроби, когда меня насильно хотели вывести из здания посольства. Но это поведение могло быть и фальшивым. В этот раз Пангалос дал разрешение якобы для отбытия в Голландию. Я не особо верил в это, потому что греческое специальное подразделение ожидало в засаде на тот случай, если понадобится применение силы для моего выхода из здания. Кенийская полиция тоже была готова сделать то же самое. Естественно, тема поездки в ЮАР давно уже была надуманной темой. Такие сценарии, как поиск убежища в церкви, в отделении ООН вызывали сомнения. Я сдерживался и не выходил.

Четырехмесячный период с 9 октября 1998 года по 15 февраля 1999 года был поразительным. Никто, кроме мирового гегемона США, не смог бы организовать такую четырехмесячную операцию. Роль турецких специальных боевых подразделений (командующим этих подразделений был генерал Энгин Алан) заключалась в том, чтобы на самолете доставить меня в Имрали, и это было сделано под контролем. Этот процесс однозначно являлся наиболее важной операцией в истории НАТО. Это настолько ясно, что нигде не было продемонстрировано линии, противоречащей их планам. Если и возникали где-то признаки такого поведения, они моментально нейтрализовались. Даже великая Россия была нейтрализована в достаточной открытой форме. Впрочем, линии поведения греков было достаточно для того, чтобы все понять. Меры безопасности, предпринятые в Риме, в доме в котором я жил, обо всем говорили предельно ясно. Были приняты чрезвычайные меры, характерные для ареста. Мне не дали сделать и шагу. Специальные подразделения безопасности в течение двадцати четырех часов в сутки держали под контролем все точки вплоть до двери моей комнаты. Правительство премьер-министра Д'Алемы было левым демократическим правительством. Сам Д'Алема не имел достаточного опыта, он не смог самостоятельно принять решение. Он объездил для этого всю Европу. Великобритания дала ему понять о необходимости принятия самостоятельного решения, но не стала проявлять солидарность. Поведение Брюсселя тоже не было конкретным. В итоге меня предали суду. Нельзя не видеть влияние «Гладио» в этой стратегии. В принципе, Италия является одной из тех стран, где организация «Гладио» особенно сильна. Берлускони задействовал все свои силы. Он сам был представителем «Гладио». Я вынужден был покинуть Италию, зная, что Рим не сможет вытянуть такую ношу, как я. Безусловно, в ответ на это Турция была превращена в наиболее надежное, но самое «мутниковое» государство для США и Израиля. Процесс, который, как считают, отчаянно набирает масштабы глобализации, по сути, является ничем иным, кроме как принесением Турции в жертву мировому финансовому капитализму.

Сценарий аннексии Ирака тоже тесно связан с моей выдачей. Взятая эта страна в принципе начался с операции, направленной против меня. То же самое действительно и в случае с аннексией

Афганистана. Точнее, одним из ключевых и, по сути, первым шагом на пути реализации проекта «Большой Ближний Восток» стала операция против меня. Не случайно Эджевит высказался следующим образом: «Я не совсем понял, зачем надо было выдавать Оджалана». Если Первая мировая война началась с убийства сербским националистом австро-венгерского наследного принца, то своего рода «третья мировая война» была начата с операции, развернутой против меня. Для того чтобы понять процесс, последовавший за операцией, необходимо хорошо осознать все, что было до операции и в процессе моей операции. Для обсуждения проблемы моего выдворения из Сирии президент США Клинтон провел две встречи с президентом Хафезом Асадом; одна встреча состоялась в Дамаске, другая в Швейцарии, общая протяженность бесед составила более чем четыре часа. В ходе этих встреч Хафез Асад понял важность моего положения. Со своей позиции он считал более подходящим растягивание этого шага во времени. Пусть даже временно, но тогда он не выдвинул никаких требований по поводу моего выезда из Сирии. Он хотел до конца оценить мое пребывание как балансирующий элемент во взаимоотношениях с Турцией. Я же подвинул Сирию занять стратегическую позицию. Но мои силы или состояние не позволяли сделать это успешно. Если бы я был в Иране, возможно, удалось бы установить стратегический союз. В этом вопросе тоже я не доверял Ирану; я остерегался и традиционного поведения (преступления против Симко и Касым-ло и аналогичные заговоры, всяческие игры, уходящие корнями в далекое прошлое, по аналогии с низложением мидийского царя Астиага Гарпагосом и т. п.). Клинтон и курдские лидеры Ирака, которыми он был на связи, считали, что мое пребывание в Сирии не соответствует их стратегическим целям, потому что Курдистан и курды постепенно выходили из-под их контроля. Израиль тоже был обеспокоен этой ситуацией. Развитие событий в Курдистане и потеря контроля над курдами было неприемлемым для них. Удержание Курдистана под контролем играло для них жизненно важную роль, в частности, с точки зрения их иракских планов. От меня требовалось немедленно покинуть страну и прекратить деятельность, связанную с обретением курдской идентичностью независимой и свободной жизни.

Но причиной нашего существования была наша партия и линия свободы. США и Англия были вынуждены держать слово, данное ими Турции еще в 1925 году (пожертвовать Турецким Курдистаном при условии невмешательства в Иракский Курдистан). Турция на этой почве вступила в НАТО, с ней на этой почве заключили соглашения по курдской проблеме. Наши позиции и наша стратегия угрожали балансу и гегемонии, которые сложились на Ближнем и Среднем Востоке, имели большое значение и традиционно, и актуально. Или мы должны были попасть под контроль этой гегемонии, или нас просто должны были ликвидировать. Турецкая Республика хотела использовать соглашения, которые она заключала с этими гегемонистскими силами с 1925 года, чтобы стереть курдов из истории (соглашение 1926 года по поводу Мосула и Киркука, вступление в НАТО в 1952 году, соглашения 1958 г. и 1996 г. с Израилем). Светская националистическая позитивистская идеология представляла такие возможности. Республиканские кадры под нажимом поверили в это. Это, по сути, крайне противоречило духу и союзу исторических турецко-курдских отношений. Но в силу расчетов, основанных на создании Израиля, система как будто утратила свою активность. На этом фундаменте базировалась искусственная идеология, кадровая и классовая структуры, называемые «белой» турецкой действительностью. Более того, РПК нанесла смертельный удар по этому формированию; принятие курдской идентичности и признание свободы означали отрицание этого образования, требовали, по меньшей мере, отказа от этой смертельной политики. Соглашения, достигнутые с Израилем, имели жизненно важный смысл для этого образования. Впрочем, ведь турецкое национальное государство было построено как прототип Израиля.

Они также хотели на базе ДПК создать некое «белое» курдское образование. Тот же центр считал чрезвычайно важным для своего существования создание и у турок, и у курдов двух сил, которые были бы сходными, но имели внутренние противоречия (для соблюдения гегемонистских интересов Запада, в первую очередь США и Великобритании, в Ближневосточном регионе и безопасности Израиля). В высшей степени разумной была политика соблюдения региональных интересов при помощи этих двух сил, которые были бы преданы им, но между которыми существовали

бы противоречия. Выход РПК на арену был историческим и столь же актуальным, он и испортил эти игры. Появление в 1993 г. и в 1998 г. возможностей урегулирования проблемы и достижения мира означало конец этой игры. Вот почему указанные силы не смогли найти возможности для такого урегулирования. Были организованы масштабные заговоры и убийства. Выход РПК из-под контроля, примирение со всеми обществами и государствами, в первую очередь с турками, было стратегическим ударом по этим силам с точки зрения продолжения гегемонистских игр и интересов на Ближнем и Среднем Востоке. Эти обстоятельства, мотивы которых мы могли бы изложить в более содержательной форме, в достаточной мере показывают, почему заговор 1998 года был столь значимым и последовал стратегические цели.

Клинтон придавал большое значение гегемонистскому наступлению на Ближний и Средний Восток в тот период, и постоянно подчеркивал значение Турции. Его специальный советник генерал Галтиери лично подчеркнул, что операция против меня была проведена по приказу Клинтона. Что касается вопроса о «третьей мировой войне», то баланс процессов, происходивших в ряде стран в первую очередь таких, как Ирак, Афганистан, Ливан, Пакистан, Турция, Йемен, Сомали и Египет, во многом давно уже превзошел баланс, имевший место в Первой и Второй мировых войнах. Этого достаточно, чтобы понять реальность этой войны. Впрочем, достаточно ясно и то, что по причине ядерного оружия «третья мировая война» будет происходить по частям, растянется во времени и будет проводиться при помощи различных технологий. Последний саммит НАТО в Лиссабоне, углубление США блокады вокруг Ирана дают достаточно информации о ходе «третьей мировой войны».

«Третья мировая война» — это реальность, и центр ее находится в географическом пространстве и культурной среде Ближнего и Среднего Востока. Даже то, что происходит в Ираке, являющемся эпицентром «третьей мировой войны», очень точно свидетельствуют о том, что все, что здесь происходит, имеет отношение не к одной стране, а связано с интересами и жизнью мировых гегемонов. Эта война может завершиться полной нейтрализацией Ирана, стабилизацией Афганистана и Ирака, а Китай и Латинская Америка перестанут быть источником тревоги. Таким образом, мы все еще

начнем в середине войны. Война эта может длиться еще как минимум десять лет (последние стратегические планы НАТО также рассчитывают десятилетие). Говорить о том, что однозначно будет так, было бы неверно с точки зрения социальных наук, но велика вероятность, что именно это и произойдет. Порой будет активно развиваться дипломатия, но порой будут говорить пушки. На повестке дня способны периодически возникать сильные и контролируемые экономические кризисы. Могут меняться преимущественные позиции тех или иных сфер, но в целом в ряде регионов будет постоянно происходить та или иная война. Однако, если принять во внимание эту фундаментальную природу войны, станет еще понятнее, почему операция 1998 года, направленная против меня, была развернута в международном масштабе и почему она является самой крупной операцией НАТО, проведенной посредством «Гладио». Несомненно, в масштабных войнах не всегда побеждают гегемоны — часто способны побеждать и народы. Более того, гегемонистские силы могут систематически проигрывать, а народы могут систематически побеждать.

В последующей главе данный вопрос будет рассматриваться как главный.

2. ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ В ИМРАЛИ

Заговор «Гладио» должен был в наибольшей степени реализоваться в Имрали. Отрядом спецназа, доставившим меня сюда, командовал генерал Энгин Алан, и данное обстоятельство подтверждает это. Энгин Алан был официальным руководителем сил специального назначения, то есть турецкого «Гладио». Представитель ЕС, посетивший меня в Имрали, очень ясно разъяснил мне, насколько ЕС замешаны в заговоре. Так вышел наружу сговор США, ЕС и Турецкого государства. С самого начала операция велась под политическим контролем США и ЕС, то есть «Гладио»-НАТО. Кроме этих трех указанных нами факторов (советник президента США Клинтон, генерал Галтиери, женщина — представитель политического комиссариата ЕС и руководитель сил специального назначения Фигин Алан), нет других доказательств, подтверждающих данное утверждение. Истина обнаружилась потом. Я никогда не верил, что

силы, захватившие меня, не принадлежат Турции, я еще не настолько был в курсе действия этого механизма. Этот процесс представили мне совсем иначе, стремясь показать, что давление осуществляется правительством Турции и достигает результата. Верность моей гипотезы доказывается тем, что даже премьер-министр страны Эрдоган не понимал то, за что меня передали Турции.

На острове меня встретил армейский офицер, представивший себя представителем главного командования. Он, считая это важным, сказал кое-что с глазу на глаз, тайно. Потом, во время официального допроса, тот же человек сообщил необходимые, серьезные сведения. Допрос продолжался десять дней, причем участие принимали представители четырех органов безопасности (Главного командования, жандармерии, правопорядка и Национальной безопасности). Тогда же я записал кассету с обращением к командованию. В дальнейшем, в течение многих месяцев, допросы продолжались в более свободной форме, причем иногда участие принимали другие чиновники, приезжали даже из Европы.

Из Европы время от времени приезжали делегации. Я посчитал первоочередным написание Защитной речи, которая принимала бы во внимание характер международного заговора, свойственный процессу моего пребывания в Имрали. Переживаемое ими тяжелое состояние тюркизма совершенно разорвало связь с реальностью тех, кто действовал от имени тюркизма. Осознание философии, последовавшей за заговором, противоречило их природе, потому что они тоже были продуктом тех образований, которые были созданы на основе философии этого заговора, которой, по меньшей мере, сто лет. Таким образом, не стоило ожидать того, что они станут отрицать построенные ими образования и станут относиться к ним с критикой. Было бессмысленно ждать от них какого-либо позитивного волевого желания изменить все, как в процессе судебной комедии, так и во время моего ареста. В сложившихся условиях было бы наивностью ждать, что они будут действовать именно так, как бормотал представитель командования Генштаба. В принципе у них нет той решимости, которая позволила бы претворять в жизнь все, о чем говорят. Для меня была изобретена система, за которой стояли США, а контроль осуществлял ЕС. Организация системы была прерогативой Англии, а реализация выпала на долю Турции. Очень

можно понять философское и политическое мышление, последующее за заговором. Я часто говорю о вековом фундаменте заговора, постоянно подчеркиваю это. Я говорил о заговорах, ставших переводчиками целых периодов. За один раз можно перечислить множество из этих заговоров, направленное против курдов, это и заговор полков хамидийе, заговор 1914 года против Муллы Селима в Битлисе, 1925 года против шейха Саита, заговоры 1930 года в Анкаре и 1937 года в Дерсиме, судебные дела 49-ти в 1959 году и 400-ти в 1960 году, убийство Фаика Буджака и убийство Саита Кырмызы-Допрака членами ДПК; кроме того, это сотни заговоров, организованных сторонниками той же стратегии, начиная с этапа идеологического формирования РПК до настоящего времени. Организаторы заговоров считают эти заговоры мастерской реализацией искусства власти. Заговор становится для них наиболее важным орудием и духом искусства власти. Это искусство однозначно развивалось на основе заговоров, направленных против курдов. Если бы заговоры осуществлялись открытыми методами, это привело бы к такой ситуации, когда ребенок говорит матери: «Мама, смотри, а король-то голый!» У власти, арсенал целей которой переполнен способами осущес-твления вплоть до геноцида, нет никакого иного оружия, кроме заговора, и способствующей этому идеологии. В данном случае очень важно точное определение и характеристика сил, входящих в структуру заговора.

Я должен сказать, что в процессе нахождения в Имрали я испытываю затруднения в данной области. В структуре заговора есть силы, находящиеся в состоянии максимальных противоречий друг с другом. Многие государства, а именно США и Российская Федерация, страны ЕС и Лиги арабских наций, Турция и Греция, Кения и Таджикистан и др. оказались втянуты в заговор. Что же объединило в этом заговоре вековых врагов Турцию и Грецию? Отчего против них было создано столько беспринципных союзов или союзов по интересам? Более того, есть бесчисленное множество турецких и курдских левых движений и национальных коллаборационистов, раздражавших по поводу моего ареста. Официальный мир как будто изловил своего наиболее опасного противника в моем лице. Мальезя преуменьшить число тех деятелей внутри самой РПК, которые посчитали, что для них наступили дни благоденствия, и по-

верили, что отныне могут жить так, как пожелают. Несомненно изучение, проведенное с самого начала и имевшее наиболее общий характер, выявило, что все эти силы состоят из передовых проследок, бегущих за либеральными интересами современного капитализма. Я угрожал либеральному фашистскому мышлению и интересам многих сил.

Например, Великобритания — самая опытная среди всех этих сил. Это та самая сила, которая выпустила первую сигнальную ракету по поводу того, чтобы я не занимался политической деятельностью в Европе. Только я ступил шаг в Европу, она меня сразу объявила персоной *non grata*, то есть нежелательной личностью. Это не было простым шагом, это была череда шагов, результат которых был предопределен заранее. Хорошо, ну почему же в отношении меня были предприняты такие шаги, которые не предпринимались даже в отношении Хомейни или Ленина? В различных разделах своего труда я постарался раскрыть несколько направлений разгадки, поэтому нет особого смысла повторяться. По сути я стал серьезным препятствием для гегемонистских расчетов, которые велись в отношении Ближнего и Среднего Востока на протяжении двухсот лет, в частности, из-за политики Курдистана (на причине политики Турецкой Республики «отдай Киркук—Мосул, уничтожь своих курдов»). Я становился опасным для их планов и практических уловок. Проблемы США были другие. Они хотели задействовать проект «Большого Ближнего Востока». Поэтому процессы, происходящие в Курдистане, имели ключевое значение. В угоду конъюнктуре меня надо было непременно нейтрализовать. Моя ликвидация соответствовала мировой политике тех дней. Россия, пребывавшая в состоянии очень серьезного в масштабах этой страны экономического кризиса, испытывала острую потребность в кредите. У нее не осталось бы никаких причин, чтобы отказаться от своего участия в заговоре, организованном против меня, если это ей помогает. Впрочем, остальные были послушными младшими братьями «Большого брата». Они готовы были исполнить все, что он ни скажет. Для турецкого левого движения (за некоторыми исключениями), курдских коллаборационистов и колеблющихся элементов в рядах РПК это был повод избавиться от серьезного соперника. Мотивы, лежавшие в основе поведения этих людей, были

интересном счете, мотивами корысти, прагматизма, эгоизма, характерного для либерализма.

Я полагаю, что, говоря об этом, я еще хоть как-то пролью свет на действительность. В те дни быть сторонником свободы Курдистана и обретения курдами собственной идентичности означало желание преодолеть будничные либеральные интересы, прагматизм и эгоизм. Это требовало отказа от современного капиталистического образа жизни со всеми правыми и левыми течениями, или же бороться против этой жизни. Напротив, мир тех дней был таким миром, когда мировой либерализм расцветал в ходе войны за завоевание планеты. Это были дни, когда либеральный фашизм провозгласил свое господство в мировом масштабе. С политической точки зрения Ближний и Средний Восток был центром гегемонистской борьбы. Борьба за Курдистан играла ключевую роль с точки зрения гегемонистских расчетов. Идеологически и политически ИРК открыто противостояла гегемонистским расчетам. Следовательно, моя ликвидация означала для этих планов «зеленый свет».

Все эти исторические расчеты возродились в имралинский период моей жизни — вновь против меня. Для того чтобы понять период Имрали, я должен был обладать сознанием, способным осознать ежедневные противоречия интересов, развивавшиеся на многолетней исторической почве. При организации заговоров гегемонистскими системами одним из пунктов в расчетах, на которые надо обратить внимание, является следующее: чтобы не стать орудием политики «разделяй и властвуй», которая искусно планировалась и на протяжении последних двух столетий применялась в отношении региона, нельзя было, в частности, допускать, чтобы силы использовали в пользу этих сил при углублении турецко-курдских противоречий. Армяне, греки, этнические группы на Балканах, арабы, ассирийцы, турки и курды, ставшие орудием этих политических игр, потеряли очень много. Многие из них лишились своей тысячелетней родины и культурных ценностей, более того, они лишили возможности быть национальным обществом. Помимо этого, многие силы испытывали ненависть к курдам за их союз с турками. Этот союз, который не теряет своей стратегической значимости со времен Манцикертского сражения, был разрушен путем политики отрицания и уничтожения, в частности, начиная с 1925

года по настоящее время. Глубокий, в совокупности с исторической философией, анализ процесса отрицания и ликвидации одного из основных элементов создания Республики, в сущности, раскрыл цели этого стратегического союза. Наиболее важным шагом, совершенным организаторами заговора, стало давление на Мустафу Кемаля англичанами и их сторонниками в стране. В традиционном турецком управлении, в ее философии не было вражды по отношению к курдам и стремления к ассимиляции. Эта вражда была привита с особыми целями. Восстания и их последствия подтверждали эти реалии. Ситуация, предельно завладевшая моим вниманием Имрали и ставшая предметом моего пристального изучения, способствовала решительному повороту в моей политической философии. В моей Защитной речи, разработанной в виде трех различных версий, можно видеть развитие этой политической мысли.

Результаты, которых я добился, в общих чертах представляют собой следующее:

а. Заговор против меня, по сути, был направлен в моем лице не только против курдов, но и против турок. Форма моей выдачи и намерения тех, кто сыграл в этом свою роль, не только не были призваны положить конец террору и найти решение проблемы, но, напротив, углубили почву противоречия, которое будет длиться еще целое столетие. Вовлечение меня в сети заговора предоставило идеальный повод для реализации их намерений. Силы заговора стремились до конца воспользоваться этой возможностью. Нельзя было бы думать о противоположном, потому что, если бы они захотели, то могли бы внести очень важный вклад в этом направлении. Так, они постоянно толкают все дела в тупик и вместо того чтобы решать проблемы, завязывают их в запутанные узлы. Хотели создать типичную палестино-израильскую дилемму. Подобно тому как дилемма «Палестина—Израиль» на протяжении ста лет служила гегемонии Запада на Ближнем и Среднем Востоке, так и дилемма «турки—курды», превосходящая ее по своим масштабам, могла еще одно столетие служить ее гегемонистским расчетам. Впрочем, в развитии ряда национальных и конфессиональных проблем в регионе в XIX веке преследовались те же цели. Имралинская действительность способствовала тому, что мои дилетантские сведения относительно этого достаточно совершенствовались. Но самая важная

проблема, стоявшая передо мной, заключалась в том, чтобы суметь внушить турецкой правящей элите необходимость осознания этого.

6. Таким образом, самой серьезной моей проблемой стало умение это понять, что заговор был направлен не столько на меня лично, сколько на курдов, сколько на турок. Я часто заявлял это следователям во время допросов. Но они уже видели себя в зеркале славы. Такой подход продолжался до 2005 года, когда они осознали, что движение за идентичность и свободу курдов гораздо более жизненно, чем прежде. Сконцентрировавшись глубже на этом вопросе, я гораздо раньше увидел элементы заговора во времена Конституции и Республики. Я понял, что явление, называемое независимостью Турции, по сути, является одной из ужасающих форм зависимости. Турки оказались зависимы идеологически и политически. Со временем я стал гораздо лучше понимать, что строящееся здание национализма имеет чужеродные корни, у него почти нет общего с турецким обществом и историей. Гегемонистские силы знали о слабости турецкой правящей элиты в плане власти и использовали эту слабость. Безграничная власть, которую они установили над курдами, также вытекала из этой слабости. Эта власть одновременно означала их обреченность. Их власть всегда была инстинктивной, у нее не было собственной идеологии. Точнее, использовалось правило: «Власть — все, идеология — ничто».

7. Метод, используемый гегемонистскими силами для углубления проблемы «турки—курды», был следующий — зайцу говорят «беги», а собаке говорят «лови». В результате и собака, и заяц, устав от этой погони, упадут без сил, и в итоге оба окажутся на службе у хозяина и будут просить его милости. Все, что применялось лично по отношению ко мне, казалось оправданием этого метода. И подходы Совета ЕС, и решения ЕСПЧ полностью подыгрывали реализации этой политики. У них действовала логика бесконечного призывания к себе обеих сторон конфликта. Ни справедливость, ни урегулирование проблемы не были целью. Я стал писать свою публичную речь более всего для нейтрализации этой логики. Никакими благими намерениями и аргументами о безопасности нельзя объяснить то, что организация «Гладио» буквально посажена во главе государства, причем в такой форме, которая не встречается ни в одной стране НАТО. Поскольку все нити были в их руках, и пред-

ставлялась беспрецедентная возможность управлять страной по своему усмотрению, стали закрывать глаза на турецкое ответвление «Гладио». Анализ организации «Гладио» как единого целого и выявление ее философии покажет, что цель заключается в аннексии страны самыми простыми путями — разделении нации на части и провоцировании столкновений между различными ее частями. Как видим, эти реалии дают четко о себе знать в ответвлениях организации на Ближнем и Среднем Востоке — посредством часто используемых мер. Организация «Гладио» стала наиболее эффективным средством управления народом. Она и противопоставляла народ государству, и сталкивала их друг с другом. Те, кто оказался опасным, полностью уничтожались таким методом. Этот факт очевиден и примечателен в управленческих реалиях Турции последних шести десяти лет. Страна была практически превращена в лабораторию столкновений, организованных «Гладио». Стычек, организованный «Гладио» на всех значительных процессах истории РПК, оказался достаточно для того, чтобы положить конец традиционным дружеским отношениям, существовавшим между государством и народом на протяжении столетий.

г. Процесс моего нахождения в Имрали я посчитал идеальной платформой для нарушения этой игры. Я усилил необходимую для этого теоретическую платформу. Я развил все философские и практические аргументы условий мира и политического урегулирования. Сконцентрировался на специфике демократического политического решения проблемы. Тяжелый и требующий терпения труд мог разрубить узел заговора и развить альтернативы урегулирования. В этом плане у меня не было иного выхода, кроме как полагаться на самого себя. По сути, все те, кто получил свои роли в заговоре, преследовали разные цели. В моем лице они стремились покончить с РПК и освободительным движением. С этой основной целью были связаны меры, принятые в тюрьмах, а также все подходы ЕСПЧ и ЕС. Шел поиск курдского движения, никак не связанного со мной. Стремилась создать современную версию выхолащенного традиционного коллаборационизма, состоящего на службе у господ. В частности, в этом направлении проводилась долгосрочная работа США и ЕС — в этом плане они были открыты для союза с турецкой правящей элитой. По сути, такая модель

охлаждения, которая, в частности, сначала с успехом применялась английской гегемонией в отношении движения рабочего класса, позднее — в отношении национально-освободительных и революционно-демократических движений, достигла успеха при помощи метода либеральных прав и свобод человека. Революционные лидеры и организации были ликвидированы. Нечто похожее на методы зачистки, используемые в течение столетий, применялось в отношении РПК и революционного движения за коллективную свободу и равенство. Это был основной результат, который ожидали от процесса моего заточения в Имрали; это был план, над которым много работали и хотели искусно реализовать его. Стратегии и тактики реализовывались в рамках этого плана. Моя Защитная речь, разработанная соответствующим образом, не основывается ни на классических ортодоксальных догматических позициях, ни на стремлении спастись и улучшить свои условия. Направляющими для моей Защитной речи стали принципиальный, достойный мир и демократический путь урегулирования, соответствующие историческим и социальным реалиям народов.

В. РАДИКАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РПК

То, что кризис научного социализма дал о себе знать в виде освоенного на внутренних причинах распада Советского Союза, а также масштабный заговор «Гладио» в 1998 году вынудили РПК пойти на кардинальные преобразования. Неоднозначность на стадии деятельности в виде идеологической группы, нерешенность государственной проблемы, неумение преодолеть влияние внутренних и внешних заговоров, возникающих в ходе революционной народной войны, — все это постоянно толкало РПК в сторону неразрешимого длительного тупика, стагнации, постепенного заикливания и распада. Я еще задолго до того видел эту реальность. Существующий интеллектуальный уровень ограничивал идеологические способности. Глубина разрушения в курдской идентичности толкала меня на выживание к пропасти безнадежности. Преодолевая тысячи трудностей, хотели развить процесс создания группы при помощи кандидатов на должности руководителей, выдвигая таких, у которых стремление к свободе не было развито даже в либеральном смысле. Приведу одно свое воспоминание, и это поможет лучше понять ситуацию. Однажды я увидел одного из наших товарищей по имени Исмаил из Варто, которого я считал надежным еще тогда, когда всеми силами старался утвердить деятельность группы. Он был весь изранен, перевязан, и я спросил, что случилось. Он сказал, что упал и поранился, когда хотел повесить между столбами транспарант об освобождении народа. Я посмотрел на него с тоской, даже не испытывая желания спросить, зачем он это сделал. Я сказал самому себе: «Насколько же далеко ты можешь продвинуть это дело с этими людьми?!» Похожее поведение демонстрировал такое поведение не только в левых, но и в фашистских и религиозных группах. Когда становилась актуальной борьба за собственную идентичность и свободу, их буквально сдувало ветром. Речь идет о

и чуждении, которое крепко впиталось в курдский характер. Все были такими: и угнетенные, и компрадоры, и помещики, и вожди племен. К деятельности в виде группы побудила именно эта реальная действительность, а также собственные культурные пристрастия, не представляющие ценности.

Когда мы применили к себе название РПК, по существу, сделали последний шаг во имя спасения своей чести. Даже если бы это не имело успеха, все равно стало бы наследием истории. Процесс исхода на Ближний и Средний Восток породил шанс на становление и развитие организации на волне всеобъемлющей народной войны. Как я уже говорил, есть общее с преданием о еврейских племенах, с подвигами подвигнутых Моисеем на Исход, но не сумевших полностью отречься от поклонения золотому тельцу, то есть отказаться от нужного им же самим образа жизни. Сколько бы шансов ни родись, сколько бы я ни сердился, как Моисей, наше послание было как мираж в пустыне. Моим самым сильным оружием явились терпение и вера. Оставив в стороне типологию современной организации, я стал языком земли и региона. Я не случайно и не в целях ложествления самого себя говорил о возвращении к жизни по примеру пророков. Я прибегал к этому методу для того, чтобы понять язык истины. Официальные собрания утратили свой смысл. Официальная организационная терминология социалистической системы уже не работала. Не только съезд 1986 года, но и многие другие съезды обладали уже весьма незначительным смыслом. Имело место сопротивление деятельности революционной организации и осуществлению политики. Было искреннее сопротивление образу жизни, имеющему организационный и политический смысл. Общественные организации, считающие себя левым движением Турции, по тем же причинам давно уже были на грани ликвидации. Основная причина поражения этих сил — не переворот 12 сентября, как это принято считать, а то, что собственные внутренние образования не смогли соответствовать принципам революционной организации и стратегии политической жизни. Эти реалии, часто переживаемые в рядах РПК, я пытался нейтрализовать, с убежденностью в том, что ни в каком случае нельзя отказываться от революционной политической организации и стиля жизни такой же степени активности. Когда, начиная с 90-х, активизировалась деятельность «Гладио», что все

больше отражалось на внутренних заговорах, увеличилась и степень деградации в рядах организации, а также ее революционном образе жизни. Постепенно стало произрастать бандитское мировоззрение и военная элита. Возрастающие потери достойных товарищей и бойцов, верных партийной организации, довели РПК до грани ликвидации. Я начал открыто и часто критиковать, даже обвинять все, что делалось от имени РПК, называя это деятельностью против РПК. В 1986 году я лишь частично участвовал в съезде. Кроме того, в 1998 году, будучи в Риме, я направил следующее послание съезду: «Если так будет и дальше продолжаться, я уйду из РПК». Так я хотел озвучить эти реалии.

Имралинский процесс четко выявил ситуацию, существующую в РПК. Люди, которые действовали более завуалировано, когда был за пределами страны, воспользовавшись моим положением, не преминули продемонстрировать свои истинные лица. Имел место очень серьезное наследие РПК. Явление, называемое внутренними противоречиями, в сущности, — это распри за наследство, в которые вступили все, кто полностью утратил надежду на успех в будущем, совершенно не рассчитывая на это. Было ясно, что в рядах партии происходит активное размежевание на группировки. Эта групповщина и либерализм развивались в тесном переплетении. Волонтаристская индивидуалистическая жизнь была возможна только на почве групповщины. Поэтому они не удержались от открытой демонстрации своих страстей и желаний, выражаемых под видом внутрипартийной борьбы. Итоги стремительные вели к полной ликвидации РПК. Во время моего пребывания за пределами страны неудержимая групповщина, ведущая к ликвидации партии, посчитала новое положение уникальным поводом для окончательных расчетов. В этот период, в соответствии с заговором, ЕС тоже готовился внести РПК в список террористических организаций. Длительное ожидание принятия такого решения было связано с тем, что некоторые европейские страны были не согласны с этим. Мой захват, видимо, разбил надежды этих стран. Кроме того, у США и Великобритании были свои, заранее спланированные усилия. Эти страны находились в тесной солидарности с Турцией. Одной из важнейших мотивировок такой солидарности было объявление РПК террористической организацией. Возраста-

еще давление и обещания, данные ЕС, завершились объявлением РПК «террористической организацией». Мы, начав действовать гораздо раньше, провозгласили создание КОДК. Мы призвали к созданию Народного Конгресса.

1. ОПЫТ КОДК, НАРОДНОГО КОНГРЕССА И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РПК

Осуществление политической деятельности от имени РПК в существующих условиях было не только рискованно, но означало бы фактическую ликвидацию. Впрочем, суть партии была выхолощена, и номинально она уже служила процессу ликвидации. Для того чтобы партия могла, по меньшей мере, сохранить свое наследие и выйти из кризиса с наименьшим ущербом, мы сочли необходимым продолжение деятельности освободительного движения под другим названием. Была необходимость в новой терминологии, которая принимала бы во внимание как внешние условия того периода, так и внутренние условия, способствующие кризису. Поиски новой терминологии отнюдь не означали отказа от РПК. Тактически правильно было временно, до завершения разделений, отказаться от названия РПК. Мы хотели, чтобы название РПК перестало быть оружием в руках ликвидаторов. Организации типа КОДК и Народный Конгресс отвечали этим потребностям. Но гораздо важнее то, что мы переживали серьезные преобразования. Это были радикальные перемены, и, следовательно, они могли быть гораздо успешнее под совершенно новым именем. Аналогичные опыты имели место во многих странах социализма. То, что мы пытались сделать, вовсе не было попыткой их копирования. Напротив, имело место осмысленное и различное созидание. В первых версиях своей Защитной речи, а также в письмах, направленных мной в адрес РПК, я попытался отразить общие черты перемен. Ключевой концепцией изменений стали демократические реформы. Первые мысли, связанные с «демократической» концепцией, были очень узки, и их было недостаточно. Но одно обстоятельство оказалось для меня совершенно ясным: я был настроен совершенно категорично по отношению к либеральной демократии, которую бывшие левые и коммунистические партии частично ориентировали после распада

системы социализма. Я считал социализм системой, укрепляющей либерализм. Я находился в поисках, осуждая и то, и другое. Понятие «демократическое» обрело для меня ключевую роль, но этого было недостаточно.

Следом я сконцентрировался на понятии «политика». Понятие политики, не являющееся государством и выражающее жизненно важные интересы общества, оказалось на повестке дня моей работы как имеющее второстепенное значение. Я считал политику антиподом государственного управления. Таким образом, демократическая и политическая философия подчеркивали свой смысл в качестве альтернативы управления обществом со стороны государства. Когда строительство социализма с помощью государства обнаружило свою несостоятельность, я начал искать правильную концепцию созидания социализма. Философия демократической политики могла бы стать одним из важнейших шагов в этом направлении. На практике и наш народ оказывал очень серьезное сопротивление государству. Но из-за партийных кадров или членов РПК, начисто лишенных творческого начала, эта борьба была на грани полного фиаско. Исследуя пути предотвращения, я убедился в том, что наиболее правильным методом является демократическая политика и стоящая за ней философия. Это должно было стать наиболее важным уроком, который следовало бы извлечь из опыта Советской России. Настаивание на классическом коммунистическом мировоззрении системы социализма, которое давно уже застыло и завершилось внутренним разложением, было бы консерватизмом и завело нас в тупик. Впрочем, роль этих партий в застои научного социализма уже совершенно очевидна. Сохранение РПК на данной почве означало бы опять способствовать консерватизму и ликвидаторству. Несмотря на это, никак нельзя было бы бросаться в объятия либеральной демократии, начисто отвергающей наследие лагеря социализма. Либеральная демократия — это ложный демократизм. Либеральное понимание «левизны» и социализма соответствующее по смыслу его левому крылу, полностью соответствовало ликвидаторству, точнее, это означало овладение капитализмом в структуре социализма, его превращение в «специальный капитализм». Большое значение имела защита РПК и достижения народной борьбы от этих двух опасных мировоззрений и практик.

ключевой была именно эта задача. Правильное ее решение станет самым необходимым и разумным ответом тем, кто стремится преодолеть наследие РПК в орудие своих эгоистичных происков, и тем, кто хочет построить пустой буржуазный либерализм на ценностях исторической народной борьбы.

КОДК и Народный Конгресс рассматривались нами как два периодических средства, которые в этом плане помогли бы нам в наилучшей правильной форме перенять историческое наследие РПК и народной войны. Сыграть успешно свою роль они могли бы, только если бы действительно оценив развитие событий и правильно определив свои функции.

Проживание в лоне государства, помимо ответственности и принуждения, протекало в поисках путей политического урегулирования. Несмотря на явно противоречащие условия, тенденции к эскалации войны, в чем обвинялась РПК, я рассматривал империалистский процесс как наиболее подходящий повод для политического урегулирования. Я считал, что именно этот путь мне надо испытать в первую очередь, пусть даже ценою смертной казни. Я верил в то, что заговор можно нейтрализовать только так. Эскалация войны и непоправимые тяжелые потери и поражения превратили данную ситуацию в картину, которая имела место в период 1925–1940 гг. Прогнозирование планов заговора тоже было такого рода. Представитель Генштаба тоже считал ситуацию заговором. Как бы ни различались их цели, этот подход тоже надо было принять во внимание. Мне была разрешена переписка с РПК. В переписке сообщалось об итогах переговоров. Одностороннее отступление я счел именно той тактикой, к которой стоило прибегнуть в данной ситуации. Данный поступок был совершен в спешке, и об условиях особо не размышлялся. Это не было навязано государством. Тем не менее на такого рода меры меня толкнул в основном спертый воздух шовинизма и заговоров в Турции. Операции и потери, активизировавшиеся в ходе отступления, показали, что силы и органы безопасности хотели превратить это отступление в процесс зачистки. Шаг, сделанный с благими намерениями, хотели использовать для зачистки. Это была серьезная ошибка. Важную роль сыграли не только подстрекательские действия внешних сил, но и усилия, направленные на ликвидацию премьер-министра Бюлента Эджевита, у которого

были серьезные проблемы со здоровьем, но также негативные итоги ПНД и решение о вынужденных ранних выборах.

Ожидаемое мирное и демократическое урегулирование не реализовалось. По меньшей мере, в 1993 и 1998 годах, а также в начале 2000-х гг. не были оценены возможности мирного и демократического решения, что было обусловлено важной ролью, которую сыграли силы, стремившиеся контролировать Турцию, удерживая ее в антикурдском болоте с 1925 года. Курдская проблема является орудием манипуляции гегемонистской системы, причем гораздо больше, чем это принято считать. Неурегулированная проблема — самая вожаделенная мечта гегемонистской системы. С позиции «белого» турецкого фашизма это управление внутренней политикой при помощи психоза войны. Когда курдская проблема была оставлена без решения, неизбежной оказалась необходимость управления страной при помощи логики гражданской войны. Состояние войны пытаются сохранять, постоянно применяя такие высказывания, как «внутренние и внешние угрозы», «неделимость целостности страны». Таким образом монополистический государственный капитализм при помощи крайне редкого национально-государственного деспотизма обретает возможность эксплуатации страны по своему полному усмотрению. Курдов лишают не только статуса общества и человека, их рассматривают как самое удобное средство реализации закона максимальной прибыли капитализма. Не будь навязываемой курдам политики гражданской войны, может быть в Турции национально-государственной модели и капитализма. Но гораздо хуже, что эта политика гражданской войны осуществляется в одностороннем порядке и в качестве политического переворота. Эта политика, которая, по их мнению, проводилась ради национального единства и целостности, против внутренних и внешних врагов, в сущности, на самом деле реализовалась гегемонистскими силами, под их контролем. В начале 2000-х гг. перспективы мирным и демократическим урегулированием курдской проблемы насаждались те же традиционные гегемонистские политические стратегии. Как бы ни стремились говорить о том, что это делается во имя национализма и национальных интересов, по сути своей они являются империалистическими, колониалистическими и направлены на геноцид.

Разрабатывая Защитную речь в Имрали, я взял за основу этот «курдский узел». Это было самым правильным. Стало совершенно ясно, что без освещения «темных пятен» в курдской действительности моя защита, как таковая, не может иметь смысла. После того, когда были испытаны все пути для мира и урегулирования проблемы, в очереди оказались социально-исторические причины возникновения этих темных пятен. Первая короткая Защитная речь в суде была скромным призывом к миру. Вторая большая Защитная речь была призвана развязать узел проблем. Эта Защитная речь, предназначенная для ЕСПЧ, являлась исследованием курдской действительности и существования курдов перед цивилизацией и современностью. Она подчеркивает то, что настоящая ответственность за возникновение курдской проблемы лежит на капитализме, и эта Защитная речь впервые отделяет демократическую суть урегулирования от национально-государственной модели. Данный подход составляет суть перемен в РПК, подчеркивает различия между государственными и демократическими формами урегулирования, которые мы не могли осознать со времен деятельности в группе. В этой точке происходило отделение от системы социализма и стоящей за ней марксистско-ленинской доктрины. Она вынесла право наций на самоопределение за грань буржуазного права и утвердила его в социальной демократии, и если курдская проблема могла быть решена при рассмотрении моделей демократического управления общества, совершенно не сближаясь с государственной моделью, не ориентируясь на национально-государственные поиски, не ограничивая себя решениями в данных рамках. Суть перемен в РПК состояла именно в этом. КОДК и Народный Конгресс терминологически выражали эту реальность.

Внутренние зачистки, совершенно противоречащие сути моих публичных речей, разработанных мной на этих этапах, в 2002–2004 гг. еще раз и очень содержательно оказались на повестке дня. Тот факт, что адвокаты информировались несвоевременно и недостаточно, а также широкомасштабная зачистка в рядах партии, привели к нейтрализации огромных материальных и нравственных ценностей и завоеваний партии, в первую очередь ее деятелей и бойцов. В процессе перемен в целом имела место партийная и на-

родная война, но оказавшаяся между самыми масштабными в нашей истории молотом и наковальней.

2. СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ЛИКВИДАТОРСТВА 2002–2004 гг.

История РПК развивалась вместе с зачисткой. Еще со времен деятельности в виде группы РПК частенько подвергалась зачисткам и по мере развития партии они расширялись. То, что происходило в 2002–2004 гг., было отражением не только зачисток, но и заговоров внутри партии. Точнее, заговоры и зачистки тесно переплетались. Нельзя было отделить их друг от друга и понять, какие совершались умышленно, а какие происходили сами собой. Почва, на которой они возникали, не позволяла отделять их друг от друга и благоприятствовала одновременному осуществлению уничтожения людей и организации заговоров. Руководство, способное держать их под контролем людей, сформировавшихся на упомянутой почве, имел жизненно важное значение. Я постоянно уделял этому внимание и привлекал к данной проблеме других. Не понимая во всей глубины и сложности создания революционной общественности, трудно создать организацию и движение в Курдистане. Руководство партии и военная организация даже не знали, каким образом они выстояли. Поскольку они еще испытывали влияние так называемого «турецкого левого» движения и исторической конфессиональной культуры, это не позволяло осознавать разницу и значение революционной общественности и практики. Когда мы контролировали непосредственно, тогда они стеснялись демонстрировать свою слабость в этом плане. Даже если они не были искренними, то все равно старались соответствовать микроклимату организации. Вместо того чтобы рассматривать организационную и практическую дисциплину как необходимость свободной жизни, они считали это препятствием для жизни в свое удовольствие. Мировоззрение родового и семейной общины впиталось в них до мозга костей. Если сюда добавить еще и личную деградацию, то вырисовывалась структура, само существование которой, не говоря уже об управлении, представляло собой крайне сложную проблему. Все перечисленные нами обстоятельства могут быть восприняты как общие истинные

Было бы странно, если бы все это произошло в наиболее критический период истории РПК — в период ее революционной народной войны, сформированной в виде тесно переплетающихся заговора и зачисток, если позиционировались именно таким образом, то это означает, что на протяжении дня стоял вопрос самого большого предательства. Отличие ликвидаторского движения 2002–2004 гг. от предыдущих и его значение обусловлены кардинальной предательской особенностью.

Мы были лицом к лицу с болезнью, которая в курдской истории была склонна принимать хронические формы. Несмотря на тридцатилетнюю идеологическую, организационную и практическую борьбу, обострение этой же болезни представляло собой серьезную опасность. Сформировавшиеся условия места и времени в высшей степени благоприятствовали этому. США, как гегемонистская сила планеты, начала агрессию в Ираке, а ПСР она выбрала в качестве своего нового продолжения в Турецкой Республике. Как бывало в истории, она опять же стремилась манипулировать курдским движением собственноручно. Это была основная сила, стоящая за операциями «Гладио», направленными против РПК и меня. У них была сильная поддержка коллаборационистов. Они реорганизовывали турецкое отделение «Гладио». Если собрать все эти факторы воедино, становится ясно, что операция внутри РПК была неизбежна. Преследовалась цель совершения последней и окончательной из всех операций, которые ранее насаждались извне и внутри. Цель, которой добивались тридцать лет, теперь хотели достичь окончательно. Задача известной классической операции заключалась в создании внутри РПК соглашательского крыла и удушения всех остальных. Это был метод, который частенько проводился в истории, причем зачастую успешно. Соединив данную цель с масштабным заговором, они поверили в то, что это обернется полным успехом. Силы заговора, достигшие масштаба специальной войны, развернутой Турцией, в этот раз действовали в рамках схемы ПСР с «зеленой» маской. Их курдские продолжатели в Иракском Курдистане давно уже были готовы к любому сотрудничеству ради предложенной им опции в виде федерации. В принципе с 1985 года они тайно или открыто оказывали всяческую поддержку всем действиям «Гладио». В этот раз они сделали все от них зависящее в надежде на освобождение от РПК и народной войны, сделали, оказав

всяческую поддержку внутреннему ликвидаторству. Они стали обладателями так называемого самого крупного наследия. Как жаль, что толпы ликвидаторов, считая себя истинными хозяевами партии и народной войны, совершенно не понимали, каким хозяевам служат. Консервативные и догматические элементы, постоянно использовавшиеся ликвидаторами в качестве мотивировки, были совершенно не в состоянии вести свою войну. Они лишь так пользовались этим успешным историческим выступлением, стремились полностью завершить его. Но наследие РПК не то, которое можно легко растратить.

Для того чтобы хорошо осознать, как дошли до такой ситуации, необходимо окинуть взором недавнее прошлое.

Прежде всего, основную роль в доведении до такого состояния сыграли личные ошибки и безволие, обусловленные разрушением личности и ущербности в свободе, которые имели место в процессе создания организации; это оказало влияние как общая слабая сторона. Для устранения данных недостатков не было приложено сколько-нибудь серьезных усилий. По мере развития процесса структурные слабости гораздо явственнее обнаруживали себя. Проявилось на съезде 1986 г. немалую терпимость к кадрам, оказавшимся в таком состоянии, мы хотели и дальше идти с ними нога в ногу. После того как с огромным трудом было совершено выступление 15 августа 1984 года, уже в 1986 году, когда кризис начал давать о себе знать, они заняли позицию типа «мы сделали столько, сколько смогли». В частности, нельзя было особенно полагаться на тех, кто считался «первым поколением». Они не могли справиться с центральными ролями, которые неоднократно признавались за ними. Что уж говорить о творческом подходе, если они не могли управлять даже тем, что им преподносилось! Когда были убиты такие подающие надежды кандидаты на командные посты, как Кемал Пир, Мехмет Карасунгур и Махсум Коркмаз, мы были вынуждены выступать в 1987 году с оставшимся, так называемым «вторым поколением». На этот шаг мы пошли почти в одиночку. Была оказана различного рода поддержка, в первую очередь это были обученные, оснащенные и финансируемые кадры и бойцы, численность которых к концу 1992 года превышала тысячу человек ежегодно. Сюда же входила неиссякаемая народная поддержка, возможности внешней

ни дипломатическая помощь. Внутренние базы тоже продолжали функционировать. Новые кандидаты на командные посты, которых мы называем «среднее поколение», сразу же прибрали к рукам все оснащение, и их тут же охватила эйфория самовлюбленности, шейхов, «милость» которых гуляет отдельно от них. Повторный успех в активности движения они приписали своему умению. По сути же, их роль была не больше, чем у пугал на огородах. Когда же к человеческим слабостям добавилась еще самовлюбленность, они постепенно стали терпеть неудачи гораздо худшие, чем кадры старого поколения. У «первого поколения» хотя бы была определенная политическая и организационная мораль, были какие-то принципы. У новых даже этого не было. Даже если и были остатки того-то, жесткие условия борьбы просто уничтожили их. Когда лидер, находившийся в Ближневосточном регионе, и народная поддержка внутри страны стали помогать им, они вообще испортились. «Банда четырех» в этом плане давала о себе знать, в особенности, в регионе Ботан. Те же, кто должен был расследовать подрывные действия «Банды четырех» и нейтрализовать их, просто проводили время в тени этих бандитов. Во главе этих людей стояли Низаметин Таш (Ботан), Халил Атач (Абубекир), Осман Оджалан (Ферхат) и Джелал из Шырнака. Таким образом, территории Ботана, Бехдинана и Загроса фактически оказались в зоне влияния этой преступной группы. Регион Амед (Диярбакыр, Бингел, Муш и окрестности) был почти превращен в имение братьев Сазык и Чуруккаяя. Они сделали так, что многочисленные кадровые резервы и все действия просто обесценились. Амед, вероятнее всего, стал первой областью, оставшейся под контролем ИТЕМ. В областях Ботан, Бехдинан и Загрос при поддержке ДПК постепенно стала активизироваться деятельность ИТЕМ и внутренних заговорщиков. В Дерсима погиб Виктор Баран, и эта смерть до сих пор еще полна загадок, а такие моменты, как Хидир Сарыкаяя (Экрем), развивают свои инициативы. Помимо зачисток стали процветать бессмысленные стычки с другими левыми силами, имели место труднообъяснимые потери. В регионе Толхилдан (Мараш, Адияман и окрестности) Терзи Джелал (Али Омурджан), в области Мардин Серхат (Хидир Яалчин) освоили преобладающую аналогичную подрывную тактику. А тем временем в Ближневосточном регионе лидер оказался на краю ги-

бели, что было связано с деятельностью JITEM. Заговор, спонсированный гибели товарища Хасана Биндала в январе 1990 года сыграл здесь роль стратегического убийства.

Несмотря на эти заговорщические и ликвидаторские тенденции борьба партийцев, бойцов и народа продолжала расширяться и в массовых масштабах. Наконец, ощущение властями необходимости диалога, что имело место с 1991 года, стало результатом этого процесса. Однако тогда же была пущена в ход деятельность в русле «Гладио» и JITEM — яростно и в нарушение всех законов. Внутри государства тоже была допущена серьезная трещина. В этих условиях ликвидаторские элементы изначально были распределены не как откровенный бандитизм, или же в тайной и хитрой форме. Они продвинулись настолько, что сочли себя новыми и реальными хозяевами народа и партии, причем сделали это намного активнее, чем я предполагал. Они стали вести себя излишне самовлюбленно, и научились искусно скрывать свои позиции.

Для того чтобы преодолеть эту ситуацию, мы обратились к классическим партийным методам. Старались решить проблемы при помощи собраний в центре, конференций и съездов. Обновление комитета, назначение новых представителей, усиление — все это рассматривалось в качестве конструктивных шагов. Ясно, что такого рода решения имели технический и организационный масштаб, они не могли быть снижены до идеологического и политического фундамента. В результате они всего лишь порождали некоторые формальные результаты. Все, что происходило, по сути, было обнаружением в структуре нашей партии тех явлений, которые в мировом масштабе происходили в связи с опытом Советского Союза. Распад, имевший место в структуре социалистического лагеря в истечении семидесяти лет, повторился в РПК через двадцать-тридцать лет со дня создания. Даже если бы мы были государством, бы бы возможен аналогичный распад. Идеологические и политические модели, которые не могут освободиться от национально-государственной перспективы, в структурном смысле проблематичны, авторитарны, не способны обеспечить социалистические преобразования в обществе. Формирование, даже на базе государства или партии, монополистических, деспотических и авторитарных элит и личностей продиктовано ее природой. Но осознание нами

ния реалити обрело конкретный характер с наступлением периода август 2002—2004 гг.

Имел место не только отрыв предателей-ликвидаторов от традиционной борьбы, происходил разрыв и между ними. У них были некоторые важные теоретические расчеты. В первую очередь они считали, что однозначно лишили влияния лидера-учредителя. По их мнению, ни одна сила не могла спасти лидера. Так они считали себя гарантированными от возможной опасности, исходящей от него. Силы, на которые они опирались, давали им достаточную уверенность для таких суждений. Вторая очередь их тактических расчетов заключалась в том, чтобы лишить старых партийцев с преобладающей догматической стороной (тем не менее у этих партийных кадров были принципы) той самой опасности, которая могла угрожать им самим. Они были подготовлены к этому. Многие завоевания партии и борьбы были под их контролем. Значительной частью партийных кадров и бойцов они уже успели вскружить головы. Уверенность, которую они годами оттачивали в рядах борьбы, помогала им держаться на высоте. Третий фактор заключается в том, что они считали себя истинными владельцами всех достижений. Как бы то ни было, но войной командовали они, они завоевали доверие народа и бойцов, — таково было их собственное мнение! Все старое поколение, включая лидера, по их мнению, уже сыграло свою роль и должно быть отброшено в сторону! Они считали себя личностями, доказавшими свои возможности, и теперь все должно быть под их контролем, за ними должны быть и слово, и дело! Они строили свои расчеты с типичными признаками семейственности в отношении наследия. Четвертое обстоятельство заключалось в том, что основой, на которую они опирались, был новый всемирный либерализм, признавший их легальность и достигший победы в мировом масштабе. Хоть они и были невежественны, но неолиберализм как индигенция полностью соответствовал их уровню. Их тяжело было удержать под этими факторами. Но они обрели возможность реализации своих индивидуальных жизненных позиций, о которых постоянно мечтали. В виде многочисленных, ворующих друг у друга групп, состоящих как из мужчин, так и из женщин, пусть даже каждой собственной головы, они не собирались отрываться от этой новой своей «любви», и никто не мог их оторвать от этого. Они, на-

конец, слились со своей «любовью», по которой страдали так долго, но это слияние произошло на волне ужасающего предательства. Столь часто повторявшиеся предательские личные побегии осуществляли в виде группы, к тому же в форме нового либерального движения. Они могли этим отвлекаться, пытаться очистить себя. То, что они, как проекты либерализма, могли себя продать от имени такого известного движения, как РПК, стоило бы дорого. В первую очередь Турецкая Республика, США и сторонники могли бы купить их.

Несмотря на то, что против этого ликвидаторства восстали отдельные круги партии, соблюдающие традиции лидера, во главе со старыми партийцами, которые испытывали уважение к достигнутому партией и борьбой, действовали принципиально, но, вместе с тем, не могли преодолеть в себе догматизм, развить вместо это тактические шаги, не удалось достичь успехов в сохранении завоеваний. В этом плане у них было достаточно много ошибок. Они не могли проявить необходимую сноровку, чтобы перекрыть дорогу ликвидаторам и спросить с них. Их недостаточный уровень неумение принять меры и абсолютно непригодные способы действия позволили подрывным элементам действовать совершенно беспрепятственно. Все, что они сделали, — это защита или спасение личного достоинства. Недостаточность и догматизм тех, кто способствовали тому, что все происходящее просто безучастно отражалось. Они были далеки от того, чтобы осознать размах новой волны предательства и принять меры. В какой-то мере они были похожи на осколки коммунистической партии. Власть узурпировали либералы, а они просто наблюдали за этим.

Возникшая ситуация оказалась похожа на участь системы социализма в проекции на РПК. Но развернутое нами движение обладало таким характером, который помог ему давно уже превзойти уровень социалистической системы и пустить корни до самого фундамента общества. Хотя социалистические шаблоны и изнашивались, но самые бытовые качества были обретены. Имели место серьезные процессы как в плане курдской идентичности и существования, так и в сфере социальной свободы. Возникли проблемы не в самом движении, а в управлении им. Движение продолжало свой живой стиль и развитие. Если бы ситуацию оценили правильно, то не было бы никаких

Мисс в выступлении на почве усиленного движения за идентичность и свободу.

Учитывая масштабы подрывной деятельности, я в качестве ответа написал продолжение своей Защитной речи в виде версии под названием «В защиту народа». На первый взгляд может показаться усилением призыв перейти к обороне вместо наступления народом на его строительство в качестве социалистического общества, консолидации под сводами независимого государства, но ситуация была совсем иной. Смысл этого заключается в приближении от идеологического лозунга к социальной конкретике, что означало преодоление противоречия и заполнение огромного вакуума между идеологией и практикой. Лозунги социалистического лагеря, даже научного социализма не отвечали потребностям формирующейся обстановки. Распад, переживаемый в РПК, как и во всем мире, нельзя было остановить или предотвратить старыми способами, сколько бы усилий ни прилагалось для этого. Нужна была реконструкция идеологической и научной сфер. Курдский народ, открыто выходящий на сцену, и социальная сфера, обретающая свободу, не могли быть защищены старыми способами. Ощущалась необходимость не только в новых формах слов и дел: требовались существенные перемены в понимании социальных наук, политики и ответственности. Итог оказался не просто местного характера, а стал универсальным. Углубление в сфере философии науки и дисциплин, связанных с обществом, отчетливо выявляло потребность в преобразовании.

Несмотря на все идеологические наступления либерализма, современный капитализм переживал самый глубокий в своей истории кризис. С распадом лагеря социализма он утратил сильную опору. По сути, жизнь капиталистической современности, распавшейся в ходе Первой мировой войны, продлил социалистический лагерь. Распад лагеря социализма не стал победой либерализма, а либерализм лишился своей самой сильной конфессии. Для осознания этого не потребовалось много времени. Проект «Большого Ближнего Востока», который рассматривался и планировался как средство против экономического кризиса, углублявшегося после 1991 года, старались претворить в жизнь посредством агрессии в Ираке и Афганистане, со всей очевидностью выявил структурный кризис

системы. Китаю, оставшемуся после распада системы социализма, не удалось спасти современный капитализм, он будет играть роль угрозы, являясь центром новой гегемонистской силы. Новое положение, в котором оказался мир, означало невозможность дальнейшего существования современного капитализма и невозможности развития новой альтернативы. Преобразования в социальной структуре, политике, этике и эстетике связаны с создавшейся ситуацией: это стало и причиной, и итогом.

В итоге, стараясь, с одной стороны, развить новые политические модели для того, чтобы защитить практические, конкретные завоевания от разрушения, с другой стороны, пытались найти ответы философии политики и образу жизни. Мы не отрывались полностью от идеологических и политических процессов прошлого. Мы очищались от элементов, порождающих препятствия, и при помощи более развивающих элементов, давая ответы на возникающие вопросы и потребности, старались приобщиться к процессу, более постоянному и не подверженному разрушениям. Открытым пока результатом этого стало следующее: надо было вновь утверждать название РПК, конкретизировать завоевания народа в сфере идентичности и свободы при помощи именованной АОК (Ассоциация Обществ Курдистана). Таким образом и традиция, и перемены в совокупности старались сделать жизненно важными на новом этапе. Теоретическое объяснение такого рода процессов мы пытались представить в виде последней Защитной речи. Именно поэтому я предпочел сделать окончательный вариант своей Защитной речи таким, чтобы охватывал период с появления человечества до его социализации от цивилизации до современного капитализма, далее до демократической современности, вместе с рассмотрением идентичности моего народа и моей личности.

Часть шестая:
РПК, АОК И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
НАЦИЯ

2003 год является началом того периода, когда РПК и АОК официально провозгласили свою деятельность в рамках теории демократической современности. Можно это назвать третьим большим рождением. Первое большое рождение является интеллектуальным рождением национального общества от универсальной революционной идеологии. Идентичность национального общества в основном воспринимается интеллектуально. Национальное общество, независимо от того, реализовано оно, или нет, планируется как интеллектуальное рождение. За основу в качестве принципа берется курдская идентичность, но, тем не менее, ведутся активные дискуссии по поводу того, какой должна быть курдская идентичность. Давалась оценка курдскому бытию, пусть даже разрозненному и раздробленному. На базе самых примитивных знаний проводились дискуссии по поводу общества, страны, языка, границ, раздробленности, отсталости или умения быть современным.

Численность основной группы, занимавшейся этим обсуждением, в первые годы не превышала десяти человек. Ее значение было не в количестве, а в качестве. Важно было правильное выражение, четкость обсуждаемых реалий. Основная суть периода 1973–1979 гг., когда был совершен выход из Анкары и распространение по всему Курдистану, заключается в озвучении этих реалий и осмыслении в качестве новой курдской истины. РПК стало названием этой маленькой истины. Колоссальной утратой стала в этот период гибель Джи и Карера. Были и другие жертвы, не превышавшие числом пяти человек. Что касается периода, проходившего с 1980 года по 2005 год, то он представляет собой возвращение в обогащающееся знаниями, унижающееся, борющееся и таким образом освобождающееся и утверждающееся субъектом курдское национальное общество из такого курдского явления, которое, в основном, было в состоянии объекта. Речь идет о переходе курдской идентичности из состояния объекта в состояние субъекта. Можно назвать это переходом от прежнего, унижающего состояния курдской идентичности к той курдской идентичности, которая заново оживает и обретает свободу. В данном случае речь не о мысленном рождении и наречении имени маленькой группы, а о переходе многомиллионной нации от положения объ-

екта и рабского прошлого к состоянию народа, который свободно выражает себя, организуется, действует и борется. Это можно назвать типичным возрождением современного (модернистского) народа в виде общества демократической нации. Формирование происходило в виде первых имен этого процесса, коими были СОН (Силы Освобождения Курдистана) и ФОНК (Фронт Освобождения Народа Куридстана). Погибли более тридцати тысяч наших героев. Их было настолько много, что точно сосчитать не представлялось возможным. Это были не просто курды и турки — это была жертва во имя всего человечества. Были сотни тысяч партийцев, симпатизирующих и народных масс прошедших через пытки. Более десяти тысяч узников, брошенных в застенки. Есть беженцы, численность которых превышает миллионы. Жизнь борющегося народа сформировались в этих условиях. Происходило формирование нации демократического национального общества, в котором по причине отрицания и убийств, имевших место в прошлом, но доведенных в условиях современного капитализма до масштабов геноцида, были предатели, оборотни, соглашатели и убийцы, но было много повстанцев, жертв, героев, которые давали достойный ответ.

Различия, появившиеся после 2005 года, идентификация в новой сути, обретение состояния обусловлены постоянным существованием и упорным стремлением к свободе. После таких болезненных процессов, как рождение и формирование, с той же чуткостью, как какой проходило ожидаемое рождение ребенка, должен решаться вопрос роста, защиты и питания, с тем чтобы его не отравить. Актуальными также становятся постепенно вопросы свободного самовыражения ребенка. Проблемы уже касаются не просто рождения и жизни, а собственной идентичности и свободы, обусловленной взрослением, защитой и различиями. Мысленное рождение уступает свое место телесному рождению, далее оно превращается в различные органы тела. Рождение уязвимо перед всеми болезнями периода младенчества и детства. Необходимо огромное внимание, чтобы не допустить смерти младенца. Предыдущее мысленное рождение тогда проходило очень болезненно. Надо, чтобы формирование, в какой-то степени похожее на зачатие в материнском лоне, было здоровым, благородным и нормально развивалось. Это возможно только в том случае, если идеологическое наступление станет точным вырази-

курдской социальной действительности, то есть его истиной. Стоит забывать о том, что первым и самым тяжелым условием существования жизненности является то, чтобы мать-земля Курдистана, на которой тысячелетиями сталкивались и воевали чужеземцы, позволила благородные роды, обусловленные не насилием, а свободным волеизъявлением, и плодом стал свободный народ. Третий период представляет превращение субстанции в живой организм, чья идентичность и свобода сформируют бытие. Формирующееся явление уже перестало быть прежним, знакомым, оно уже не является прежним объектом, лишенным самобытности, растерзанным и поглощенным другими. Прежняя курдская идентичность существовала только в качестве объекта. Любой завоеватель, агрессор, эксплуататор и убийца мог осуществить против курдов любую операцию, убить, ассимилировать (растворить). Курды находились в роли некоего расходного материала. Коллективная субъективность и идентичность были неразвиты, или развитие запрещалось. Курды совершенно не могли защитить себя, напоминая корову, ждущую, когда ее подоят, или на труп, брошенный на съедение стервятникам. Такая действительность нельзя было бы назвать жизнедеятельностью общества. Скорее всего, курды тогда представляли собой объект, который всегда пытались оторвать от собственной идентичности.

Курдистан и курды после 2000-х перестали быть объектом, они стали субъектом, способным успешно реализовать свое состояние зариона и рождение в течение последних тридцати лет. Речь идет о курдской идентичности и свободной жизнедеятельности, которая может выразить собственную действительность, представить ее как истину и защитить ее. Несомненно, эта действительность и истина позволили им найти собственного самовыражения в виде национального государства. Они отвергли эту изначально существовавшую идею. Точнее, они поставили грань между собой и той действительностью, которую изначально считали социализмом, но затем, в действительности, после распада социалистического лагеря, посчитали, что это был вовсе не социализм, а капитализм. Они разделили идею демократического общества, изначально тесно переплетенную с бессмысленной национально-государственной моделью. Отходя от национальной государственности, все свои силы перебросили на демократическое общество. Национальное демократическое

общество уже не является ни мечтой, ни утопией, оно превратилось в свободно существующую действительность. Несмотря на то что у новой действительности есть некоторые проблемы, они обусловлены не зародышевым состоянием и рождением, или ростом, тем, что становление превращается в формирование идентичности свободы. Если продолжить сравнение, то можно сказать, что наступила полоса юности или девушки, которая может стоять на ногах своими собственными силами. Проблемы теперь обуславливались переходом в стадию взросления. В этот период проблемы свободы стали обретать особенно большое значение. Если бы не обратили внимания, то старые болезни курдского движения в любой момент могли бы получить резонанс. Внутреннее и внешнее предательство, соглашатели могли бы в гораздо худшей форме, нежели ранее, обернуться против свободной курдской идентичности. Элементы прежней иерархии и капиталистической современности, которые существовали параллельно, в любой момент могли раздробить и разделить между собой новое образование. Точнее, они могли бы не делая различий между старым и новым, просто стремиться им плутировать, продолжать поедать ту жизнь, которую они в рамках старого мышления считали своей. Проблемы имели многосторонний характер, были порождены всем этим содержанием.

Существующие проблемы более глубокие и разнообразные, и на этом не важно, чем они обусловлены, прежними цивилизациями и капиталистической современностью, или жизнью со свободной идентичностью. Из-за этого различный будут и методы, и средства урегулирования. Невозможно было оставаться ни на уровне прежних курдов и Курдистана, ни бороться в стиле «народников», РПК, СОК и ФОНК недавнего прошлого. И противник уже не был прежним. Он тоже подвергся изменениям, в силу которых уже мог признать курдов и Курдистан, хотя и не внушает особой уверенности, делает это крайне «стыдливо», противник уже не отвергает курдскую идентичность одним широким движением. Очевидно, что все эти общественно-исторические преобразования требуют новой курдской идентичности и новой презентации РПК, ощущалась потребность в новых системных концепциях и теориях. На этой основе постараемся развивать новые концепции РПК и курдской идентичности, а также новые системные концепции и теории.

А. РПК И ЖИЗНЬ

В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

И пишу эти строки в год 32-летия создания РПК. Стольких лет, конечно, достаточно для оценки идентичности, роли и успехов современной партии. Если сюда же добавить, что и должно быть сделанно, деятельность в виде группы, то получится жизнь протяженностью в широк с лишним лет, полная бурь. И на этапе деятельности в виде группы, и в годы образования партии — все это до выступления в августе 1984 года было периодом партизанской жизни. Мир, который оказал на нас влияние в плане универсальной идеологии, был миром системы социализма и социалистического мировоззрения, которое мы считалось, стоит за ним. С точки зрения осознания идентичности РПК все те ценности, преданность которым сохраняется или сохраняется так, а также парадигма социалистического мира, становятся важным ориентиром. Если попытаться рассуждать при помощи того же сравнения, то можно сказать, что мы учились созданию нового подразделения того общества, которое называло себя социалистическим племенем. Если предположить, что также было создано множество филиалов, то мы в качестве маленькой группы считали себя вправду филиалом такой группы. Наше сознание и наша вера, объективно касающиеся страны (мы считали Курдистан страной) и народа (курды мы однозначно считали народом), стали основной мотивировкой для применения нами такого права. Ожидалось, что в силу нашего мировоззрения мы должны были назвать себя авангардом наиболее угнетенных и трудящихся слоев народа. Слово «Рабочий» конъюнктурно означало и угнетенные, и трудящиеся слои, поэтому выбранное нами наименование соответствовало действительности.

Если обратить внимание, то можно заметить, что в период рождения и партизанской деятельности в РПК существовал мир сознания и веры, принятый на веру, без какого-либо исследования. Говоря о члене социалистического племени, я имел в виду эту реальность. Точно так, как любой ребенок, родившись на свет, априори

воспринимает как данность свое племя, так и мы приняли без условий социализм и социалистический мир. Наше единственное отличие от «классических» племен заключалось в том, что наше племя, воплощавшее новый мир, базировалось на несомненном научном фундаменте. Но каким бы научным ни считался наш фундамент (в критических оценках системы социализма, развернутых в предельных томах, я постарался выявить его догматические стороны), нашей привязанности была лишь небольшая доля научного подклада, основывавшаяся, скорее всего, на вере. Следовательно, преобладала догматическая сторона. Я говорю это не для того, чтобы поставить догматизм лишь в негативном виде. В природе человека много взглядов, которые не включали бы в себя догматизм. В самой идее, в мысли есть некая догма, есть вера. Это можно было бы назвать принципом. Очень сложно человеку жить без веры в принцип, без знания, в догму. Только обожествление человека позволит ему жить без тяготения к какому-либо принципу и догме. Хотя были многие, утверждавшие о существовании таких людей, но их или совсем не существует, или же крайне мало тех, кто мог в некоторые ограниченные мгновения своей жизни видеть таковых.

Ошибочное понимание данного вопроса заключается в восприятии догм в качестве жестких и неизменных истин. В конце концов, именно так в большинстве случаев воспринимались религиозные догматы, превращая историю человечества в череду трагедий. В противовес такого рода догматизации канонов философского и научного мышления развивается мышление более здоровое, позитивное. Превосходство философии и науки над догматизмом обусловлено тем, что они воспринимают универсальные жизненные реалии во всех различиях и в их живом виде. Любое общество, развивающееся по законам философии и науки, именно поэтому постоянно превосходило те общества, которые не могли преодолеть себе догматизм верований или оставались в его власти. Определяющая роль в борьбе обществ принадлежит философским и научным ценностям того мировоззрения, которые они постоянно несут себе; точнее, в уровне восприятия универсальных жизненных реалий во всех различиях и в их живом виде. В этих случаях достижение успеха в сравнении с прочими сообществами внутри самого общества или за его пределами, даже во взаимоотношениях с природой

редой связано с уровнем понимания различий и живого характера универсальном мировоззрении.

Когда есть только догматическая связь с принципиальными вы-
суждениями, своего рода догмами, то начинают возникать опреде-
ленные опасения и риски. Догмы научного социализма, к которым
прикнула РПК на этапе своего формирования и партизанской де-
тельности, играли в основном положительную роль. Хотя научный
социализм все еще полностью не очистился от метафизики, он был
идеологией, наиболее близкой к философии истории и науки, тесно
связанных с общественной действительностью. В научном и фило-
софском понимании общества он представлял наиболее передовую
идею своего периода парадигму. Застой, имевший место в реальном
социализме, в каком-то смысле оказался следствием догматических
сторон научного социализма. В критике, изначально адресованной
ему, была доля правды и справедливости. Структурные догмы, не ис-
правленные в свое время, обнаружили результаты в момент распада
идея социализма. В рядах РПК имели место аналогичные послед-
ствия, пусть и не на государственном уровне, но в виде прототи-
па государства. Те, кто не сумел оторваться от догматизма в рядах
РПК и совершить выход к научности и исторической философии в
годы революционной народной войны, сами подверглись догмати-
зации. Больше всего в данном случае проявили себя авторитарные
идеи партии, сторонники национально-государственной модели.
По мере их появления укоренился догматизм. Демократические
подходы буквально были подавлены авторитарными подходами.
Полномочия партии способствовали командирским ролям, а те, в
свою очередь, — личной власти. Возникли своего рода микронаци-
ональные государства. Не демократическое, а авторитарное и на-
ционально-государственное толкование власти в ленинской пар-
тии тоже оказало влияние на РПК, как и на весь лагерь социализма.
Когда этот подход возобладавал полностью, деградация власти стала
неизбежной. В итоге произошел распад обществ социалистического
типа, тем самым, национальных государств. Хотя национальное
государство под названием «Объединенный Демократический Курди-
стан» не было построено, что являлось целью РПК, но, тем не ме-
нее, это произошло на многих микроуровнях. Период 1984—1998 гг.
преимущественно был периодом существования курдских микро-

национальных государств. Период распада государств социалистического лагеря РПК с опозданием пережила в более глубокой форме после 1998 года. Хотя в данном случае сыграл свою роль тот факт, что либеральные фашистские национальные государства всего мира нейтрализовали лидера, но этот внутренний процесс в основном начался задолго до этого, в частности, он имел место после 1995 года. В мировом масштабе аналогичные процессы имели место во многих партиях со схожей структурой. После распада пытались функционировать два основных потока. Первый поток — это коммунистические партии, настаивающие на старых ортодоксальных понятиях системы социализма, вторые — это партии, превратившиеся в либерально-демократические крылья либеральной партии, игравшие роль главной партии в бывших капиталистических странах.

Несмотря на то, что после распада в РПК и присутствовали аналогичные тенденции, они не смогли стать господствующими. В частности, борьба между течениями за господство, имевшая место в 2002—2004 гг., оказалась очень разрушительной, но не имела никакого успеха. Если фальшивые бандиты с либеральными масками совершали бегство и предательство, то консервативное традиционалистское крыло или элементы, не сумевшие преодолеть догматы, предпочитали оставаться в русле основного потока. История основного потока любопытно и по сей день. Если два крыла боролись между собой, то считали, что партия полностью состоит из них. Оба крыла не желали иметь представление о диалектике формирования РПК, точнее, они не были в курсе диалектического развития РПК, хотя наиболее важное отличие РПК от подобных движений заключается в том, что она не разорвала связей с диалектическим развитием. Как в годы рождения и партизанского движения, так и в годы революционной народной войны партия, несмотря на все попытки сбить ее с толку, в основном смогла сохранить свое соответствие диалектическому развитию. Если и не было опыта диалектического мышления, накопленного в рядах РПК, то в жизни она активно разрабатывала революционные диалектические принципы, позиционируя себя с диалектикой. Уклоны или различные извращенные элементы не могли толком осознать эту реальность. Веря в то, что каждым новым предательством или введением в заблуждение они наносят смертельный удар, они по этой причине не могли понять

активно нарастающее развитие партии. Кроме того, искажения и воздействие приводило не к распаду партии, а к их личному разложению. В соответствии с этим РПК продолжала свое развитие, отчищаясь и освобождаясь, обретая диалектическую суть. Во все кризисные периоды мы становились свидетелями такого рода процессов.

В процессе большого распада 2002–2004 гг. считалось, что в этот раз можно будет справиться и достичь того, чего не было достигнуто до сих пор, и что партии будет состоять только из них. В течение короткого срока после очень незначительного вмешательства стало ясно, что все это обстоит далеко не так. Во время моего пребывания в Имрали адвокаты не сообщали мне правду обо всем происходящем. Но ведь перед ними не было никаких препятствий для этого! Я думаю, что они корректировали свои взгляды с позиции уклонистов, а меня сравнивали с немощным человеком в состоянии безысходности. Действительно, мое состояние на тот момент не радовало особыми надеждами. Но ведь я не был одним из тогдашних событий... Я не просто оживлял историю, но давно уже превратился в такую истину, которая будет жить свободно всегда, останется жить даже после моего физического существования. Я создал себя как такую действительность и силу понимания. Они не знали об этой действительности и смысле, или у них было недостаточно сил для понимания. В итоге, когда я сделал заявление о том, что усилиями группы товарищей на почве возвращения названия РПК необходимо охватить основной поток, начался процесс развития РПК, который был намного активнее, чем прежде. Группы, на которые надеялись праволиберальные бандиты, уже давно покрылись снегом, а сами они не смогли спастись от заморозков. Традиционалисты левого сектора в этот раз посредством более серьезной самокритики постарались слиться с основным потоком. Естественно, большее всего, что происходившие события способствовали тому, что в этот раз более тысячи элементов, которые, по сути, могли бы идти в ногу с основным потоком, многочисленные материальные ценности и очень важные моральные ценности были утрачены. РПК, осуществляя, таким образом, свое третье рождение, или возрождение после значительного распада, вступила в новый становления как партия совершенного иного общественного периода — периода демократической нации.

1. ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ РПК В НОВОМ ПЕРИОДЕ

Безусловно, отрыв от предыдущих периодов не означал обречения иной идентичности. Но это не представляло собой копирования предыдущих периодов. Все происходящее было не простым количественными изменениями, это было качественное развитие. Преобразования происходили не только в РПК в плане идентичности: во всем возрождающемся курдском обществе имели место качественные преобразования. Эти преобразования, касающиеся идентичности, произошли в результате тесных диалектических процессов между ними. Это позволяет дать более конкретное определение идентичности РПК, которая однозначно определилась в своей зрелости, и сделать некоторые выводы универсального характера.

а. Прежде всего, ни партия в целом, ни РПК, в частности, являются прежними национально-государственными партиями системы социализма. Она принципиально согласна с тем, что социалистические партии как целое не создавались в государственных целях. Социализм не может быть построен при помощи современного государственного аппарата, поскольку это противоречит природе социализма. Национальное государство современного капитализма является одним из краеугольных камней закона капитализма о максимальной прибыли. Капиталистическая система извлечения прибыли не может быть реализована без национального государства. Любая система, в которой присутствует национальное государство, связана с реализацией капиталистической прибыли. В социалистической системе ситуация не сильно отличается от этого, более того, существование бюрократического капитализма демонстрирует гораздо большую потребность в национальном государстве. Национально-государственная структура реального социализма сыграла определяющую роль в том, что он не может стать социализмом. Любое течение, как от партии к государству, так и от государства к партии, завершается отрицанием социалистической демократии. Суть и форма социализма диктуют переход к коммунистическому обществу, которое в теории своей рассматривается как общество без государства, причем ни на какой стадии, ни при каких обстоятельствах нельзя прибегать к государственным инструментам.

Социализм может быть создан только путем полномасштабной реализации демократии, которую либерализм двулично эксплуатирует, но на самом деле противоречит с самой сутью ее. Социализм не только нельзя представить без демократии, но и нельзя построить никаким иным путем, кроме демократии. Социализм может быть построен только при помощи демократической жизнедеятельности самым широким участием.

Так, первой особенностью социалистических партий является то, что они построены как прототип демократии. Невозможно представить, как партия, неспособная демократизироваться, могла приобщить к демократии все общество. Демократия не означает отсутствия власти. В отличие от государственной власти демократическая власть возможна в условиях политического общества. Если государство реализуется на почве игнорирования политического общества, то реализация демократии требует существования политического общества. Но ведь политическое общество — это общество, реализовавшее свою свободу. Политика — это обретение обществом мировоззрения, решений и действий в плане своих жизненных интересов. Не могут общества, не приобщившиеся к политике, решать свои судьбы, более того, они не могут добиться естественной демократизации. Между такими явлениями, как политика, свобода и демократия, существует неразрывная связь. Без одного компонента невозможно существование остальных. В данной ситуации социалистические партии могут обрести идентичность только как прототип демократического, свободного политического общества, не беря в качестве примера модели власти, в целом, и государственной власти, в частности. Власть и государство, как явления, отличаются друг от друга, но, вместе с тем, они как таковые представляют собой монополии, сконцентрировавшие в себе силу и эксплуатацию. Они несут в себе элементы, управляющие делами общества, но эти элементы играют второстепенную роль, используются для легализации монополий эксплуатации и силы, играющих определяющую роль. Все эти мотивы в достаточно степени свидетельствуют о том, почему социалистическая партия не может быть построена в авторитарных и государственных целях. Кроме того, этим подтверждается, что они не могут быть построены каким-либо иным образом, кроме демократического пути.

б. Социалистические партии одновременно и современные структуры, и исторически обязаны развивать альтернативу по отношению к современному капитализму. Современность не является нейтральным понятием, это понятие с классовыми, политическими и идеологическими корнями. Господствующая современность имеет капиталистический характер, но наряду с ними есть и другие типы современности. Демократическая современность стоит в числе первых Эпохи выражают собой наиболее насыщенные общественные периоды, в которые происходили коренные изменения. Идеологическая, политическая, экономическая, техническая и научная структура каждого периода обладает своими специфическими чертами. Древний мир, Средние века и Новое время представляют собой отдельные периоды. Более того, в каждую эпоху существуют присущие ей господствующие классовые, технические, идеологические, политические и экономические формы. Каждый из них характеризуется своими основными формами. Хотя способ капиталистического накопления изначально оставил свое клеймо на нашей эпохе, то есть на условиях нашей современной жизни, тем не менее вся эпоха может быть полностью отдана капитализму. Если бы реальный социализм не завершился капитализмом, то он мог бы также оставить свое клеймо на современности. В конце концов, долгий период не принимался именно так. Социалистические партии, не выйдя и не под влиянием многочисленных элементов капиталистической современности (способ капиталистического накопления, национально-государство и индустриализм), не вступая с ними в борьбу, не смогут оставить свой отпечаток на современности. Построение социализма в XX веке завершилось капитализмом потому, что он не боролся с элементами современного капитализма, напротив, занимался тем, что надевал маски на его элементы. Социалистические партии могут преодолеть влияние современного капитализма и завоевать главные позиции своей эпохи только в том случае, если смогут развить собственные элементы (демократическая нация, экологичная промышленность и социалистическая рыночная экономика).

РПК не может довольствоваться только преодолением влияния национально-государственной модели, она может сыграть передовую роль, только создаваясь как прототип элементов демократической современности. Строительство курдского общества в виде

демократической нации — это основная функция периода новой идентичности РПК. Успешное выполнение этой задачи связано с тем, чтобы в первую очередь сделать свою систему альтернативой элементам современного капитализма. Есть существенная разница между прототипом демократической современности и современной эпохи как таковой. Не став прототипом современной демократии, крайне сложно осуществить собственную социализацию и добиться верховенства. Впрочем, партии существуют для того, чтобы преодолевать эти трудности, и преодоление этих трудностей возможно только путем становления лидирующей основой. Между элементами современности идет серьезная борьба во всех сферах экологии, политики и экономики. Итоги этой борьбы определят, кто будет играть доминирующую роль. Партии являются авангардом этой борьбы. В марксизме борьба была в основном спущена до уровня экономизма, потому и не было никаких результатов. Дело в том, что марксизм посчитал, что все прочие элементы современности, даже современный капитализм, в неизменном виде просто пройдут на рельсы коммунизма. Но итог определился в той борьбе за современность, которую развернули все элементы капитализма. По этой основной причине ощущалась потребность в демократическом модерне. Но поскольку борьба против капитализма и всех элементов его жизнеспособности не была развернута на почве развития альтернативы, она не могла быть успешной. Первостепенным условием является не довольствование лишь теорией распада капитализма, а развернутая борьба, освещающая теорию демократической современности и входящие в эту теорию альтернативные элементы. В таком случае социалистические партии борются, осваивая свой путь в основном при помощи теории демократической современности. Но нельзя довольствоваться только лишь теоретической борьбой — она достигнет успеха в борьбе против элементов современного капитализма в случае совместного развития орудий практической реализации, то есть умения стать демократической нацией, развить промышленную технику экологической направленности и сделать реальным фактом социалистический рынок.

В обновленной идентичности РПК действительными являются не отрывочные знания о форме капиталистической эксплуатации как это было раньше, а трезвый прогноз и новая парадигма соб

ственной теории демократической современности, основанные на идее разрушения современного капитализма как целой системы. РПК не довольствуется только лишь разрушением капиталистической современности со всеми его элементами, а выступает в качестве авангарда, который обязан развивать программу, тактику и стратегию для создания альтернативного демократического моделина и обеспечения успеха его элементов, которые обретены сегодня.

в. Статус передовой силы в какой-то степени ассоциируется с классическими партийными моделями, но между ними есть определенные отличия. Новый авангард — это прототип демократического общества и представляет собой его передовую национальную модель. Даже если он, как и раньше, выражает единство программы, стратегии и тактики, содержание этих понятий пережило значительные преобразования. Его стратегия берет за основу элементы демократической современности. Программа на принципиальном уровне определяет, как будут построены эти элементы. Что касается тактики, она определяет, при помощи каких сил, средств и каких форм борьбы будут оживлены программные принципы в направлении избранной стратегии. Программа в соответствии с парадигмой демократической современности определяет цели в сфере политики, экономики, общества, культуры, самообороны и дипломатии, а ее стратегия предусматривает, при помощи каких основных и тактических сил реализуются эти цели. Основными стратегическими элементами являются демократическая нация, экологически ориентированная промышленность и общественная экономика, сформированная вокруг социалистического рынка. Что касается основных тактических элементов, то они определяются формами организации и борьбы, которые необходимы для придания жизнеспособности основным целям и стратегическим элементам, а также их конкретного строительства.

Когда речь идет об организации и борьбе, то выдвигается на первый план кадровая проблема. В современном обществе лидеры и кадры не теряют своего значения. Напротив, их роль приобретает гораздо большую значимость, потому что общество становится более сложным. В данном случае очень важно то, какие перспективы они берут за основу. Если партийные лидеры и кадры не смогут выйти за границы мира современного капитализма, то рано или поздно они сами превратятся в элементы капиталистической власти и эко-

воспитания. Если настойчиво работать с элементами современной демократии, то сформируются соответствующие им лидеры и кадры. Если не отказываться от перспектив демократической власти, этики и нравственного общества в угоду перспектив власти и кулуарства, то новая идентичность партии потребует воспитания новых лидеров и кадров.

Идентичность РПК в новом периоде гораздо важнее задач в прежние периоды. Партия должна заново пережить и довести до других идеологическое влияние, имевшее место на этапе деятельности в составе группы, а также влияние политическое, существовавшее в тот период, когда во главу угла ставились акции и военные действия. Она должна превратить обретенную курдскую идентичность и мечты о свободной жизни в строительство демократической нации. Первые этапы накопили массу ценностей для созидания демократической нации. Цель созидания демократической нации стоит перед партией и в настоящее время. Следовательно, единство программы, стратегии и тактики нового периода должно осуществить эту задачу. Подробности данной темы мы будем рассматривать в разделе о РПК. В упомянутом случае обретает важность связь РПК с АОК. Идеологической, политической и организационной силы РПК достаточно для того, чтобы решить задачи, которые должны быть выполнены в процессе деятельности АОК.

Как становится ясно из всего сказанного, идеологическая мощь РПК усилилась благодаря критике научного социализма и системы социализма. Вместо догматического подхода партия демонстрирует гибкий подход — привлечение к ответственности. Заметен прогресс в умении диалектически мыслить и переходить к действиям. Умение оценить конкретные факты и обеспечить необходимые преобразования гораздо качественнее в сравнении с прошлым и придает силу свободной жизнедеятельности. Дистанция между идеологией и социологией сократилась. Уменьшилась разница между социологией и научным социализмом. Обмен между идеологическим, социологическим и научным социалистическим типами мышления обрел целостный характер, последовательно эволюционируя в направлении более принципиальной общественной науки. РПК — в числе первых среди партий, имеющих в этом плане идеалы. Основная мощь социалистической партии развита относительно ее

близости к общественной науке. Ее определяющая сила исходит из ее связи с общественной наукой. Чем больше развивается доли научности в ее идеологической и социологической мощи, тем больше прогресса в ее роли авангарда.

Политический уровень РПК в сравнении с прежним периодом в новом периоде заметно прогрессировал. Поскольку политический уровень РПК более всего рос с опытом, она является в этом плане не одной из тех партий, которые во всем мире можно сосчитать на пальцах. Тот факт, что партию не смогли ликвидировать, несмотря на плотное окружение со стороны современного капитализма на гегемонистском уровне, придало ей большой политической оплот, следовательно, и силы. Политизация курдского общества происходила в тесном переплетении с политизацией РПК на почве взаимного усиления. Когда курдский народ переживал наиболее сильные в своей истории периоды политизации, это относилось и к РПК. Внутренняя и внешняя политика РПК проводятся в тесном переплетении. Определена связь имеющегося политического уровня с исторической и современной универсальной действительностью. Помимо того, прочно установлена связь между политикой и нравственностью. За основу берется также тесная связь между нравственным и политическим обществом. В политике партии действуют как идеологические и социологические, одним словом, факторы научности так и нравственные и этические факторы. Партия проявляет усилия для того, чтобы не потерять связь с поэтикой, то есть с искусством. Она считает, что политика должна существовать и осмысливаться при помощи не только идеологии и нравственности, но и искусства. Она старается перейти от сухой политики к такому обогащенному политическому явлению и постичь его истину.

Помимо того, что у РПК с организационной точки зрения проблема количества партийных кадров, основной проблемой во все времена было отсутствие коллективизма. Личность не могла играть серьезную роль, но и роль коллективизма развивалась не достаточно. Часто повторяющимися недостатками являются такие как отсутствие личностных ролей и уход от коллективизма. Именно поэтому личности и организации обрекались на чудовищные жертвы. Организованный кадровый потенциал означает постоянное пребывание на повестке дня вопроса взаимосвязи между ролью

ности и организации, когда роль личности пронизывает организацию насквозь, а роль организации обусловлена деятельностью инициативных партийных кадров.

2. МЕСТО РПК В ЖИЗНИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Роль современных партий в предыдущие эпохи играли мудрецы, философы, политические стороны и религиозные конфессии. Динамика, военное и научное крыло бюрократии, которые в конкретной действительности противостояли друг другу, собрав вокруг себя многочисленных союзников, стремились быть влиятельными и добиться преимущества. Вместе с зарождением общественных проблем зародились и различные партии, предлагавшие пути решения проблем. Скрыто или открыто, но на протяжении эпох партии постоянно существовали. Наиболее рациональным путем было обращение к силе партии тогда, когда индивидуальных сил было недостаточно, чтобы вмешаться в любые социальные проблемы, противостоять внутреннему и внешнему правлению. У любой организации была своя партия. Даже религии, а также конфессии и секты внутри самих религий на выходе играли роль партий. Как бы они ни идентифицировали себя в идеологическом, политическом и нравственном отношениях, но в итоге это были партии. В период истории эти исторические традиции облачились в новые формы, шаг за шагом стали обретать смысл современных партий.

Партии играют важную роль, делая видимыми социальные слои, на которые они опираются, представляя их интересы, обеспечивая их права, формируя их заново и в более современных масштабах. Все эти реалии свидетельствуют о том, что партийная действительность не уступит свои позиции в обществе. Общество, которое хочет развиваться и защищать свои интересы, не может долго настаивать на собственной беспартийности. Но эта ситуация не может означать, что партии никогда не перестанут быть нужными. По мере развития общества и совместного решения всех его вопросов его же членами партии утратят свой смысл. Но может быть актуальной и полная противоположность этой мысли: если общество находится в состоянии первобытной общины или союза племен, то оно не может ис-

пытывать необходимости в партиях. Весь клан и племя, впрочем, и есть партия. Формирование партий требует наличия в обществе антагонистических классов и интересов. Но если классы и различия перестанут существовать, а интересы станут общими, то не останется и смысла для зарождения различных партий. Порой для осуществления аналогичной деятельности создается несколько партий. Но такого рода партии не могут избежать ликвидации той партией, которая сможет утвердиться в силу своей последовательности и умения играть свою роль. Все изложенное объясняет, почему мы не можем отказаться от социальных партий. Даже овладение государством не может полностью удовлетворить необходимость в партийной организации.

Тот факт, что РПК была встречена в курдском обществе с большим интересом еще на заре своего образования, обусловлен тем, что партия заполнила глубокую пустоту в обществе и удовлетворила его жизненные потребности. Чем больше РПК утверждала свою последовательность словами и делом, тем больше ее принимали в обществе. Несмотря на все недостатки, даже причиненный ущерб партии удастся сохранить свое доверие и незаменимость в обществе, и это обусловлено тем, что она удовлетворяет социально-исторические ожидания народа, играет такую роль. Умение РПК сыграть свою роль в новом периоде будет связано с тем, насколько она сможет ответить историческим потребностям и решать актуальные задачи. Определение курдской проблемы и выявление стремления к свободе не может означать, что социальная проблема полностью решается; это может свидетельствовать только о прохождении значительного этапа. Во главе тех проблем, которые ожидают своего решения, стоит проблема обретения постоянного характера таких устремлениями и мечтами, как собственная идентичность и свобода. Курдская идентичность и мечта о свободной жизни, не подкрепленные никакими законными, экономическими, политическими и оборонительными мотивами, в любой момент могут быть заданы врагами и стать плацдармом массовых убийств. Надо, чтобы РПК именно в силу этих причин отныне успешно играла свою позитивную роль. РПК до сих пор стремилась выполнить свои функции в плане предотвращения негативов. Но после этого необходимо выполнять функции созидания с преобладающими позитивными сторонами. Эти задачи, в основе которых лежит строительство де

демократической нации, РПК может выполнить только путем обретения идентичности и смысла, которые мы стремимся раскрыть. Никакой иной формой РПК эти задачи выполнить невозможно.

Созидание демократической нации важнее создания социализма, оно открывает путь, ведущий к социализму. Необходимость революции в гуманитарных науках связана с комплексным исполнением нравственных и политических обязанностей. Несмотря на окружающее, созданное современным капитализмом, преимущество РПК, играя в этих рамках свою роль, может быть успешным. В данной ситуации важна проблема самовоспитания партийных кадров и превращения философии свободы в образ жизни. Партия, как единое целое, может защититься от прямых и внутренних нападок только при помощи своей идеологической и политической идентичности, она может обрести наступательную силу и слиться воедино с обществом. Партийные кадры наряду с идеологическими и политическими способностями должны обладать такой силой, которая позволила бы им в любых условиях, продемонстрировать свою преданность, честности, принципу свободной жизни. Они должны суметь актуализировать свои силы для того, чтобы стать личностями, способными соответствовать принятому в культуре Ближнего и Среднего Востока понятию зрелый человек. Они должны суметь продемонстрировать такую силу, которая была бы способна свести на нет любые авторитарные, националистические, сексистские, клерикальные, либерально-притупляющие и отдаляющие от истинной идеологии образ жизни. Потребность в зрелых людях, которая ощущалась на протяжении целых эпох, в наше время оказалась актуальнее всего, и это возможно только при наличии современных социалистических партийных кадров. Демократическая национальная жизнь возможна в процессе созидания только на базе жизнедеятельности этих партийных кадров. Любой из членов партии при необходимости может повернуться в сторону сотен демократических национальных организаций и успешно решить свою задачу. В противном случае партийцы и организации, живущие под воздействием упомянутых идеологий и образа жизни, могут стать только источниками проблем. Идеологическая, политическая, нравственная и организационная самодостаточность является залогом успеха каждого руководителя в процессе созидания демократической нации.

Следует хорошо осознать товарищеские отношения. Товарищеские отношения отражают суть общественных отношений — или должны отражать их. Они отражают и историческое общество, и общество будущего. В основном это идеологические отношения, это отношения истины, которые идеология выявляет и способствует их выявлению. Единство двух товарищей в этом смысле будет не просто идеологическим единством, оно должно быть единством истины, которому способствует идеологическая мощь. Если два товарища, действительно постигнув тайны дружбы, создали союз, воспринимать это следует как мощное явление истины. Находиться в кругу товарищей означает получать часть этой истины. Кроме этого, не стоит впустую искать спутников: не стоит тем, у кого нет забот о поисках глубокой истины, становиться на «путь». Те, кому присущи примитивные интересы и инстинкты, категорически не могут быть товарищами. С ними дружить попросту невозможно. Не могут быть товарищами и те, кто охвачен слепой верой и находится в плену фанатических чувств. Те же, кто еще не освободился от штампа «муж-жена», не смог переломить стереотипы примитивных взаимоотношений между самцом и самкой, не смог освободить mind своего мышления, вообще не должны говорить о дружбе и впустую напрашиваться в товарищи. Товарищеские отношения должны быть свободны от таких устремлений, как деньги, товар, собственность, примитивный брак, потребительство, сладострастие, стремление к власти, слепая храбрость или погружение в страх, должны быть свободны от всего, что отдаляет от долга спутника, должны быть далеки от такого рода мыслей, слов и дел. Товарищ должен успешно противостоять такого рода опасностям. В то же время должно быть идеологическое, политическое, нравственное и организационное объединение, необходимое для того, чтобы словом и делом обозначить великие истины во всех условиях и случаях. Партия, которая задумана как объединение, союз, может быть реализована только на почве товарищеских отношений именно такого содержания. Она может стать вестником и воплощением исторического общества и будущего. РПК тоже может сыграть свою историческую и общественную роль только на почве такого рода товарищеских отношений.

РПК оказалась перед двумя огромными проблемами, которые противостоят ей конкретно и актуально. Мы говорим о проблеме

мира и войны, которые находятся в тесной диалектической связи друг с другом. Право быть демократической нацией — это формула минимального урегулирования, которая ближе всего к мирному урегулированию курдской проблемы. Но статус геноцида в отношении Курдистана и курдов не дает приблизиться к формуле мирного демократического урегулирования даже в рамках целостности национального государства. Колонизаторы настаивают на своем праве прицпания и уничтожения. Национально-государственные монополии силы и эксплуатации, разделившие между собой Курдистан и курдов, коллаборационисты и агенты курдского происхождения, маскируя и закрывая политику геноцида увещеваниями типа «личные права», попросту хотят вновь продолжить эту политику. Они считают это неотъемлемыми национальными и классовыми правами. Такая позиция не даст возможности мира и демократии даже при целостности национального государства. Без мирного и демократического решения неминуемым станет геноцид, применяемый во всех аспектах посредством военных, политических, социальных, культурных, экономических, дипломатических и психологических методов. Впрочем, и сейчас идет война на уничтожение курдского народа, причем в большей степени эта война проходит тайно и замаскированно. Большая часть военных действий, преследующих цель стереть курдов из истории и не дать им стать свободным обществом, уже свыше столетия продолжается в односторонней форме, и это — геноцид, развернутый при поддержке многих союзников.

На основании уроков моей борьбы в течение последних тридцати лет можно было установить серьезный демократический мир. Наиболее позитивное решение, которое можно реализовать без необходимости в курдской национально-государственной модели, даже без реорганизации господствующих национальных государств в какие-либо федерации, — это решение, касающееся права быть демократической нацией. «Дорожная карта», представленная лидером на 160 страницах по итогам диалога с государством, в достаточной степени отразила все необходимые для этого принципы урегулирования и мира. Но внутригосударственные прослойки и политическая олигархия (механизм государственной пропаганды), имеющие на себе серьезное влияние традиции геноцида, никак не могут ответить на призывы к мирному и демократическому урегу-

лированию проблемы. Несмотря на многократные попытки одностороннего прекращения огня, АОК не нашло необходимого понимания. Продолжается ситуация постоянного пребывания «как в иголках». Ясно, что такая ситуация долго продолжаться не сможет. Или начнется процесс постоянного, обдуманного и достойного процесса мирного и демократического урегулирования, в отношении которого обе стороны добьются согласия по основным принципам, или же развернется новая и окончательная война, которая окажется ожесточеннее имеющей место тридцатилетней войны. РПК всесторонне концентрируется на обоих процессах. Достойное мирное и демократическое урегулирование требует больших интеллектуальных и политических способностей. Ожидаемое мирное и демократическое урегулирование должно стать достоянием народа. Здесь необходимо не просто понимание, но также обучение народа, его организация и активизация деятельности; необходимы тысячи заседаний с обсуждениями и решениями, тысячи организаций и действий. Речь идет об историческом мире и способе демократического политического урегулирования, который стал бы примером для всех народов региона и всего человечества.

Не помешало бы задуматься о проблемах войны, вероятность которой гораздо сильнее. Тридцатилетний опыт войны показал, что войну вели те, кто ничего о войне не знал, было даже много провакаторов, был минимум партизанских действий — тактика то повстанцев, то ли партизан. Стратегия предстоящей войны не может быть такой. Прежде всего, народ — уже не прежний; он требует развернуть действительно народную войну. После тридцатилетнего военного опыта полевые командиры, то есть НСС, обязаны не готовиться к тотальной войне в селах и городах, которая будет проходить днем и ночью, летом и зимой, в горах и на равнине, что в любую минуту можно было поставить под ружье десятки тысяч человек. Командиры обязаны руководить такой войной, контролировать ее. Если даже война будет вестись в рамках АОК, все равно РПК обязана разделить ответственность за идеологические, политические, нравственные вопросы и принятие решений в новом периоде войны. Партия знает, что уже не могут повториться периоды, когда все были то ли мятежниками, то ли партизанами, да и просто разбойниками, а если и повторится такое, то должно бы

Значит, надо развивать все способности и умение, что-либо такого не допустить. Как бы ни развивался новый этап войны, партия должна вовремя дать ответы на все вопросы, применив все свои политические, нравственные и идеологические способности и умение принять своевременные решения. Сюда же входят не только возможность оценивать все внутренние и внешние условия, но и ответственность за своевременную оценку масштабов, которых достигнет война, и умение извлечь из этого пользу. Недостатки РПК и неумение дать ответ уже не будут восприниматься, как раньше, с пониманием. Требование отчета станет столь же жестким, как и сам отчет. Уже невозможно перекладывать, как раньше, ответственность на чужие плечи, или избегать ответственности при проведении ликвидаторских практик. В существующей действительности народ и партия уже не допустят этого. Тем более что судьба многих ликвидаторов и дезертиров из партии не только неясна, но и особенно блистательна. Даже государства, стремясь реально узреть истинную действительность, а также стремясь к самоочищению, открыто подчеркивают жалкое положение тех, которые сдались, став соглашателями и ликвидаторами партии.

То, что будет после этого, обретет смысл и завоеует жизненную ценность или путем достойного мирного демократического решения, или путем окончательной тотальной войны. Все остальное будет перебито этими жерновами. Исторические периоды проходят при помощи исторических решений и действий. Остальное все улетучивается как эйфория обмана. Те, кто не в состоянии подготовиться к таким периодам как личность, организация и народ, государство и партия, или, подготовившись, не могут выработать адекватный ответ, не избегнут участи оказаться на свалке истории. РПК может решить стоящие перед ней две исторические задачи только на базе уроков, извлеченных из опыта прошлого, всесторонне оценив актуальную картину, выполнив всю необходимую подготовку и той же смелостью и решительностью двигаясь по практической линии. Было бы нереалистично ждать от процесса больших побед или поражений. Итог обязательно будет в пользу достойного мира и создания конкретизированного демократического национального урегулирования. Все остальное — погружение в пучину геноцида, но нынешнее состояние человечества не даст это осуществить.

Все условия делают возможным столь же значительное развитие предстоящего процесса как Великая французская и Великая Октябрьская революции. Независимо от того, чем это заканчивается, войной или миром, но курдский народ решает для себя не только национально-демократическую проблему, он воплощает в жизнь решение, которое обретет большое значение для Ближневосточного региона и всего человечества. Этим своим выступлением он не добавляет новый национально-государственный механизм в ежедневно растущую конструкцию современного капитализма, он не присоединяется к капиталистическому статусу, монополиям и миру промышленности, что давно уже подготовлено модерном, он излучает свет новой цивилизации, новой современности. Появление данной современности, которую можно назвать «демократическая современность», сможет показать путь к нужному решению для Ближнего и Среднего Востока, переживающего один из хаотических периодов своей истории. Упомянутая роль подтвердила свою конструктивную ценность уже сейчас, в особенности на примере Ирака (Урука). Происходящие ныне события, которые можно было бы назвать «третьей мировой войной», показывают, что роль, аналогичная той, что на заре цивилизации сыграли протокурды в горных подножиях Тавра—Загроса, но во имя экологического горю без классов, государства, без экономики, рвущейся за прибылью, во имя демократического общества, а также для развития современной демократии в этот раз призвана играть РПК. РПК изначально продемонстрировала свое соответствие этой исторической роли. Несмотря на многие недостатки и ошибки, последние тридцать лет партии, прошедшие в водовороте событий, подтвердили, что она сможет сыграть эту роль. Народ Курдистана, к которому обратился РПК, дал положительный ответ на устремления партии. Курдистан уже не безмолвствует в прежней кладбищенской тишине. Независимо от того, как сформируется предстоящий процесс, под эгидой мира или войны, в итоге станет эпоха созидания демократических наций. В культуре Ближнего и Среднего Востока, которая по результатам игр, тысячами разыгрываемых классовыми, городскими и государственными цивилизациями, оказалась в кровавой пучине, в которой племена, религии, конфессии и нации попросту душат друг друга, наконец настал пит эпоха демократической современности, возносящейся на основе единства всех демократических наций.

Б. АОК И УРЕГУЛИРОВАНИЕ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Можно сказать, что борьба РПК до сего дня была направлена в основном на освещение курдской проблемы. Отрицание курдской национальности в условиях выступления естественно вывело на повестку дня факт существования курдов. РПК тоже попыталась сначала отрицать факт существования курдов при помощи идеологических аргументов. То, что даже турецкое левое движение не проявило реалистичного подхода к проблеме, выявило необходимость объединения и организации в масштабах страны и нации. Появление самого названия РПК связано с пережитыми процессами. То, что отрицание самыми изоциренными методами продолжалось и в «курдском» стане, привело на повестку необходимость организации и деятельности на почве других идентичностей. Когда реализуемая турецким национальным государством традиционная политика отрицания и уничтожения не давала возможности для управления этим процессом путем поиска каких-либо средств урегулирования. Когда, напротив, ответом на эти поиски стал фашистский террор, приведший до военного переворота 12 сентября 1980 года, на повестке дня в качестве единственного варианта осталась революционная народная война под знаменами РПК. В такой ситуации РПК могла быть или ликвидирована, как демократические левые группы Турции, или же принять решение о сопротивлении. Курдская проблема перестала быть проблемой идеологической идентичности и превратилась в проблему войны, и в этом свою определяющую роль сыграло стремление посредством фашизма 12 сентября продолжить в форме открытого террора политику отрицания и убийства, до этого осуществляемую проводившуюся системой. Оценка выступления 12 августа 1984 года именно в этих рамках имела бы реалистичный характер. Выступление это было не просто освободительным движением, но находилось гораздо ближе к идее подтверждения и восстановления факта существования народа.

Политика отрицания и уничтожения проводилась не только открыто. Применение этой политики на протяжении восьмидесяти лет способствовало очень серьезному отчуждению у курдов. Курды были вынуждены забыть о своем существовании. Это отчужденное, реализуемое силой и экономическими методами, в значительной степени стало действительностью. Речь идет о народе и обществе, вынужденных отойти от своей идентичности. Выступление 15 августа в основном сломало этот процесс отчуждения, тем самым сменив на нет политику отрицания и уничтожения со всеми ее последствиями. Надо отметить, что в этом плане оно было в значительной степени успешным. Курдская идентичность стала проявляться вновь, она превращалась в некий факт, в реальность, которую принимают сами курды. Такое признание имело место и на уровне государства. Но констатация проблемы отнюдь не означала ее решение. До сих пор, пока не выяснились намерения урегулировать проблему, продолжались и усиливались стычки и локальные военные действия. Обе стороны были далеки от решения проблемы при помощи военной силы. Даже если время от времени они обретали эту возможность, все равно не были способны ее использовать. Когда в 1993 году был саботирован шанс на урегулирование, столкновения продолжались, усиливаясь и ожесточаясь. В этом смысле период 1993–1998 гг. может быть назван временем, когда стороны свели к нулю шансы вооруженного решения. Если бы политические поиски 1993 года не были нейтрализованы путем заговоров и покушений, мог бы начаться гораздо более позитивный период, причем как в отношении решения курдской проблемы, так и в структуре Турецкой Республики. Этот исторический момент пропал — или был утрачен. И поиски путей урегулирования в 1997–98 гг. волей или неволей повернулись той же участи. Те же заговорщические силы и организаторы покушений не дали никакого шанса на политическое решение проблемы. Мое заточение в Имрالي способствовало началу крайнего противоречивого процесса. В лице Абдуллы Оджалана началось великое противостояние между сторонниками и противниками решения проблемы.

Конфликты изначально продолжались во внутренних структурах обеих сторон. Но тот факт, что РПК с 2005 года позиционировала себя как конструктивная сила на фундаменте КСК, фактически

инициировал процесс дискуссий и столкновений в структурах власти Турецкой Республики. Эти обсуждения и столкновения сыграли ключевую роль в решении курдской проблемы. Абдулла Оджалан позиционировал себя сторонником модели решения АОК в отношении РПК и Турецкой Республики. Даже если в этом вопросе ими было достигнуто полное согласие, все же заново начался процесс диалога с государственными структурами. В этом диалоге практически отсутствовал вклад АКР. Это была инициатива государства. Важное соглашение ПСР с руководством генштаба в Дольмабахче в мае 2007 года, далее соглашение с США 5 ноября 2007 года закрепили и без того сложную ситуацию. Правительство ПСР начало поиски путей ликвидации РПК. Были предоставлены некоторые демонстративные права (курсы курдского языка, ограниченная свобода прессы), но в ответ, при определенной внешней поддержке война была доведена до новых масштабов. Премьер-министр Р. Эрдоган в своей речи в Диярбакыре в 2005 году, сделав важный политический шаг, обещал найти решение курдской проблемы. Эти обещания, в частности изоляция РПК и оказание поддержки ПСР, предусматривали намерения, касающиеся некоторых упомянутых так называемых «личных» прав. Под маркой «демократического решения» на рынок был вынесен план ликвидации, над которым очень много работали, проработанный с США, странами ЕС и союзниками, кроме того, прочими государственными партиями, рядом средств массовой информации и организациями гражданского общества. Также была достигнута поддержка курдских коллаборационистов. Кроме того, наряду с планом была задействована тотальная мобилизация, которая на практике оказалась гораздо серьезнее прежних, пройдя все сферы — военную, политическую, экономическую, культурную, психологическую и дипломатическую. Новые игроки это уже не прежние Националисты и Хезболлах, это был нового рода «курдский хамас», развивающийся под руководством правительства ПСР и состоящий из многих ответвлений. Таков был план и шаги, по которому было достигнуто согласие и поддержка ООН Дениза Байкала и, первоначально, некоторых командиров в армейских рядах. Несмотря на то, что этот план нашел своих противников в некоторых государственных структурах, тем не менее он был задействован. Операции против АОК стали чудовищными

пунктами этого плана и применяемых мер. Частью того же плана были воздушные атаки и операции в Южном Курдистане.

Следует особо подчеркнуть, что за этими планами и принятыми мерами стояла немалая доля той линии поведения и связей, которые продемонстрировали ликвидаторы в 2002–2004 гг. По сути ПСР и их соглашатели надеялись на полный успех данного плана и применяемых мер. Столь сложный и многосторонний план, по моему мнению, в этот раз должен был принести им исторический успех. Единственным препятствием перед успешной реализацией упомянутого действительно сложного и хитроумного плана считался РПК. Таким образом, действия всеми своими сторонами были направлены на изоляцию и обезоруживание РПК. На этой почве были задействованы все силы. Казалось, не осталось ни одной силы, которая не проявила бы себя, как в поговорке: «Упала тубетей обнажилась плешь». Но то, что партия в виде АОК проявила себя и практически реализовалась на основе демократической нации, также в значительной мере избавилась от прежних недостатков и искажений, сделало невозможной ликвидацию РПК. Невозможно было наносить удары как раньше. Несмотря на то, что реформы преобразования и исправления были новым для нас явлением, достигнуты значительное продвижение и прогресс. По сути, с самого начала было ясно, что эта операция, которую ПСР хочет осуществить с привлечением, возможно даже впервые, значительной части армии, не будет иметь никаких результатов. Но ПСР не остановилась перед осуществлением этого плана, чтобы при косвенной поддержке армии окончательно получить власть. По мере исполнения и улучшения своего положения во власти эта партия без какой-либо теоретической или практической подготовки, усилий и вложений в отношении урегулирования курдской проблемы повела себя как «мавр, нашедший товар», продолжала жевать, как жвачку фригидо пресловутым «демократическом прорыве». Имел место навязанный центром, однодневный, зависимый от прибыли коммерческий расчет. В связи с этим курдская проблема пришла в более запутанное состояние. Если не найдется шанс на достойное мирное и демократическое решение, то в этот раз решение проблемы вступит на этап тотальной войны и свободы, опирающийся на необходимость «сохранения жизни и свободы собственными силами».

Перед РПК, начавшей свой путь в начале 1970-х, на данном этапе стояла следующая задача: постараться вывести факт существования курдов из дискуссионного поля и решить курдскую проблему на территории социалистического государства. Несмотря на то, что удалось вывести факт существования курдов из поля сомнений и дискуссий, партия едва не заиклилась на национально-государственной проблеме. Имевший место процесс самокритики выявил антисоциалистическую и антидемократическую сущность национально-государственной модели. РПК, которая четко ощутила на себе невозможность построения социализма без демократического общества, решила решение курдской проблемы в строительстве демократической нации. То, что в настоящее время проблема размывается, связано с выбором пути, ведущего к цели: будет ли это легальная демократическая политика или тотальная революционная народно-освободительная война.

1. ДЕГРАДАЦИЯ ГЕГЕМОНИСТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

После турецко-курдской национально-освободительной войны, завернутой в Анатолии в начале 1920-х гг., на руинах Османской империи появился шанс создания демократической республики в рамках Национального пакта. В 1919 г. на собрании в Амасии и на собраниях в Эрзеруме и Сивасе были сделаны фундаментальные шаги в этом направлении. В I Конституции (1921 г.), принятой ВНСТ, отмененным в 1920 году, были ясно выражены демократические черты создаваемого режима. Закон о курдской автономии от 10 марта 1922 года, имевший отношение к курдам, был принят ВНСТ подавляющим большинством. Мустафа Кемаль в начале 1924 года на пресс-конференции, организованной им в Измите, говорил о самой широкой, то есть демократической автономии для курдов, при этом была модель урегулирования проблемы, не основанная на территориальных границах. В процессе соглашения, достигнутого англичанами по вопросу об Иракском Курдистане в рамках Национального пакта, также прибегли к наиболее опасному для курдов варианту, коим стали заговоры. Ультиматум «или республика, или Мосул-Киркук», навязанный англичанами лидеру М. Кемалю, стал

политическим подходом, лежащим в основе этого заговора. В итоге, в ответ на оставление Мосул—Киркука англичанам на долю Турецкой Республики выпало отрицание и уничтожение Курдистана. Эта дилемма очень скоро превратила республику в маскировку однопартийной диктатуры. Заговор, организованный 15 февраля 1925 года против шейха Саита, фактически потянул за удавку для курдов. Если рассмотреть в форме основных тезисов вопрос, на котором мы уже в соответствующих главах очень подробно останавливались, сложится следующая картина:

а. С приходом к власти общества «Единение и прогресс» во имя II Конституции развитие младотурок, то есть молодой турецкой буржуазии, поддерживаемой еврейскими деятелями и капиталом получило ускорение с провозглашением Республики. Союзники по национально-освободительной войне, то есть коммунисты, сторонники исламской уммы и курдов, не только отодвинули от власти, а просто довели до полного отчуждения. Они избрали себе в союзники только еврейских сионистов, капиталистов, поддерживаемых англичанами. Монополии власти и экономики были разделены в основном между двумя этими силами. С точки зрения евреев, эта система является израильской. Английская помощь оказывалась режиму в тех же границах. Символ Мустафы Кемаль оторванный от истинных союзников и нейтрализованный при помощи различных заговоров и покушений, со всеми божественными качествами был закрыт в новом храме Чанкая. Прогрессивные республиканская партия (1925 г.) и Либеральная партия (1930 г.) сформированные другими основателями республики, были ликвидированы, окончательно вступил в силу однопартийный профшистский «белый» турецкий режим. Так была устранена возможность создания демократической республики.

б. Курды, считающие этот режим предательством по отношению к их роли во время Османской империи и национально-освободительной войны, открывшей путь к провозглашению республики очутились лицом к лицу с заговором 15 февраля 1925 года. Встретившись с турками в истории, курды в силу общих стратегических интересов предпочитали жить с турками в статусе, близком к союзу. Курды приняли эту жизнь не потому, что были завоеваны и оказались вынуждены склонить голову, а поскольку сочли, что этот шаг

ответствует их интересам. То, что битва при Манцикерте (1071 г.), Халдиране (1514 г.) и Ридании (1517 г.), а также национально-освободительная война (1919–1922 гг.) стали военными действиями, пережитыми совместно на почве тех же стратегических мотивов с промежутками чуть ли не в пятьсот лет, подтверждает все эти реалии. Турецко-курдские взаимоотношения — это взаимоотношения, которые на протяжении истории базируются на взаимном согласии и мощном стратегическом, религиозном, политическом, экономическом и культурном фундаменте. Когда курдов при помощи профашистского «белого» турецкого заговора вдруг замкнули в кольцо блокады одностороннего отрицания и уничтожения, они оказались в такой ситуации, что были вынуждены защищаться. Этот процесс нельзя было назвать даже мятежом. Курды все еще не освободились от давления, происходящего вследствие агрессии, осуществляемой в одностороннем порядке при помощи заговоров, целью которых является лишение курдов этнической и национальной идентичности, то есть полной ликвидации. Эта практика отрицания и уничтожения, физически осуществлявшаяся до 1938 года, в дальнейшем была продолжена ассимиляционными методами. Курды были вытеснены из армейской, политической, экономической, социальной и культурной сфер. Под запретом оказались даже курдские имена. Курды не могли пользоваться родным языком даже на рынках. Под воздействием однородного, однотипного гражданства строилось национальное государство. Очевидно, что государство, берущее за основу прусскую модель, формировало прототип германского фашистского государства при Гитлере. Так укоренилось, что на протяжении всей истории Республики не осталось ни одного типа мышления, политической элиты и кругов, которые не попали бы под влияние этой модели, будь то правые, левые, исламисты и либералы. Конечно, этот период можно было бы назвать периодом I Республики. Инициатором Республики была профашистская партия 30-х гг., то есть была СНР. Несмотря на создание других партии, эта система продолжала существовать до 1980-х годов.

Военный переворот 12 сентября 1980 года, растущая внутриполитическая напряженность, меняющаяся внешнеконъюнктура Ближнего и Среднего Востока (исламская революция в Иране, введение войск Советского Союза в Афганистан) стали причиной того, что вме-

сто «светского белого турецкого национализма» I Республики стали развиваться этап строительства II Республики, основанной на «турецком зеленом исламском национализме». Целью этой попытки в основном было уничтожение демократической и социалистической турецкой и курдской национальной оппозиции. Республика выбрала для себя в качестве идеологической почвы представителей уммы, точнее, «исламских евангелистов» (иудейско-исламская новаторская секта). В сущности, такие секты, как накшбанди и кядири, относящиеся к течению нурджулар, быстро реформируясь, превратились в современную исламско-иудейскую школу, которая является турецкой версией христианско-иудейских евангелистов США. Эта школа стала основным идеологическим фундаментом фашизма, победившего 12 сентября 1980 г. Была сформирована турецкая версия гегемонии Рейган—Тэтчер—Коль. После того как в этой новой системе на первом этапе были ликвидированы демократические и социалистические силы, полностью переключились на курдов, которые под предводительством РПК полностью перешли к борьбе. Как будто вновь повторялся период 1925—1938 гг. истории Республики. То есть вторая республика периода 1984—1998 гг. стала повторением I Республики периода 1925—1938 годов. Ликвидировав те силы, которые видели кризис системы и были сторонниками решения проблемы политическими методами, режим четко обозначил свои институты. II Республика также завершилась фашизмом. Но идеологическая закваска в этот раз переходила от «белого» цвета к «зеленому», означая более консервативную республику. На долю курдов выпала та же участь отрицания и уничтожения. Всемирная гегемонистская сила, стоявшая за спиной политики отрицания в период 1925—1945 гг., — это в основном Великобритания, которая была гегемоном всей мировой системы. Всемирная гегемонистская сила, стоящая за II Республикой, — это США, которые опять же являются гегемоном всей мировой системы. «Статус проблематичности», который был навязан курдам, начиная с 1920-х гг., оставался неизменным вплоть до начала 2000-х гг.

г. Преобразования II Республики, начавшиеся с военного переворота 1980 года, пережили процесс отрыва от I Республики на волне глубокого кризиса, имевшего место в начале 2000-х гг. Идеологические, политические, экономические и социальные инсти-

ты ослабли, получив сильнейший удар из-за кризиса. Евангелистские исламско-иудейские идеологические и экономические монополии, основы которых были заложены до 1980 года при поддержке США, посягнули на государственную власть в лице ПСР. Противовес ослабленным интеллектуальным и прочим институтам I Республики они стали ускоренно создавать идеологические и капиталные структуры II Республики. За явлением, называемым «власть ПСР», стоит сотрудничество Неокон (новых либеральных консерваторов) США и финансовых монополий с центром в Копенгагене—Кайсери, которые быстро набрали силу. Двери государства вновь были распахнуты перед исламистским мировоззрением, которое с 1923 года в каком-то смысле было выдворено из структуры власти. Но государство продолжало держать крепко закрытыми двери перед социалистами, радикальными демократами и коллективной курдской идентичностью и поборниками свободы. Ту роль, которую НРП сыграла в I Республике, ПСР в более короткий срок в определенном смысле сыграла во II Республике. Безусловно, можно говорить о каком-то гегемонистском лавировании между монополиями финансов и власти. Между двумя гегемонистскими силами, конечно же, не стояла Великая китайская стена. Многие идеологические и политические институты Республики были для них общими. Но все же между ними есть значительные различия, должно быть, и противоречия. На первый взгляд столкновения происходят по оси «светскость—шариат», но больше всего имеют место символические дискуссии о тюрбане. По сути же, между двумя гегемонистскими прослойками имеются серьезные идеологические, политические, экономические и культурные противоречия. Если называть противоречия с историческим фоном, то получается, что противоречия между Османской империей и Республикой продолжают по линии «новые османы—светские республиканцы». Гораздо более реалистично было бы оценивать ПСР как идеологическую, политическую, экономическую и культурную структуризацию режима 12 сентября 1980 года. Какой была НРП времен I Республики, Ахмета и ПСР времен II Республики 12 сентября. ПСР хочет укрепить свою гегемонистскую власть при помощи своей конституции (по сути, это либеральная версия Конституции 12 сентября). Это основная цель выборов 2011 года.

д. Курдская политика периода гегемонии ПСР ничем особо не отличается от политики в период гегемонии НРП. Основной причиной того, что обе партии не могут, как прежде, продолжать политику отрицания и уничтожения курдов, является борьба РПК, которую не могут подавить. Что касается их самих, то отрицание и уничтожение курдов со стороны ПСР ничем не уступает той же политике НРП. Более того, некоторые стороны, в частности религиозно-идеологический фанатизм ПСР (как видно на примере Хизбуль-контра), в многом оставляет позади НРП. Подстрекающей силой процесса зачистки РПК, имевшего место в 2002–2004 гг., была в основном ПСР. Опять же основной силой, тормозящей поиски путей политического решения, начавшиеся внутри государственной системы, была ПСР. Она использует тенденции государства к конструктивному решению для своего гегемонистского рывка. ПСР и разрыхляет почву внутри этой тенденции, и использует ее для своей пропаганды и выхолащивает ее, сводя к нулю. В этом плане она гораздо опаснее более предсказуемых ПНД и НРП. В тех же целях она использует процессы над «Эргенеконом». ПСР обретает легальность, создавая видимость осуждения истинных авторов переворота, с которыми на самом деле достигла согласия в плане ликвидации курдов. ПСР отнюдь не выступает против наследия армии и не совершает никаких демократических действий. Соглашение с армией в подавлении курдского вопроса впервые было планомерно и глубоко претворено в жизнь именно в период ПСР. «Индивидуальные и культурные права», являющиеся одним из ключевых понятий этой политики по сути своей, под маркой урегулирования курдской проблемы служат маскировке планов и мероприятий по ликвидации коллективной и свободной курдской идентичности. Урегулирование в рамках модели «индивидуальные и культурные права», развиваемое после разрушения ликвидаторских планов 2002–2004 гг., с 2005 года, при поддержке командных кругов армии, а также США, ЕС, арабского и курдского правительств Ирака было использовано против модели решения АОК (более того, вместе с Ираном и Сирией для поддержки был задействован еще один союз). По словам премьер-министра Р. Т. Эрдогана, начался период «тотальной мобилизации и борьбы с терроризмом в военной, политической, экономической, культурной, дипломатической и психологической сферах».

Правительство ПСР развернуло войну, сформировав свое собственное «Гладио» в такой форме, в которой ни одно правительство не осмеливалось это сделать (пятый период войны «Гладио»). ПСР не остановилась перед войной, она продолжила войну, развив и углубив ее содержание и масштабы. ПСР оказалась в гораздо большей степени государственной партией, нежели все предшествовавшие, а правительство, ее сформировавшее, оказалось гораздо больше, чем все предшествовавшие, правительством «особой войны». ПСР создает исламистскую противостоящую организацию, которая оказывается гораздо хуже, чем связанная с ним организация Юсефиков Хизбуллах. Для множества своих целей ПСР использует членов ряда сектантских общин, в первую очередь профессионалов — проповедников министерства по делам религии, объединив их под крышей организации типа «Хамас». Контроль над экономической политикой правительство осуществляет в ракурсе подчинения экономическим целям специальной войны. Оценивает в тех же целях традиции религиозной жизни. В том же направлении используется дипломатическая работа. По сути, в центре деятельности правительства находится вопрос ликвидации курдского национально-освободительного движения.

Правительство ПСР не просто шаг за шагом узурпирует власть государства, но и гегемонизирует ее. Как в период создания Республики, и в период ее распада правительство стремится сохранить свою власть, гегемонизировав ее. Подобно тому, как движение по уничтожению курдов в процессе создания Республики привело к гегемонии «белого» турецкого фашизма, так и в процессе разложения фашизма, преследуя цель уничтожить движение за свободную курдскую идентичность, заново строится аналогичная гегемония. Ликвидация курдов стоит во главе всех факторов, отдаляющих Республику от ее просветительской и демократической сути. Как ликвидация курдов является основным фактором всех важнейших событий в Республике, так же действительно и обратное, то есть позитивное развитие Республики, в первую очередь процесс демократизации, связано со свободой курдов. Девяностолетняя история Республики во всей наготе выявляет эти реалии.

6. На предстоящем этапе Турецкая Республика столкнется с раздвоением путей. Как жаль, что Республика, которая на стадии соз-

дания была ориентирована англичанами на антикурдскую войну из-за этой самой антикурдской войны, на которую в этот раз ориентируют те же англичане и союзник номер один — США, оканчивается в гораздо большем тупике! Впрочем, последние тридцать лет II Республики прошли с мытарствами в этом тупике. То, что происходило, это отнюдь была не «война низкой активности». Это был раскол и деградация общественных ценностей вплоть до мельчайших клеток. Гораздо больше, чем упадок и разрушение, имели место тяжелые процессы общественного разложения и разброда. Воле реализующая себя в качестве организации «Гладио», может быть режимом какой угодно тьмы, но ни в коем случае не может быть республикой. Милитаристское упорство может быть расценено как последнее наступление «Гладио», и для того чтобы нейтрализовать достаточно вытащить из некоего космического помещения и внести ясность. Второй путь, выявленный на перекрестке перед Республикой, — это путь, по которому надо будет следовать, заново создав фундамент Республики в русле того единства, которое было в годы национально-освободительной войны. Республика появилась благодаря союзу в национально-демократической войне 1919–1922 гг. Игнорирование этого союза, обладавшего антигегемонистскими сторонами, привело к утрате шанса на создание демократической республики, и вместо нее образовались заговорнические, профашистские власти, созданные на волне переворотов руками «Гладио» и бандитов. Ясно, что этот многократно испытанный путь доказал свою безрезультатность, не может быть реальным путем Республики. Путь демократической республики, на который надо было ступить самого начала, является единственным путем общественного мира и урегулирования проблем в предстоящем периоде. На этом пути являющемся последним шансом для ПСР и ее правительства, АО является не препятствием, а возможностью решения проблемы.

2. ЕВРЕЙСТВО, ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА

Не осознав правильно еврейско-израильской действительности, сложно понять и урегулировать курдскую проблему. Именно по этой причине мы сочли необходимым рассмотреть тему еврей-

в отдельной главе. Даже Маркс, пытаясь решить проблемы, связанные с социализмом, вынужден был написать книжку под названием «Еврейский вопрос». Еврейский вопрос стал проблемой, предвещавшей до наших дней еще со времен цивилизаций Шумера и Египта, при этом постоянно расширяя свое существование. В Ветхом Завете подробно повествуется о том, как в связи с проблемами, возникшими соответственно с немродами Вавилона и фараонами Египта, Авраам и Моисей в разное время совершили свой Исход, совершив долгий путь с еврейским племенем в сторону Ханаанско-Палестинского края. Суть проблемы сформировалась с появлением и развитием царства Иудеи и Израиля основателем которого стал пророк Давид, а царство просуществовало тысячу лет. Проблемы, возникшие обоснования вместе с племенами в стране Ханаан, а также религиозные проблемы (период 1300–1000 гг. до н. э., начавшийся с Моисея, период 1600–1300 гг. до н. э., начавшийся с Авраамом), пророк Давид (1020–980 гг. до н. э.) попытался решить путем создания небольшого царства. Период жизни пророка царя Соломона стал «золотым веком» этого царства. Об этом в яркой форме повествуется в Священном Писании. Позднее царство распалось. Предводители племени, которых называли вождями, а также муршсы, которых называли оракулами (среди них было очень мало женщин), несмотря на все свои мучения, не смогли больше собрать все царство воедино. Ветхий Завет, по сути, является вереницей повествований, появившихся вокруг этого небольшого царства.

В регионе, который вслед за Ассирийской империей (в 720 г. до н. э.) перешел под протекторат Мидийской Персидской империи (546 г. до н. э.), еврейский вопрос еще больше усугубился. Вспыхивали восстания и мятежи. В первый раз еще при правлении вавилонского царя Навуходоносора (596 г. до н. э.) они всем племенем переезжают в Вавилон. Начинается период, ставший сорокалетним периодом скитаний. Персидский царь Кир (греческое прочтение слова, означающего на мидийско-курдском «kuro» — сын) отпускает их и вновь отправляет в страну Иудея—Израиль. В этот период евреи испытывают значительное влияние учения Зороастра. Они вновь отстраивают разрушившийся храм Соломона. Скитания племени Авраама впервые в письменном виде фиксируются под названием Священного Писания (Ветхий Завет). Наиболее важ-

ную роль сыграл в данном случае пророк Исая. Вдохновленные мифологией Шумера и Египта, а также учением Зороастра, иудеи записывают повествование о своих племенах в виде Ветхого Завета (Священного Писания). В Персидской империи они играли важную роль в дворцовых вопросах. Вероятно, в этот период у них были взаимоотношения и противоречия с протокурдами. В Священном Писании можно натолкнуться на следы этих отношений. Больше всего они сотрудничали с персидскими царями. Впрочем, эти следы можно обнаружить не только во время исхода Авраама из Урфы, но и стать свидетелями взаимоотношений евреев с хурритской (протокурдской) родоплеменной цивилизацией. Идут споры о том, что еврейское племя могло быть наполовину хурритским. Серьезным предположением является то, что евреи могли представлять переходный этап между семитической и арийской культурами.

В период правления эллинских царей и римских императоров (300 г. до н. э. — 70 г. н. э.) евреи постоянно поднимали мятежи. В 70 г. н. э. Рим во второй раз разрушил храм Соломона, и евреи этот раз были обречены на более длительное изгнание, причем во всемирному цивилизованному миру. Потоки вынужденных переселенцев тянулись до внутренних областей Азии, Африки и Европы. Где бы ни оказались евреи, везде они больше всего занимались финансами, торговлей и интеллектуальным трудом. Именно из еврейской среды вышли люди, которые сумели лучше всех скопить капиталы. Кроме того, лучшие писатели тоже стали появляться среди евреев. Писатели — это своего рода последователи традиций пророков. По мере того, как группа Иисуса, состоящая в большинстве своем из представителей неимущих и угнетенных слоев, стала родоначальником христианства, между оракулами высшего слоя еврейского иудейского общества и христианами стали углубляться противоречия. Взаимоотношения и разногласия, имевшие место между официальным иудаизмом и христианством, а также конфликты, вытекавшие из этих противоречий, по сути, были наиболее серьезной классовой борьбой классической античной эпохи (30—300 гг. н. э.).

В Средние века возникновение ислама способствовало углублению проблем иудаизма. В частности, у евреев Аравийского полуострова вновь возникла угроза переселения. Те же, кто не хотел покидать родные места, во имя сохранения своей жизни вынуждены

были облачиться в исламские маски. Тем самым, они, с одной стороны, усугубили споры и противоречия внутри ислама, с другой стороны, попытались сохранить жизнь. Когда центр ислама был перемещен в Багдад, евреи создали секту караимов (850 гг. н. э.), которая была смешением иудаизма, христианства, ислама и наполнила современную секту евангелистов. Иудеи стали жить в более или менее явном согласии с христианами и мусульманами, а также вошли в ряды кочевых тюркских племен, создали на северном берегу Каспия тюркский Хазарский каганат. Среди иудейской тюркской элиты, которая первой из представителей тюркского этноса приобщилась к государственности, был Сельчук-бей, ставший начальником Сельджукской и Османской династий. Он был офицером. На базе культуры, заимствованной у иудейского тюркского государства, он начал период государств Сельджукских династий. Очень важным в данном случае является то, что в среду тюркской властной элиты было внедрено сильное влияние иудаизма. Они сыграли роль основателей исламских государств, созданных в Магрибе, в районе Магриба и на Иберийском полуострове. Внесли значительный вклад в финансовое и интеллектуальное развитие.

Узрастание противоречий с христианством в конце XII века привело к тому, что решением Латеранского собора евреи были помещены в гетто. После этого они стали развивать свою деятельность против христианства в двух направлениях: это формирование светского масонского крыла и движение Реформации в христианстве. На закате Средневековья эти два движения обладали значительным влиянием. Когда в 1492 году евреев вместе с мусульманами изгнали с Иберийского полуострова, это привело к новой волне переселения. Потоки переселенцев чаще всего устремлялись к Восточному Средиземноморью и Анатолии, но также они устремились и в направлении Западной Европы, в первую очередь в Голландию. В Восточной Европе евреи постепенно стали подвергаться еще большему давлению со стороны христианства. Начались массовые убийства, известные еврейскими погромами. Реакцией высшей знати еврейских финансовых кругов, поэтов, писателей и всей интеллигенции на эти события стало то, что они сыграли передовую роль в развитии капитализма как системы. Роль евреев в национальном восстании в Голландии способствовала стратегически важному пора-

жению католической Испанской империи. Княжество Нидерланды впервые в истории стало национальным государством, появившись на мировой арене именно как результат этого восстания. В период 1550—1650 гг., во время кровавых религиозных войн, католический мир был разбит на части, а капитализм начал свое восхождение как система. В этом случае значительную роль сыграли еврейский капитал, писатели, поэты и интеллигенция. Следом за этим евреи внесли свой вклад в развитие имперских амбиций Британии вместе с развитием национального государства со столицей в Лондоне. Тем самым при помощи светской и протестантской моделей евреи отомстили католическому и ортодоксальному христианству, которое очень их притесняло. Точнее, евреи активизировали национальную и классовую борьбу на современной платформе. Они завершили эпоху католического и православного Средневековья. Новое время, конечно же, не может быть полностью приписано евреям. Но тем не менее, не увидев и не оценив роли евреев, нельзя по достоинству оценить начало и развитие новой эпохи. Гораздо явственнее роль предводителей и светских идеологов еврейского происхождения в казни французского короля Луи XVI во время Великой французской революции и низложении династии Романовых в период Великой Октябрьской революции. Эту роль отрицать совершенно невозможно. Без точного изучения роли еврейства во многих финансовых явлениях и революционных выступлениях в Европе не удастся верно описать ни одно из них.

Жизнь евреев в Анатолии и Месопотамии, что гораздо тесно связано с нашей темой, и проблемы, которым они способствовали, — значительная часть того же исторического процесса. Евреи на протяжении своей истории всегда жили в обоих этих регионах. Впрочем, их корни тесно связаны с культурой Месопотамии. Анатолия же стала тем регионом, где они впервые компактно расселились. Это расселение продолжалось до персидского владычества. Анатолия всегда была для евреев очень важным убежищем, будь то после их изгнания с Иберийского полуострова, или побегов от погромов (резни) в Восточной Европе. Несомненно, важную роль в этом сыграло и то, что у Османской империи систематически были столкновения с католиками на западных границах, а с православными христианами на севере. Роль евреев в Османской империи, от

создания до распада, была намного значительнее, чем это принято считать. Невозможно было бы представить империю без курдов и евреев. В частности, в период правления Сулеймана Великолепного и Хюррем-султан (Роксаланы) роль обоих народов достигла своего апогея. Кроме того, имел большое влияние Сабетай Зеви, который в середине XVII века выступал из Измира с амбициями пророка и оракула. Когда османский султан выступил против этого, Сабетай Зеви стал основателем традиции, которая впоследствии получила название вероотступничества, «перевертыши». Еврейские перевертыши, начиная с этого периода, вступали во все исламские секты, в первую очередь бекташи и накшбанди, создавали новые секты, во многих сектах провели реформы, обретя таким образом довольно сильное идеологическое влияние. Кроме того, большая часть финансов империи была под их контролем.

Сионистский конгресс, организованный апологетами еврейского буржуазного национализма в 1896 году, ознаменовал начало нового периода. В связи с тем, что в Западной Европе стал активизироваться национализм, а в Восточной Европе не прекращались погромы, евреи вынуждены были начать поиски места для обоснования. Когда план создания родины для евреев в Африке не сработал, внимание привлекла Османская империя. Когда и этот план обоснования в Измире, Салониках, Эдрине и части Месопотамии не сработал, в итоге было принято решение о заселении в древней стране хананеев — новой Палестине. Но перед этим планом было препятствие в лице султана Абдулгамид II (1876—1909 гг.), который не особенно был склонен к сотрудничеству. Султан, так же, как и французский король и российский император, находился в такой ситуации, что заслуживал полного свержения вместе со своей династией. Масонские ложи еврейского капитала и активизировавшаяся деятельность сабетаистов через общество «Единение и прогресс», дали свои первые плоды в виде Второй Конституции. Начался конституционный режим. Полномочия султана были ограничены. Затем, в результате провокации 31 марта 1909 года, последовало свержение власти султана Абдулгамид.

В этом ускоряющемся процессе еврейский национализм проявился в виде двух своих ответвлений. Первое — это крыло, действовавшее вместе с германской и турецкой бюрократической буржу-

азией, второе действовало вместе с английской либеральной буржуазией. Первое крыло пребывало в поисках земли на территории Османской империи. Среди всех регионов, привлечших внимание важнейшими были Измир—Маниса, Салоники—Эдирне и современный Иракский Курдистан. Были и такие, кто воспринимал империю как свою родину, не деля ее на отдельные местности. К этой группе больше всего относились так называемые «перевертыши» — сабетаисты, то есть те, кто считал себя турецкими евреями. Нисколько сильным является это мировоззрение, с лихвой подтверждается тем фактом, что все активные деятели общества «Единение и прогресс» были масонами и теми, кто играл в тюркизм (арабы, курды, албанцы, черкесы и другие). Они организовали своего рода коалицию «тюркистов, не являющихся турками». Основной руководящий состав общества «Единение и прогресс» и НРП складывался теми, кто придерживался подобного понимания. Их философией был грубый позитивизм Дюркгейма. Несмотря на то, что они стремились выглядеть тюркистами, при благоприятном стечении обстоятельств все они возвращались к своим корням, называя себя арабскими, курдскими, албанскими, черкесскими, армянскими, греческими, болгарскими и пр. националистами. Они действовали как третьестепенные копии той практики, которая сложилась в Европе. В частности, испытывали влияние французской и английской моделей национальной государственности.

Второе крыло формировалось из сторонников англичан, что были гораздо слабее. Места для постоянного заселения они искали сначала в Африке. Но постепенно возростающая в дальнейшем тенденция, привела к тому, что по итогам раздробления Османской империи наиболее подходящей землей была выбрана Палестина, где было создано некогда царство Иудея—Израиль. Эта прослойка евреев считала, что империя завершила свой путь и должна быть раздроблена. Фундаментом такого взгляда стал Тильзитский мир, заключенный между наполеоновской Францией и царской Россией в 1807 году. Несмотря на то, что евреи были представлены в рядах общества «Единение и прогресс», их группа была весьма значительной. Они не останавливались на оценке неизбежности распада империи, более того, всеми своими силами они действовали в коалиции сторонников англичан. В составе собственных специа-

разделений они воевали на стороне Великобритании в боях при Чамаккале и в Палестине (во время Первой мировой войны). Известно, что план Сайкс—Пико (1916 г.), декларация Бальфура (1917 г.) и план Британского мандата в Палестине (1920 г.) были подготовлены при сотрудничестве с этими прослойками. Создание на Ближнем и Среднем Востоке многочисленных национальных государств вместо Османской империи стало естественным следствием этого плана и договоров.

Оба крыла евреев имели общие черты. Они были модернистами, играли в авангард капиталистической современности. Многие из них были масонами. Сторонники англичан изначально, то есть с момента создания английского и голландского национальных государств в XVI веке до сегодняшнего дня, делали все для того, чтобы империи и крупные государства распадались, а на их месте создавались мелкие национальные государства, которые никогда не будут выступать против английской гегемонии и всегда будут вынуждены сотрудничать с Великобританией. Израиль был создан как результат данной позиции, только с одним отличием, которое заключается в том, что он впоследствии станет гегемонистской силой мирового капитализма вместе с Великобританией, а позже и с США. Международные реалии, впрочем, были созданы на этой почве, и до сих пор они действительны. Как правило, именно эти прослойки создавали капитализм в качестве мировой гегемонистской системы. Не хочу быть неправильно понятым, но мы говорим не о том, что миром в ходе реализации своих тайных планов управляют именно эти прослойки. Есть такого рода мнения, но они преувеличены. Роль этих прослоек (которые, кстати, состояли не только из евреев, среди них были представители всех наций, но евреи скорее всего, были в роли лидеров) сводилась к роли катализатора, они играли роль авангарда в идеологическом, политическом, социальном, эстетическом и экономическом строительстве системы. Изначально сильны были сторонники немцев. В дальнейшем они буквально взяли в руки Османскую империю. Общество «Единение и прогресс» стало той самой организацией, в которой остался их след. Именно они и ориентировали власти предрержащие. Они сыграли важную роль в таких действиях, как II Конституция, события 31 марта, первая и вторая Балканские войны и Первая мировая

война. Поражение Германии и раздробление Османской империи, далее подъем гитлеровского фашизма — все это означало упадок упомянутого крыла. Оставшиеся приняли участие в национально-освободительной войне Анатолии и были предельно сильны. Но убийство генералов Энвера-паши, Талат-паши и Джема-паши привело к тому, что они остались без лидеров. Более того, перед распадом во времена султана Вахдеттина проанглийское крыло вновь совершило рывок и позиционировалось в качестве значительной силы. Они тоже приняли участие в национально-освободительной войне. Их основными лидерами были Исмет Иненю и Февзи Чакмак. Поскольку Великобритания вышла из этой войны победительницей, постепенно усиливались позиции сторонников англичан.

В данном случае актуальным становится сам факт возвышения Мустафы Кемалю. М. Кемаль стал представителем мелкобуржуазного радикализма в условиях аннексии, что в тот период имело место также в России и Китае. Основной факт появления М. Кемалю был обусловлен территориальной аннексией Анатолии и Месопотамии. Если бы не было присоединения территории, не было бы личности М. Кемалю. Во время Французской революции тоже имела место подобная роль. Если бы Луи XVI в 1791 году, как в последствии и Вахдеттин, не создал во Францию европейских монархов, то не появились бы такие мелкобуржуазные радикалы, как Робеспьер и его единомышленники. Их появлению на арене и провозглашению Республики способствовала агрессия 1791—1794 гг. и борьба, развернутая против нее. Наконец, когда изжили себя условия аннексии, мелкобуржуазный радикализм прекратил свое существование. В Турецкой Республике тоже были сформированы аналогичные условия. Если бы не мелкобуржуазный радикализм Мустафы Кемалю, было бы очень тяжело создать Республику. Она однозначно обязана своим существованием радикализму М. Кемалю. Но когда Лозаннское соглашение официально нейтрализовало условия аннексии, и Республика создала свою новую Конституцию (1924 г.), радикализм М. Кемалю в основном был ликвидирован вместе с его союзниками. Без понимания факта этой ликвидации, являющейся наиболее темной страницей в турецкой историографии, невозможно реально осознать сам факт возникновения Турецкой Республики. То, что М. Кемаль был объявлен президентом Республики, объясняется не

продолжением его политики радикализма, а фактом нейтрализации этой политики. В турецкой историографии существуют модели повествования и хронологии, совершенно далекие от социологического анализа, связанные с религиозными и позитивистскими взглядами. Дело представлено так, будто бы не было во время национально-освободительной войны ни союзников, ни классов, ни наций и различных идеологий, а все было в совершенно однородном виде и одинаково спущено с неба! В пояснениях, касающихся личности М. Кемалю, наибольшее выражение находит именно этот подход. Историки настойчиво избегают научной характеристики. И приуменьшение, и преувеличение личности и роли М. Кемалю приносит не пользу, а вред делу познания истины. М. Кемаль вмешивается в интервенцию и Ататюрк со сформированным статус-кво — это совершенно разные понятия, едва ли не революция и контрреволюция. Но контрреволюция датируется не 50-ми годами, а 1925 годом.

Возвращаясь вновь к еврейской действительности, следует осознать их роль в контрреволюции 1925 года. По логике развития ситуации М. Кемаль не мог бы продолжить политику мелкобуржуазного радикализма за рамками интервенции. Просоветские силы, вышедшие слева, были давно уже ликвидированы. В условиях контрреволюции, созданных в результате провокации против шейха Саита в 1925 году, интеллектуалы и кадровый состав «Единения и прогресса», а в этот раз еще и НРП, приняли под свой контроль новое государство в существующем виде. Идеологию и политику государства сформировали они сами. Роль президента, предоставленная М. Кемалю, была чисто символической. Эти реалии подтверждаются серьезным беспокойством, которое испытывал М. Кемаль по поводу складывающейся ситуации. Кроме того, опыт Либеральной партии стал серьезным подтверждением этого. М. Кемаль подвергает критике программу НРП, в 1935 году, подготовленную при секретариате Реджепа Пекера, обвиняя ее в схожести с программой фашизма Муссолини.

В сущности, происходило следующее: турецкая бюрократическая буржуазия, которая еще со времен правления общества «Единение и прогресс» занималась ликвидацией меньшинств, в плане внутренней политики взяла за основу монополии с еврейским капиталом и деятелями, а в плане внешней политики избрала путь

постепенной ориентации на английскую гегемонию. Сформировавшийся союз был «белым» турецким фашизмом двух партнеров, или протофашизмом. Вывод проблемы Мосула—Киркука за рамки национального пакта приводит к тому, что с трех направлений строятся планы создания прототипа Израиля. У Турецкой Республики, британского мандата в Палестине и курдского национализма в Северном Ираке были схожие по своей конкретике роли. Все они стали ступеньками, которые привели к созданию государства Израиль. Именно этот проект был принят как основная часть на пути к созданию Израиля. Занавес над Турецкой Республикой, сильная замкнутость в себе, а также аналогичная ситуация, наблюдаемая на примере курдского образования в Северном Ираке, — все это связано с появлением Израиля. Социальный слой, который был сформирован под названием «турецкая буржуазия», не имел никакого отношения к действительной тюркской идентичности. Это было мифическое образование. То же самое действительно и для курдского образования в Северном Ираке. Это четвертая копия турецкой буржуазии, тоже не социологическое, а чисто мифическое образование. Вокруг каждого из этих двух образований действительно сформировалась какая-то мифология. Это искусственные образования, совершенно не имеющие никакой связи с общественно-историческими реалиями. Мы можем полностью понять их роль только в связи с образованием государства Израиль. В ответ на мифологизацию турка Мустафы Кемаля был мифологизирован курд Мустафа Барзани. Я настойчиво говорю об этом отнюдь не для того, чтобы принизить или преувеличить роли этих двух личностей, а для того чтобы раскрыть то, насколько в социологическом смысле турецкая и курдская общественные реалии погрязли в условностях, превращены в неразрешимые проблемы. Когда турецкий и курдский народы начали процесс демократизации, то при помощи невиданных заговоров и переворотов на них вновь было накинута фашистское покрывало. Казни, покушения, братоубийственные и гражданские войны длились каким-то нескончаемым потоком. Искусственно создавались конфликты между правыми и левыми, провоцировались межконфессиональные и этнические войны. Имели место факты социальной борьбы и народные движения, вообще сошедшие с рельсов, оторванные

и собственной сути. Но видно, что все они в итоге способствовали возникновению гораздо более усугубившихся социальных и народных проблем. Именно реалии этих последствий лучше всего объясняют логику заговоров, переворотов и провокаций.

В 1948 году, когда было провозглашено государство Израиль, этот тройственный проект продолжался с уже углубленным содержанием. Те же, кто выступал против, кто хотел сохранить верность своей идентичности и цели, подвергались ликвидации посредством серьезного наказания, причем не делалось никаких различий, правые они, или левые, прогрессивные или реакционные, турки или курды. Эта жесточайшая действительность имела место во всех многочисленных переворотах, осуществленных в 1960, 1971, 1980, 1993, 1998 гг. и с 2002 года. Эта же тенденция более всего сыграла роль в череде убийств, переселений, арестов, пыток и ассимиляции, которым с 1925 года были подвергнуты курды, левые, исламисты, даже прогермански настроенные турецкие националисты. Эта линия, получившая свое дальнейшее развитие при помощи натовской организации «Гладио», подобно бульдозеру, прошла по всем трудящимся слоям, турецким и курдским демократам и социалистам. Несомненно, когда мы начали это исследование, имея в виду модернизацию высших слоев евреев, турок и курдов, нашей целью не был ни антисемизм, ни антитюркизм, ни антикурдизм. Напротив, на уровне нижних слоев общества происходила серьезная борьба в виде сплочения еврейских, турецких, курдских демократов и социалистов против союзов высшего слоя. Со времен II Конституции и по сегодняшний день всегда имела место общая борьба трудящихся и угнетенных слоев населения, к которым относятся и представители еврейского народа. Как во всей Европе, так и в России, невозможно представить себе социализм и демократию без евреев.

Интересно, что в настоящее время взаимоотношения между Израилем и курдами требуют создания исторического союза. На протяжении дня истории появляется вопрос союза между Израилем и курдами, аналогичный союзу между Израилем и турками, или даже вместо него. В данном случае большую роль сыграло скольжение погемонии, имевшее место в Турецкой Республике, начиная с 1980 года, в частности после 2000-х гг. Союз правительства ПСР, которое изначально было приведено к власти при поддержке Израиля,

США и ЕС, достигнутый с Ираном и Сирией для изоляции и ликвидации РПК, стал приводить к противоположным последствиям. Этот союз вызвал реакцию Израиля, США стран ЕС, они выдвинули обвинения в передвижении оси процессов. На данном этапе в противовес антикурдской коалиции правительств Турции, Ирана и Сирии в ракурсе курдской проблемы стал формироваться блок США, ЕС, Израиля и курдов. Целью этих двух союзнических блоков, способных едва ли не привести к коренным преобразованиям Ближнего и Среднего Востока, является РПК—АОК. В данном случае выявляется идеологическая и политическая линия РПК, а также более конкретная практическая линия АОК в направлении демократической современности. Не большая демагогическая ложь и союзы, а сама истина определит итоги общественно-исторических событий. Именно эта справедливая и горькая истина в очередной раз дает о себе знать. История как будто мстит за демагогические мифические легенды, созданные во имя нее. Реальность выступает в более обнаженном виде, то есть как неприкрытая ничем истина. История концентрируясь в «сегодняшнем», «сегодня» оказывается более исторической, чем когда-либо. Борьба становится достоинством истории по мере того, как в основном становится актуальной на линии Эрбиль—Диярбакыр. Сердце региона и даже всего мира в смысле «третьей мировой войны», в ускоряющемся ритме бьется именно на этой линии. Сердце революции, некогда бившееся на линии Амстердам—Лондон—Париж, Санкт—Петербург—Москва ныне бьется по линии Диярбакыр—Эрбиль—Багдад.

Узел противоречий Израиль—Палестина, столь же сложные узлы в Афганистане и Пакистане, связанные с ними все проблемы мусульманской Африки, исламская культура в Азии, простирающаяся от России до Китая и Индии, ищут центр своего демократического урегулирования. Наиболее конструктивная центральная линия на данном этапе это линия в ракурсе Ирака, Ирана, Сирии и Турции следовательно, линия революционно-демократического урегулирования на Ближнем и Среднем Востоке, это линия Диярбакыр—Эрбиль, где бьется сердце Северной и Южной Месопотамии, в котором история человечества обязана многим. Первые проблемы еврейское племя пережило на этой линии. Эту проблематичность которую оно постоянно переживало, теперь, после захватывающих

ментий протяженностью в три тысячи пятьсот лет, они ищут опять же в эпицентре своего Исхода. Как говорят в народе, любая традиция произрастает на своих корнях. Еврейский вопрос тоже, видимо, может быть разрешен на корнях, породивших его. Контрреволюционная стратегия, которую элита Турецкой Республики с большим упоением пыталась сплести вокруг противоречащих друг другу полюсов США—Израиль и Иран—Сирия—Ирак (они сами пытаются сплести сеть), совершенно не имеет никаких шансов на реализацию и успех. Социальные проблемы региона, которые капиталистическая современность не просто не может решить уже двести лет, а, напротив, только тревожит, воспаляет их, эволюционировали до такой стадии, когда могут быть решены только в условиях демократической современности. Созидание демократической нации, которое осуществляет АОК, является в этом плане светом, озаряющим путь, примером, призывающим к действиям.

3. ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА В ТУРЕЦКО-КУРДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Анализ курдо-турецких отношений, возможно, один из сложных вопросов социологии. Трудности анализа курдской проблемы обусловлены тем, что наряду с незнанием или нежеланием понять значение этих отношений, стремятся решать вопрос на основе субъективных принципов, по субъективному желанию, совершенно без научной основы, просто исходя из барских желаний. Именно поэтому в моей Защитной речи придается большое значение именно тому, как точно установить связь, используя всю мощь социальной науки, и на этой почве найти решение. После заговора 15 февраля 1978 года, принявшего характер резни, общественно-исторические проблемы протяженностью в девять столетий, которые помимо своего стратегического значения, базируются на религиозной общности, в настоящее время были забыты. Власти посчитали, что, сказав курдам «исчезните!», добьются своего, хотя есть вещи, которые не сбываются даже по велению бога: «Будь!» Этот самый грубый метафизический материализм, ставший идеологическим фундаментом европейского фашизма, основывается на уверенности в том, что курды в кратчайшие сроки попросту исчезнут, стоит только под руководством

власти вынести решение об «отрицании и уничтожении». Речь идет об уцелевших адептах той самой организации, посчитавших, что применение против курдов тех самых методов, которые, по мнению, успешно применило общество «Единение и прогресс» при ликвидации армян, приведет к тем же результатам. Они заставили собственный народ и нацию поверить в эту политику лжи и отрицания и хотели продемонстрировать всему миру, что не существует такого явления, как курды.

То же самое действительно и для исторической науки. Можно сказать, что очень редко исторические взаимоотношения могут выразить такую столь важную диалектическую целостность связей между собой, как цивилизации и государства, построенные в Анатолии и Месопотамии. В развитии истории человечества линия Месопотамия—Анатолия обладает свойством стержня. От обществ Египта и Шумера, построивших первые исторические цивилизации и города, до современных общественных реалий упомянутая линия продолжает играть роль организации данной диалектической целостности и стержня. Несмотря на это, национально-государственная современность, проведя над историей красную черту отрицания, считает наукой только ту историю, которая начинается с него самого. Надо стремиться познать историю, однозначно отбросив в сторону варварство культурного геноцида, считающее национальным подходом лишь отрицание культурной действительности народов. В моей Защитной речи настойчиво подчеркивается эта историческая линия для того, чтобы вывести на чистую воду бытующую традицию отрицания и уничтожения.

Как культуры классов, городов и государств, так и социальные культуры, защищающие свое существование в противостоянии этой «триаде», составляют единое целое. Такая целостность действительна и на почве взаимного противостояния, и внутри группы. Упомянутые реалии на протяжении всей истории чаще всего встречаются в культурах Анатолии и Месопотамии. Явления власти и государства, действительные для высших слоев цивилизации, в пределах этих двух географических территорий постоянно находились в тесном переплетении и создавали единое целое. Целостность действительна для всех сфер. Она постоянно и особенно ярко проявляется в экономической, социальной и культурной сферах.

Шумере, Аккаде, Вавилоне, Ассирии, у хеттов, митанни, в Урарте, Мидии, Персии, у эллинов, в Риме, Византии, в Османской империи и Турецкой Республике имела место социальная культура, представляющая собой целостность в виде основного потока. Эта целостность была основным фактором как для господствующих, так и для угнетенных слоев. Другим свойством, требующим осознания наряду с целостностью, является фактор местных отличий. Для формирования целостности необходимы различия. То, что не основано на отличиях, не может считаться целостным; это вынужденная, или, как говорят сейчас, фашистская однотипная жизнь.

Взаимоотношения между курдами и турками на протяжении всей истории следует рассматривать в ракурсе этой исторической целостности. Именно поэтому в соответствующих разделах мы попытались осветить период от битвы при Манцикерте в 1071 году, до национально-освободительной войны в Анатолии и Месопотамии в 1919–1922 годах. Я ограничиваюсь только привлечением внимания к этому вопросу. Я касаюсь этого обстоятельства именно по следующей причине: говорят, что на протяжении истории не было ни одного-либо курдского суверенитета и государственной системы. Я попытался дать определение понятию целостности и отличий в противовес этому мышлению. Во всех цивилизациях, зародившихся на территориях от Шумера до Анатолии и Месопотамии, в структурах власти и государствах, способствовавших появлению этих цивилизаций, было общее господство. Представляет целостность. Если воспринимать суверенитет и государство как национальное государство, мы погрязнем в серьезных ошибках. Национальное государство — это форма власти, которая не смогла выйти за рамки последнего столетия капитализма. В тысячелетних формах власти не было национального государства. Распространенная форма суверенитета — город-государство и мировые империи. И в них культуры тоже представлены в совокупности.

Хеттское государство, ставшее первым государством в Анатолии, нельзя представить без Месопотамии. Впрочем, доказано, что наследники, наследницы и правители исторических хеттов имели итритское, то есть протокурдское происхождение. Опять же, итриты и родственники митанни в этот раз тесно сотрудничали с хеттами, создавшими первое государство с центром в Северной

Месопотамии. Не было известно, где начинаются границы одной из них, а где заканчиваются границы другого. Те же реалии были характерны для Ассирии и Урарту. Мидо-персы, в прочем, достигли высокого развития и распространения. Хорошо известно, что аналогичные процессы происходили у эллинов, в Риме, Византии и в Османской империи. Аналогичная общность имела место не только в структуре власти и государства, но и во всех аналогичных социальных сферах. Ислам, христианство и иудаизм — это религии, имеющие общие корни. Они представляют собой наиболее явный пример культурной общности. Западный капиталистический модерн умышленно сделал господствующей форму национального государства на Ближнем и Среднем Востоке. Вместо власти, которая издревле была представлена в форме единой всемирной империи, было достигнуто культурное разделение и неокolonизация Ближневосточного региона на базе слабых национальных государств, которые десятками были созданы путем противопоставления друг другу. Так регион был взят под гегемонистский протекторат капиталистической системы. Даже Турецкая Республика, созданный как подчиненная гегемонистская система, как в поговорке о хромой утке, обречена на пожизненную хромоту, когда уже оторван Мосул—Киркук, Иракский Курдистан, являющийся одной из важнейших частей Национального пакта. Традиционная целостность Анатолии и Месопотамии раздроблена умышленно, а также на почве взаимного отрицания и уничтожения. Когда целостность была принесена в жертву монотипной фашистской жизни, все остальные культуры тоже были обречены на исчезновение посредством отрицания и уничтожения.

Курдская знать, то есть прослойки, заинтересованные в вопросе власти и государства, еще со времен султана Альпарслана вплоть до М. Кемаля, действовала в русле общих тенденций власти и государства, и эту позицию они также привили всему народу. То, что они не смогли создать гарантии и статус для своих культурных отличий, конечно же, связано с их классовой структурой, но сам народ нашел, что общая государственность более соответствует его интересам, как в стратегическом, так и общественно-историческом смысле. Но нельзя обвинять народ, говоря, что он счел это нужным. Обвинения заслуживают те, кто вместо того чтобы подвести

историческое сосуществование народов под юридический статус и регулировать демократическое управление, наоборот, создали систему отрицания и уничтожения.

Даже если впоследствии они признали свои ошибки и устранили их на почве самокритичного подхода, все равно ясно, что на заре создания РПК они выступили против этой политики отрицания и уничтожения, вооружившись национально-государственным миропониманием социалистической системы. Если отвечать на сепаратную национально-государственную модель другой моделью национального государства, пусть даже и с социалистических позиций, это будет означать попадание в болото игр капитализма. Народы мира на этой почве оказались загнанными в ловушку политики «разделяй и властвуй». Социалисты ни при каких условиях не должны защищать национально-государственную модель. Важнейшим принципом противостояния капитализму является непризнание национально-государственной формы, будь то с позиций угнетающих или угнетенных наций. Вторым главным принципом социалиста является единство — в любых условиях — того единения, которое, как это было в общем, существовало на протяжении истории взаимоотношений между курдами и турками. В принципе, и лидер М. Кемаль, и все значительные руководители этого процесса неоднократно подчеркивали, что любые иные действия, выходящие за рамки деятельности по пути, ведущему к созданию Республики, объявлению Национального пакта, собрание Амасий и стратегии, вырабатываемой в ИИСТ, все иное приведет к гибели обоих народов. Общий статус был добровольно и совместно принят во имя современности. Последующие подходы в плане заговоров и переворотов не смогли бы ликвидировать добровольный общий статус турок и курдов, являвшихся истинными созидателями Республики. Методы ассимиляции, культурного геноцида, навязываемые на протяжении всей истории Республики представителями политики заговора и отрицания курдов, не смогли бы сломить статус, который не просто добровольно принят, но имеет определяющее историческое значение и узаконен Конституции 1921 года.

Эта истина действительно для курдской общественной жизни и жаругих регионах Курдистана. Курды никогда не были покорены ни одним государством. В отношении них никогда не существовал

статус аннексии, завоевания, то есть с политической и правовой точек зрения статус курдов всегда оформлялся на почве добровольного сотрудничества с государствами, на территории которых они проживали. Если подходить с позиций и исторического мышления и социальной культуры курдов, они предпочитали жить, сохраняя такую традицию, пусть даже это с горем пополам навязывалось национально-государственными моделями современности. Эта традиция и по сей день продолжает существовать. Соответствующие национальные государства должны очень четко осознать эти реалии и отказаться от политики отрицания и уничтожения курдов, примириться с историей и обществом, по достоинству оценить историю. В противном случае, как это уже давно стало понятно, они не смогут ограничиться просто хромотой на путях истории, и им постигнет та же участь, которая постигает любое фашистское национальное государство, и эта политика отрицания и уничтожения обернется трагедией против них же самих.

В результате осознания этих исторических и социальных реалий а также понимания того, что национально-государственная модель является ловушкой, организованной капитализмом, РПК объявила АОК системой демократического самоуправления народа. АОК не является апологетом курдской национальной государственности в противовес национально-государственной модели. Он принципиально отвергает это. Политическая власть, которую может принять курдский народ, как под сводами одного национального государства (если она признает свою преданность идеям демократии), так и независимо — это демократическое автономное управление. АОК — это часть этой модели, применимая в отношении курдов. По-турецки это означает необходимость общества стать демократическим. В плане системы это означает построение всеми народами своей политической власти на основе общности и добровольности, не попадая в капканы национального шовинизма, распри по поводу границ, бюрократии, национализма и национально-государственных моделей. Жизнь под сводами национального государства курды могут принять только при условии признания демократического автономного управления. Этот образ жизни означает организации государств на федеративной или конфедеративной основе. На этой почве не будет конституционного согласия

государствами. Будем стремиться к «демократическому конституционному согласию» на почве признания демократического автономного управления обществом. Между этими двумя вариантами есть коренные отличия.

АОК, как демократическое автономное образование, является наиболее близким к идеалу проектом совместного, равноправного и свободного сосуществования курдов в границах таких национальных государств, как Турция, Иран, Ирак и Сирия, кроме того, в противовес Иракскому курдскому федеративному государству. АОК верит, что проблемы, имеющиеся со всеми этими государствами, как уже доказано общественно-историческими реалиями, можно решить только на базе демократического самоуправления, демократическими политическими методами и в обстановке мира. Знает это, решительно настроен и проводит соответствующую подготовку. Если национальные государства не примут этого и не признают демократические конституционные решения, АОК как демократическая автономная политическая власть сможет защитить свое существование.

4. МИР, ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Некоторое торможение в решении курдской проблемы РПК попыталась преодолеть посредством тщательного анализа власти национального государства. Влияние национальных государств социалистического лагеря на идеологическое и политическое становление РПК более всего проявилось во время пика революционной гражданской войны, имевшего место при выступлении 15 августа 1984 года. Прогресса было очень сложно достичь без урегулирования этого влияния, которое постепенно приводило к остановке развития. Быстрый распад социалистической системы в 1990-е годы способствовал тому, что гораздо лучше стало восприниматься влияние, оказавшее в основе кризиса. Причиной распада социалистической системы стала проблематичность, власти и национальные государства лагеря социализма. Точнее, этот социализм стал следствием нерешенности проблем власти и государства. Эта проблема имела влияние на любые кризисы социализма во всем мире. Противоречия

между государством и властью, серьезно отразившиеся на курдской проблеме, соединились с кризисом системы социализма в мировом масштабе, и в результате чего неизбежной стала необходимость глубокого анализа вопроса государства и власти.

В значительной части своей Защитной речи я именно по этой причине попытался проанализировать явления власти и государства на протяжении всей истории цивилизации. Но более всего мое внимание сконцентрировано на вопросе преобразования во власти и государства в связи с современным капитализмом, являющемся господствующей цивилизацией современности. В частности, я подчеркнул, что капитализм является фундаментом, на котором власть трансформируется в национальное государство. Это очень важный тезис. Я попытался отметить, что без организации капитализма и власти в форме модели национального государства она не станет гегемонистской системой. Национальное государство является тем самым основным инструментом, который делает возможной капиталистическую гегемонию. Так я попытался доказать, что социализм, представляющийся в социально-исторической форме как антикапитализм, не может образоваться на базе той же государственной модели, то есть в качестве нации-государства реального социализма. Я попытался подчеркнуть то, что взгляды Маркса и Энгельса по поводу того, что социализм может быть построен только на фундаменте титульной нации государства, является системной ошибкой научного социализма. Мною выдвинут тезис о том, что социализм не может быть построен на основе государства в целом и, в частности, национального государства. Я также подчеркнул, что настойчивое стремление к этому, как показываю ряд примеров, в первую очередь пример социалистического строя в СССР и Китае, завершается наиболее деградирующими формами капитализма. Мною были приложены усилия для того, чтобы в рамках этого тезиса подвергнуть глубокому анализу всю центральную систему цивилизации, господствующую на протяжении истории, концепцию власти и современного капитализма, являющегося господствующей формой, свойственной нашей эпохе. Мой главный вывод заключается в том, что у социалистов не может быть принципа национального государства, а основным принципом урегулирования, касающимся национальной проблемы, должен быть

принцип демократической нации. Конкретным выражением этого является попытка АОК.

Вторая важная поправка в тактике РПК в отношении власти связана с более конкретной темой. Рассматривая турецко-курдские отношения в родоплеменном и государственном ракурсах, я наконец понял, что без должного внимания к геополитическим и геостратегическим связям Анатолии и Месопотамии просто невозможно найти правильное решение. Между географическими пространствами, на которых сконцентрировались оба общества, на протяжении истории происходит активный культурный обмен, определяющий также тесные геополитические и геостратегические связи. Эти связи, определяющие характер актуального, сегодняшнего дня, можно рассматривать только на базе целостного подхода. Курдская иерархическая знать, гораздо чаще сталкивающаяся с проблемой власти и государства, на протяжении всей своей истории связывала свою судьбу с властью и государством, которые были гораздо сильнее ее самой, причем происходило это на почве относительной автономности. Она не стремилась к свойственным курдскому обществу независимым системам власти и государства. Исторические и социальные условия в этом плане не особо соответствовали ее интересам. На этой же почве курдская элита рассматривала и взаимоотношения с турками, длящиеся почти тысячелетие. Совершенно добровольно они участвовали в битве при Манцикерте, в которой победили вместе с сельджукским султаном Кипарсланом, а также разделили итоги установления новой власти и государственности на основе ислама в Анатолии и Месопотамии. Геополитические и геостратегические реалии, порожденные двумя географическими пространствами, сделали обязательным разделение исламской власти и государства между высшими слоями двух родоплеменных структур. Если народы и не имели особо никаких интересов в этой общности власти и государства и даже, несмотря на сосуществование под властью единого государства, частенько возмущались мятежи, то все же, в силу условий сосуществования и по причине религиозных и конфессиональных войн того периода жили вместе. Эта общность с тюркской родоплеменной верхушкой постоянно зиждилась на добровольной основе. В истории турецких завоеваний не было такого факта, как завоевание Курдистана. Даже

совершавшиеся время от времени завоевательные походы проходили с участием курдской знати. Следовательно, такого рода походы нельзя назвать завоеванием.

Эти исторические реалии, имевшие место во взаимоотношениях между турками и курдами, необходимо осознать во всей глубине, чтобы урегулировать современную курдскую проблему. Данная действительность постоянно бралась за основу, кроме того, в итоге всегда имела определяющий характер, еще со времен форсирования при султанах Явузе Селиме политики экспансии на Восток (1517–1521 гг.), организации полков хамидийе при султанах Абдулгамиде (1876–1909 гг.), в продолжение деятельности общества «Единение и прогресс» в Первую мировую войну, а также, что важнее всего, во время национально-освободительной войны, развернутой под предводительством Мустафы Кемалю. Впервые положить конец сближению и добровольному представлению этой исторической и географической власти и государству хотели с заговора 15 февраля 1925 года, обусловленного игнорированием демократической платформы Республики. В развитии этого заговора, на котором мы достаточно долго останавливались в соответствующих разделах труды, определяющую роль сыграло то, что Британская империя, бывшая в ту пору капиталистическим гегемоном эпохи, обрекла Республику на этническое расслоение, взяв под контроль Мосул–Киркук, являющийся регионом нефтедобычи (Иракский Курдистан). В этом плане определяющую роль сыграли ее расчеты. Проект Великобритании — «минимум республики или национальное государство» был успешно внедрен на Ближнем и Среднем Востоке, в Анатолии и Месопотамии, как, впрочем, и во всем мире. Все культурные силы, народы, даже государства Ближневосточного региона, разделившегося на общества и государства, в ходе реализации этой политики понесли большие потери во влиянии, постоянно распадались и вступали в междоусобные конфликты. Так была успешно развита английская гегемония.

Антикурдизация Республики нарушила традиционный союз, полностью вытеснив курдов за пределы системы. Проект, представленный курдской верхушке, основан на фундаментальном принципе сохранения курдами своего существования путем отказа от собственной идентичности и перехода в статус турка — личности

гражданина. Более того, власти зашли гораздо дальше, установив, путь укрепления и повышения системы пролегает через отрицание и уничтожение курдской идентичности, через возвышение и развитие политики «белого тюркизма». Так было сформулировано «бронзовое правило» существования в рамках Республики. Линия проведения, продемонстрированная верхушкой изначально с некоторыми возражениями и протестами, вследствие осуществления системой действий по «насилию и репрессии», превратилась в поклонение перед ней. Возможно, впервые в истории курдского общества высший слой (исключения не отменяют правила) добиваясь гарантий собственного существования путем полного отрицания жизнедеятельности и уничтожения своего общества. Их существование и развитие уже поставлены на службу «белому» тюркизму. Часто использую это понятие, потому что, в отличие социологического тюркизма, «белые» турки — это прослойка объективно и объективно подготовленных наймитов, что предопределено методикой заговора западной гегемонии. Это форма турецкого ультра-национализма), и по мере служения ему может быть гарантирована жизнедеятельность. Все слои народа, оставшиеся без руководителя и лидера, уже превращены в объекты, предметы. Они уязвимы в отношении к любым проявлениям отрицания, уничтожения и ассимиляции. Малейшее соприкосновение с курдской идентичностью означает смерть. Единственным спасением и дорогой жизни становится отказ от принадлежности к курдам. Курдскую идентичность стараются ликвидировать не просто как факт, а в комплексе всеми символами и названиями. Проект замаскированного культурного геноцида курдов во всей истории республики реализуется день за днем, шаг за шагом (это имеет место и в отношении других культур, но проект в основном направлен против курдов). Основная цель всей внутренней и внешней политики заключается в том, чтобы сохранить верность данному «бронзовому правилу» и служить ему. Поскольку в большей степени это правило реализуется тайно, во все партии, организации гражданского общества, мир экономики и политики, которые мы развиваем, будучи не в курсе упомянутой политики, прикреплены к этому «бронзовому правилу». Даже такие внешние организации, как ООН, НАТО и ЕС, оцениваются в позициях услуг, оказываемых ими этому «бронзовому правилу».

Вклад этого правила будет определяющим в ходе переворотов, переговоров, покушений, различных пыток и арестов.

а. На заре появления РПК знания об этих реалиях были крайне не ограничены. Недостаточно осознавалось, что в плане культуры Анатолия и Месопотамия составляют единой целое, не было осознано геополитическое и геостратегическое единство, их отражение на уровень взаимоотношений между курдами и турками. Политика минимума национального государства, проводимая гегемонами современного капитализма Великобритании и США, оказала влияние на научный социализм, как, впрочем, на все гуманитарные науки. На долю РПК выпала своя социалистическая национальная государственность. Эта идеология национального государства изжитая путем глубокой самокритики, была заблуждением. Не столько в левом движении всего мира, а также в левом движении Турции это заблуждение не было изжито, неизбежным оказался распад. Тупик является основной причиной переживаемого в настоящее время кризиса социализма, в который его завела данная проблема.

б. Новая модель решения национальных проблем на базе курдской проблемы, привнесенная РПК, которая находится на стадии преобразования, абстрагирована от любого рода национально-государственной идеологии, это демократическая нация. Способ созидания наций в условиях капитализма служит закону максимальной прибыли, а путь к этому пролегает через национальное государство, ставшее целью национализма, являющегося новой религией современности. Национализм порождает национальное государство, а национальное государство порождает национализм. В периоды углубления кризиса капитализма национализм и национальное государство обретают фашистские черты. Социализм может утвердиться в качестве альтернативы и получить развитие как система только в той мере, в которой он сможет изжить национализм капитализма и модель национального государства, взращённые таковыми национализмом. Путь к этому лежит через созидание демократической нации и социальной рыночной экономики, не преследующей цели обогащения; это экологически безопасная индустрия в противовес индустриализму эпохи капитализма, преследующему цель извлечения максимальной прибыли.

АОК в отношении курдской проблемы предлагает и реализует в практике идею демократической нации которая очистилась от элементов нации-государства, в качестве модели урегулирования проблемы не только курдов, но и всех этнических и национальных конфликтов. Урегулирование в границах национального государства, которое предлагалось в качестве единственного пути во все периоды существования национальных проблем за всю историю капиталистической современности, превратили историю в кровавую бойню. Путь национального государства — это путь не решения, а углубления проблемы, эскалации войны, следовательно, это путь к реализации максимальной прибыли и индустриализма. АОК видит путь к миру и урегулированию через отказ от трех краеугольных камней современного капитализма (национальное государство, максимальная прибыль и индустриализм) и создание в качестве альтернативы ей элементов демократической современности (демократическая нация, социальная рыночная экономика без извлечения прибыли и экологически безопасная индустрия).

Решение курдской проблемы на основе мира и политических выходов совместно с такими национальными государствами, как в первую очередь Турция, а также Иран, Ирак и Сирия, даже Курдского федеративного государства (Ирак), может иметь место только в том случае, если будет признано право курдского народа быть демократической нацией (что действительно и для других народов) и, как естественное следствие этого права, принят статус курдского демократического самоуправления. Положительным и обнадеживающим шагом является то, что ЕС, являющийся основоположником всех решений в духе национального государства, уже сейчас ищет выходы к урегулированию проблемы в русле демократической нации. Для того чтобы развивать это решение, надо шаг за шагом выжидать пространство национального государства и расширять пространство демократического гражданского общества. Если национальные государства Турции, Ирана, Ирака и Сирии действительно хотят избавиться от курдской проблемы, они должны сделать первые шаги на пути, похожем на путь ЕС. Позиция АОК в этом плане благоприятствует миру и политическому решению. Препятствиями для мира и политического урегулирования являются плановая экономика и практическая реализация завуалированного культурно

го геноцида, который навязывается курдам этими государствами. Если они откажутся от такой политики и признают необходимость интегрирования в систему и присвоение статуса (демократическая конституция) в первую очередь демократической нации, а также других фундаментальных элементов демократической современности, а именно социальной рыночной экономики и экологически безопасной индустрии, которые стремятся ограничить прибыль, это проложит путь к постоянному миру и политическому урегулированию.

д. Решение, которое в рамках проекта «Большой Ближний и Средний Восток» мировая капиталистическая гегемония предлагает национальным государствам, осуществляющим культурный геноцид, предусматривает развитие событий по двум направлениям. Первое — это образование курдского федеративного национального государства с центром в Эрбиле, что реализуется в качестве первого шага в урегулировании проблемы по модели национального государства. Второй путь — решение курдской проблемы на основе «личных и культурных прав» с центром в Диярбакыре. Этот путь, который стремятся реализовать ЕС и США, в частности с помощью правительства ПСР, они стараются претворить в жизнь прямо или косвенно в союзе с федеративным курдским государством с центром в Эрбиле. В ответ на спасение от РПК и решения проблемы в рамках демократической политики в конкретном воплощении АОК, а также в благодарность за их ликвидацию предлагают национальным государствам, осуществляющим культурный геноцид, упомянутые два пути выхода из сложившейся ситуации. Этот план урегулирования, навязанный мировой капиталистической гегемонией, имеет очень мало шансов на успех, поскольку лишен народной поддержки.

Курдистан уже сейчас в определенном смысле стал эпицентром революции и контрреволюции XXI века. Он является наиболее слабым звеном капиталистической современности. Национальные и социальные проблемы народа Курдистана усугубились настолько, что их невозможно завуалировать при помощи либеральных рецептов, демагогией о личных и культурных правах. Когда стала актуальной курдская проблема, национальное государство, способствующее всем мерам вплоть до культурного геноцида, уже давно было

инициатором порождения проблем, а не их решения, как для угнетенных наций, так и для угнетенных наций. Национально-государственная власть, которая начинает становиться проблемой даже для современного капитализма, постепенно разлагается. Более гибкие демократические национальные процессы идут во главе конструктивных процессов эпохи. Демократическая современность становится критическим выражением и практическими шагами в этих процессах. АОК, которая будет конкретным выражением демократических национальных перемен в Курдистане, освещает путь демократической современности на Ближнем и Среднем Востоке.

Сегодня решение в рамках АОК находится на распутье. Она может решать проблемы конституционными методами по пути демократии и демократической политики. В таком случае определенные национальные государства должны не просто отказаться от политики отрицания и уничтожения, они должны будут принять реалистическую формулировку проблемы и искать ее урегулирование в рамках универсальной демократической конституции, а также делить со всеми визави и содержание, и методику демократической конституции. Это решение, делающее возможным как и национальную, так и государственную целостность этих стран, требует кардинальных демократических преобразований. Но если этому столь желанному пути будут настойчиво чинить препятствия, то АОК останется в одностороннем порядке и революционным способом строить демократическую власть, и защищаться. Имеется множество примеров успешного следования по этому пути. Идеологическое и политическое руководство РПК, имеющей более чем тридцатилетний опыт, мощная поддержка народа, испытанная революционной борьбой, военная сила, способная реализовать самооборону во всех сферах, широкая сеть внутренних и внешних связей дают возможность АОК построить демократическую нацию, руководить ею и защищать ее. Данный путь уже не столкнется с торможением, как это было ранее. Поскольку целью является не государствообразующая, а демократическая нация, АОК, будучи неизменно сторонницей решения и мира, будет открыта для диалога и дискуссий с силами национального государства. Но, если это не состоится, АОК сумеет собственными силами, идя верным путем, продолжить созидание демократической нации, ее управление и оборону.

В. АОК И АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

АОК в ракурсе курдской проблемы представляет негосударственное демократическое понимание принципа самоопределения наций. Это должно быть оценено как коренной поворот в решении национальной проблемы. Все национальные проблемы, возникновение которых способствовала капиталистическая современность, пытались решать на базе национально-государственной идеологии и парадигм. Национальное государство было представлено в этом урегулировании в качестве основного действующего лица. Когда говорят о национальном государстве, первое, что приходит на ум, это мысль: «Пусть и у нас будет свое национальное государство». Почти для каждого этноса и нации предусмотрено по одному государству. Этот подход был разработан Великобританией, которая, в частности, стремясь к гегемонии в мировом масштабе, нейтрально зовала все противостоящие ей крупные государства — империи, а также мелкие города-государства, реализуя политику «разделяй и властвуй». Национальное государство является структурой власти гегемонизма, основанного на капиталистической системе; эта организация в наибольшей степени соответствует поставленной задаче и реализуется при помощи максимальной прибыли и индустриализма. Для того чтобы правильно понять суть национальных государств, надо точно определить их место в гегемонистской системе их связи с капитализмом и промышленностью. Называя каждый этнос или конфессию и народность государством, вносят вклад в глобализацию капитализма, следовательно, в максимализацию эксплуатации и индустриализм (экологическое разрушение). Мы настойчиво подчеркивали, что в основном такие действия привели к распаду системы социализма. Мы попытались доказать: именно такой подход лежал в основе того, что РПК, взявшая при выступлении за курс именно систему социализма, при решении национального вопроса пережила застой. Мы выяснили, что на поч-

демокритичного подхода к этому вопросу РПК осуществила поворот. Основная линия изменений в решении национальной проблемы заключается в уходе от модели национального государства к альтернативе — демократии. Демократическое решение является выражением поисков демократизации общества вне национально-государства. Национальные государства вместе с капитализмом и империализмом являются не способом решения, а источником возникновения все более возрастающих проблем.

Вызывание решения национальных и социальных проблем с национальным государством представляет собой наиболее тоталитарную сторону современности. Ожидать решения от механизма, который сам является источником проблем, приводит к тому, что проблемы растут как снежный ком и способствуют возникновению социального хаоса. Капитализм как таковой является наиболее кризисным этапом в системе цивилизации. Национальное государство — это силовая организация, которая на этой кризисной стадии чаще всего ставилась на повестку дня и больше всего разрушалась на протяжении истории общества. Это инструмент для подавления всего общества силой власти, стремление силой удержать и общество, и окружающую среду, которые капитализм ведет к разрушению посредством закона максимального извлечения прибыли и индустриализма. Чрезмерная эскалация силы продиктована тенденцией капиталистической системы к извлечению максимальной прибыли и непрерывному потоку накоплений. Без силовой организации типа национального государства не смогут работать законы капиталистического накопления, не удастся продолжить индустриализм. В эпоху мирового финансового капитализма, ставшего последним на сегодняшний день этапом, общество и окружающая среда стоят перед угрозой полного разрушения. Кризисы, прежде носившие циклический, теперь уже обрели постоянный и структурный характер. В такой ситуации само национальное государство превратилось в препятствие, полностью блокирующее систему. Даже капитализм, являющийся кризисным образованием, ставляет во главе своей повестки дня вопрос избавления от препятствия — национального государства. Господство национального государства является не только источником социальных проблем, но и главным препятствием к их урегулированию. Считать систему,

которая выглядит такой даже для господствующей капиталистической системы, инструментом решения проблем общества, народов и трудящихся масс, означает противоречить природе общества, отрицать эту природу. В урегулировании национальных проблем, являющихся наиболее значительной частью проблем социальными, необходимо взять за основу демократическую модель, что продиктовано и самой природой общества, народов и трудящихся масс, и тем, что национальное государство является препятствием перед самой гегемонистской системой.

Модель демократического урегулирования является не простым выбором пути решения, а важнейшим методом. Если социалистические и национально-освободительные движения хотят добиться успеха, они не должны искать никаких путей решения, кроме демократических. Любые диктаторские ползания влево, вправо и в центр только усугубляют нерешенность проблемы, делая капитализм более грабительским и виртуальным. Нельзя считать демократическую модель решения превращением унитарной нации-государства в федеративное и конфедеративное состояние. Федеративное или конфедеративное состояние национального государства не является демократическими решениями. Это решения в различных формах государства, усугубляющие проблемы. Вероятно, преобразование жесткого централизованного национального государства в федеративную и конфедеративную формы, по логике капиталистической системы, способно несколько смягчить проблемы и привести частичные решения, но это не будет способствовать выработке кардинальных решений. Федеративные и конфедеративные формы можно испытать среди инструментов решения проблем между силами демократического урегулирования и сторонниками национального государства. Но ожидать значимых решений только потому, что были использованы эти инструменты, означает очередной самообман. Известно, что первый обман — это маска «левизны» на национальном государстве, которую мы называем национально-освободительным государством или государством системы социализма. Стало очевидным, что эти системы более диктаторские, и они ближе к фашизму.

Следует особо подчеркнуть, что демократическая модель решения отнюдь не является полностью независимой от национально-

государства. Демократия и национальное государство, как две власти, могут играть свои роли под единым политическим сводом. Сферы влияния обеих властей определит демократическая конституция. Несмотря на то, что ЕС в этом направлении сделал ряд шагов, тем не менее преобладающим является господство национального государства. Но в мировом масштабе ситуация все же склоняется к выходу за пределы национального государства. Наиболее фундаментальное политическое преобразование, переживаемое во всем мире, основано на теоретическом и практическом преодолении засилья национального государства. Чем больше автономным и систематизированным станет демократическое регулирование, тем больший вклад оно внесет в политическое преобразование. Позитивное преобразование национального государства тесно связано с демократизацией, демократическим самоуправлением, строительством демократической нации, распространением местной демократии и демократической культуры во всех сферах общества.

АОК является конкретным выражением демократического регулирования курдской проблемы. Это подход, отличный от традиционных подходов. Он не ищет путей решения в государстве. Он даже не преследует цели создания автономного курдского государства. АОК не только не преследует цели создания федеративного или конфедеративного государства, но и не видит в них путей регулирования проблемы. Основное требование, выдвигаемое к государству, — это необходимость признания государством права курдов на самоуправление путем свободного волеизъявления и отказ от препятствий к становлению курдов в качестве демократического общества. Если господствующие национальные государства не на словах, а на деле продемонстрируют свою преданность демократическим принципам, то если даже они не окажут поддержку демократическому обществу, достаточно будет хотя бы не препятствовать и не вводить запреты. Демократическое решение не может быть выработано государствами или правительствами. Общественные силы сами несут ответственность за решение. Они ищут согласия с государством или правительствами на почве демократической конституции. Распределение власти между общественными силами, с одной стороны, и государством или правительственными силами, с

другой — определяется конституционным путем. Требование абсолютного государственного управления или абсолютной демократии не только не реалистично, но и противоречит духу конструктивного решения.

Демократическое решение, в сущности, означает становление в качестве демократической нации и самоорганизацию общества на фундаменте демократического национального общества. С помощью государства невозможно ни стать нацией, ни прекратить бытие нацией; общество должно само использовать право воссоздания как демократической нации. В этой данной ситуации следует и вновь дать определение нации. Прежде всего следует подчеркнуть, что нация имеет не одно-единственное определение. Когда нация создана государством, то наиболее общим определением ее становится так называемая «государствообразующая нация». Если объединяющим элементом становится экономика, то можно назвать такую нацию рыночной нацией. Если же господствующим является право, то нация может быть названа правовой нацией. Допустим также определения «политическая» и «культурная» нация. Общество, объединенное верой, также называется национальностью. Умма — это сообщество национальностей, собравшее воедино национальности, исповедующие единую веру. Что касается демократической нации, то она — совместное общество, сформированное свободными личностями и сообществами на почве собственного волеизъявления. Объединяющей силой в демократической нации является свободное волеизъявление личностей и групп, решивших стать частью одного общества. Мировоззрение, привязывающее нацию к общему языку, культуре, рынку и истории, объясняет картину национального государства, но это не должно возводиться на ранг принципа, то есть не должно абсолютизироваться в виде миропонимания единой нации. Такое понимание, присущее также социалистической системе, является антагонистом демократической нации. В частности, это определение, разработанное Сталиным для Советской России, стало одной из основных причин распада Советского Союза. До тех пор, пока не будет преодолено это понимание нации, абсолютизированное современным капитализмом, решение национальных проблем постоянно будет оказываться в тупике. То, что национальные проблемы с той же тяжестью делятся более трех

летий, тесно связано с этим недостаточным и абсолютистским пониманием.

Такого типа национальные общества, которые обречены на жесткие границы национального государства, в мельчайшие клетки которых проникла власть, при помощи националистических, религиозных, сексистских и позитивистских идеологий превращены едва ли не в сброд. Модель национального государства — это капкан, сеть угнетения и эксплуатации для всех сообществ. Понятие демократической нации полностью переворачивает это определение. Определение демократической нации, не основанной на жестких политических границах, едином языке, культуре, религии и истории, является выражением сосуществования множественных, свободных и равноправных граждан и сообществ на почве солидарности. Демократическое общество может быть реализовано только при помощи модели такого типа нации. Общество национального государства по природе своей закрыто для демократии. Национальное государство не является выражением ни всемирной, ни локальной действительности, наоборот, оно означает отрицание и всемирного, и локального. Гражданство в обществе, доведенном до состояния однотипного, — это смерть человека. Но равнозначная этому демократическая нация делает возможным создание и местного, и универсального факторов. Она обеспечивает самовыражение социальной реальности. Все прочие определения нации находятся где-то в середине этих двух основных моделей.

Несмотря на то, что модели созидания нации имеют широкую панораму определений, возможен единый термин, объединяющий их образ мыслей и связанный с мышлением, сознанием и верой общества. В данной ситуации нация является сообществом людей разделяющих мир общего мышления. В этом определении нации такие факторы, как язык, религия, культура, рынок, история и политические границы, играют не определяющую роль, а роль воодушевления. Определение нации в основном как образа мышления имеет динамический характер. Если отпечаток на общем мышлении титульной нации накладывает национализм, то в демократической нации — сознание свободы и солидарности. Но если давать определение нациям только в связи с образом мыслей, то этого окажется недостаточно. Как не может быть мышления без вопло-

щения, так и не могут быть нации без воплощения. Плотью нации с националистическим мышлением является институт государства. Впрочем, из-за такой реализации подобные нации называют государствообразующими. Когда преобладающую роль играют институты права и экономики, то для разграничения такого рода нации можно их называть рыночной или правовой нацией. Плотью нации основной мышления которых является свобода и солидарность, демократическое самоуправление. В основном демократическое самоуправление означает самоуправление личностей и сообществ разделяющих схожее мышление — на основе собственного волеизъявления. Это можно назвать демократическим управлением или властью. Это определение, открытое перед универсальностью.

В свете этого широкого определения нации АОК, отвергая государственственно-националистические подходы к решению курдской национальной проблемы, основывается на модели демократической нации, на принципе соблюдения права курдов на становление в качестве нации или преобразования в национальное общество при помощи демократического самоуправления. В данном случае имеет место определение однородной нации совместно с другими нациями, например, с турецкой, и этот единый организм будет открыт для определения в качестве общего наднационального образования. Такая терминология, применяемая в отношении наднационального образования, может расширяться, охватывая множество наций. Исламскую умму допустимо считать прототипом данного определения. Высока вероятность того, что социальные культуры Ближнего и Среднего Востока рано или поздно можно будет объединить в структуре единой нации (обновленной уммы).

Становление курдов в качестве нации в связи с двумя основными понятиями можно считать состоящим из двух аспектов. Первый — это аспект мышления. Мы говорим об аспектах жизнедеятельности тех, кто, не забывая о своем языке, культуре, истории, экономике и демографическом росте, совместно существуют в общем мире мышления (МИР ОБЩЕГО МЫШЛЕНИЯ), объединяющем их осознанное состояние, касающееся этих основных сфер, с чувством солидарности. В данном аспекте основным критерием является мысленное разделение мечты, проектов мира равенства и свободы, основанного на разнообразии. Этот мир мышления можно назвать

коммунальным миром или утопией свободных личностей. Важно, чтобы мышление равенства и свободы, не отвергающее различия, ПЕРСТОЯННО жило в сфере общества, в нравственном и политическом мире общества. ВАЖНО ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В СУТКИ ЖИТЬ С ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ МЫШЛЕНИЕМ. Второй аспект заключается в воплощении мира мышления. Говоря о воплощении, мы подразумеваем преобразование социальной жизнедеятельности в соответствии с миром мышления. Как будет общество преобразовываться в соответствии с общим миром мышления? Какая архитектура будет использоваться при воплощении? Короче говоря, заново воплощение определяется преобразованием социальной природы и окружающей среды, которые, отказавшись от своего прошлого, от традиций, носящих в высшей степени ущербный характер, оказались в омуте кризиса, в атмосфере репрессий и эксплуатации, в соответствии с конкретными целями современного капитализма (сюда же можно добавить меры, ведущие к интеллектуальному геноциду), или вообще дезорганизованы.

Поскольку аспект мышления интересует мир мышления и чувств, а также чувство солидарности личностей и сообществ, стремящихся к свободе, требует неограниченной организованности, главными практическими действиями в этом направлении могут быть развитие философского и эстетического обучения (включая теологию) и открытие с этой целью школ; это функции, связанные с воспитанием мышления и чувств, касающихся стремления стать нацией. Не менее важно, чем в случае с общественно-исторической жизнедеятельностью, приобщить нынешнюю социальную культуру, связанную с эпохой, к сознанию, разделять правильные, хорошие и красивые стороны в виде общих мыслей и чувств. В сущности, основная интеллектуальная задача АОК — это проектирование процесса формирования курдской нации в мире ХОРОШЕГО, ПРАВИЛЬНОГО И КРАСИВОГО мышления и чувств, который курды разделяют с другими. Иными словами, на волне научной, философской и эстетической революции необходимо обеспечить становление курдской нации, создать основной мир мышления и чувств этого процесса национальной консолидации. Надо свободно разрешить между собой раскрытие научной, философской (идеологической) и эстетической истины курдской действительности. Путь к

этому пролегает через собственное мышление и самообразование умение делиться и красиво жить. Основное обстоятельство, которое потребуется выполнить суверенным национальным государствам в интеллектуальном аспекте, — это глубочайшая преданность принципам свободы мышления и выражения. Если национальные государства хотят жить с курдами в рамках общих норм, то должны, приобщив свободу мышления и выражения к конституционным гарантиям, продемонстрировать полную преданность, чтобы сформировать собственный мир мышления и чувств курдов и обеспечить их становление в виде национального общества на почве различий. Путь к организации единой нации лежит через полную преданность свободе мышления и выражения.

Второй аспект становления демократической нации заключается в реорганизации ее физического воплощения. В основе физического воплощения лежит демократическое самоуправление. Модель демократического самоуправления можно охарактеризовать в широком и узком смыслах. В широком смысле демократическое самоуправление выражает демократическую нацию. У демократической нации есть аспекты, разделенные на более широкие плоскости. Она может быть широко представлена в культурном, экономическом, социальном, правовом, дипломатическом и прочих аспектах. В узком смысле демократическое самоуправление выражает политический аспект, другими словами, это означает демократическую власть или управление. Аспект демократического управления в становлении демократической нации весьма проблематичен в отношениях с суверенными национальными государствами. Суверенные национальные государства в целом игнорируют демократическое самоуправление. Без особой необходимости они не признают этого права. С позиций курдов в основе согласия с национальными государствами лежит признание демократического самоуправления. Демократическое самоуправление — это минимальное условие для сосуществования с национальными государствами с титульными этносами под единой политической крышей. Какой-либо иной вариант ниже этого станет не решением, а усугублением проблемы и эскалацией противоречий. В частности, в Турецкой Республике руками ПСР стремятся реализовать проект «либеральных личных и культурных прав», разработанный в последнее время и использу-

ний английским капитализмом для облегчения процесса управления рабочим классом и колониями. Этот проект, чуждый культуре Ближнего и Среднего Востока, способен служить только расширению пропасти противоречий. Демократическое самоуправление — это наиболее благоприятный проект решения, который может быть в пользу национального государства. Любое мышление и любой опыт, не дотягивающие до этого уровня, оказывают услугу растущим противоречиям и войне.

Вариант демократического самоуправления может быть осуществлен двумя путями: первый путь предполагает консенсус с национальными государствами. Свое конкретное выражение он находит в демократическом конституционном урегулировании. Он демонстрирует уважение к общественно-историческим традициям народов и культур. Считает, что это наследие является незаменимым основным конституционным правом, свободы самовыражения и самоорганизации. Демократическое самоуправление является основным принципом этих прав. Главными условиями этого принципа являются отказ от политики различного рода отрицания и уничтожения, проводимой суверенными национальными государствами, и отказ угнетенной нации от идеологии, направленной на создание своего мелкого национального государства. До тех пор пока обе нации не откажутся от такого стремления к собственной государственности, крайне трудно будет претворить в жизнь проект демократического самоуправления. Этап, достигнутый странами ЕС по итогам трехвекового опыта существования национальных государств, — это этап признания модели демократического самоуправления как наилучшей в решении региональных, национальных проблем и проблем с меньшинствами, существующих в этих национальных государствах. И в решении курдской проблемы основным путем является признание демократического самоуправления, что является наиболее последовательным, обдуманым и не основано на каких-либо привилегиях и применении силы. Все остальные пути урегулирования, кроме этого, либо приведут к отсрочке решения проблем, либо к их углублению, либо к жестким стычкам и конфронтации. История национальных проблем изобилует такого рода примерами. То, что страны ЕС, являющиеся эпицентрами межнациональных столкновений, в течение последни-

шестидесяти лет проживают в мире, богатстве и благоденствии стало возможным благодаря признанию ими модели демократического самоуправления, развитию гибких подходов и мер к решению региональных, национальных проблем и вопросов меньшинств. В Турецкой Республике имело место совершенно противоположное. Национально-государственная политика, которую стремятся завершить политикой отрицания и уничтожения курдов, затаившая Республику в пучину распада, грандиозных проблем, постоянных кризисов, переворотов, повторяющихся каждые десять лет, и в ведении специальной войны, развернутой организацией «Гладио». Только отход турецкого национального государства от такого рода внутренней и внешнеполитической линии и применения упомянутого режима позволит ей по мере признания в целом всех культур (включая тюркскую, туркменскую культуру), в частности, признания принципа демократического самоуправления курдской жизнедеятельности, стать нормальной (правовой) светской и демократической республикой.

Второй путь урегулирования — это путь односторонней практической реализации собственного проекта, не основанного на консенсусе с национальными государствами. Претворяя в жизнь аспекты демократического самоуправления в широком смысле, этот путь реализует право курдов на становление в качестве демократической нации. Несомненно, в такой ситуации активизируется противостояние с суверенными национальными государствами, которые не признают этот односторонний путь становления в качестве демократической нации. В таком случае у курдов не останется никакого иного выхода, кроме «перехода к тотальной мобилизации и войны» для сохранения своего существования и освободительной войны перед угрозой агрессии со стороны национальных государств, будь то одиночная или совместная агрессия (пример Ирана, Сирии, Турции). До тех пор, пока не будет достигнуто вероятное согласие или независимость по истечении войны, курды не остановятся перед тем, чтобы на базе самообороны собственными силами развить и реализовать во всех аспектах свое право на консолидацию в виде демократической нации.

Можно назвать следующие подробности сторон демократической нации, построенной на этих двух аспектах:

1. СВОБОДНАЯ ЛИЧНОСТЬ-ГРАЖДАНИН И ЖИЗНЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ КОММУНЫ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Надо сделать одно предупреждение, чтобы не допустить ошибки при очерчивании масштабов демократической национальной жизнедеятельности. Речь идет о том, что демократическая национальная или иной тип национальной жизнедеятельности несут в себе по сути единую интеллектуальную и структурную целостность. Зачастую для облегчения рассмотрения общества в целом и демократически национальных обществ, в частности, их подразделяют на различные сферы и аспекты. Но ни одно из этих разделений не может существовать само по себе, в отрыве от целостности. Если сравнить общество, в частности, демократические нации современной эпохи, с живой природой, увидим, что они живут в состоянии живого организма, все составляющие которого тесно взаимосвязаны. Итак, если по одному перечислять все аспекты, постоянно надо иметь в виду, что они являются частями целого.

Личность, гражданин демократической нации должны быть не только свободными, настолько и социальными. Мнимо-свободная личность капиталистического индивидуализма, противоречащая обществу, в сущности, переживает наиболее широкую форму рабства. Однако либеральная идеология создает такое впечатление, как будто личность обладает безграничными свободами в обществе. В реальности же личность, превратившая невиданную за всю историю тенденцию к максимальной прибыли в гегемонистскую систему, став наемным трудящимся рабом, олицетворяет наиболее развитую форму рабства. Такого типа личность производится в кулуарах безжалостной школы и жизненной практики национально империалистичности. Поскольку жизнь такой личности полностью связана с господством денег, система оплаты труда, подобно ошейнику на шее собаки, позволяет управлять и поворачивать его голову в любую сторону — ибо для него в жизни нет иного выхода. Если ошейник сломается, то есть предпочтет безработицу, это тоже станет своего рода борьбой на выживание. Кроме того, общество капиталистического индивидуализма сформировалось на почве отрицания. Оно считает, что реализовалось, отрицая существование множества соци-

ально-исторических культур и сообществ. Это и есть глубочайшее искажение ситуации со стороны либеральной идеологии. Главный лозунг озвучивается ими следующим образом: «Нет общества, есть личность». Капитализм — это больная система, опирающаяся в основном на потребление ценностей общества.

В противовес этому личность демократической нации обретает свою свободу в социальном характере общества, то есть в жизнедеятельности небольших, но более действенных сообществ. Свободными и демократическая коммуна, или сообщество, это фундаментальная школа, в стенах которой реализуется личность демократической нации. Не может реализоваться индивидуальность того, кто не является частью коммуны, не проживает коммунальной жизнью. Коммуны в высшей степени разнообразны и действительны для всех сфер жизнедеятельности общества. В соответствии с различиями личность может осуществлять свою жизнедеятельность более чем в одной коммуне или сообществе. Важно уметь жить в коммунальном сообществе, соответствующем способностям, труду и индивидуальным особенностям личности. Личность должна считать основным принципом нравственности свою ответственность перед коммуной или связанными с ней социальными единицами. Нравственность — это уважение и преданность сообществу, коммунальной жизнедеятельности. Коммуна или сообщество, в свою очередь, оберегают и стимулируют жизнедеятельность своих личностей, никогда не лишая своего покровительства. Впрочем, основным принципом формирования человеческого общества является именно этот принцип нравственной ответственности. Реализуется демократический характер коммуны или сообществ, ее коллективная свобода, иными словами, политическая коммуна или сообщество. Коммуна или сообщество, не имеющие демократического характера, не могут быть политическими. Коммуна или сообщество, которые не являются политическими, в свою очередь, не могут быть свободными. Между демократичностью, политичностью и свободой коммуны или общества есть очень четкое соответствие.

В таком случае первый фундаментальный аспект демократической нации можно охарактеризовать именно так — в связи с личностью или коммуной, на которые она опирается. Первым условием консолидации в качестве демократической нации является свобода

личности и реализация этой свободы на основе демократической политики вместе с коммуной или сообществом, с которыми они связаны. То, что личность, гражданин демократической нации и национальное государство — единая политическая структура, несколько расширяет ее определение. В такой ситуации в рамках «конституционного гражданства» она настолько же является личностью, гражданином национального государства, насколько является личностью, гражданином своей демократической нации. Обстоятельство, обретающее значение в данном случае, — это признание статуса демократической нации, то есть установление некоего правового статуса демократического самоуправления в конституционном порядке. Демократический национальный статус имеет две стороны. Первая сторона выражает статус, закон внутреннего демократического самоуправления или реализацию в конституционном порядке. Вторая сторона заключается в том, что статус автономии организуется как структурная часть конституционного статуса. Такая организация статуса имеется в конституции многих стран ЕС, даже других стран мира.

Созидание демократической нации, осуществляемое АОК в одностороннем порядке, на базе единства свободной личности, гражданина и коммун, является основным, но вместе с тем можно найти пути решения в национально-демократическом конституционном статусе вместе с суверенными национальными государствами, приносящими статус демократического самоуправления. Структура АОК открыта для обоих типов жизнедеятельности свободных личностей, граждан, а также сообществ, открыта для привязки этой жизнедеятельности к законному и конституционно закрепленному статусу.

Членству в АОК можно дать определение: свободная личность — гражданин демократической нации. Но это членство и гражданство нельзя путать с гражданством в рамках национального государства. Гражданство в составе национального государства устанавливает временный статус рабства при капитализме. Капиталистически индивидуализм является выражением абсолютного рабского приношения перед божеством национального государства, а гражданство в демократической нации выражает постижение в истинном смысле состояния свободной личности. Статус гражданства ку

дов в границах демократической нации может быть реализован в рамках АОК. Таким образом, гораздо более правильным было бы приписать членству в АОК гражданство в демократической нации. Гражданство в своей демократической нации — это и неотъемлемое право, и обязанность курдов. Не быть гражданином своей нации является выражением чудовищного отчуждения и не может быть оправдано никакими аргументами. Проблема, которая в данном случае может перед нами встать, связана с тем, что означает гражданство в рамках суверенного национального государства. По сути, можно представлять оба гражданства в тесной взаимосвязи. Если курдская проблема в определенной стране будет урегулирована в рамках статуса демократического конституционного гражданства, то гораздо больше соответствовать социальной действительности станет именно двойное гражданство. Более того, если бы Турция была бы членом ЕС, то можно было бы говорить и о тройном гражданстве. Как в Испании допускаются одновременно гражданства Каталонии—Испании—ЕС, так и можно было бы говорить о гражданстве Курдистана—Турции—ЕС. В период деятельности АОК в любом из государств каждый курд должен стремиться позиционировать себя в рамках двойного гражданства, и больше этого стремления он должен реализовать идентичность двойного гражданства. Если при помощи своих демократически настроенных личностей или консенсуса АОК не сможет достичь двойного гражданства, то она должна осуществить моногражданскую идентичность. Для этого, имея в виду угнетательскую суть суверенных национальных государств, АОК должна обеспечить каждую свою личность официально закрепленной идентичностью гражданина, закрепленной в письменном виде с соответствующими эмблемами.

Любой член-гражданин АОК должен разорвать границы личности, доведенной капиталистическим индивидуализмом до уровня ничтожества, и жить как член коммуны. Мы должны понять и усвоить в качестве основополагающего нравственного принципа, что не может быть индивидуальности у того, кто не живет жизнью коммуны. Постоянно надо иметь в виду то, что членство в коммуне или сообществе одновременно имеет демократические стороны. Коммуна или сообщество только при демократической реализации могут стать политическими, следовательно, свободными. Таким образом,

Значит то, что каждая коммуна или сообщество одновременно является единицей нравственного и политического общества. Каждая коммуна и сообщество АОК вместе с тем является нравственной и политической единицей. Его личности, граждане одновременно являются нравственными и политическими личностями, гражданами. Говоря о коммуне или сообществе, мы подразумеваем группы людей, которые действуют во всех сферах общества. Например, если село, отвечающее условиям коммуны, является коммуной или сообществом, то это определение мы можем довести вплоть до уровня квартала или города. Коммуной могут стать кооператив, фонд, кружок и гражданская организация. Вместе с тем мы могли бы это назвать их демократической коммунальной системой, поскольку они должны иметь демократический характер. Коммуны можно образовать во всех сферах жизни и деятельности, в сфере обучения, культуры, искусства и науки, но социальную и политическую жизнь можно и преобразовать по модели коммун и демократизации. Свободная личность, гражданин может реализоваться только в рамках этой демократической коммунальной жизни. В целом личность, и гражданство демократической нации, а в частности и более конкретизировавшаяся форма этого гражданства, коим является личность-гражданин АОК, продиктованы потребностями ответственной, нравственной и политической жизнедеятельности. Эта необходимость вместе с тем должна восприниматься как наше основное право и обязанность. Если национальные государства признают эти наши права и обязательства, то и курды могут признать основные права и обязанности граждан этих государств.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Политический масштаб созидания демократической нации АОК можно рассматривать как демократическое самоуправление. Демократической нации без самоуправления не бывает. Все формы нации в целом и демократические нации, в частности, представляют собой общественные формации, имеющие самоуправление или общество лишено самоуправления, оно также перестает быть

нацией. В современных социальных условиях не бывает нации без управления. Даже у колониальной нации есть определенное управление, пусть даже оно и чужеземного происхождения. Невозможно говорить об управлении обществ, вступивших в процесс распада. Максимум, о чем можно говорить, — это контролируемое разрушение со стороны деструктивных сил, или же метод ликвидации основанный на длительном времени. В период существования собственной организации положение курдов было именно таким. Они лишались возможности не только консолидироваться в нацию, но и быть обществом. Руководство РПК и политическая линия АОК не просто остановили этот процесс, но начали новый процесс становления демократической нации на базе политического общества. На данном этапе курды, помимо процесса активного становления в качестве политического общества, организуют политическую жизнь в направлении консолидации в качестве демократической нации.

В наше время становление в качестве политического общества в общих чертах ведет к национальной консолидации по двум направлениям. Традиционный капиталистический путь — это путь ведущий к созданию национального государства. Если в условиях современного капитализма общество не имеет государства, государство распалось либо находится в состоянии разложения, то националистические и клерикальные политические линии обязательно ведут это общество к новой государственности, к национальному государству. Если у данного общества есть свое традиционное государство, но оно слабое, то такое государство заменят более сильным национальным государством. Второй путь национальной консолидации — это путь становления в качестве демократической нации. В частности, чреватый проблематичностью характер национальных государств сегодня толкает политические общества и их правящие силы к становлению в качестве демократической нации, вынуждает стать демократической нацией или путем реформ, или путем революции. Если в период восхождения капитализма национальные государства представляли собой господствующую тенденцию, то в современных условиях переживаемого ими упадка они все больше эволюционируют в направлении консолидации в демократическую нацию. В этом плане очень важно не отождест-

политическую силу с государственной властью. Политика не может быть отождествлена с властью и государством, которое является нормативной формой власти. В природе политики есть свобода. Политизированные общества и нации — это общества и нации, оставшие свободу.

Любое общество и нация, которые обрели силу государства и власти, не только не обретают свободу, но оказываются лицом к лицу с утратой своих демократических особенностей, если таковые имеются, и своих свобод. Поэтому чем больше мы очистим любое общество от фактов, имеющих характер государства и власти, тем более открытым оно будет для свободы. Необходимым фундаментальным условием того, чтобы такое общество и нация обрели свободу, является поддержание их постоянной политической позиции. Общество, удаленное от государства и власти, но не сумевшее стать политическим, оказывается в состоянии общества или нации, капитулировавшими перед анархией и хаосом. Общества и нации, которые в течение длительного времени не могут освободиться от анархии и хаоса, они разлагаются, распадаются и становятся материалом для другого, чуждого космоса. Хаос и анархия могут сыграть инициативную роль только временно и в течение короткого срока. Поэтому необходимо задействование политической составляющей. Политика не только обеспечивает свободу, она одновременно организует. Политика — это беспрецедентная организующая сила, своего рода искусство. Она представляет собой антагонизм подавляющей организационной мощи государств и властей. Насколько сильна политика в обществе и нации, настолько же слабыми будут в них силы государства и власти, они вынуждены ослабевать. Может происходить и обратное. Насколько сильны в обществе или нации силы государства и власти, настолько же слабой будет в ней политика, стало быть, свобода.

АОК, играющая стержневую роль в строительстве демократической нации, по-турецки переводится как «Союз демократических обществ Курдистана», и может восприниматься как ответ на поиск демократической автономии. Умение АОК играть роль органа демократической политики является безотлагательной потребностью консолидации демократической нации. Смешивая АОК с национальным государством, умышленно вводят всех в заблуждение.

АОК в принципе исключила национально-государственную модель из числа своих конструктивных инструментов. Он не является ни первой, ни последней стадией национально-государственной модели. Они оба представляют собой концепции власти, качественно отличающиеся друг от друга. Несмотря на то, что с точки зрения организационной схемы АОК несет в себе определенные особенности, похожие на структуризацию национального государства, по сути своей он совершенно иной. Народный Конгресс, как орган, принимающий решения в рамках АОК, по своему смыслу означает «Народное собрание». Свою значимость он завоевывает тем, что благодаря ему народ становится творцом своих собственных решений. Народное собрание, или Народный Конгресс, является демократическим органом. Это альтернатива развитию под руководством высших слоев процесса национальной консолидации, или буржуазных элементов. Народный Конгресс представляет собой развитие процесса национального становления под руководством народных классов и слоев интеллигенции. По своей сути он отличается от буржуазной парламентарной системы. В силу наличия суверенных национальных государств он вынужден организовывать свою избирательную систему и центры проведения собраний при соответствующих условиях. Исполнительный Совет АОК представляет собой сконцентрированную и централизованную структуру каждодневного управления. Он обеспечивает координацию трудовых единиц, разбросанных в массах народа. Он должен координировать, управлять и защищать ежедневные организационно-практические усилия в плане становления демократической нации. Нельзя путать с государственными правительственными органами. Это гораздо ближе к конфедеративной системе демократических гражданских обществ. Избираемый народом Орган Генерального председателя АОК является выражением наиболее общего высшего представительского уровня демократической нации и контролирует соответствие между всеми организациями АОК, а также применение основных политических мер.

У АОК существуют проблемы легализации с суверенными национальными государствами. Несмотря на то, что приоритет отдается легальной деятельности, неприятие этого со стороны национального государства приводит к двойственной власти и припад

нию в Курдистане. Ясно, что стремление установить одновременно управление государства и АОК на одних и тех же территориях и обществах может способствовать возникновению напряженности и столкновений. Если предложения по легализации и узаконению, направляемые соответствующим государствам, не найдут понимания, напротив, приведут к задержаниям и эскалации силы, то, вполне очевидно, АОК тоже не остановится перед тем, чтобы в одностороннем порядке применить свою власть и управление. Прямые и косвенные переговоры, которые АОК ведет с соответствующими национальными государствами, начиная с момента провозглашения в 2005 году, до сих пор не завершились урегулированием в рамках закона. В случае, если диалоги не дадут положительного результата, в предстоящем периоде неизбежным станет односторонняя самореализация АОК в Курдистане в качестве правящей силы и власти в среде курдского общества и компактно проживающих меньшинств.

Самореализация АОК в одностороннем порядке во всех аспектах демократической нации станет началом нового периода. Это время будет отличаться от того периода, когда РПК создавала организацию, и того периода, когда пыталась развернуть революционную вооруженную войну. В предстоящем периоде речь будет идти не просто о партии и управлении войной. Опять же, наряду с работами, проводимыми РПК и НСС, а также оборонительными войнами, основной задачей этого периода будет созидание демократической нации и управление ею во всех аспектах. Очевидно и то, что в данный период, в новых условиях будут иметь место серьезное соперничество, стычки и конфронтация между институтами и силами национально-государства и АОК. В городах и сельской местности возникнут различные органы управления и власти.

3. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В процессе становления демократической нации в социальной жизни происходят важные перемены. В эпоху современного капитализма традиционная жизнедеятельность подвергается большим преобразованиям. Старое общество переживает кардинальны

изменения. Современность на уровне термина более всего дает себе знать в преобразованиях социальной жизни. Большая часть перемен связана с модой, касается формальной стороны. Основные категории современности продолжают свое существование. Развитие и преобразование города, класса и государства не касаются их сути. Во всех трех категориях имеет место значительное количество явлений бутафорского характера. Городская, классовая и государственная структура общества в рамках системы капиталистического накопительства разрастается, подобно раковой опухоли. Хотя в силу собственных противоречий старая система цивилизации и обладает структурой, способствующей частым кризисам, но упомянутые противоречия не обладают тем характером, который бы полностью подвергал бы опасности процесс развития общества, способствовал его разложению и росту канцерогенных тканей. Способ капиталистического накопительства превращает расширение общества в раковую опухоль, чтобы использовать его в силу своей природы. Если быть не просто свидетелями, а нормально воспринимать как господствующую тенденцию социальной жизни то, что в современных мегаполисах с числом населения больше двадцати миллионов власть национального государства проникает вплоть до капилляров общества, а образование классов стремится к формированию однородного общества, — как это назвать, если не неизлечимой социальной болезнью? Все научные показатели свидетельствуют о том, что планета не вынесет такого разрастания окружающей среды и общества. Надо говорить не об обществе, живущем в данной ситуации, а о чудовище, которое все потребляет. Если в древнем обществе Левиафан характеризовал только государственную власть, то современный капитализм сегодня превратился в чудовище, которое пожирает все живое на планете. Капиталистическая современность сама по себе является чудовищем, Левиафаном.

По отношению к женщине, являющейся древнейшей рабыней, господствующая современная жизнь превратилась в некую ловушку, капкан. В условиях капитализма женщина доведена до такого состояния, что уместно было бы назвать ее «королевой потребляемого товара». Женщина не только эксплуатируется бесплатно, но ее труд еще наименее оплачиваемый, она является основным инструмен-

ном снижении оплаты труда. Она является главным элементом гибкой эксплуатации. Это своего рода индустриальная машина рождаемости, постоянно обеспечивающая систему новым поколением. Это главный инструмент рекламной индустрии, инструмент реализации сексистской власти. Инструмент реализации безграничной власти и власти господствующего мужчины, причем от мировых империй вплоть до скромного внутрисемейного «императора». Это фактор, порождающий власть для тех, у кого вообще нет власти. Женщину ни на одном из этапов истории не эксплуатировали так, как в период современного капитализма. Поскольку прочие формы рабства, коими являются порабощенные дети и мужчины, идут следом за женским рабством, в социальной жизнедеятельности, стимулированной капитализмом, все, кроме господ, эксплуатируются настолько, что просто превращены в детей, не умеющих мыслить, как взрослые. Социальная жизнедеятельность современного общества доведена до такого уровня, который характерен для пожилого человека, превратившегося по своему мышлению в малое дитя, боюсь того, эта жизнедеятельность преобрела характер порабощения. Высказывание Гитлера о том, что «народы и общества любят, когда ими управляют как женщинами» выражает именно данную ситуацию. Семья, сформировавшаяся вокруг стержневой роли женщины и являющаяся наиболее древним институтом общества, сегодня переживает разложение, причем, опять же, все это происходит вокруг женщины. Разрушителем семьи является характерный для капитализма способ накопительства. Можно ожидать, что в результате использования именно таким способом общество будет истощено и возвращено в атом уже по мере того, как будет разрушена основная его клетка, коей является семья.

Как бы ни развивалась медицина, она не сможет остановить распространение в обществе болезней, которые растут, как снежный ком. Само по себе развитие медицины является диалектическим подтверждением того, как развиваются болезни. Другим ожидаемым серьезным последствием является то, что капиталистическая система, сама по себе являющаяся невротической и канцерогенной, задушит этими болезнями индивидов общества. Национализм, клерикализм, авторитарность и сексизм являются мыслительными и чувственными генами капитализма, который

постоянно воспроизводит болезни индивидуумов и институтов. Усиливающиеся физиологические болезни являются показателями интеллектуальных и психологических недугов, в свою очередь являющихся последствиями, которым способствует разлагающееся и разрушающее общество.

В современной социальной жизнедеятельности на образовании возложена обязанность по воспитанию асоциального эгоистического типа. И либеральная индивидуалистическая жизнь, и национально-государственная жизнь гражданина реализуются, будучи запрограммированными в соответствии с потребностями капитализма. С этой целью создана громадная индустрия, называемая образовательным сектором. В данном секторе личность в течение двадцати четырех часов подвергается бомбардировке мысли и души, превращается в некое асоциальное существо. Такого рода личность перестает быть нравственной и политической. Путем создания таких личностей, превращенных в подхалимов власти, озабоченных ежедневным потреблением, погоней за деньгами, сексизмом и властью, общество фактически разрушается в корне. Образование уже используется не для нормального развития общества, а для его разрушения. Подтвержденные разработками реалии, которые относятся к социальной жизнедеятельности, заключаются в том, что она давно уже поставлена на грань пропасти «или общество, или ничего».

Какие бы фальсификации ни совершались от имени псевдонаучных исследований в направлении интересов капитализма, жизнь человека прежде всего носит общественный характер. Общество существовало еще задолго до государства и капитализма. Человек стал человеком именно в обществе. Если бы не было простого, похожего на семью кланового общества, которое так не нравится нам, но которое существует уже миллионы лет, не было бы ни городов, ни классов, ни государств, ни цивилизации. Не город, класс, государство и цивилизация развивают общество, а наоборот, именно общество реализует все эти факты и явления. В жизни человека ничто не может заменить собой общество. Отказ от общества, перестать быть обществу, отказ от человечества — перестать быть человеком. Прежде всего демократическая нация настойчиво стремится остаться обществом. Она настаивает на сохранении существования общи-

ства, против капиталистической современности, которая стремится стереть общество, чтобы общество продолжало жить как социально-историческая действительность. Наряду с выделением отдельного пункта для женщины и семьи, в силу их важности, следует еще рассматривать общество как семью. Именно эта семья на протяжении всей истории реализует человека. Деньги, власть, секс, футбол и прочие божества современности, к которым привязано сегодня все, появились гораздо позднее, и они категорически не способны сформировать личность, напротив, потребляют ее.

Демократическая нация — это альтернативная современность, реализуемая свободной личностью, гражданином. Демократическая нация — это альтернативное общество, противостоящее уничтожению социума, это демократическое общество, противостоящее власти и государству, или полному отсутствию общества. Это общество, стремящееся сохранить свое существование на почве свободы и равноправия в противовес процессу социального истощения, применяемого любыми методами неравенства и рабства. Можно уверенно прийти к таким определениям, оценивая демократическую нацию с позиции жизнедеятельности общества. Общество демократической нации — главное условие жизнедеятельности здорового общества. Они возвращает к своей сути то самое общество, которое было полностью потреблено нацией-государством. Здоровое общество воспитывает здоровую личность. У личности, которая интеллектуально и духовно здорова, растет сопротивляемость физическим заболеваниям, и эти болезни уменьшаются. Поскольку понимание смысла образования у демократической нации преследует цель создания социальности и свободной личности-гражданина, заново создается диалектика развития личности с обществом и общества с личностью. Вновь становится актуальной роль наук в плане консолидации общества, обретения свободы и равноправия. Демократическая нация — это национальная идентичность общества, получившего верные знания о своем существовании.

АОК, играющая роль стержня в процессе превращения в демократическую нацию курдского общества, доведенного современным капитализмом до края пропасти уничтожения, является гарантией жизнедеятельности свободной личности и демократического общества. Это основной инструмент достижения курдами и их об-

ществом осознания собственного существования. Развивая при этом индивидуальный и политический аспекты общества, АОК обеспечивает достижение осознания реальности собственного существования. В наше время демократическая нация это такое общество, которое достигло уровня осознания своего существования и защищает себя при помощи такого осознания. Курдское общество, подвергнутое культурному геноциду в тисках национальных государств, может сломать рамки навязанного ему режима отрицания и уничтожения только при помощи своего становления в качестве демократической нации. Демократическая нация, АОК и свободная личность — это неделимое целое.

4. СВОБОДНАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Известно, что у каждой особи живой природы есть три основные функции. Это пропитание, защита своего существования и продолжение рода. Аналогичные функции есть не только у биологических особей, называемых нами живыми существами, но и у любого универсального образования, которое само по себе совершает действия живого существа. Эти основные функции у человека достигают несколько иной стадии. В человеческом обществе рационализм достигает такого этапа развития, что если позволить, может положить конец существованию всех биологических особей. Невозможность существования жизнедеятельности человеческого вида станет реальной сама по себе как принцип, если биологическую эволюцию остановить в определенной точке. Это очень серьезный парадокс. Если человеческий вид, численность которого уже сейчас превышает семь миллиардов, продолжит развиваться имеющейся скоростью, то в очень короткие сроки биологический порог будет пройден, и станет очевидной невозможность дальнейшей жизнедеятельности человека. Подобной ситуации способствует человеческий рационализм. Стало быть, следует остановить чрезмерный рост численности человеческого вида, дабы рационализм не достиг биологического порога. Существование и размножение — очень странные явления. Некая машина, которую можно назвать разумом природы, постоянно играя стабилизиру-

вою роль, поддерживает баланс между существованием и размножением. Но человеческий рационализм впервые противостоит этому стабилизирующему механизму. Понятие обожествления, по сути, зародилось от этого рационализма. Божество в рационализме опущает человека, не знающего границ. Рациональные способности человека привели к возникновению богов, религий и прочих идеологических систем.

То, что одноклеточные немедленно делятся и размножаются, чтобы не умереть, ясно с точки зрения постоянства жизненных процессов. Инстинкт размножения у всех живых существ, стоящих выше человека, является выражением стремления к бесконечному существованию. Мечта о бесконечной жизни — это мечта, все еще не осознанная, и в таком плане крайне ограничены возможности постижения. Вопрос необходимости осознанного характера мечты о жизни — предмет отдельной дискуссии. Но вполне очевидно, что вопреки тому, как мечта о жизни будет осознанной, это перестанет означать, что продолжением рода можно понять смысл жизни. Жизнь одного человека или жизни миллионов людей — это одно и то же. Размножение не только не делает жизнь осмысленной, но еще искажает и искажает силу сознания. Постигание самопознания, вне всяких сомнений, является магическим явлением Вселенной. Не случайно этому присвоен божественный эпитет. После того как человек обретет силу самопознания, для него уже не будет основной проблемой продолжение рода. Продолжение рода сознательным человеком не просто нарушает баланс существования прочих живых существ, но и ставит под угрозу силу сознания самого человека. По сути, основной проблемой сознательного человека не может быть проблема продолжения рода. В человеке природа достигла такой стадии, что продолжение рода перестало быть для него проблемой. Можно сказать, что инстинкт продолжения рода у человека, как и у всех живых существ, вечен и постоянно будет продолжаться. Верно. Но это инстинкт, который вступает в противоречие с силой разума. Таким образом, неизбежным становится признание преимущественной роли разума. Если Вселенная, насколько мы можем об этом знать, только при помощи человека впервые постигла силы самопознания на самом высоком уровне, то, возможно, ощущение дальнейшего переживания, то есть познания Вселенной является

истинным смыслом жизни. Это уже означает преодоление перехода от жизни к смерти, и невозможно представить более волнующий и свойственный человеку праздник. Это своего рода постижение нирваны, абсолютного разума, так что выше этого не может быть иного смысла жизни или счастья!

Ослабление жизни в курдском обществе больше всего можно наблюдать вокруг такого фактора, как женщина. В общественной культуре, которая реалистически объединяет названия «жизнь» и «женщина» (слова «Jin», «jiyan», «can», «şen», «cihan» все происходят от одного корня и все они выражают понятия «жизнь» и «женщина»), потребительское отношение к жизни и роли женщины является основным показателем социального ослабления. Все, что осталось от культуры, заложившей фундамент цивилизации вокруг личности женщины, положившей начало культу богини, — это грандиозная слепота и тяготение к инстинктам. Жизнь общества в погоне за традициями, отрицанием и уничтожением, в тисках современного капитализма — это жизнь, в которой женщины полностью обречена на безысходность. Понятие «честь», имеющее в виду женщину, как будто это последняя оставшаяся у нее цитадель защиты, по сути, выражает состояние, весьма далекое от понятия «nomos»=«закон» или «правило». Столь острое восприятие чести женщины представляет собой крайне острое социальное бесчестье. Чем больше отдалилась или отдалена женщина от понятия социальной чести, то есть основных ценностей, которые помогают ей выстоять, тем более парадоксальный характер принимают слова о «женской чести».

После того как курды утратили общественную честь, не понять того, что они не смогут отстоять и женскую честь, — не просто невежество, а безнравственность, совершаемая от имени нравственности. Понятие о чести, которое хотят утвердить под лозунгом «женская честь», исходит не от силы, а от бессилия исчерпавшего себя в нравственном и политическом смысле курдского мужчины, который хочет самоутвердиться, только поработав женщину. Боль, которая причинена ему и его обществу иноземным господством, мужчина хочет компенсировать путем навязывания своей власти женщине. Это своего рода самотерапия. Ясно то, что несмотря на тяжесть рабства в общемировом масштабе, нигде больше

нет такого рабства, которое настолько же тяжелое, как и положение курдской женщины. Другой стороной этой действительности является повсеместно распространенная многодетность курдских семей. Невежество и отсутствие свободы приводят к тому, что в подобных обществах единственным путем продолжения своего существования считается рождение большого количества детей. Это явление, с которым можно столкнуться в любом обществе, где неразвито самосознание. Парадокс заключается в том, что ввиду отсутствия других неотъемлемых компонентов жизни, коими являются безопасность и пропитание, третий компонент — многодетность — приводит к серьезным проблемам. Безработица растет как снежный ком. Впрочем, это чрезмерно разросшееся население является источником роста числа рабов с минимальной заработной платой, к которому так стремится капиталистическая система прибыли. Традиция цивилизации и современность, объединив свои усилия, именно так, в лице женщины, реализуют свою разрушительную деятельность.

Мы постоянно говорим о том, что условия, в силу которых «женщина» и «жизнь» перестали означать «жизнь» и «женщина», отражают собой упадок и распад общества. Невозможно представить себе, что «революция», «революционная партия», «лидер» и партийец, сумели выполнить свою задачу, не проанализировав эту действительность и не мобилизовавшись на пути к свободе. Невозможно, чтобы они, завязавшиеся в гордиев узел, смогли вывести из такого узла других и добились их освобождения. Самый важный в этом плане результат революционной народной войны, развернутой РПК, относится к тому, что спасение и свобода общества возможны только с помощью осознания положения женщины, ее спасения и освобождения. Но, как мы уже говорили, курдский мужчина имеет крайне искаженное понятие о чести, или, если точнее, в научном плане — не в состоянии определить свое бесчестье в абсолютном подстве над женщиной. Именно это ужасающее противоречие и требует серьезного урегулирования.

Не будем повторяться, поскольку в предыдущих разделах говорили о таких усилиях. На пути к строительству демократической нации в свете этого опыта надо сделать все, противоположное тому, что было до сих пор сделано во имя чести. Я говорю о курдском

мужчине, чей истинный образ перевернут с ног на голову, и в какой-то степени я говорю о самом себе. Это должно быть так: мы обязаны полностью оставить свое чувство собственника в отношении женщины. Женщина должна принадлежать лишь самой себе (быть своей). Более того, она должна осознавать то, что у нее нет хозяина, и она принадлежит только самой себе. Мы не должны привязываться к женщине никакими узами, включая меланхолию и любовь. Действительно и обратное. Женщина тоже должна перестать быть зависимой, привязанной к хозяину. Таким должно быть первое условие революционера, бойца. Те, кто успешно пройдет эти испытания кто в определенном смысле взрастит свободу в себе, могут начать строительство нового общества и демократической нации со своей освобожденной личности.

В данном случае мы доходим до реального определения любви. Любовь может, хоть и с большим трудом, но достичь потенциала своей реализации, обретая свой социальный смысл только в том случае, если те, кто не в состоянии сейчас остановить распад и разложение общества, откажутся от своего понимания чести, сконцентрированного вокруг женщины (на самом деле это, скорее, бесчестье), и совершат поступок бойца, встав на путь созидания демократической нации.

В процессе становления демократической нации большое значение имеет освобождение женщины. Обретение свободы женщиной означает обретение свободы всем обществом. Общество, обретшее свободу, — это демократическая нация. Мы говорили о революционном значении изменения роли мужчины. Смысл этого заключается в продолжении собственными силами процесса становления демократической нации вместо того, чтобы продолжать возлагать на женщину обязательства по продолжению рода и осуществлять свою власть над ней. Необходимо создать идеологическую и организационную силу данного процесса и установления собственной политической власти. Это будет идеологическое и политическое воспроизводство, обеспечение интеллектуального и духовного усиления вместо физического размножения. Такие реплики обеспечат природу социальной любви. Любовь ни в коей мере нельзя принижать до уровня чувственности и полового влечения двоих людей. Более того, не следует поддаваться привлекатель-

ности внешней красоты, начисто лишенной культурного смысла. Капиталистическая современность — это система, построенная на отрицании любви. Отрицание общества, ожесточение личности, проникновение сексизма во все сферы общества, обожествление денег, преподнесение национального государства вместо бога, превращение женщины в бесплатного или крайне низкооплачиваемого работника — все это может означать отрицание материальной основы любви.

Надо хорошо знать природу женщины. Сближение с женщиной на почве биологической тяги к женскому полу и построение отношений с женщиной на этой основе говорит об изначальной утрате любви. Как нельзя биологический союз назвать любовью, так же нельзя назвать любовью и половое совокупление на биологической основе. Мы можем назвать это все нормальной деятельностью по воспроизводству живых особей. Для этой деятельности совершенно нет необходимости в том, чтобы быть человеком. Впрочем, животные-люди совершают такие действия очень легко. Тот же, кто хочет истинной любви, должен прекратить такое воспроизводство животных-людей. Мы можем сделать женщину своим достойным другом и товарищем по мере преодоления в себе силы восприятия ее как объекта полового влечения. Наиболее сложными отношениями являются дружеские и товарищеские отношения с женщиной, которые оказались выше простой сексуальности. Даже при совместном проживании с женщиной на условиях равноправного супружества в основе этих взаимоотношений должно быть созидание общества и демократической нации. Мы должны выйти за пределы восприятия женщины в традиционной и современной роли жены, матери, сестры и любимой. Прежде всего мы должны поставить во главу угла человеческие отношения, основанные на смысловом союзе и общественном строительстве. При необходимости мужчина должен суметь отказаться от жены, ребенка, матери, отца, любимой, но ни в коем случае не может отказаться от своей роли в нравственном и политическом обществе. Сильный мужчина никогда не станет умолять женщину, не будет бегать за ней, не будет ее бить, ругать, ревновать. Даже если его жена или любимая захочет расстаться с ним, мужчина не должен и пальцем трогать ее. Даже после определенной драматичности, если таковая будет иметь место, он должен всячески под-

держивать ее, чтобы она жила так, как хочет. Если мужчина хочет жить с женщиной в связи, базирующейся на сильной идеологической и общественной основе, он должен оставить выбор за женщиной. Чем больше развит уровень свободы, свободный выбор, действия, основанные на собственной силе, тем больше смысла и красоты будет в союзе с такой женщиной.

Идеальная жизнь, основанный на свободном волеизъявлении супружеский союз мужчины и женщины может состояться, если достигнуты успехи в современных условиях, в нашей социальной действительности, в сложном процессе созидания демократической нации. В современном Курдистане в жизни курдского общества диалектика осмысленной любви в большей степени имеет платонический характер. Это не любовь. Платоническая любовь — это любовь мысли и действия, поэтому она и ценна. Не является любовью постоянное проживание даже с самой красивой в мире женщиной. В принципе, после периода недолгого союза начинает проявляться двуличие, потому что это обусловлено взаимоотношениями, установленными без определенного смысла или исходя из биологической потребности. В противовес этому в практике РПК и АОК множество молодых мужчин и женщин, которые еще вчера были слугами, никогда не были вместе, на почве платонической любви совместно строят демократическую нацию своего народа, своими большими достижениями подтверждая, насколько яркими личностями являются. В этом плане у нас есть сотни замечательных товарищей, героически отдавших жизнь борьбе. Это великие герои, сумевшие стать такими же, как Мам и Зин.

Я считаю долгом рассказать по этому поводу о собственном опыте. Насколько я помню, в детские годы я играл именно с девочками, и это казалось мне выражением свободы. Когда они подрастали и выходили замуж, в том числе и мои сестры, я уходил в мир своих ощущений, и мне казалось, что я их всех потерял. Когда немного подрос и столкнулся с тем, насколько жестко воспринимает общество понятие чести, я полностью отошел от этих позиций. Но это отступление происходило с разломом, что называется «поживому». Я постепенно стал понимать, что социум давно уже потерял женщину. Мне совсем не нравился созданный обществом тип взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Я догадывался и

ми, что этот статус базируется на лжи, и я не мог признать его, ведь при этом статусе мое стремление к общению с женщинами так и оставалось бы нереализованным. Я думаю, что моя мать, видимо, когда моего детства заметила это состояние и как-то сказала мне: «В таком состоянии ты не сможешь создать союз с женщиной». Я и сам не хотел, чтобы у меня в реальности была женщина. Я не знал, как надо жить, даже если бы захотел союза с женщиной. Я рос, оставаясь большим ребенком. Мужчины в моем окружении, стали мастерами познания женщин. У меня никого не было, я был один как черст. Вспоминаю сквозь мечты и ощущения интерес женщин ко мне. Вероятно, они воспринимали меня как некий «безнадежный объект». Точнее, они чувствовали, что я симпатичный малый, но отнюдь не от мира сего. Когда каждый искал себе жену, любимую, я в этих вопросах пребывал в совершенном бездействии. У меня не было никакой любви, даже к Богу. Я испытывал интерес только к установлению хороших дружеских отношений.

До моего внезапного и хлипкого брака у меня возникал интерес, который можно назвать платонической любовью. Осознавая божественную красоту женщины, я попадал под ее глубокое влияние. Но у меня не было ни сил, ни желаний передать ей эти ощущения. В основе этой платонической любви я всегда видел потерянную страну, Курдистан, утраченную идентичность и курда. Мне казалось, что у потерянной страны и утраченной идентичности не могло быть сильной, желанной, активной любви. Как жалко и больно, что эти мои предположения оказались правильными! Было бы ложью, если бы я сказал, что в основе моего внезапного и довольно краткого брака не было никаких чувств. Сказать, что этот брак имел глубоко политические цели, было бы двуличием. В этом браке были чувства, и политические цели. Не помню, кто сделал первый шаг, она или я. Не совсем правильно было бы говорить о случайности. На мой взгляд, единственное объяснение этой связи заключается в том, что у потерянной страны и утраченной социальной идентичности не может быть любви. Все происходящее подтверждает эти реалии. В те годы любовь никак не могла воплотиться в жизнь. Впрочем, услышанная мной музыка Араме Тиграна тоже говорил о том, что это невозможно. Могу сказать, что я приступил к организации РПК и революционной народной войны, чувствуя ярост

по поводу невозможности реализовать эту любовь, и могу сказать роли любви в данном вопросе. В нашей работе принимало участие множество женщин и девушек, и я испытывал к ним привязанность как к членам коллектива. Не было условий для любви между мужчиной и женщиной. Я так и не осмелился перейти к личной любви, которую в рядах РПК и вне организации испытывали практически все, кроме меня. Опять же моя нерешительность не давала сделать первый шаг. Точнее, я всегда считал, что такого рода любовь попросту невозможна. Эти размышления тоже были верными. В те времена мне в голову приходила такая мысль, как «невеста родины» — совершенно не было места таким мыслям, как «моя невеста». Были сотни девушек, которые по своей смелости, красоте и уму превосходили меня. Многие из них погибли в боях. Я всегда хотел дать понять, что принадлежу им, но это были напрасные усилия.

В таких случаях в личности, в объектах любви должна быть представлена свобода страны, освобождение общества и нации. Но это требует очень серьезной военно-политической борьбы, а также глубочайшей нравственной и идеологической силы. Более того, эта борьба не может существовать без эстетики и красоты. Те, кто переживает платоническую любовь, но хочет превратить свою любовь в собственность и проживать ее конкретно, должны соответствовать всем этим условиям. Если у них не хватает сил для соответствия этим условиям, то следует или продолжить свою платоническую любовь, или же просто вступить в брак, если и для платонической любви у них недостаточно сил, или они не придают этому смысла. Такой брак будет характерным для цивилизации (традиционный брак) и современности, для которой действительны биологические законы или рабское половое сосуществование. Не могут сосуществовать такие понятия, как любовь свободных людей, биологическое рабское сосуществование или внебрачные отношения. Закон любви не может вынести такого рода отношений.

Я многому научился у наших женщин-героинь, которые сохранили нравственное величие и богатство духа и погибли смертью героев. Пережитое рядом с ними, возможно, было любовью, ознаменовавшей возвращение потерянной страны и утраченной социальной идентичности, и это считалось важнейшей, огромной и

тинной любовью. Это была любовь, в которой было много преданности и двуличия, и я, таким образом, возрождал и воплощал в жизнь память о Маме и Зин.

5. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Национальное государство является властным инструментом господства над экономикой, основанной на реализации максимальной прибыли современного капитализма. Без этого инструмента не могут быть реализованы максимальная прибыль и накопление капитала. Оно является выражением того, что в истории цивилизации экономическая узурпация осуществлялась на максимальном уровне и на почве определенной легальности. Без точного анализа связи между максимальной прибылью и накоплением капитала невозможно дать точное определение национального государства. Национальное государство нельзя считать также самостоятельной системой власти и силы. Капиталистическая современность и, в частности, максимальная прибыль и накопление капитала, которые реализуются в отношении экономики, могут иметь место только тогда, когда государственная власть организована как национальное государство. Смысл этого заключается в том, что на протяжении истории господство национального государства над социальной жизнью более всего пришлось на долю государства, аннексирующего прибавочную стоимость, и реализуется такого рода государство. Покрытие лаком национализма и патриотизма, обожествление путем образования и проникновение вплоть до мельчайших слоев общества делается для того, чтобы узаконить систему узурпации, реализуемую в отношении экономики. Концепции, теории и институты, развиваемые в сфере закона, политэкономии, дипломатии и других сферах, с той же целью постоянно гонятся за легитимизацией. Совместное осуществление безжалостного террора и закона максимальной прибыли в сфере экономики, обрекая общество, с одной стороны, на наемный труд, с другой — превращая большую часть общества в армию безработных. Низкооплачиваемое рабство и громадная армия безработных становятся естественным следствием гонки за максимальной прибылью, национальног

государства и индустриализма. Эти три основных элемента современного капитализма реализуются только путем аннексии свободы экономической жизнедеятельности общества, его обречения на оплачиваемое рабство, превращения большей части общества в армию безработных и бесплатное, или низкооплачиваемое, женское рабство. Социальные науки капитализма в целом и политэкономия в частности — мифология, созданная, чтобы сделать невидимыми эти реалии и исказить их, поэтому не стоит им верить, а надо понять их истинную суть.

Курдистан и курдское общество, возможно, являются самыми основными примерами деятельности трех основных элементов современного капитализма в сфере экономической жизнедеятельности, и эта деятельность, выразившаяся в строительстве грабительской системы, доходит вплоть до культурного геноцида, превращения низкооплачиваемых мужчин и женщин в громадную армию безработных. Путем карательных операций, развернутых в ходе проведения культурного геноцида, осуществляемого суверенными национальными государствами в завуалированной форме и с нарастающим постоянством, Курдистан стремились лишить облик страны. Последние двести лет истории, по сути, стали историей лишения на этой почве облика страны и растворения в концепции «единая родина», которую продвигают национальные государства, стремящиеся установить свое господство над Курдистаном. Для курдского общества это история обречения курдов на ассимиляцию и резню, лишения работы и обречения на мизерную оплату труда, и вследствие лишения свободы экономической жизнедеятельности разбросанности курдов, превращения в некий объект утраты собственной идентичности. Если к нашествиям, агрессии, завоеваниям, грабежам, колониализму и ассимиляции, которым курдское общество испытывало на себе на протяжении всей истории цивилизации, прибавить три основных элемента современного капитализма (грабеж в ходе погони за максимальной прибылью, жестокость национального государства, разрушения, приносимые индустриализмом на волне технологического бума), то налицо будет курдское общество, которое вследствие культурного геноцида боится даже упоминания о собственном существовании. Это общество, которое утратило господство над своей экономикой (эко-

микой, которая была создана впервые в мире и вскормила все человечество) и свободный выбор, которое полностью перешло под контроль современного чудовища, навязанного чужеземными элементами и их приспешниками в курдской среде. Даже тот факт, что курды вынуждены работать за пропитание (как в поговорке о рыбе, попавшейся в сеть), показывает, что курдское общество вынуждено быть мишенью с целью полного уничтожения. Это общество, где женщины, построившие его экономику, полностью оставлены без работы и превращены в безработных или в орудие самого дешевого труда. Это общество, чьи мужчины разбрелись по всем частям света только того, чтобы добыть пропитание для своих семей. Это общество, в котором люди убивают друг друга за кусок хлеба или небольшой земельный надел. Ясно, что данное общество перестало быть таковым, разрушено и доведено до разложения.

Экономическая аннексия — это наиболее опасная из всех видов аннексии, самый варварский метод унижения, разложения и разрушения общества. Курдское общество доведено до бездыханного состояния, при этом свою роль сыграли не столько статусы национальных государств, сколько узурпирование экономических инструментов общества и взятие их под полный контроль. Общество, утратившее контроль над своими средствами производства и собственным рынком, не может продолжить свободную жизнедеятельность. Курды не только во многом утратили контроль над своими средствами производства и производственными отношениями: у них отобрали рычаги контроля производства, потребления и торговли. Точнее, стало возможным использование курдами своих собственности и их роль в торговле и промышленности только в той мере, в какой мере зависимы от суверенных национальных государств на почве отрицания собственного существования. Экономическая изоляция стала наиболее сильным орудием отрицания идентичности и отсутствия свободы. В частности, односторонние действия, проводимые в отношении рек и нефтяных залежей, уничтожили не только социально-исторические ценности, но и плодородные земли. Экономическая колонизация, активизировавшаяся после социальной и культурной колонизации, стала последним из среды смертельных ударов. Точка, до которой дошли курды, стала такой: «Или перестань быть обществом, или просто умри!»

Экономическая система демократической нации не только отменяет эти варварские меры, но и будет основываться на необходимости восстановления контроля экономики со стороны общества. Между национальным государством и демократической нацией должно быть как минимум заключено соглашение об экономическом самоуправлении; любое соглашение или решение, оказавшееся ниже этого уровня, будет означать капитуляцию и реализацию принципа «исчезни». Доведение экономического самоуправления до уровня независимости означало бы создание противостоящего национальному государству, что в итоге будет означать капитуляцию перед современным капитализмом. Отказ от экономического самоуправления означает капитуляцию перед господствующим национальным государством. Суть экономического самоуправления не основана ни на частном, ни на государственном капитализме. Будучи формой отражения демократии на экономику, она берет за основу экологически безопасную индустрию и социально ориентированную экономику. Границы, установленные для промышленности, прогресса, технологии, производства и собственности, это границы, в пределах которых должно происходить становление экологического и демократического общества. В экономическом самоуправлении нет места промышленности, технологиям, прогрессу, собственности, сельским и городским поселениям, отрицающим экологическое и демократическое общество. Экономика не может оставаться той сферой, над которой осуществляется накопление прибыли и капитала. Экономическое самоуправление — это модель, которая снижает до минимума уровень накопления прибыли и капитала. Экономическое самоуправление не только отвергает рынок, торговлю, разнообразие продукции, конкуренцию и продуктивность. Оно просто не приемлет главенства модели накопления прибыли и капитала во всех этих процессах. Финансовая система может быть результативной только в тех рамках, в которых она служит экономической эффективности и действительности. Формулу извлечения денег из денег оно воспринимает как наиболее нетрудоемкий тип эксплуатации, и поэтому в рамках экономического самоуправления этот тип эксплуатации не найдет себе места. Экономическая автономия демократической нации считает труд не тяготами, не каторжным трудом, а действием, способству-

лицем свободе. Принципом этого самоуправления является: «Труд делает свободным». Восприятие труда как тягот и каторжного труда обусловлено тем, что человек отчуждается от плодов труда. Когда плоды труда человека служат его идентичности и личной свободе, труд становится действием, которое совершается с любовью и радостью.

Экономическая деятельность, в которой нет места эксплуатации, воспринималась с огромным энтузиазмом во всех обществах, в первую очередь — в неолитическом обществе. Экономическая автономия демократической нации — это система, в которой такая радость вновь восторгается. Дамбы и плотины, построенные на реках Курдистана, способствуют полному уничтожению исторических памятников и экологической катастрофе. Нельзя разрешать строительство дамб, которые нарушают экологию, разрушают плодородную почву и исторический уклад; более того, нельзя возводить новые дамбы на месте действующих, когда закончится срок их эксплуатации. Если это возможно, не стоит избегать их досрочной ликвидации. Экономическое самоуправление, полное мобилизационного духа, восстает против отсутствия лесов, что является наиболее страшным и опасным врагом общества и живого мира, а также причиной эрозии почв. Объявляет защиту почв и озеленение окружающей среды наиболее священными видами труда, и этих двух видов работ достаточно для того, чтобы на столетия предотвратить такое явление, как безработица. Если в границах национального государства область наибольшей прибыли считается наиболее священной сферой накопления прибыли и капитала, то так в демократической нации самой священной сферой труда является область земледелия и лесные угодья. Общественная жизнедеятельность продолжается и без капитализма с индустриализмом, но без земли и леса общественная жизнедеятельность не может продолжаться. Впрочем, причиной безработицы является отрыв капитализмом от земли, села и леса. Дешевая рабочая сила и резервы в лице безработных всегда были нужны для извлечения капитализмом максимальной прибыли, и это факт, созданный при помощи силы. Возврат к земледелию и лесопосадке, одним словом, к экологической жизни, не просто устранит безработицу, но и спасет от подобного раковой опухоли городского общества. Это станет спасением и для

самого города. Разросшиеся как снежный ком города становятся такой опухолью. Впрочем, онкологические, как и многие другие болезни у людей тоже являются результатом этой городской жизни. Следовательно, возвращение к земле, к лесной деятельности, экологически чистому земледелию, к здоровому питанию — это не просто основной метод борьбы с безработицей, но и лекарство от всех болезней современности и урбанизации.

Социально ориентированное (коммунальное) хозяйство экономической автономии не следует путать с государственным капитализмом и экономикой. Она не может походить и на усилия по коллективизации в условиях реального социализма. Мы говорим об экономических единицах, наиболее близких к природе человека и окружающей среде. В коммуне нет места изнурительному труду и работам, которые не способствуют свободе человека. Мы говорим об источнике жизни человека, о модели, на которой основывалось общество на протяжении всей истории, утверждало свое существование, обретало сакральность и приветствовалось с воодушевлением. Где есть отдача, добро и воодушевление, там есть социально ориентированная (коммунальная) экономика.

АОК, будучи стержнем демократической нации, считает экономическое самоуправление и социально ориентированную экономику необходимой, по меньшей мере — как самооборону, и основывается на ней. Как без самообороны не может общество продолжить свое существование, так и без экономического самоуправления, без возвращения к защите земель, посадке лесов, экологии и коммуны невозможно пропитание общества и, следовательно, дальнейшее его существование.

Для экономической автономии нужен законный фундамент. Однородность и централизация, характерные для законов суверенных национальных государств, под видом правового единства становятся препятствиями для экономического творчества, экологии и конкуренции. Вместо такого правового понимания, основанного по сути своей на экономическом колониализме, ощущается серьезная потребность в местной экономике принимающей во внимание координацию с национальной экономикой, и ее самостоятельной деятельности. Очень важно такое экономическое право, которое не будет отрицать факт национального рынка, но также будет прини-

Привлечь во внимание динамику местных рынков. Правовая система с центральным центром является самым большим фактором консерватизма. Это полностью политически мотивировано и не имеет экономической логики.

В экономическом аспекте урегулирования курдской национальной проблемы в рамках модели демократической нации должен существовать законный статус экономического самоуправления. То есть, что без экономического базиса АОК не мог бы продолжать свою жизнедеятельность. Очень серьезное значение имеет степень развития местного права в экономических сферах, которые могут широко заинтересовать существованием курдского общества и его свободами. Местные экономические законы действуют во многих сферах, в частности в организации собственности, масштабов компании, речных ресурсов, подземных и наземных полезных ископаемых, структуры рынка, банковской системы, бюджетной структуры местных демократических властей, налогообложения и аналогичных сферах. Можно обеспечить соответствие между законами национальной экономики и местными экономическими законами.

Большое значение имеет экономическое управление АОК. Общество, утратившее свой экономический фундамент, не в состоянии существовать. Мы живем в эпоху такой экономики, когда полная экономическая независимость является экономической утопией, которая никогда не реализуется, но может быть экономика на платформе взаимной выгоды, но с широкой внутренней автономией. Стало совершенно очевидным, насколько бесполезной, угрожающей человечеству и совершенно невыносимой системой является современный капитализм. В противовес этому демократическая современность, основанная на демократических национальных единицах, воспринимается как альтернативная система для спасения от экономических кризисов, безработицы и голода.

6. ПРАВОВАЯ СТРУКТУРА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Демократическое право, это право, основанное на разнообразии. Еще важнее то, что редко обращается к правовому регулированию и имеет очень простую структуру. Суверенное националь-

ное государство — это форма государства, которая на протяжении истории больше всего развивает регулировки правового характера. Причина этого заключается в том, что происходит вмешательство во все дела общества, в частности, имеет место стремление ликвидировать нравственное политическое общество. Ранее социализм стремился решать существовавшие проблемы в большей степени нравственным и политическим регулированием. Капиталистическая современность постаралась привязать свою легализацию к правовым нормам. Чрезмерное вмешательство в дела общества и его эксплуатация общества способствовали обращению к сложному инструменту, называемому правом, которое формализует справедливость. Право — это не столько свод законов, регулирующих права и обязанности личностей и обществ, как это часто подчеркивается, а искусство управления при помощи чрезмерного множества законов, основанных на стремлении при помощи формального понимания справедливости узаконить грандиозное бесправие, которому на протяжении истории способствовал капитализм. Управление законами вместо нравственно-политических правил больше всего свойственно современному капитализму. Буржуазия, более всего отрицающая нравственность и политику, обращается к верховенству права, что придает ей самой громадную силу. Право в руках буржуазии становится серьезным оружием. При помощи закона она защищается от прежней нравственно-политической системы и от трудящихся, занимающих нижний ярус. Национальное государство в большей степени черпает свои силы из верховенства права, устроенного в одностороннем порядке. Право — это своего рода заповеди бога в лице национального государства. Оно предпочитает управлять обществом именно этими заповедями.

По этой причине демократическая нация крайне деликатна в отношении права, в частности конституционного права. Демократическая нация больше обращается к нравственно-политической сфере, нежели к закону. Необходимость в праве ощущается у нее тогда, когда она берет за основу модель сосуществования с национальными государствами под одним политическим сводом на основании достигнутого согласия. Значимость обретает дифференцированный подход к национальным законам и законам местного самоуправления. Закон национального государства, основанный

в односторонних интересах центральной бюрократии, постоянно сталкиваясь с сопротивлением демократических местных и культурных групп, вынужден освоить законы местного самоуправления. Во многих странах (в первую очередь это США и страны ЕС) существует федеральная или федеративная правовая система. Гораздо большее развитие получают системы, регулирующие интересы местного населения против центральной бюрократии и монополистического капитализма.

Поскольку существование Курдистана и курдов постоянно подвергалось отрицанию и уничтожению, не был разработан предусматривающий права курдов закон. В османской системе у курдов было неписаное, и обычное право. Идентичность курдов и Курдистана в процессе национально-освободительной борьбы, несмотря даже на то, что был принят закон о курдских реформах, начиная с 1925 года методом заговоров, переворотов и ассимиляции стремились уничтожить и стереть курдов как нацию из истории. Борьба РПК, несмотря на конкретное обозначение факта существования курдов, до сих пор не смогла обеспечить признания в рамках законов. Период эгидой АОК возьмет за основу следующее: или национальные государства в законном порядке признают существование курдов или же АОК будет в одностороннем порядке развивать свое право на автономию. АОК сочтет первостепенным делом установить свое место в национальных конституциях. В этой первоочередности старается обеспечить отражение своего статуса демократической автономии в национальных конституциях государств. Во многих странах ЕС, куда стремится войти Турецкая Республика, при такой тип урегулирования. Впрочем, под мирным и демократическим урегулированием курдской проблемы подразумевается именно национально-демократическое конституционное (законное) приглашение при наличии статуса демократической автономии. В Ираке реализовано такого типа решение, которое очень активно обсуждается в Турции и Курдистане. Если на основании соглашения, которому АОК придает первостепенное значение, она не достигнет успеха в национально-демократическом конституционном приглашении с законным статусом демократической автономии вторым путем, который тоже будет считаться приоритетным, следовательно переход в одностороннем порядке к демократическому автономному

му управлению. Демократическое автономное управление в Курдистане, не являясь управлением в правовых рамках национального государства, станет управлением демократической современности в местном и региональном масштабах.

7. КУЛЬТУРА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Культурный аспект является важным элементом в формировании наций. Культура в узком смысле выражает традиционное мышление и чувственную истину обществ. Религия, философия, мифология, наука и различные сферы искусства в узком смысле формируют культуру общества. Они отражают своего рода состояние духа и мысли общества. Когда нации формируются национальным государством или просто государством, культурный мир подвергается колоссальному искажению и распаду. Капиталистическая современность не может примет традицию такой, как она есть, со всеми истинными составляющими. Она примет, лишь сделав вытяжку всего необходимого и подвергнув преобразованиям в своих интересах. То, что она навязывает обществу и личности под маркой культурной истории со своим ярлыком, это нечто совершенно иное; это полный антипод истории под названием истории, это отсутствие культуры во имя культуры. Иными словами, подходя избирательно к истории и культуре всего человечества сквозь призму интересов и корысти капитализма, они представляют эту историю и культуру так, как будто рисуют живую картину. Капиталистическая современность и национальное государство, являющееся его основным элементом, в этом смысле представляют собой деятельность по очернению и искажению величественной традиции и культуры. Это большой удар по истории и культуре, представляющим собой истину, потому что иным способом капитализм не сможет легализовать свое правило извлечения максимальной прибыли и накопления капитала. Современность и национальное государство не смогут реализоваться путем реконструкции истории и культуры под свои интересы. Возникающая современность и национальные государства представляют собой действительность и истину, отличающиеся от истории и культуры.

Демократическая нация стремится сформироваться, возвращая историю и культуре их истинный смысл. Искаженные и направленные

не к гибели история и культура испытывают свое собственное Возрождение в рамках демократической нации. Впрочем, Ренессанс, занявший место на закате Средневековья в Европе, означал повторное оживление или второе рождение греческой и римской истории и культуры. Позднее все страны и народности Европы, базируясь на итальянском примере, в период расцвета Ренессанса положили начало процессу становления демократических наций. Это означало, что каждый народ вновь обрел свою собственную историю и культуру (преодолев влияние католицизма, то есть универсальности) и формируется как демократическая нация. Во время национального становления Европы изначально господствовали элементы, основанные на истории и культуре. Эти элементы в основном были историей и культурой народов и народностей. Таким образом, формирующихся нациях преимущественной была тенденция к демократии. Позднее, когда получила развитие тенденция к образованию класса буржуазии, особенно когда она обеспечила свою победу в период Французской революции, характер демократической нации был превращен в национальное государство с ярлыком власти и государства. По сути, во всех крупных европейских революциях, в первую очередь — во время Французской революции, а также, хоть и с опозданием, Великой Октябрьской революции, имела место контрреволюция национального государства по отношению к демократической нации и революции демократической нации. Национальное государство стало самым крупным контрреволюционным движением, развернутым против великих революционных движений народов и трудящихся Европы. Национальное государство или национальное становление, реализуемое любым государством в Европе, а позднее и во всем мире, оборачивались мощными контрреволюционными движениями, организованными капитализмом и буржуазией против социализма и пролетариата, их демократических национальных революций, революционной национальной солидарности и интернационализма.

В сущности, любое национальное государство — это контрреволюция, диктатура, фашизм, организуемый капитализмом, буржуазией и их партнерами. Капиталистическая система и класс буржуазии, ставший ее автором, надевали на себя личины революционеров в борьбе с менее эффективным в сравнении с ними феодализмом и

его представителями, феодальными княжествами и монархиями. Но все же в конце концов против них боролись народы, и это были революционные национально-демократические движения народов. И победа была их заслугой. Буржуазия внедрилась во все эти народные революции и национально-демократические движения. Применяя экономическую мощь, всесторонне развивая против национально-демократических революций свои националистические национально-государственные и государственнические национальные контрреволюции, фактически оставила свой отпечаток в этой эпохе, находившейся под ее же гегемонией. Буржуазия установила и вознесла гегемонию новой цивилизации, то есть современной капиталистической эпохи в мировом масштабе.

Самой большой ошибкой основателей научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса была поддержка этой национально-государственной контрреволюции, которая стала побеждать в середине XIX века в Германии и Италии. Эта ошибка стала и по сей день является вторым после удара буржуазии большим ударом по национально-демократическим революциям и движениям народов. Впоследствии обернулись серьезными потерями и болью для миллионов трудящихся, народных масс и наций.

Революции, развернувшиеся в 1919–1922 гг. в Анатолии и Месопотамии во имя создания демократических наций, действительно были творчеством народов. Победа этих революций обеспечилась союзом народов. В тот период это находило выражение также во всех выступлениях М. Кемалю, возглавившего эту революцию. Двумя важнейшими силами национальной революции были турецкий и курдский народы. В идеологическом и политическом смысле они выражались в турецком, курдском, еврейском (сабетаистском) и черкесском патриотизме, исламской общности и коммунистическом союзе. Таким образом, победа, завоеванная этим союзом, стала демократической национальной революцией, направленной против империализма и его приспешников. Но что сделала клика, которую можно назвать буржуазией? Те, из кого состояла массовая буржуазия, которая называлась младотурками (подавляющее большинство не имело никакого отношения к туркам) и собралась в обществе «Единение и прогресс»? При помощи каких заговоров им удалось оставить свой след на власти и на национальной револю-

ции? Все ученые и интеллигенция, имеющие совесть, знают, что общество «Единение и прогресс» было организацией заговора и переворота. Все, кто знаком с вопросом, знают, что эта организация, захватив власть, наложила отпечаток сначала на революцию Конституции, а затем, уже в период Первой мировой войны, на новую власть. Следует хорошо понять, как им удалось проникнуть в национальную революцию 1919–1922 гг., как устраивались заговоры, покушения и перевороты теми, кто, в частности, сотрудничал с английской гегемонией. Именно они в результате заговора выжили в Черное море и утопили лидера Коммунистической партии Турции Мустафу Супхи и весь состоявший из пятнадцати человек Центральный Комитет, хотя большевики, которых они представляли, играли стратегическую роль в победе национальной революции. Черкез Этхем и его окружение, которых иттихадисты, опять же путем заговора, вынудили искать убежища в греческой армии, были именно теми людьми, которые на пути к национальной революции подавили значительное количество контрреволюционных выступлений. Большая часть тех людей, которых иттихадисты убили, ставя на них клеймо религиозных фанатиков, по сути, были представители исламской уммы, сыгравшей важнейшую роль в национально-освободительной войне. Мехмет Акиф и Саид Нурси, которые после победы были отправлены в ссылку, до этой победы служили национальной революции. Именно иттихадисты во время революции и после нее отрицали и безжалостно убивали курдов, шиитов и суннитов, хотя от Кочгири до Дерсима, от Сулеймани до Диярбакыра курдский народ с пониманием встретил призыв Мустафы Кемалю о стратегическом союзе и сыграли стратегическую роль в победе революции. Эти же иттихадисты нейтрализовали М. Кемалю и загнали его в тупик глубокого кризиса — сначала путем покушений, а затем уже путем мифического пафоса и обесчелования его образа.

Кто же они такие? Мы называем их «белыми турками», подавляющая прослойка которых не имела никакого отношения к туркам, которые были остатками общества «Единение и прогресс». Не важно, как их звали, важна их суть. Совершенно очевидно, что это были контрреволюционеры национального государства, вставшие на путь буржуазного развития, узурпировавшие государственную

власть, которые заговорами, переворотами и покушениями повлияли демократическое национальное движение, развивавшееся и в период Конституции, и в период Республики, брали под свой контроль движения и не стеснялись признаваться в том, что для Гитлера ставил их в пример. Если мы хотим реально смотреть на современную историю Анатолии и Месопотамии, Турции и Курдистана, их национальную революцию, реализованную как союз демократическое общество, мы просто обязаны очень хорошо знать контрреволюцию и контрреволюционеров этой контрреволюции. Иначе мы никогда не сможем правильно осознать новейшую историю и историю республики. В частности, не сумеем хорошо и в достаточной степени изучить историю и культуру народов Анатолии и Месопотамии, обладающих столь же древней историей и культурой, сколь древней является история человечества. Тем не менее существование этих народов по-прежнему отрицают и продолжают их уничтожать. Но ведь, не изучив и не освоив это, мы не сможем успешно реформировать и развить союзы и движения народов, проживающих на этом же географическом пространстве, но уже направив на рельсы демократической нации.

Решение курдской проблемы на основе демократической нации связано прежде всего с точным представлением о курдской истории и культуре. Правильное определение истории и культуры народа способствует определению общественной жизнедеятельности. Быть национальным обществом означает овладеть знаниями об истории, культуре и духе народа. Начало процесса отрицания и уничтожения курдской истории в период Республики (аналогичные меры применялись к курдам и в истории прочих национальных государств) было заложено тогда, когда отрицалась ранняя история курдов и уничтожалась культура. Ликвидации подвергались сначала элементы духовной, а затем уже элементы материальной культуры. Именно поэтому начало образования РПК с получения знаний об истории и культуре было правильным. Стремление раскрыть историю и культуру курдов с помощью аналогии с историей и культурой народов мира, провозглашение этого процесса при помощи манифеста «Путь курдистанской революции» сыграли роль революционного Ренессанса в том, что курдская история и культура обрели свою новую жизнь. Можно сказать, что становление курдов как на-

ратической нации при помощи этого манифеста стало важным фактором. Множество героических событий подтвердило право на жизнь курдской культуры, прошедшей испытание войной после депортации в августе 1984 года. Если бы идеологическо-политическая линия РПК и возглавляемой ею народной войны была бы несправедливой и неправильно отражала бы курдскую историю и культуру, то курды попросту не смогли бы продолжить свое существование. В конце концов, в этот период многие группы и личности подошли к решению проблемы с подобными идеалами, но многие не сумели правильно заявить свои права на историю и культуру курдов, так и не смогли избежать ликвидации.

Созидание курдской демократической нации качественно отличается от созидания нации, которое пытаются осуществлять с националистических и государственнических позиций. Она отличается не только от господствующей национально-государственной идеологии, но и от курдских национальных и государственнических подходов и поэтому выдвигает идею строительства демократической нации, которая является альтернативой национальным действиям, основанным на истории и культуре трудящихся и всех народов.

Курдское демократическое национальное строительство заявляет свои права на роль в национальной революции 1919—1922 гг., которую сыграли курды, но которая настойчиво отрицается на протяжении всей истории Республики. Национальная революция не только же является турецкой национальной революцией, насколько же и курдской, а также и всеобщей — всех остальных союзников принявших участие в ее завоевании. Идеология национального созидания считает контрударом по революционному народническому характеру революции тот факт, что в дальнейшем союзники были изгнаны из власти, их история и культура начисто отрицались. Считает сопротивление курдов этому удару законным, прогрессивным и освободительным. Более того, заявляет, что стратегический союз курдов и турок, начавшийся с битвы при Манцикерте (1071 г.), основан на принципе добровольности, и, несмотря на то, что этот союз пережил различную деформацию, с этой даты курды и турки были двумя основными союзниками в различных образованиях власти и государства. Между историями и культурами двух народс

существует тесная общность и взаимосвязь. Признает, что турки и курды сыграли общую стратегическую роль в истории Ближнего и Среднего Востока на протяжении последнего тысячелетия. ИИ и АОК конкретизировали и усилили свои идеологические и политические подходы в отношении истории и культуры курдов, содержание которых раскрылось еще больше в этой Защитной рече. Открыто для более широких национальных объединений и союзничества с другими народами, при этом ориентируется на открытое демократическое мировоззрение. Считает, что путь истинного освобождения и свободы народов Ближневосточного региона пролегает через актуализацию и строительство союзов и глобальных объединений имевших место в культуре народов Ближнего и Среднего Востока на протяжении всей истории (наиболее конкретным примером для нас является исламская умма).

Курдская демократическая нация, обретающая в период АОК более структурный характер, представит опыт нового национального строительства, которое во всех аспектах станет моделью для народов Ближнего и Среднего Востока. Политике отрицания истории и культуры национальными государствами, которые не в состоянии выйти за рамки своих функций агентов западной современности противопоставляется Ренессанс революционной и демократической нации, благодаря которому начнется переход к новой эпохе, возвышению эпохи демократического модерна.

8. СИСТЕМА САМООБОРОНЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

В мире живых существ у каждого вида есть своя система защиты. Нет ни одного живого вида, не защищающего себя. Даже сопротивление, проявляемое любым элементом, любой частицей Вселенной для сохранения своего существования, можно считать самозащитой. Ясно, что сопротивление, проявляемое против разрушения, против отчуждения от собственной идентичности, находит свое выражение в концепции самозащиты. Если это сопротивление утрачивается, то такой элемент или частичка разрушается, перестает быть самим собой, превращается в другой элемент. Что касается мира живых существ, то если преодолевается самозащита,

живое существо или становится пищей других живых существ, погибает.

Та же система более чем подходит для человеческого вида и общества. Субстанция, столь уязвимая для угроз, как человеческий вид и общество, без мощной самозащиты не в состоянии существовать длительное время. Защита человеческого вида является несколько биологической потребностью, настолько же и социальной. Биологическая защита осуществляется инстинктами самосохранения, свойственными каждой живой особи. Что касается социального аспекта защиты, то здесь все индивидуальности сообщества защищают себя, объединившись в группу. Численность и форма организованности даже постоянно меняются в зависимости от возможностей защиты. Защита — это истинная функция общества. Без нее невозможно представить себе жизнь. Как известно, двумя другими основными функциями одушевленных существ является пропитание и воспроизводство. Одушевленные существа не могут продолжать свое существование без пропитания и воспроизводства, но они так же не могут продолжить свое существование без самозащиты. Другой важный вывод, который можно сделать из самозащиты в мире одушевленных существ, заключается в том, что эта защита направлена на сохранение своего существования. У одушевленных существ нет системы установления господства и эксплуатации особей одного вида, даже других видов. Впервые система господства и эксплуатации получила свое развитие у человеческого вида. Здесь свою роль сыграли развитие мышления человеческого вида и связанное с ним добывание прибавочного продукта. Эта ситуация принесла с собой не только сохранение собственного существования, но и защиту ценностей труда, то есть социальные войны.

С точки зрения курдов самозащита на протяжении всей истории, исходя из конкретных условий жизни, постоянно имела большое значение. Курды постоянно подвергаются агрессии, поскольку являются потомками первой волны тех сообществ, которые наиболее глубоко и длительно пережили неолитическую революцию. Излишки продукции, источником которых стала земледельческая революция в регионе Плодородного Полумесяца, поневоле стали постоянной причиной агрессий. Так прошли тысячелетия. По мере того, как развивались системы цивилизации, основанные на из

лишках продукта, начался период системных и планомерных падений со стороны сил, основывающихся на городских, классовых и государственных институтах. От цивилизации Шумера до США, которые стали последним гегемоном современной господствующей цивилизации, в отношении этого же региона не прекращаются постоянные прямые и косвенные агрессивные проявления со стороны бесчисленных сил цивилизации.

Агрессия, развернувшаяся в течение последних двух столетий вместе с появлением современного капитализма, обрела несколько иной характер. Системы сохранения собственного существования, то есть системы самозащиты, развернутые в горных областях еще в виде родоплеменных сообществ, начиная с древних времен по настоящее время, оказались недостаточно сильными, чтобы устоять перед инструментами агрессии, основанными на капиталистической системе. Впервые на повестке дня оказалась угроза утраты собственного существования курдов. Для курдов национально-государственная структура современного капитализма означает не только утрату своей свободы, но приводит также к опасности утраты собственного существования. Программа и действия по созданию системы «единого языка», «единой нации», «единой Родины» в рамках политических границ приводит к отрицанию и уничтожению других языков, наций и родин, находящихся в этих же границах. Во всех частях родины, где оказались насильно разбросанные курды, они подверглись процессу отрицания и уничтожения национальными государствами. Национальные государства, поддерживаемые гегемонистскими силами, установили в качестве основной политики ликвидацию курдов и Курдистана. Когда были сломлены попытки сопротивления, оказавшиеся крайне недостаточными, наступил черед упадка и разрушения общества, его уничтожения посредством ассимиляции.

Движение РПК, зародившееся как реакция на этот процесс, развернутый во всей своей глубине, изначально было движением самообороны прежде всего курдского народа. Движение самозащиты, которое вначале разворачивалось как идеологическое и политическое, за короткое время перешло в стадию самозащиты, основанное на взаимном применении силы. Оборона, изначально основанная на принципе защиты жизни только партийных кадров и симпати-

ующего населения, после акции 15 августа 1984 года расширились, распространив свои функции на весь народ. Движение, превратившееся в войну народа ради своей самозащиты, подверглось спланированной агрессии всех заинтересованных гегемонистских сил, в первую очередь сил НАТО-«Гладио». В «пятой колонне» этого населения заняли места все те, кто боялся хаоса, который могут построить в регионе курды, ведь за ними останется последнее слово по поводу их судьбы в Курдистане. Несмотря на это, повстанческие войны нанесли удар по политике отрицания, уничтожения и ассимиляции. Они конкретизировали право народа на собственную идентичность и решительное желание жить свободно. Если прежние ухищрения, которые осуществляли национальные государства в отношении курдского народа, и не завершились полностью, то все равно прежних амбиций у этих государств уже не осталось. Началась стадия признания идентичности и уважения к автономной жизнедеятельности. Данная ситуация совершенно нова с точки зрения самозащиты. РПК попыталось оценить эту ситуацию посредством деятельности АОК.

Важной и незаменимой главой программы АОК по созданию демократической нации является проблема связи самозащиты с постоянной систематикой. Новая политика отрицания, уничтожения и ассимиляции, при первой же возможности применяемая национальными государствами, которые являются единственными монополиями вооруженной силы, просто вынуждает систем самозащиты АОК обрести постоянный характер. Минимальное условие сосуществования с национальными государствами — это конституционная гарантия сохранения идентичности и свободы курдов. Если конституционных гарантий окажется недостаточно, тогда будут вестись поиски конкретных условий этой гарантии, действенно установленных отдельными законами. Необходимо, чтобы курдское общество самостоятельно решало вопросы безопасности, помимо вопросов совместного национального противостояния внешней агрессии, потому что любое общество само может наилучшим образом обеспечить свою внутреннюю безопасность в соответствии с необходимостью. Следовательно, заинтересованные национальные государства (централизованные национальные государства Турция, Иран, Ирак и Сирия) должны провести

серьезные реформы в своей политике внутренней безопасности. В случае, если АОК обеспечит мирное и демократическое решение силы обороны, то есть НСС (Народные силы самообороны), должны будут реорганизоваться. Несомненно, реорганизация потребует новых законов. Ясно, что и речи не может быть о такой системе, как полки хамидийе и новые «сельские охранники». Могут быть только новые силовые организации, основанные на консенсусе с национальными государствами и совершенно законно имеющие отношение к внутренней безопасности.

Если не будет достигнут консенсус с заинтересованными национальными государствами, то АОК постарается реорганизовать качественное и количественное состояние своих сил самообороны в соответствии с необходимостью и произведет это на базе однородного строительства своей демократической нации. Реорганизуемые силы НСС будут нести ответственность за защиту процесса демократического национального становления во всех сферах и во всех аспектах, учереждая демократическую национальную власть. Демократическая нация будет нести ответственность за безопасность жизни и имущества граждан, находясь в состоянии постоянной борьбы со всеми национально-государственными мерами, которые ведут вплоть до культурного геноцида (против военных, политических, культурных, социальных и психологических противостояний). Без самообороны не может быть жизни, деятельности и свободы курдов и Курдистана.

9. ДИПЛОМАТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Еще одним институтом, получившим наибольшее развитие в национальном государстве, являются дипломатические отношения между национальными государствами. Дипломатия устанавливает формы деятельности, предшествующей войнам, которые происходят между нациями. Можно считать дипломатию также подготовительной стадией войн, вспыхивавших в истории национальных государств. Между различными сообществами, существовавшими на протяжении всей истории, были определенные формы сосуществования, и все это имеет большое значение. То, что национальные государства возвели такие отношения в ранг институтов, объясняется

монностью современного капитализма к прибыли. Если отношения в мирное время приносят больше пользы, то нет необходимости в войне. При помощи дипломатии разрабатываются связи, обеспечивающие прибыль. Если тенденция к максимальной прибыли связана с войной, то никакие дипломатические силы не смогут препятствовать этой войне, даже если приложат максимум совместных усилий. В таком случае функции дипломатии исчерпаны. Дипломатии, сниженной до уровня прибыли, не осталось ничего общего с нормальными отношениями между обществами, что существовало на протяжении всей истории. Дипломатия превращена в орудие войны за прибыль между национальными государствами. Она уже является средством укрепления не мира, а войны.

Дипломатия, которая в ходе развития демократической нации вновь станет инструментом мира, солидарности и конструктивных торговых связей между обществами, сможет решать проблемы. Она будет служить не войне, а миру и взаимовыгодным отношениям, являясь выражением высокой миссии где высока ценность нравственности и политики, и где основную роль играют мудрецы. В частности, дипломатия будет иметь важное значение для сохранения и роста дружеских отношений между соседними народами и родственными сообществами, а также в развитии взаимовыгодных процессов. Дипломатия — это созидательная сила сообществ и их синтеза на более высоком уровне.

В истории курдов постоянно существовали многосторонние дипломатические отношения, причем как позитивной, так и негативной направленности. Сильная раздробленность и изолированность сообществ способствовали тому, что большое значение стала обретать посольская деятельность, и если это находило верное выражение, то вносило неоценимый вклад в социальную жизнедеятельность. Если же эта деятельность осуществлялась в угоду негативным намерениям и различным личностным и клановым интересам, то она приводила к вражде и противостоянию.

Сегодня курды испытывают огромную потребность в осмысленных дипломатических механизмах, причем как в сфере внутренних взаимоотношений, так и во взаимоотношениях с соседями и в мировом масштабе. Позитивная дипломатическая деятельность играет большую роль в достижении и сохранении свободы курдов. В новой

истории, в условиях современного капитализма курды, вероятно, больше всех в мире были принесены в жертву дипломатическим играм. В процессе разделения Ближнего Востока и установления в регионе гегемонии современного капитализма на протяжении XIX и XX вв. курды всегда были в роли жертв. В частности, курды стали наиболее трагической жертвой во времена Первой и Второй мировых войн. Роль, отведенная курдам в дипломатии Ближнего Востока (дипломатия национального государства) всегда была ролью пешек на шахматной доске, и такая ситуация постоянно приводила к очень тяжелым последствиям. Курды испытали трагедию массовых истреблений, доходящих до геноцида. И здесь роковую роль сыграли не только курдские коллаборационисты, но и отдаленность курдских повстанцев от современных способов борьбы.

Если принять во внимание тот факт, что объединенное курдское национальное государство имеет мало шансов на существование как в конъюнктурном, так и в классовом плане, то станет ясно, что дипломатические шаги, предпринимаемые в этом направлении практически не будут иметь конструктивных шансов. Известно, что деятельность, осуществляемая в этих целях на протяжении последних двух столетий, не привела к позитивным результатам. Сама суть курдской проблемы не благоприятствует успеху. Национальная государственная дипломатия в отношении курдов была свидетельницей многих негативных ролей, крайне далеких от конструктивности, попросту усугубивших противоречия между частями страны и сделавших их уязвимыми для действий враждебных национальных государств. Именно поэтому ощущается глубокая потребность в новой дипломатии, в дипломатии демократической нации.

Дипломатия демократической нации прежде всего должна развить общую платформу для курдов, раздробленных в силу различных обстоятельств. Эта платформа, в которой больше всего нуждаются курды, должна быть поставлена в центр дипломатической деятельности. Вся прочая дипломатическая деятельность, в частности дипломатия, которую каждая организация пыталась проводить самостоятельно, в угоду собственным интересам до сих пор как видим, приносила больше вреда, чем пользы, служа скорее делу раздробления, разделения и столкновений между курдами. Таким образом, развитие единой для всех курдов дипломатии является

одной из основных национальных задач. Жизненно важной задачей курдской дипломатии является проведение **Демократического национального конгресса**. Демократический курдский конгресс должен стать основной целью всех курдских организаций и личностей, кроме того, на основе данного конгресса должна реализоваться институализированная курдская дипломатия, которая станет единым для всех курдов рупором и единой политикой. Никакая организация и никакие мотивы не имеют права откладывать эти жизненные задачи или пренебрегать ими. Постоянно откладываются задачи, пренебрегает ими люди, живущие ради своих личных узких корпоративных интересов. Хорошо известно из истории и то, что именно такие позиции и такие личности приводили к большим бедам. Дипломатия, основанная на приоритете Курдского Федерального региона Ирака, очень важна, но вместе с тем не может удовлетворить потребности всех курдов. Она не может ответить на все потребности, и нет условий, позволяющих это сделать. Дипломатия, способная удовлетворить ожидания всех курдов, может быть выработана только на базе Демократического национального конгресса. Следовательно, преимущественной задачей является созыв **Демократического национального конгресса** и провозглашение общей национальной демократической организации.

Основные задачи предполагаемого **Демократического национального конгресса** могут быть перечислены следующим образом:

а. **Демократический национальный конгресс** является постоянно действующей организацией. Необходимо обеспечить оптимальное количество лиц и организаций, представляющих в конгрессе все классы и прослойки. Здесь следует учесть роль всего населения и женщин курдского народа, настойчивость и решимость в борьбе.

б. **Конгрессом** избирается постоянный **Исполнительный Совет**. Совет несет ответственность за реализацию практически политических связей между всем курдским народом. Внутренняя и внешняя дипломатическая деятельность, экономические, социальные и культурные связи должны осуществляться конгрессом в структурном виде.

в. Силы самообороны всех организаций должны быть соединены в единый орган «пешмерга», что подразумевает создание общего командования силами народной самообороны. Определенная ини-

циатива каждой организации определяется реальными возможностями и боеспособностью его воинских частей.

г. Подчиненное Конгрессу Бюро, или Комитет внешних сношений, несет ответственность за отношения между всеми государствами или силами гражданского общества, в первую очередь в тех национальных государствах, где компактно проживают курды.

Взаимоотношения АОК и Иракского регионального курдского руководства с Демократическим национальным конгрессом должны определяться наиболее оптимальным статусом. Обе организации могут действовать единым фронтом, в тесной связи с Исполнительным Советом Конгресса. Деятельность, осуществляемую совместно с этими двумя организациями, является важной проблемой, требующей обсуждения и соответствующего решения. Ясно, что между созиданием демократической нации, осуществляемым АОК, и национально-государственным строительством, проводимым Курдским региональным руководством Ирака, долгое время будут продолжать иметь место противоречия идеологического и политического характера. Демократический национальный конгресс может стать здесь конструктивной объединяющей организацией. Дипломатия демократической нации способна сыграть стабилизирующую, конструктивную роль в отношениях между народами нациями Ближнего и Среднего Востока, тогда как дипломатия национального государства ведет ареал к хаосу и конфликтам.

10. В ПОИСКЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Дитя человеческое сталкивается с самой серьезной для себя проблемой, во всяком случае, тогда, когда приобщается к социуму. Стоит пор, как я себя помню, самое тяжелое впечатление у меня осталось от взаимоотношений с понятием «честь», которое было предметом постоянных споров с моей матерью. Получалось так, что в условиях сельской жизни того времени первостепенным условием общественного становления было соответствие критериям чести. Иметь честь означало жить в границах правил семьи, то есть ее понятий чести. Будучи ребенком, я не мог обладать врожденными знаниями о чести. Иметь честь — это обстоятельство, связанное с социумом

общение к которому происходит позднее. Мать старалась воспитать меня к социуму — во всяком случае, в своем понимании путь к этому, по ее мнению, пролегал через преданность всеобщим правилам и устоям. Именно по такой причине между родственниками вспыхивали конфликты. Возможно, я, будучи еще ребенком, уже считал недостаточными и неверными устои семьи. Тогда впервые восстал против традиции. Такого рода противоречия длились очень долго. Проблема семьи переросла в проблему женщины, которая, в свою очередь, — в проблему свободы и демократии. Проблема демократии, в конце концов, переросла в проблему демократической нации.

Я уже говорил о своем отношении к мечети, религии. Изнавещав и обратился к религии самым почтительным образом. Я читал около тридцати трех молитв, стал любимым учеником муфтия-имамма. Даже пробовал быть имамом при совершении намаза в составе небольшой группы, которую я собрал из учеников начальной школы. В этом плане было все в порядке. Но в изучении образа бога в религии стали проявляться мои личностно-интеллектуальные проблемы. С каждым днем мой разум все больше и больше охватывали следующие вопросы: кто же есть Бог? как выглядит? Углубление в религию не решало этой проблемы, напротив, усугубляло ее. Пытаясь разрешить это противоречие при помощи философии, я совершил свои следующие шаги, которые привели меня к знакомству с социальными движениями. Они выработали решимость изучить научный социализм. Я делал это с трудом, который мне обходился довольно дорого. Главным вопросом, ставшим самым настоящим отношением к социализации, был вопрос курдской идентичности; данная проблема изначально для меня была не знакома, но мне было известно, что мне необходимо было ее себе знать еще в начальной школе, где обучение было на турецком языке. Эта проблема ранила меня глубоко, но я был не в состоянии проделать долгий путь в поисках решения. Ни мой теоретический уровень, ни практическое содержание не позволяли тогда сделать даже самый малый шаг. В дальнейшем, когда я осознал, что в решении всех проблем, связанных с семьей, религией, философией, социализмом, лежит побег от курдской идентичности, я понял, что мне никогда не смогу отвернуться от этого призвания углубить проблему и найти ее решение.

Признание и осознание курдской идентичности в качестве проблемы начиная с 1970-х гг. охватили всю мою жизнь. Я связывал идентичностью все проблемы, которые возникали в связи с моей личностью. Тогда я осознал и поверил, что без решения проблемы курдской идентичности нельзя будет решить ни одну из существующих материальных и духовных проблем. Идеологические и организационные события, начавшиеся после этого, превратились в своего рода мои новые поиски самого себя. Изучение курдской идентичности и мои усилия по решению этой проблемы в каком-то смысле стали моим новым этапом самопознания. Время, когда я разбирался в самом себе, было моим социальным становлением. Поскольку я ранее уже касался этих поисков, повторяться не станут философские толкования моих воспоминаний частично привлекают внимание. Конкретное отражение курдской культуры в мышлении и чувствах происходило с помощью музыки, у которой были очень ограниченные возможности. С детства я слушал произведения на курдском языке. Мерямхан, братья Джизреви стали первыми музыкальными голосами, которые я услышал. Но когда в атмосфере Анкары я впервые услышал голос Араме Тиграна, это произвело на меня совершенно иное впечатление. Когда мною позже я стал вновь рассуждать об этом, то пришел к выводу о том, что этот голос был намного ближе к курдской действительности, в частности, к реалиям курдского народа, озвучиванию его истины. Именно поэтому я признал в искусстве еще одну форму раскрытия истины. В этом голосе одновременно были и призыв к курдской действительности, и звучала «безнадежная любовь». Таким образом, его голос в высшей степени соответствовал моим переживаниям. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, я пытался раскрыть суть курдской проблемы при помощи идеологических поисков, с другой стороны, подкреплял эти поиски музыкой. Музыка и идеологические поиски в ракурсе курдской проблемы уже шли рука об руку.

В эти годы в аналогичной форме получил развитие мой интерес к женщинам. Для меня тоже могла иметь место чувственная привязанность, которая, естественно, свойственна всем молодым людям. Но я предельно отдалился от биологических и традиционных подходов к женщинам, даже интерес в этом плане во мне не про-

улился. Женщина, находящая свое выражение в условиях города, имела современный вид. Это привлекало мое внимание, но подойти к совершеннолетней девушке в рамках турецких традиций для меня было столь же маловероятно, как добраться до легендарной горы Каф, что на краю земли. Я не находил в себе ни сил для этого, ни желания добиваться этого. Когда я порой обращал внимание на некоторых курдских девушек, это тоже пробуждало во мне мотивы надежной любви, что проходили в музыке Арама. Как я уже ранее отмечал, мое высказывание в отношении некоторых лиц, типа «Ряд этой девушки должен быть достойным свободы», было тесно связано с курдской действительностью и курдской проблемой. Несколько музыка Арама отражала состояние «безнадежного факта» курдской действительности, настолько же выражение, замеченное мной на лице курдской девушки, отражало то, что курдская действительность столь же безнадежный факт, но оно настойчиво подчеркивало то, что если у меня есть хоть какое-то понимание чести, то я не должен оставлять этот безнадежный факт, то есть курдскую действительность. Стало ясно, что я не смогу связать свою судьбу с женщиной в том состоянии, которое ожидала от меня мать, то есть в традиционном смысле брака. Но женщина модерна давала о себе знать своей недостижимостью, как гора Каф, если речь шла о турчанке, и явлением безнадежной любви, если речь шла о курдянке. Интерес к женщине, который испытывали окружавшие меня молодые курды и турки, не казался мне ни этичным, ни эстетичным. Тем самым, я даже не задумывался о том, чтобы, вдохновившись их примером, установить близкие отношения с какой-то девушкой.

Несмотря на это, стоит понять то, что я внезапно попал в заблуждение о супружестве. В соответствующих разделах труда я уже пояснял, что это был подход, сочетавший в себе определенные идеологические, этнические, политические и психологические аспекты. В те годы я воспринимал такое испытание как некий вызов. Мой брак совершенно не был ни духовным, ни традиционным. Но с точки зрения анализа той идеологической и политической картины, которая сложилась вокруг женщины, я с большим трудом заставил себя принять тот факт, что такой брак является предельно важным опытом, и надо не столько жить в браке, сколько не бояться этого. В частности, я должен особенно подчеркнуть то, что такие взаи-

моотношения привели меня к действительности курдов-алени и женщины, и мне было «поразительно тяжело» установить с этой действительности с курдской идентичностью и проблемой решением этой проблемы, но это стало уроком, который дал мне многое. Если бы я не смог решить эту проблему, или оказался побежденным, крайне тяжело было бы говорить о том, что мои поступления по поводу курдской действительности были сколько-нибудь успешными.

Если вкратце раскрыть это с моих позиций, то могу сказать, что в период 1950–1960 гг. я отвергал семейное сообщество, в 1960–1970 гг. я так и не смог воспринять традиционное общество, а в 1970–1980 гг. я не воспринял современное общество. Я был той моей личностью, которая не могла социализироваться, оставшись в одиночестве. Мои прогулки по селам в детстве, религиозные группы и группы, исповедовавшие левую идеологию, все это были экспериментальными социальными шагами, которые я реализовывал вокруг себя. Такие убежденные шаги, как апочизм и РПК, указывали направление к самобытным новым общественным формациям, но пока что были только идеями. Я искал и хотел, чтобы пришли курдскую социальность. Имел место поиск истины для курдов. У ислама не было той истины, которую можно было бы выразить с точки зрения курдов. Поскольку он был сварен в одном котле с национализмом, больше всего использовался в роли нигилизма. Левое мышление называло реалии своими именами, но не раскрывало их сути. Вооруженная самооборона ближе к 1980-м годам уважением воспринимала реальность, с которой была тесная связь. Переворот 12 сентября 1980 года был важным испытанием истины. Сопротивление и развитие были аргументами, подтверждающими ценность связанной с нами действительности как истины. Если бы я столкнулся с побегом без сопротивления, то курдская действительность, с которой я хотел быть тесно связанным, испытала бы большой удар.

Таким образом, сопротивление и идеологическо-политические процессы, происходившие после 1980 года, имели большое значение в выражении курдской действительности как истины. Переход к вооруженному сопротивлению и призыв народа к вооруженной борьбе были историческими шагами. В обстановке всеобщей к

дуляции это помогло бы еще лучше услышать голос истины. Волнующая борьба именно в этот период нашла бы свое отражение в самом сильном и справедливом голосе истины. Так оно и было. Несмотря на то, что в техническом и тактическом смысле была не очень хорошо, акция 15 августа 1984 года все же стала ярким отражением курдской действительности. Давали о себе знать курды, которых мы искали, волнообразно подчеркивали свое существование, несмотря на все недостатки. Становилось больше ашугов и музыкальных групп, росло число друзей. Я рвал узы одиночества и общался к обществу. Истина, по которой я ностальгировал, усиливала реальную истину. В высшей степени оживляющими были в эти годы факты личных посещений ашугами мест дислокации партизанских отрядов, а также то, что во время празднования Науруза в лагерях собиралось более десяти тысяч человек. Приезд Арама Мирана ко мне и открытие телевизионного канала Мед ТВ начали давать надежду в «безнадежную любовь». Волнующим был поток ашугских песен на эти мероприятия. Я впервые с гордостью обнимал их. Мы часто вместе танцевали, порой я сажал их на свои плечи. Я буднично сравнивал с землей понятие женского стыда, и, видя в их лице реализацию свободы жизни, я чувствовал, как все лучше и лучше становится и становится красивее смысл жизни.

То, что курдский народ в эти годы, несмотря на большие потери и перемены, продемонстрировал силу борьбы и верности идее, связано с постижением истины и пониманием, что это и есть наибольшая человеческая гордость и основополагающий нравственный принцип. В противном случае никак не объяснить то, как удалось курдскому народу выдержать натиск «Гладио», являющейся самой законспирированной невидимой военной организацией наиболее развитых мировых гегемонов. В эти годы мы часто использовали лозунг «Независимый, объединенный, демократический Курдистан». Скажу искренно, я не очень-то верил в реальность этого лозунга. Реальностью, которая больше всего согревала и усиливала меня, был подъем народа. Невозможно было не испытывать волнение и большое уважение к народу, который поднялся на свою войну, всячески поддерживал ее, по одному жертвовал своими самыми ценными людьми и дочерьми. Все, что я делал, это внесение своего вклада в борьбу курдов за свою правду, для чего должен был использовать

весь свой разум и чувства. Никакие усилия не могли быть важнее действий, совершаемых ради этого. Самоотрешенность народа и его лидеров привела в себя и почти оживила даже такого человека как я, с моим сомневающимся мышлением и нестабильными чувствами. Пока я пытался найти курдов, они возродили меня.

Когда это необходимо, когда речь идет о существовании, когда народы оказываются перед пропастью утраты свободы и достоинства, неизбежной становится борьба народов. Никакой иной метод, кроме вооруженной борьбы, не может помочь сохранить жизнь, свободу и достоинство. Для курдов данный период оказался именно таким. Война была прежде всего методом дальнейшего существования, а затем уже свободой и спасением. Фашизм, пришедший к власти 12 сентября, введя политику невиданного доселе запрета на использование родного языка, был жестко настроен открыто довести до полного завершения политику уничтожения курдской идентичности, которая ранее уже использовалась в скрытой форме. Война стала единственным для курдов методом сохранения собственного существования. Впрочем, остальные пути самовыражения были полностью исключены. Говоря о том, что они были нереальны, я имею в виду другие группы. Курдам не оставлялось никакой иной возможности сохранения собственного существования, свободной жизнедеятельности. Война, какой бы ценой она ни велась, какими бы последствиями ни была чревата, стала не просто единственным путем реализации своего шанса на свободную жизнь, но едва ли не лекарством для сохранения собственного существования. В конце концов, известно, что остальные силы, не обратившиеся к этому средству, полностью выпали с повестки дня, с поверхности социальной жизнедеятельности. Реальности, которую они представляли, оказалось недостаточно для сохранения их жизни и деятельности.

В этот период для меня было очень странным найти истинный смысл борьбы за честь, о которой мне постоянно говорила мать. Моя мать, по сути, хотела объяснить мне правило жизни в обществе. Но поскольку она была не в состоянии точно выразить переживаемые реалии, выдвигала ошибочные цели, время и применение. Эта борьба за собственное существование фактически стала спасением чести общества, существования и чести курдов. Данный

борьба впервые позволила обрести право на достойную жизнь. всех курдов, восставших и развернувших войну за свою жизнь, и место факта обретения права на жизнь. В эти годы не было осознания разницы между смертью и жизнью. Важным было обретение права на достойную жизнь. Одним из примеров этого стало сопротивление в тюрьме Диярбакыра. Самопожертвование Мазлума Догу во время празднования Науруза, акция самосожжения совершена Ферхатом Куртаем, Неджами Онером, Эшрефом Анйыком и Мухаммедом Зенгином, гибель Кемале Пира, Мехмета Хейри Дурмушакифа Иылмаза и Али Чичека в результате бессрочной голодовки — все это было войной чести. Они были солдатами народной войны. Провозглашенный всеми ими лозунг: «Победим в борьбе за честь!» — выражал именно эти реалии.

Когда мы в конце 1978 года приняли решение о провозглашении РПК, имела место примерно такая же ситуация. Была одержана победа в идеологической и политической борьбе. Но постоянно существующие группы наших сторонников стали явным доказательством того, что мы встали на путь достойной жизни и подтверждение своего существования. То, что происходило в конце 1998 г., было не столько доказательством реальности, сколько самой реальностью. Когда система «Гладио» на самом высоком уровне открыто совершила акцию против меня, не было тревоги предыдущих лет. Я чувствовал себя даже в каком-то смысле лучше. Вопросы определения которого я испытывал трудности, это вопрос о том, что было завоевано, что является грузом, от которого следует избавиться. Эта дилемма занимала мои мысли в период пребывания в Москве и Риме. Оглядываясь, я лучше понимал: то, что я считал утраченным в те годы, было утопией национального государства. Поскольку я старался воспринять научный социализм и как науку и как идеологию, я не был особенно спокоен в вопросах власти национального государства. Я не находил места для государства в своих идеологических и научных поисках не просто потому, что конъюнктура не благоприятствовала. Что касается жеманства и ее приспешников на Ближнем и Среднем Востоке, то это меня крайне беспокоило. Магия национального государства особенно привлекала меня. Добавление к сотне примеров еще одно, курдского, национального государства не соответствовало т

миру, ради которого я пребывал в глобальных поисках. Но я годами не мог совершить свой выход из-за продолжавшегося влияния системы реального социализма.

В Риме я услышал еще одно музыкальное произведение. Будучи под домашним арестом в больнице, я услышал эпос «Дервише Авди» в исполнении Баве Салиха. Я не был знаком с эпосом, но музыка впечатляла. Неизвестно, насколько знал исполнявший эту песню ашуг содержание самого эпоса. На мой взгляд, этот эпос был выражением ностальгии по курдской национальной государственности еще со времен Ахмеде Хани. Опять же, он совпал с переживаемой мной реальностью. Утраченное, утрачиваемое мной чувство было связано с курдской национальной государственностью. Это чувство умирало под влиянием существующей мировой политики на оси Москва—Рим — под безжалостным преследованием «Гладио». Ритмичные звуки музыки заставляли ощущать это до мозги костей. Как известно, эпос «Дервише Авди» выражал безнадежность борьбы Адули и последних езидов, а в их лице — всех курдов, пытавшихся выстоять против ассимиляции и уничтожения. Несмотря на то, что воспевание происходило от лица мужчины, было ощущение того, что поет сама Адуле, слышалось каждое ее слово, вплоть до последнего дыхания народной культуры, стремящейся выжить на протяжении тысячелетий. Каждый раз, спускаясь с горы Синджар до равнины Мосула, Дервиш, в сущности, демонстрировал героическое противостояние мусульманскому арабскому феодализму. Это тоже стало тысячелетней традицией. Корнями она уходила в историю Шумера, а может быть, даже гораздо глубже. Ее корни уходят в далекое прошлое, во времена стычек семитических пустынных племен с арийскими племенами, поселившимися в горных и равнинных местностях. Дервише Авди стал последним представителем этой традиции. Падение Дервиша с коня и увечье, по сути, стало падением и увечьем всей истории и общества. В устах Адуле медленная смерть искалеченного Дервиша превратилась в эпос, выразивший древнейшую традицию народа и историю протяженностью десять тысяч лет.

Ранее, думаю, что где-то в 1995 году, в телефонном разговоре с Араме Тиграном, проходившем при содействии «Мед-ТВ», я назвал «Далало» своей самой любимой песней. На мой взгляд, в то

момент это было великим изречением. Позднее я узнал, что песня «Далало» это небольшой фрагмент, часть эпоса «Дервише Авди». Эта песня вызывала те же чувства. Меня поражало, как такой женский образ, как Адуле, мог стать выражением столь глубокой исторической и социальной реальности. На мой взгляд, это является фундаментальным вопросом курдской литературы, который до сих пор требует своего прояснения. Этот вопрос, безусловно, имел много связанных со мной аналогий. Мне пытались нанести удары не только в горах Шенгала и в долине Мосула, но и на оси Дамаск—Алеппо—Афины—Москва—Душанбе—Рим—Найроби. Невозможно не заметить сходство между этими двумя фактами. Странно, но многочисленные юноши и девушки, окружавшие меня в то время, когда я часто слушал кассету, совершенно не разделяли моих чувств. Даже когда я был в Риме, меня навестили певец и сказитель Шван Парвар и поэт Махмуд Бакси. Шван был на своей прежней волне. Невозможно было и ожидать, что он сумеет передать социально-историческую глубину. Положение Махмута Бакси еще больше наводило на грусть. Это был мой последний с ним разговор. Махмуд попросил меня похоронить его где-то в горах, рядом с погибшими партизанами. Он был тяжело болен, медленно умирал и жить ему оставалось считанные дни. Мне он казался Дервише Авдием, которого постепенно убивала европейская современность, и был насколько современным, настолько же карикатурой, снятой с этого образа. Его часто пытались настроить против меня, но он всегда сохранял искреннюю преданность мне. Влиянием курдских трагических сказаний в последние дни моего пребывания в Риме было для меня и интересно, и значимо. Позднее, несмотря на отсутствие у меня поэтического опыта, мне в голову пришли такие строки в память об эпосе «Дервише Авди».

Если б мог я быть в горах Синджара рядом с Дервише Авди!

Если б мог на белом коне проскакать в долину Мосула,

Если б мог на спине своей донести до гор Курдистана раненого Дервиша

Если б мог я сказать ему: «Взгляни, вот тысячи Адуле и двенадцать воинов»

Если б мог сказать ему, чтоб спал он спокойно в горах, где богини восседали на троне.

Если б мог я сказать ему, чтоб не искал он, откуда и как идет смерть,

Ведь курды и свобода — это уже вечная реальность!

Во время моего последнего исхода из Урфы мне в голову приходили некоторые строки, связанные с памятью о пророках Аврааме и Иове. Несмотря на то, что этот метод, к которому часто прибегали в древних сказаниях, гораздо более ценен и в научном отношении является более мощным выражением истины, мне должно быть прощательно, что я обращаюсь к этому методу как следствие болезни современной письменности.

Думать об утрате мною не имевшегося национального государства, по сути, было бы утопическим подходом. Речь идет о националистическом влиянии, которое ослепляло мое мышление и чувства. Позднее я понял, что освобождение от этого влияния стало для меня большой удачей. То, что происходило, собственно говоря, было опустошением мира мышления и чувств, похороненного и государственности как таковой и в национальной государственности, в частности. Это была болезнь, которая с ума сводила Ленина, а Сталина вовсе погубила. Это болезнь, лечением от которой не стала даже культурная революция Мао. Мои опасения заключаются в том, что неизвестно, чем обернется она для курдской действительности и свободы, ради которой развернута борьба против национально-государственного мышления. Из истории мы очень хорошо знаем, что утрата государственности означала утрату привязанности к династии, религии и общества, хотя в данном случае речи не было об утрате несуществующей государственности, то есть курдского национального государства. Но имевшие место ассоциации были опасны. Когда самолет организации «Гладио» летел над Средиземным морем в Найроби, я ненадолго оказался в мире удивительных чувств. В моем воображении осуществилось необычное путешествие, напоминающее о поездах, перевозивших евреев в лагерь смерти, но в этот раз начиналось путешествие к геноциду курдов. Мое поведение сыграло здесь определяющую роль. В моей личности, к концу XX века совершалась месть бога национального государства. Национальное государство, представлявшее собой божественный этап истории цивилизации, опять переживало самый жесткий период фетишизации.

Моя жизнь в Имрали прошла полностью под знаком спасения от этого божества. Период масштабных заговоров приносит с собой большие преобразования. Национальная государственность это важнейшее из всех современных явлений, которые на протяжении последних четырехсот лет обрабатывают сознание человека и заново его формируют. Благодаря национальному государству стала возможной система эксплуатации капитализмом природы общества, которое не вынесет этого долгое время. Ориентируясь на социализм, по сути, я хотел спастись от этого страшнейшего из всех чудовищ. Но меня обмануло то, что это же чудовище способно взять под свое господство даже систему социализма. Наибольшая польза от Имрали заключается в том, что пребывание там помогло мне осознать эту реальность. Это истина, к осознанию которой максимально приблизился и Грамши. По мере углубления защитной пещи, мозг полностью освободился. С очень большой смелостью отвергнуть всю систему, связанную с национальным государством, это не означает отрыв от общества, а означает подход к обществу с точки зрения парадигмы и метода, в которых доля истины предельно возросла. Мне нетрудно было рассмотреть современный капитализм в этих рамках. Предыдущие тома моего исследования достаточно осветили этот вопрос. Концептуализация демократической современности как нынешней альтернативы была требованием диалектики. Подобно тому, как К. Маркс преобразил диалектическую метафизику Гегеля в диалектический материализм, и я постарался преобразить капиталистическую современность в демократическую. Итоги, безусловно, найдут свое определение вместе с ходом истории. Оценка ответа капиталистической системе станет делом новой интерпретации исторического материализма.

Попытка решения курдской проблемы при помощи теории демократической современности является и радикальной самокритикой с позиций РПК, и основой демократического урегулирования. Возможность научного объяснения общественной природы обрела силу при помощи новой парадигмы. Историчность общества и доля мышления в его созидании делали возможным гибкое восприятие. Такой подход становился наибольшим историческим ударом по догматизму. Современный догматизм, наложивший свой отпечаток на все виды мышления в вопросе национального государства, своим

монистическим подходом, по сути, не только продолжил старую теологию, но нанес смертельный удар по демократии. Современный догматизм, объединивший под общим знаменателем все сегодняшние формы сознания, и правые, и левые, и центристские, сделал национальное государство монистическим, по сути, реализует принцип единобожия в его конкретике и, избрав каждому современному племени, то есть нации, по одному главному идолу, реализует идею ложного плюрализма. Если все религии национального государства становятся сингулярными и объединяют свою божественную суть, то каждому новому племени (национальному государству) по его желанию дарят по идолу. Еврейская идеология, имеющая богатый опыт сотворения богов, конечно же, сыграла в этом определяющую роль. Даже племена прежнего бога не преминули соревноваться в получении этих созданных богов. Лидеры еврейского капитала главенствовали в гегемонистском смысле в производстве и продаже товаров в Западной Европе, а лидеры еврейской идеологии, разместив божество национального государства там же, в пантеоне, отправляли по всему миру сотни идолов, не испытывая при этом никаких трудностей. Такие еврейские идеологи, как Маркс, ощущали и хитрость, заложенную в новом товаре (склонность к максимальной прибыли), и новую религию (буржуазный либерализм), и раскрывали истину. Но и Марксу не удалось избежать участи Иисуса в самые короткие сроки. Как примечательно, что я увидел свет на родине Авраама, который считается созидательной фигурой этой идеологической традиции, тоже взял на себя роль сокрушителя идолов в такой же форме, так же, как и он, я вел себя по отношению к идолам, которые распространились по всему миру, так же, как и он я старался развернуть деятельность по сокрушению идолов там, где делал это он, и, опять же, я продолжил свой путь, осуществив исход — как и он...

Осталось немного до двенадцатилетия моего заточения на острове Имрали. Из истории известно, что Имрали — это место посреди моря, известное своим климатом, способным попросту уничтожить организм человека. Со времен Византийской империи по настоящее время этот остров использовался как место ссылки и смерти наиболее опасных для государства арестантов. Крайне тяжело выживать здесь человеку, если у него нет огромной мотивации истины.

Имрали стал местом потрясающей школы не только с точки зрения спасения от влияния божества гегемонистского национального государства, упрятавшего меня в эту островную тюрьму, но и с точки зрения срывания всех масок с этого божества. Я воспринял Имрали как настоящую школу не только в плане освобождения курдов от влияния этого божества, но и для создания ими своей новой системы, основанной на научном толковании собственной природы. Мнение Имрали привело не только наш народ и наши народы, но и всю современную Турцию в гораздо лучшее, нежели прежде, состояние. Должен отметить, что в Имрали достаточно четко были заложены основы демократической Турции. Я в данном случае говорю не только в одностороннем порядке о своей роли. Решимость, полученная именно в Имрали, позволила преобразование государства. Хотя это и было связано с масштабным заговором (1999 г.), рождение современного Курдистана прямо связано с истиной, рожденной в Имрали. На почве уроков, полученных в Имрали, были предприняты усилия к тесно связанному друг с другом созиданию и современной демократической Турции, и современного свободного Курдистана, хотя он и находится еще в самом начале пути.

Созидание демократической нации в Курдистане является новым историческим и социальным выражением существования и свободной жизнедеятельности курдов, требующим серьезного внимания и преобразования, причем как в теоретическом, так и практическом отношениях. Оно выражает истину, которая не уступает уровню преданности реальной любви. На этом пути нет места никакой мнимой любви, равно как нет места и лживым спутникам. На этом пути всё, что в положительном смысле просочилось из истории человечества словно мед, все было предоставлено его спутнику. Вопрос, когда же закончится созидание демократической нации на этом пути, является совершенно ненужным. Речь идет о совершенствовании, которое никогда не закончится, пока живет человечество. Подобно существам, которые в любую минуту зарождаются во Вселенной, подобно тому, как человек является существом, которое, руководствуясь свободным мышлением, постоянно самосовершенствуется, так и созидание демократической нации обладает свободой постоянного возрождения. С точки зрения социальности не может быть более амбициозной утопии, ни большей реальности,

чем эта. Курды, в соответствии со своей исторической и социальной действительностью, очень сильно ориентированы на созидание демократической нации. Впрочем, их разум ничего не потерял, спасшись от божества национального государства, в которого и не верили и под влияние которого попали насильно. Они освободились от тяжкого груза, приведшего к порогу полного уничтожения. В ответ на это курды обрели возможность стать демократической нацией. Это завоевание ценно настолько, насколько осознана его ценность. Курды, причем как отдельные личности, так и общество, должны осознать, освоить и использовать созидание демократической нации как синтез и экстракт всех истин борьбы, что скрыты в глубинах курдской истории, социализации и форм выражения, от самого древнего поклонения богине вплоть до зороастризма и ислама. В мышлении и структуре созидания демократической нации представлены те истины, которые хотели отобразить все мифологические, религиозные и философские учения древности, а также современная социальная наука, и которые хотели по одному или все сразу озвучить и движение сопротивления и восстания.

Я начал свое движение от этой действительности и ее выражении в форме истины, не просто создавая самого себя время от времени, а, стараясь чуть ли не каждое мгновение создавать себя в соответствии с нашим временем. Именно так я приобщился к социализации как свободная личность. Я стал курдом, создавая курдскую демократическую нацию. Я представил это всему человечеству и обездоленным народам Ближнего и Среднего Востока как демократическую современность.

Возможна ли личная утопия, касающаяся будущего? Если человеческой жизни пытаться жить утопиями о будущем и тоской по «золотому веку» прошлого, это, если не обратить внимание, может опустошить всю жизнь. Очень важно жить, отдавая должное мгновению. Лучше всего не проживать мгновения без прошлого и будущего. Разумная жизнь это жизнь со свободным рассуждением о прошлом и будущем в этом одном мгновении. В основе современного капитализма и его порабощающей культуры лежит стремление использовать человека как животное, лишив прошлого и будущего. В противовес этой жизни капиталистического индивидуализма, превращающего человека в животное, надо суметь воплотить

жизнь альтернативу, считая труд свободой, объединив тоску по ушедшему «золотому веку» и утопии о будущем с демократическими коммунальными сообществами данного мгновения.

Испытывая глубокую историческую и социальную потребность, до сих пор старался жить во имя коллективной и личностной идентичности для курдов, для идентичности демократической нации. Даже минуты не мог найти для своей личной жизни. Не знаю, представится ли мне такая возможность когда-нибудь еще. Но я вижу, что миллионы представителей нашего народа, наших друзей просто праздну шатаются, как будто и нет никаких дел. Такой образ жизни вызывает у меня глубокое возмущение. Я не стал бы называть это даже неподобающим образом жизни, я бы назвал это просто отрицанием самой жизни. Таковую антижизнь обязательно должны перебороть в себе и отдельные люди, и все общество. Я постоянно говорил о том, что такого рода безделье и беззаботность были и в жизни партизан, что всегда вызывало у меня гнев. Если вооруженный боец считает себя приверженцем свободной жизни, если он одержим, до такой степени любит эту жизнь, если он мудр, умен, талантлив и горит желанием создать эпос о каждом куске родной земли и горах, то его долг — стать партизаном. Ясно, что люди, у которых нет рвения и даже такой воли, как у путешественников и туристов, не могут вражаться в горах, лесах и пустынях. Я постоянно удивлялся тому, как эти бездельники, безработные люди попусту прожигают свою жизнь. Я всегда говорил, что человек опустившийся, бездельник и бродяга, совершило преступление, дойдя до подлости. Я также всегда спрашивал — видели ли вы бездельника муравья или пчелу? Ведь муравьи и пчелы, оставшись без дела, сразу же умирают. Даже для них безделье становится смертью. Для каждого нашего соотечественника, от семилетнего ребенка до старика в семьдесят семь, и для женщин, и для детей, независимо от образования, для всех в условиях созидания демократической нации возможно какое-то дело. У каждого человека есть множество дел, которыми он может заниматься настолько усердно, как будто совершает ритуал, работу, которую он выполняет, обеспечивая свою безопасность, пропитание и воспроизводство, что дарит ему свободу. Достаточно только, чтобы у человека было хотя бы немного знаний и воли демократической нации!

Например, куда бы меня ни завела дорога, в родное село или в окрестности горы Джуди, подножья Джило, на берега озера Ван, на горы Арарат, Мунзур и Бингёль, на берега Тигра, Евфрата и Запа, в долины Урфы, Муша и Игдыра, подобно Нюю, спасшемуся от всемирного потопа, подобно Аврааму, ушедшему от немотности, Моисею — от фараона, Иисусу от Римской империи, Мухаммеду от невежества, я бы занимался СВОИМИ ДЕЛАМИ, основываясь на любовь Зороастра к земледелию и к животным (он был первым вегетарианцем), вдохновляясь своим трудом и социальными реалиями. У меня было бы столько дел, что трудно даже представить себе. Я бы мог сразу же начать с организации сельской коммуны. Каким волнующим, дарящим свободу и здоровым делом было бы создание одной или нескольких сельских коммун, близких к идеалу! Каким созидательным и дарящим свободу делом было бы учреждение районной или городской коммуны! Каким бы новшеством открыла дорогу коммуна академии, кооператива, завода в городе! Какой гордостью было бы открытие демократического конгресса народа и выступление на нем! Как видно, у ностальгии и надежды нет не только границ, но и серьезных препятствий для осуществления задуманного — лишь сам человек. Для осуществления достаточно лишь немного социальной справедливости, немного любви и ума!

Часть седьмая:
КРИЗИС НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
И УРЕГУЛИРОВАНИЕ В РАМКАХ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
СОВРЕМЕННОСТИ

Кризис культуры Ближнего и Среднего Востока, решение и выход из него по сей день сохраняют свои позиции в мировой культуре. Поскольку я в соответствующем томе глубоко останавливался на этом вопросе, в данном случае я не стану повторяться и ограничусь тем, что обозначу тему. Вопрос, который требует серьезного рассмотрения, — это центральная власть как явление. В основе социальных кризисов лежит власть, и это является научным утверждением. По этой причине решения тоже необходимо разрабатывать именно в контексте власти.

Мы долго рассуждали о том, что на протяжении более чем пяти тысячелетий центральная система цивилизации играла главенствующую роль в культуре Ближнего и Среднего Востока. Центральная цивилизация связана с централизующейся властью. Цивилизация в каком-то смысле идет рука об руку с централизацией власти. Центральная цивилизация длиной в пять тысячелетий означает власть, которая централизовалась на протяжении этого же срока. Распространение и централизация власти это наиболее разработанная господствующей историографией тема. Другими словами формирование гегемонистского центра и периферии — основная диалектика, которую отслеживает эта же историография. Гегемонистские силы постоянно формируются заново после каждого глубокого кризиса. Поскольку любая гегемонистская система основывается на новой власти и технике производства, неизбежно становится ее разложение, когда эта власть и техника производства устаревают. Новая власть и техника производства в целом возникают во взаимоотношениях периферийных отношений старой гегемонистской системы. В периферийных отношениях более сильная техника власти и эффективные средства производства приводят к рождению новых сил. Превосходство этих новых сил над старой гегемонистской силой в целом начинается с того, что прежние силы не могут реформироваться и начинается кризис. Для этого процесс характерна противоречивость. Старые силы не слишком заинтересованы в потере монополии центральной власти. Если новый центр сил хочет выстоять и усиливаться дальше, он должен занять мест

прежнего центра. Кризис, впрочем, возникает из-за противоречивого характера данного процесса. Поскольку гегемонистская сила сама по себе в кризис не попадает, то и новая сила не может развиться, не став антагонистом гегемонистской системы. В культуре и системе цивилизации Ближнего и Среднего Востока было много такого рода перипетий. Подъем и разрушение городов, классов и государств, возникновение и падение княжеств и империй, зарождение и распад династий происходят в связи с этим кризисом во взаимоотношениях гегемонистского центра и периферии. Если мы хотим верно понять историю, то просто обязаны правильно осознать диалектику, лежащую в основе всех этих процессов.

Вопрос о том, как формируется центр гегемонистской силы, является ключевым вопросом исторической диалектики. Формирование гегемонии прежде всего требует образования местных институтов силы. Это, как правило, удельные княжества, родоплеменные иерархии и отдельные города-государства. После того как образуются местные институты власти, между ними начинаются войны за увеличение своей доли в прибавочном продукте, на котором основано их существование. Войны за увеличение этой доли обуславливают возникновение вопроса о границах между ними. Границы, в свою очередь, означают превращение пределов собственности, оставшихся от семей и родов прошлых эпох, в границы удельных властей. Каждая удельная власть — это расширенная семейная династия или союз родовых общин. Их пределы расширяются по мере их роста. В итоге происходят конфликты на границах. Силы, базирующиеся в пределах каждой границ, развиваются беспорядочно. Этот дисбаланс порождается новыми техниками власти (новое оружие, транспортные средства и т. п.) и эффективными средствами производства. Постоянное увеличение собственной мощи является первичным состоянием накопления капитала. Подобно тому, как капиталистические финансы не могут существовать без постоянного накопления, так не могут и существовать силы власти на местах вне постоянного роста. Когда завершается расширение границ в незаполненных лакунах и различные силы выступают друг против друга, неизбежным становится период столкновений, то есть кризисов. Неизбежность появляется оттого, что формирующиеся местные силы не могут сохраниться без увеличения прибавочного

продукта, потому что растущая бюрократия, разрастающиеся династии и родовые общины способствуют увеличению существующего населения. Власть хочет, подобно растущим раковым клеткам, распространиться во всех сферах общества. Это же, как видно на примере живых клеток, стремящихся к воспроизводству, способствует войне за самосохранение. Данный процесс очень впечатляюще наблюдается на примере первых шумерских городов и династических войн. В современном Ираке во всей откровенности продолжается тот же самый процесс (возможно, это проклятие Инанны, богини Урука).

Процессы столкновения местных властей завершаются или полным взаимным истощением, или же победой одной из них в этом столкновении, или кризисе. Вокруг города или династии, выигравшей в этих стычках, формируется новый гегемонистский центр. Заново формируются духовные, идеологические и политические институты со всеми структурами базиса и надстройки, то есть техникой материального производства и собственностью. Иными словами, новая гегемония освящает и обожествляет саму себя. Она или поставит старую религию на службу своим интересам или же, разделив ее на конфессии, подчеркивает отличия, или же стремится утвердить свой постоянный, вечный характер путем создания новой религии и мифологии, то есть с идеологической стороны. Система центральной цивилизации Ближнего и Среднего Востока на протяжении этого срока, превысившего пять тысячелетий, выходила из кризисов постоянно централизуясь на почве этой диалектической обработки. Любой период стычек и столкновений завершался формированием постоянно растущих центральных властей. Впрочем, именно в результате этого система центральной цивилизации может существовать постоянно. Растущая централизация происходила не только ценою утраты сил местных властей. И так, постоянно узурпируя права обществ на самоуправление, постоянно совершая экспансии против естественно возникших демократических систем семейных и родовых общин, причем как в центре, так и на периферии, вне своих пределов, отняв у них права на самоуправление, централизация подчиняла их гегемонистскому центру, усиливая его мощь. Любая гегемонистская, а порой и местная власть реализовывалась ценой непрекращающегося регресса или разрушения родовых

сельских и даже городских институтов самоуправления, постоянно живших своей естественной жизнью.

Центральная власть, ставшая гегемоном, постоянно развивается как противодействие местным демократическим властям. В том, что в культуре Ближнего и Среднего Востока демократический дух и мышление очень ослаблены, есть определяющая роль существовавших тысячелетиями гегемонистских властей. В Европе институт власти основан на близкой по времени истории, и тяготение к демократической нации всегда было сильным. Но поскольку на Ближнем и Среднем Востоке не осталось возможности первобытной коммунальной власти, развивающиеся оппозиционные религиозные и конфессиональные течения отражают искаженную демократическую традицию. Любое движение, в сущности, которого присутствует оппозиция власти, считается демократическим. Перенесение гегемонистской традиции в Западную Европу с XVI века способствовало тому, что на Ближнем и Среднем Востоке политический и экономический кризис стал обретать системный характер. На фоне отставания исламской гегемонии в Османской империи к концу этого столетия начала свое восхождение европейская гегемонистская власть. Гегемонистскую власть следует рассматривать как цельную систему. Если в одном регионе в течение столетия происходят упадок и кризис, то в другом столетии и регионе восхождение постепенно централизуется и обретает глобальный характер. XIX–XX столетия стали периодом наибольшей централизации и глобализации гегемонистской системы. Ближний и Средний Восток, где в течение последних двух веков преимущественно развивалась гегемония Англии и США, стал областью периферийной культуры, для которой характерен глубокий кризис. Кризис центральной гегемонистской власти в насчитывающей тысячелетия культурной традиции, после распада исламской гегемонии стал углубляться еще больше.

Гегемонистская система власти, представленная Великобританией и США, воплощается в жизнь национальными государствами, созданными и постоянно растущими в течение последних четырехсот лет. Надо очень хорошо знать природу национальных государств. Представление о независимых и полунезависимых государствах, навязанных властям мелкобуржуазными идеологиями, — не

что иное, как сокрытие реалий власти, и оно никогда не раскроет действительности национального государства. В частности, такого рода мелкобуржуазное понимание национальных государств, созданных на Ближнем и Среднем Востоке гегемонистскими силами, годится только для сокрытия проблем государства и демократии и их абстрагирования от капиталистической системы. Следует очень хорошо понимать, что в собственной гегемонии Англии есть две основные цели в отношении национальных государств, в создании которых сначала в Европе, затем уже во всем мире она играла главную роль. Первая задача заключается в раздроблении и уменьшении империй и крупных государств, являющихся препятствием для ее гегемонии с целью уничтожения данного препятствия. Вторая цель — сделать все, чтобы традиция демократической нации, сформировавшаяся к концу Средневековья, также не мешала развитию капитализма. Успех, достигаемый по итогам реализации двух задач, будет способствовать учреждению капиталистической гегемонии. Монополия гегемонистских национальных государств на протяжении последних двух столетий находится в руках англосаксов — англичан и американцев. Минимизация всех прочих национальных государств до объединения с интересами гегемонистского национального государства неизбежна. Любая гегемонистская система требует этого, и так было на протяжении всей истории. В период капиталистической гегемонии государственное регулирование имело более систематизированный характер. Следовательно, выдвижение теорий, подразумевающих наличие в мире абсолютно независимых государств вне системы, является если и не преднамеренным, то мелкобуржуазным прагматизмом. Во всех гегемонистских системах последних пяти тысячелетий нет места такому факту, как независимое государство. Говорить о независимых государствах, создании государств по своему желанию и возможности независимого существования в условиях такой системной гегемонии, как капитализм, который до предела загружен насилием и империалистическими законами, было бы просто софистикой.

Отчего капиталистическая система испытывает необходимость в гегемонистской национальном государстве? Ясно, что это происходит от того, что система не может продолжать свое существова-

ние при помощи государства другого типа. Не разрушая империю, не упразднив демократические республики, распространившиеся в частности, к концу Средневековья, не предотвратив тем самым консолидацию демократической нации, капитализм не мог бы возвыситься как гегемонистская система. Капитализм не может сохранить и продолжить свое существование, если власть не реорганизуется в качестве национального государства. Английский гегемония наделила Ближний и Средний Восток, находящийся на пути к господству вплоть до Индии, стратегической ролью. Развивая после Наполеона шаг за шагом свой контроль над Ближним и Средним Востоком, она всегда помнила о целостности системы. Именно с этой целью Лондон способствовал ослаблению испанской и французской монархий. Она возвела стену на пути продвижения Российской империи на юг. В течение всего периода использования она не позволяла Османской империи выйти из роли буферного государства. Вступив в союз с набирающей силы германской гегемонией, англичане столкнули ее на путь распада. Первая мировая война способствовала достижению этой цели. Все национальные государства, созданные на Ближнем и Среднем Востоке после этой даты, несут на себе след прежде всего Великобритании, затем ее стратегического союзника США. Все созданные здесь национальные государства, в первую очередь Турецкая Республика, не могли бы продолжить своего существования без согласия центрального национального государства. Распад Советского Союза через семьдесят лет после своего создания, движение Китая по капиталистическому пути даже сейчас — все подтверждает данные реалии. Некоторые начальные противоречия, например противоречия, имевшие место в годы образования Турецкой Республики, не могли препятствовать именно такому развитию событий. Система, которая развивалась на протяжении более четырех столетий, не так легко оставит свои накопления и не станет делиться с другими национальными государствами, созданными под названием независимых. Дележ гегемоний противоречит логике системы или же происходит медленно. Одна из них побеждает, гегемония остается за ней, или же сразу рождается новая, более эффективная система. У старой гегемонии на это сил не хватит. Она в диалектическом единстве продолжает свое существование,

используя или оборонительные войны, или же достижение соглашений. Предпочтя капитализм, говорить о независимости за рамками системы, — это не что иное, как самообман или дерзость, и ничего более.

В таком случае было бы реалистично считать национальные государства, построенные в культурном поле Ближнего и Среднего Востока, наиболее сконцентрированными агентами гегемонистского национального государства. Например, существование двадцати двух мелких арабских национальных государств может быть объяснено только интересами гегемонистского национального государства, другого объяснения здесь быть не может. Существование рудимента Османской империи в виде Турецкой Республики было признано тогда, когда она взяла на себя роль минимального национального государства. Иным образом она не могла бы найти свое воплощение. Как и везде, на Ближнем и Среднем Востоке национальные государства являются инструментами не выхода из кризиса, а его углубления. Их цель заключается в обеспечении мировой стабильности гегемонистских национальных государств, что в результате делает глобальным кризис капитализма. Национальные государства Ближнего и Среднего Востока переживают любые противоречия, поскольку не являются плодами, выращенными в данном регионе. К кризису традиционной власти они добавляют еще элементы, обусловленные их чуждостью. Следовательно, они полностью отрываются от культурных реалий обществ региона. Эти агентские структуры, неспособные решить никакие вопросы, постепенно теряют свою необходимость. Национальные государства региона на начальной стадии капитализма несколько узаконили свое сосуществование с государственным капитализмом, однако через некоторое время буквально были задушены натиском социальных проблем. Они не просто остались антидемократичными, но стали антиобщественными. Образование национальных государств, по их логике, происходило на почве противодействия демократической нации. В последующие периоды данное противостояние превращается в противостояние обществу и ведет окружающую среду к полному упадку. Приняв во внимание их сегодняшнее положение, мы можем лучше осознать реальность.

А. СОЗДАНИЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Османская империя стала последней крупной представительницей исламской гегемонии. Страна пала в конце шестого столетия своего противостояния, начавшегося конфронтацией с Византийской империей, затем с европейскими крестоносцами, которыми предводительствовала Габсбургская Австрия. Этот процесс продолжила экспансия российского царизма с севера на юг, и завершили английская гегемония. Республику, построенную на руинах империи, мы уже неоднократно исследовали. Не надо связывать упадок Османской империи с союзом с Германией. Даже если бы немцы победили, империя бы все равно распалась. Создание Турецкой Республики можно связать с такими событиями, как, прежде всего, уничтожением христианских народов, затем коммунистов, которые были их союзниками, далее приверженцев исламской уммы, черкесов, курдов, и, безусловно, можно связать возникновение республики с созданием еврейско-сионистского союза с турецкой бюрократической буржуазией. Этот союз, основанный под гегемонией Великобританией, заложил на Ближнем и Среднем Востоке фундамент на пути, ведущем к созданию Израиля. Все показатели связывают минимальный уровень существования Турецкой Республики с идеей создания прото-Израиля. То, что путем уничтожения курдов Северного Курдистана было решено пойти на создание минимального образования в Южном Курдистане, тесно связано с протоизраильской ролью, отведенной Турецкой Республике. Этого требовала конъюнктура того периода. Раздробление арабов на многочисленные национальные государства также связано с созданием Израиля. Небольшие палестинские и курдские национальные государства, создаваемые сегодня, тоже входят в рамки той же программы.

Такое поведение турок и курдов, сыгравших во время национально-освободительной войны 1919—1922 гг. роли двух основных элементов, соответствует их историческим традициям. Как видим

на примере династий Сельджукидов, Айюбидов и Османов, во все создаваемых властно-государственных образованиях они придерживались единой позиции. Английской гегемонии, которая в XIX веке заигрывала с обеими сторонами, несмотря на желание разорвать эту общность турок и курдов, не удалось сделать это, и общность отношений продолжалась. Младотурки, вожди правления которыми находились в руках еврейского национализма и масонства, также заговоры и провокации, осуществляемые от имени их последователя, общества «Единение и прогресс», не смогли нарушить ту же самую традицию исторического партнерства. В конечном счете, победу в национально-освободительной войне преопределили именно эта историческая общность.

Основной вопрос, который следовало бы задать: отчего отрицается существование курдов, которые были союзниками на протяжении девяти столетий и стали одним из конструктивных элементов в создании Республики? Рассуждая о логике создания Турецкой Республики, однозначно следует принять во внимание влияние капитала еврейского национализма во время Французской и Октябрьской революций. Как известно, французские короли, будучи убежденными католиками, являлись противниками евреев и еще со времен Средневековья играли важную роль в изоляции еврейства и развитии антисемитизма. Российские цари, будучи жесткими приверженцами православия, еще больше, нежели католики, сыграли роль в еврейских погромах (массовых убийствах). И еврейские интеллектуалы (можно сказать, писатели, которые ранее именовались пророками), и еврейские капиталисты (на протяжении всей истории они были первыми накопителями маргинального капитала) хорошо знали эти монархические династии и буквально зубы на них точили, просто ожидая подходящего момента, чтобы отомстить. Французская и Великая Октябрьская революции с легкой руки предоставляли им такие возможности. Неслучайно обе революции назывались буржуазными. Евреи были влиятельными в идеологической и практической подготовке революций. Их роль была определяющей на уровне катализатора в казни обоих монархов и развитии революций в русле гегемонии буржуазии.

Несомненно, их влияние обуславливалось не количественным, а качественным фактором. Более того, у них хватало капитала, что

бы стать предводителями буржуазии. Предельно серьезным было влияние на обе революции евреев, оказанное союзом с протестантами-англосаксами, которые в тот период находились на стадии гегемонистского восхождения по оси Лондон—Амстердам. Они стали основной движущей силой революций, развивающихся как либеральные или реал-социалистические. Когда англосаксонский протестантская буржуазная национальная государственность разрушила и раздробила католические и православные империи Европы ради усиления своей гегемонии, основными проводниками и союзниками были еврейские интеллектуалы и представители капитала. Без учета силы еврейских интеллектуалов и капитала было бы недостаточно убедительным и догматическим рассуждение о буржуазных революциях Европы.

В основе того, что противостоящая гегемонии англо-саксонского национального государства германская прусская буржуазия (следует сюда же добавить испанскую и австрийскую католические империи, управляемые династиями Габсбургов) и российский царизм вместе с буржуазией демонстрировали в отношении евреев поведение, доходящее вплоть до геноцида, лежит уверенность в том, что именно евреи оказали двухстороннее влияние на их поражения и проводимых гегемонистских войнах, то есть уверенность, что определяющую роль сыграла поддержка, оказанная евреями проекту англо-саксонского национального государства и современному капитализму. Те же обстоятельства действительны и в случае с развалом Османской империи, даже более чем действительны, поскольку империя была препятствием на пути решений Сионистского конгресса 1897 года, рассматривавшего Палестину как родину евреев. Еврейские боевики и владельцы капитала сначала по-дружески попросили Абдулгамиду разрешить выезд евреев в Палестину. Но когда Абдулгамид не пошел им навстречу (хотя по-прежнему сохранял дружеские отношения с евреями), или же им показалось, что его действий оказалось недостаточно, под именем младотурок они создали общество «Единение и прогресс» (английский посол тогда назвал приход к власти младотурок и общества «Единение и прогресс» овладение евреями империей), они фактически взяли под свое влияние всю империю. II Конституция (1908 г.) и переворот 9 марта 1909 года привели к полной нейтрализации Абдулгамиды, как

ранее французского короля, а впоследствии русского царя. Создание Республики привело к тому, что евреи максимально усилили свое влияние в Анатолии и Месопотамии.

Есть еще одно, более впечатляющее сходство. Мы видим, что метод ликвидации демократических националистов, то есть коммунистов, во время Французской революции, сторонников Советов и анархистов во время Октябрьской революции, а также процесс построения диктатуры национального государства повторялся в Турецкой Республике. Французская революция в основном была национальной, народной революцией, и такие личности, как Бабеф и Робеспьер, подтверждают это. Их казнь на гильотине, как и казнь короля Луи XVI, стала основным шагом на пути, ведущем к национально-государственной диктатуре. Национальное государство развивалось в рамках англосаксонской модели и несло себе влияние их фактического контроля. Позиция, объединившая всех историков, заключается в том, что завершение Французской революции созданием национального государства стало одним из основных шагов на пути становления английского англосаксонского капитализма в качестве гегемонистской силы. Если не в полной мере тождественная, то сходная позиция может быть актуальна в отношении Российского национального государства, созданного после распада Российской империи. В начале революции был ликвидирован не только царизм, но и демократический российский национализм, конкретно — Советы. Известный представитель русского демократического национализма (анархизма) Кропоткин лично предлагал и предупреждал Ленина об опасности сползания Советов к национально-государственной диктатуре. Все, что происходило в Российском национальном государстве позднее, подтвердило правоту предложений и предупреждений Кропоткина.

Общество «Единение и прогресс», которое постепенно пришло к власти в Османской империи, сначала установив свой контроль, а затем, захватив власть, по сути своей выражает идеологическое и практическое руководство еврейских боевиков и владельцев капитала. Роль инородных создателей и представителей не носила определяющего характера в развитии общества. Сюда же входят турецкие и курдские участники. Деятели турецкого и курдского происхождения играли скорее роль маскировки еврейской влиятельной

сти. На заре создания Республика имела не только национально-освободительный, но и демократически-освободительный характер. Как революция, она завоевала успех на почве союза демократических национальных сил. Имел место союз коммунистов, приверженцев исламской уммы, черкесов, курдов и турок. Как и во время Французской и Октябрьской революций, в Анатолийской революции структура, имеющая характер демократической нации, при помощи заговорщических методов была превращена в диктаторское национальное государство. И в данном случае главную роль сыграла английская гегемония. Но в условиях республиканского национального государства были ликвидированы не только демократические национальные элементы. Более того, не ограничились тем, что ликвидировали, за исключением Мустафы Кемалю, всех пятерых генералов, сыгравших руководящую роль. Турецкая Республика, задуманная как один из краеугольных камней минимальной национально-государственной системы на Ближнем и Среднем Востоке, который англичане хотели создать заново (таких национальных государств, которые останутся под влиянием гегемонии Англии), была едва ли не заново спроектирована и построена в иной форме, нежели это было задумано во время национально-освободительной войны. Она была создана как некий прото-Израиль (государство до создания Израиля) на пути к созданию Израиля. Вопрос Мосул-Киркука (раздробление Курдистана) в этом плане был использован в качестве лома. То же самое означал ультиматум «или Республика, или Мосул-Киркук», поставленный генералу Мустафе Кемалю. И здесь одним выстрелом пытались убить двух птиц. Таким образом собирались и захватить Мосул-Киркук (что противоречило Национальному пакту), и заложить фундамент второго прото-Израиля как курдского образования на пути к созданию самого Израиля. Что касается части «Большого Северного Курдистана», то на протяжении всей истории Республики она была парализована, жестоко подавляясь в крови.

Конечно же, не могло быть шанса на развитие и увеличение у Республики, которая постоянно конфликтовала со своими религиозными общинами, своими главными союзниками в лице коммунистов и с курдами, постоянно отрицала их существование, посредством частых провокаций добивалась их уничтожения и приго-

привала к казни. Этот новый классовый конгломерат, состоящий из турецкой буржуазии, составляющей меньшинство, и еврейского элемента, называют «белыми турками». Освоив светский национализм как очень жесткую религию, они подвергли отчуждению все демократические элементы Республики. История Республики состоит из стремления сохранить эту сущность. Некоторые государственные деятели, как, например, Мендерес, Озал, Эрбакан и Дилжевит, хотели было, отвергнув эту суть Республики, начать процесс демократизации внутренней политики, а во внешней политике, преодолев планку минимума, перейти к максимизации, но тут же были убиты. Республика настойчиво сохраняла «бронзовый закон» минимальной диктаторской сути. Именно поэтому на повестке дня постоянно стояла проблема провокаций, заговоров и ликвидации курдов, мусульман и коммунистов, даже в отношении черкесов. Не переставали осуществляться массовые убийства, аресты и казни. Страна вступила в НАТО. С 1952 года по настоящее время Турцией фактически управляла тайная натовская армия «Гладио» с центром в Германии. За всеми процессами, которые называются опекой армии и переворотами, всегда стояла «Гладио». Руководство «Гладио» постоянно оставляло нерешенными серьезные проблемы, вызванные действиями правых и левых, алевитов и суннитов, турок и курдов, считая их мотивами для установления военной и гражданской диктатур. Аналогичную роль после 1924 года играли провокации против курдов. После «холодной войны» в Турецкой Республике хотели отвести новую роль. Как бы то ни было, создание Израиля было завершено, гегемония на Ближнем и Среднем Востоке начала движение вперед. Когда отпала советская угроза (1990 г.), началась новая эпоха полной гегемонии США на Ближневосточном регионе.

Основным показателем осознания значимости этого исторического дня опять же является позиция Израиля. Государство Израиль создано, но проблемы безопасности не были решены. Арабский национализм в любую минуту мог проглотить его, поэтому у израильтян была потребность в постоянных союзниках, потребность в новой стратегии и тактиках. Роль, которую сыграла в Турецкой Республике в 20-е годы диктатура «белой» турецкой национально государственности, сегодня в Курдистане сыграла «белая» курдская

национальная государственность. 90-е стали повторением 20-х. То же самое можем сказать и о второй войне в Персидском заливе в начале 2000-х. Распад Советского Союза в начале 90-х годов поставил вопрос формирования нового образа врага для капиталистической всемирной гегемонии (лидирующая сила которой США). В итоге, взяв за основу вопрос безопасности Израиля, объявили исламский радикализм новой угрозой или врагом.

Эти новые выявившиеся реалии заставляют опять задуматься о позиции Израиля в регионе. Образование Израиля не было созданием регионального национального государства и не могло быть таковым. Израиль — это не только еврейское национальное государство. Такого понимания было бы недостаточно. Вновь рассмотрев процесс, который привел к созданию Израиля, мы видим, что очень значительное количество процессов, как цепочка, связаны друг с другом, а в центре всей цепочки — ось Израиля. Это созыв Всемирного сионистского конгресса (1897 г.), взятие султана Абдулгамид II под контроль (1876—1909 гг.), переворот II Конституции, низложение Абдулгамид 31 марта 1909 года, узурпирование власти обществом «Единение и прогресс» в результате переворота 1 января 1913 года, вступление в Первую мировую войну в 1914 г., договор Сайкса-Пико, раздел Ближневосточного региона между Великобританией и Францией, Декларация Бальфура (план создания в 1917 г. в Палестине еврейского государства Израиль), создание английского мандата в Палестине и объявление ВНСТ (та же дата, 1920), создание диктатуры НРП путем ликвидации «белой» турецкой национальной государственностью демократического национального республиканского строя вместе с ратификацией Лозаннского соглашения после национально-освободительной войны (разрушение союза, установленного во время национально-освободительной войны, и создание диктатуры меньшинства) (1923), начало процесса массового уничтожения курдов путем провоцирования мятежа шейха Саита 15 февраля 1925 года (1925—1938 гг.), союз Англии и Турецкой Республикой (1939 г.), официальное провозглашение Израиля (1948 г.), вступление Турецкой Республики в НАТО (1952 г.), переворот 27 мая (1960 г.), переворот 12 марта (1971 г.), переворот 12 сентября (1980 г.), переворот Чиллер-Демиреля (1993 г.), переворот Чевик Бира (1998 г.) и, наконец, удар по Эджевиту и приход

ИСР к власти (2002 г.). Если сюда же добавить первую (1990 г.) и вторую войны в Персидском заливе (в 2001 году — так называемая аннексия Афганистана, по сути, являвшаяся репетицией перед подготовкой второй войны в Персидском заливе и аннексии Ирака) Кроме того, надо рассматривать именно в связи с этими событиями и добавлять к данной цепочке все национальные государства, создаваемые в регионе (для них нужен отдельный раздел). Не касаясь внутренней связи между этими событиями, каждое из которых является путевой вехой, можно совершенно спокойно сказать, что процесс создания Израиля стал основным показателем развития англосаксонской гегемонии в регионе. После умышленного разрушения Османской империи Израиль был запланирован и построен в качестве **СТЕРЖНЕВОЙ СИЛЫ** новой гегемонии в регионе. Что собой представляет в мировом масштабе гегемония Великобритании—США, то же самое представляет собой на Ближнем и Среднем Востоке Израиль, являющийся новым гегемоном региона. Израиль не просто небольшое еврейское национальное государство, это большая гегемонистская сила.

Основное урегулирование Республики, на которой правительство ИСР стремится оставить свой отпечаток, не только не меняется, но и в связи с утверждением нового главного врага гегемонистской системы она частично подвергается преобразованиям. Светскую и националистическую Республику, ставшую предварительным образцом, основанным на пути к созданию Израиля в 1920 году, уже в 2000-е гг. пытаются превратить в умеренную исламскую Турецкую Республику, целью которой должно быть прекращение угрозы исламского радикализма, иранского и арабского национализма в отношении Израиля. В первый республиканский период, влиявшая на политику партии НРП, в основном преследовалась цель уничтожения господствующей в обществе идеологии исламской уммы светским националистическим государством. То, что османские султаны, возглавлявшие шестивековую гегемонию, одновременно носили титулы халифов, оставило Республике мощное исламское наследие. Если бы в исламском мире эта исламская умма была полностью сохранена, крайне сложным явилось бы создание английской гегемонии и ее передовой силы в лице Израиля. Роль, отведенная Республике, выходящей тогда под диктатурой светской националистическо

партии НРП, — это очищение пути, ведущего к раздроблению этого общинного единства. Именно с такой целью Англия использовала свое оружие во многих уголках мира. Для Ближнего и Среднего Востока это стало в высшей степени необходимым и эффективным оружием. То, что, отторгнув Республику от платформы демократической нации, быстро и в очень кровавой форме превратили в жесткую «белую» турецкую национальную государственность, можно объяснить только этой стратегической ролью.

Последующие события, имеющие значение путевых указателей, будут развиваться именно в направлении этой стратегии. Вторая миссия, которая была поставлена в 20-е гг. перед Республикой как национальным государством, — это предотвращение расширения Советской России в направлении Ближнего и Среднего Востока, развития коммунизма и, более того, влияния коммунизма в республиканской Турции. Внутренняя и внешняя политика Турции формировались в соответствии с этими двумя основными целями. Контролирующей силой была Англия. Исламская революция в Иране в 1979 г. и ввод советских войск в Афганистан в том же году в корне потрясли установившуюся в регионе систему национальных государств. Баланс национальных государств, установленный в первом республиканский период на Ближнем и Среднем Востоке под протекцией Великобритании и США, был завершён в связи с созданием Израиля. Недостающим звеном было курдское национальное государство, и оно было на стадии создания. Следует особо отметить, что до того, как вспыхнула исламская революция в Иране в 1979 году и были введены советские войска в Афганистан, в регионе был достигнут определенный баланс национальных государств под протекцией Израиля (вместе с союзниками Англией и США). Существование Израиля как стержневой силы гегемонии очень хорошо объясняется тем, что современный капитализм был урегулирован в полном соответствии с гегемонистскими расчетами в регионе, без какой-либо необходимости в независимой нации, несмотря на амбиции национально-государственной идеологии на Ближнем и Среднем Востоке. Национально-государственная система, существующая в регионе, создав предусловия для реализации Израиля, является системой, необходимой для обретения гегемонией, то есть Израилем, стабильного характера. Эта логика системы очень хоро-

объясняет тот минимализм, который был определен для Турецкой Республики.

Если угроза, которая начиная с 1979 года стала поступать в адрес системы по двум каналам (Советский Союз и Исламская Республика Иран), явилась основной внешней причиной преобразований в Турецкой Республике, то внутренней угрозой стала оппозиция в лице демократической нации, дошедшая до максимальных пределов. В силу этих двух угроз задачей, определяемой неотъемлемыми интересами системы, стала реализация переворота 12 сентября 1980 года, организованного с участием «Гладио», позиции которой, причем, были достаточно сильны. Светская националистическая идеология первого периода Республики оставалась на недостаточном уровне в силу новых угроз. Турко-исламский синтез был необходим с точки зрения предотвращения обеих угроз. Развитие официальной идеологии второго периода Республики в качестве турко-исламского синтеза обретает смысл в связи с этим. Умеренный турко-исламский синтез Турции стал ответом на исламский радикализм Ирана, более того, движение демократической нации было уничтожено посредством фашистского террора. На внутреннюю и внешнюю угрозы, был дан ответ в виде республиканского режима переворота, коей стала Вторая Республика, под контролем «Гладио». Меры также принимались в рамках этой новой идеологической концепции. ПСР была запланирована как гегемонистская партия более приемлемого и стабильного этапа периода II Республики. Она создавалась как партия, связанная с основными деятелями внутренней и внешней политики II Республики, но уже стремилась довести до конца свою гегемонию. Она была запланирована как своего рода НРП II Республики. Практика прошедших восьми лет подтвердила это выражение. Искусственные противоречия, которые сегодня имеются у ПСР с Израилем, не должны никого сбивать с толку. Нельзя говорить о полном отсутствии противоречий между ними, но это все противоречия интересов, которые могут быть урегулированы в рамках одной и той же гегемонистской системы.

В период I Республики, когда страна была прото-Израилем, тоже имели место противоречия, жестокие и кровавые. Молодая турецкая буржуазия постоянно отталкивала от себя имеющийся с еврей

ским капиталом союз. Она стремилась к неуклонному снижению доли, приходящейся на евреев, масонов. Ряд мер, начиная от казни в 1926 году сторонника Англии Джавит-бея, бывшего в ту пору министром финансов (один из видных лидеров общества «Единение и прогресс»), вплоть до конфискаций под видом налога на роскошь в 1943 году, ставили цель постоянного отсечения еврейского капитала. Несмотря на все эти события, турецкое еврейство осталось той самой определяющей силой, которая постоянно накладывала свой отпечаток на все идеологические, политические и экономические институты системы. В армии и внешней политике они тоже играли определяющую роль. Новое крыло ПСР и турецкой буржуазии, коим стал частный капитал с центром в Конья и Кайсери, просит своей доли больше, чем еврейский капитал и сила в государственной структуре (I Республики). Партия ПСР, создана тройственным союзом США—Великобритания—Израиль для поддержания их гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке, требует увеличения своей доли за службу. Путь к этому пролегает через ослабление протекции армии, отсутствие новых переворотов и получение гораздо большего «куска пирога» эксплуатации Ближневосточного региона. Израиль считает, что эти требования новой анатолийской буржуазии преувеличенными и ожидает от них уменьшения требований. Кроме того, считает, что требования признать себя «региональной силой» «всемирной силы» крайне преувеличены, и требует правильно осознать, кто является гегемоном в регионе и во всем мире. Роль, отведенная ПСР, заключается в том, чтобы, смягчив шиитский национализм Ирана и арабский радикальный исламизм, интегрировать их в гегемонистскую систему. И для этого им отведена роль в армии и внешних делах. ПСР выполняет эту роль. Тип столкновения, касающейся этой части, стал «игрой в поддавки», но противоречия, касающегося увеличения доли, носят реалистический характер, хотя могут быть урегулированы в рамках системы. Средне и долгосрочная гармония ПСР с гегемонистской системой неизбежна. Если же партия проявит упрямство и создаст союз с Ираном и радикальным исламом, даже с умеренным исламизмом и осложнит жизнь гегемонистской системы, ее ситуация не будет особо отличаться от ситуации предшественников и того, что произошло с НРП.

Можно с уверенностью заявить, что Турция является слабым звеном системы и вероятность ее отрыва от таковой достаточно серьезна. Этот распад может происходить по двум осям: первая ось, если это соответствует действительности, — стремление стать мощной региональной силой на почве сближения с Ираном, Сирией, даже Россией и другими странами БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай), что можно назвать даже перемещением оси и позволит ей противостоять гегемонии Израиля, США, Англии и ЕС. Если это и будет реально, то данный путь может оказаться крайне сложным в связи с состоянием существования внутренней сути Турецкой Республики и действующим балансом. Вторая ось заключается в возможности возродить союзы периода национально-освободительной войны Республики. На этом пути, который мог бы закончиться переходом от капиталистической современности, основные проблемы, имеющие место на национальном уровне, могут обрести свой шанс на урегулирование только на платформе демократической современности.

Б. АРАБСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И СОЗДАНИЕ ИЗРАИЛЯ

Еще одним из основных источников кризиса, переживаемого Ближнем и Среднем Востоке, является совместное создание арабских национальных государств и Израиля. Когда в начале XIX века Великобритания начала проводить операции против Османской империи, арабские шейхи использовались ею в роли штыков. С помощью ортодоксальных клерикалов греческого происхождения на Балканах и фактически оказывая поддержку образованию греческого национального государства, британцы ускорили распад Османской империи на Балканах. На Аравийском полуострове, расположенном на юге империи и занимающем стратегически важную позицию на пути, ведущем в Индию, англичане начали проводить аналогичную деятельность, то есть поддержку арабской национальной государственности посредством шейхов, представляющих высшую иерархию мусульманских религиозных деятелей. В это же время в Курдистане англичанами предпринимались подобные попытки сближения с лидерами сект из Сулеймание (в первую очередь это накшбанди и кадири). Великобритания постоянно усиливала и контроль монархии на юге Ирана. Процесс, изначально ознаменованный восстаниями, после Первой мировой войны завершился установлением мандатных режимов, а после Второй мировой войны — созданием организованных национальных государств. Между тем Османская империя была ликвидирована. В регионе образовался, или был создан, серьезный вакуум. Англия сама не стала размещаться в регионе в качестве прямого колонизатора, как это было в Индии. Но она и не оставила соперников в плане колонизации региона, стремясь создать Турецкую Республику на тех же принципах, что и арабские мандатные режимы (основная дискуссия на съезде в Сивасе проходила по вопросу о том, быть ли английскому мандату, или мандату США), причем в одно и то же время (1920 г.). Радикальная позиция М. Кемалю повернула итог в направлении

вания Республики (позиция, очень похожая на радикальные республиканские выступления Монтаньяры, Робеспьера и противников английского проекта конституционной монархии во время Французской революции). Но по сути ничего не изменилось. Арабские мандатные режимы через некоторое время превратились в иррегулярные национальные государства. Названия «монархия» или «республика» отнюдь не меняли их минималистской национальной государственной сущности.

Усиление процесса рождения Израиля полностью совпадает с этим периодом. Вдобавок к тому, что было сказано о еврейском племени в предыдущих частях, должен еще раз подчеркнуть, что фундаментом государства Израиль была базовая идеология этих племен — еврейская идеология — это монотеистические религии и национализм). Израиль, по сути своей, является продуктом войн между национальными государствами, которые в середине XVI века на османско-Амстердам—Лондон разворачивались между современными государствами, длились около 400 лет и залили всю Европу реками крови. В развитии человечества в границах национальных государств еврейский интеллект и владение капиталом (капитализм) постепенно играли передовую роль. Только раздробление католических православных и исламских империй помогло поверить, что евреи смогут обрести свободу, и постепенно развивающийся еврейский национализм на почве сионистских идей создаст израильско-еврейское государство. Эта деятельность, полная веры, знаний и организованности, дала свои результаты до Первой мировой войны — во время и после нее. Вместе с национальной государственностью Турецкой Республики, основанной на руинах Османской империи — обстановке, которой способствовали многочисленные минималистские арабские национальные государства, было официально провозглашено создание еврейского национального государства Израиль (1948 г.), которое было целью священной сионистской идеологии. Турецкая Республика стала первым национальным государством, признавшим Израиль, подчеркнув тем самым свой фотоизраильскую суть.

Создание и провозглашение Израиля нельзя считать рядовым событием. Израиль родился как стержневая гегемонистская сила современного капитализма, заполнившего собой вакуум власт

образовавшийся после превращения в небольшие национальные государства, как Османской империи, так и иранской монархии оказавшиеся последними силами, игравшими роли гегемона в регионе. Создание Израиля как стержневой гегемонистской силы является очень важным обстоятельством. Это говорит о том, что остальные национальные государства региона, признав существование Израиля, являющегося гегемонистской силой, считают его законным, а иначе посредством войн будут доведены до такого состояния, когда, оказавшись растерзанными и раздробленными, вынуждены будут признать Израильское государство. Поскольку Турецкая Республика, Египет, Иордания и ряд стран Персидского залива были в числе тех стран, кто первыми признал Израиль, их, в свою очередь, признали в качестве законных национальных государств и приняли в систему. Что касается остальных стран региона, то война, развернутая против них Израилем, союзниками и другими странами, длится и по сей день. Войны и конфликты, продолжающиеся с арабами по проблеме Палестины, а также с другими исламскими государствами в связи с проблемой Персидского залива, тесно связаны с существованием Израиля в качестве гегемона этого региона. Эти столкновения, заговоры, покушения и войны будут продолжаться до полного признания гегемонии Израиля.

Без точного осознания гегемонистской созидательности современного капитализма на Ближнем и Среднем Востоке нельзя верно понять и то, почему были созданы двадцать два арабских национальных государства. При помощи исторических комментариев национально-государственной мелкобуржуазной независимости с ее левыми и правыми, клерикально-сектантскими, этническими и родоплеменными особенностями невозможно объективно понять современный капитализм, образованный на Ближнем и Среднем Востоке. В связи с этим осознание арабской проблемы так, как есть в действительности (как и правильное понимание проблем Турецкой Республики и прочих тюркских республик и сообществ), требует в первую очередь точного понимания того, как построен и учрежден гегемонизм капиталистической современности на Ближнем и Среднем Востоке. Путем исторического и социального мышления, подшучивающего над действительностью («героическое создание такого-то национального государства») невозможно осознать про-

тому ни одного государства и общества. Таким образом, арабская проблема не просто связана с Израилем, кроме того, она не может быть снижена до уровня палестино-израильской проблемы. Наиболее глубокая проблема, переживаемая арабскими обществами, обусловлена прежде всего разделением арабов на двадцать два мелких национальных государства. Эти двадцать два государства не могут сыграть никакой иной роли, кроме как быть коллективным агентурным сообществом современного капитализма. Их существование — самая основная проблема с позиций выживания арабских народов. В этой связи арабская проблема — это проблема, связанная с возникновением и развитием современного капитализма в регионе. Она может быть одной из проблем только в этом аспекте, то есть в связи с Израилем, который является гегемонистской силой современного капитализма в регионе.

Но давайте не забывать о том, что силы, создавшие Израиль и двадцать два арабских национальных государства, — это одни и те же силы. Следовательно, имеет место камуфлирование связей и противоречий с Израилем. Поскольку и они, по сути, являются частью этой гегемонистской системы, данные противоречия, пусть и с трудом, но могут иметь смысл только тогда, когда осмеливаются выйти за рамки современного капитализма. Нельзя находиться в рамках гегемонии единой капиталистической современности и не признавать Израиль! Замаскированная мнимая дипломатия выросла именно на отрицании этой истины. Все исламские националистические подходы, которые хотят утвердить вместо современного капитализма, причем независимо от того, радикальный ли это ислам, умеренный ислаимзм или шиитский ислам, — все упомянутые подходы являются грандиозной фальшью, поскольку этот ислаимзм, будучи производной от национализма, развивающегося с начала XIX века под гегемонией капиталистической современности, является идеологическим оружием капитализма против исламских стран Ближневосточного региона и не имеет никакого отношения к исламской цивилизации. Все проявления политического ислаимзма на протяжении последних двух столетий не могут быть ничем иным, кроме замаскированных действий капиталистической гегемонии, потому что именно так они были настроены и включены в действие в связке с современным капитализмом. Впрочем, эту

реальность подтверждает то, что на протяжении последних двух столетий они не сделали ничего, кроме углубления и осложнения национальных и социальных проблем Ближнего и Среднего Востока. Это основные идеологические и политические препятствия на пути общинного, то есть коммунального мышления, эпохи демократической нации. Культурный ислам представляет собой несколько иное явление, и защита этого ислама в традиционной инстасти имеет смысл и позитивное значение.

Если современный капитализм не разрубит этот узел, то арабо-израильские и палестино-израильские столкновения неминуемо станут похожи на противостояние верблюда и слона или кошки и мышки. В итоге эти конфликты, длящиеся примерно столетие, результат которых предreshен заранее, положат конец жизненной энергии всех арабских народов. Если бы не были изобретены эти столкновения, то просто лишь на прибыли от нефти могло бы существовать единое арабское государство, богатство которого в десятки раз превзошло бы современную Японию. Наиболее важный итог существующего искажения действительности — это то, что национально-государственная систематика Ближнего и Среднего Востока не является источником решения фундаментальных национальных и общественных проблем, как это принято утверждать, а наоборот, является источником углубления, расширения, усугубления проблем и их превращения в безвыходную ситуацию. Национальное государство не решает, а порождает проблемы. Более того, та же система является способом сраживания не только государств, но и обществ Ближнего и Среднего Востока до полного истощения их сил. Реалии Ирака достаточно хорошо подтверждают эту истину. В данном случае нельзя всю ответственность приписывать только лишь современному капитализму. Всевозможные исламистские и левые (социалистические) идеологии и политические организации, выступающие с конструктивными и освободительными амбициями, ответственны, по меньшей мере, столь же, сколь и несущие элементы современного капитализма (младотурки, младокурды, младоарабы, младоперсы). Ни один метод или программа, которые они предлагали своим народам на протяжении столетия, не только не имели успеха, но и играли роль не большую, чем обслуживание созидания в регионе современного капитализма, и использовались

ни именно на этой почве. Мы не можем отрицать роль этих реалий в связи с арабскими национально-государственными идеологиями и политическими организациями.

Арабские проблемы в той же мере не являются неразрешимыми, как турецкие и тюркские проблемы. В данном случае вопросы стараются решать в двух направлениях. Первая ось зиждется на стремлении увеличить свою долю государства и общества, для чего совершают корыстные действия и стремятся получить результаты. Таков результат, которого хотят добиться на протяжении последних пятидесяти лет все арабские национальные государства, включая Организацию освобождения Палестины, с помощью методов войны. Эту ось стремятся завершить договорами, подобными соглашению, заключенному в Кэмп-Дэвиде с Египтом. Но данный путь не может иметь иного смысла, кроме усугубления проблем арабского общества, и вынудит пойти на радикальные меры. Так путь может удовлетворить арабские олигархические национальные государства, существование которых основано на добыче нефти, совершенно не удовлетворит крайне глубокие экономические и демократические требования народов. У арабских народов есть множество экономических и демократических проблем, которые с годами росли, как горные массивы. Арабские национальные государства являющиеся спутниками современного капитализма, не только не могут решить эти проблемы, но даже озвучить их не собираются. Постоянно усугубляя проблемы, пряча их за искусственно разрабатываемыми религиозными и конфессиональными стычками, доводят проблемы до такой точки, что, как это видно на примере Ирака, решение потребует или полного разрушения, раздробления страны и возникновения стычек, или же действительного применения кардинальных национальных мер экономического, социального, культурного и демократического характера.

Вторая основная ось в решении арабских проблем может иметь место только на основе разрушения капиталистической современности. Здесь идет речь об отрыве от системы. Следует очень хорошо представлять то, что ни исламский радикализм, ни политический ислам не смогут создать альтернативу современности. Исламская культура может сыграть роль в качестве современности, альтернативной современному капитализму. Парадигма современности

соответствующая историческим и общественным реалиям всех народов Ближневосточного региона, является наиболее сильным и правильным выбором и для арабских наций. Альтернативная современность народов — это демократическая современность, постоянно находящийся в состоянии борьбы с капиталистической современностью и состоящий из цельности демократических, национальных, социалистических, экологических, феминистских и культурных движений.

Вторая череда проблем, связанных с арабскими, вызвана существованием Израиля. Взгляд арабского национализма, исламизма и национально-государственной идеологии на Израиль конкретно обусловлен иудейской израильской идеологической гегемонией; он пребывает в границах, очерченных иудейской израильской идеологией и государством. Оставаясь в пределах той же современности, они не играют никакой иной роли, будучи игрушкой Израиля с его крохотным населением. Израиль и сам обречен на участь заложника современного капитализма, который является его же изобретением. Ощувив существование вокруг себя сил, готовых в любую минуту потопить его в Аравийском море, Израиль решил не отставать в плане самообороны при помощи технологического превосходства в оружии, включая атомное. Израиль или должен был создать такой баланс национальных государств Ближнего и Среднего Востока, который будет находиться под гегемонией Тель-Авива и в состоянии мира с ним, однако в силу причин, которые мы хотим разъяснить, становится ясно, насколько это сложный вопрос; или же, если Израиль хочет выйти из состояния заложника системы, которую сам же и породил, должен рассматривать также вариант выхода за грань капиталистической современности. Демократическая современность является тем самым выбором, который в состоянии сформировать постоянный путь решения, причем не только в отношении еврейской проблемы в джунглях Ближнего и Среднего Востока, но и проблемы государства Израиль, окруженного националистическими и клерикальными чудовищами, которые он же, Израиль, и создал.

В. ИРАНСКОЕ ШИИТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Иранская государственная традиция не так легко, как Турецкая Республика, принимает участь минимализма. Даже иранский шахский режим недавней эпохи гораздо более, чем Республика, боролся против минимализма. Исламская революция в Иране в 1979 году продемонстрировала важную линию поведения в отношении национально-государственного минимализма и системы баланс сил, границы которых были расчерчены применительно к Ближнему и Среднему Востоку. С самого начала израильской гегемонии исламский Иран противопоставил свою собственную гегемонию. В то время, как Турецкая Республика и арабские национальные государства признали законность национально-государственной системы, сделавшей возможным появление Израиля, исламская революция Ирана, несмотря на все непостоянство, не признала очерченный статус в заданном виде и начала прилагать усилия для создания своей противостоящей гегемонии. Наблюдаемая сегодня напряженность между Ираном и Израилем — противостояние не просто двух национальных государств, а двух силовых систем, стремящихся утвердить свою гегемонию.

В силу того, что Иран является второй силой, тяготеющей к собственной гегемонии, стоит более подробно остановиться на этом государстве. Как я уже говорил в других томах своего труда, корни иранской государственной традиции доходят до Мидийской конфедерации (1000—550 гг. до н. э.). Иран представляет культуру, близкую мидийско-курдской. Зороастризм и митраизм являются двумя значительными источниками, дающими знать о существовании истории данной культуры. Персидская империя, ставшая первым Иранским государством, полностью сложилась на основе Мидийской конфедерации. Это была имперская стадия, в формировании которой мидяне тоже сыграли своего рода главенствующую роль.

Важна их роль в переходе от рабовладения Древнего мира к рабовладению Античной эпохи (1000—500 гг. до н. э.). Греко-римское рабовладение в период Античности своим существованием обязано персо-мидийскому экспансионизму. Эллинистическая эпоха (300 г. до н. э. — 300 г. н. э.), начавшаяся завоеваниями Александра Македонского, выражает собой созидательный синтез культур Востока и Запада. Глубокий кризис, образовавшийся в результате многовековых гегемонистских столкновений между Римом и Парфией, а также Римом (Византией) и Сасанидами (около 100 г. до н. э. — 630 г. н. э.), завершился с восхождением ислама как гегемонистской силы. Иранская государственная традиция на протяжении почти тысячелетия, от начала исламских завоеваний до зарождения династии Сефевидов (650—1500 гг. н. э.), была представлена арабскими, тюркскими и монгольскими династиями, фактически ей чуждыми. Шиизм стал государственной идеологией с появлением династии Сефевидов. Основы современного Ирана были заложены именно в этот период. Гегемонистская война за влияние в Курдистане, в которой Иран столкнулся с Османской империей, завершилась в 1639 году мирным Каср-и-Ширинским договором. Вступая в современную эпоху, Курдистан именно упомянутым договором был впервые разделен на две части: этот договор нанес ощутимый удар перспективе становления современного государства в Курдистане. В курдских феодальных княжествах активно внедрялась политика сосуществования с гегемонистской силой на основе внутренней автономии.

Иранское государство, в котором сменилось несколько династий, после Первой мировой войны стало современным национальным государством, и происходило это в результате гегемонистских расчетов Англии, так, как в Турецкой Республике и шахском режиме Афганистана. Реза-шаху была предоставлена власть с условием минимального Ирана — точно так же, как добились консенсуса с Мустафой Кемалем, Великобритания способствовала созданию буферных государств на пути продвижения Советского Союза на юг: Турецкой Республики, шахских монархий Ирана и Афганистана, которые уже к этому периоду были минимизированы. То, что Великобритания не стала превращать эти регионы в классический колониальный режим, связано не с отсутствием у нее возможности, а с

спасением экспансии Советского Союза. Политика буферных государств — это английская система, в целом успешно применяемая с начала XIX века до нашего времени. Династия Реза-шаха Пехлеви применила программу подражания Западу, совершенно игнорирующую культурные традиции Ирана. Иран стремились удержать в качестве государства-сателлита сначала Великобритания, затем США и даже Израиль. Характер этих государств, присущий национальным государствам Ближнего и Среднего Востока, наиболее отчётливо продемонстрирован в период правления династии Пехлеви. Эти государства, удерживаемые при помощи армии и полицейской силы, в одночасье пришли в упадок, когда гегемонистская сила отозвала им в протекции. Таким и был конец династии Пехлеви.

Исламская революция Ирана в 1979 году стала не только политической, но и культурной революцией. Данная революция черпала силу не только от организации шиитских теологов-улемов — напротив, она черпала силу из социальной культуры и исторического наследия, куда уходят корни иранской нации. Революция изначально носила демократический национальный характер, как это было во Французской, Октябрьской и анатолийской революциях. Она опиралась на широкий союз демократических национальных сил. Основная роль в победе принадлежит союзу демократических наций, сложившемуся на базе солидарности коммунистов, представителей шиитской уммы и других патриотических слоёв иранских народов, конечно же, в первую очередь, курдов. Но шиитские улемы и среднее торговое (рыночное) звено, у которых были более сильные общественно-исторические традиции правления, быстро установили собственную гегемонию. Они безжалостно подавили других союзников. В Турецкой Республике 20-х гг. происходил аналогичный процесс. Даже несмотря на то, что шиитские улемы искажали демократическую национальную основу революции, в сущности своей, революция носила антикапиталистический характер. Шиитская олигархия в борьбе против гегемонистских сил капиталистической системы хотела использовать это антикапиталистический союз как козырь для узаконения своего существования. И сейчас она стремится именно к этому. Все усилия иранской олигархии сводятся к тому, чтобы, используя антикапиталистический характер революции как оружие против западных гегемонистских

сил, занять надежное положение, подтвержденное в балансе национальных государств Ближнего и Среднего Востока. Противоречия сводятся к смыслу иного модерна, по сути же, у нее нет противоречий с современным капитализмом. Противоречие с системой, как и у арабских национальных государств, на первом и втором этапах истории Турецкой Республики, заключается в том, что в ответ на получение максимальной прибыли в рамках системы с помощью тактических расчетов, согласования и поддержки, ставя подобные задачи, стремятся получить те же результаты. Рынок, занимающий сильные позиции в иранской традиции, носит типично торговый характер. Противоречия в Иране начинаются именно в этой точке. Мощная культурная традиция не принимает шиитскую олигархию, добившуюся консенсуса с современным капитализмом. Таким образом, противоречия в Иране в любой момент могут превратиться в борьбу между двумя альтернативными тенденциями современности. Ситуация позволяет предположить, что это не удастся так легко ликвидировать, как было в Турции и арабских национальных государствах.

Хотя это продолжается преимущественно на словах, но иранская олигархия сегодня вступила в гегемонистское столкновение с Израилем по поводу Ближнего и Среднего Востока. В частности, свои ядерные разработки иранцы используют в качестве второго козыря. Исторически шиитская традиция тоже всегда стремилась к гегемонии. За ее плечами — тысячелетняя мощь гегемонистского Ирана, но в условиях современного капитализма она преувеличивает свои силы. Если иранская шиитская олигархия в эпоху максимальной глобализации системы не сделает кардинальный выбор в отношении современности, то шансы на успех окажутся очень слабыми. Проводя сравнения со странами БРИКС, Иран просчитывает вопросы, связанные с созданием блока. Иран стремится расширить союз на почве борьбы с РПК, который он создает со II Республикой, а именно ПСР. Все эти расчеты не имеют никакой ценности. Как и другие национальные государства региона, национальное государство Иран стоит перед возможностью решения проблем по двум векторам. Конструктивный потенциал первого вектора — это консенсус с системой, что было характерно для шахского режима. По сути, шиитская олигархия готова к этому. Но система не при-

нимает их в существующем виде. Однако переговоры, проводимые по поводу соглашения как мирным, так и военным путем, должны будут закончиться в пользу сил капиталистической гегемонии. Когда на повестке дня встанет вопрос решения проблемы по второму вектору, будет иметь место радикальный отрыв от системы. Когда этот путь приведет к тому, что и шиитская олигархия Ирана, и западные гегемоны (во главе с Израилем) окажутся в деструктивном и обессиленном состоянии, решением проблемы станет демократическая современность, наступление которой станет неизбежным.

Г. РАСПАД НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИРАКЕ, АФГАНИСТАНЕ, ПАКИСТАНЕ И СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Теракт, совершенный 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке с большой вероятностью заговора, по сути, стал попыткой системы начать «третью мировую войну». Радикальный ислам, давно уже объявленный НАТО, следовательно, мировой гегемонистской системой, новым врагом после распада СССР в начале 90-х годов, на самом деле использовался в качестве идеологической маски. По сути же, цель заключалась в том, чтобы вновь полностью установить капиталистическую гегемонию, которая после Первой мировой войны ослабла практически наполовину в странах Ближнего и Среднего Востока, относящихся к мусульманской культуре. В частности, стремились обычным образом интегрировать в систему Иран, Ирак, Сирию, Ливию и другие непокорные страны, называемые «изгоями», в целом же задача была в укреплении мировой гегемонии США. «Третья мировая война», которую пытаются начать под гегемонией США, должна была заполнить вакуум гегемонии, возникший после распада советской системы. Кроме того, так следовало остановить подъем Китая, являющегося опасным новым конкурентом. Целью первого наступления против Афганистана была попытка перехватить инициативу в плане заполнения вакуума, возникшего в Средней Азии, дабы его не заполнили Россия и Китай. «Аль-Каида» и «Талибан» являлись подставными инструментами которые использовались в этих целях. Если бы было желание, то эти организации были бы уничтожены в течение двадцати четырех часов. Но для узаконения проводимой войны следовало постоянно держать их на повестке дня. В рамках проведенной подготовки, первый этап войны был осуществлен успешно. Наступление на Ирак достигло цели столь же стремительно, на основе научно-технического преимущества. Целью была ликвидация режима Саддама Хусейна. Эта цель была

реализована, но настоящие трудности проявились именно в политической сфере. После того как был низложен такой непокорный режим, как в Ираке (Саддама можно назвать его мятежным губернатором), как из ящика Пандоры, стало выползать все зло, что было накоплено на протяжении всей цивилизации.

Ирак был не просто обычной отдельно взятой страной. Регион, в котором впервые была создана центральная цивилизация, на протяжении тысячелетий он оставался колыбелью этой цивилизации. Это — регион, собравший все этносы, религии и конфессии. В политическом смысле он требовал или жесткого деспотического режима, или же установления наиболее радикальной демократической системы. Западные либеральные политические режимы не имели никаких шансов реализации. Кроме того, данный регион нельзя анализировать методами социологии Запада. По существу, иракский режим был не тем, с которым легко можно было бы справиться при помощи идеологических и политических парадигм Запада. Возникшая ситуация была аналогична той, которая возникла перед Англией после Первой мировой войны. Победа, одержанная в военном плане, не могла играть ту же роль на политической арене. Напротив, с ликвидацией традиционных деспотических режимов накопившиеся социальные проблемы вышли наружу, перестав быть теми, с которыми мог бы справиться современный капитализм. Повторялся тот же самый поворот, что был еще во времена Шумера. Любой шаг, проделываемый ради решения проблем, наоборот, усугублял их. Деструктивный характер мер, принятых национальным государством и усугубление ими проблем более всего продемонстрировали культуры Иракского региона. У западного модерна не было иного оружия, кроме национального государства. Все, что происходило после ее распада, это типичный хаос и анархия.

Положение в Афганистане тоже ничем не отличается от ситуации в Ираке. И там нет готового средства, которое можно было бы предложить после национального государства. По сути, после того, как во всем регионе была разбита скорлупа национального государства, возникшие ситуации везде оказались похожи друг на друга. Внешний блеск национального государства способствовал лишь поверхностному восприятию современности. Реальность, раскрывающаяся после того, как содран лак, на поверку оказывается культурной

проблемой, копившейся в течение тысячелетий. Традиционные деспотические режимы только насилем «переварили» эти культуры: уничтожить их было невозможно. Лак современности оказался весьма поверхностным. При малейшем потрясении он осыпался, демонстрируя истинную картину. Гегемония США стала напоминать поговорку: «В побеге за рисом в Думьят, лишился перловки домашней». Кризис современной гегемонии имел абсолютно тот же характер. Для национальной государственности Ближнего и Среднего Востока казнь Саддама Хусейна стала тем, чем был конец монархических режимов, наступивший после казни Луи XVI во время Великой французской революции. Подобно тому, как после казни Луи XVI монархические режимы, уже не сумев стабилизироваться, пережили эпоху распада, так и казнь Саддама Хусейна способствовала тому, что фашистские режимы национальных государств, не сумев восстановиться, оказались на этапе разложения.

Несмотря на то, что гегемонистская система использовала всю свою силу, попытки реставрации национальных государств в Ираке и Афганистане не увенчались успехом. Как в 1815—1830 гг. в Европе не удалась реставрация монархических режимов, так и распад национальных государств пережили не только Ирак и Афганистан. Аналогичные кризисы имели место во многих национальных государствах, от национального государства Кыргызстан, граничащего с Китаем, до Марокко, что на побережье Атлантического океана, от национальных государств Йемена и Судана до Боснии и Герцеговины, а также Южного Кавказа (на Северном Кавказе тоже происходили аналогичные процессы). У Пакистана уже сейчас нет никакого отличия от Афганистана. Ливан, Йемен и Судан постоянно кипят. Египет допустил некоторые демократические смягчения, что сразу же обернулось свержением режима. В Алжире до сих пор все еще не закончилась гражданская война. Турция, объявившая себя островом стабильности, держится только благодаря специальным операциям «Гладио». Казалось бы, нет ни одной страны на Ближнем и Среднем Востоке, где не было бы проблем. Если даже НАТО и союзники соберут все свои войска, им далеко до урегулирования кризиса, тем более что проблемы не такие, которые можно урегулировать военными методами. Те, кого они объявили исламскими террористами, на самом деле ими же созданные агенты. Перед ге-

гемонами нет никакой силы, с которыми можно было бы воевать армейскими методами. Может быть, только Иран. Но если даже они ударят по Ирану, все равно возникнет сила, которая окажется во много раз проблематичнее.

Все показатели, касающиеся кризиса Ближневосточного региона, свидетельствуют о том, что вероятность нового выхода из кризиса путем реставрации национальных государств чрезвычайно мала. По сути, то, что после 90-х гг. хотели сделать США, являлось попыткой реставрации, аналогичной реставрации монархических режимов в период 1815–1830 гг. Но как не получилась реставрация монархий, так и не получилась реставрация национальных государств, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке. Постоянно углубляющийся кризис, который в последнее время переживают страны ЕС, являющиеся регионом рождения национальных государств, по сути, является кризисом национально-государственной системы. Если ЕС хочет преодолеть кризис, он должен осуществить радикальные преобразования модели национального государства. Чем больше будут национальные государства защищать существующие суверенные позиции, тем глубже станет кризис. Евросоюз уже шестьдесят лет старается развить свои позиции, ограничивая суверенитет национальных государств. Но поскольку и этих усилий не хватает, совершенно очевидным становится глобальный характер кризиса национальных государств. Проблема уже не в том, имеет ли место структурный кризис национальных государств, следовательно, современного капитализма, проблема в том, что и как будет происходить после кризиса. Чем и как будут преодолеваются депрессия и хаос? Если сравнить ситуацию с историческими периодами, последовавшими за распадом Рима и Османской империи, то надо рассмотреть следующие вопросы и найти решение: что возникнет вместо национальных государств, какого типа режимы, политические образования и формы совместной общественной жизни недеятели будут развиваться?

Для того чтобы дать оценку кризису национального государства и последующей ситуации, мы хотели развить дискуссии по поводу демократической современности. Многочисленные события, которые на Ближнем и Среднем Востоке давно уже вышли за рамки масштабов трагедии и стали тождественными великим трагедиям

не ограничились определенными народами (армяне, ассирийцы, эллины, евреи, палестинцы, курды, турки, арабы, афганцы и др.), такая ситуация потрясла жизнедеятельность всего общества. Капиталистическая современность и режимы национальных государств, являющиеся причинами этих масштабных трагедий и бедствий, уже не смогут больше выдвигать себя в качестве модели решения. Именно поэтому большое значение имеет концентрация усилий на дискуссиях по поводу современности и оценка возможностей выхода из кризиса и решения проблемы, которые предоставляет демократическая современность.

Д. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАЛАНС И КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В основе актуальных фундаментальных проблем Ближнего и Среднего Востока лежит созидание национальных государств, а курдская проблема в основном обусловлена этим. Политическая карта Ближневосточного региона, начерченная во время Первой мировой войны, была создана для того, чтобы возникли проблемы, которые будут продолжаться, по меньшей мере, сто лет. Договор Сайкса—Пико означал для Ближнего и Среднего Востока то же, что Версальский мирный договор для Европы. Версальский мирный договор, провозгласивший принцип «мир, положивший конец миру», способствовал началу Второй мировой войны. Соглашение Сайкса—Пико тоже сыграло аналогичную роль. Вместо мира в Османской империи этот договор вовлек весь Ближний и Средний Восток в пропасть огромного кризиса и тупика. Все национальные государства, возникшие в конце войны, стали организациями, которые были вовлечены как в гражданскую войну с собственными народами в своих же границах, так и друг с другом на внешнеполитической арене. Это означало ликвидацию традиционного общества, войну против народов. Что касается карт, прочерченных по линии, то они означали призыв к войне между искусственно созданными государствами.

Лишь создание Израиля оставило позади себя столетнюю войну в существующем состоянии. Нельзя сказать точно, сколько крупным войнам еще будет способствовать этот факт. Маленький Ливан находится в состоянии постоянной войны. Сирия постоянно под жестким управлением и в состоянии войны с Израилем. Иракское государство со дня своего создания — это сплошное состояние внутренней и внешней войны. У Ирана тоже положение не особенно отличается от остальных. Логика строительства всех национальных государств Ближнего и Среднего Востока основана не на урегулиро-

вании существующих общественных проблем, а на том, чтобы, умирав проблемы, постоянно держать эти национальные государства в состоянии внутренних и внешних войн. Основная причина этого заключается в образовании Израиля в качестве стержня гегемонистских сил. Не осознав того, что Израиль является стержнем гегемонии, не сможем понять и того, как был настроен и учрежден баланс, а точнее — дисбаланс национальных государств Ближнего и Среднего Востока. Наиболее явным подтверждающим элементом этого искажения является курдская проблема и разделение Курдистана.

Договор Сайкса—Пико (раздел Ближнего и Среднего Востока между Великобританией и Францией) стал также основой Севрского договора. Севрский договор оформил раздробление Анатолии и Верхней Месопотамии. Национально-освободительная война не смогла полностью нейтрализовать условия Севра, как об этом часто утверждают, она просто способствовала частичной нейтрализации. Но соглашение в значительной степени было реализовано. Условия «минимальной» Республики были приняты в виде положений Севрского договора. Кроме того, оставление Мосула и Керкука англичанам было итогом Севра. Таким образом, второе серьезное раздробление Курдистана в современной эпохе (первое раздробление имело место еще до начала современной истории, по условиям Касри-Ширинского (Зухабского) мирного договора 1639 года) стало основной причиной курдской проблемы. Два небольших национальных государства, построенных в Ираке и Анатолии, означают две военные акции, буквально разделившие тело Курдистана и курдов. Не осознав само понятие национального государства в таком ракурсе, никогда не сможем понять ни раздробления Курдистана, ни того, почему курдская проблема длится столь долго и оставлена без решения. Режим, применяемый Иракским государством только против курдов, начиная с 1920 года, то есть с момента заложения основы, по настоящее время, стал войной протяженностью в девяносто лет. Все, что происходит сейчас, очень хорошо демонстрирует, что это государство является режимом войны против собственного общества. Если говорить только о курдах, то всеми признанной реальностью является то, как «белое» турецкое национальное государство на протяжении восьмидесяти пяти лет применяло режим специальной войны, доходящей до геноцидов. Разногласия внутри

режима имели место постоянно, с самого начала и по наше время. Проблемы, навязанные курдам, образовались не спонтанно, а развивались в рамках определенных планов; это проблемы, запланированные и доведенные до постоянства как важная часть удушения Курдистана в омуте проблем Ближнего и Среднего Востока.

Необходимо очень хорошо разобраться в причинах того, почему гегемонистские силы современного капитализма уже около двух столетий провоцируют угнетение и подавление курдов, сначала Ираном и Османской империей, а после Первой мировой войны — национальными государствами Турции, Ирана, Ирака и Сирии. В данном случае имели место не одна, а несколько целей. Первая задача заключалась в углублении противоречий между курдами, с одной стороны, и арабским, турецким и иранским народами с другой, поскольку на протяжении всей истории они проживали совместно и у курдов был какой-то легальный статус в глазах этих народов. Поэтому углубление противоречий по плану должно было привести к нарушению статуса, а курды оказались в состоянии войны с этими обществами. Вторая задача заключалась в ликвидации курдов, что способствовало бы обретению обширных территории армянским, ассирийским и еврейским национальными государствами. Так гегемоны обрели бы три буферных государства, полностью преданных и играющих роль звеньев в их цепи. С другой стороны, в соответствии с этим планом курды должны были оказаться в состоянии вечного противоборства со своими мусульманскими христианскими и иудейскими соседями, следовательно, тем самым в состоянии постоянных проблем, чтобы все, а в какой-то степени и стержневой регион Ближнего и Среднего Востока зависели от них. Безусловно, гегемонистские силы современного капитализма периодически выступали в роли такого ангела-хранителя перед раздробленным Курдистаном и курдами, тонущими в болоте проблем порой доходящих до геноцида. Окинув взглядом процессы, происходящие вплоть до сегодняшнего дня, можно запросто увидеть, что все запланированное для этого «мира, положившего конец миру» в большинстве своем уже выполнено.

Развитие событий в Иракском Курдистане можно привести в качестве аргумента, подтверждающего наши взгляды. Все курдские лидеры, стремящиеся к власти в сегодняшнем Иракском Курди

стане, были подавлены сначала османскими властями, а позже уже иракскими руководствами. Великобритания лично применила силу в данном вопросе. Постоянно держа арабов и курдов в состоянии конфликта, она поставила оба слоя населения в зависимость от себя. В этот период, пообещав сирийским христианам независимую родину, она настроила их против курдских феодальных княжеств и Бедирхан-бея, а самого Бедирхан-бея — против Османской империи (1840 г.). В результате они взаимно истребляли друг друга, а Великобритания подчинила себе обе стороны. Вступил в игру Израиль, созданный после Второй мировой войны в качестве основной силы. Задолго до своего создания Израиль, основывавшийся в расчете на евреев Иракского Курдистана, проживавших в этом регионе очень давно, сделал «белое» турецкое национальное государство (диктатура НРП), образованное турецкой бюрократией Анатолии совместно с так называемыми «вероотступниками-донме», а именно турецкими евреями-сабетаистами, своей опорой в виде прото-Израиля. Стремилась также спроектировать и учредить второе стратегическое образование, базирующееся на курдах (в основном ДПК). Курдское политическое образование, которое хотели развить, разумеется, нельзя связывать только лишь с внешними гегемонистскими расчетами. Обстоятельство, которое хочется подчеркнуть: баланс национальных государств Ближнего и Среднего Востока был спроектирован и установлен гегемонистскими силами современного капитализма. Определяющим моментом являются не силы высшей прослойки внутри общества, как принято утверждать. Лидерство национальной буржуазии — это полная чушь. То, что некоторые элементы из числа радикальной буржуазии или мелкобуржуазные элементы играли ведущую роль, отнюдь не говорит о том, что эти силы, определяли систему. Например, выход на политическую арену таких лидеров, как Мустафа Кемаль, Джемал Абдулнасыр, Саддам Хусейн, совершенно не доказывает, что именно эти лидеры определяли систему национальных государств. Впрочем, система могла перевернуть с головы на ноги роль этих людей в создании национального государства и сделала это. Система в состоянии даже по истечении семидесяти лет кардинально исказить деятельность таких лидеров социализма, как В. Ленин и И. Сталин, стремившихся построить систему российского национального го-

сударства, ориентированную на социализм. Те же особенности характерны и для Китая времен Мао Цзедуна. В данном случае хотелось бы особо подчеркнуть то, что пока не будет преодолена во всех аспектах парадигма современного капитализма, определяющей основной силой будут силы этой современности и гегемонии.

Настройка и учреждение, пусть и с опозданием, курдского национально-государственного стержня могут быть правильно осознаны только в связке с современным капитализмом. В частности, Курдистан и курдский национально-государственный каркас играют очень важную роль в гегемонистских расчетах Израиля в регионе. Подобно тому, как Турецкое национальное государство в Анатолии сыграло передовую роль в возникновении Израиля (прото-Израиль), курдское национальное государство играет очень важную роль в гегемонистских расчетах Израиля в отношении Ирана, Ирака, Сирии и Турции. То, что силы, создавшие Израиль, еще в 1945 году поддержали создание ДПК и с шестидесятых годов прошлого века продолжали оказывать фактическую поддержку через Турцию, связано с их стратегическими и гегемонистскими расчетами в регионе. Процесс создания Курдского федеративного государства на базе ликвидации РПК, начатый в 90-е годы курдами сотрудничающими с «Гладио», нельзя рассматривать в отрыве от этих стратегических гегемонистских расчетов. Впрочем, то, что они в составе Объединенной группы ополчились против РПК, очень хорошо раскрывает эту реальность. Одной из важнейших целей второй войны в Персидском заливе, начавшейся в 2000-е, стало стремление основательно учредить курдский национально-государственный центр в Ираке. Те, кто принимает и реализует это решение, и те, кто на протяжении последнего тысячелетия, раздробив Курдистан, держит курдов на грани геноцида, — это одни и те же силы. Делается все то, чего требуют расчеты системы. Современное стержневое курдское национальное государство с точки зрения капиталистической системы является столь же необходимым элементом, как и Израиль; в балансе сил и национальных государств Ближний и Средний Восток обладает в высшей степени стратегической ролью. В целом для обеспечения безопасности системы и удовлетворения ее потребностей в нефти, в частности, для безопасности и гегемонии Израиля не только не отказываются от стержня в виде курдского

национального государства, но даже стараются сделать все необходимое для его укрепления. Таким образом, к системе прикреплено еще одно звено, которое было спроектировано еще в 20-е годы. Каково значение «белого» Турецкого национального государства для зарождения системы, таково же значение «белого» курдского национального государства для ее завершения.

Для того чтобы предотвратить ошибочное понимание данного вопроса, необходимо особо подчеркнуть следующие обстоятельства. Говоря о том, что национальные государства создаются по логике системы, мы не хотим, чтобы кто-то сделал вывод, что для народов они не имеют никакого значения и являются абсолютными врагами. Напротив, следовало бы считать национальные государства очень важными институтами, а также в рамках демократической программы народа организовать всевозможные взаимоотношения и регулировать возникающие противоречия. Программы демократического общества вовсе не планируют разрушение национальных государств и собственное становление в качестве государства, а ждут от национальных государств проявления к их проектам демократического общества уважительного отношения в форме конституционного соглашения. В качестве основного условия мирного сосуществования программы демократического общества считают признание проектов демократического общества и их реализацию в качестве фундаментального конституционного права. Взаимное признание друг друга и доведение этого акта до уровня положения конституции — вот на чем основана программа.

Ясно, что в картине Ближнего и Среднего Востока 2000-х гг. Курдистан и курды в качестве влиятельных и динамичных реалий заняли свои места в балансе сил как национальных государств, так и демократического общества. У антикурдского союза, образованного под руководством Турецкой Республики с Ираном и Сирией, нет особых шансов на успех, потому что расчеты капиталистической системы совершенно противоположны. В основе такого рода союза лежит сотрудничество в плане создания системы без курдов и Курдистана. Но уже совершенно невозможно, чтобы, в частности, Израиль и США согласились с таким подходом. Альянс, направленный на создание империализма без курдов и Курдистана, существовавший в период 1920—2000 гг., уже перестал быть применимой поли-

тикой. Есть большая вероятность того, что курдское национальное государство, созданное, впрочем, в союзе с Ираком, в ближайшее время может быть признано Сирией и Турцией. Но все трудности связаны с тем, что такое признание может быть привязано к ликвидации РПК и АОК. Но и это было бы бессмысленным требованием. Отныне судьбу Курдистана и курдов будут решать совместно, на основе определенного законного соглашения, как демократическое общество АОК, так и национальное государство, ставшее реальностью союза курдской буржуазии. Впервые в современной истории Ближнего и Среднего Востока власть демократического общества и власть национального государства играют совместную роль. В частности, войны, имеющие место в Ираке, Афганистане, Палестине и Израиле, даже в Турции, и глубокие кризисы, которым способствуют эти войны, включают в себя важные уроки для курдов. Для того чтобы не повторять кровавое прошлое политики национальных государств, опирающихся на жесткие границы, за основу будет взята система, основанная на консенсусе АОК, опирающаяся на демократическую современность, и курдского национального государства в Ираке, опирающегося на современность капиталистическую. Так будут извлечены уроки из национально-государственной идеологии системы реал-социализма. Курды и Курдистан не станут вторым Израилем, ни копиями каких-либо других национальных государств. Будет передовая сила и синтез новой современности диквидирующий проблемы, в омуте которых задыхаются все.

Е. СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Следует правильно осмыслить конфликты, присходящие на Ближнем и Среднем Востоке в течение последних двух столетий. Прежде всего, большое значение имеет понимание того, что данные столкновения имеют в виду не сферу установления гегемонии цивилизации, а культурное пространство. Последние конфликты с Европой, то есть Западом, в рамках гегемонии цивилизации после правления султана Сулеймана Великолепного стали завершаться в пользу Европы. До XIX века гегемония системы центральной цивилизации завершилась в пользу Западной Европы. Гегемония европейских стран, с наступлением XIX века даже территориально перенесенная в регион, столкнулась не с силами, разворачивающими войну за гегемонию власти, а с социальными силами, восставшими против современного капитализма. Османская империя и иранская монархия были совершенно не в состоянии бороться со странами Европы за гегемонию власти. Они пытались лишь выстоять и справлялись с этим, рассчитывая легковесный баланс власти. Но социальная культура, в отличие от многих других колониальных регионов мира, вместо того чтобы сразу освоить европейскую современность, как правило, преимущественно встречала ее противодействие. И то, что регион не был полностью колонизирован, обусловлено его богатейшими культурными традициями. В частности, ислам, являвшийся господствующей культурной традицией, был в тот период активным субъектом сопротивления. Важный пункт, который следует в данном случае выделить, — это то, что боролся не авторитарный и государственный ислам, а ислам как социальная традиция и культура. Имели место и движения политического исламизма, но в угоду определенным интересам они достаточно легко втягивались в сотрудничество с противником. Постоянное противодействие демонстрировали социальные исламские тради-

ции, сильной волной протекавшие в глубине, по самому дну. Именно поэтому очень важно различать социальные традиции ислама и политическую традицию авторитарной власти, продвигаемую от имени ислама с XIX века по настоящее время.

Вопрос, который следовало бы задать, относится к тому, какой характер имеет столкновение между исламской культурой и современным капитализмом. Поскольку нет речи о противоборстве двух гегемонистских властей, то говорить можно о конфликте между культурой современного капитализма и исламской традиционной культурой. Гораздо больше имеют место войны современности, протекающие в сфере социальной культуры. Когда речь идет о культуре на Ближнем и Среднем Востоке, не следует ограничивать ее только лишь исламом. Культуру Ближневосточного региона следует дополнять христианством и иудаизмом, являющимися авраамистическими религиями, воспринимать в целостном виде, добавив сюда даже влияние, пусть и замаскированное, лаицизма, находящегося за рамками религии, и шаманистически-языческих верований, находящихся за рамками монотеизма.

Основной культурной сферой, сформировавшей современное человечество, является Ближний и Средний Восток. Если сюда включить также культуру человека времен *homo sapiens*, то скажем, что он является культурным регионом, взраставшим человечество на протяжении трехсот тысяч лет, с доисторических времен до XIX века. Культура современного капитализма — это в основном культура последних двух столетий. Невозможно в столь краткие сроки ассимилировать наследие трехсот тысяч лет порожденной культурой последних двух столетий. Следует ожидать, что культурное противоборство продлится долго, и оседлая культура региона так легко не сдастся, даже вступит в борьбу за культурную гегемонию. Следовательно, региональные конфликты, которые сегодня часто имеют место, можно считать периодом войн современности за культурную гегемонию. По этой причине имеет большое значение несколько иное толкование столкновений, которые характеризуются авторитарной сферой в верхних аспектах. С этой точки зрения столкновения на Ближнем и Среднем Востоке не стоит характеризовать ни в узком смысле в рамках парадигмы западных классовых и национальных войн, ни войнами за власть и государство, развора-

чиваемыми радикальным или умеренным политическим исламом. Несомненно, для столкновений характерны и эти аспекты. И столкновения, происходящие в этом аспекте, больше всего интересуют сферы власти и государства. Но важен также характер войн, выходящих за рамки всех этих авторитарных аспектов. Дело в том, что какими бы развернутыми и длительными ни были столкновения в аспекте власти и государства, у них нет сил, позволяющих выйти за границы гегемонистской власти. В противовес этому характер столкновений, происходящих в аспекте нынешних времен, иной раз и позволяет им разорвать рамки господствующей современности.

1. СУДЬБА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В соответствии с поговоркой «каждая трава прорастает из своих корней» судьбу современного капитализма, ставшего последней системой центральной цивилизации, несмотря на все опасения, можно определить в ракурсе столкновений на Ближнем и Среднем Востоке, и вероятность этого достаточно высока. Несмотря на подавляющее господство современного капитализма в нынешнем мире, по своему происхождению капитализм всегда считался общественным извращением, сохранившим свою постоянную маргинальную суть в истории человечества. Капитализм противоречит главной линии развития человечества. Он также противоречит универсальной диалектике природы или обходит ее. Рост капитализма в XVI веке и создание всемирной гегемонии несколько напоминает историю сокола разбойников. Если бы не было того, что территория Западной Европы и культурные традиции населяющих ее сообществ остались в стороне от основного потока цивилизации, если бы не было межконфессионального противостояния в исламе и христианстве, если бы не было уничтожающих все на своем пути нашествий, таких, как татаро-монгольское, если бы не было закрытых миров, продолжающих свое развитие по образу и подобию китайских династий, то переход капитализма к гегемонии на волне возможностей, появившихся в Западной Европе, был бы невозможен. Не следует забывать о том, что этот гегемонистский исход состоялся в совершенно неожиданном месте, а именно на островке (Британия), находящемся

и самой западной точке географического пространства, где об-
единяются три континента, и таким пространством оказалась остр-
ва Амстердам—Лондон. Немногочисленная элита власти и капитала
посланная на остров, чтобы не быть проглоченной империями в су-
хопутной части материка, начала борьбу за жизнь и победила в этой
борьбе.

Эта элита в данной войне создала три масштабных вида оружия
включавших в себя новизну. Эти три типа оружия, успешно приме-
нявшиеся с XVI века и до XIX века, даже до середины XX века, три
основных элемента современного капитализма: обретающая посто-
янный характер тенденция к максимальной прибыли, организаци-
онная структура власти в виде национального государства и индустриализм, начав-
шийся с перехода от мануфактуры к промышленному перевороту.
Мир, завоеванный этими тремя видами в течение последних дву-
х столетий, — действительно странный и ничтожный мир. Безуслов-
но, он не является божественной системой, спустившейся с небес, и
не может быть таковой. Речь идет о гегемонистском мире деформи-
рованной силы с тайным потенциалом, мира, который в трещинах
и тайных расщелинах системы центральной цивилизации, который
уже пять тысяч лет. Этот мир постоянно видит вмешательство ви-
новников — мира, постоянно осуждаемого человечеством, как со-
рок разбойников. То, что капитализм сохранился в Европе и здес-
я обрел тенденцию к глобализации, обусловлено смертоносными
качествами трех основных видов применяемого оружия. Научный
мир, сформированный в целях идеологического господства на
обществом и природой, мир национальных государств, созданный
ценой отрицания политики, этап, наступивший с формированием
мира прибыли и индустриализма, поглощающего общество и окру-
жающую среду, — это истощение или полное банкротство общества
личности и окружающей среды в целом. Что касается финансово-
го капитализма, который начиная с 70-х оставил свой отпечаток на
гегемонии, то он полностью противоречит природе и обществу. Од-
ного лишь факта получения ежедневного дохода до триллиона дол-
ларов путем манипуляций с цифрами и бумагами достаточно для
подтверждения того, что система действительно является системо-
воровства, грязи и варварства, в сорок раз превышающих злодеяния
сорока разбойников.

Все считают последний кризис системным кризисом капитализма. По сути, нет необходимости называть его последним кризисом. Капитализм сам по себе является самым смертельным кризисом системы цивилизации, приобретающим постоянный характер. Господство в течение последних пяти столетий с лихвой продемонстрировало основные особенности капитализма в сочетании с убийствами и геноцидом, чему он способствовал, устрашающими колониальными грабежами, эксплуатацией труда, разрушением окружающей среды, в итоге же — истощением личности и общества. Если посмотреть всего лишь на то, что панорама войн, имевших место в течение последних ста лет, во много раз шире панорамы войн за всю историю человечества, легко можно будет увидеть не только кризисный характер системы, но и разрушающие особенности, уготованные системой для человека и окружающей среды. Ясно и то обстоятельство, что система, эти качества которой давно уже выявились в своих центрах и очагах по всему миру, переживает тяжелые времена на Ближнем и Среднем Востоке, являющемся центром исторической культуры человечества. Организации национальных государств последнего столетия недостаточно для того, чтобы спасти современный капитализм. Очень хорошо известно, что минималистская модель государственности на Ближнем и Среднем Востоке является орудием господства капиталистической современности. Сегодняшние национальные государства имеют такое же значение в регионе, которое некогда имели периферийные губернаторства Римской империи. Их роль, вероятно, гораздо более коллаборационистская по характеру, нежели роль провинций Рима, они не связаны с культурными традициями региона; когда же к ним пытаются приблизиться, проявляют самые противоречивые позиции. Элементы современного капитализма в виде чрезвычайной прибыли и индустриализма далеки от того, чтобы углубиться в культуру региона. Наиболее часто применяемые институты национального государства, как и в масштабе всего мира, переживают очень быстрый этап распада. Институты национального государства не могут проявить достаточного профессионализма даже в продолжении углубляющегося кризиса. Их существование способствует постоянному углублению кризиса.

При рассуждении об актуальном состоянии национального государства в регионе и его существовании в свете вероятных событий необходимо подчеркнуть следующее:

а. Арабская национальная государственность уже оказалась в ситуации главных противоречий, которые уже давно вызывают ярость собственных народов. Иракское национальное государство, кажущееся наиболее сильным, в текущем его состоянии представляет собой кладбище национальной государственности. Как не может вместо распавшегося государства образоваться новое, так и разделение на три новых национальных государства, что вполне вероятно, усугубит проблемы и доведет столкновения до геноцида. Шиитское арабское, суннитское арабское и курдское национальные государства станут свидетелями самых кровавых сцен, во всяком случае — XXI века. Окинув взглядом существующее положение, сравнивая с геноцидом в Халабдже, произошедшим в недавнем прошлом, и другими этническими и конфессиональными чистками, ясно видим, насколько ужасающими будут стычки национальных государств будущего. Есть сегодняшний день, и есть будущее, которые очень похожи на взаимное уничтожение друг друга городами-государствами в истории Шумера. Не будет ошибкой заявление о том, что сегодняшнее состояние всех арабских национальных государств, разброшенных от Марокко до Йемена, от Судана до Сирии и Ливана, не отличается от ситуации в Ираке и не будет отличаться в ближайшем будущем. Несмотря на внешнее противоборство с Израилем, они, по сути, занимают коллаборационистские позиции и не только считают существование Израиля возможным, но и объективно способствуют его дальнейшей жизнедеятельности. Существование самих арабских национальных государств возможно благодаря гегемонии Израиля. Не исключено, что именно арабские национальные государства больше всех испытывают необходимость в существовании Израиля.

Политический исламизм, играющий роль национализма в арабском мире, гораздо более проблематичен, нежели светский национализм и его национально-государственной модели. Эти формы национализма, опирающиеся на желание эксплуатировать культуру ислама, практически играют роль позднего фашизма. Даже как видно на примере «Аль-Каиды», витрина, используемая повсюду

национальными государствами, является нечем иным, как провокационным органом, что является доказанным фактом. Арабская национальная государственность, как страны, имеющие богатую историю, так и те, которые создаются в наше время, не является и не может являться ничем иным, кроме как могильщиком социальной жизни и исламской традиции. Положение институтов максимальной прибыли и индустриализма, являющихся другими элементами капитализма, отнюдь не более блестяще, нежели положение национальной государственности. Прибыль и индустриализм, опирающиеся на нефть и строительство, являются источниками наибольших проблем будущего. Когда закончится нефть, ближайшее будущее при наличии мегаполисов, растущих как опухоль, станет для арабов поистине Судным днем.

б. Минималистские структуры тюркских небольших национальных государств, независимо от того, под чьей протекцией они находятся, США–ЕС или России, никогда не смогут сыграть роли древних тюркских правителей и государств и никогда не смогут выйти из роли провинций тех систем, в подчинении которых находятся. Впрочем, они организовывались в соответствии с региональными потребностями капиталистической и социалистической систем. Их задачи — очистить препятствующий продвижению груз прошлого и предотвратить народные восстания. Если посмотреть на их прошлое девятистолетней давности, можно легко установить, что они играли именно эти роли. Роль, сыгранная тюрками на протяжении последней тысячи лет истории, такова, как если бы им велели выворачивать все наизнанку. Все играло на минимализм, эгоцентризм. Они вели себя так, будто бы и не было вовсе никакой ответственности перед культурами и народами региона, даже в отношении друг друга они не играли положительной роли. Такая ситуация связана с привычками к узкому национализму, государственнической идеологии и жизнедеятельности, в которую они оказались брошены. В своем нынешнем состоянии тюрки не могут стать даже тенью того прошлого, которое они зачастую критикуют или о котором порой повествуют. Тюркские национальные государства более других должны подвергнуться реформам в ближайшем будущем.

Однако модель, которая в последнее время выдвинута на сцену под названием тюрко-исламского синтеза, сформирована не

столько по-реформаторски, сколько исходя из потребностей формата гегемонистской системы. Эта модель не пережила никаких перемен в своей сути, и вероятность того, что она сможет урвать что-то из столкновения с хозяевами, в котором оказалась, слаба — точно так, как у арабов, которые все вместе не могут стать наравне с одним Израилем, и нет у них никаких шансов, кроме подчинения гегемонии Израиля. Их существование предопределено условиями рождения Израиля, и судьбы в поздние периоды тоже предопределены существованием Израиля — конечно, до тех пор, пока они не перерастут существующее мировоззрение и жизненные стереотипы. Другие элементы современного капитализма тоже сулят не слишком большие надежды. Индустриализм, построенный в Турецкой Республике, в частности, на нефти, газе и некоторых природных ископаемых, а также туризме, автомобилестроении и текстильной промышленности, уже сейчас превращает все земли в кладбища. Чрезмерная, слепая тяга к прибыли, уничтожая историческую культуру и экологию бассейна рек Тигр и Евфрат, стремится довести проживающий здесь курдский народ до участи армянского и ассирийского народов. Осуществив последний геноцид, Турецкое национальное государство считает, что войдет в вечность как национальное государство, «объединившее страну и нацию». Ясно, что в ближайшем будущем турецкая национальная государственность и современность (если не изменит свою парадигму) не будут ничем иным, кроме как могильщиком всех наций и социальных культур региона, в первую очередь, турецкого и курдского народов.

в. Положение Ирана и других национальных государств гораздо проблематичнее. Впрочем, Афганистан и Пакистан переживают все ужасы кризиса национальной государственности. Войны между национальными государствами на протяжении последнего столетия принесли этим народам и культурам бедствия, которые, может быть, гораздо страшнее взрыва атомной бомбы. Упомянутые народы оказались перед лицом упадка, покушений и заговоров, которые не переживали ни на одном из этапов своей истории. Иран в любой момент может оказаться лицом к лицу с атомным бедствием. Иранская культура изначально пребывает в состоянии противоборства с современным капитализмом, в первую очередь, с

национальной государственностью. Она восстает против всех этих навязываемых элементов. Народы Ирана уже сейчас осознают, что шиизм, утверждаемый в качестве регионального и исторического явления, является формой национализма, что он сформировал производную от современного капитализма. Сама суть исламской революции Ирана под такой маской сошла на нет, и народы восстают против этого. Не очень отличаются и события в Афганистане и Пакистане. Несмотря на происки таких организаций, как «Хезбуллах», «Аль-Каида» и «Талибан», действительность невозможно скрыть. Не следует забывать о том, что все три замаскированные структуры, то есть «Хезбуллах», «Аль-Каида» и «Талибан», были созданы придаточными национальными государствами, и сегодня при помощи этих инструментов они занимаются шантажом в целях получения еще большей доли от своих хозяев, то есть США и ЕС. Эти инструменты заговора, покушений и убийства, которые совместно и создали, сейчас используют друг против друга в целях взаимного «воспитания» и получения гораздо больших долей. Возможно, мы стоим лицом к лицу с методами, изобретенными для реализации наиболее отвратительных в истории заговорщических игр. Играя с этими заговорщическими инструментами едва ли не как в лапту, уничтожают народы и культуры. Ясно, что при помощи таких методов ни система не сможет расширить свое присутствие на Ближнем и Среднем Востоке, ни национальные государства, являющиеся соглашателями системы, не смогут процветать.

В частности, Иран, используя очень древнюю государственную традицию, якобы вступив в противоборство с современным капитализмом, точнее, создав такой имидж, считает, что получит признание системы. Во всяком случае, использование истории в такой форме, не является чем-то иным, кроме как самой омерзительной формой опустошенности. То, что Иран считает, что, столь густо смешав современность с традиционностью, а традицию с современностью, сможет спасти свою национальную государственность, может быть объяснено только «персидскими уловками». Именно поэтому Ближний и Средний Восток ближайшего будущего, вероятно, сформируется на основе Ирана. Иран действительно находится в центре дискуссий по поводу современности. Какие бы искажения ни допускал шиитский национализм, идеологические и политиче-

ские дискуссии по поводу современности будут развиваться и продолжаться. Народы Ирана знакомы с современным капитализмом больше других, и ясно, что они не капитулируют перед ним. Сколько бы лживых антиизраильских, антиамериканских и антизападных подходов ни демонстрировал существующий шиитский национализм, он не сможет предотвратить длительные искания ираноязычными народами современности, которая станет комфортной для них. Даже если шиитские власти достигнут консенсуса с США и Израилем, они не сумеют спасти свой «маскарад». Иранской культуре присущ глубокий и активный поиск истины. Кроме того, в Иране есть традиция общинной жизнедеятельности, столь же древняя, как его история. Таким образом, в ближайшем будущем Ирана сможем стать свидетелями войны за современность в реальном смысле. Собственно говоря, исламская революция 1979 года была войной за современность, но суть этой борьбы была искажена. Народы Ирана при помощи уроков, извлеченных из этой революции и собственной истории, в ближайшем будущем смогут — борьбой за современность — проторить тропу всем народам Ближнего и Среднего Востока и способствовать прогрессу, достойному их истории и истории всего региона. Именно поэтому большое значение имеют дискуссии и практические действия, касающиеся демократической современности, способные вести вперед.

2. УРЕГУЛИРОВАНИЕ КРИЗИСА НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Общественные явления гибки. Даже наиболее кризисные из них содержат множество возможностей урегулирования. Проблема заключается в том, насколько проекты, предназначенные для урегулирования, связаны с социальной истиной. Общественные явления не могут быть измерены и привязаны к законам подобно явлениям из области физики или химии. Истина определяется обществом как и сама личность. Ни одна личность или общество, не могут быть поняты посредством игнорирования социума, с которым они связаны. Поэтому социология, как наука, получившая свое развитие позже всех, стоит во главе наук, остро нуждающихся в совер-

шенствовании. Не поняв суть обществ, нельзя проектировать пути решения с высокой долей истины в отношении переживаемых проблем. Но понимание социальных кризисов требует еще более масштабного восприятия истины того или иного общества. Периоды кризиса — это периоды разрушения обществ, следовательно, изменения их истин. Кризис не может быть урегулирован при помощи выработанных старым обществом знаний, которые в большинстве своем являются мифологическими, религиозными, а порой тяготеют к изречениям мудрецов. Невозможность решения приведет к тому, что включающая в себя определенную долю истины альтернатива не обретет развития. В итоге решение определится степенью наличия в нем истины. Иными словами, успех общественной акции определяется именно силой истины, которую она в себе несет. Истина — это степень выражения смысла и жизненных сил, содержащихся в социальном явлении. Выражения с высокой долей истины связаны с представлением смысла и витальности, содержащейся в общественном явлении.

Завоевание современным капитализмом Ближнего и Среднего Востока было в конечном счете обусловлено тем, что представление истины его сообществами превосходило уровень представления истины в сообществах региона. Представители истины в культуре Ближнего и Среднего Востока, уже ставшего для современного капитализма традиционным, были доведены до такого уровня, когда их успех был просто невозможен под натиском истин, принесенных современностью. Вкратце, перед западной истиной восточная истина слаба и обречена на поражение. Однако поражение не могло охватывать все общество. Фиаско потерпели официальные представители истины, то есть хозяева власти и государства, ибо господствующей была истина, представленная ими. Поражение имело место во всех элементах базиса и надстройки, обеспечивающих жизнедеятельность их государственной системы. Не стоя на смерть, побежденные в представлении новой истины вынуждены были жить в состоянии зависимости от гегемонистской силы. Эти силы уже не смогут определять мировоззрение и жизненные силы собственных обществ. Став приспешниками и агентами гегемонистских сил, они просто обязаны предлагать свои услуги в обмен на гарантии своей жизни. Но туша, оставшаяся без головы, трепе-

цет вместо общественного тела. Как мы уже говорили, они должны или разложиться и раствориться в котле нового сообщества, современных властей или же в силу своего гибкого характера должны продемонстрировать решительность в своей жизнедеятельности. снабдив нестигаемое тело свободным мышлением, то есть выйдя из кризиса при помощи более свободного мышления. Несомненно, выход под руководством этой новой идеологии мышления связан с долей истины, которую он в себе будет носить. Успех данного выхода будет предопределен созданием новой науки, философии, искусства, идеологии и экономического производства, которые по своему характеру превзойдут ту науку, философию, искусство, идеологию и экономическое производство, которые делают возможным нашествие современного капитализма. Это уже означает создание новой современности. Только общество, идущее от побежденного традиционного социума к победе, может при помощи альтернативной современности, превосходящей нынешний капитализм, осуществить успешный выход из кризиса.

Социалистическая система распалась, потому что не смогла сделать себя различающейся современностью. Не смогла превзойти все три элемента капиталистической современности. Что говорит о превосходстве, если уже на стадии бюрократического капитализма социалистическая система пошла на крайние меры по использованию всех трех элементов современного капитализма! В итоге доля истины, содержащаяся в общественных институтах, созданных системой социализма, оказалась слабее, чем доля истины современного либерального капитализма — в этом причина поражения и распада. В данном случае поражение от либерального капитализма на самом деле потерпел именно бюрократический капитализм. Бюрократический капитализм не только не смог сформироваться в качестве отдельной современности, но даже не сумел стать новым современным капитализмом, превосходящим нынешний либеральный капитализм. Только авторитарные и государственнические исламские движения, которые можно было бы считать еретическими, представляют собой искаженные явления. Имея гораздо более слабую долю истины в сравнении с социалистической системой, будучи идеологически более одержимыми, они не смогли избежать поражения. Идеологические и социальные образования

более всего связанные с современным состоянием суннитской традиции в египетском университете Аль-Азхар, шиитской традиции в медресе иранского города Кум, в силу существующего багажа истины не смогут даже подойти к порогу современного либерального капитализма. Несмотря на десятки усилий и факты борьбы, им не избежать поражения, даже если они все объединятся против Израиля, представляющего собой гегемонистский стержень современного западного капитализма. Причина этого не в наличии у Израиля ядерного оружия или превосходства в технологиях, в конечном счете это связано с долей истины, которую несут в себе противники. Доля истины, которую воплотил Израиль, во много раз выше совокупной истины всех его противников. Даже при отсутствии сомнений в том, что они хотят представить себя в качестве иного мира, все равно питать идеи другого мира можно лишь в том случае, когда с точки зрения доли истины он будет превосходить мир современного капитализма, тогда может утверждать о праве представлять общественную жизнь и, следовательно, современность, в которой высока доля истины. Без этого идея иной современности останется пустой. В крайнем случае это может быть вариантом традиции, надевший на себя маску современности. Короче, попытки представления исламской культурной традиции в качестве самостоятельной современности — это нечто иное, как деятельность фальсификаторов, продающих копии древних произведений. В частности, идеи официальной власти современного Ирана, касающиеся такой современности, в существующем состоянии не идут дальше усилий упомянутых фальсификаторов и не имеют шанса жизни.

В свете этой критики можем более точно охарактеризовать демократическую современность, которую я постарался исследовать в Защитной речи из Имрала. В частности, следует правильно понять критику системы реал-социализма со стороны демократической современности. Эта критика не является ни отказом от социализма, ни его догматическим признанием. Она просто анализирует этот опыт и высвечивает содержащуюся в нем истину антикапиталистической современности. Эта критика дает теоретическую и практическую оценку антимодернизма социалистического лагеря, преодолевает ошибки, подчеркивает верные стороны. Проводя научный анализ традиционной культуры Ближнего и Среднего

Востока, критика делает актуальной содержащуюся в нем истину в качестве наиболее важного источника. Демократическая современность — это не просто утопия будущего. Ее фундамент, скорее всего, опирается на культурную традицию, насчитывающую тысячелетия. Это — современная реальность культуры, существующее общество. Как бы долго ни пребывало это общество без решения и в безысходности, опять же, оно представляет собой реальность и, будучи реальностью, обладает значительной долей истины. Анализ дает выражение этой доли. Нельзя путать традицию с консерватизмом. Консерватизм не является общественной традицией, он, в сущности, является представителем обновленной господствующей традиции, которую стремятся утвердить как антагонизм либерализма. Невозможно говорить о демократической современности, которая бы не опиралась на традицию. Социальная традиция — это историческая действительность демократической современности. Поскольку не бывает общества без истории, не может быть и демократической современности вне истории.

Необходимо подчеркнуть значение критических взглядов экологических и феминистских движений в отношении современного капитализма. Экология, в принципе, является антикапиталистической, поскольку это наука об окружающей среде, приведенной в жертву индустриализмом, экология это еще один из незаменимых источников демократической современности. Феминистская деятельность, несмотря на все недостатки, обладает ценностью в той степени, в которой она вносит свою лепту в женскую истину. Даже демократическая современность становится истиной, когда анализирует женскую действительность. Вместе с тем он подходит к проблеме для того, чтобы сделать феминистскую критику и движение своей незаменимой частью. Говорить о части, вероятно, не совсем правильно, ибо демократическая современность включает женщину в свою систему в качестве основополагающего жизненного фактора.

В свете обсуждений и столкновений по вопросам современности становится легче обозначить судьбу нынешнего капитализма в культуре Ближнего и Среднего Востока. Все наши аналитические усилия свидетельствуют о том, что эта судьба сама собой не определится. Только в рамках проекта альтернативной современности чья

идея истины сильнее, можно превзойти его. Этот проект заключается в том, что вместе с критикой основных элементов современного капитализма с позиций современной демократии, объединив критику с точки зрения системы социализма, традиционной культуры, экологических и феминистских движений, которые выступают против современного капитализма, но не могут разрушить его рамки, можем тем самым продемонстрировать конструктивную силу основных элементов демократической современности. Только приведя все сказанное по данным вопросам в соотношение с общественным кризисом Ближнего и Среднего Востока, сумеем определиться в вероятном решении.

а. Теория демократической нации является главнейшим конструктивным элементом современной демократии. Кроме теории демократической нации нет никакой иной теории, способной опять объединить и дать новую жизнь в условиях свободы мировому человеческому сообществу, которое в ходе реализации теории национального государства современного капитализма оказалось расчлененным, как мясниками. Иные общественные теории по отношению к сегодняшним проблемам не могут уйти дальше своей маргинальной роли. Капиталистические либеральные теории, вместо того чтобы разобраться в самых продолжительных онкологических болезнях, навязанных человечеству капитализмом, и вернуть обществу его здоровье, могут всего лишь оказать такое воздействие, которое оказывают некоторые лекарства на здоровье больного онкологией, продлевая его жизнь на какое-то непродолжительное время. Все решения, предложенные этими теориями, сводятся к тому, что, усугубив проблемы, они как раз таки продлевают жизнь современного капитализма. Все события, имевшие место на протяжении последнего столетия в регионе Ближнего и Среднего Востока, подтверждают это наше суждение. Социум Ближневосточного региона, построивший жизнь в условиях культурного единства на протяжении всей истории, даже на десятки тысяч лет вглубь истории, в пламени Первой мировой войны был расчленен силами современного капитализма так, будто поработал мясник, и отдан на милость чудовищ, называемых национальными государствами. Национальные государства, будучи наиболее конкретным состоянием Левиафана, который в Священном Писании отождествляется

с государством, разделив общественные реалии обманом, называя самым внутренними и внешними политиками, просто поглощая общественные реалии, и нет у них больше никакой роли. То, что они называют современным национальным обществом, это нечто иное, как раздробление величественной, требующей целостности общественной культуры со всеми ее достижениями, отрицание и постепенное уничтожение этой культуры. Они разделили, подвергли отрицанию и уничтожению историю и общественную культуру, считая, что таким образом добились успеха. Национальные государства, играющие роль мясников современного капитализма, видят себя все более удачливыми и счастливыми в глазах новых хозяев по мере преуспевания в отрицании и уничтожении прошлого, установив вместо этого господство агентов системы и ориенталистское мышление. Разделение национальных государств и меры, называемые внутренней и внешней политикой, происходящие на протяжении последнего столетия, в общем смысле являются, с позиции культуры Ближнего и Среднего Востока, уничтожением. Все, что происходило, от сферы мышления до экономических миров, — это раздробление целостной действительности и поглощение элементами капиталистической современности. События, имевшие место в современном Ираке, достаточно поучительны для того, чтобы дать оценку последнего столетия.

Теория демократической нации предназначена прежде всего для того, чтобы положить конец движению и национальному государству, направленным на расчленение культурной целостности, осуществляемое по примеру мясника, и настройке мира мышления для возвращения к целостности. Теория демократической нации придает принципиальное и первостепенное значение объединению культурного мира Ближнего и Среднего Востока под сводами концепции **Союза демократических наций**. Наш культурный мир, требующий единства во всем своем разнообразии на протяжении всех исторических эпох своего создания, будучи альтернативой современному капитализму, объединяется в рамках этой концепции. Обратим внимание на последнее столетие: процессы эволюционировали только в направлении разделения. Арабское племя разделилось не просто на двадцать два национальных государства, оно разделилось на сотни противоречивых мышлений, организаций, пл

мен и конфессий, находящихся в состоянии противоречий между каждым из пронациональных государств. Такова цель либеральной философии в колониальном смысле. Потенциал капиталистического индивидуализма в плане атомизации общества просто бесконечен. Следовательно, теория демократической нации является выражением основополагающей принципиальной целостности на пути, ведущему к повторному свободному и демократическому единению.

Поскольку в предыдущих томах мы рассуждали о теории демократической нации, не будем в данном случае останавливаться на ее содержании. По сути, эта теория предусматривает понимание этноса, которое дает возможность разным национальностям, проживающим в одной местности, даже городах, и не загруженным пониманием того, что для национального становления необходимо наличие четких политических границ, консолидироваться в комплексе их различных общностей в виде более развитых национальных сообществ. Так эта теория делает все крупные национальные сообщества, которые постоянно втягивают в пограничные конфликты, а также менее крупные национальные сообщества и меньшинства равноправными, свободными и демократическими и границах того же национального единства. Применения даже этого принципа достаточно для того, чтобы свести на нет политику гегемонистской системы «разделяй и властвуй» и натравливания друг на друга. Великая ценность этого принципа в плане достижения мира, свободы, равноправия и демократизации подтверждает его превосходящую конструктивную роль в плане того, что благодаря этим своим особенностям он способен свести на нет все милитаристские, порабощающие, устрашающие и деспотические фашистские меры национально-государственного строя. Сингулярный и абсолютизирующий национально-государственный национализм может быть приостановлен только при помощи мировоззрения на почве демократической нации. Это — наиболее подходящая теория и принцип, способный остановить не только бесконечное раздробление и распад арабского мира, но и аналогичное разделение и распад тюркского мира. Тюркский мир во многих уголках мира, от Балкан до Кавказа, от Средней Азии до Ближнего и Среднего Востока, только в рамках теории демократической нации

может преодолеть имеющиеся место раздробленность, раздел, слепое преклонение божеству национального государства, междоусобные столкновения на почве ориенталистского позитивистского и метафизического мировоззрения. Так тюркский мир может вновь объединиться на принципах равенства, свободы и демократии. В такой стране, как Иран, для которого характерны потенциальные возможности раздробления и раздела в любую минуту, модель национального государства — все равно, что атомная бомба, установленная на самом дне. Шиитский национализм, который постоянно все больше ужесточает характер национального государства, несмотря на все современные «игры», не только не в состоянии предотвратить раздробление и раздел Ирана, но даже ускорит эти процессы. Теория демократической нации, в частности, для Ирана является гомеопатическим лекарством, которое следует принимать ежедневно. Только теория демократической нации может способствовать тому, чтобы культура и народ Ирана, проявляющие предельную стойкость в отношении современного капитализма, смогли достичь равенства, свободы и демократии, к которым стремились на протяжении всей своей истории. Иран может противостоять национальным государственным заговорам и нападкам, ведущим его к конфликтам и войне, и достичь гордого мира.

Одно из самых больших бедствий, связанных с кризисом национального государства, сегодня существует на оси Афганистан—Пакистан. Кроме того, связанная с этим проблема Кашмира тоже полностью обусловлена национально-государственной идеологией. Конфликты между Пакистаном и Индией, Пакистаном и Бангладеш существовали и существуют в настоящее время как следствие того же националистического мировоззрения. Решения с позиций модели национального государства по своей природе таковы, что не решают проблем и порождают войны. Эти конкретные примеры тоже предельно раскрывают данную действительность. В отношении Афганистана пытались применить и республиканские, и монархические, и социалистические модели национального государства. Итогом стало афганское общество, полностью сошедшее с своего пути, оказавшееся в атмосфере слепого насилия без каких-либо принципов, разложенное и утратившее способность к продолжению собственного существования. Нельзя даже представи

какое-либо иное, кроме теории и понятий демократической нации, мышление и волю, способные вновь собрать эти общества и приобщить их к более свободной и демократической жизни. Пока социальные проблемы не будут решены при помощи идеологии, они не могут найти и структурного решения. Идеология демократической нации формирует наиболее подходящие объединяющие рамки для культур всех народов, чьи различия проявляются на территории от Средней Азии до Индии, тем более что культуры и народы этого пространства, проживая на протяжении истории под общими политическими сводами конфедеративного типа и империями, пусть и не идеально, но смогли сохранить свое существование и самобытность. До тех пор пока будет существовать идеология национального государства, в форме религиозного клерикализма или светского национализма, неизбежным будет дальнейшее разложение и столкновение этих обществ. Представляя ислам, о привязанности к которому так много утверждают, в качестве террористической идеологии, выставляют эту традицию в высшей степени негативном свете. Как для Ирана, так и для этих широких географических территорий, сначала на региональном уровне, затем уже в тесном переплетении с ним, но уже в масштабе всего Ближнего и Среднего Востока необходимо развить демократические национальные движения. Наиболее подходящая альтернатива активному распаду национальных государств, в частности типа Пакистана, что уже сейчас наблюдается, это Демократический национальный союз, который будет развит в масштабе Ближнего и Среднего Востока.

С точки зрения действительности Израиля, являющегося гегемонистским стержнем национального государства, теории и концепции демократической нации также играют конструктивную роль жизненно важного значения. Будущее Израиля может развиваться по двум путям. Первый путь — это постоянные войны для продолжения своей гегемонии по действующей линии, превращение в некую региональную империю. Известно, что у Израиля есть гегемонистские планы расширения от Нила до Евфрата, даже гораздо дальше. Этот план был разработан для постосманского имперского пространства. Хотя в его реализации уже достигнуты определенные этапы, Израиль пока недостаточно подготовлен к достижению своей цели в полном объеме. Наличие аналогичных гегемонистских

проектов у Ирана, который в последнее время активно противостоит ему, приводит к определенной напряженности их взаимоотношений. Есть у Израиля определенная напряженность во взаимоотношениях с Турцией, но насколько они серьезны, неизвестно. Таким образом, речь идет о процессах развития региональной гегемонии, проходящих предельно остро. Проблемы национально-государственного происхождения, которые в дальнейшем будут неизбежно расти, порождены именно этими взаимными гегемонистскими расчетами. Второй путь для Израиля и еврейского народа — это выход из лагеря, окруженного врагами, участие в проекте **Демократического национального союза Ближнего и Среднего Востока**, обретения положительной инициативы для выступления на этой платформе. Интеллектуальный и материальный капитал, стоящий за спиной Израиля, может играть очень важную роль в проекте **Демократического национального союза**. Израиль, таким образом, сможет обеспечить собственное оздоровление в состоянии демократической нации, а также, реализовав это в составе **Союза демократических наций**, развернутого в масштабе Ближнего и Среднего Востока, достичь столь желанного и постоянного мира и безопасности.

Наибольшее бедствие, которому способствовала идеология национального государства, имеет отношение к народам Ближнего и Среднего Востока, пережившим геноцид. Несмотря на то, что греческий, армянский, ассирийский и курдский народы, попавшие в капкан раннего национализма в Анатолии и Месопотамии представляют собой древнейшие в истории автохтонные культуры, опыт национального государства последнего столетия довел эти народы до порога уничтожения. Яростное стремление суверенных национальных государств создать однородное национальное общество в жестких границах стало настоящим бедствием упомянутых народов. Не будь националистического мировоззрения современного капитализма, не было бы и этих колоссальных трагедий. Именно капитализм создал «белую» турецкую элиту. Нельзя представить проекты по созданию однородной нации независимо от необходимости накопления капитала. Те, кто должен быть призван к ответственности за геноцид, явно не были турками, и, почти как у немцев, это была маргинальная группа, которая в одно время стремилась к созданию национального капитализма. В данном

случае националисты не только титульной, но и угнетенных наций несут свою часть ответственности за то, что разбудили чудовище национального государства. Убитых уже не воскресить, так что эти народы, оставшиеся в меньшинстве, может сохранить только теория демократической нации. Например, стремление установить в Стамбуле власть «белого» турецкого национального государства означало бы подписание смертного приговора всем историческим культурам этого мегаполиса или же погребальный звон колоколов. Остается один «белый» Стамбул с монокультурой, который вследствие постоянных культурных чисток здорово отстал, и это не будет означать ничего, кроме культурного фашизма. Что касается Стамбула, освоившего мышление в рамках демократической нации, то ясно, что это будет Стамбул во всей прелести исторического культурного богатства.

С этой же точки зрения можно рассматривать также культуры Анатолии и Месопотамии. Только идеология, основывающаяся на теории демократической нации, может обеспечить сосуществование в условиях мира, равенства, свободы и демократии. Если каждая культура, с одной стороны, формируется в качестве демократической национальной группы, то, с другой стороны, с культурами, с которыми сосуществует сейчас, она может жить на более высоком уровне, в составе демократических национальных союзов. После того как будет преодолено влияние мировоззрения сингулярной нации, не останется и необходимости в ассимиляции друг друга. Вместо этого будет жизнь в виде культурных единств как это было на протяжении всей истории. Уже ясно, что армяне, греки и ассирийцы не станут чертить для себя границы национальных государств, и, в связи с необходимостью продолжать свое существование, возрастет роль мировоззрения на основе демократического национального единства и структура демократической автономии. Демократическая современность, пусть и поздно, станет храмом мировоззрения культурных групп и народов, которые во всех концах региона переживают аналогичные процессы, а демократическая автономия — моделью их перевоплощения.

Не только этнические и национальные общности представляют собой богатое наследие региона. Религии и конфессии тоже представляют собой панораму широких групп. Представление новых

видов, которые приняли религии и конфессии в традиционных и современных формах, является очень сложным вопросом. Идеология национального государства ликвидировала большую их часть. Но поскольку национальная государственность износилась как модель, то для представителей этого богатого наследия исторической культуры самовыражение возможно только в рамках теории и концепции демократической нации. Для интеллектуального восприятия и структур демократическая нация и демократическая автономия является наиболее подходящей моделью. Для всех аналогичных сфер исторического общества формирование демократического национального общества вместо бедствия в лице национального государства является гарантией мира, равенства, свободы и демократии.

Полной трагедией является положение курдов, разделенных на Ближнем и Среднем Востоке идеологией национального государства и подверженных в каждой из частей различным методам уничтожения и ассимиляции. Ни полное физическое, ни культурное уничтожение невозможно осуществить немедленно. Курды оказались в состоянии агонии, постепенного и длительного вымирания. Это ситуация, не имеющая прецедентов в мире. Курдов сделали не только инвалидами в плане сознания, но и расчленили телесно. Положение социально раненого народа уже сделано образом жизни. В курдской среде не существуют ни прежняя традиционная, ни современная жизнь. Впрочем, до последнего времени у курдов был отобран возможность сделать собственный выбор. Несомненно, такая ситуация обусловлена существованием национальных государств, созданных современным капитализмом. Что касается позиции самих курдов в плане собственного национального государства, то она оказалась не особенно успешной, и связи с тем, что не совпадала с интересами современного капитализма, шанс реализовать не удалось. Что касается национального государства, которое сегодня хотят развить в Иракском Курдистане, то оно тесно связано с гегемонистскими расчетами современного капитализма. Минималистское курдское национальное государство может совпадать с интересами системы. Но опасность кроется в следующем: если система сочтет, что это не соответствует ее интересам, в любой момент могут начаться новые массовые убийства и геноцид. Поскольку большая часть моей Защитной речи посвящена курдскому факту

ру, проблеме и путям ее решения, в данном случае подчеркну, что наиболее подходящая модель освобождения от этого чудовищного статуса, или отсутствия статуса как такового, — демократическая нация. Демократическая нация и демократическая автономия, как идеология и структура, обеспечивают возможность сосуществования на базе разделения управления, как это часто встречается во всем мире, причем не преследуется цель разрушения границ существующих национальных государств. Необходимым для этого фактом является демократический конституционный режим.

Кредо курдов — это **Демократический Конфедеративный Курдистан**, являющийся альтернативой «**независимой Объединенной Республики Курдистан**», не затрагивающий существующие границы, более того делающий эти границы стимулом **Демократического Национального Союза Ближнего и Среднего Востока**. Многие группы культур и народов в ходе реализации этой модели смогут организоваться как федеративные объединения. В одной местности, в одном городе различные равноправные, свободные и демократичные группы могут мирно сосуществовать с точки зрения этнических, религиозных, конфессиональных и гендерных факторов. Когда **Демократический Конфедеративный Курдистан** добьется развития своей модели демократической нации, легко сможет создать аналогичные союзы с соседними сообществами в каждой части Курдистана. Если задуматься о том, что аналогичные образования можно создать в Турции, Иране, Ираке и Сирии, то ясно, что **Демократический Конфедеративный Курдистан**, который мы стараемся охарактеризовать, станет стержнем **Демократического Национального Союза Ближнего и Среднего Востока**. Оба явления могут развиваться в тесном переплетении, чего, прочем, требует социально-историческое единство Ближневосточного региона.

В ответ на это практически нет никаких шансов у проекта «**Большой Ближний Восток**», который в последнее время вновь хотят поставить на повестку дня Соединенные Штаты. Собственно говоря, этот проект базируется на существовании национальных государств. Многие аналогичные проекты толкали Ближний и Средний Восток к гораздо большему хаосу. Ситуация, которой способствовал последний проект, тоже не особо отличалась от предыдущих. До тех пор пока не будет преодолено засилье логики национального госу-

дарства, ни один проект не в состоянии спасти Ближний и Средний Восток от глубоких кризисов и проблем, от конфликтов и войн. Поскольку логика национального государства превратила существующие Лигу Арабских Наций и Организацию Исламская Конференция в инвалидов, у них нет никакой конструктивной роли в решении проблем. До тех пор пока они не выйдут за грань имеющейся идеологии и институтов, не будет и шансов на конструктивность. Кроме того, авторитарные войны, которые развернуты против США и его местной гегемонистской силы, Израиля, Ираном или Турцией посредством организаций «Хезбуллах» и «Аль-Каиды», не сыграют никакой иной роли, кроме углубления проблем до состояния необратимости. Расчеты на получение своей доли в любой момент могут продемонстрировать обратный эффект. Налицо ситуация, до которой довели Ближний и Средний Восток все эти старые и новые игры в национальные государства. Такое состояние Ближневосточного региона, превращенного в клубок углубившихся и ставших неразрешимыми проблем под лозунгом: «Решаем проблемы, продвигаем дипломатию нуля проблем!» Мы уже открыто демонстрировали его искусственный характер, что обусловлено национально-государственной идеологией. Но, как уже столь же ясно подчеркивалось нами, теория демократической нации и институт демократической автономии в эпоху современной демократии является наиболее подходящей моделью, новой парадигмой равноправия, свободы и демократии для выхода из этой хаотической ситуации. Является моделью показывающей каждому человеку, каждому обществу путь достижения стабильного мира и постоянной безопасности.

б. Экономика демократической общины — это путь решения, вновь дающий возможность жить по-человечески обществу, доведенному до состояния работающих и безработных рабов тенденцией капитализма к извлечению максимальной прибыли. На протяжении истории община, то есть коммуна, всегда реализовывалась при помощи экономики. Экономика без общины невозможна. Даже смысловое значение слова «экономика» — это «закон домашней коммуны», то есть это действия, направленные на существование семьи как ячейки социума. Способ существования общества всегда подразумевал коммуноу. История не знает экономики, начатой отдельной личностью. Частная экономика — это чудовище, не признавае-

мое историей и обществом, являющееся порождением капитализма, по меньшей мере в той же степени, как и национальное государство. Частная экономика на протяжении всей истории постоянно отождествлялась с «воровством», и ее сторонились, как некоего маргинального действия. Вместе с восхождением современного капитализма появилась новая категория — рынок. Ситуация напоминает следующее: мышь, постоянно жившая в своей норе под землей, вдруг превращается в кота и овладевает всем рынком. В истории сторонники частной экономики или капитала постоянно осуждались как воры, их изолировали от глаз людских. Эти коты-мыши, построившие на волне подъема капиталистической гегемонии свою гегемонию над рынком, стали настоящим бедствием для человеческого общества. По очень уместному утверждению историка Ф. Броделя, капитализм, совершенно не являющийся экономикой, — это монополизм, установивший гегемонию над рынком в целях извлечения прибыли. Как монополии частных лиц, так и монополии государства, те, кто установил господство над экономикой, осознавали, что их воровство стало возможным в силу разрушения коммуны, являвшейся той самой организацией, к которой, вероятно, впервые обратились люди, желая удовлетворить свои жизненные потребности. Частный или государственный монополизм — это грабеж по отношению к социальной экономике. Это ограбление, творимое современным капитализмом посредством маскировки своих деяний тысячью и одним одеянием, означает сотрясение основ коммуны, следовательно, всего общества. Все экономические кризисы и болезни начинаются с разрушения и упадка социальной экономики, являющейся фундаментом общества. История капитализма — это история разрушения общинной экономики. Итогом становится самое крупное в истории общественное бедствие. Разрушение и упадок экономики являются реальной причиной разрушения и упадка всей социальной сферы, нравственности и политики. Экономический упадок — это упадок общества. В таком случае остаются только безработные, безнравственные и аполитичные фрагменты общества. Таков частный и государственный монополизм капитализма.

Именно по этой причине происходит следующее: структурный кризис, переживаемый в масштабе всего мира на протяжении последних четырех столетий, в частности, достигший своего апогея

в современную эпоху финансового капитала, ежегодно порождает четыреста тысяч безработных. Еще более впечатлительны масштабы разрушения в обществе Ближнего и Среднего Востока. Разрушение общинной жизнедеятельности на протяжении последних пятидесяти лет способствовало тотальной безработице в обществе. Социум Ближневосточного региона не подвергался такому разрушению ни на одном из этапов своей истории. Хотя общество Ближнего и Среднего Востока и есть то самое общество, которое впервые реализовало принцип коммунальной экономики, даже лидировало в мировом масштабе вплоть до наступления этапа капиталистической гегемонии. Кризис, охвативший это общество сегодня, тождествен утрате общинной формы жизни, которую оно создавал своим умом на протяжении более чем триста тысяч лет. Именно в силу этой исторической причины общество переживает тотальное бедствие. Последствия данного кризиса нельзя сравнить ни с одним известным из истории варварских нашествий, потому что и у варваров основой являлся общинный образ жизни. Никому и в голову не могло прийти изменить его. Капиталистическое варварство в соответствии со своей сатанинской логикой впервые задумало разрушить общину и сумело это сделать. Итогом стали войны и колониальный грабёж на протяжении последних четырех столетий, а также обречение общества на современное рабство за зарплату; более жестоким итогом стало превращение общества в армию безработных, что гораздо хуже классического рабовладения. Вследствие варварства капитализма общество утратило свою нравственную и политическую целостность, это варварство разрушило окружающую среду и нарушило баланс биологического мира, опустошило подземные недра, загрязнило всю поверхность земли, довело до климатических бедствий.

Ясно, что бороться с этим упадком, ставшим результатом либерального и государственнического экономического господства со временного капитализма, иными путями, кроме социальной экономики современной демократии, будет крайне тяжело. Экономике общины не следует воспринимать как некое новое изобретение или доктрину. Экономика коммуны, то есть общины, не является так же новым планом или проектом: следует воспринимать ее как способ жизнедеятельности и истину, без которой человеческ

общество не в состоянии прожить. Если общество хочет выстоять и продолжить свое существование, оно обязано взять за основу экономику общины. Слово «обязано», вероятно, содержит какие-то признаки жесткого законного требования, но в данном случае глагол «обязать» уместен, потому что человечество не может прожить без экономики, а эта экономика не сможет реализоваться без общины. Если мы хотим продолжить общественную жизнедеятельность не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и во всем мире, мы должны сделать главенствующей экономику социума. Говоря о главенстве, я понимаю, что мы не сможем отрезать и выбросить в сторону ни частный, ни государственный капитализм. Если мы, как и прежде, сделаем капитализм маргинальным, то должны предоставить общине — коммуне — главенствующую роль.

Общество Ближнего и Среднего Востока не так «дружит» с капитализмом, как это имеет место в других регионах Европы и мира. Оно далеко от освоения капитализма. Стало быть, сильны его общинные корни. Социальный экономический элемент демократической современности, поддерживаемой наукой и технологиями нашей эпохи, не ограничивается только лишь борьбой с разрушающим, разлагающим влиянием капитализма, но и обеспечивает мощную опору для реконструкции всех общественных сфер. Но капитализм в течение последнего столетия превратил человеческую личность в такое праздношатающееся безработное и антиобщественное существо, что возвращение таких личностей в социальную экономическую систему потребует настоящей социальной же революции. Либеральный индивидуализм — это болезнь, столь же опасная, как онкология. Человека, страдающего этой болезнью, можно вернуть в коммунальную жизнь только после тщательного лечения. В данном случае большую роль играет мышление и нравственное воспитание. Однако на пути к коммунальной экономике необходимо во всей значимости осознать то, что эту экономику нельзя создать без демократической политики, и сделать все необходимое для этого. Кроме того, нельзя пренебрегать нравственным аспектом. Вкратце: реставрация экономики общины требует активного идеологического, политического и нравственного образования.

Говоря об экономике коммуны, мы должны задумываться о ней не только в связи с несколькими конкретными сферами, а в связи

с широким спектром, охватывающим земледелие и промышленность, сферу услуг и ремесла. Экономика коммуны — это система которая должна развиваться не только в селе, но и в городе. Даже аграрно-городская экономика, которая должна развиваться в качестве альтернативы аграрно-земледельческой экономике, уничтоженной современным капитализмом, альтернативы городской экономике, превращенной им в онкологию, в основном может быть построена вокруг экономики коммуны. Современная социальная экономика преимущественно является аграрно-городской экономикой. Не следует понимать аграрно-городскую экономику превратно. Это не является ни стремлением урбанизировать село ни призывом к городу вернуться в село. Аграрно-городская экономика должна восприниматься как современный блок коммунального общества. Господствующая в истории тенденция, безусловно имеет аграрно-городской характер. Перекосы в дифференциации между селом и городом связаны с современным капитализмом. В экономике, созданные на протяжении истории на побережьях рек Евфрат, Тигр, Нил и пяти рек Пенджаба, имели общинный характер. Впрочем, именно эта общинная экономика сделала возможной цивилизацию. Тенденция капитализма к извлечению максимальной прибыли и построенная им политика строительства дам разрушили не только иссохшую экономику сел, связанных с этими реками, но и поглотили самые плодородные земли, растительный покров, разнообразие фауны, наиболее значительное археологическое наследие. Не в меньшей степени, чем уничтожение общества совершалось уничтожение экологии и археологии. Предотвратить все эти разрушения может только коммунальная экономика в связи с демократической политикой.

Коммунальная экономика крайне редко затрагивалась революционными идеологиями и политиками. В особенности отождествление системой социализма государственного капитализма социализмом способствовало большим бедствиям: оно не только привело к деградации социализма, но и лишило общинную экономику ее реальной действительности. Самая большая поддержка капитализму была оказана государственным капитализмом под именем коллективизма. Необходимо, чтобы коммунальная экономика, также как частная, отвергла экономику, реализуемую государством

точнее, эксплуататорскую экономику. В частности, считая государственный монополизм деградацией общинного коллективизма, необходимо в любых условиях бороться с этим. Более того, надо хорошо знать и следующие нюансы: даже капитализм сегодня находится на пути превращения в своего рода капиталистические общины, состоящие из семейных компаний и управляемых профессиональными генеральными директорами. Этот процесс капитализм старается внедрить во все сферы. Надо видеть в этом изощренные уловки либерального капитализма. Капитализм, приспособляющийся в качестве холдинговой системы к общинного типа стереотипам, именно в такой форме демонстрирует наибольшую враждебность к социальной экономике и обществу. Как бы капитализм ни утверждал, что вышел за рамки старых общественных формаций, он не остановится перед самоорганизацией в форме родоплеменного общества. Он создает своего рода современные родовые и клановые общины, потому что, как правило, общество возвышается на базе, созданной кланом и родом, то есть социальными общественными единицами. Но современный капитализм реализуется, по сути, настроившись на волну отрицания основных общественных формаций. И в процессе такой самореализации не останавливается перед тем, чтобы примерить на себя старые шаблоны.

Поскольку национальное государство сформировалось в соответствии с монополиями, оно не захочет признать коммунальную экономику. Точнее, оно тоже хочет установить свое господство над этой экономикой, как это сделали монополии. Разрушив общинную экономику Ближнего и Среднего Востока, национальное государство бредит идеей создания однородного общества. Оно считает общинную жизнь, религиозные общины препятствием на своем пути. Идеальное общество национального государства — это сборище обезличенных, рабоподобных людей, работающих как муравьи, но начисто утративших свою социальную и общинную идентичность. По существу, общество закончилось на этом сборище. Такие философы, как Ницше и Фуко, утверждая, что «общество или человек убиты современностью», хотели подчеркнуть именно данные реалии. Сборище униженных, обезличенных особей, в которое превращено социально ориентированное общество личностей

и идентичностей, — характерная черта современного капитализма формирующая тип гражданина национального государства.

Ценными являются все традиции, лежащие в основе демократической современности, несущие в себе исторические особенности. Главные из них, а именно солидарность, общинная экономика играют роль основных единиц. Социально ориентированная экономика является также основной единицей демократической нации. Подобно тому, как монополии экономического господства являются основными единицами экономической эксплуатации в национальном государстве, так и ячейки коммунальной экономики являются основополагающими единицами экономической жизни демократической нации. Демократическая нация и демократическая современность возвышаются на почве социально ориентированной коммунальной экономики. Не вижу особой необходимости в раскрытии глубины коммунальной экономики. От семейной ячейки до демократической нации может быть построено большое бесчисленное количество единиц — в зависимости от потребностей. Первостепенными являются идеальные земледельческие фабричные коммуны. Более того, среди важнейших типов коммун можно перечислить многоцелевые кооперативы, коммуны в сферах транспорта, здравоохранения и образования. Важно не то, чтобы изначально определить тип коммун, а важно строительство в соответствующем количестве и качестве каждой коммунальной единицы по потребностям и функциональности, важно не оставлять ни одной личности вне коммун. Демократическая нация — это нация, которая организует и наделяет обязанностями всех людей в коммунах. Невозможно существование личности без коммуны, если и будет такое, то данный человек или болен, или находится на грани деградации. Основная задача индивидуумов демократической нации, в частности, ее авангарда, заключается в обязательном превращении всех в активных сотрудников одной или нескольких коммун.

Современные общества Ближнего и Среднего Востока могут выйти из тяжелого кризиса только по мере того, как организуют коммуны в каждой сфере. В первую очередь это должны быть экономические коммуны. Без коммун выхода из кризиса быть не может. Исторические и культурные традиции могут продолжить свое с

ществование, только заняв свое место в современности с помощью социального образа жизни. Нельзя подражать традициям, но нельзя и жить без опоры на традиции. Только если традиция произрастает на почве современных созидательных ценностей, не опирающихся ни на отрицание, ни на копирование традиций, социально-историческая жизнедеятельность может приобщиться к истинному смыслу жизни. В данном случае общинная экономическая традиция играет главную роль. Экономические коммуны нужны во всех странах. Путь к предотвращению безработицы и разложения общества является переходом к периоду социальной жизнедеятельности. В частности, возвращение к земледелию и селу на почве обновленного общинного мировоззрения и организованности стал бы самой важной **РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**. Настоящая революционность — это реализация коммунальной жизни, реализующей наше существование, во всех социальных сферах, в первую очередь — в экономике. Как демократический федерализм и демократическая автономия являются организацией и структуризацией политической жизнедеятельности демократической нации, так и федерация коммунальных экономических союзов является организацией и структуризацией экономической жизнедеятельности. Федерация коммунальных экономических союзов выражает экономическую платформу **Демократического национального союза Ближнего и Среднего Востока** в местном, национальном и региональном масштабах. То, что экономические единицы, кибуцы, существующие в стержне гегемонистской силы, Израиле, это единицы, очень схожие с коммунальной экономикой, подтверждает ее превосходство. Чтобы разорвать цепи гегемонии Израильского национального государства, то надо понять, что для этого нет никакого иного пути, кроме перехода к коммунальной экономике в сфере экономической жизнедеятельности. Более того, путь к освобождению от мировой капиталистической гегемонии и ее разнообразной монополистической эксплуатации проходит через реализацию новой общинной экономики, составляющей основу равенства, свободы и демократии.

Экономические традиции общины, которые и по сей день с трудом пытаются устоять в Курдистане, толпы безработных, образовавшиеся вследствие разрушения общества национальным

государством, может спасти только обновленная коммунальная экономическая жизнь, которая является единственным путем спасения для тех, кто утратил смысл жизни и собственное достоинство вследствие низкооплачиваемого рабства и батрачества. Социально-историческое территориальное пространство, сформировавшееся с помощью общины, только сегодня сможет осуществить свою самую масштабную революцию — восстание против современного капитализма, его национально-государственной модели, индустриального грабежа и разрушительной деятельности в порыве извлечения максимальной прибыли только в комплексе с коммунальной экономикой и экологической индустрией современной демократии демократической нации. В таком обществе равенства, свободы демократии они могут стать территориями жизнедеятельности в условиях мира, безопасности, достоинства и красоты.

в. Третий главный конструктивный элемент демократической современности — это экологическая индустрия, противостоящая индустрии капиталистической. Индустриализм может быть охарактеризован как форма безграничного использования техники капитализма для реализации своей тенденции к максимальной прибыли. Подобно тому, как тенденция к максимальной прибыли реорганизовала государство, являющееся инструментом максимальной власти, как национальное государство, техническое осмысление было организовано в форме индустриализма, воплотившее использование в целях максимальной прибыли. Истинная угроза, исходящая от индустриализма, — это превращение общества, имеющего свой живой и чувственный мир, в кладбище механических инструментов, это превращение общества в некий робот. Без ограничения индустриализма ни одно общество не сможет продолжить свое существование в виде мира здоровых чувств. После преодоления определенного порога механизация общества превращается в его упадок. Вероятно, одной из сторон капитализма, более опасной, нежели война, является тенденция к доведению индустриализма до максимальных высот. Уже сейчас мир оказался в состоянии заложника городов, оторвавшихся от естественной среды, и заложника виртуальных инструментов. Именно индустриализм делает возможным разрастание городов, подобное раковой опухоли. Города превратились в чудовище, поглощающее нашу живую планету.

Миллионные, десятиллионные города не только не имеют никакого социального смысла, и существование такого рода городов не объясняется никакими потребностями, поэтому то, что они все еще растут, подобно опухолям, нельзя объяснить ничем иным, кроме болезни.

В связи с этим следует подчеркнуть, что факты гибели людей в результате лишь дорожно-транспортных происшествий, росту которых способствует урбанизация, давно уже превзошли потери в боевых действиях. Шум, загрязнение воздуха и ухудшение физического здоровья человека давно уже вышли за границы средств, которые облегчают путь. Виртуальные, видео- и печатные средства связи, представляющие собой еще одну сферу индустриализма, превратили человечество, чьи связи с истиной были разорваны, в зависимую от виртуального мира субстанцию. Толпы людей, утративших связь с обществом на почве истины, отражают превращение общества в атомную бомбу. Деградировавшие и переставшие быть обществом толпы и военно-промышленный комплекс давно уже превзошли те масштабы, которые позволяют им проглотить человечество вместе с окружающей средой. Человек как живое существо, способное существовать только в окружающей среде, в экологическом смысле поглощался индустриализмом вместе с окружающим живым миром, включая растения и леса. В отличие от технических средств индустриализма, превратившихся для всего мира в орудия разрушения, и современного капитализма, сделавшего это возможным, подход демократической современности к индустрии носят чисто экологический характер. Индустрия, не являющаяся экологической, представляет собой такое же орудие разрушения общества, как, по меньшей мере, капитализм и национальное государство. Такие элементы современной демократии, как демократическая нация и социально ориентированная экономика, разумеется, не могут оставаться без техники и промышленного развития. Более того, эта современность и ее элементы считают необходимыми развитие науки и технологии и их использовании в промышленности. Истинный смысл индустрии с социальных позиций выявляется именно в этом. Индустрия, как единое целое, ценна настолько, насколько вносит свой вклад в развитие общества, его нравственной и политической зрелости, демокра-

тического и экономического развития. Безусловно, определение порога этого вклада является главнейшей задачей нравственного и политического руководства.

Если социум Ближнего и Среднего Востока в странах метрополий еще не переживают столь сильного разрушительного действия капиталистического индустриализма, все равно в силу особенностей, связанных с тысячелетним разрушением окружающей среды системой центральной цивилизации и предшествовавшего ему неолитического общества, они подверглись длительному распаду. Ближний и Средний Восток на протяжении пяти тысячелетий был колыбелью центральной цивилизации, и это привело к тому, что разрушение здесь происходило в огромных масштабах. Вырубка лесов идет уже давно и очень активно. Регион, который в одно время был раем для растений и животных, сейчас превращается в ад и пребывает в таком состоянии, когда больше всего испытывается потребность в экологической жизни. Индустрия, полностью стоящая на рельсах экологии, может заново вернуть прежнюю эффективность региона. Общественные проблемы обладают следующей особенностью: место и степень усугубления проблем прямо связаны и с возникновением путей их решения. Не существует проблем без решения. Условия места и времени зарождения проблем несут с собой условия их решения. Как и в целом во всем мире, так и на Ближнем и Среднем Востоке принцип экологического решения достиг такой позиции, когда несет в себе значение, по меньшей мере, столь же конструктивное, как и политические революции. Израиль и в этом плане представляет успешные примеры. Используя преимущество в науке и технологии экологической индустрии, можно сделать так, что и в пустыне окажется возможным создание райского жизненного окружения. Экологические индустрии, которые вместе с общинной экономикой будут применяться во всех странах региона, вновь сделают возможным свободное, равноправное, демократическое и способное продолжаться строительство. Экологический прогресс, вместо индустриализма, является реальной и первоочередной необходимостью. Развитые европейские страны, заменяя экологические индустрии своими неэкологическими индустриями, приводят к тому, что роль поставщика автомобилей, текстиля и туристских услуг может усугубить обще-

ственные проблемы. Капитализм и таким путем глобализирует элементы упадка человечества. Базис демократической современности должен быть экологическим. Социально ориентированная экономика, которую можно создать, не прибегая ни к индустриализму, ни к отрицанию индустрии, станет объединяющей и здоровой прогрессивной силой современной демократии и демократической национальной жизни.

Курдистан, являясь той страной, где менее всего получили развитие капитализм, национальное государство и индустриализм, должен оценить эту ситуацию как наилучшую для экологического и коммунального экономического строительства. Свои отсталые позиции такого плана он может превратить в собственное преимущество. Курдистан может собрать все человеческие толпы, безработных, обучив их в условиях экологической и коммунальной экономики, заново построить райскую страну прошлого в качестве демократической нации на пути демократической цивилизации. Для этого достаточно достоинства и любви к жизни в свободной стране и демократическом обществе!

Ё. РЕВОЛЮЦИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Капиталистическая современность, как и во всем мире, совершила свою экспансию на Ближний и Средний Восток, вооружившись, преимущественно гегемонистским мышлением. Гегемония мировоззрения, называемого ориентализмом, опирается на предыдущие столетия, уходя, возможно, к началу греко-римской культуры и военным походам. Крестовые войны Средневековья преимущественно были войнами мышлений. Но настоящая идеологическая война началась с возвышением современного капитализма. Не следует забывать о том, что основным фактором прогресса Западной Европы является преимущество в знании истины. В данном случае определяющую роль играет приспособление восточного опыта к своим конкретным условиям. Эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения сделали восприятие истины Западной Европой преобладающим во всем мире. Разбираясь в самом себе, Запад разобрался и в Ближнем и Среднем Востоке. Капитализм не просто сумел приобщиться ко многим позитивным явлениям на стадии их возникновения, но и установил монополию на само восприятие истины. В начале XIX века он давно уже установил свою монополию на восприятие истины и в Ближневосточный регион вступил с осознанием своего преимущества в этой области. Сначала миссионеры заново изучили регион. Позднее восприятие региона путешественниками и научными исследователями превратилось в течение, названное ориентализмом. Ориентализм — это гегемония идеологии западноевропейской цивилизации. С XIX века постепенно стала утрачиваться независимость восточного мировоззрения. Господствующим становился ориентализм. Интеллигенция и элитарные круги Востока тоже перешли под господство ориентализма. Все версии теории либерализма, в первую очередь национализм, буквально накрыли собой восточное мышление. Даже новое исламское и другие религиозные течения стали развиваться по шаблонам ориентализма.

Национально-государственнические движения, получившие развитие с начала XX века, в сущности, являются институтами, находящимися на службе у ориентализма. Основатели национально-государства отнюдь не обладали мировоззрением, допускающим независимость, да и не могли обладать, как бы они ни утверждали это. Все формы идеологии двадцатого столетия, включая левые течения, на Ближнем и Среднем Востоке несли на себе ярлык ориентализма. Как бы ни пытались назвать универсальными научными истинами все те идеологические формы, которые хотят адаптировать к условиям региона во имя социологии, по своей сущности являются ориенталистскими. Ориентализм черпает силы в том, что по сравнению со старыми мировоззренческими стереотипами он, безусловно, гораздо ближе к истине. Доля истины у критиков ориентализма была гораздо меньше в сравнении с самими ориенталистами, поэтому они не могли добиться успехов. То же самое можно сказать и о властной элите, причастной к ориентализму. Ориенталистские властные элиты, например, младотурки, общество «Единение и прогресс», выросли в недрах ориентализма, который превосходил прежние формы. Такая ситуация была основной причиной их успеха в борьбе за власть как в период Конституции, так и в период Республики. Следует ясно понимать, что источник силы, стоящий за спиной турецкого национализма, — это западный ориентализм. Причиной того, что вектор преклонения, кибла властной элиты, давно уже переместилась из Мекки в сторону Парижа, является усиление и успех, которым способствовало ориенталистское мышление. Созидание национального государства довело ориенталистское мировоззрение до апогея, установив монополию на все прочие формы. Ориентализм подчинил себе не только сферу идеологии, но и сферу искусства. Разрушив традиционную мораль, он открыл путь этическим шаблонам Запада.

Со второй половины XX столетия как во всем мире, так, в частности, и на Ближнем и Среднем Востоке стали распадаться мировые идеологические монополии. Культурная революция 1968 года пробила брешь в монополии ориентализма. В этот период либеральная идеология и позитивистская научность стали утрачивать свои преимущества. Ускорившийся в 1990-е гг. распад системы реализма еще больше расшатал устои господства либерального

позитивистского мышления. В частности, значительный урон был нанесен социальным наукам. Монополия идеологии современного капитализма испытала первое серьезное потрясение. Возникли многие течения, называемые постмодернистскими. Получили развитие феминизм, экология, культурализм и новые школы левых течений. Структурный кризис капитализма, углубившийся в 70-е гг. протекал вместе с кризисом в идеологии. Это был постепенно углублявшийся кризис. Монополия старого мировоззрения распалась без надежды на восстановление. Определенная часть этого распада выпала и на долю ориентализма, являвшегося одним из вариантов либеральной идеологии. Господствующая восточная теория раздробилась. Ряд мыслителей, в первую очередь такие, как Гордон Чайлд, Самюэль Крамер и Андре Гундер Франк, выявлявшие роль Ближнего и Среднего Востока как центральной системы цивилизации, внесли значительный вклад в идеологическую революцию. Подчеркивание границ современного капитализма и развития Востока в связи с центральной системой цивилизации привели к новой эпохе Возрождения в этой сфере. Рассуждения о демократической политике и демократической современности, которые мы постарались развить в Защитной речи в виде постепенно углубляющихся расширяющихся звеньев, мысли о политике и современной демократии, сами того не зная, фактически дополнили мысли этих людей. Рассуждения о центральной системе цивилизации с момента ее зарождения и до роли в восхождении современного капитализма Западной Европе в общих чертах были верны.

Объединенное влияние всех этих факторов революционных течений против либерального и ориенталистского мышления привело к революции мировоззрения, получившей ускорение с 90-х годов. Эти революции мышления хоть и имели ограниченное влияние на Защитные речи, мышление, которое в основном развивалось независимо, имело эволюционный и революционный характер. Большое значение имеет революция мышления Ближнего Среднего Востока, освободившегося от влияния и центра, и правых и левых течений либерализма, вышедшая за рамки ориентализма. Не следует забывать о том, что без переворота в идеологии не может быть ни одной постоянно действующей социальной революции. Последний пятитомный вариант моей Защитной речи

общих чертах показывает то, что мы имеем в виду, говоря о революции мышления Ближнего и Среднего Востока. Вместо повторения следует подчеркнуть значимость практической реализации. Даже важнейшие идеологические течения, то есть те, в которых очень сильна доля истины, не могут иметь смысла вне практики. Даже если весь мир сплотится в единой идеологии, причем ошибочной или с очень слабой долей истины, теорию, основанную на истине всегда можно защитить от всех. Даже если ее будет представлять всего один-единственный человек, в итоге может быть обеспечена победа — история человечества полна таких примеров. Этому способствует сила победы, в которой обладают истины. Можно задумать, можно подвергнуть репрессиям, но никогда нельзя победить мысль, выражающую истину.

В самом начале я приступил, мы приступили к практической деятельности, вооружившись мировоззрением с ограниченной долей истины. Честно развивая свою практическую деятельность, мы увеличили долю истины в нашей теории. Когда же мы вышли в путь, уже вооружившись идеологией с возросшей долей истины, то стало неизбежным формирование более результативных практик. Основным выводом, который надо сделать, это то, что при необходимости более высокие истины и жизненные действия, к которым приводят эти истины, начинаются с одного-единственного слова. Честная преданность слову и продолжение усилий по слиянию с жизнью приведет к тому, что истина станет расти и представит себя обществу в качестве победы свободной жизни. Общества — это явления, жаждущие истины, причем едва ли не так, как иссохшая земля жаждет воды. Удовлетворив эту жажду, земля зеленеет, а социум познает свободную и демократическую жизнь.

Современный капитализм сломил господство мировоззрения, порожденного церковью в эпоху Средневековья, при помощи университетских структур, являвшихся сторонниками светского мировоззрения. При помощи монополии, установленной над университетами, современный капитализм присвоил себе все достижения науки, философии и искусства эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения. XIX век в этом плане стал столетием установления капитализмом господства над наукой, философией и искусством. В соответствии с кризисом и разложением в общей структуре си-

стемы в начале XXI века это господство, длившееся около двух столетий, пережило внутренний кризис и разрушение. Философия утратила свое прежнее значение в противостоянии с разрабатываемыми наукой технологиями, наука сама превратилась в бесчисленные исследовательские техники, а что касается искусства, то оно, утратив значение как философская школа постклассической эпохи, снижено до уровня грубого товара в состоянии индустрии толпы. В итоге они превратились в примитивные инструменты удовлетворения интересов капитализма, национального государства и индустриализма. Так они утратили свою основную функцию, которая заключалась в исследовании и выражения истины. Под кризисом науки, философии и искусства имелись в виду эти самые утраченные способности исследовать и выразить истину.

Аналогичный процесс на Ближнем и Среднем Востоке имел место в XII веке, когда догматизм исламских медресе обрел главенство над наукой, философией и искусством. Кризис в сфере науки, философии и искусства, переживаемый на Западе, обрел значение на волне падения интереса к ориентализму на Ближнем и Среднем Востоке. В таком плане это было важным шагом вперед, но несло в себе риски, поскольку альтернативное мышление не смогло осуществить свою революцию. Несмотря на то, что в регионе имели место некоторые ограниченные шаги против гегемонистского мышления, искусства и образа жизни Запада, коренного переворота не было. В этих областях, как и в любых других, продолжался кризис. Ближний и Средний Восток может превратить риски, порожденные этим кризисом, в повод для своего выступления. Для этого он может осуществить революцию в сфере философии, науки и искусства, соответствующие его собственной исторической и культурной базе, вдохновляющей и направляющей деятельности всех составляющих современной демократии, а именно демократической нации, социальной рыночной экономики и экологической индустрии. Иначе говоря, Ближний и Средний Восток может в тесном взаимодействии и очень активно, то есть в революционном духе реализовать здесь Возрождение, Реформацию и Просвещение. Нет совершенно никакой необходимости подражать в этом плане Западу. Вместе с распределением универсальных достижений основным является умение продемонстрировать свои локаль

ные и исторические творческие возможности и реализовать свою собственную революцию.

Еще один шанс курдистанской революции, осуществляемой в соответствии с теорией и концепцией современной демократии, заключается в том, что эта революция осуществляется в период кризиса, переживаемого современным капитализмом в сфере идеологии и образа жизни. Большая часть революций XIX–XX вв., в первую очередь, Французская и Октябрьская революции, оказались не в состоянии побороть тип мировоззрения и жизни современного капитализма. Несмотря на благородные усилия и мечты стать альтернативой, они не достигли успеха. Несомненно, все эти революции оставили свое ценное наследие, завоевания в сфере мышления, где и по сей день высока доля истины, а также этико-эстетические ценности жизни. Курдистанская революция может оценить собственный шанс достаточно высоко, объединив все эти ценные завоевания в области идеологии и жизнедеятельности в собственной оригинальной практике. В качестве ответа на индивидуализм и породившие этот индивидуализм элементы в виде рвения к максимальной прибыли, национального государства и индустриализма, которые в совокупности были превращены в чудовище современного капитализма, полное уловок, уничтожающее истину и одержимое жадой потребления, курдистанская революция должна стимулировать жизненную активность демократической и социалистической личности, реализующейся в результате совместного и единовременного созидания демократической нации, социально ориентированной экономики и экологической индустрии, что станет типом жизнедеятельности общества. По возможности расширяя свою революцию в сфере идеологии, этики и эстетики, посвятив ее личности, сможет пронести ее в массы народов Ближнего и Среднего Востока, что способно стать важным вкладом в историческую культуру Ближнего и Среднего Востока, которая всегда считала первостепенными целостность и универсальность. Для этого нужно воспринимать саму жизнь со всеми ее сферами как некую школу. Еще одним положительным шансом для народов и личностей, утративших буквально все, является усвоение и восприятие жизни, полной революционных ценностей, свободы, этики и эстетики, так, словно утоляют жажду. Пусть нас не коснутся изверже-

ния современного капитализма. Хорошо что не испачкались, или же испачкались очень незначительно. Но более важным является умение привести ценности современной демократии, демократической нации, общинной экономики и экологического образа жизни в соответствие с нашей социальной природой, науку, философию и искусство распределить свободно, равноправно, демократически и сделать достоянием общества.

ИТОГ

Представление личной защиты во вселенских масштабах может показаться поразительным преувеличением. В самой Защитной речи подчеркивается именно то, что локальное и глобальное не так легко отделить друг от друга. Наше испытание, начавшееся с такого печального факта, как состояние курдов, которых пытаются предать забвению и похоронить на пыльных страницах истории, выявило, что решение вытекающей из этого проблемы может быть только на глобальном уровне. Человек сам по себе является вселенским существом. То, что в человеке скрываются все тайны, связанные с Вселенной, обусловлено тем, что человек — сам по себе является вселенским существом. Это отнюдь не означает, что совершенно нет места сингулярности, локальности и сиюминутности. Более того, вселенность может существовать в паре с сингулярностью. Вселенность — это совокупность всех проявлений сингулярности. У каждой сингулярности есть свой антагонизм во вселенном и, разумеется, соответствующие следы. Черета явлений, называемая процессом формирования, — это диалектическое взаимодействие сингулярности и вселенности.

Причина нашего частого обращения к этому наиболее фундаментальному принципу философии заключается в том, что отрицание и уничтожение курдов — самое распространенное историческое и общественное явление. Монополия гнета и эксплуатации, лежащая в основе логики государственнической цивилизации, всегда существовала на протяжении истории применительно к курдам. Курды, как прямые потомки родового общества, пережившего неолитическую революцию во всем ее величии, настолько сильно пережили этот период истории человечества, что едва ли не по сей день несут на себе следы жизни, имевшей место пятнадцать тысячелетий назад. С другой стороны, курды также испытывают влияние гегемонистской силы эпохи. Что они переживают на личностном уровне?

Существовала ли возможность перестать быть общественным бытием? Как можно обрести глобальность, не будучи локальным бытием? Когда мы только сделали первые шаги в этой жизни, курдская идентичность, как цепями связывала нас по рукам и ногам. Тогда отказ от из курдской идентичности, вероятно, мог быть выходом из положения. Но какой ценой? В таком случае могло ли остаться у нас что-то человеческое? Курдская проблема не является ни национальной, ни общественной. Если говорить о курде как о совершенно потерянной личности, то мы оставались на уровне дикарей, обреченных на жизнь в маргинальном уровне. Такая жизнь — очень суровое наказание. По мере того, как защита втягивала нас в себя, как постепенно углублявшаяся и расширявшаяся яма, мы могли признавать только собственную социальную действительность. Блуждая, с одной стороны, в глубинах истории, мы, с другой стороны, пытались отстоять свою действительность перед эпохой, современностью, пытавшимися сожрать то, что у нас осталось. Настойчивое стремление быть достойной личностью ставило перед нами задачу в плане исследования истины во всех ее проявлениях. К поискам нас побудила данная задача в сочетании с известным изречением Г. Гегеля по поводу реального в целостности.

Моя биография вдохнула жизнь в мою Защитную речь, а моя Защитная речь вдохнула жизнь в мою биографию. Вынужденное проживание жизни не как все люди, а как курд, постоянно сталкивающийся с проблемами, является следствием того, что курды сами по себе представляют проблему. Неприятие позиции личности, совершенно безответственной перед обществом, которое либерализм всеми силами пытается реализовать, продиктовано необходимостью сохраниться как социум. Достаточно легко оторваться от курдского общества, лишённого способности защищаться. Впрочем, механизм массового уничтожения общества, распространенного во времени, давно уже подготовил все условия для легкого отрыва. Можно отречься от курдской идентичности, даже не пожелав удачи себе. Все эти ужасающие последствия порождаются из-за отсутствия силы защиты народа и осуждения. Тщетно ожидать от народа, способного в стиле, присущем современным и национально-государственным обществам, столь легко отказаться от своей идентичности, того, что этот народ сумеет защитить свою Родину.

экономику, свободную жизнь и идентичность. Империализм и колониализм постоянно находятся в поисках обществ и отдельных личностей, совершенно неспособных себя защитить, всеми силами стараясь этого добиться. Когда речь идет о ситуации, в которой находятся курды, то все усугубляется еще больше. Курды доведены до такого состояния, что не только не могут защитить свое собственное социальное существование, Родину и свободу, но превращены в людей, боящихся собственного происхождения, стесняющихся своей идентичности и отказывающихся от нее.

Можно дать несколько аналогичных характеристик по поводу курдского фактора и его проблематичного состояния. Причина того, что я столь часто обращаюсь к своей жизни, заключается в стремлении расширить эти характеристики. Но ведь данные характеристики не с неба упали, они созданы людьми. Кто же были эти люди, какие силы они представляли? Ответ на все эти вопросы и проблемы подтвердит целостность действительности. Меня арестовали, конечно же, эти силы. И все они были в масках. Никто из них не выглядел таким, каким является, и не был таким, каким выглядел. Осознание прикрытых реалий требует большого умения. Пойти на жизненные испытания и продолжить их для меня было, возможно, даже тяжелее, чем для первобытного человека жить в лесу, потому что современные люди, подготовленные для ликвидации этой общественной жизнедеятельности, были настолько опасными, планомерно действующими, организованными убийцами, сделавшими убийство своей профессией, что в сравнение с ними не могли идти никакие чудовища и дикари, жившие в предыдущую эпоху.

Не отождествив свою жизнь с курдской идентичностью, а курдскую идентичность со своей жизнью, я бы никогда не смог понять истинную социальность. Незаменимое мерило принципиальной жизни связано с общественной действительностью. Роль, которой наделены социальные науки в истории современного капитализма, — это восприятие легальности, даже прогрессивного движения отказа от общественной действительности. Это самый серьезный удар по социальности, наносимый от имени «науки». Когда речь идет о курдской идентичности, то разрыв отождествляют с освобождением. Сами курды превратили отход от своей идентичности в мотивировку собственного спасения. Заявление о том, что само

по себе никакой проблематичности не осталось, обеспечит спокойствие. В ответ на подобные действия те же личности становятся бесстрашными защитниками той идентичности, с которыми объединились.

Все эти причины указаны для правильного определения сингулярности курдов как явления. Не определив точно курдскую сингулярность, не сможем определить ее место во вселенском масштабе. Искать прототипы курдов как явления в глубине истории необходимо для правильного осознания их регионального происхождения. Мы проводим это исследование, потому что знаем: социальные явления могут быть осознаны только в историческом ракурсе. Пусть и схематически, но большая часть данной Защитной речи представляет результаты такого исследования. Но как бы мы ни были вынуждены искать курдов в сингулярном и региональном аспектах, мы почувствовали необходимость осознания того, что собой представляют курды в глобальном аспекте. Региональный аспект и самобытность сами по себе не дают ясной картины. Полное и достаточное раскрытие было бы возможным только в случае понимания нами ее положения в масштабе всего мира. Когда это было так, то мы попытались все признаки универсальности, повелевающие всеми местными аспектами на протяжении истории, исследовать как универсальную историю. История цивилизации и пояснения о капиталистической современности стали итогами этого изучения.

Исследование курдов лишь как факта было бы недостаточно для определения народа. Есть еще вопрос о том, как это происходит. С момента формирования курдской идентичности проблематичность самым активным образом преследует курдов, принося несчастье. Геополитические условия привели к тому, что жизненные проблемы воспринимались как судьба. На протяжении всех исторических эпох мы видели, что это именно так. Когда речь идет о капиталистической современности, проблемы превращаются в самый настоящий геноцид. И тогда начинается обсуждение вопроса о том, смогут ли курды сохранить свое существование или нет, даже будут ли существовать в будущем.

Принять курдскую идентичность со всем историческим и содержательным характером самого факта и проблем — это все равно

что нести на плечах огромную гору. РПК и примыкающие к ней организации мы превратили в необходимость, помогающую в этом. Но груз общества не так-то легко поднять. Тем более если эти тяжести находятся в тисках геноцида, то становится ясным, насколько рискованной является жизнь людей, владеющих средствами и демонстрирующих освободительные усилия. РПК и ее структуры выражают в качестве истины и региональный аспект курдов, являющийся проблемным фактом, и универсальный эквивалент этого проблемного факта. Они объявляют себя главными спикерами и действующими лицами курдской истины. Отныне, РПК и ее структуры вступают в это диалектическое путешествие уже как выражение курдского факта и истины. Когда факт-сознание (истина) становится реальным, возникает процесс, который мы называем диалектическим формированием, или само освободительное движение.

Слова и дела РПК можно охарактеризовать в аспекте презентации курдской сингулярности, идентичности и в ракурсе обретения глобального характера. Слово и дело обретают свой смысл как идея и практическое решение проблемы, существующей в курдском явлении как глубокий кризис. Капиталистическая современность, достигнув уровня гегемонистской силы, ответила на проблематичные явления, растущие в обществе, аналогичными формами слова и действия. В частности, социалистическая система, социал-демократия и национально-освободительные движения стали движениями именно упомянутого характера. Современный капитализм сумел растворить среди своих элементов все эти три движения, ратовавшие за равенство и освобождение. РПК тоже ощутила влияние данных трех производных научного социализма, хотя это происходило в ограниченной форме. Можно было бы ожидать, что она столкнется с такими же проблемами, которые пережили они. Говоря о возможностях решения в идеологическом, политическом и военном планах, можно сказать, что проблемы, с которыми РПК сталкивалась, аналогичны тем, что возникали перед этими тремя производными. РПК старалась решать такого типа проблемы, порожденные ее идеологической и политической линией, при помощи понятий и теорий, имеющих отношение к демократической современности. Вопрос заключается в том, чтобы совершить необ-

ходимые идеологические и политические шаги, дабы не повторить участь системы социализма, национальных движений и социал-демократии, которые в мировом масштабе резко сдали свои позиции и распались. Развитие альтернативы было неизбежно, чтобы не раствориться среди элементов современного капитализма.

Альтернатива современной демократии, выдвигая против трех основных элементов капиталистической современности, коими являются максимальная прибыль, национальное государство и индустриализм, свое оружие в виде демократической нации, общественной экономики и экологической индустрии, фактически совершила идеальный выход. Без обсуждения понятий современности нельзя было бы совершить радикальный отрыв от капитализма. Многие левые и правые идеологические альтернативы, считающие себя антикапиталистическими, — в первую очередь это научный социализм и анархистские течения, так и не сумели добиться успеха, потому что не смогли увидеть в капитализме гегемонистскую современность и в нем разобраться. В данной ситуации можно развить дискуссию о современности и придать новый смысл различным современным концепциям и теориям. Вариант демократической современности, который мы хотим развернуть, был одной из этих парадигм. Несомненно, возможны были поиски и других современных решений. Преимущество демократической современности в том, что она рассматривает проблемы не с авторитарных и государственных позиций. И системы цивилизации, развивающиеся в истории как вертикаль власти и государства, и капиталистическая современность, являющаяся современным представителем исторических цивилизаций, подходят к общественным проблемам в ракурсе перспектив тех же власти и государства. Но власть и государство как таковые являются источниками тех самых проблем, которые они же пытаются решать с позиций силы. Чем больше становятся власть и государство, являющиеся организацией силы, и чем больше они вмешиваются в вопросы общества, тем больше они усугубляют проблемы, доводя их до состояния неразрешимости. Бесчисленные примеры — опыт цивилизации и современности на протяжении всей истории — подтвердили, какого рода проблемы возникают вследствие именно таких усилий власти и государства. Современная демократия, подвергая критике мо-

дели урегулирования проблем, которые сами по себе находятся в перспективе власти и государства, сконцентрировалась на выборе решения, не основанного на власти и государстве. Концепция демократического урегулирования получила свое развитие как следствие этих теорий.

Но данное понятие, не имея отношения к концепции либерализма «о демократизации и правах человека», выражает совершенно обратное. Либерализм, стремящийся выхолостить понятия социализма и прав личности, буквально ухватился за понятия демократизации и прав человека. Сам либерализм, не будучи демократическим явлением, всячески облачается в одеяния демократии. Будучи идеологией той самой системы, которая попирает все права человека, либерализм пытается позиционировать себя как первейшего защитника прав человека. Демократическая современность, благодаря разработанным им понятиям и теориям, имеющим отношение к демократическому урегулированию, свободе и равенству людей, разоблачает такого рода искажения и маскировку либерализма. То же самое он делает применительно к праву наций на определение собственной судьбы. На фоне того, что национальная проблема порождена капиталистической системой, глашатаем и пропагандистом которой стал либерализм, одновременно являющийся идеологией современного капитализма, в качестве решения предлагаются и навязываются опять же авторитарные и государственнические модели. Постоянно растет накопление капитала, свойственное тенденции к получению максимальной прибыли; помимо этого, авторитарные и государственнические модели урегулирования постоянно увеличивают силу власти и количество государств, а национальные проблемы загоняют в тупик, выход из которого становится невозможным. Согласно упомянутой модели, государственные власти, бесконечно разрастаясь, могут решить любую национальную проблему и проблему меньшинств. Они считают, что решением является создание тысяч государств путем прибавления к официально существующим государствам, число которых перевалило за двести, местных органов и новых государств. Но по мере роста власти и национальных государств, являющихся своего рода накоплением структурного капитала, растут угнетение, эксплуатация и, следовательно, различного рода общественные и националь-

ные проблемы. Реалии власти и государства современной эпохи с лихвой подтверждают эти рассуждения.

Демократическая современность, являясь результатом демократического решения данной проблемы, выработала решение на базе демократической нации. Демократическая нация — это та национальная консолидация, которая обеспечивается национальным становлением самого народа, без опоры на власть и государство, и при этом реализуется необходимое для этого становление политическое. Современная демократия стремится доказать, что речь идет не только о политическом становлении, но и том, что, вообще не становясь на рельсы государства и власти, сможет достичь результатов в самообороне, создании и становлении институтов экономической, правовой, социальной, дипломатической и культурной автономий, сможет реализоваться в качестве демократической нации. В соответствии со священным правилом капиталистической современности в нашу эпоху возможна единственная форма государства, и это — национальное государство. Но, в противовес бытующему мнению, национальное государство, существующее на платформе либерализма, отнюдь не является светским. Напротив, это современная форма теократического государственного мировоззрения, покрытая национальным лаком; это, как выражался Гегель, конкретное воплощение Бога, сошедшего на землю в эпоху Великой французской революции. Данное суждение Гегеля является весьма точным. Чем больше всматриваешься в национальное государство, тем больше видишь идолов Древнего мира и Средневековья. Не осознав именно так сути национального государства, не сможем понять и решить ни одну национальную или социальную проблему. Решение в рамках демократической нации — это наиболее бескровная, мирная, независимая и справедливая модель решения национальной проблемы человеческого общества, этнических общин и различных социальных категорий, которые на протяжении последних четырех столетий буквально заливались реками крови в национально-государственнических войнах, развязываемых современным капитализмом.

Такие же рассуждения можно применить и к индустриализму, который был использован капиталистической современностью для извлечения максимальной прибыли. Роль индустриализма в извле-

чении максимальной прибыли лежит в основе всех общественных и национальных проблем нашей эпохи. Это единственная причина проблем окружающей среды. Наша планета не смогла выдержать два столетия индустриализма, призванного служить лишь извлечению максимальной прибыли и накоплению капитала. Для того чтобы продолжить накопление капитала в нынешнем его виде, требуются еще несколько планет. Что касается нашей планеты Земля, то она находится на грани гибели. Возможностью системного решения проблемы является защита общества и личности от разрушительной политики, основанной на теории максимальной прибыли и индустриализме современного капитализма с наиболее результативным использованием теории и понятий демократической современности, общественной экономики и экологической индустрии. Если правильно осуществлять критику околонучной либеральной политэкономии, которая так же, как национальное государство, обожествляет погоню за максимальной прибылью и индустриализм, выдавая их за единственную истину, станет ясно, что все они в совокупности являются механизмами разрушения общества и окружающей среды. Ошибкой научного социализма стало полное отсутствие критики индустриализма и представление государственной экономики в качестве альтернативы максимальной прибыли, а также ослабление ее в экономическом плане. Это было своего рода левым либерализмом, передачей вопроса решения общественных проблем государственной власти. В результате разрушение системы реал-социализма изнутри показало, что экономика, регулируемая государством, и индустриализм не являются инструментами решения социальных проблем.

То, что современный капитализм объявил себя гегемоном, позиционирует как единственную реальность и легализует свое существование, сыграло важную роль в нейтрализации всех оппонентов. Вместо того чтобы проводить обсуждение, имея в виду современность, ограничились только накоплением капитала. Что касается современности, то он был усвоен вкупе со многими своими элементами. Характерные для современности методы сыграли определяющую роль в исчезновении всех оппонентов. Чрезмерно современный подход системы реал-социализма стал основной причиной самоликвидации. Демократическая современность подвер-

гает критике не только политэкономии капитализма, но всю его систематику. Подвергает критике и выявляет весь комплекс вопросов, связанных с отношением капитализма как системы к истории цивилизации, изменениями, которые капитализм осуществил в отношении города, класса и государства, а также то, на основе каких элементов выстроена система современного капитализма. При помощи идеологической гегемонии, установленной в отношении науки, философии и искусства, современный капитализм осуществляет свое узаконение. Опустошая и лишая средств эти основные сферы мировоззрения, капиталистическая современность углубляет процесс разрушения общества. Наука, философия и искусство уже перестали быть сферами проявления истины. Они полностью превращены в инструменты оказания услуг капитализму, их значение ограничено узаконением системы и обеспечением максимальной прибыли, и происходит удушение в догматизме, гораздо более опасном, нежели в Средние века.

Критика сфер мышления со стороны демократической современности не ограничивается лишь разрушением догматизма в этих сферах. Так открывается путь для того, чтобы наука, философия и искусство достойно сыграли свою роль в обществе. Теория демократической современности как таковая создается и развивает свои структуры и средства воздействия только при помощи критики капиталистической современности в сфере науки, философии и искусства. Она старается урегулировать кризис современного капитализма в мире университетов и академий с помощью создания свободных университетов и академий во всех сферах общества. По мере разрушения идеологической гегемонии системы будут открыт путь перед мировоззрением демократической современности. Это, в свою очередь, приведет к реконструкции современной демократии.

Если Курдистанская революция, опирающаяся на разрабатываемые теории и концепции демократической современности, достойно продолжит свое практическое развитие, это станет не только демократическим решением курдской проблемы. Решение, выработанное революцией на региональном уровне, в то же время будет наиболее рациональным воплощением и реализацией глобального решения. Любая революция, являясь одновременно квинтэссенцией всех революций прошлого, несет в себе также

стремление расширить их границы. Революция Курдистана, имея в виду свой потенциал и противостоящие ей силы, требует расчетов, как с историей, так и с современностью. Если она сможет успешно произвести свои действия в этом направлении, то внесет наиболее значительный вклад в глобальные проблемы. На пути к глобальности, остановка Ближнего и Среднего Востока имеет стратегический характер. Если сегодня вновь будет развиваться мировая революция, то все показатели свидетельствуют о том, что она сможет реализоваться только в сочетании с культурой Ближнего и Среднего Востока. Отражение европейских революций в России, на Дальнем Востоке, в Латинской Америке и Африке никогда не могло сломать современный капитализм. Более того, во многом эти революции сыграли важную роль на службе капиталистической современности. Если взглянуть вновь на роль русской и китайской революций под руководством «коммунистических партий» в распространении капиталистической современности на весь мир, станет гораздо понятнее то, о чем мы хотим сказать. Распространение мировых революций в ракурсе капиталистической современности не смогло добиться какого-либо успеха на Ближнем и Среднем Востоке. В данном случае, несомненно, свою роль сыграла культура региона. Современной культуре оказалось не под силу полностью поглотить культуру региона. В этом вопросе имело место мощное культурное противостояние, которое олицетворяли не только культура и традиции ислама. Борьбу развернули все культуры региона, являющиеся наследниками всех исторических эпох, и это превосходило масштабы исламской культуры.

Противодействия недостаточно для того, чтобы самостоятельно разрушить гегемонию современности и развить альтернативу. Оно требует искусства в создании альтернативы. Революция Курдистана может стать лидером в необходимом созидательном деле. Положение Курдистана всячески способствует этому. В первую очередь — географическое положение. Курдистан находится в центре трех крупнейших наций региона — арабской, турецкой и иранской (персидской). Впрочем, каждая из этих наций, точнее — их национальные государства, сохраняют свою власть над одной из частей Курдистана. Кроме того, Курдистан как страна включает в себя прочие древние культуры и народы: прежде всего это армяне и ассирийцы,

но есть и туркмены, и арабы, и другие нации и культуры. На протяжении всей истории Курдистан был центром выступлений и борьбы ряда религий и конфессий. Регион сыграл роль колыбели многих революций, в первую очередь это революция в формировании человека *homo sapiens*, а также эпоха революций мезолита, неолита, античного рабовладения и средневековых восстаний. Судьба своего рода «третьей мировой войны» современности, проходящей в эпоху капиталистической современности, будет определена процессами, которые происходят в Курдистане.

Имея в виду все упомянутые факторы, видим, что в демократической современности не остается особо никаких причин, препятствующих перерастанию революции Курдистана в демократическую революцию Ближнего и Среднего Востока. Даже при наличии препятствий этот прогресс неизбежен. Решение курдской проблемы в Курдистане в рамках теории демократической нации будет иметь огромный эффект в качестве противодействия кризису национального государства на Ближнем и Среднем Востоке и той неразрешенности, которым способствовал этот кризис. Уже сегодня нет никакой иной возможности, кроме воплощения в жизнь проекта демократической нации, что помогло бы преодолеть кризис, столкновения и тупики, к которым привели национальные государства в Ираке, Иране, Сирии и Турции. Настойчивость в сохранении национального государства станет причиной еще больших проблем и конфликтов. Даже создание других национальных государств (например, курдского и палестинского) не будут способствовать выработке решения, а только добавит к существующим проблемам целый ряд новых. Более того, если путь, предлагаемый в качестве решения, это капитализм и индустриализм, то, как это видим во всех уголках мира, данная ситуация будет означать разрастание кризиса, безработицы, столкновений, упадка окружающей среды и загрязнения климата. Революция Курдистана, которая будет происходить не только в одном элементе демократической современности — демократической нации, но и в других элементах, а именно социальной экономике и экологической индустрии, возвышаясь на базе наследия прошлых революций и превзойдя их уровень, может стать здоровым началом и одним из краеугольных камней революций XXI столетия.

Источником проблем, переживаемых обществами Ближнего и Среднего Востока, более всего являются власть и государство. Любая сила, выступающая на протяжении всей истории цивилизации с целью решения проблем, в сущности, не нашла никакого иного выхода, кроме как примкнуть к еще большей силе и власти. Любая власть, от императора на троне до мужчины в доме, использует для решения проблем силу, что становится волшебной палочкой, обеспечивающей приход к власти и образование государства. Западная цивилизация создала современные формы этой традиции. Подлакировав демократии, она сочла, что сможет добиться демократизации власти и государства. К этой же фальсификации прибежал либерализм. На современном Ближнем и Среднем Востоке фундаментальные проблемы все еще стремятся решать посредством становления в качестве власти и государства. Например, в результате подобного «решения» проблемы сегодня в Ираке вместо одного национального государства уже целых три или больше, в Палестине уже сейчас три национальных государства, в Афганистане вообще пытаются решать проблемы при помощи создания мелких государств, число которых приравнивается к количеству племен. Впрочем, прибавляя к элитам власти и государства, уже представляющим собой достаточный груз, все новые и новые, не получают никакого иного результата, кроме эскалации гнета и эксплуатации. Это, в свою очередь, означает эскалацию социальных проблем и конфликтов. Если революция Курдистана сможет структуризировать решение вопроса демократической нации с помощью учреждения конфедеративного управления и демократической власти, такая модель может способствовать кардинальным преобразованиям в решении проблем, связанных с тысячелетними узлами власти и государственных болезнями Ближнего и Среднего Востока. Именно демократическая власть — это то, в чем так нуждаются народы и культуры Ближневосточного региона. Любое применение силы и любые шаги, базирующиеся на власти государства, но выходящие за рамки демократии, как это видим на примерах, существовавших и дошедших до наших дней, приведут к той социальной жизни, которую сложно будет продолжить под грузом усугубляющихся проблем.

На Ближнем и Среднем Востоке под жизнью имеется в виду болезненное состояние. Эгоцентрическое национальное государство

оставило на самотек все имеющиеся проблемы. Западная гегемония не смогла добиться ничего в плане структуризации в регионе, но, по меньшей мере, сумела привязать регион к собственной системе посредством минималистских национальных государств. Наступил этап банкротства этого управления. Институты, которые создаст, построит революция Курдистана в масштабах демократической нации, могут повернуть вспять эту традицию. На почве исторической общности культур она может дать импульс развитию **Демократического национального союза**. Нельзя приуменьшать значение демократических факторов культур Ближнего и Среднего Востока. Если родоплеменные традиции, сохранившие влияние и по сей день, а также традиции религиозных и конфессиональных общин объединятся с принципами и институтами в плане консолидации демократической нации, это может стать силой демократизации. Не следует забывать о том, что насколько действительной может быть деспотическая власть, настолько же актуальной и действительной может быть необходимость в демократии. Везде, где сильна власть, велика и потенциальная сила демократии. Стало совершенно очевидным то, что Ближневосточным регионом нельзя управлять на основе существующего понимания нации и власти. В плане урегулирования национальных и региональных проблем сводный **Демократический национальный союз** уже сегодня требует своего создания, причем явно на длительный срок. Если важно то, что в борьбе с постоянно растущими проблемами ни одно государство не сможет справиться самостоятельно, то отказ от союза означает проявление беспринципности и деструктивную позицию. Становление Курдистана как национального государства курдов не может считаться революционным шагом. Это всего лишь добавит к сложным региональным проблемам еще одну, гораздо более тяжкую проблему. Если курдское национальное государство, созданное в Ираке, будет окружено процессами демократического национального становления и превращено в согласительный резерв в рамках процесса, оно может сыграть положительную роль в масштабе Курдистана и всего Ближневосточного региона. В противном случае вполне вероятно еще большая, нежели израильско-палестинская, проблематичность.

Решение, предложенное в проекте демократической нации, требует не отрицания национальных государств, а их подчинения

демократическому конституционному решению. Модель «государство-демократия», симбиоз, характерный для Западной Европы, не является единственной конструктивной моделью решения проблемы. Наоборот, это модель, загруженная многими проблемами, модель, постоянно откладывающая решение. Модель, которую надо проверить на Ближнем и Среднем Востоке, — это демократическое конституционное решение, берущее за основу существование и самобытность демократического государства и демократической нации. Все модели единства, которые возникнут в противном случае, не пойдут дальше модели **Исламской Конференции и Лиги Арабских Наций** (сюда же можно добавить **Совет тюркских государств**). **Демократический Национальный Союз**, который создадут нации, преданные демократической конституционной системе (понятие нации в данном случае означает «верхняя нация», или «нация наций», образовавшаяся в результате взаимовлияния национального государства и демократической нации), что, несомненно, станет огромным шагом вперед. Это будет означать не только стабильный мир, но и экономическую рентабельность, и культурное Возрождение, достигнутое на базе социально ориентированной экономики и экологической индустрии миллионами людей, полностью избавленных от безработицы. Никто не будет считать роком существующую в нашу эпоху знаний и технологий безработицу, нерентабельную экономику и культуру, совершенно не вселяющую в людей никаких надежд. Те, кто видит это так, пребывают во тьме идеологической слепоты или переживают натиск идеологической гегемонии системы. Только под эгидой **Демократического национального союза** Ближний и Средний Восток сможет заново овладеть и сполна реализовать столь долго длившуюся в истории свою мировую роль. Как я всегда говорил, курды должны сыграть ту роль, которая была отведена им на заре цивилизации, но уже в иную эпоху, на почве демократической цивилизации. Потенциал революции Курдистана и решение в рамках модели курдской демократической нации с лихвой представляют любую необходимую для этого интеллектуальную и физическую силу. Революция в Курдистане более чем когда-либо ранее является революцией Ближнего и Среднего Востока. Консолидация курдской демократической нации — это **Демократический национальный союз Ближнего и Среднего Востока**.

В таком случае путь революции Курдистана, ведущий к мировым масштабам, должен пройти через **Демократический национальный союз Ближнего и Среднего Востока**. Множество региональных союзов, основанных на национально-государственных структурах современного капитализма (союзы национальных государств в Европе, Азии, Америке и Африке) и ООН со дня своего создания не нашли решения ни одной мировой и региональной проблемы, потому что нерешенность, структурно переживаемая национальным государством, его умение развивать проблемы и откладывать их, очень даже характерны для такого рода региональных объединений и структурных единиц ООН. Срочной необходимостью является формирование вместо этих неудачных примеров совершенно новых союзов, которые превзойдут уровень единиц национального государства. Подобно тому, как существует потребность в региональных демократических национальных союзах, так и вместо существующей ООН следовало бы обязательно создать **Всемирный союз демократических наций (ВСДН)**, состоящий из демократических национальных объединений, превосходящих уровень и значимость национальных государств. И в региональном, и в мировом масштабе, но **Демократический национальный союз** должен стать тем самым **Союзом**, членами которого будут не только государственные единицы, но организации гражданского общества. Мир во всем мире невозможно поддерживать усилиями национальных государств, являющихся источниками войн. В то же время невозможно добиться прогресса при помощи институтов современности, являющейся источником кризисов. Существующие примеры достаточно убедительно подтверждают эту реальность. Как мир во всем мире обеспечивается бытием демократических наций, так и право народов мира на труд и удовлетворение основных потребностей устанавливает не финансовые монополии капитализма, яростно стремящиеся к прибыли, а социально ориентированная и учитывающая требования экологии экономика, экологическая промышленность и их союзы, в которых работают и считают такой труд свободой все.

Мы не только переживаем структурный экономический, социальный и политический кризис капиталистической современности. Вместе с этим мы являемся свидетелями глубочайшего кризиса. Развитие человечества всегда сопровождалось развитием в ег

восприятию истины. Капитализм, превращающий в виртуальность восприятие истины, открыл неверный, самый страшный и уродливый путь в истории человечества. На ложном жизненном пути ПРАВИЛЬНОЙ жизни быть не может. На ложном и уродливом пути не может быть ХОРОШЕЙ и КРАСИВОЙ жизни. Гораздо большее бедствие для жизни, нежели кризисы и войны, — это рабская привязанность к шаблонам виртуальной жизни, способствующая полному отходу от восприятия истины, это жизнь на давно уже начерченном пути ошибок, грязи и зла. Рассуждения о современности в целом и о демократической современности, в частности, могут воскресить наше восприятие истины. Отказавшись от неприемлемых, мнимых и негативных жизненных путей, мы можем вновь направить свой взор к настоящей, правильной и красивой дороге жизни. Для этого нам надо, усилив свое восприятие истины посредством революции в мировоззрении, с помощью философии, искусства и науки, обретающих социальный характер, прожить замечательную, прекрасную и достойную жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В жизни человека нет ничего более ценного, чем постижение истины пережитого опыта. Поиск истины является наиболее ценной деятельностью человека. Если надо выделить краткую суть, то это существование, делающее возможным истину.

В начале своего жизненного приключения я был совершенно неопытен. Ведь очень тяжело родить и вырастить ребенка в деградирующей и с трудом сохраняющейся семье, принадлежащей совершенно разложившемуся обществу. В основе этой проблемы лежит утрата собственной истины, и нет больше ничего, что можно передать ребенку. Остается мир пустого мышления, доведенный до состояния уязвимости перед безграничным обманом повелителей. Эти типы мышления, лишенные силы, способной защитить от обмана, стали просто бедой. В колониальных обществах, или в обществах, которые хуже, чем колониальные, неизбежной становится вера в обман, как под давлением силы, так под влиянием убеждения. У мира повелителей есть предельно развитый опыт в этом плане. Они хорошо знают, где будут остановлены, насколько весомой окажется их ложь. Если эти пороги будут пройдены, начнется процесс, называемый революцией. Такие исключения бывают всегда.

Я был из тех, кто не знал, что такое порог, что такое остановка.

Жизненная беготня рано или поздно поставила бы меня лицом к лицу с общественными истинами. В повествовательной части моей Защитной речи в очень ограниченной форме, но зачастую раскрывается мое столкновение с социальными истинами. Я постарался изложить и то, как я искал истину при помощи идеологических и научных усилий. Против кого я направлял все эти заявления? Я выступаю против тех, кто отрицает мою человеческую и общественную идентичность, кто ведет политику уничтожения, кто подвергает меня тяжкому наказанию, создавая видимость преступности моих действий. Кроме того, я выступаю против тех, кто несет от-

ветственность за применение судебной системы в отношении граждан, я выступаю против США, ЕС, Турецкой Республики и всех, кто с ними согласен.

В своей борьбе, проводимой в тюрьме под открытым небом, выступая с поразительными словами и действиями, я не находил особых возможностей для восприятия истины. Условия закрытой тюрьмы являются крайне поучительными для тех, у кого есть большие проблемы. Именно поэтому закрытые тюрьмы являются не столько сферой борьбы и словом, и делом, сколько местами мощной и успешной борьбы и восприятия истины теми, кто видит значительные проблемы, но не сгибается под их тяжестью. Впрочем, для тех, чьей целью является великие дела, тюрьма, имеет смысл как сфера постижения истины путем борьбы за каждый день. Когда мгновения полны постигаемых истин, то пребывание в тюрьме становится жизненной ценностью.

Меня доставили в Имрали в результате использования силы гегемонистской системы (система современного капитализма, управляемого США и странами ЕС). Но гораздо важнее то, что это произошло не путем применения легальных сил и обращения к правовым нормам, а совершенно нелегально и незаконным путем. В результате масштабной операции, проведенной «Гладио», которая является организацией военного блока системы НАТО, действующей в нелегальной и незаконной сфере, я был схвачен и доставлен в Имрали. На первый взгляд силы безопасности Турецкой Республики, проведя успешную операцию, нейтрализовали меня и привезли на остров. Именно так создавалась картина, которую хотели распространить по всему миру. Меня привезли сюда 15 февраля. Та же дата 15 февраля, но 1925 года, стала началом заговора, организованного против шейха Саита. После театрализованного представления, которым стал суд на острове, 29 июня 1999 года был вынесен смертный приговор. В тот же день, но ранее, 29 июня 1925 года, были казнены шейх Саит и его соратники. Ясно что, крупные операции по отрицанию и уничтожению курдов непрерывно продолжаются уже семьдесят пять лет (по состоянию на 1999 год). По поводу смертного приговора ими было получено согласие Совета ЕС и США. Но совместная политика, по которой выработали единое мнение, стало стремление добиться возможности использовать

меня с помощью ЕСПЧ, и в моем лице задушить не контролируемое ими революционное движение, использовать меня для ликвидации освободительной борьбы Курдистана и РПК. Это проделывалось ими в обстановке строгой секретности. Они даже договорились по поводу попрания законных методов в угоду «борьбе против терроризма». То, что ЕСПЧ хотят использовать в качестве показательного органа, для меня могло стать серьезной возможностью защиты. Я попытался так и сделать. С этой целью я стал разрабатывать Защитные речи одну за другой. При помощи этих последних защитных речей я хотел заявить о том, что постиг большую часть истин, которые всегда искал. Я уверен, что пусть и в общих чертах, но в своих трудах смог преподнести истины, связанные с человечеством, нашим народом и руководимой нами борьбой.

Разрабатывая свою защиту, я не ожидал каких-либо правовых последствий. ЕСПЧ изначально продемонстрировал, что, скрывая факт заговора, действует в соответствии с приказами системы. Уже с первых решений Европейского суда стало понятно, что правосудие не восторжествует даже в рамках буржуазного права. Но очень важны были политические последствия моей Защитной речи. В отношении этой сферы я не просто пребывал в ожиданиях. Я постарался испытать силу своего слова и дела посредством крайне ограниченных способов, которые могли быть восприняты с большим подозрением. Так мне удалось превратить в свободу мысли и воли свой опыт двенадцатилетнего пребывания в закрытой тюрьме, проходящую как по пути истины, так и по пути практики. Именно это стало очень важным для моей борьбы и борьбы моего народа за существование и свободу. Наступивший этап нельзя считать успешным с точки зрения очень содержательных планов заговорщиков. Не исключено, что в плане курдов и курдской проблемы у них впервые за восемьдесят пять лет осуществления политики отрицания и уничтожения (процесс завуалированного культурного геноцида) возникло желание свернуть с пути. Это — колоссальный прогресс. События, развивающиеся в ходе моего пребывания в Имрали, сыграли важную роль в плане данного преобразования государственной воли.

Могу без преувеличения сказать, что заговор, организованный против меня, обладает содержанием и целями, которые во многом

превосходят роль, которую сыграло убийство сербским националистом наследника австро-венгерского престола накануне Первой мировой войны. Если назвать нашествие США и союзников на Ближний и Средний Восток заговорами «третьей мировой войной», возможно, это прозвучало бы как преувеличение. Но в силу тех процессов, которым оно способствовало, и итогов можно с уверенностью назвать этот процесс одним из самых активных и результативных этапов «третьей мировой войны». Если в этом ракурсе оценить действия, совершенные в мой адрес, то можем осознать их истинный смысл. В ответ на «роль Сербии в Первой мировой войне» можем говорить о «роли Курдистана в "третьей мировой войне"». С геополитической и геостратегической точек зрения Курдистан стал главной ареной начала, развития и завершения «третьей мировой войны». То, что Наполеон в 1798 году говорил именно о стратегическом значении Курдистана и Армении в плане запланированного им завоевания Египта, говорит о том, что эта действительность была осознана уже давно. Одним из первых шагов английской монархии, пожелавшей завоевать регион после Наполеона, стали действия в отношении Сулеймание в Южном Курдистане в начале 1800 года, и это известный факт. Как следствие этого первое курдское восстание современной эпохи началось в Сулеймание, возглавил его Абдуррахман-паша из рода Бабан. Англичане лучше всех знали о стратегическом значении Курдистана, имея в виду аннексию Ближнего и Среднего Востока и сохранения различного рода влияния. В своей политике в отношении Османской империи или иранской монархии, армян или ассирийцев, англичане безжалостно использовали роль курдов полностью в силу стратегического характера. Все силы, используемые ими в собственных целях, понесли потери. Но больше и трагичнее всех были утраты курдов.

Во главе всех нашествий на Ближний и Средний Восток после Первой мировой войны стояла Великобритания. С позиций завоеваний и активности Курдистан и курды опять-таки сохранили свое стратегическое положение. Курдистанская и курдская политика Великобритании в 20-е годы формировалась и проводилась с целью усиления контроля над югом Ирана, подчинения себе марионеточного арабского правительства в Ираке, но важнее всего было удержание Турецкой Республики, созданной Мустафой Кемалем,

который постоянно противостоял англичанам, в минималистских линиях (это линия удержания в состоянии внутренней замкнутости, отсутствие стремления к расширению на Ближний и Средний Восток, удержания в дали от тех сфер и линий, которыми раньше повелевала Османская империя, и Южного Курдистана). Эта политика в отношении курдов до сегодняшнего дня применялась в Турецкой Республике. Для того чтобы предотвратить традиционные акты турецкого господства над Ближним и Средним Востоком, после 20-х годов англичане профессионально воплотили в жизнь проект минималистской республики. Первым камнем, заложенным в стену гегемонии Великобритании, Израиля и США, стало образование Турецкой Республики, созданной в результате соглашения, достигнутого между турецкой бюрократической буржуазией, еврейской и английской буржуазией по поводу земель Анатолии и Месопотамии. Этот консенсус основан на равенстве действий всех трех партнеров. Не осознав этой тройственной коалиции, положенной в основание Республики, невозможно будет разобраться в дальнейшем развитии событий. Если считать следствием упомянутой тройной коалиции оставление Мосула—Киркука англичанам в 1926 году, завоевание Хатая в 1938 году, совершение переворота 27 мая 1960 года, передачу меморандума высшего военного командования 12 марта 1971 года, диктатуру военных в 1980 году, убийство Тургута Озала в 1993 году, свержение кабинета министров Бюлента Эджевита в 2002 году, приход к власти ПСР в 2002 году, то значительные события в истории Турецкой Республики будут восприниматься более правильно.

Причиной этого краткого исторического экскурса является стремление подчеркнуть, что заговор, направленный против меня, обусловлен тем, что роль, отведенная Турецкой Республике, испытала некие потрясения. Роль, функционирование, содержание и положение Турции на Ближнем и Среднем Востоке были определены, и тот кто посмеет сотрясти устои минималистской республики, запрограммированной на жесткой антиисламской, антикурдской и антикоммунистической основе, будет определен как враг, и его уничтожение не заставит себя долго ждать. Всякий, кто осмелится выйти за рамки этой программы, будет уничтожен. Именно в связи с этой программой совершены такие акции, как подавление курд-

ского восстания, ликвидация оппозиции, вступление Турецкой Республики в НАТО, перехват «Гладио» инициативы путем военных переворотов, череда казней, покушений и провокаций в отношении революционных движений. В ходе выступления 15 августа 1984 года мы вплотную столкнулись с реалиями этой программы. РПК была выбрана в качестве мишени антитеррористической кампании, начатой в 1985 году Германией, а в начале девяностых годов начальник Генштаба Турецкой Республики Доган Гюреш заявил, что «Лондон дал карт-бланш на ликвидацию РПК и курдского движения», что привело к убийству Тургута Озала вместе с его намерениями урегулировать курдо-турецкие взаимоотношения в обстановке мира и справедливости. Тотальный военный поход на курдов с целью их уничтожения после 1993 года, организация совместных операций с курдами Южного Курдистана, снятие Неджметтина Эрбакана с поста премьер-министра, организация покушения на Хусейна Кыврыкоглу, который, как ожидалось, должен был занять пост начальника Генштаба, начало нового этапа заговора, организованного против меня в 1998 году, — все это были меры, которые были направлены против РПК и против меня лично в ходе реализации этой программы под инициативным управлением «Гладио» (минималистская Республика, в которой сформировалась тройственная коалиция).

Как только я выехал в Европу, Великобритания сразу же объявила меня нежелательным лицом (персоной **non grata**), действуя в соответствии с этой же программой. Галтиери, специальный советник президента США Клинтона, заявил, что меня выдворяют по личному приказу Клинтона. То, что европейское воздушное пространство было закрыто для самолета, в котором я находился, а также отслеживание Израилем всего пути от Москвы до Кении и ряд мер, принятых по отношению ко мне в Имрали, — результат действия той же программы. Спектакль моего осуждения в Имрали, условия изоляции, запугивание смертным приговором, психологическое насилие и признание ЕСПЧ заговора законным действием постепенно все яснее и яснее демонстрировало, кто является истинным создателем и хранителем Турецкой Республики. Озвученные мной реалии недавней истории некоторым могут показаться недостаточно убедительными. Итак, чтобы пролить свет на мою Защитную речь в

ее совокупности стало бы убедительным, как я считаю, детальное многостороннее освещение ряда причин, интересов и событий, приведших к заговору.

Выход РПК на историческую арену противоречил проекту, который Великобритания разрабатывала на протяжении последних двух столетий в отношении Курдистана и курдов. Противоречие затрагивало идеологическую, политическую и стратегическую, а также многие другие сферы. В основе этого проекта лежала политика, направленная на то, чтобы посредством игр с Курдистаном и курдами создать по своему усмотрению новый тип правящих кругов турок, арабов и иранцев (персов), которых англичане давно хотели подвести под единую линию в своей стратегической политике. То, что правящие круги этих трех соседей давно уже нейтрализовали Курдистан и курдов, а также их мятежный характер, делало в высшей степени удобным их положение в рамках этого проекта и политики. Кроме того, с XIX в. шаг за шагом реализовывался проект предоставления на этом же географическом пространстве определенных территорий армянам, ассирийцам и евреям. Развитие проектов для каждой из этих трех наций очень близко затрагивало английскую монархию. Несмотря на то, что по Севрскому договору было запланировано предоставление курдам отдельной территории. Это было не искренним требованием, а своего рода платой за молчание. Так Курдистан был превращен в шахматную доску, а курды «удостоены» роли пешек. Началась безжалостная, но реальная игра без правил. Национально-освободительный союз, созданный М. Кемалем с французами и русскими на международной арене, а с курдами внутри страны, нанес серьезный удар по проекту англичан. Но Лондон не сдался. Для него не составило никакого труда изменить направление во взаимоотношениях, которые еще в 1921 году установило правительство М. Кемаля. Великобритания использовала в новом турецком республиканском проекте евреев-сабетаистов, сыгравших передовую роль в движении младотурок, а также своих сторонников евреев-сионистов. Упомянутая тройственная коалиция подчинила себе Республику. Был определен ее вид как режима, в корне отличающегося от национально-освободительного союза. Так Лондон установил свою собственную гегемонистскую политику в отношении Ближнего и

Среднего Востока на прочную опору минималистской Республики. Именно такой процесс, называемый нами контрреволюцией, происходил параллельно революции.

Вместо усилий, направленных на создание в Курдистане родины для англо-еврейского союза, сделавшего Турецкую Республику своей опорой, проект обретения родины был развернут в Палестине. Создание «Малой Армении» под опекой большевиков, геноцид армян Анатолии и постижение той же участи ассирийцев Месопотамии привели к частичным изменениям английской политики в отношении курдов и Курдистана. Вместо Мосула—Киркука, то есть сегодняшнего Иракского Курдистана, Лондон оставил на милость новой Республики весь Северный Курдистан. Для Курдистана и курдов это было стратегическим и убийственным шагом. Режим тоже не удовлетворился лишь передачей Мосула—Киркука: в ответ на это, он обещал оставаться преданным союзником в обмен на гарантированную защиту. Нет необходимости перечислять все отдельные связанные с этим факты. Важно то, что из этого союза вытекала политика мертвого Курдистана и подлежащих уничтожению курдов. Вступление Турецкой Республики в НАТО означало, что ответственность за эту политику теперь должны делить США и ее союзники. Нет необходимости подчеркивать, что этот союз видел в качестве своей мишени также движение за свободу и равенство турок, являющихся приверженцами исламской уммы, и трудящихся.

Ясно, что после стольких «анти» нетрудно охарактеризовать режим. Выходя на арену, РПК совершенно не знала об этом статусе. В целом, в виде небольшой группы в составе левых оппозиционных сил, она до 1980 года не привлекала к себе особого внимания. Только некоторые провокационные организации, связанные с ДПК, которая, предположительно, действовала под контролем «Гладио», постоянно нападали. Вероятно, ДПК, исходя из националистических соображений, считала себя ответственной за Курдистан, стремилась поставить ограничения перед другими движениями. От военного переворота 12 сентября ожидали, что в связи с развитием событий внутри страны военные просто ликвидируют всех им неподконтрольных, без каких-либо разграничений на курдов и турок, левых и правых, алевитов и суннитов. Опыт натовской «Гладио»,

развивавшийся в Турции с 1960 года, достиг своего апогея во время переворота 12 сентября 1980 года. Тогда за планом ликвидации стояли все союзнические силы. Так роль, отведенная Республике с момента ее создания, в основном продолжалась с небольшими изменениями.

Выступление 15 августа 1984 года тогда еще не бралось в расчет. Нельзя было предположить результаты моего ухода в 1979 году в горячую точку Ближнего и Среднего Востока, выступавшую против системы. Новые гегемонистские расчеты, связанные с Советским Союзом, создали благоприятную обстановку для развития освободительного движения в Курдистане. Мне несложно было оценить это. Пусть и с опозданием, и с недостатками, но на начало акции, состоявшейся 15 августа, никто, включая и меня, не мог предугадать результаты. Впрочем, это было невозможно, потому что ежедневные вмешательства в любой момент могли способствовать развитию новых процессов. Когда нашему выступлению исполнился первый год, НАТО впервые, совершенно в противовес прежним утверждениям, применила статью 5 в отношении агрессии, начатой через Германию. Но эта мера была принята не официально и в соответствии с законом, а как бы приватно, посредством «Гладио», которая не являлась легальной организацией. Гегемонистские силы, совершенно не терявшие своего влияния на политическую жизнь Турции с момента создания Республики (имели место факты и раньше этого), начиная со второй половины прошлого столетия, когда Турция стала членом НАТО, еще больше его усилили. Так, Республика, ранее игравшая роль прото-Израиля, теперь, после официального провозглашения Израиля, осталась единственной «пассией» региона. Взаимоотношения были на уровне гражданского брака, что гораздо хуже союза. Формы сотрудничества менялись, но суть оставалась неизменной. Курдская политика гегемонов после 1945 года (место англичан уже заняли США, но стратегический союз сохранился) заключалась в превращении Иракского Курдистана сначала в автономию, а затем уже построение небольшого национального государства. Курдов, проживающих в других частях Курдистана, обрекли на политику отрицания и уничтожения, проводимую их же коллаборационистами в лице иранского, арабского и турецкого национальных государств. Курдского движения Ирака

было в основном достаточно для исполнения роли, предназначённой курдам ещё в XIX в. Это движение позволяло союзникам давать знать о своих ожиданиях, причём как от Ирана и Турции, так и от Ирака и Сирии. Именно поэтому Запад всеми силами оказывал поддержку движению, стремясь удержать его на плаву. Израиль тоже, преследуя аналогичные цели, стоял за этим движением. В угоду своим интересам он порой не брезговал и предательством. Логика системы делала понятной причину периодически проводимых в отношении курдов в других частях Курдистана — шагов, смысл которых сводился в отношении к покойнику.

Курдское освободительное движение, начатое в 1984 году, стало достаточно сильным потрясением для курдской политики последних двух столетий. Начиная с восьмидесятых «Гладио» развернула антиповстанческую войну. ДПК тоже в это время использовалась, по меньшей мере, под контролем, хотя порой она использовалась как отряды специального назначения. Абсолютно закономерным было создание структуры JITEM (нелегальная организация Жандармерии по Разведке и борьбе с терроризмом) после 1985 года, когда в действие вступила «Гладио». JITEM была правой рукой «Гладио», проводившей грязную войну. Нельзя представить себе, что без «Гладио» данное формирование могло быть усилено до такой степени, что уже угрожало турецкой армии. С каждым днем все активнее ставилась на повестку дня ликвидация нового курдского освободительного движения и его авангарда — РПК. В противном случае все планы, проекты и меры гегемонистской системы по созданию национального государства, взлелеянные на протяжении последних двух столетий, оказались бы под ударом. Это могло привести к таким разрывам и лакунам, которые потом уже нельзя было бы восполнить. Когда годы один за другим показали, что ликвидация движения невозможна, прибегли к созданию буферных механизмов. Был осуществлен переход к политике «кнута и пряника», проводившейся либерализмом на протяжении всей истории. В частности, параллельно давлению, оказываемому на РПК через Европу, старались ещё больше воспитать и внедрить в систему альтернативные группы. Как добавление к заговорам, разворачивавшимся в этот период против меня, ещё большее значение уделялось психологической атаке, направленной на распад.

Большое количество заговоров было организовано отдельными лицами и группами, постепенно расширявшими диапазон своих громогласных протестов и деградирующих действий, причем как в рядах РПК, так и в тюрьмах, а также через ДПК. Оказывавшись в опасности, они сразу же бежали или к ДПК, или под крыло государства. Практически каждый год возникал масштабный внутренний заговор.

Должен серьезно подчеркнуть также следующее обстоятельство: с 1990 года Великобритания через ПСК (Патриотический союз Курдистана, возглавляемый Джалалом Талабани) давала понять, что мы можем войти под их защиту. Израиль—МОССАД стремился сделать это через ДПК. Поскольку мы придерживались принципиальной позиции, я не стал даже обращать внимания на эти косвенные предложения, которые могли стать нашим идеологическим и политическим банкротством. Если бы не был поставлен барьер перед капитулянтскими тенденциями, проявившимися, в частности, после боев в сентябре—октябре 1992 года и 2000-х гг. (речь идет о дезертирстве Османа Оджалана и Низаметтина Таша и многих других, которые считали себя командирами), то итогом могли стать тотальная ликвидация и поражение. Этот путь к отступлению система держала для нас открытым с помощью ДПК, а позднее — ПСК.

К октябрю 1998 года мы подошли — я подошел под давлением упомянутых условий. От меня ждали ухода в горы через территорию Ирака. Но мы предполагали, что власти предприняли серьезные меры на этом направлении. Кроме того, уход на горные позиции означал попытку любыми способами уничтожить нас военным путем. На это система дала необходимое согласие. Открытая угроза в адрес Сирии, с которой выступил 18 сентября 1998 года командующий турецкими сухопутными силами Атилла Атеш, дала свои результаты, когда был подключен египетский президент, коллаборационист Хосни Мубарак. Я тоже очень хотел ухода из Сирии, но я ожидал, что это произойдет в совершенно иных условиях. Кроме того, мое положение в Сирии играло важную стратегическую роль в курдском освободительном движении. Было бы неверно самому отказываться от этой роли без принуждения. Не буду повторять рассказ об исходе оттуда и итогах, поскольку они известны. Вкратце скажу, что все их ожидания после моего интернирования были таковы:

а. Вновь усилить, с точки зрения как руководства, так и движения в целом, и распространить на весь Курдистан постепенно сужающуюся сферу влияния курдского движения в Ираке.

б. Вместо РПК и возглавляемого ею освободительного движения развить и разместить альтернативные силы,

в. Создать и активизировать капитулянтские и коллаборационистские группы в рядах РПК.

Так вновь стало бы возможным восстановление баланса системы в Курдистане, нарушенного на протяжении последних тридцати лет. В этот же период в соответствии с той же логикой была выдвинута идея сделать Турцию членом ЕС. Все эти усилия, развернутые системой в масштабе всего Курдистана и в связи с деятельностью РПК, стали частями проекта «Большой Ближний Восток», разрабатываемого США в отношении Ближневосточного региона. Меры по реализации этого проекта, предпринимаемые на протяжении последних десяти лет, я ранее уже называл «самым значительным этапом третьей мировой войны». Для успешной реализации данного плана в первую очередь необходимо было уничтожить меня. Начало первым попыткам в этом направлении были дано дважды, лично Клинтоном, в ходе его двух визитов в Сирию начиная с 1992 года. Основным вопросом его тогдашних переговоров с Хафезом Асадом, продолжавшиеся более четырех часов (такого рода длительные переговоры это большая редкость), было мое положение и РПК. Имели место многочисленные аналогичные дипломатические действия. Все выдвинутые мной аргументы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что меня воспринимали как человека, который должен быть уничтожен, по меньшей мере, как Саддам Хусейн, или нейтрализован. Курдское национальное государство, созданное в Иракском Курдистане в ходе реализации проекта «Большой Ближний Восток», стало естественным итогом всех этих двухвековых процессов и гегемонистских расчетов относительно региона. Ожидания системы сводились к тому, чтобы, как это было в прошлом, при помощи упомянутого нового инструмента удерживать под контролем не только курдов, но и соседние народы, а при необходимости просто откровенно вмешиваться в их дела. Такого рода цели не могут свидетельствовать о том, что национальное государство, образованное в Иракском Курдистане, не имеет совер-

шенно никакого значения и хуже всех. Неизбежным является то, что созидание демократической нации в Курдистане, а также линия деятельности руководящей этим строительством АОК, направленная на достижение союза и консенсуса, проторит путь важным и позитивным процессам во всем Курдистане и соседних национальных государствах Ближнего и Среднего Востока. Традиционная политика отрицания и уничтожения уже сейчас перестала быть действенной.

Если кратко рассмотреть ситуацию, сложившуюся к двенадцатому году моего пребывания в Имрали, с позиций соответствующих сил, то получится следующее:

а. С точки зрения союза между США, Англией и Израилем, стоящих во главе капиталистической гегемонии, в развитии событий в треугольнике Сирия—Иран—РПК роль РПК нейтрализована. Но нельзя особо утверждать, что такое развитие событий соответствует интересам системы. Пусть и в тактических целях, но вместо РПК задействована Турция. Пусть даже в отношении антикурдских действий, но существующая солидарность Турции, Сирии и Ирана в высшей степени беспокоит гегемонистскую систему. Это даже может привести к последствиям, гораздо более опасным, нежели позиция РПК: в частности, ситуация выражает то, что с точки зрения Израиля совершенно недопустимо. Турция вступила в этот «блок солидарности», чтобы усилить имеющиеся у нее козыри. Ожидания Турции от блока США—Великобритания—Израиль заключались в контроле над иракскими курдами, предоставлении ей гарантий того, что они не станут мечтать ни о каком суверенитете в виде автономии или независимости, получении самой Турцией несколько большей доли дивидендов в Ближневосточном регионе и предотвращении ситуации, в которой оказались Иран и Ирак. С позиций политики, применяемой гегемонистской системой на протяжении последних двух столетий, эти ожидания нереалистичны. Турция или должна соответствовать требованиям системы, или же в отношении нее будут применены те же политические меры, что и в отношении Ирака и Ирана. Полное соответствие системе требует консенсуса с курдами, дистанцирования во взаимоотношениях, существующих у нее с Сирией и Ираном. В случае, если Анкара, оторвавшись от системы, станет искать или формировать новые

оси, следует предвидеть то, что операция, подобная иракской, будет однозначно проведена и против нее. В такой ситуации система всеми своими силами станет поддерживать курдское национальное государство и расширит стержень курдского национального государства в Ираке. Можно ожидать формирования в регионе блока Израиль — курдское правительство Ирака — АОК, и это вынудит регион к серьезным преобразованиям. Турция на данный момент проходит через чистилище. Она не может сделать конкретный выбор, ибо преследует классическую корыстную политику, связанную с обеими сторонами. Гегемонистская система не сможет сделать ни шагу назад на Ближнем и Среднем Востоке. Если и сделает, то неизбежными окажутся такие коренные преобразования, как ликвидация Израиля, исчезновение с карты многих более или менее крупных арабских государств, что способно потрясти в корне все мироустройство.

Говоря о «третьей мировой войне», мы имеем в виду и эти вероятные процессы, в том числе применение самого современного оружия, включая ядерное. Итог, во всяком случае, не сильно будет отличаться от того состояния, в котором оказалась Европа после Второй мировой войны, даже окажется гораздо тяжелее. Если сравнивать с процессами, происходившими на протяжении последних десяти лет, то станет ясен весь ужас вероятных событий. В случае если гегемонистская система останется в регионе, она не удовлетворится действующей ситуацией, а захочет завоевать победу, как и любая гегемонистская система. Это потребует отказа Ирана от регионального влияния на основе шиитской оси и возврата к такому удобному для системы режиму, какой был в период шахской монархии. Но признание иранским режимом данной ситуации равносильно для него смерти. Все показатели свидетельствуют о том, что усилия, связанные с установлением влияния в регионе, будут продолжаться и расти. Новая стадия «третьей мировой войны» отнюдь не выходит за рамки вероятности. Нерешительность, существующая в данный момент, не может длиться долго. Во всех трех случаях и географическое положение Курдистана, и позиция курдов с точки зрения союзничества носят стратегический характер. Эта ситуация в состоянии определить, куда именно, против кого и в чью пользу изменится баланс. Курдистан и курды могут отбросить в сторону

традиционно исторические роли шахматной доски и пешки и окажутся в положении субъекта. Политика, которая будет проводиться в таком случае, а также внутренние и внешние союзы сыграют определяющую роль. Нельзя преуменьшить роль опыта моей жизни в Империализме в том, что ситуация развивается именно в таком русле. С точки зрения системы и заговорщических сил Турции, однозначно отрицательная ситуация, но с точки зрения сил, готовых идти на компромисс, появился очень серьезный шанс.

6. Солидарность между Турцией, Ираном и Сирией, несмотря свое развитие в антикурдском ракурсе, приведет к очень важным результатам. Эта солидарность напрямую развивалась в связи с моим арестом и заточением в Империализме. Отнюдь не случайно, что Турция отходит от существующей оси. Если она останется в западной гегемонистской системе, то ее действующее положение долго не продлится. Ожидания Турции заключаются в том, что «тройственная солидарность» в ответ на определенные уступки интегрируется в систему, и в таком случае судьба Израиля будет уязвима перед различными опасностями. Невозможно, чтобы сионистское движение приняло такую ситуацию. Напротив, Израиль, являясь наиболее важным союзником и гегемонистским стержнем системы в регионе, постоянно увеличивает свое влияние. Он должен будет обязательно остановить и сузить постоянно растущее влияние Ирана, Турции и Сирии. Имеет место своего рода безымянное противоборство за региональную гегемонию между Турцией, Ираном и Сирией, с одной стороны, и Израилем, с другой стороны. Антиизраильские позиции Ирана и Сирии предельно ясны. Но присоединение Турции к такой позиции, пусть и в совершенно других целях, приведет к эскалации гегемонистского противостояния в регионе, как бы этого ни избегали. Иными словами, сильна вероятность того, что результаты могут быть совершенно противоположны ожиданиям.

Эта ситуация окажет на внутреннюю политику определенное, постепенно нарастающее влияние. Можно ожидать, что произойдет распад союза сил, открывших путь перед ПСР, и вместо этого сформируется коалиция новых сил. В этом плане привлекают внимание процессы, происходящие внутри НРП. В плане курдской проблемы, толкнувшей Турцию в столь противоречивое положение, наступил момент перепутья. Турция должна согласиться на решение

своей курдской проблемы на мирной, принципиальной демократической основе, содержание которой допускает открытость, по меньшей мере, для демократической автономии. Так что данная ситуация в иных условиях станет прямым и программным возвратом к национально-освободительному союзу. Республика, введенная в заблуждение заговорщической политикой, вновь станет режимом, открытым для демократии и демократического национального становления, или же она постепенно усилит еще большую зависимость от Ирана и Сирии, считая более преимущественной войну с курдами. Сирия и Иран со своей стороны не будут добиваться эскалации войны с курдами, направив свою традиционную политику скорее на позицию сторонников согласия, а всю тяжесть войны переложат на Турцию. Как было до сих пор, участие в войнах в Курдистане доведет Турцию до состояния, ничем не отличающегося от Афганистана и Ирака, возможно, даже гораздо хуже. Анкара уже давно завоевала то преимущество, которое возможно достичь военным путем. Отныне события могут развиваться только с помощью политического и демократического диалога — конечно, если историческая традиция заговоров и переворотов предоставит такую возможность.

в. Ответственность за мое заточение в Имрали полностью лежит на совести ЕС. Это выражается в том, что человек, первым встретившийся со мной после моего заточения в специальную тюрьму, был сотрудником ЕС. Так они достигли консенсуса с Турцией. Условиями упомянутого консенсуса были требования о введении многочисленных правовых реформ, в первую очередь — отмена смертной казни, и все это ради вступления в ЕС. Такое согласие с позиций демократии и прав человека привело к некоторым изменениям, пусть и ограниченного характера. Получив «добро» на мою передачу западной гегемонией, Турция достигла упомянутого консенсуса. Говоря о том, что это было прямо связано с моим перемещением в Имрали, я имею в виду данный консенсус, который давно уже известен. В ответ на это Евросоюз признал РПК террористической организацией и стал применять ту же тактику. Возникшую лакуну ЕС хотел заполнить альтернативой — группами, которые на протяжении длительного срока воспитывал или хотел использовать. По этому плану ЕС совместно с Турцией осуществлял многостороннюю деятельность, в частности, через территорию Швеции. Курд-

ское движение, лишившись революционного, демократического и свободолобивого характера, должно было действовать в направлении одностороннего развития демократии и прав человека. Последующие процессы уже показали, что в этом отношении проводилась определенная подготовительная работа. Были приняты во внимание историческая практика английского либерализма в этом плане и его вероятные предложения. Опять же, развитие событий показало наличие здесь сотрудничества с ПСР, сущность которого так и не выяснилось.

Турция подходила к вопросам демократизации и соблюдения прав человека в ракурсе отношений с ЕС с определенными тактическими целями. Анкара откровенно саботировала, превратив реформы, имеющие для нее абсолютное значение, в некий предмет торга. Для этого она периодически держала все силы заговоров и переворотов в виде дубинки, всегда готовой к применению. То, что ЕСПЧ не вынес справедливого решения, хотя было более чем ясно, что меня нейтрализовали при помощи заговора, было другой статьёй, или элементом того самого соглашения, в которое вступила Турецкая Республика. Великобритания и в этом вопросе занимала лидирующие позиции. Член суда ЕСПЧ, англичанин, был очень решительно настроен в том смысле, чтобы не было вынесено объективное решение; продолжая считать, что процесс соответствует нормам международного права, он буквально заставил всех согласиться с этой позицией. Стремясь еще больше привязать к себе Турцию, ЕС недопустимо использовала меня, РПК и курдское освободительное движение. Турция также использовала меня, РПК и курдское освободительное движение, чтобы достичь согласия с ЕС. Ликвидировав меня и РПК как движение, хотели продлить жизнь еще одного аналога традиционной курдской политики. Они не стали объективно применять ни одно из положений своего буржуазного права, что могло истолковываться в мою пользу. И по сей день в ЕСПЧ продолжается очень много возражений по данному вопросу. В то время, как Турция открыто попирает свое собственное право в части, касающейся меня, стоит с беспокойством ждать того, какую линию поведения продемонстрирует ЕСПЧ в такой ситуации.

Консенсус между Европой и Турцией касался и других тем. Для того чтобы действовать в вопросах, касающихся меня, РПК и кур-

дов, именно так, как она того желает, Турция пошла на уступки в проблемах, связанных с Арменией, Кипром и Грецией. Здесь Турция дала серьезные обещания и следовала традиционной османской политике. В ответ на это потребовали, чтобы заинтересованные стороны усилили свое давление на РПК и препятствовали свободной деятельности, чтобы круги, оказывавшие ограниченную поддержку РПК, перестали это делать. В этом вопросе двенадцать лет применялась политика отвлечения. Турция сочла, что под тяжестью этого я просто упаду на колени, РПК распадется, а курдское движение потонет в омуте разочарования.

г. У Анкары есть также имралинская политика, которую она осуществляет самостоятельно. Это надо назвать Национальной имралинской политикой (НИП). Турция рассматривает мою доставку в Импали как вторую победу в Сакарье. В частности, та прослойка, которая решает вопросы путем заговоров и переворотов, охарактеризовала мою ликвидацию и ликвидацию РПК как «вторую греческую войну на востоке». Позабыв о том, что курды сыграли очень четкую и определяющую роль в тысячелетней истории турок, в нас видят врагов, гораздо более опасных, нежели греки и армяне. Как бы то ни было, Анкара была готова победно завершить войну, проводимую на протяжении четверти века. Мое заточение на острове воспринималось только как национальная победа. Лишь ступив на этот остров, я сразу же заявил следователям: «Не вы меня задержали. У вас и сил не хватило бы для этого. Меня захватили и передали вам в результате заговора, который в долгосрочной перспективе обернется против вас самих». Следователи подходили ко всему хладнокровно и рационально. Но волна шовинизма, разворачиваясь на протяжении последних тридцати лет, заставила всех дистанцироваться от реальности. Я продемонстрировал очень сдержанное поведение, потому что считал, что восприняли это как повод для мира. Думаю, что по итогам многих совещаний, которые проводили между собой, они убедили себя в том, что я на грани деградации, что РПК тоже находится в аналогичном положении, что есть серьезная вероятность разложения организации и что тем самым положен конец двадцать девятому по счету восстанию. Кроме того, крайне негативная принципиальность ПНД — члена коалиционного правительства не позво-

дила обстановке развиваться в пользу мира и демократического решения — такого просто не допустили.

Этого не хотела также тройка США—Великобритания—Израиль. И ранее у них была та же позиция, препятствующая конструктивности: они с успехом продолжали навязанную Турции политику подстрекательства в стиле «заяц, беги, собака, лови». Лица ответственные за НИП, хорошо убедили себя в том, что в этот раз заяц, которого они видели в моем лице, уже не в состоянии убежать, и надеялись, что моя деградация произойдет сама по себе. Я думаю, что премьер-министру Бюленту Эджевиту не предоставили такой возможности, который не стал бы препятствовать мирному процессу, если бы это зависело от него. Не позволили, потому что существовал план аннексии Ирака. С позиции сил, которые скинули с поста Бюлента Эджевита и подготовили к власти партию ПСР, мирное и демократическое урегулирование было пустой мечтой. В частности, когда на повестке дня стоял такой вопрос, как аннексия Ирака, мое пребывание в статусе осужденного в процессе этой аннексии и даже после нее было им просто необходимо. Я думаю, что курдские силы Ирака тоже находились в состоянии аналогичного ожидания. Горшок закрылся, найдя свою крышку.

Даже в период правления ПСР процесс моего заточения в Имрале использовался крайне неэффективно. В ответ на возможность контроля курдов исламской ПСР была предоставлена, в частности, возможность пребывания части армейского командования в составе правительства. Так мое осуждение и ликвидация РПК сделались причиной существования для ПСР. Именно поэтому все было принесено в жертву сиюминутным тактическим расчетам. Не было сделано ни одного шага во имя мира и демократического урегулирования. Они злоупотребляли нашим терпением. Ликвидаторский процесс 2002—2004 гг., породив ожидания, сыграл в этом очень негативную роль. Исламская позиция ПСР была поставлена на службу турецкому национализму, но она не соответствовала никаким религиозным и нравственным принципам, не сделала того, что требовали совесть и вера. Из-за этого погибли еще тысячи молодых людей. Государство понесло большие материальные и духовные потери. Единственная положительная сторона заключалась в том, что напряженность, существовавшая внутри государства между

сторонниками заговоров и переворотов и их противниками еще со времен создания Республики, впервые, причем во время моего заочения в Имрали, обернулась на пользу противникам метода заговоров и переворотов, обретшим преимущество. Возможно, самым значительным шагом в течение восьмидесяти пяти лет было именно это. Впервые возродились надежды на то, что можно сделать шаг в сторону мира и демократии. Большую роль здесь сыграли и мое терпение, и мои Защитные речи, направленные на достижение мира и демократического урегулирования. Стало более понятным место курдов в истории Турции. Более того, несмотря на все усилия по ликвидации, стало ясно, что РПК и курдское освободительное движение стоят на здоровой платформе. Такое понимание было отнюдь не новой ситуацией, ведь еще во времена Тургутта Озала эта тема озвучивалась постоянно, но впервые она становилась политикой. У меня есть соображения, которые касаются реорганизации турко-курдских взаимоотношений и опираются на очень далекое прошлое. Я говорю не о том, когда наши народы впервые начали сосуществовать. Но реальностью является и то, что при помощи своего терпения и Защитных речей я выдвигал наиболее весомые аргументы во время нахождения в Имрали. Диалоги, которыми мы в последнее время обменивались с некоторыми уполномоченными государственными служащими, оказали положительное влияние на развитие противников заговоров и переворотов.

На данном этапе правительство ПСР, проводя политику балансирования между двумя тенденциями в государстве, стремится к усилению. До последнего времени ПСР не была искренней сторонницей мира и демократического урегулирования. В частности, эта позиция со всей откровенностью выявилась в ходе судебных процессов в отношении организации «Эргенекон» и сейчас, опираясь на политику балансирования, в частности надеясь на голоса курдов, стремится настойчиво доказать свою незаменимость. Но курды не видят разумного подхода к мирному и демократическому решению, что, вероятно, и толкнет их на аналогичные позиции. С каждым разом все яснее, что ПСР, набравшаяся достаточного опыта, не так легко откажется от дивидендов мира и демократического урегулирования, и совершенно очевидно, что когда наступит момент, она захватит инициативу в этом плане.

Республика сейчас полностью находится на перепутье в отношении курдской проблемы. Придется выбирать: или продолжать путь заговоров и переворотов, или же идти к справедливому миру и разумному демократическому урегулированию. И в обществе, и в государстве ощущается серьезное разделение мнений по поводу обоих путей. Несмотря на возросшие шансы на мир и демократическое урегулирование, в данный момент тенденция к заговорам и переворотам, все еще имеющая сильные исторические корни, не полностью отказалась от методов специальной войны и тотальной ликвидации. Все будет определено не только взаимным противостоянием сторон, но и успехом той борьбы, которую развернут курды с помощью мирной и демократической политики.

д. Мое заточение в Имрали стало национальным трауром подавляющего большинства курдского народа. Курды испытывали глубокую тревогу по поводу того, что надежды на свободу, возникшие в наше время, будут похоронены моим заключением в Имрали. Все последние курдские восстания также кончались трагически. Именно поэтому 15 февраля стало «черным днем». Если к этому добавить еще и память о 15 февраля 1925 года, гораздо лучше удастся осознать серьезность ситуации. В результате протеста против событий 15 февраля погибли очень дорогие нам товарищи. Протестные акции и, конечно, увеличивавшееся каждый год число жертв подтвердили, что в этот раз никто не позволит повторить прошлое.

Каждая из частей страны по-своему испытывает влияние этого процесса. Курды Турецкого Курдистана восприняли процесс с большой обеспокоенностью и тревогой, стараясь предугадать результат. Мое предложение о передислокации партизан на Юг не было ни достаточно хорошо понято, ни полностью выполнено. Но, привязанность продемонстрированная к моему предложению, трудности, пережитые на этом пути, и жертвы имели глубокий смысл. Кроме того, аналогичный смысл имели шаги, продемонстрированные мирной акцией двух групп, из Европы и из Кандильских гор. Не было панического отступления, оно не привело к деморализации остающегося народа. Опять же, до 2005 года ситуация была крайне сложной. Ликвидационный процесс 2002–2004 гг. нанес движению гораздо более тяжелый удар, чем внешний заговор. Народ нас не предал, предательство было в рядах РПК. Люди, которые

длительное время буквально сидели на шее дорогих нам героев, не поверив в способность нашего движения возродиться, совершили предательство, подобное которому нечасто встречалось в истории. То, что РПК и АОК в ответ на эту измену, с одной стороны, и безответственную позицию ПСР — с другой, сами провели реформы и на этом пути объявили о начале нового периода, стало очень важным шагом. Это было развитием событий, которого совершенно не ожидали ни государство, ни правительство ПСР. Данная ситуация открыла путь к диалогу с государством. Достойны упоминания также шаги, проделанные в этот период со стороны ДПН и ПДО. Демонстрации и митинги, проходившиеся в тот период, несли в себе потенциал многих процессов. То, что многие руководители муниципальных органов брали на себя ответственность за эти митинги, имело свое влияние.

Все эти события не смогли убедить правительство ПСР сделать решительный шаг в сторону мира и демократического урегулирования. Политика ликвидации продолжалась, уже беззвучно и изнутри. Власть не смогла взять на себя политическую ответственность за шаги, сделанные государством на пути к диалогу, не осуществила необходимых правовых реформ. Напротив, правительство ужесточило все законы, касающиеся курдского освободительного движения. Сказки о «демократическом прогрессе», которые озвучивались на протяжении последних двух лет, не сыграли никакой иной роли, лишь лихорадочно натягивали срывающуюся маску. Несмотря на благие намерения, мои, народа и РПК—АОК, а также на одностороннее прекращение нами огня, правительство не отошло от своей деструктивной линии, не прекратило попыток набрать силы и получить выгоду. В ответ на эту ситуацию Конгресс демократических обществ, являющийся организацией, объединяющей все союзы и структуры гражданского общества, может усилить аспект «демократической автономии».

ПСР и прочие партии национальных государств были далеки от фундаментальных особенностей модели демократического урегулирования, их совершенная неподготовленность в интеллектуальном и практическом отношениях и даже их позиции, становившиеся препятствием, оказали негативное влияние на переживаемый исторический процесс. Они должны взять на себя политическую

ответственность за диалог с государством. Эти испытания выявили, что основная ответственность за безрезультатность демократической или курдской инициативы, являющейся одной из частей процесса, ложится не на государство, а на политическую олигархию. Основной стопор устанавливают политические олигархические структуры, стремящиеся получить выгоду от государства. Эта ситуация вновь вывела на перепутье курдов и освободительное движение. Ответы, которые обязаны дать на отправленные нами послания, должны вести или к устойчивому, справедливому миру и разумной демократии, подразумевающему, как минимум, демократическую автономию, или же мы вступим в полосу оборонительных войн, которые под односторонним руководством АОК будут тесно переплетены между собой. В итоге эти оборонительные войны окажутся более интенсивными, нежели вялотекущие военные действия последних тридцати лет. Назвать этот процесс новым периодом войны было бы недостаточно. Как становится известно из отразившейся в прессе информации о подготовке РПК—АОК, речь будет идти о новом Курдистане, опирающемся на демократическую власть, об объявлении **Администрации Демократического Автономного Курдистана**.

Администрация Демократического Автономного Курдистана, которая будет развернута на базе всех аспектов демократической нации, создаст совершенно иную картину. Возникнет двоевластие, то есть власть Турецкого национального государства и курдская демократическая автономная администрация. Ясно, что начнется в высшей степени сложный процесс. Автономная власть, основанная на принципе самообороны, может при помощи тысячи односторонних решений и такого же количества создаваемых организаций способствовать возникновению последствий гораздо более тяжелых, нежели последствия палестино-израильского конфликта. Предотвратить вероятность такого развития событий может не только устойчивый и достойный мир, но и урегулирование в рамках демократической автономии, решения которой будут не приниматься в одностороннем порядке, а созреть в ходе взаимных обсуждений, на конституционной и законной основе. Ясно, что такие усилия, которые видят целостность Республики именно в демократии, не должны запаздывать. Жизнь продолжится или на основе братства,

единства, свободы и равноправного союза, воплощенного в жизнь благодаря отношениям, реформированным на почве подходов, соответствующих историческому духу и отвечающих стратегическому смыслу турко-курдских отношений, или же, если не будет использован шанс на свободный союз, наступит процесс, при котором каждая из двух властей захочет продвинуть свои односторонние решения, причем высока вероятность того, что в таком случае с каждым днем будут новые столкновения и разделения.

Курды современного Ирака были выбраны в качестве особой группы еще с начала XIX века, когда была установлена английская гегемония в Персидском заливе. Используя иракских курдов, предпринимали попытки распространения влияния в самые отдаленные районы Курдистана, среди курдов. Английские миссионеры и агенты, собрав влиятельные группы из числа высшей знати племен и конфессий, стремились использовать их в своих целях. К началу Второй мировой войны события развивались именно так. Этот период стал периодом первобытного национализма. После Второй мировой войны стремились продолжить ту же политическую линию уже посредством ДПК, но, в отличие от предыдущего периода, уже имело место возрастающее влияние США и Израиля. С 1960 года при поддержке США, Израиля и Ирана повстанческое и партизанское движение приблизилось к модели автономии. Однако международная конъюнктура и соглашение между Ираном и Ираком способствовали зачисткам в рядах иракских курдов. После 1975 года, усилив в виде двух ответвлений взаимоотношения с теми же гегемонистскими силами, иракские курды избрали определенный путь в направлении федеративного национального государства. Цели тройственной гегемонии США—Великобритания—Израиль были общими: нажать на арабский режим в Ираке, используя его в качестве козыря в игре с другими соседями.

Выход РПК на политическую арену во второй половине 80-х годов стал причиной обеспокоенности иракских курдов. В институте их власти, установленной во всем Курдистане, произошло определенное сужение. В данном случае имело влияние и нежелание признавать современные союзы, организации типа конгрессов. Между силами стало развиваться недоверие и соперничество. К традиционным стычкам между ДПК и ПСК добавились еще и стычки между

РПК и ДПК, а также РПК и ПСК. Размещением в регионе «Силы молота», начиная с 1990-х, развив взаимоотношения с действовавшими в Турции силами «Гладио»-JITEM, они пытались совместно провести ликвидацию РПК. До начала имралинского периода был осуществлен целый ряд совместных операций. Не оставила своих ликвидаторских попыток и ПСК, пытаясь одновременно выступить в качестве посредника между РПК и Турецкой Республикой. Активно участвуя в крупных военных операциях, ДПК стремилась уничтожить РПК. Имралинский период они встретили в состоянии внутреннего успокоения, а спасение от меня и от РПК сочли своего рода повторением спасения от Саддама. Но народ считал иначе. Люди знали, что без РПК организации иракских курдов и их лидеры не добились бы никаких завоеваний, имея крайне незначительные шансы на претворение в жизнь политической линии. Они тоже восприняли начало имралинского периода с глубокой тревогой. Мы знаем о том, что множество патриотов и групп испытывали тревогу и были с нами солидарны.

Аннексия Ирака с начала 2000-х не только создала историческую возможность, но и сформировала ситуацию, чреватую новыми угрозами. Формирование регионального курдского правительства являлось необходимым шагом, но демократизм его содержания было спорным. Взаимоотношения с Турецкой Республикой не носили сколько-нибудь принципиального характера в плане общекурдских интересов. Но курдские лидеры Ирака придавали преимущественное значение отрыву от крыла Турецкой Республики, бывшего сторонником заговоров и переворотов, развивая отношения с крылом, тяготевшим к миру и согласию. Статус Керкука в этом плане оказался показательным. Поскольку силой изгнать из региона РПК—АОК у них не хватит возможностей, да и не соответствовало их интересам, между силами может образоваться новая платформа.

Но в связи с тем, что Региональное курдское правительство избрывает правовые препоны, эта платформа не получает возможности активного развития. В данном случае свою роль сыграли дезертирство и измена ряда людей, ответственных за практическую деятельность РПК в данном регионе. Кроме того, превращение региона в опорную базу правоуклонистских взглядов нанесло удар

по воплощению в жизнь революционных идей. Но все же большое значение имеет работа Партии демократического урегулирования (ПДУ) среди нашего народа в регионе, имеющем развитый уровень практической реализации в масштабе Курдистана. Основными задачами этой партии являются внедрение идеологии демократической нации в противовес национально-государственному мышлению, развитие власти демократической автономии и участие в Демократическом национальном конгрессе. При помощи такого образования, как платформа Демократического национального конгресса (ДНК), взаимоотношения могут обрести определенный статус. Совет подразделений самообороны, обеспечивающий единство Исполнительного Совета, избираемого Конгрессом, и вооруженных сил, может выстроить баланс внутренних и внешних отношений в общекурдском масштабе, приведя их к единому знаменателю. Это позволит обеспечить и демократический выбор внутринационального мира и демократии среди курдов, и получить возможность установления единых дипломатических отношений с внешними силами, в первую очередь — с соседями.

Иранские курды восприняли имралинский период как глубокий национальный траур. Среди них тоже было много жертв. Люди оказали нам поддержку и проявили солидарность. Формирование Партии свободной жизни Курдистана (ПСЖК) способствовало организации их борьбы. Разочарования в жизни, порожденные такими негативными явлениями, как ДПК и иже с ними, с помощью ПСЖК вновь вернули надежду и жизнь. Эта попытка нашла массу откликов и содействие на национальном и международном уровне. ПСЖК является влиятельной силой, действующей под эгидой АОК. В отношении самообороны ПСЖК остается живым источником и надеждой народа, отдавшего этой борьбе многих своих лучших сыновей и дочерей. Демократические национальные институты, развивавшиеся в соответствии с мощнейшим культурно-историческим наследием народа в свете теорий и концепций демократической современности, стали выражением истинной революционности иранских курдов и Иранского Курдистана и представляют собой уникальный пример синтеза иранской традиции с современностью. Играя авангардную роль, они обеспечивают целостность

Ирана, являясь альтернативой в соответствии с демократической современностью. Подобно вечному огню, горящему у подножий и на вершинах Загроса, выступление ПСЖК—АОК навсегда останется в истории страны факелом, освещающим и согревающим регион и весь Иран. ПСЖК, являющаяся одной из наиболее влиятельных сил Демократического национального конгресса, сохранит свои позиции и в будущем.

Сирийские курды встретили заговор с глубокой скорбью и яростью, поскольку к заточению в Имрали привел мой отъезд из Сирии 9 октября 1998 года. Реакцией сирийских курдов на заговор стали тысячи добровольцев, многие из которых героически погибли в боях. Их преданность не только не уменьшилась, но и усилилась. Сирийские курды оказывали мне огромную материальную и моральную поддержку в течение всего моего почти двадцатилетнего там пребывания. Помимо безграничной материальной поддержки они сыграли историческую роль, направив в наши ряды тысячи своих сынов и дочерей. Число жертв среди них перевалило за тысячи. И по сей день сирийские курды продолжают поддерживать нас, ведь тысячи бойцов и политических активистов из этого региона действуют на территории всего Курдистана. Сирийские курды, возглавляемые Партией демократического союза, успешно играют роль, аналогичную ролям ПСЖК в Иране и Партии демократического урегулирования в Ираке. Тысячи жертв и сотни узников — сирийских курдов — яркий пример беззаветной преданности демократии и борьбе за свободу. Сирийские курды и Партия демократического союза — авангард участников Демократического национального конгресса и, несомненно, в будущем с успехом сыграют свою роль в истории Курдистана и объединении курдской нации.

У нас сложились разнообразные тесные и дружеские связи с народами Сирии, Ливана, Палестины, а также с государственными органами и организациями. Подобное расставание было очень тяжелым и для них: отъезд был не таким, как они бы хотели. Несмотря на взаимные ошибки, мы установили позитивные отношения, которые уже стали достоянием истории. Надеюсь, что в будущем, на основе Демократического Национального Союза Ближнего и Среднего Востока, наше единство и солидарность будут возрождены.

О ЖИЗНИ В ТЮРЬМЕ НА ОСТРОВЕ ИМРАЛИ

Во всех опубликованных Защитных речах и устных диалогах я до сегодняшнего дня не особо касался своей личной жизни. За исключением некоторых общих вопросов, касающихся физического здоровья и состояния духа, я не давал пояснений по поводу того, как я выдерживаю изоляцию, специально созданную и примененную системой по отношению ко мне. Думаю, что тема, которая вызывает наибольшее беспокойство, — это мои попытки жить, несмотря на это абсолютное одиночество и однообразие. Еще во времена моего детства один из наших сельчан, считавшийся мудрым и повидавшим жизнь, наблюдая за моим состоянием и действиями, сказал следующее, чего я помню до сих пор: «Lo li ciyê xwe gûne, ma di te da cîwa heye?» По-турецки это означает: «Да сиди ты на месте, в тебе ртуть булькает, что ли?». Как известно, ртуть — это элемент с высокой подвижностью. Я был таким же подвижным. Даже мифические боги не додумались бы до столь тяжкого для меня наказания, как быть прикованным к скалам острова Имрали. Несмотря на это, я уже двенадцать лет сижу в клетке — одиночной камере. Имрали известен в истории как остров, на котором отбывали наказание высшие лица государства. Климат острова и очень влажный, и резкий, способный физически уничтожить человека. Если сюда добавить еще изоляцию в закрытом помещении, то ясно, что разрушающее влияние ситуации на здоровье возрастает. Я был доставлен на остров, когда лишь начал приближаться к старости. Долгое время меня держали под контролем командования специальных сил. Последние два года, как полагаю, я нахожусь под контролем министерства юстиции. Нет никакой связи с внешним миром, кроме книг, газет, журнала и одного канала радио. Естественно, мир моего общения состоял из посещений родственников (один раз в не-

сколько месяцев) и еженедельных встреч с адвокатами, частенько прерывавшихся по соображениям «метеорологических условий». Несомненно, нельзя приуменьшить роль этого общения, но этого недостаточно, чтобы выстоять. Мои способности выдержать, не расслабиться определялись разумом и волей.

Еще на свободе я принял одиночество как судьбу и подготовился к этому. У меня был опыт дистанцирования от важнейших связей с близкими, которыми являются семья, родственники, даже друзья и товарищи. Отношения с женщиной очень важны, но и они доводились до уровня абстракции. Я был совершенной противоположностью Назыма Хикмета. Я ощущал внутренний запрет в отношении детей. Еще будучи в лицее, я написал сочинение, за которое учитель литературы поставил мне десять баллов, и называлось оно так: «Ты для меня — ребенок, который никогда не родится!» Я думаю, что эта работа навеяна трудными годами детства. Но всех этих опытов не хватило бы для понимания силы моего противостояния в Имрали.

Я считаю своим долгом объяснить следующее. Заговор, организованный против меня, в период заточения в Имрали, настолько жесткий, что не оставляет никакой надежды. Именно с этой целью был вынесен смертный приговор, и долгое время на повестке дня были психологические пытки. В первые дни я и сам не знал, как все это вынесу. Я не мог думать о том, как проживу один год — что уж говорить о большем. У меня всегда была тайная мысль: «Как можно миллионы человек держать в одном узком помещении!» Действительно, будучи курдским национальным лидером, увидев при входе в тюрьму, каковы здешние условия, я вдруг почувствовал себя дошедшим, или доведенным до состояния синтеза миллионов людей. Народ тоже воспринимал мое заточение именно так. Если человек совершенно не в состоянии выдержать отсутствие семьи и детей, то как я смогу столь долгое время выдерживать разлуку с миллионами, объединившимися в решимости пойти на смерть. Мне не давали прочесть даже те несколько строк, которые писали люди. Я не получал никаких писем, за исключением нескольких, написанных товарищами, и по сей день находящимися в тюрьмах, причем эти письма мне или совсем не передавались, или же передавались после тщательной проверки. Я и сам не имел права никому писать. Все эти обстоятельства могут частично пояснить положение, создавшее-

еся после моей изоляции. Но в моей ситуации были и своеобразные стороны. Я стал тем самым человеком, который способствовал многим связанным с курдами начинаниям. Все эти выступления, оставшиеся половинчатыми, составляют неотъемлемую суть свободной жизни. Я способствовал выступлению всех представителей нашего народа, во всех социальных сферах, но не смог никого из них передать в надежные руки и условия. Представьте себе ашуга. Он поет для своей первой любви, но когда наступает мгновения объятий, его руки обнимают пустоту. Все мои исходы из социальных сфер в поисках свободы также наталкивались на пустоту. Я чуть ли не растворил себя в сферах социальной свободы. Ничего от имени «Я», я практически не оставил позади. С социальной точки зрения, именно в такой момент начался процесс моего пребывания в тюрьме.

В сущности, если бы бытовые условия, государство, администрация и сама тюрьма были бы столь же комфортны, как дворцы, даже этого было бы недостаточно, чтобы выстоять в условиях изоляции. Основные факторы не стоит искать в условиях и подходах государства. Определяющим является убеждения лично меня в условиях изоляции. У меня должны были быть такие серьезные аргументы, чтобы выстоять против изоляции, чтобы подтвердить умение продемонстрировать большую жизнь даже в условиях изоляции. В рамках такого мышления в первую очередь я должен рассказать про развитие двух концепции.

Во-первых, это относится к общественному статусу курдов. Я считал так: для мечты о свободной жизни необходимо существование свободного общества, с которым я связан. Точнее, личная свобода невозможна вне свободы общества. Социология считает свободу личности полностью зависимой от степени свободы общества. Применяя эту версию к курдскому обществу, я осознал, что жизнь курдов ничем не отличается от жизни в кромешной тьме, в тюрьме, за колючей проволокой. Этот тезис не является литературным пояснением: я просто выражаю все, что действительно пережил. Во-вторых, для полного осознания этой концепции требуется непоколебимая верность нравственным принципам. В такой ситуации человек должен обязательно обрести знания, необходимые для жизни, связанной с преданностью обществу. Очень важное мнение,

порожденное современностью, — это убеждение человека в том, что он якобы может сформироваться вне связи с обществом. Данное убеждение является ошибочным. Такой жизни нет вообще, но ее заставляют принимать в качестве конструированной виртуальной реальности. Отсутствие указанного принципа является выражением деградации нравственности. В этом случае истина и нравственность тесно связаны друг с другом. Либеральный индивидуализм возможен только в обществе, в котором разрушена нравственность и разорвана связь с восприятием истины. Даже то, что упомянутая форма жизни представляется в качестве господствующей, не подтверждает ее правоты — она, как и капиталистическая система, рупором которой является либеральный индивидуализм, возможна только в результате разрушения нравственного общества и утраты чувства восприятия истины. В итоге моей сконцентрированности на курдах как явлении и существующей проблеме я дошел до упомянутого осуждения.

Надо хорошо понимать двойственность моей жизни, которая сводится к отказу от курдской идентичности, или, наоборот, ориентации на нее. В связи с применяемым культурным геноцидом условия для отказа всегда готовы и имеются в наличии. Такой отказ всегда поощряется. Именно здесь вступает в действие нравственный принцип. Насколько правильно и хорошо отказываться от своего общества ради личного освобождения? То, что я смог доучиться до последнего курса университета, по сути, было в то время гарантией моей личной свободы. Именно тогда это было началом или конкретизацией ориентации на курдскую идентичность, возвращения к нравственному принципу. В социалистическом смысле это общество могло быть не курдским, а каким-нибудь другим. Опять же, чтобы стать нравственной личностью, необходима связь с каким-либо общественным явлением. Становилось ясно, что я не смогу быть аморальной личностью. В данном случае понятие нравственности я использую в этическом смысле, то есть в соответствии с теорией нравственности. Я говорю отнюдь не о примитивной нравственности, к примеру, о том, что надо жить, будучи всю жизнь преданным какой-либо семье или аналогичному обществу, потому что преданность курдам и его проблематичному состоянию возможна только на базе нравственности, являющей-

ся этикой. Абсолютно рабское состояние курдов, имеющее место и по сей день, однозначно препятствовало моей мечте о том, что «свободная жизнь все-таки возможна». Я убедился в следующем: «У тебя нету мира, в котором ты будешь жить свободно». Здесь, я проводил много сравнений между внутренней и внешней тюрьмой. В итоге я понял, что пребывание в условиях заключения на свободе гораздо опаснее для индивидуума. Жизнь курда как личности, считающей себя свободной во внешнем мире, является ошибкой. Жизнь, проходящая под властью ошибок и лжи, — это потерянная и обреченная на предательство жизнь. Вывод из этого сводится к следующему: внешний мир позволяет существовать только при одном условии, что возможно, если двадцать четыре часа бороться за существование и свободу курдов. Для курда имеющего честь и достоинства, жизнь возможна только при условии двадцатичетырехчасовой борьбы за существование и свободу.

Рассмотрев свою жизнь на свободе в свете этого принципа, я понял, что жил нравственно. То, что ответом в данном случае должна была стать или смерть, или тюрьма, продиктовано самой природой войны. Поскольку жизнь без борьбы — колоссальная ложь или бесчестие, то смерть или заточение в тюрьму тоже продиктованы природой самой деятельности или акций. Я не могу не выстоять в тюремных условиях, ибо это противоречит моей жизненной позиции. Как нельзя избежать борьбы, любой формы сражений за жизнь и свободу, так нельзя и избежать тюрьмы, потому что это тоже является условием свободной жизни, за которую разворачивается борьба. Считается, что когда речь идет о курдах, и вокруг верят в то, что ты социалист, то, кроме борьбы за нравственную и этическую жизнь тебе делать нечего, у тебя нет никакого иного мира, никаких иных дел на свободе, если ты не подчинен капитализму, либерализму или искаженному религиозному фанатизму. Взглянув на жизнь товарищей в тюрьме сквозь призму этой концепции, я понял, что они пребывают в плену значительных ошибок. Им внушили, или они сами себе внушили веру в то, что на свободе существует свободная жизнь. Впрочем, если задуматься над этим с социологических позиций, то получается, что роль тюрем состоит в том, чтобы формировать в личности тоску по большой и мнимой свободе. Именно поэтому в современных условиях столь усердно возводили тюрьмы. Когда

люди выходили из тюрем на свободу, то могли принять условия жизни с обманом и фальшью, и в таком случае ожидать от них какой-либо революционности, нравственной и достойной жизни было неблагодарным и пустым делом. Или же, достигшие той зрелости, которая приходит к ним во время пребывания в тюрьме, они гораздо более результативно разворачивали свою социальную борьбу.

Тюрьмы являются не исправительными учреждениями, а теми местами, где люди учатся эффективно выполнять свой нравственный и организаторский долг перед обществом. Те же обстоятельства характерны и для борцов за свободу, сражающихся в горах. Быть партизаном (гериллой) свободы означает исполнять на высочайшем уровне свой нравственный и политический долг перед обществом; означает ни на минуту не забывать об этом долге в отношении сознания и нравственности; означает выполнение всего, что необходимо для свободы, в части, касающейся самообороны. Гериллой свободы становятся совсем не для того, чтобы добиться лично для себя влияния или власти. Это была бы уже не борьба за свободу, а борьба за власть. И появление таких людей в горах, и их уход не несут в себе ничего нравственного и общественного. Впрочем, такие люди легко идут на предательство, не найдя того, на что надеялись. Они не в состоянии выполнить свой долг перед обществом ни в одной сфере. Я хочу сказать следующее: для тех, чья социальная жизнь протекает в рабстве, даже тех сообществ, которые переживают распад, различий не будет нигде. Такие убеждения, как: внешне хорошо, а внутренне плохо, человек с оружием — это плохо, а безоружия — это хорошо, а также неуместные разграничения — не могут изменить истинных усилий борьбы за жизнь и свободу. Поскольку жизнь человека имеет смысл только тогда, когда это свободная жизнь, то отсутствие свободы, где бы то ни было, обрекает все вокруг на кромешную тьму тюрем.

Второе понятие — это развитие восприятия истины, вытекающее из первого. Единственным средством сохранения выдержки в тюрьме является развитие восприятия истины. Активное восприятие истины, касающейся жизни в целом, — это постижение самого сладостного мгновения жизни, точнее, познание смысла жизни. Если люди точно осознают то, для чего живут, жизнь нигде не будет для них проблемой. Жизнь, протекающая в постоянных

ошибках и лжи, утрачивает свой смысл, становится ее деградацией. Естественным итогом деградации оказывается отсутствие интереса, беспокойство, скандалы, ругань. Человеческая жизнь полна событий для тех, кто способен к широкому восприятию истины. Сама жизнь — источник большого волнения и страсти. Значение Вселенной в жизни покрыто тайной. Когда человек познает эту тайну, нет никаких проблем погружения в жизнь, пусть даже эта жизнь протекает в тюрьме. Впрочем, если тюрьма становится испытанием во имя свободы, то возрастает восприятие истины. Жизнь, растущая вместе с восприятием истины, может превратиться в счастье даже самую невыносимую боль.

Для меня тюрьма в Имрали стала той самой сферой борьбы во имя истины, которая была необходима для восприятия курдов как явления и проблемы. Если на свободе больше действуют слова и дела, то в тюрьме важен смысл. На свободе было бы очень сложно развить суждения, касающиеся политической философии, озвученные мной более глубоко и конкретно в этой Защитной речи. Даже осознание такого понятия, как «политика», требует больших усилий, то есть активного и мощного восприятия истины. Можно сказать, что именно с тюремной изоляцией связано глубокое осознание мною собственного позитивистского догматизма. В условиях изоляции я гораздо больше осознал различные современные концепции, понял, что созидание нации может иметь много разнообразных моделей, что социальные образования в целом — это искусственные образования, созданные руками человека, обладающие гибкой природой. В частности, для меня было очень важно преодолеть засилье национально-государственной модели. Это понятие для меня на протяжении долгого времени было марксистско-ленинско-сталинским принципом, представляя собой догму, которую совершенно не надо было менять. Когда же я начал концентрироваться на социальной природе, цивилизации и современности, мне очень важно было понять, что данная концепция не может иметь никакого отношения к социализму, является пережитком классовой цивилизации, узаконенным капитализмом и максимальной социальной авторитарностью. Так я без переживания отверг модель национального государства. Если действительно будет научный социализм, как о нем говорят, то в этом плане долж-

ны измениться мастера реального социализма, то есть К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин, И. Сталин, Мао Цзедун и Ф. Кастро. То, что они взяли на вооружение капиталистические понятия, было большой ошибкой и нанесло значительный ущерб борьбе за социализм.

Глубоко осознав, что капиталистический либерализм является мощной идеологической гегемонией, я стал активнее проводить анализ современности. Я понял, что демократическая современность не только возможна, но и является формулой, которая гораздо реальнее, современнее и жизнеспособнее нынешнего капитализма. Поскольку система реал-социализма не сумела выйти за пределы понятия национального государства и воспринял его как реальность современности, мы даже не задумывались о возможности какого-либо иного понятия национальности, к примеру, демократической национальности. Говоря о нации, имелось в виду то, что она обязательно должна иметь свою государственность! Если курды — это нация, то обязательно должны иметь свое государство! Хотя, углубившись в анализ общественных явлений, увидев, что сама нация на протяжении последних нескольких столетий стала наиболее пустой реальностью, сформировалась под сильным влиянием капитализма и, в частности, модель национального государства стала железной клеткой для всех обществ, я осознал, что понятие свободы и социальности гораздо важнее. Когда я понял, что борьба за национальное государство — это борьба за капитализм, моя политическая философия подверглась серьезным изменениям. Узкоклассовая и узконациональная борьба (обе, по сути, ведут в одни двери) в итоге просто усиливают мощь капитализма. Я пришел к выводу, что в каком-то смысле я сам — жертва капиталистической современности. Понимая, что социальные знания, выдвигаемые нынешней эпохой, это не наука, а современная мифология, я углубился в постижение истории и общества. В моем восприятии истины произошел переворот. Разрывая цепи капиталистической догматики, я стал воспринимать общество и историю с огромным интересом, считая, что они полны истины. В это время я думал о себе как об «охотнике за истиной». Игру «Заяц, беги, собака, лови» которую навязывали курдам, я по смыслу превратил в игру «Поймай капиталистическую современность». По мере обретения целостности восприятием истины, что обеспечивало превосходство

смысла, совершенно не сравнимое с прежними временами, причем в любой сфере, о которой бы мы ни подумали — социальной, даже физической и биологической. В условиях тюрьмы я мог совершать ежедневные перевороты в восприятии истины столько, сколько хотелось. Бессмысленно говорить о том, что черпаемую там силу борьбы нигде больше нельзя было найти.

Усиление восприятия истины продемонстрировало свое влияние и на разработке практических решений. Тюркскому государственно-мыслению постоянно приписываются какая-то сакральность и сингулярность. Говоря об управлении, постоянно вспоминаем о государстве. Это мировоззрение, будучи по происхождению шумерским, тесно связано с божественностью восприятия и постоянно переносилось в сферу арабской и иранской властных традиций. В основе монотеистических концепций тоже лежат сильные позиции власти. Во время формирования тюркской знати ей удалось реализовать, возможно, четвертую или пятую версию этой концепции. Не зная этимологического смысла, они постоянно испытывали влияние последствий. В действиях Сельджуков и Османской империи это постоянно воспринималось в каком-то черном смысле или вообще превращалось в бессмыслицу. Порой ради власти могли мгновенно лишить жизни десятки братьев и сестер, родственников. Создание Республики надело еще одно облачение, точнее, во власть были максимально внедрены привнесенные Европой понятия национального суверенитета и национального государства. Так Турецкое национальное государство было превращено в более опасного Левиафана. Всякий, кто касался его, приговаривался к смерти. Национальное государство шло в первых рядах не подвергаемых сомнению святынь — так было, в частности, для бюрократического класса. Проблема власти и государства стала самой сложной социальной проблемой в истории Турции.

По мере осознания того, какую роль сыграли в турко-курдских взаимоотношениях концепции власти и государства, над которыми больше всего концентрируюсь во все время моего пребывания в Импери, я ощутил сильную потребность опираться на более конкретные практические решения. Я захотел взглянуть глубже, проследив почти что тысячелетний путь развития авторитарно-государственных образований в турко-курдских отношениях, чтобы,

как это в целом бывает, найти его корни вплоть до хеттов. Хорошо понимая, что между анатолийской и месопотамской культурами власти и государственности существует тесная геополитическая и геостратегическая связь, я применял это в ракурсе турко-курдских отношений, но очень быстро осознал, что дифференциация между властью и государством — это не особо разумный метод. Я не мог усвоить концепции власти и государственности, поскольку они выступали против концепции демократии. Увидев, что управление, полностью оставленное на милость власти и государства, является большой потерей для общества, я лучше понял значение демократии. Но я осознал, что анархистское отрицание власти и государства на практике приводит к серьезной неразрешимости проблем, и хотя распределение полномочий с властью и государством не является моим методом, мне стало ясно, что отрицание этого метода не соответствует исторической действительности. Наш основной выбор — это демократическое управление. Но увидев, что, отрицая культуру удельных властей и государств на протяжении истории, не осознав, что разделение полномочий является социальным правом, в конечном счете могли прийти к практическим решениям в области здравого смысла; тогда я еще глубже осознал значение концепции власти и государства.

На протяжении всей истории политики и стратегии власти и государственности в Анатолии и Месопотамии происходили очень активные процессы, часто испытывались совместные модели. Во всех критических периодах турко-курдских взаимоотношений выбор тоже падал на аналогичные модели. Рассматриваемая модель в последний раз была испытана во время национально-освободительной войны. В Защитной речи я достаточно глубоко разработал эти разделы. Помимо того, что эта модель предлагалась в качестве теоретической модели, превращение в проект практического урегулирования имело огромное значение не только для турко-курдских отношений, но и для решения аналогичных проблем Ближнего и Среднего Востока, зашедших в глубокий тупик. В частности, в противовес позитивистскому догматизму, навязанному современным капитализмом, эта модель включала в себя элементы, в высшей степени соответствовавшие и историческим реалиям, а в плане практического решения — близкие к всеобщим идеалам. Мое

углубление в концепции современной демократии, демократической нации и демократической автономии относительно власти и государственности в свете исторических процессов имело большое значение. Другой исторической реальностью стало подтверждение того, что концепция центральной власти является исключением, а концепции местного управления являются правилом. Когда точно устанавливалась связь с капитализмом того, что сегодня концепция современного национального государства предлагается в качестве единственной и абсолютной модели урегулирования, и когда были внесены пояснения по поводу сущности этой связи, еще больше возросла важность понимания значения для демократии урегулирования на местном уровне.

Я пришел к аналогичным результатам и в отношении анализа связей между силой и властью. Ясно, что нашим предпочтением не может быть становление в качестве власти и нации при помощи силы. Приобретение социального преимущества при помощи силы без мотивов для вынужденной самообороны не имеет никакого отношения к социализму. Все формы применения силы, кроме самообороны, могут соответствовать интересам только монополий власти и эксплуатации. Развитие данной концепции придавало большое значение более принципиальному и осмысленному подходу к проблеме мира. Так я достиг немалого концептуального и теоретического накопления, необходимого для сведения на нет всех ярлыков типа «сепаратисты» и «террористы», навешиваемых властными кругами на курдов, и даже на всех угнетенных и эксплуатируемых, находящихся под их же гнетом. Диалоги, разворачивавшиеся у нас с компетентными представителями государства на базе этого концептуального и теоретического багажа, имели более плодотворный характер и обеспечивали творческий подход в плане разработки путей решения проблемы. Как это можно отследить в различных разделах моей Защитной речи, оказалась возможной разработка теоретических и практических решений, когда развитие общественной свободы и процесса восприятия истины во многих схожих сферах вносили свой вклад в это дело.

За исключением физических причин, способствующих возникновению проблем со здоровьем, нет никаких иных факторов, которые не позволили бы мне выстоять в условиях Империали. Мой

моральный дух, сознание и сила воли совершенно не уменьшились в сравнении с прежними годами; напротив, они сейчас очищены, объединены с эстетическим мировосприятием и обогащены в плане развития прекрасного. Развивая выражение общественных истин при помощи науки, философии и эстетики, мы видим, что возрастают возможности достойной, правильной и красивой жизни. Вместо того чтобы жить на свободе с людьми, которых современный капитализм сбил с пути истинного, я предпочитаю жить до последнего вздоха в этой клетке один.

Вопрос, который беспокоит наш народ в связи с моей жизнью в Имрали — это вопрос о том, где и как я буду жить в случае возможного освобождения из тюрьмы. Я не тот человек, который углубляется в эйфорию. Очень хорошо известно, что мой образ жизни — это то, что называется революционной реальностью. Если посмотреть не на мою жизнь после возможного выхода из тюрьмы, а на мою жизненную линию — от самого детства и до нынешнего дня, то ответить на такие вопросы удастся гораздо лучше. В этом плане важной «зацепкой» могут служить «первые мятежи», которые я поднимал против семейной власти, когда мне не было еще и десяти лет. Еще с тех пор я стал мятежником-одиночкой. В Защитной речи я постарался местами подчеркнуть свои возражения, касавшиеся жизни сельского и городского общества того времени. Интересующиеся люди могут делать соответствующие запросы и получать необходимые ответы. Должен очень кратко подчеркнуть, что для меня жизнь возможна только тогда, когда это свободная жизнь. Что такое свободная жизнь, я попытался изложить в качестве основы этого последнего пятитомного Защитного труда. Жизнь, не являющаяся этической, справедливой и политической, — это такая жизнь, которую даже не стоит проживать с точки зрения социальности. В целом цивилизация и современный капитализм, в частности, вместе с образованным ими идеологическим давлением и монополиями эксплуатации полностью дискредитировали себя причастностью ко всем формам рабства, поощрением образа жизни, полного лжи, демагогии и эгоизма, что делает возможным и заставляет признать ошибочные нормы жизни. Именно так возникают процессы, называемые социальными проблемами. Независимо от того, как называть, социалистами, поборников свободы, или коммунистами, но

любой человек, называющий себя революционером, должен выступать с возражениями и противостоять цивилизации, опирающейся на тяжелейшее угнетение и эксплуатацию со стороны классов, городов и власти, а также противостоять господствующему образу жизни в условиях нынешней современности. Иначе никак не удастся воплотить справедливый, свободный, демократический и общественный тип жизни, стало быть, и жить так не представится возможным. Люди зачастую живут недопустимой, скотской жизнью, полной лжи и ошибок. Это называется ошибочным образом жизни, базирующимся на неверной основе. Следует хорошо понять мои огромные усилия, направленные на отклонение такого способа жизни, который на протяжении всей моей жизни я считал проблемой, хотя, впрочем, она сама была проблемной. Иначе невозможно понять меня как человека и как лидера. Те, кто хочет, не поняв меня, поддерживать связь со мной как с человеком и лидером, и пользоваться этим, рискуют испытать большое разочарование. Правильное понимание и участие — это не личная, а общественная проблема.

Еще один вопрос, который в этом плане вызывает большой интерес, — это вопрос, касающийся моих отношений с женщинами. Во всех томах своего труда я периодически касался вопроса о совместной жизни с женщиной. В особенности, большое значение имеет жизнь с женщиной в условиях современности. Но это не та проблема, которую можно решить путем сватовства, поисков и обманов, это не совместная жизнь в «публичных» или «частных» домах, с детьми, или без них. Для того чтобы решить эту проблему, занимающую основное место в сердце и мозгу всех социальных проблем, необходимо взять за основу научный, философский, этический и эстетический подход. В условиях нашей эпохи и капиталистической современности супружеский союз, основанный на добровольном волеизъявлении мужчины и женщины, — это жизнь, требующая высокого чувства ответственности и уровня научного, философского, этического и эстетического подхода. Отсутствие представления о том статусе, в границы которого заключена женщина в истории цивилизации и в современной эпохе, и усилий в отношении этического и эстетического подхода приведут к ошибочному, аморальному результату и негативным последстви-

ям любую подобную попытку, независимо от формы совместного существования.

Для того чтобы не растратить жизнь впустую, необходимо, прежде всего, реализовать правильные, нравственные и эстетические (самые красивые) формы совместной жизни с женщиной. Анализ личности женщины, в отношении которой были испытаны и внедрены все формы рабства, преобразование такой женщины в товарища и спутницу в борьбе за свободу и равенство, являются основным условием становления личности справедливого нравственного и красивого мужчины. Если правильно читать строки Защитной речи, то можно лучше понять, почему я придаю такое значение такому образу жизни и считаю ее принципиальной. Пребывание в состоянии первобытного сексуального «голода», выражающегося в «овладении» женщиной (это форма отношений, приводящая к деградации даже биологических половых факторов), и навязано е цивилизационной нравственностью, тяготеющей к современности; это, по сути, умножение безнравственности и уродства. Если правильно осознать борьбу, которую я развернул против этого, и ее итоги, то совместная жизнь мужчин и женщин будет прожита более нравственно и красиво. Для этого необходимо постоянно развивать и организовывать научные, философские, этические и эстетические методы и практические меры для воспитания мужчин и женщин, которые делят степень ответственности за свою жизнь. В частности, для усиления активности, освобождения женщины и обретения ею гармоничности во всех общественных сферах необходимо внедрить данные подходы в идеологию и институты демократической нации.

Человеческая жизнь может быть прожита только в свободном обществе, равноправно (вместе со всеми различиями) и демократично, независимо от того, где это будет происходить, в тюрьме или на свободе, в утробе матери или в любом месте и времени Вселенной. Все формы, выходящие за грань такой жизни, являются извращением, стало быть, болезнью. Для того чтобы привести жизнь к правильной форме и сделать ее нормальной, развернута борьба с использованием слов и свершений, в том числе революций. С этой целью формируется этическое, эстетическое, философское и научное мышление и волеизъявление.

В таком случае, совершенно естественно, что, где бы я ни был, в какое бы время ни жил после возможного выхода из тюрьмы, с использованием до последнего всех способов слова и дела, я буду постоянно бороться за общество, членом которого я стараюсь быть, за курдов, переживающих наиболее трагическую судьбу в этом обществе, за становление нашего народа как демократической нации, являющейся решением и дорогой к его спасению, за Демократический Национальный Союз, являющийся решением и путем к спасению всех народов Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь — соседних народов, являющихся частью этого региона, а также за Союз Демократических Наций, являющийся решением и дорогой к спасению народов мира, частью которых являются и эти народы. Я буду идти, не отступая от своей растущей личностной истины, и, вооружившись необходимой этической, эстетической, философской и научной силой, завоюю эту жизнь и разделю ее со всеми.

21 декабря 2010 г.
Абдулла ОДЖАЛАН,
*узник одиночной камеры
тюрьмы закрытого типа «Ф» в Имрали*

РУКОВОДСТВУ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА. СТРАСБУРГ/ФРАНЦИЯ

Уважаемый Председатель и члены суда!

Я по настоящее время жду вашего судебного решения в связи с апелляциями, неоднократно подававшимися моими адвокатами по различным делам, которые связаны со мной и находятся в вашем производстве. Эти протесты и Защитные речи связаны, скорее, с тем, что Турецкая Республика бросает в лету истории и превращает в негатив все те изменения, которые внесены ею в законодательные нормы с целью получения статуса члена ЕС. Подобное отношение имеет место в части, касающейся тех изменений, что явно в мою пользу. Подобные действия Турецкой Республики попирают принципы международного права и собственной Конституции. Главнейшим является то, что после введения моратория на смертную казнь и внесения в закон дополнительного положения, они превратили мое наказание в «пожизненное заключение с отягчающими условиями». Но ведь после введения моратория на смертную казнь по отношению ко мне следовало применить более лояльные положения прежней статьи о пожизненном заключении. Эта статья Конституции и законов имеет отношение к исполнительному производству. Мои адвокаты представляют в ваш суд свои возражения, касающиеся применения властями положений нового закона, которые по многим вопросам, важнейшим из которых является данный вопрос, противоречат международному и национальному праву, видя во мне мишень. У меня нет другого мнения, которое я хотел бы в данном случае добавить. Я всего лишь попытался привлечь ваше внимание и подчеркнуть, что принятие всех необходимых мер является также и моим желанием и требованием.

Второй важный вопрос, которого я коснусь, это следующий: каким бы сложным ни был вопрос о новом решении, но хочу подчеркнуть, что ваше решение, связанное с заговором, не может быть объективным в ракурсе исторических, общественных и практических событий; оно противоречит сути европейского права, и я также

ставлю вас в известность, что завершил последний том пятитомной Защитной речи, написанной мной с целью внесения ясности в историю. Четыре тома, написанные до сегодняшнего дня, находятся у вас. Пятый том в виде объемной рукописи вместе с этим двухстраничным заявлением, написанным 22 декабря 2010 года, я отправляю вам нарочным, по каналу администрации тюрьмы типа «F» в Имрали. Если ваши соответствующие подразделения найдут возможность изучить мои записи, вы сможете легко увидеть, что я защищаю на платформе судебного процесса, которого жду, вы поймете, кто такие курды, которые в моем лице превращены в мишень для нападков, в результате какой исторической общественной жизнедеятельности курды дошли до современности, перед каким культурным геноцидом оказались курды в современную эпоху. Вы сможете ясно увидеть роль секретной натовской армии «Гладио» в моем захвате и аресте, причем как в ходе моего пребывания в Имрали, так и раньше, и после этого процесса. Вы сможете близко познакомиться с теми войнами, которые «Гладио» развернула против курдов на протяжении последних тридцати лет. Насколько я знаю, любые деяния, совершенные организацией «Гладио» как в странах Европы, так и в регионах, где есть ее ответвления, противоречат праву Европейского союза и, тем самым, положениям Европейской Конвенции по правам человека. В своем первом обширном решении (заседание по поводу незаконности моего задержания) ваш суд, на мой взгляд, не продемонстрировал объективности, поскольку мое задержание незаконным путем, на почве заговора, более того, усилиями нелегитимной организации, также не соответствуют положениям международного права и права Евросоюза. Я считаю невозможным признание мной легитимным решения, принятого большинством членов вашего суда под влиянием, в особенности, английского представителя суда.

Исправление этого ошибочного решения путем принятия нового или того решения, которое вы должны будете принять окончательно, лежит в сфере ваших обязанностей. Я всего лишь хотел бы обратить внимание на несправедливость. В отношении меня и моего народа имело место большое количество подобных фактов. В недавнем прошлом армян, греков и ассирийцев Анатолии и Месопотамии все еще живы пережитые ими события. Когда законы и дипломатия национальных государств Европы под предлогом поддержки этих народов

фактически обрекли их на уничтожение, не было сделано совершенно никаких шагов в плане признания ответственности за драматические события, пережитые этими народами, создавшими древнейшие, насчитывающие не одно тысячелетие культуры. Изошренные дипломатические игры Турецкого национального государства подчеркнули свое соответствие интересам европейских стран, вследствие чего эти народы оказались обреченными на забвение в анналах истории. Никаких правовых результатов они не дождались. В такой же ситуации находятся сейчас и курды. В моем лице подвергается заговору именно курдский народ, его право. Заговор нельзя считать рядовым событием, он обладает гибельным для нации характером. В частности, действия США, Великобритании и Израиля, направленные в пользу Турции, стали определяющими в результативности совершенного в отношении меня заговора. Поскольку все эти вопросы были рассмотрены в моей последней, обширной Защитной речи со всеми теоретическими и эмпирическими аргументами, я просто хотел еще раз привлечь внимание к этому вопросу.

Уважаемый Председатель и заседатели!

Я вновь подчеркиваю, что и меры по моей изоляции в имралинской тюрьме, и законы, как я уже упоминал, принятые Турцией в целях соответствия нормам европейского права, по своей сути противоречат правовым нормам. Еще раз заявляю, что Коллегия не проводит повторного судебного расследования в мою пользу, поскольку оно противоречит вашему первому решению, то есть «решению о новом судопроизводстве». Беспрецедентное решение, которое Коллегия не принимала в отношении какого-либо другого лица, гласит, что новое судопроизводство в отношении меня не является необходимым, и то, что вами это решение признано, является ужасающей несправедливостью и становится инструментом заговора. С особой важностью подчеркиваю, и свидетельствуя вам свое почтение, прошу хотя бы заметить решение, принятое по этому вопросу, новым решением в рамках реализации моего права на «новое судопроизводство».

22 декабря 2010 г.

Абдулла ОДЖАЛАН,

*узник, приговоренный к пожизненному заключению
с тягчающими условиями*

Историко-философское издание

Оджалан Абдулла

Книга 5

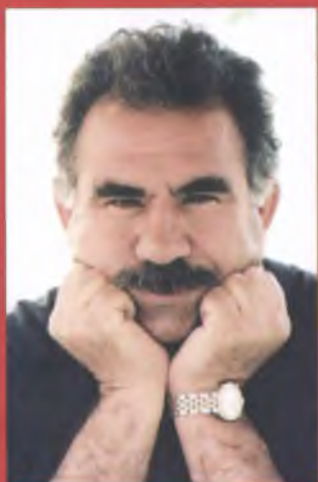
**КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА
И РЕШЕНИЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
НАЦИИ**

*Защита курдов, находящихся в тисках
культурного геноцида*

Редактор *Мамед Мустафеев*
Перевод с турецкого *Яков Балаян*
Обложка *Александр Шукин*
Макет *Виктория Челядинова*
Корректор *Александра Конькова*

Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ.
г. Москва, ул. Вильгельма Пика 4а, стр 1.
тел: +7(499) 187-12-00

Вашему вниманию предлагается пятый том пятитомного издания, освещающий (анализирующий) процессы зарождения мировой цивилизации и предлагающий свой путь развития демократического общества.

Я не жду каких-либо юридических дивидендов от своей Защитной речи. Мой труд просто раскрывает позиции тех, кто, считаясь очень цивилизованными, ведут себя по отношению ко мне так, будто бы воспитывают примитивного варвара, дикаря. Но гораздо более отвратительным является то, что они верят, будто бы в моем лице могут воспитать целый народ, курдский народ, что свидетельствует о степени их низости и жестокости. Вместе с тем, моя Защитная речь, не останавливаясь на этом, раскрывает истинные лица системы и ее владельцев, чьи действия и низость не уместаются ни в какие нравственные нормы человечности. Это проливает свет на действия тех, кто не просто двуличен, а тысячекратно, и, более того, раскрывает отсутствие личности безликих людей. Ясно, что моя Защитная речь серьезно способствовала тому, что оседлые культуры на всем географическом пространстве Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь — Анатолии и Месопотамии, выражают свою истину и ощущают стремление к политической свободе. Я верю в то, что мой труд помог человечеству, являющемуся одной из наиболее мыслящих субстанций Вселенной, пройти один из километровых знаков на своем пути, что олицетворяет свободу, демократию и социализм. Путь к настоящей человеческой жизни открыт полностью.

ISBN 978-5-9907675-0-8

9 785990 767508